А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

3

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

3

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1974

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

3

ПЬЕСЫ
(1868 — 1871)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1974

Р1
О-77

Подготовка текста
Е. И. Прохорова
Л. Н. Смирновой

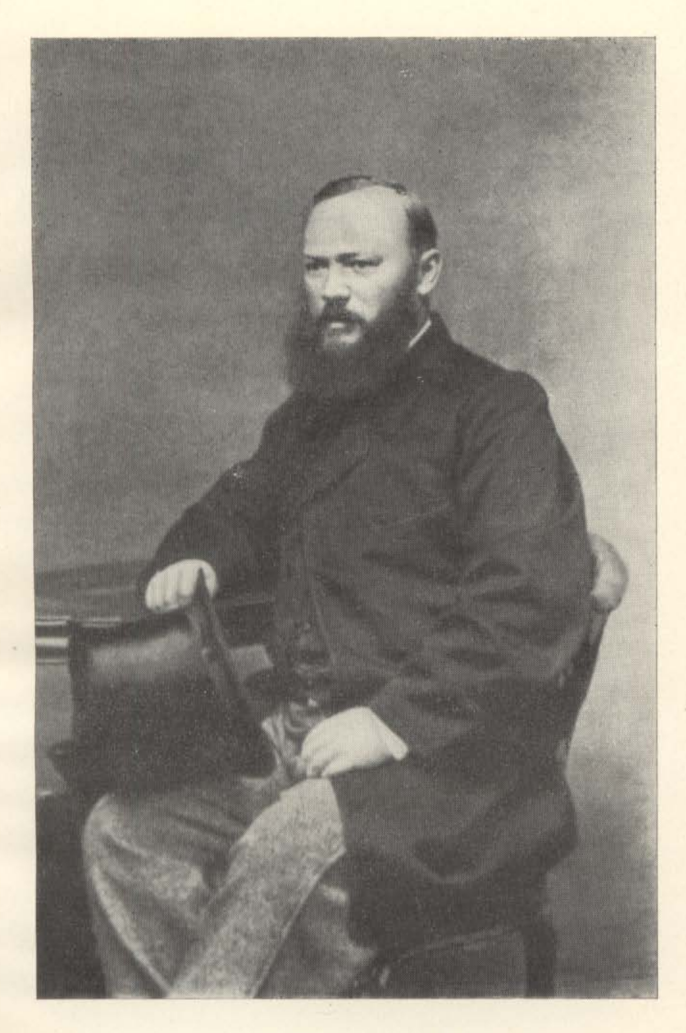
Комментарий
З. А. Блюминой
В. Я. Лакшина
Е. И. Прохорова
Л. Н. Смирновой

Редактор тома
В Я. Лакшин

Оформление
Л. И. Орловой
А. М. Юликова

В оформлении переплета использована картина Р. К. Жуковского (1814—1886)

О $\frac{70600\text{-}152}{025(01)\text{-}74}$ подписное

А. Н. Островский
60-е годы

ПЬЕСЫ

Комедия
в пяти
действиях

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ
молодой человек.

ГЛАФИРА КЛИМОВНА ГЛУМОВА
его мать.

НИЛ ФЕДОСЕИЧ МАМАЕВ
богатый барин, дальний родственник Глумова.

ЕГОР ВАСИЛЬИЧ КУРЧАЕВ
гусар.

ГОЛУТВИН
человек, не имеющий занятий.

МАНЕФА
женщина, занимающаяся гаданьем и предсказываньем.

ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, веркало; одна дверь во внутренние комнаты; на правой стороне другая — входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Глумов и Глафира Климовна за сценой.

Глумов *(за сценой)*. Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. *(Выходя из боковой двери.)* Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Глумова *(выходя из боковой двери)*. Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Глумов. Пишите, пишите!

Глумова. Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяч двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Глумов. Кого вам больше жаль, меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет. А еще хнычете: я тебя носила под сердцем.

Глумова. Да если бы польза была!

Глумов. Уж это мое дело.

Глумова. Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумов. Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив; весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь, карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты,— с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть. Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать, им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Глумова. Помоги тебе бог! *(Уходит.)*

Глумов *(садится к столу)*. Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примемся за панегирики. *(Вынимает из кармана тетрадь.)* Всю желчь, которая будет накипать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором, и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее извлечение

Входят Курчаев и Голутвин; Глумов встает и прячет тетрадь в карман.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов, Курчаев, Голутвин.

Курчаев. Bonjour!

Глумов. Очень рад; чему обязан?

Курчаев *(садясь к столу на место Глумова)*. Мы за делом. *(Указывая на Голутвина.)* Вот, рекомендую.

Глумов. Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвин. Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Глумов. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев. Малым делом. *(Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.)*

Глумов. То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного не много. В чем дело? *(Садится, Голутвин тоже.)*

Курчаев. Нет ли у вас стихов?

Глумов. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин. Нет, туда.

Глумов *(Курчаеву)*. Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаев. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

Глумов. Никаких нет.

Курчаев. Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Глумов *(Голутвину)*. Вот как. Вы писали прежде?

Голутвин. Писал.

Глумов. Что?

Голутвин. Все: романы, повести, драмы, комедии...

Глумов. Ну, и что же?

Голутвин. Ну, и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Глумов. Опять не напечатают.

Голутвин. Попытаюсь.

Глумов. Да ведь опасно.

Голутвин. Опасно? А что, прибьют?

Глумов. Пожалуй.

Голутвин. Да, говорят, что в других местах бьют; а у нас что-то не слыхать.

Глумов. Так пишите!

Голутвин. С кого мне писать-то, я никого не знаю.

Курчаев. У вас, говорят, дневник какой-то есть, где вы всех по косточке разобрали.

Голутвин. Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Глумов. Ну, да, как же не дать.

Голутвин. А уж мы бы их распечатали.

Глумов. И дневника никакого у меня нет.

Курчаев. Разговаривайте! Видели его у вас.

Голутвин. Ишь, как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Глумов. Не брат я вам, и не Исакий.

Голутвин. А какие бы мы деньги за него взяли...

Курчаев. Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счет пить, трудиться хочу». Это он называет: трудиться. Скажите пожалуйста!

Глумов. Слышу, слышу.

Голутвин. Материалов нет.

Курчаев. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Глумов *(вставая)*. Да не марайте же бумагу!

Курчаев. Ну, вот еще, что за важность.

Глумов. Каких-то петухов тут рисуете.

Курчаев. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосеич Мамаев. Вот *(дорисовывает)*, и похоже и хохол похож.

Голутвин. А интересная он личность? Для меня, например?

Курчаев. Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Голутвин. Ну, вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлем напечатать.

Курчаев. Нет, не надо, все-таки дядя. *(Отталкивает бумагу, Глумов берет и прячет в карман.)*

Голутвин. А еще какие художества за ним водятся?

Курчаев. Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира, он просто ездит разговаривать, все как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками, потом поедет по лавкам пробовать икру, балык, там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен, все-таки утро у него не пропало даром. *(Глумову.)* Да, вот еще, я и забыл сказать. Тетка в вас влюблена как кошка.

Глумов. Каким же это образом?

Курчаев. В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Глумов. Я не шучу, вы всем шутите.

К у р ч а е в. Ну, как хотите. Я бы на вашем месте... Так вы стихов дадите?

Г л у м о в. Нет.

Г о л у т в и н. Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

К у р ч а е в. Поедем! Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Г л у м о в *(останавливая Курчаева)*. Зачем вы с собой его возите?

К у р ч а е в. Умных людей люблю.

Г л у м о в. Нашли умного человека.

К у р ч а е в. По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с нами? *(Уходит.)*

Г л у м о в *(вслед ему)*. Ну, смотрите! Маменька!

Входит Г л у м о в а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г л у м о в, Г л у м о в а.

Г л у м о в *(показывая портрет Мамаева)*. Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Г л у м о в а. Кто это?

Г л у м о в. Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Г л у м о в а. А кто рисовал?

Г л у м о в. Все тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картинку надо убрать на всякий случай. *(Прячет ее.)* Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников, из них он выбирает одного и в пользу его завещание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмет другого, и сейчас же завещание перепишет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Г л у м о в а. Вот кабы тебе...

Г л у м о в. Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моем существовании.

Г л у м о в а. А хорошо бы сойтись. Во-первых, наследство, потом, отличный дом, большое знакомство, связи.

Г л у м о в. Да! Вот еще обстоятельство: я понравился тетке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моем поприще. Дядя познакомит меня с Крутиц-

ким, с Городулиным; во-первых, это люди с влиянием, во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно.

Глумова. Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Глумов. Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Глумова. Как же это случилось?

Глумов. Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит человек Мамаева.

Человек. Я привез Нила Федосеича.

Глумов. И прекрасно. Получай. *(Дает ему ассигнацию.)* Веди его сюда.

Человек. Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Глумов. Я беру ответственность на себя. Ступайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Человек Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой. Входит Мамаев, за ним человек его.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

Мамаев *(не снимая шляпы, оглядывает комнату).* Это квартира холостая.

Глумов *(кланяется и продолжает работать).* Холостая.

Мамаев *(не слушая).* Она не дурна, но холостая. *(Человеку.)* Куда ты, братец, меня завел?

Глумов *(подвигает стул и опять принимается писать).* Не угодно ли присесть?

Мамаев *(садится).* Благодарю. Куда ты меня завел? Я тебя спрашиваю!

Человек. Виноват-с.

Мамаев. Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная, я тебя спрашиваю?

Человек. Виноват-с.

Мамаев. Где гостиная? *(Глумову.)* Вы меня извините!

Г л у м о в. Ничего-с, вы мне не мешаете.

М а м а е в *(человеку)*. Ты видишь, вон сидит человек пишет! Может быть, мы ему мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а все ты, дурак, виноват.

Г л у м о в. Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша,— я не знал, что вы семейный человек.

М а м а е в. Вы хозяин этой квартиры?

Г л у м о в. Я.

М а м а е в. Зачем же вы ее сдаете?

Г л у м о в. Не по средствам.

М а м а е в. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в должишках запутались? На цугундер тянут? Да уж, конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнатке жить; приятно это будет?

Г л у м о в. Нет, я хочу еще больше нанять.

М а м а е в. Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Г л у м о в. Никакого резона. По глупости.

М а м а е в. По глупости? Что за вздор!

Г л у м о в. Какой же вздор! Я глуп.

М а м а е в. Глуп! Это странно. Как же так, глуп?

Г л у м о в. Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто.

М а м а е в. Нет, однако, это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Г л у м о в. Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не все равно? Ведь уж не скроешь.

М а м а е в. Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Г л у м о в. Я и не скрываю.

М а м а е в. Жалею.

Г л у м о в. Покорно благодарю.

М а м а е в. Учить вас, должно быть, некому?

Г л у м о в. Да, некому.

М а м а е в. А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают,— нынче время такое. Ну, уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что, коли стар, так и умен. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из

гимназии; я его, понятное дело, остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: «в гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот». Другой бы еще благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцеловал; а он что ж!

Г л у м о в. Преподавание нынче, знаете...

М а м а е в. «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Г л у м о в. На опасной дороге мальчик. Жаль!

М а м а е в. А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Г л у м о в. Знаю.

М а м а е в. Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого... Вы понимаете, после чего?

Г л у м о в. Понимаю.

М а м а е в. Нынче, поди-ко, с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, он и идет за расчетом. Что, говорит, за наказание! Да; что, говорит, за наказание!

Г л у м о в. Безнравственность!

М а м а е в. Я ведь не строгий человек, я все больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я все словами, и то нынче не нравится.

Г л у м о в. Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

М а м а е в *(строго)*. Не говорите, пожалуйста, об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место *(показывает на грудь)*, так до сих пор, словно как какой-то...

Г л у м о в. В это место?

Мамаев. Повыше.
Глумов. Вот здесь-с?
Мамаев *(с сердцем)*. Повыше, я вам говорю.
Глумов. Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.
Мамаев. Да-с, так вы глупы... Это нехорошо. То есть тут ничего нет дурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.
Глумов. То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она еще глупее меня.
Мамаев. Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.
Глумов. Есть, говорят, еще дядя, да все равно, что его нет.
Мамаев. Отчего же?
Глумов. Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.
Мамаев. Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.
Глумов. Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек богатый; придешь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду, алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.
Мамаев. Вы совсем не так глупы, как говорите.
Глумов. Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять. Большею частию я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.
Мамаев. А кто ваш дядя?
Глумов. Чуть ли я и фамилию-то не забыл. Мамаев, кажется, Нил Федосеич.
Мамаев. А вы-то кто?
Глумов. Глумов.
Мамаев. Дмитрия Глумова сын?
Глумов. Так точно-с.
Мамаев. Ну, так этот Мамаев-то, это я.
Глумов. Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! *(Почти со слезами.)* Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки,

как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказания; с меня довольно и того, что я вас видел и насладился беседой умного человека.

Мамаев. Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чем-нибудь посоветоваться.

Глумов. Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

Мамаев. Вот заходи сегодня вечером!

Глумов. Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недальняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаев. Что ж, пожалуй.

Глумов *(громко)*. Маменька!

Входит Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Глумова.

Глумов. Маменька! Вот! *(Указывая на Мамаева.)* Только не плакать! Счастливый случай привел к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Глумова. Да, батюшка-братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Глумов. Довольно, маменька, довольно. Дядюшка имеет на то свои причины.

Мамаев. Родня родне рознь.

Глумова. Позвольте, батюшка-братец, поглядеть на вас! Жорж! А ведь не похож!

Глумов *(дергает ее за платье)*. Полноте, маменька, перестаньте!

Глумова. Да что, перестаньте! Не похож, совсем не похож.

Мамаев *(строго)*. Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож.

Глумов *(матери)*. Очень нужно толковать пустяки.

Мамаев. Уж коли начали, так говорите.

Глумова. Я говорю, что портрет на вас не похож.

Мамаев. Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Глумова. Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Г л у м о в. Такой отличный, веселый малый.
М а м а е в. Да; ну, так что ж?
Г л у м о в а. Он все вас рисует. Покажи, Жорж!
Г л у м о в. Да я, право, не знаю, куда я его дел.
Г л у м о в а. Поищи хорошенько! Еще он давеча рисовал, ну, помнишь. С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай! Я ведь слышала, что они говорили.
М а м а е в. Покажи мне портрет! Покажи сейчас!
Г л у м о в *(подавая портрет)*. Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.
М а м а е в. Да вот, учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. *(Рассматривает портрет.)* Ай да молодец племянничек!
Г л у м о в. Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».
М а м а е в. Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это мое дело. *(Отдает портрет и встает.)* Ты на меня карикатур рисовать не будешь?
Г л у м о в. Помилуйте, за кого вы меня принимаете! Что за занятие!
М а м а е в. Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйте!
Г л у м о в а. Ну, я-то уж... я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

М а м а е в уходит, Г л у м о в его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много еще труда Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно в люди выходить.

Г л у м о в возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г л у м о в а, Г л у м о в и потом М а н е ф а.

Г л у м о в. Маменька, Манефа идет. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее, подобострастнее, как только можете.

Г л у м о в а. Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Г л у м о в. Вы барствовать-то любите; а где средства! Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же мне, я вам говорю. *(Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой.)*

М а н е ф а *(Глумову)*. Убегай от суеты, убегай!

Г л у м о в *(с постным видом и со вздохами)*. Убегаю, убегаю.

М а н е ф а. Не будь корыстолюбив!

Г л у м о в. Не знаю греха сего.

М а н е ф а *(садясь и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется)*. Летала, летала да к вам попала.

Г л у м о в. Ох, чувствуем, чувствуем.

М а н е ф а. Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными.

Г л у м о в *(вынимая деньги)*. Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

М а н е ф а. Благо дающим!

Г л у м о в. Не забывайте в молитвах!

М а н е ф а. В оноем благочестивом доме пила чай и кофей.

Г л у м о в а. Пожалуйте, матушка, у меня сейчас готово.

Манефа встает, они ее провожают под руки до двери.

Г л у м о в *(возвращается и садится к столу)*. Записать! *(Вынимает дневник.)* Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. *(Пишет.)*

Входит К у р ч а е в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г л у м о в, К у р ч а е в.

К у р ч а е в. Послушайте-ко! Был дядя здесь?

Г л у м о в. Был.

К у р ч а е в. Ничего он не говорил про меня?

Г л у м о в. Ну, вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

К у р ч а е в. Это интрига, адская интрига!
Г л у м о в. Я слушаю, продолжайте!
К у р ч а е в. Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и...
Г л у м о в. И... что?
К у р ч а е в. И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!
Г л у м о в. Представляю.
К у р ч а е в. Приезжаю к Турусиной,— не принимают; высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?
Г л у м о в. Слышу.
К у р ч а е в. Объясните мне, что это значит?
Г л у м о в. По какому праву вы требуете от меня объяснения?
К у р ч а е в. Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.
Г л у м о в. Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете.
К у р ч а е в. Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.
Г л у м о в. А знакомство ваше! Например, Голутвин.
К у р ч а е в. Ну что ж Голутвин?
Г л у м о в. Язва! Такие люди на все способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен — я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.
К у р ч а е в. Что вы, с ума сошли!
Г л у м о в. Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому, во всех отношениях, достойному человеку подражать во всем.
К у р ч а е в. А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.
Г л у м о в. Ну, и слава богу!
К у р ч а е в. Послушайте-ко вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдаются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того... вы берегитесь!
Г л у м о в. Буду беречься, когда будет нужно, а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!
К у р ч а е в. Прощайте! *(Уходит.)*
Г л у м о в. Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

МАМАЕВ.

КЛЕОПАТРА ЛЬВОВНА МАМАЕВА
его жена.

КРУТИЦКИЙ
старик, очень важный господин.

ИВАН ИВАНОВИЧ ГОРОДУЛИН
молодой, важный господин.

ГЛУМОВ.

ГЛУМОВА.

ЧЕЛОВЕК МАМАЕВА.

Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мамаев и Крутицкий выходят из боковой двери.

Мамаев. Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

Крутицкий. Я, знаете ли, смотрю на все это, как на легкомысленную пробу, и особенно дурного ничего не вижу. Наш век, век по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость, вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырех ножках, и хорошо стоит, крепко?

Мамаев. Крепко.

Крутицкий. Солидно?

Мамаев. Солидно.

Крутицкий. Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили.

Мамаев *(махнув рукой)*. Поставили.

Крутицкий. Вот и увидят.

Мамаев. Увидят ли, увидят ли?

К р у т и ц к и й. Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

М а м а е в. Есть, есть. Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чем вся беда: умных людей, нас не слушают.

К р у т и ц к и й. Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо, писать — больше писать.

М а м а е в. Легко сказать: писать! На это нужен навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но все-таки нужно. Вот я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать, и бог знает, что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну, как вам писать!

К р у т и ц к и й. Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

М а м а е в. Да? Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

К р у т и ц к и й. Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

М а м а е в. Не всякому дано.

К р у т и ц к и й. Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну, и прочее.

М а м а е в. Есть, есть именно такой.

К р у т и ц к и й. Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

М а м а е в. Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем как рыба.

К р у т и ц к и й. Вот видите ли, у меня написан очень серьезный прожект, или записка, как хотите назовите, но ведь вы сами знаете, я человек старого образования...

М а м а е в. Крепче было, крепче было.

К р у т и ц к и й. Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

М а м а е в. Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

К р у т и ц к и й. Я согласен; но все-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или

Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

Мамаев. Может, может, может.

Крутицкий. Ну, я заплачу ему там, что следует.

Мамаев. Обидите, за счастье почтет.

Крутицкий. Ну, вот! С какой же стати я буду одолжаться! А кто он?

Мамаев. Племянник, племянничек, да-с.

Крутицкий. Так скажите ему, чтобы зашел как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

Мамаев. Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий. Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор, это ослабляет впечатление.

Мамаев. Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий. Прощайте!

Мамаев. Я сам с ним завтра же заеду к вам.

Крутицкий. Милости просим. *(Уходит, Мамаев его провожает.)*

Выходят Клеопатра Львовна и Глумова.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мамаева и Глумова.

Мамаева. Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Глумова. И при всем при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

Мамаева. А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Глумова. Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? Где протекцию найдешь?

Мамаева. Ему не надо было убегать общества; мы бы его заметили, непременно заметили.

Глумова. Чтобы заметным-то быть, нужно ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох, как трудно!

Мамаева. Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живет в дурной квартире, едет на пло-

хом извозчике,— это вас не поражает, не колет вам глаз; так и нужно, это идет к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца, бедно одетого — это больно, этого не должно быть, и не будет, никогда не будет!

Г л у м о в а. Какое у вас сердце-то ангельское!

М а м а е в а. Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки...

Г л у м о в а. Кабы все так думали...

М а м а е в а. Все, все. Мы вообще должны сочувствовать бедным людям, это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чье-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину — молодого. Рукава потерты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! ужасно, ужасно! Кроме того, бедность убивает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Г л у м о в а. Все правда, все правда, Клеопатра Львовна!

Входит М а м а е в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и М а м а е в.

М а м а е в. А, здравствуйте!

Г л у м о в а. Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

М а м а е в. А что такое?

Г л у м о в а. Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Все про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

М а м а е в. Хороший мальчик, хороший.

Г л у м о в а. Он ребенком был у нас очень удивителен.

М а м а е в а. Да он и теперь почти дитя.

Г л у м о в а. Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тетушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему;

подумают, что нарочно научили; так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдет и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорит: «Какой я видел сон! Слетают ко мне, к кроватке, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всем слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы! я буду всех слушаться»... Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

Мамаев. Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. *(Надевая шляпу.)* Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Глумова. Покорно благодарим.

Мамаев. Не денег, нет; а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мамаева и Глумова.

Глумова. Довольны, так и слава богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

Мамаева. Очень приятно слышать.

Глумова. Он не то что благодарным быть, он может обожать своих благодетелей.

Мамаева. Обожать? Уж это слишком.

Глумова. Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы я про него рассказывала.

Мамаева. Ах, сделайте одолжение; я ему ничего не передам.

Глумова. Он даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве; а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

Мамаева. Скажите пожалуйста.

Глумова. Какие сравнения находит!

Мамаева. Неужели?

Глумова. Да он вас где-нибудь прежде видал?

Мамаева. Не знаю. Я его видала в театре.

Глумова. Нет, должно быть, видал.

Мамаева. Почему же?

Глумова. Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое...

Мамаева. Ну,ну! Что же?

Глумова. И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

Мамаева. Ах, милый мальчик!

Глумова. Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тетушка, говорит, ангел, ангел, да...

Мамаева. Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова. Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева. Нет, нет.

Глумова. Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слезы...

Мамаева. Да, вот что... Как же это? Странно.

Глумова *(переменив тон)*. Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

Мамаева. Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Глумова. Да уж что говорить! Натура — кипяток.

Мамаева. Это в его возрасте понятно и... извинительно.

Глумова. Уж извините, извините его. Молод еще.

Мамаева. Да в чем же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Глумова. Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину,— где ж ему было! Она к нему ласкова, снисходительна... конечно, по-родственному... Голова-то горячая, поневоле с ума сойдешь.

Мамаева *(задумчиво)*. Он очень мил, очень мил.

Глумова. Оно, конечно, его расположение родственное... А ведь как хотите... близость-то такой очаровательной женщины в молодые его года... ведь ночи не спит, придет от вас, мечется, мечется...

Мамаева. Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Глумова. Грех бы ему было. Да ведь и чувства-то его детские.

Мамаева. Ну, конечно, детские... Ему еще во всем

нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем... да, он может...

Г л у м о в а. Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая...

М а м а е в а *(смеется)*. Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой... увлечься.

Г л у м о в а. Вы, право, такая добрая.

М а м а е в а. Вы, я вижу, очень его любите.

Г л у м о в а. Один,— как не любить!

М а м а е в а *(томно)*. Так давайте его любить вместе.

Г л у м о в а. Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно, он себе счастье нашел в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперед от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна.

М а м а е в а *(обнимает ее)*. Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с вами еще потолкуем о Жорже. *(Провожает ее до двери.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а м а е в а, потом Г л у м о в.

М а м а е в а. Какая болтушка! Ну, если б услыхал ее сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодной почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня люди отжили и износились. Ну, вот, наконец-то. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперед знаешь, что человек влюблен в тебя.

Входит Г л у м о в, кланяется и останавливается в почтительной позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

Мамаева. Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Глумов *(целует ей руку)*. Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

Мамаева. Браво! Как это вы осмелились, наконец, я удивляюсь!

Глумов. Я очень робок.

Мамаева. Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте, что я ваша тетка.

Глумов. Я был бы откровеннее с вами, если бы...

Мамаева. Если б что?

Глумов. Если б вы были старуха.

Мамаева. Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Глумов. И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

Мамаева. Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно: отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Глумов *(берет стул и садится подле нее)*. У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева. Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Глумов. Может, но ее совестно просить об этом; совестно надоедать. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было бы для нее и занятие от скуки и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

Мамаева. Ну, если б я была старуха, о чем бы вы меня попросили?

Глумов. Да, если б вы были; а ведь вы не старуха, а, напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

Мамаева. Все равно, все равно, говорите!

Глумов. Нет, не все равно. Вот, например, я знаю,

что вам стоит сказать только одно слово Ивану Иванычу, и у меня будет очень хорошее место.

Мамаева. Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Глумов. Но я все-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

Мамаева. Почему же?

Глумов. Потому, что это было бы насилие. Он так вами очарован.

Мамаева. Вы думаете?

Глумов. Я знаю наверное.

Мамаева. Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Глумов. Уж это ваше дело.

Мамаева *(про себя)*. Он не ревнив, это странно.

Глумов. Он не смеет отказать вам ни в чем. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна: заставить вас просить — все равно, что дать ему взятку.

Мамаева. Все это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Глумов. Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

Мамаева. А старухе чем вы заплатите?

Глумов. Постоянным угождением; я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Все это только для старухи имеет цену.

Мамаева. Да, конечно.

Глумов. Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить ее.

Мамаева. А молодую разве нельзя полюбить?

Глумов. Можно, но не должно сметь.

Мамаева *(про себя)*. Наконец-то!

Глумов. И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит человек.

Человек. Иван Иваныч Городулин-с.

Глумов. Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с. *(Кланяется очень почтительно.)*

Мамаева *(человеку)*. Проси!

Человек уходит, входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мамаева и Городулин.

Городулин. Имею честь представиться.

Мамаева *(с упреком)*. Хорош, хорош! Садитесь. Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Городулин *(садится)*. Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моем сердце.

Мамаева. Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

Городулин. Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче в особенно воинственном расположении духа.

Мамаева. Вы первый, вас-то и надобно убить или что-нибудь другое.

Городулин. Уж лучше что-нибудь другое.

Мамаева. Я уж придумала вам наказание.

Городулин. Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

Мамаева. Нет, я хочу явиться к вам просителем.

Городулин. То есть поменяться со мной ролями?

Мамаева. Разве вы проситель? Вы сами там где-то чуть ли не судья.

Городулин. Так, так-с. Но перед дамами я всегда...

Мамаева. Полно вам болтать-то! У меня серьезное дело.

Городулин. Слушаю-с.

Мамаева. Моему племяннику нужно...

Городулин. Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Мамаева. Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребенок, он очень милый молодой человек, очень хорош собой, умен, образован.

Городулин. Тем лучше для него и хуже для меня.

Мамаева. Ему нужно место.

Городулин. Какое прикажете?

Мамаева. Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Городулин. Отличные способности? Жаль. С отличными способностями теперь некуда деться; он остается лишний. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.

Мамаева. Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Городулин. Для обыкновенного смертного найдется.

Мамаева. И прекрасно.

Городулин *(нежно)*. Нам люди нужны. Позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен; тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

Мамаева. Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. *(Городулину.)* Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Глумов входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. *(Глумову.)* Иван Иваныч хочет с вами познакомиться. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Городулин и Глумов.

Городулин *(подавая Глумову руку)*. Вы служите?

Глумов *(развязно)*. Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Городулин. Отчего?

Глумов. Уменья не дал бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Городулин. Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Глумов. Положим, что у меня за этим дело не станет; но что толку с этими качествами? Сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Городулин. А что же именно?

Глумов. Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство вздумает сострить,— думать и работать за начальников и в то же время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что все это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь еще некоторые лакейские качества, конечно, в соединении с известной долей грациозности: например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и

вместе с тем благородно, и прямолинейно, и грациозно. Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я еще и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Г о р о д у л и н. Прекрасно. То есть, все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, все это было прежде, теперь совсем другое.

Г л у м о в. Что-то не видать этого другого-то. И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания.

Г о р о д у л и н. Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Г л у м о в. Я очень рад, что вы сочувствуете моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

Г о р о д у л и н. Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей! Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Г л у м о в. Все, что вам угодно.

Г о р о д у л и н. Запишите все это на бумажку!

Г л у м о в. Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Г о р о д у л и н. Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чем дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Г л у м о в. Извольте, извольте!

Г о р о д у л и н *(жмет ему руку)*. Сделайте для меня это по-дружески.

Г л у м о в. Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность самому видеть его насущные нужды и удовлетворять им скоро и сочувственно.

Г о р о д у л и н. Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно место смотрителя или эконома в казенном или благотворительном заведении?

Г л у м о в. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество доб-

ра, нужного для благосостояния массы. Переливать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия — я не согласен.

Г о р о д у л и н. Уж и это бы кстати. «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Г л у м о в. Хотите, я вам весь спич напишу?

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! *(Взглянув на часы.)* Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. *(Подает ему руку.)* Очень приятно, очень приятно. *(Уходит в гостиную.)*

Входит М а м а е в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М а м а е в и Г л у м о в.

М а м а е в. А, ты здесь! Поди сюда! *(Таинственно.)* Крутицкий давеча заезжал ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Г л у м о в. Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

М а м а е в. Льстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдет, а ты все-таки должен хвалить, ты еще молод. Мы с тобой завтра к нему поедем. Да, вот еще одно тонкое обстоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Г л у м о в. Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

М а м а е в. Ну, вот и глупо, ну, вот и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажить себе хочешь?

Г л у м о в. Я, дядюшка, не понимаю.

М а м а е в. Не понимаешь, так слушай, учись! Слава богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Глумов. Да, да, да! Скажите! Из ума вон.

Мамаев. То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Глумов. Не умею.

Мамаев. Экой ты, братец! Ну, вот так. *(Заводит глаза кверху.)*

Глумов. Полноте, что вы! Как это можно!

Мамаев. Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие.

Глумов. Покорнейше вас благодарю.

Мамаев. Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Глумов. Опять не понимаю.

Мамаев. Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, черт его знает, что за механик попадется, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы.
Ха, ха, ха! Понял?

Глумов. Ума, ума у вас, дядюшка!

Мамаев. Надеюсь.

Глумов. А вот еще обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

Мамаев. Вот, вот, вот. Дело, дело!

Глумов. Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

Мамаев. Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни, и заикаться не надо.

Глумов. Когда же мы к Турусиной?

Мамаев. Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе.

Глумов. Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят Мамаева и Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Городулин *(Мамаевой тихо)*. Через две недели он будет определен.

Мамаева. Через две недели я вас поцелую.

Мамаев. А, Иван Иваныч! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Городулин. Извините, Нил Федосеич, некогда. *(Подает руку Глумову.)* До свиданья.

Мамаев. Так поедемте вместе, я вам доро́гой. Мне в сенат нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мамаева и Глумов.

Мамаева *(садится на кресло)*. Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Глумов. Я вас не просил.

Мамаева. Нужды нет, я сама догадалась.

Глумов *(целует руку)*. Благодарю вас. *(Берет шляпу.)*

Мамаева. Куда же вы?

Глумов. Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моей радостью с матерью.

Мамаева. Вы счастливы? Не верю.

Глумов. Счастлив, насколько можно.

Мамаева. Значит, не совсем; значит, вы еще не всего достигли.

Глумов. Всего, на что только я смел надеяться.

Мамаева. Нет, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Глумов. Чего же мне еще! Я получу место.

Мамаева. Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Глумов. Клеопатра Львовна...

Мамаева. Хотите уверить, что у вас никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глумов. Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева. А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Глумов. Я не говорю этого.

Мамаева. Вы говорите, что всего достигли.

Глумов. Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

Мамаева. Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства. Ведь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумов. Но ведь это пытка, Клеопатра Львовна.

Мамаева. Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Глумов. Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

Мамаева. Кого вы любите?

Глумов. Сжальтесь!

Мамаева. Стоит ли она вас?

Глумов. Боже мой, что вы со мной делаете!

Мамаева. Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумов. Хоть убейте меня, я не смею.

Мамаева *(шепотом)*. Смелей, мой друг, смелее!

Глумов. Кого люблю я?

Мамаева. Да.

Глумов *(падая на колено)*. Вас.

Мамаева *(тихо вскрикивая)*. Ах!

Глумов. Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, еще хуже, заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если б вы не были так очаровательны, так снисходительны ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня. *(Склоняет голову.)*

Мамаева *(целуя его в голову)*. Я вас прощаю.

Глумов, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает его долгим взглядом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

СОФЬЯ ИГНАТЬЕВНА ТУРУСИНА
богатая вдова, барыня родом из купчих.

МАШЕНЬКА
ее племянница.

МАНЕФА.

ПРИЖИВАЛКА 1-я.

ПРИЖИВАЛКА 2-я.

КРУТИЦКИЙ.

ГОРОДУЛИН.

МАМАЕВ.

ГЛУМОВ.

ГРИГОРИЙ
человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках; одна дверь посредине, другая сбоку.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Машенька и Турусина выходят из средней двери.

Машенька. Поедемте, ma tante! Поедемте! Ну, пожалуйста, поедемте!

Турусина. Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете! Я уж велела лошадей отложить.

Машенька. Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберемся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали, и назад.

Турусина *(садясь)*. Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать ее?

Машенька. Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Турусина. О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча...

Машенька. Да что ж такое, что встреча?

Т у р у с и н а. Да, если б с левой стороны, а то с правой...

М а ш е н ь к а. Да и с правой, и с левой все равно.

Т у р у с и н а. Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моем доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьется пьян и завезет в канаву. Провидение печется о людях. Если тебе прямо говорят: не езди туда-то, ты подвергнешь себя опасности,— так кто же виноват, если ты не послушаешь благого совета и сломишь себе голову!

М а ш е н ь к а. Нам никто не говорил: не езди!..

Т у р у с и н а. Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать; а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем; и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева, самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тетку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

М а ш е н ь к а. Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Т у р у с и н а. Как он может мне понравиться? Он смеется в моем присутствии над самыми священными вещами.

М а ш е н ь к а. Когда же, ma tante, когда?

Т у р у с и н а. Всегда, постоянно, он смеется над моими странницами, над юродивыми.

М а ш е н ь к а. Вы говорите, что он смеется над священными вещами.

Т у р у с и н а. Ну, конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матреши, от святости, уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют

себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

М а ш е н ь к а. Разве верят безымянным письмам?

Т у р у с и н а. Если б одно, можно бы еще сомневаться, а то вдруг два и от разных лиц.

Входит ч е л о в е к и подает Турусиной письмо.

Г р и г о р и й. Скитающие люди пришли-с.

Т у р у с и н а. Что он говорит, бог его знает. Ну, да все равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить.

Ч е л о в е к уходит. Турусина читает письмо.

Вот еще письмо. Видно, что пишет женщина солидная! *(Читает вслух.)* «Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастия...». *(Читает про себя.)* Вот слушай! «Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слезы об участи бедной Машеньки...», ну, и так далее.

М а ш е н ь к а. Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом.

Т у р у с и н а. Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. *(Нюхает спирт.)* Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе...

М а ш е н ь к а. Не дадите денег...

Т у р у с и н а. И, главное-то, благословения.

М а ш е н ь к а. Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится, но если вам неугодно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но, ma tante, пожалейте меня! У меня, благодаря вам, есть деньги. Мне хочется пожить.

Т у р у с и н а. Понимаю, мой друг, понимаю.

М а ш е н ь к а. Найдите мне жениха какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живем, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Т у р у с и н а. Я вхожу в твое положение. Суетность в твоем возрасте извинительна.

М а ш е н ь к а. Когда я буду постарше, ma tante, я, весьма вероятно, буду жить так же, как и вы,— это у нас в роду.

Т у р у с и н а. Дай бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

М а ш е н ь к а. Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Т у р у с и н а. Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодежь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился, ты мои требования знаешь.

М а ш е н ь к а. Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет. Все, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому, другому; Крутицкий, Мамаев, Городулин вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Т у р у с и н а. Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

М а ш е н ь к а. Но как же быть?

Т у р у с и н а. Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

М а ш е н ь к а. Но откуда же явится это указание?

Т у р у с и н а. Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

М а ш е н ь к а. Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Т у р у с и н а. Только ты знай, что он тебе не жених.

М а ш е н ь к а. Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Т у р у с и н а *(целует ее)*. Ты милое дитя.

М а ш е н ь к а. Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Т у р у с и н а. Откуда ты знаешь?

М а ш е н ь к а. Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Т у р у с и н а. Да, ты знаешь кой-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

М а ш е н ь к а. Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. *(Обнимает тетку.)* Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться так, как вы.

Т у р у с и н а. Празднословие, Marie! Празднословие!

М а ш е н ь к а *(сложив руки)*. Виновата.

Т у р у с и н а. Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. *(Целует Машеньку; она уходит.)* Милая девушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает. Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слез своей детской преданностью. Право, так взволновала меня. *(Нюхает спирт.)*

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Господин Крутицкий.

Т у р у с и н а. Проси!

Входит К р у т и ц к и й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т у р у с и н а и К р у т и ц к и й.

К р у т и ц к и й *(берет ее за руки)*. Что, все нервы? а?..

Т у р у с и н а. Нервы.

К р у т и ц к и й. Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень...

Т у р у с и н а. Что?

К р у т и ц к и й. Очень, то есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

Т у р у с и н а. Я уж вас просила не говорить мне об этом.

К р у т и ц к и й. Ну, ну, не буду.

Т у р у с и н а. Садитесь.

К р у т и ц к и й. Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую... хе, хе, хе!.. Помните, ведь мы...

Т у р у с и н а. Ах, не вспоминайте! Я теперь...

К р у т и ц к и й. А что ж такое! Что не вспоминать-то... У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что на ваш взгляд дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что...

Т у р у с и н а *(с умоляющим видом)*. Перестаньте!

Входит Г р и г о р и й.

Григорий. Сударыня, уродливый пришел.
Крутицкий. Что такое?
Турусина. Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Григорий уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

Крутицкий. Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юродивые были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.
Турусина. Здоровее телом, но не душою.
Крутицкий. Ну, уж этого я не знаю, это не мое дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы еще довольно молоды... вам бы еще можно было пожить как следует.
Турусина. Я живу как следует.
Крутицкий. Ну, то есть рано бы ханжить-то.
Турусина. Я вас просила...
Крутицкий. Ну, виноват, виноват, не буду.
Турусина. Вы странный человек.

Входит Григорий.

Григорий. Сударыня, странный человек пришел.
Турусина. Откуда он, ты не спрашивал?
Григорий. Говорит, из стран неведомых.
Турусина. Пустить его и посадить за стол вместе с теми.
Григорий. Да вместе-то они, сударыня, пожалуй...
Турусина. Поди, поди!

Григорий уходит.

Крутицкий. Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорты велели спрашивать.
Турусина. Зачем?
Крутицкий. Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.
Турусина. Так что же?
Крутицкий. Ну, все трое и оказались граверы хорошие.
Турусина. Что ж за беда?

К р у т и ц к и й. Да ремесло-то плохое.

Т у р у с и н а. Чем же плохо ремесло — гравирование?

К р у т и ц к и й. Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Т у р у с и н а *(тихо)*. Лики?

К р у т и ц к и й. Как же не лики! Целковые.

Т у р у с и н а *(с испугом)*. Ах, что вы?

К р у т и ц к и й *(садится)*. Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмется, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Т у р у с и н а. Я делаю добро для добра, не разбирая людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

К р у т и ц к и й *(подвигаясь)*. Что такое, говорите! Я рад, рад вам служить, чем могу.

Т у р у с и н а. Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что...

К р у т и ц к и й. Да, да, знаю.

Т у р у с и н а. Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

К р у т и ц к и й. Какого вам нужно. Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей... Да постойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Т у р у с и н а. Верно?..

К р у т и ц к и й. Я вам говорю. Скромен не по летам, умен, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдет, далеко, вот увидите.

Т у р у с и н а. А кто он?

К р у т и ц к и й. Как его! Дай бог память! Да вот постойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. *(Вынимает бумагу.)* Вот! *(Читает.)* Егор Дмитриев Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать характер! Ровно — значит аккуратен... кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Т у р у с и н а *(берет адрес)*. Благодарю вас.

Крутицкий. Что за благодарность! Вот еще. Наш долг! *(Встает.)* Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина. Ах, что вы! Всегда, всегда рада.

Крутицкий. То-то! Я ведь любя. Жаль.

Турусина. Навещайте.

Крутицкий. По старой памяти? Хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья. *(Уходит.)*

Турусина. Вот и старый человек, а как легкомыслен. Как ему поверить! *(Прячет адрес в карман.)* А всетаки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Григорий.

Григорий. Господин Городулин.

Турусина. Проси.

Григорий уходит. Входит Городулин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Турусина и Городулин.

Турусина. Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Городулин. Дела, дела. То обеды, то вот железную дорогу открывали.

Турусина. Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что хоть изредка навещаете. Что наше дело?

Городулин. Какое дело?

Турусина. Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый важными делами; когда вам помнить о бедных, несчастных, угнетенных! Стоит заниматься этой малостью!

Городулин. Угнетенных, вы изволите говорить? Насчет угнетенных я не могу припомнить ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчет ворожеи?

Турусина. Не ворожеи, а гадальщицы — это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Городулин. Извините! Я сознаюсь в своем невежестве: я в этих тонкостях не силен. Одним словом, вдова коллежского регистратора Улита Шмыгаева.

Турусина. Какого бы она звания ни была, это все равно, во всяком случае, она дама почтенная, стро-

гой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась ее особенным расположением.

Г о р о д у л и н. Особенным-то ее расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Т у р у с и н а. Что вы говорите! Это все вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надеюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Г о р о д у л и н. Нет-с, ей по Владимирке.

Т у р у с и н а *(привстав)*. Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Г о р о д у л и н. Да ведь ее не за гаданье судили.

Т у р у с и н а. Нет, вы мне не говорите! Все это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Г о р о д у л и н. Ее судили за укрывательство заведомо краденых вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Т у р у с и н а. Ах, боже мой! Что вы говорите!

Г о р о д у л и н. Святую истину. Жена этого купца просила у нее приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил,— ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере; только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Т у р у с и н а. Что же купец?

Г о р о д у л и н. Подействовало. Умер было, только не от любви.

Т у р у с и н а. Вам все это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Г о р о д у л и н. Помилуйте, ее защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и, наконец, стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя, сами признались во всем. Сначала солдат, который пользовался ее особенным расположением, потом она.

Т у р у с и н а. Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Г о р о д у л и н. Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации...

Т у р у с и н а. Я вас просила не говорить со мною об этом.

Г о р о д у л и н. Виноват, забыл.

Т у р у с и н а. Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Г о р о д у л и н. Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человека.

Г р и г о р и й входит.

Г р и г о р и й. Блаженный человек пришел.

Г о р о д у л и н. Неужели?

Т у р у с и н а. Кто он такой?

Г р и г о р и й. Надо полагать, из азиатцев-с.

Г о р о д у л и н. И я тоже полагаю.

Т у р у с и н а. Почему ты думаешь, что азиатец?

Г р и г о р и й. Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели, сударыня, к вечеру,— не приведи господи.

Т у р у с и н а. Как страшен? Что за вздор?

Г р и г о р и й. Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Т у р у с и н а. Грек, должно быть.

Г р и г о р и й. Не очень, чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть венгерец-с.

Т у р у с и н а. Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Г р и г о р и й. Вот что мышеловки продают.

Т у р у с и н а . Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Г р и г о р и й. Его, я думаю, особенно-с...

Т у р у с и н а. Ну, ступай, не рассуждай!

Г р и г о р и й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Т у р у с и н а. У меня к вам просьба, Иван Иваныч.

Г о р о д у л и н. Весь внимание.

Т у р у с и н а. Я насчет Машеньки. Нет ли у вас кого на примете?

Г о р о д у л и н. Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну, с какой стороны я похож на сваху московскую? Мое призвание — рушить узы, а не связывать. Я противник всяких цепей, даже и супружеских.

Т у р у с и н а. А сами носите.

Г о р о д у л и н. Оттого-то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Т у р у с и н а. Кроме шуток, нет ли?

Г о р о д у л и н. Постойте, кого-то я на днях видел, так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Т у р у с и н а. Вспомните, вспомните.

Г о р о д у л и н. Да, да... Глумов.

Т у р у с и н а. Хороший человек?

Г о р о д у л и н. Честный человек, я больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Т у р у с и н а. Постойте, как вы назвали? *(Вынимает бумагу из кармана.)*

Г о р о д у л и н. Глумов.

Т у р у с и н а. Егор Дмитрич?

Г о р о д у л и н. Да.

Т у р у с и н а. Вот и Крутицкий мне про него же говорил.

Г о р о д у л и н. Ну, значит, ему и быть, так у него и на лбу, то есть на роду написано. Прощайте! *(Кланяется и уходит.)*

Т у р у с и н а. Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. *(Звонит.)*

Входит Г р и г о р и й.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Г р и г о р и й уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем. Съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от нее сверхъестественного.

Входят М а ш е н ь к а, 1-я п р и ж и в а л к а с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу, 2-я п р и ж и в а л к а с собачкой на руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

1-я приживалка садится у стола, 2-я приживалка садится на скамейке у ног Турусиной.

1-я приживалка. Прикажете разложить?

Турусина. Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким, и с Городулиным.

Машенька *(с волнением)*. Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Турусина. Они оба рекомендовали одного человека, точно сговорились.

Машенька. И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Турусина. Но я им не верю.

1-я приживалка. Прикажете?

Турусина. Гадай! Правду ли они говорили? *(Машеньке.)* Я им не верю, они могут ошибаться.

Машенька. Почему же, ma tante?

Турусина. Они люди. *(2-й приживалке.)* Не урони собачку!

Машенька. Кому же вы поверите, ma tante? Оракулу? Мне что-то страшно.

Турусина. Очень естественно. Так и надо, и должно быть страшно. Мы не можем, не должны без страха поднимать завесу будущего. Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька. Кто же нам приподнимет завесу?

Турусина. Тот, кто имеет власть.

Входит Григорий.

Григорий. Манефа-с.

Турусина. Вот кто. *(Встает, идет навстречу Манефе, и все за ней.)*

Входит Манефа.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Манефа.

Турусина. Милости просим, пожалуйте!

Манефа. И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка *(с умилением)*. Ох, батюшки мои!

Турусина *(грозно)*. Молчи!

Манефа *(садясь)*. Пришла да села, как квашня.

2-я приживалка *(со вздохом)*. О, о, о, ох! Ах, премудрость!

1-я приживалка. Привел господь, дожили!

Турусина *(грозно)*. Тише!

Манефа. Что вы бельмы-то выпучили?

Турусина. Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я приживалка. Ох, сподобились!

2-я приживалка. Все сподобились.

Турусина. Ждем! Что скажешь, мати Манефа.

Манефа. Ждем! Ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1-я приживалка. Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько.

Турусина. Я хотела спросить тебя...

Манефа. Не спрашивай, вперед знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2-я приживалка. Так, так, так.

Турусина. Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе...

Манефа. Было видение, было. Идет Егор с высоких гор.

2-я приживалка. Скажите! Егор!

Машенька *(тихо Турусиной)*. Ведь и Курчаев Егор.

Турусина. Погоди. Кто же он такой?

Манефа. А я почем знаю? Увидишь, так узнаешь!

Турусина. Когда же мы его увидим?

Манефа. Желанный гость зову не ждет.

1-я приживалка. Замечайте! Замечайте!

Турусина. Ты нам хоть приметы скажи.

2-я приживалка. Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не знаете!

Турусина. Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

Манефа. К кому бедокур, а к вам белокур.

Машенька. Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Турусина. Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная.

1-я приживалка. Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Турусина. Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидала?

1-я приживалка. Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш... то есть белокурый по картам-то.

Турусина *(Манефе)*. Тебе все известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много и белокурых тоже довольно.

Манефа. Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Турусина и прочие. У ворот?

Манефа. Сряжайтеся, сбирайтеся, гости будут.

Турусина. Когда?

Манефа. В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Григорий.

Приехали с орехами. *(Встает.)*

Григорий. Нил Федосеич Мамаев.

Турусина. Один?

Григорий. С ними молодой барин, такой белокурый.

1-я приживалка. Ах! Будем ли мы живы?

2-я приживалка. Не во сне ли мы все это видели?

Турусина. Проси! *(Обнимая Машеньку.)* Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! *(Садится, нюхает спирт.)*

Машенька. Это так необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Турусина. Поди, успокойся, друг мой: ты после выйдешь.

Машенька уходит.

Манефа. Конец всему делу венец. *(Идет к двери.)*

Турусина *(приживалкам)*. Возьмите ее под руки, да чаю ей, чаю.

Манефа. Кто пьет чай, тот отчаянный.

Турусина. Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери. В дверях останавливаются.

1-я приживалка. Одним бы глазком взглянуть.

2-я приживалка. Умрешь, таких чудес не увидишь.

Входят Мамаев и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки.

Мамаев. Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитрича Глумова.

Приживалки *(в дверях)*. Ах, Егор! Ах, белокурый!

Мамаев. Полюбите его.

Турусина *(встает)*. Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глумов почтительно целует ее руку.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

КРУТИЦКИЙ.

ГЛУМОВ.

МАМАЕВА.

ЧЕЛОВЕК КРУТИЦКОГО.

Приемная у Крутицкого. Дверь выходная, дверь направо в кабинет, налево в гостиную. Стол и один стул.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Глумов, человек у двери, потом Крутицкий.

Глумов. Доложи!

Человек *(заглядывая в дверь кабинета)*. Сейчас выдут-с.

Выходит Крутицкий. Человек уходит.

Крутицкий *(кивая головой)*. Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. *(Подает тетрадь.)*

Крутицкий *(берет тетрадь)*. Четко, красиво, отлично. Браво, браво! Трактат, отчего же не прожект?

Глумов. Прожект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается... (*с заискивающею улыбкою)* и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Так вы думаете, трактат?

Г л у м о в. Трактат лучше-с.

К р у т и ц к и й. Трактат? Да, ну пожалуй. «Трактат о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Г л у м о в. Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

К р у т и ц к и й. Да, коренные, решительные; но если не важное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Г л у м о в. В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

К р у т и ц к и й *(ударяя себя карандашом по лбу)*. Да, так, правда. Умно, умно. У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Г л у м о в. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й *(надевая очки)*. Пойдем далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспликацию моей главной идеи. «Артикул первый. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место оного чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то, и другое одинаково: 1-е) отметая старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковые умозаключения: отметается нечто непригодное, такое-то учреждение отметается, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободномыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Г л у м о в. И совершенно справедливо.

К р у т и ц к и й *(читает)*. «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Г л у м о в. Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины...

К р у т и ц к и й. Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Г л у м о в. Совершенно убежден, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й *(оглядываясь)*. Что это они другого стула не ставят?

Г л у м о в. Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Конечно, нельзя всякому дозволить; другой, пожалуй, рассядется... магазинщик со счетом или портной приедет...

Г л у м о в. Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

К р у т и ц к и й. Что такое, мой любезный, что такое?

Г л у м о в. В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

К р у т и ц к и й. Почему?

Г л у м о в. Слаб современный язык для выражения всей грандиозности ваших мыслей.

К р у т и ц к и й. Например?

Г л у м о в. В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах...

К р у т и ц к и й. Ну?

Г л у м о в. Вашим превосходительством весьма сильно выражена прекрасная мысль о том, что не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

К р у т и ц к и й. Не помню. *(Перелистывает тетрадь.)*

Г л у м о в. Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

К р у т и ц к и й. Верю, но удивляюсь. Для чего?

Г л у м о в. У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запасаться мудростию; не часто может представиться такой случай; а если представился, так надо им воспользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

К р у т и ц к и й. Еще бы!

Г л у м о в. Молодому человеку и свихнуться не трудно.

К р у т и ц к и й. Похвально, похвально! Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Г л у м о в. Первое, ваше превосходительство.

К р у т и ц к и й. Ну, так что ж у меня там в двадцать пятом артикуле?

Глумов. Артикул двадцать пятый. «Увеличение окладов в присутственных местах, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо с крайней осмотрительностию, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

Крутицкий. Да, так, верно, верно.

Глумов. Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкий (*погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком*). Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Глумов. Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете?

Крутицкий. Вот еще! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Глумов. Как можно! Как же бы я осмелился!

Крутицкий. Ну, то-то же. Он только говорит, что умен, а ведь он болван совершенный.

Глумов. Не смею спорить с вашим превосходительством.

Крутицкий. Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Глумов. Не заступлюсь и за нее.

Крутицкий. Как ты с ними уживаешься — не понимаю.

Глумов. Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты служишь?

Глумов. Поступаю. По протекции тетушки, Иван Иваныч Городулин обещал достать место.

Крутицкий. Вот еще нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Глумов. Я не по новым учреждениям...

Крутицкий. Да, да. А уж я думал... Ну, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург,— перейдешь,— там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов. Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий. Ну, что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Глумов. Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

Крутицкий *(с серьезным видом)*. Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Глумов. В молодости грешки, увлечения...

Крутицкий. Говори, не бойся.

Глумов. В студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старых обычаев придерживался.

Крутицкий. Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Глумов. То есть не так вел себя, как нынешние студенты.

Крутицкий. А как же?

Глумов. Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

Крутицкий. И только?

Глумов. Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня бог! Сохрани бог!

Крутицкий. Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых летах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня. Ну, так значит, я на твой счет совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился; я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Глумов. Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий. Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Глумов. Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

К р у т и ц к и й. Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковы; вот тетка, знаю, что ханжа.

Г л у м о в. Любовь нынче не признают, ваше превосходительство; а я знаю по себе, какое это великое чувство.

К р у т и ц к и й. Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберет, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Г л у м о в. Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Горячка сделалась. Вот ты и не признавай. Ну, что ж, давай бог, давай тебе бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдем тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали.— Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Г л у м о в. Не обижайте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Ты меня не обижай!

Г л у м о в. Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Что такое? В чем дело?

Г л у м о в. Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни... не откажитесь!.. Благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом... уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастие, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей...

К р у т и ц к и й. В посаженые отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Г л у м о в. Осчастливьте, ваше превосходительство!

К р у т и ц к и й. Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудреное.

Г л у м о в. Я передам и Софье Игнатьевне.

К р у т и ц к и й. Передавай, пожалуй.

Г л у м о в. Я не нужен вашему превосходительству?

К р у т и ц к и й. Нет.

Г л у м о в. Честь имею кланяться.

К р у т и ц к и й. О моем маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли

будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Г л у м о в. Слушаю, ваше превосходительство! *(Кланяется и уходит.)*

К р у т и ц к и й. Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодежь! Вот, значит, есть же и из них; и с умом, и с сердцем малый. Он льстив и, как будто, немного подленек; ну, да вот оперится, так это, может быть, пройдет. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «у того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну, вот оно и въелось. Впрочем, это все-таки лучше, чем грубость.

Входит ч е л о в е к.

Ч е л о в е к. Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с. Я докладывал, что ее превосходительства дома нет-с.

М а м а е в а *(за дверью)*. Не помешаю?

К р у т и ц к и й. Нет, нет! *(Человеку.)* Подай кресло!

Ч е л о в е к уходит, возвращается с креслом. Входит М а м а е в а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К р у т и ц к и й и М а м а е в а.

М а м а е в а. Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок!

К р у т и ц к и й. Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

М а м а е в а *(садясь)*. Нынче и молодежь-то хуже стариков.

К р у т и ц к и й. Жалуетесь?

М а м а е в а. Разве не правда?

К р у т и ц к и й. Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бы-

вало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. *(Декламирует.)*

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье,
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву.

Помните?

М а м а е в а. Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят, не больше, так как же мне не помнить!

К р у т и ц к и й. Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

М а м а е в а. Не правда ли, мил?

К р у т и ц к и й. Да, да. Ведь уж и вы его балуете.

М а м а е в а. Да чем же?

К р у т и ц к и й. Позвольте, вспомнил еще. *(Декламирует.)*

О боги! Не прошу от вас речей искусства;
Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

М а м а е в а. Чем же балуем?

К р у т и ц к и й. Ну, да как же! Жените. Какую невесту нашли...

М а м а е в а *(с испугом)*. Какую? Вы ошибаетесь.

К р у т и ц к и й *(декламирует)*.

О матерь, слезный ток, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умерь уныние души!

М а м а е в а. На ком же, на ком?

К р у т и ц к и й. Да, боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

М а м а е в а *(встает)*. Не может быть, не может быть, я говорю вам.

К р у т и ц к и й *(декламирует)*.

При вести таковой задумчив пребываешь;
Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,
И горесть мрачная в чертах твоих видна!

М а м а е в а. Ах, вы надоели мне с вашими стихами.

К р у т и ц к и й. Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посаженые отцы: сделайте, говорит, честь. Ну, что ж не сделать! Я, го-

ворит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится. Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну, что ж, прекрасно. Дай ему бог; нет, а вы возьмите, вот в Донском. *(Декламирует.)*

Когда Россиянин решится слово дать,
То без стыда ему не может изменять.

Мамаева. Ой!

Крутицкий. Что с вами?

Мамаева. Мигрень. Ах, я больна совсем.

Крутицкий. Ну, ничего. Пройдет. *(Декламирует.)*

Ты знаешь, что союз сей верен до того...

Мамаева. Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ах! Прощайте!

Крутицкий. Да ничего. Что вы? У вас вид такой здоровый. *(Декламирует.)*

Чтоб при сопернице в измене обличить
И ревностью его веселье отравить...

Мамаева. Прощайте, прощайте! *(Быстро уходит.)*

Крутицкий. Что ее кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже, чем дивизией командовать. *(Берет тетрадь.)* Заняться на досуге. Никого не принимать! *(Уходит в кабинет.)*

СЦЕНА II

ЛИЦА:

ГЛУМОВ.

ГЛУМОВА.

МАМАЕВА.

ГОЛУТВИН.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глумов выходит из боковой двери с дневником, потом Глумова.

Глумов. Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить!

Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от нее ни скрываем наше сватовство, а все же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Глумова.

Маменька, вы к Турусиной?

Глумова. К Турусиной.

Глумов *(глядя на часы и строго)*. Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Глумова. Можно и надоесть.

Глумов. Ну, да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами, с странницами, с приживалками; не жалейте для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших! Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Глумова. Хорошо, хорошо!

Глумов. Главное, блюдите все входы и выходы, чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу, у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Глумова. Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. *(Уходит.)*

Глумов. Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет и жалко, и грех непростительный. *(Садится к столу.)* Что-то я хотел добавить в дневник? Да, расход записать. (*Записывает.*) Две табакерки приживалкам. *(Заслыша стук экипажа, подходит к окну.)* Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Входит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глумов и Мамаева.

Глумов. Мог ли я ожидать такого счастия! Если бы все олимпийские боги сошли с неба...

Мамаева. Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Глумов *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Она только вышла перед вами.

Мамаева. Жаль.

Глумов *(подавая стул)*. Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите ее своим блеском.

Мамаева *(садясь)*. Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Глумов. Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь, и то надо иметь черную душу и зверское сердце.

Мамаева. Черную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумов. Ни черной души, ни зверского сердца у меня нет, значит...

Мамаева. Что «значит»?

Глумов. Значит, я и не огорчу вас ничем.

Мамаева. Верить прикажете?

Глумов. Верьте!

Мамаева. Будем верить.

Глумов *(про себя)*. Не знает. *(Громко.)* Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мной вы, сердце мое забилось сильней прежнего; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив! *(Целует руку.)*

Мамаева. Вы женитесь?

Глумов. Как! Нет... да... но!

Мамаева. Вы женитесь?

Г л у м о в. То есть, ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

М а м а е в а. Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Г л у м о в. Он хочет женить меня на деньгах. Не все же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах.

М а м а е в а. На деньгах? А невеста вам не нравится?

Г л у м о в. Конечно, не нравится. Да разве может...

М а м а е в а. Так вы ее не любите?

Г л у м о в. Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее или вас?

М а м а е в а. Может быть, обеих.

Г л у м о в. За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

М а м а е в а. Как кончить?

Г л у м о в. Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

М а м а е в а. Правда?

Г л у м о в. Сегодня же скажу.

М а м а е в а. И прекрасно. Без любви что за брак!

Г л у м о в. И вы могли подумать! И вам не совестно?

М а м а е в а. Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Г л у м о в *(с жаром)*. Я ваш, ваш, всегда ваш. Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам все устрою. А то вы себя выдадите.

М а м а е в а. Конечно, конечно.

Г л у м о в. Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделывался полусловами: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло. Я дал повод подозревать себя в низости.

Звонок.

Кто это? Вот очень нужно! *(Идет к дверям.)*

М а м а е в а *(про себя)*. Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Г л у м о в. Клеопатра Львовна, войдите в маменькину комнату, кто-то пришел ко мне.

М а м а е в а уходит. Входит Г о л у т в и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глумов и Голутвин.

Глумов *(пристально глядя на Голутвина)*. Ну-с?

Голутвин. Во-первых, так не принимают, а во-вторых, я устал, потому что на своих к вам. *(Садится.)*

Глумов. Что вам нужно от меня?

Голутвин. Пустяки. Minimum двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумов. Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвин. Я не милостыню прошу, я за труд.

Глумов. За какой?

Голутвин. Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, ценю себя невысоко.

Глумов. Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас читает?

Голутвин. Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну, а все-таки неприятность, скандальчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну, так и заплатите!

Глумов. Знаете, как называется ваш поступок?

Голутвин. Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Глумов. Да честно ли это?

Голутвин. Вот этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Глумов. Какие письма? Чем вы докажете?

Голутвин. Не горячитесь! Заплатите лучше; я вам советую.

Глумов. Ни копейки.

Голутвин. У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочитает. «Ах!» скажет... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дешево прошу.

Глумов. За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придете.

Голутвин. Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумов *(указывая на дверь)*. Прощайте.

Голутвин. А то ведь в следующем нумере.

Глумов. В каком хотите!

Голутвин. Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Глумов. Пяти копеек не дам.

Голутвин. Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумов. Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Голутвин. Сейчас. Отдохну немного.

Глумов. Вас Курчаев подослал?

Голутвин. Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный, вроде вас.

Глумов. Ну, довольно.

Голутвин *(встает и заглядывает в дверь)*. Что это у вас там?

Глумов. Что за низость! Убирайтесь!

Голутвин. Любопытно.

Глумов. Убирайтесь, говорю вам.

Голутвин *(уходя)*. Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет. *(Идет в переднюю.)*

Глумов. Вот еще принесло. Ну, да пусть печатает! *(Идет за Голутвиным.)*

Голутвин *(из двери)*. Два слова только.

Глумов уходит за ним в переднюю и затворяет дверь. Выходит Мамаева.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мамаева одна, потом Глумов.

Мамаева. Никого нет. Куда же он делся? *(Подходит к столу.)* Это что? Дневник его. Ай, ай, как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала; он меня обманывает! Какой глупый человек! Ах, боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю... Низкий, низкий человек! *(Отирает слезы. Подумавши.)* Вот мысль! Он никак не подумает на меня! *(Прячет дневник в карман и отходит от стола.)* О, как я могу его унизить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут

его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползет ко мне.

Входит Глумов.

Глумов. Это уж из рук вон!

Мамаева. Кто был у вас?

Глумов. Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришел за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

Мамаева. Что вы за ужасы говорите! Это те же брави [1]. Кто он такой, я желаю знать?

Глумов. Зачем вам?

Мамаева. Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумов. Голутвин.

Мамаева. Где живет?

Глумов. Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

Мамаева. А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Глумов. Вы шутите?

Мамаева. Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Глумов. Немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

Мамаева. А если ему дадут больше?

Глумов. Кому же нужно! У меня врагов нет.

Мамаева. Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил. Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Глумов. Решительно.

Мамаева. Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Глумов. Денег. Променяю ли я рай на деньги?

Мамаева. Да ведь много денег, двести тысяч.

Глумов. Знаю.

Мамаева. Кто же это делает?

Глумов. Тот, кто истинно любит.

Мамаева. Да ведь этого не бывает.

Глумов. Вот вам доказательство, что бывает.

Мамаева. Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. *(Обнимает его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. *(Уходит.)*

---

[1] Наемные убийцы *(итал.)*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов *(один)*. Ну, как гора с плеч. Пора к невесте. *(Берет шляпу и смотрится в зеркало.)* Разумеется, все это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Все взято одной энергией. Целый за́мок висит на воздухе без фундамента. Все это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил, Голутвину заплачено. Пока я все уладил. *(Нараспев.)* Все уладил, все уладил. Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки... Где перчатки, где перчатки? Вот они. *(Подходит к столу.)* В этом кармане бумажник, в этом дневник. *(Не глядя, шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.)* Платок здесь. *(Оборачивается к столу.)* Что такое? Где же? *(Открывает ящик.)* Куда я его засунул? Да что ж это такое? Вот еще беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя... *(Стоит молча.)* Падает, все падает... и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завел? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня еще будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдет; еще беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато ведь уж и злей-то женщины ничего на свете нет, если ее обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придет. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к геенне. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ТУРУСИНА.

МАШЕНЬКА.

МАМАЕВ.

МАМАЕВА.

КРУТИЦКИЙ.

ГОРОДУЛИН.

ГЛУМОВ.

КУРЧАЕВ.

ГРИГОРИЙ.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курчаев и Машенька выходят из гостиной.

Курчаев. Как все это быстро сделалось.

Машенька. Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или...

Курчаев. Чудо, вы думаете?

Машенька. Я ничего не думаю, я просто голову потеряла.

Курчаев. Я его знаю давно и ничего особенного в нем не замечал; кажется, человек хороший.

Машенька. Он явился каким-то неотразимым. Всё за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадальщицы указывают на него, странницы тоже; наконец Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не видав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована.

Курчаев. Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги,— добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Еще с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

Машенька. Тише! Они идут.

Входят Турусина и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Турусина и Глумов.

Турусина садится в кресло. Глумов останавливается с левой стороны и кладет руку на спинку кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе. Машенька у стола перелистывает книгу.

Глумов. Когда я почувствовал призвание к семейной жизни, я взглянул на это дело серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих правилах,— это была бы торговая сделка, а не брак,— установление священное! Жениться по любви... но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Турусина. Я сама то же говорю, но не все верят. *(Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.)*

Глумов. Я ждал чуда и дождался чуда.

Курчаев. Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумов. Я поехал к одной благочестивой женщине.

Курчаев. Не к Манефе ли?

Глумов. Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошел, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего,— она сидела ко мне задом,— заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдешь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала — вечером дядюшка привез меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Турусина. Да, много чудесного, но мало избранных...

Курчаев. У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем...

Т у р у с и н а. Вы бы пошли по саду погуляли.

Курчаев шаркает ногой и кланяется.

Г л у м о в. Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел еще хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты... *(Машеньке.)* Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ее согласием.

Т у р у с и н а. Ничего больше и не нужно.

Г л у м о в. Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

К у р ч а е в. Непременно.

Г л у м о в. В этом браке нет людского произвола, следовательно, нет и ошибки.

Т у р у с и н а. Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Г р и г о р и й.

Г р и г о р и й. Иван Иваныч Городулин.

Т у р у с и н а. Я пойду оденусь потеплее, здесь сыро становится. *(Уходит.)*

М а ш е н ь к а *(Курчаеву)*. Пойдемте в сад.

Уходят в сад.
Входит Г о р о д у л и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г л у м о в и Г о р о д у л и н.

Г о р о д у л и н. Здравствуйте! Сколько вы денег берете?

Г л у м о в. Кажется, двести тысяч.

Г о р о д у л и н. Как же вы это сделали?

Г л у м о в. Да ведь вы же сами меня рекомендовали,— мне Софья Игнатьевна сказывала.

Г о р о д у л и н. Когда же? Да, да, помню. Да как же вы поладили с Турусиной, ведь вы вольнодумец?

Г л у м о в. Я с ней не спорю.

Г о р о д у л и н. А если она вздор говорит?

Г л у м о в. Ее исправить невозможно. К чему же трудиться?

Г о р о д у л и н. Да, так вы вот как. Это хорошо. Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Г л у м о в *(тихо)*. На днях будет напечатан трактат Крутицкого.

Г о р о д у л и н. Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Г л у м о в. Это очень легко.

Г о р о д у л и н. Еще бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы еще очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо будет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за свое. Надо их, старых, хорошенько.

Г л у м о в. Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Г о р о д у л и н. Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю. Нам такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну, и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Г л у м о в. Вон, в саду гуляет.

Г о р о д у л и н. Пойду поболтать с ней. *(Идет в сад.)*

Г л у м о в *(вслед)*. Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я ее урезонил! Мало того, что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с ее стороны.

Входит М а м а е в а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г л у м о в и М а м а е в а.

М а м а е в а. Ну, что, нашли?

Г л у м о в. Нет, Голутвин клянется-божится, что не брал. Даже слезы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

М а м а е в а. Кому же взять! Потеряли как-нибудь.

Г л у м о в. И представить себе не могу.

М а м а е в а. Найдет кто-нибудь и бросит.

Г л у м о в. Хорошо, как бросит.

М а м а е в а. А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Г л у м о в. Ничего особенного! Сердечные излияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки; очи,

кудри. Все то, что пишется про себя и что в чужих руках видеть стыдно.

М а м а е в а. Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну, так не беспокойтесь, никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь одни? Где ваша невеста?

Г л у м о в. Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не все же мне быть милым молодым человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: ах, какой красавец появился! — точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

М а м а е в а. Отчего же мне?

Г л у м о в. Оттого, что я ваш.

М а м а е в а. Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Г л у м о в. Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остается вам.

М а м а е в а. Вы опасный человек; вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Г л у м о в. На каких рысаках я буду подъезжать к вам!

М а м а е в а. Подъезжайте, подъезжайте. А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять ее. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней.

Г л у м о в. Вот вы сами посылаете.

М а м а е в а. Ступайте, ступайте.

Г л у м о в уходит.

Как он торжествует! Погоди, мой друг, не рано ли ты вздумал радоваться!

Входит К у р ч а е в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а м а е в а и К у р ч а е в.

М а м а е в а. Куда вы?

К у р ч а е в. Домой-с.

М а м а е в а. Домой, такой печальный? Погодите,— я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

М а м а е в а. Погодите, я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный! Подождите, я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остается.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

К у р ч а е в. Позвольте мне удалиться.

М а м а е в а. Я поеду домой рано, одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! Послушайте. Будьте со мной откровенны; я приказываю вам как тетка. Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

К у р ч а е в. Во всяком другом случае я мог бы...

М а м а е в а. А здесь что же?

К у р ч а е в. Софья Игнатьевна заявляет такие требования...

М а м а е в а. Какие?

К у р ч а е в. Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моей службой.

М а м а е в а. Что несовместно?

К у р ч а е в. Я и воспитанием не приготовлен...

М а м а е в а. Я вас не понимаю.

К у р ч а е в. Софья Игнатьевна ищет для племянницы...

М а м а е в а. Ну?

К у р ч а е в. Мог ли я этого ожидать? Это так редко бывает...

М а м а е в а. Что, что?

К у р ч а е в. Я никогда и не слыхивал...

М а м а е в а. Да объяснитесь хорошенько.

К у р ч а е в. Она ищет добродетельного человека.

М а м а е в а. Ну, так что ж?

К у р ч а е в. Я никаких добродетелей не имею.

М а м а е в а. Как никаких? Что же, в вас только пороки?

К у р ч а е в. Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? Во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

М а м а е в а. Погодите, погодите! Может быть, это еще и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада М а ш е н ь к а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М а м а е в а, К у р ч а е в, М а ш е н ь к а, потом Т у р у с и н а, М а м а е в, К р у т и ц к и й.

М а м а е в а. Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете. Очень рада вашему счастию.

М а ш е н ь к а. В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

М а м а е в а. Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением, и примером от вашей тетушки.

М а ш е н ь к а. Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одной: послушанием.

Входят Т у р у с и н а, М а м а е в и К р у т и ц к и й.

М а м а е в *(Крутицкому)*. В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

К р у т и ц к и й. Да почему же?

М а м а е в. Зачем непременно трагедия, отчего не комедия!

К р у т и ц к и й. А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

М а м а е в. Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Т у р у с и н а *(Мамаевой)*. У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь, зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица. Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть,

какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдет в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

М а м а е в а. Но где же ваш жених? Я его не вижу.

Т у р у с и н а. Машенька, где Егор Дмитрич?

М а ш е н ь к а. Он в саду с Городулиным.

Т у р у с и н а. По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покороче, тут я увидала, что он превзошел все мои ожидания.

М а м а е в *(подходя)*. Кто это превзошел все ожидания?

Т у р у с и н а. Ваш племянник.

М а м а е в. Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Т у р у с и н а. Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

К р у т и ц к и й. Да, Глумов может далеко пойти.

М а м а е в. Разумеется, с нашею помощью.

Входит Г р и г о р и й.

Т у р у с и н а. И за что мне такое счастие? Разве за мои... *(Григорию.)* Что тебе? Разве за мои добрые дела!

Человек подает конверт.

Что это такое? *(Распечатывает.)* Какая-то газета! Должно быть, не ко мне.

М а м а е в а *(берет конверт)*. Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Т у р у с и н а. Это, должно быть, ошибка. Кто принес?

Г р и г о р и й. Почталион-с.

Т у р у с и н а. Где он?

Г р и г о р и й. Он давно ушел-с.

М а м а е в. Дайте-ко сюда. Я вам разберу и объясню. *(Берет конверт и вынимает из него печатный лист.)* Во-первых, газета, да и не газета, а только один лист из газеты, одна статья.

Т у р у с и н а. Но ведь это не из редакции?

М а м а е в. Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Т у р у с и н а. Что же такое там?

Мамаев. А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Турусина. Это до нас не касается. Бросьте.

Мамаев. Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба, ба, ба! Да это Егор Дмитрич!

Мамаева. Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдает газету.

Турусина. Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

Курчаев. Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

Мамаев *(строго)*. Да, да. Я знаю.

Мамаева. Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича: тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

Мамаев *(вынимает из конверта тетрадь)*. Вот еще что-то.

Крутицкий. Это его рука, я к ней пригляделся. Его, его! Чем хотите отвечаю.

Мамаев. Да, это его рука, а вот подпись другой рукой. «В доказательство того, что все в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать— статью или дневник?

Крутицкий. Лучше уж оригинал.

Мамаев. Начнем с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счет. «Манефе двадцать пять рублей, ей же еще двадцать пять рублей... Дура набитая, а берется предсказывать! Учил, учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей... Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмет с Турусиной? Спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с полтиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Турусина *(нюхая спирт)*. Всех прогоню, всех. Злой быть грешно, и доброй глупо! Как жить после этого?

Мамаева. Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

Мамаев. «За три анонимных письма к Турусиной пятнадцать коп...».

Машенька. Так вот откуда письма-то, ma tante!

Турусина. Вижу, мой друг. Извини меня. Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму и не по силам. Располагай собой, как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька *(тихо)*. Мой выбор уж сделан, ma tante.

Турусина. И прекрасно. В нем ты не обманешься, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

Крутицкий. И заведете себе других?

Турусина. Не знаю.

Мамаев. Прикажете продолжать?

Турусина. Уж теперь продолжайте, все равно.

Мамаев. «Человеку Мамаева, за то, что привез ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся в наймы квартирам, — этому благодетелю моему три рубля. Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем не интересный. «Первый визит Крутицкому. Муза! Воспоем доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка?»

Крутицкий. Ну, довольно! Это пашквиль... Кому приятно?..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Городулин, потом Глумов.

Мамаев *(не замечая Городулина)*. Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине. «Городулин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

К р у т и ц к и й. Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Г о р о д у л и н. Вы находите, что похоже?

М а м а е в. Ах, Иван Иваныч, я вас и не приметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Г о р о д у л и н. Кто же этот современный Ювенал?

М а м а е в. Мой племянник, Глумов.

Т у р у с и н а. Отдайте, Иван Иваныч, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Г л у м о в, Городулин почтительно подает ему дневник.

Г л у м о в *(принимая дневник)*. Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам: вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

К р у т и ц к и й. Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

В с е. Да, да, да.

Г л у м о в *(Крутицкому)*. А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный человек? Может быть, вы вашим проницательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмется за такую работу! Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

К р у т и ц к и й. Оно конечно, но...

Г л у м о в *(Мамаеву)*. Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили льстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

М а м а е в. Ну, что нам с тобой считаться — мы свои люди.

Г л у м о в. Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать! Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Т у р у с и н а. Я знаю одно, что на земле правды нет, и с каждым днем все больше в этом убеждаюсь.

Г л у м о в. Ну, а вы, Иван Иваныч?

Г о р о д у л и н. Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И все, что вы говорили про нас, то есть про меня,— про других я не знаю,— правда совершенная.

Г л у м о в. Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. *(Крутицкому.)* Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете, с глазу на глаз с вами, молодой человек стоит навытяжку и, униженно поддакивая после каждого слова, говорит «ваше превосходительство», у вас по всем членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

К р у т и ц к и й. Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностию.

Г л у м о в. Извините, ваше превосходительство! *(Мамаеву.)* Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

М а м а е в. Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую...

Г л у м о в. Понимаю. И вам, Иван Иваныч, я нужен.

Г о р о д у л и н. Нужен, нужен.

Г л у м о в. И умных фраз позаимствоваться для спича...

Г о р о д у л и н. И умных фраз для спича.

Г л у м о в. И критику вместе написать.

Г о р о д у л и н. И критику вместе написать.

Г л у м о в. И вам, тетушка, нужен.

М а м а е в а. Я и не спорю, я вас и не виню ни в чем.

К р у т и ц к и й *(Мамаеву)*. Я, знаете ли, в нем сразу заметил...

М а м а е в *(Крутицкому)*. И я сразу. В глазах было что-то.

Г л у м о в. Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки, я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я был между вами, в вашем обществе,— я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, та́к это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили всё: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все,— тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте. *(Уходит.)*

Молчание.

К р у т и ц к и й. А ведь он все-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Г о р о д у л и н. Непременно.

М а м а е в. Я согласен.

М а м а е в а. Уж это я возьму на себя.

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ПАВЛИН ПАВЛИНЫЧ КУРОСЛЕПОВ
именитый купец.

МАТРЕНА ХАРИТОНОВНА
жена его.

ПАРАША
дочь его от первой жены.

НАРКИС
приказчик Курослепова по дому.

ГАВРИЛО
приказчик по лавке.

ВАСЯ ШУСТРЫЙ
сын недавно разорившегося купца.

ДЕВУШКА.

СИЛАН
дальний родственник Курослепова, живет в дворниках.

Двор: направо от зрителей крыльцо хозяйского дома, рядом дверь в комнату, где живут приказчики; налево флигелек, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота. Летний вечер, восьмой час.
Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило (сидит на скамье с гитарой), Силан (с метлой стоит подле).

Силан. Слышал ты, пропажа-то у нас?

Гаврило. Слышал.

Силан. Вот она где у меня сидит, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои — господа приказчики, у меня чтоб аккуратно: в девятом часу чтоб дома, и ворота на запор. А уж это, чтоб по ночам через забор лазить,— уж это заведение надо вам бросить; а то сейчас за ворот да к хозяину.

Гаврило. Чудак ты человек, да коли нужно.

Силан. Мое дело: было б сказано, а там, как знаете! Я теперь необнаковенно зол, вот как зол, беда!

Гаврило бренчит на гитаре. Силан молча смотрит ему на руки.

Доходишь?

Г а в р и л о. Дохожу помаленьку. *(Поет и аккомпанирует себе.)*

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно.

С и л а н. Песня важная.

Г а в р и л о. Песня расчудесная, в какой хочешь компании пой; только вот перебор... смотри хорошенько! Видишь? не выходит, да и на поди!

С и л а н. Я так полагаю, друг любезный, тебе это самое занятие лучше бросить.

Г а в р и л о. Зачем же мне его бросать, дядюшко Силантий? Что я труда положил, ты то подумай!

С и л а н. Много тебе муки мученицкой за него.

Г а в р и л о. Мука-то ничего, а убытку много, это верно; потому гитара струмент ломкий.

С и л а н. Ежели ее с маху да об печку, тут ей и конец.

Г а в р и л о. Конец, братец ты мой, конец, плакали денежки.

С и л а н. Об печку? А? Придумал же хозяин экую штуку; как увидит эту самую гитару и сейчас ее об печку! Чудно!

Г а в р и л о *(со вздохом)*. Не все об печку, дядюшко Силантий, две об голову мою расшиб.

С и л а н. И довольно это, должно быть, смешно; потому гул по всему дому.

Г а в р и л о. Кому смешно, а мне...

С и л а н. Больно? Само собой, если краем...

Г а в р и л о. Ну, хоть и не краем... Да уж я за этим не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленая; а за гитары-то я деньги плачу.

С и л а н. И то правда. Голова-то поболит, поболит, да и заживет; а гитару-то уж не вылечишь.

Г а в р и л о. А что, не убираться ли мне! Как бы хозяин не увидал.

С и л а н. Нет! Где! Он спит по обнаковению. Ночь спит, день спит; заспался совсем, уж никакого понятия нету, ни к чему; под носом у себя не видит. Спросонков-то, что наяву с ним было, что во сне видит, все это вместе путает; и разговор станет у него не явственный, только мычит; ну, а потом обойдется, ничего.

Г а в р и л о *(громко поет).*

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нету никого.

К у р о с л е п о в выходит на крыльцо.

С и л а н. Постой-ко! Никак вышел! И то! Уходи от греха! Или стой! Притулись тут; он дальше крыльца не пойдет, потому ленив.

Гаврило прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К у р о с л е п о в и С и л а н.

К у р о с л е п о в *(садится на крыльцо и несколько времени зевает)*. И с чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? И никого, прах их... Матрена! Ни дома, ни на дворе, чтоб им!.. Матрена! Вот как оно страшно, когда не знаешь, что на свете... Жутко как-то. И сон это я видел али что? Дров будто много наготовлено и му́рины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? Да куда ж это все провалились? И какой это на меня страх сегодня! А ведь небо-то, никак, опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вот искры. И что, ежели вдруг теперь светопреставление! Ничего мудреного нет! Оченно это все может случиться, потому... вот смолой откуда-то запахло и пел кто-то диким голосом и звук струнный или трубный, что ли... Не поймешь.

Бьют часы городские.

Раз, два, три, четыре, пять *(считает, не слушая)*, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Часы, пробив восемь, перестают.

Только? Пятнадцать!.. Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать! Да еще мало по грехам нашим! Еще то ли будет! Ежели пойти выпить для всякого случаю? Да, говорят, в таком разе хуже, а надо, чтобы чело́век с чистой совестью... *(Кричит.)* Силантий, эй!..

С и л а н. Не кричи, слышу.

Курослепов. Где ты пропадаешь? Этакое дело начинается...

Силан. Нигде не пропадаю, тут стою, тут, тебя берегу.

Курослепов. Слышал часы?

Силан. Ну, так что ж?

Курослепов. То-то, мол! Живы еще все покудова?

Силан. Кто?

Курослепов. Домочадцы и все православные христиане?

Силан. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослепов. Источники водные еще не иссяклись?

Силан. Нет. С чего им?

Курослепов. А где же теперь жена?

Силан. В гости ушла.

Курослепов. Вот этакой теперь случай; она должна при муже.

Силан. Ну, уж это ее дело.

Курослепов. Какие гости! Нашла время! Страх этакой.

Силан. Какой?

Курослепов. Всем в услышание пятнадцать-то часов било.

Силан. Ну, пятнадцать не пятнадцать, а девятый час это точно... ужинать теперь бы самое время да опять спать.

Курослепов. Ты говоришь, ужинать?

Силан. Да, уж это беспременно. Уж ежели что положеное, без того нельзя.

Курослепов. Так это, значит, мы вечером?

Силан. Вечером.

Курослепов. И все, как бывает завсегда? Ничего такого?

Силан. Да чему же?

Курослепов. А я было как испугался! Мало ли я тут, сидя, чего передумал. Представилось мне, что последний конец начинается. Да ведь и то сказать, долго ли.

Силан. Что толковать.

Курослепов. В соборе отошли?

Силан. Сейчас только.

Курослепов *(запевает)*. Но, яко... Ты ворота запер?

Силан. Запер.

Курослепов. Пойти посмотреть за тобой.

С и л а н. Пройдись малость, лучше тебе...

К у р о с л е п о в. Да, «пройдись малость»! Все твое несмотрение. Везде свой глаз нужен. У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

С и л а н. А ты спи больше, так и всего обворуют.

К у р о с л е п о в. Вам разве хозяйского жаль! Еще я с тобой... погоди.

С и л а н. Ну да, как же! Испугался! С меня взять нечего. Я свое дело делаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть к присяге. Не токма что вор, муха-то не пролетит, кажется. У тебя где были деньги-то?

К у р о с л е п о в. Не успел я в сундук-то убрать, под подушкой были, в чулке спрятаны.

С и л а н. Ну, кому же возможно, сам посуди! В чулки прячешь,— так вот ты чулки-то и допроси хорошенько!

К у р о с л е п о в. Рассказывай! А вот взять тебя за волосы да, как бабы белье полощут...

С и л а н. Руки коротки!

К у р о с л е п о в. Опять же вина не наготовишься, целыми бутылями пропадает.

С и л а н. С того ищи, кто пьет, а меня бог миловал.

К у р о с л е п о в. Кто бы это украл?

С и л а н. Диковина!

К у р о с л е п о в. Уж, кажется, кабы...

С и л а н. Ну, да уж и я бы...

К у р о с л е п о в *(нараспев)*. Но, яко... Так ужинать ты говоришь?

С и л а н. Одно дело.

К у р о с л е п о в. Пойти приказать.

С и л а н. А что ж вороты?

К у р о с л е п о в. После. Ты у меня... *(Грозит.)* Слушай! Я, брат, ведь нужды нет, что ты дядя. А у меня, чтоб всё, двери, замки, чтоб все цело! Пуще глазу, как зеницу ока, береги. Мне из-за вас не разоряться.

С и л а н. Ну, да уж и довольно! Сказано, и будет.

К у р о с л е п о в. Где приказчики?

С и л а н. А кто их знает.

К у р о с л е п о в. Ежели которого нет, не отпирай, пусть за воротами ночует; только хозяйку пусти. А ежели посторонних кого к ним, хоть знакомый-раззнакомый, ни под каким видом. У меня тоже дочь невеста. *(Уходит в дом.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, Гаврило и потом Вася Шустрый.

С и л а н *(подходит к Гавриле)*. Вылезай, ничего!

Г а в р и л о. Ушел?

С и л а н. Ушел. Вот теперь поужинает да опять спать. А отчего это он спит так? Оттого, что капитал! А ты вот тут майся всю ночь. Награбил денег, а я ему их стереги! Две тысячи рублей! Легко сказать! От твоего, говорит, несмотрения! Каково мне на старости лет попреки слушать! Уж, кажется, кабы мне этого вора! Уж я б ему!.. То есть, кажется, зубами бы загрыз! Ну, вот покажись теперь, вот так метлой прямо ему... *(Увидав Васю, который показывается на заборе.)* Постой, постой! Вот он! Погоди, дай ему с забору-то слезть. *(Бросается на него с метлой.)* Караул!

В а с я. Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

С и л а н *(ухватив его за ворот)*. И то, никак, свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара...

В а с я. Не кричи, сделай милость. Я к вам посидеть, больно скучно дома-то.

С и л а н. Коли ты к нам честью, на то есть ворота.

В а с я. Ворота заперты, а стучать — пожалуй, хозяин услышит.

С и л а н *(держит за ворот)*. А где ж это показано, чтоб через забор? Ка... ра...

В а с я. Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?

С и л а н. Знаю я, что ты и прежде через забор лазил, да раз на раз не приходит; прежде взыску не было, а теперь вон две тысячи рублей пропало. Вот оно что значит вас баловать!

В а с я. Ведь не я украл, ты сам знаешь, какое ж мне до этого дело!

С и л а н *(трясет его за ворот)*. Тебе нет дела! Тебе нет дела! Стало быть, я один за всех отвечай! Вам никому нет дела. Все я! Вот ты у меня теперь запоешь! Караул!

Г а в р и л о. Да полно ты его мытарить-то.

С и л а н *(Васе)*. Кланяйся в ноги!

Вася кланяется.

Вот так! *(Берет его за ворот.)*

В а с я. Зачем же ты меня опять за ворот-то взял?

С и л а н. Для всякой осторожности. Что, отец здоров?

В а с я. Слава богу!

С и л а н. Знаю ведь я, зачем ты пришел; да нет ее дома, в гости ушла.

В а с я. Да пусти.

С и л а н *(держа за ворот)*. В гости ушла, друг любезный. Вот погоди, придет. Вот придет, так повидайся, что ж!

В а с я. Да полно тебе мудрить-то надо мной. Что ты меня за ворот-то держишь?

С и л а н. А вот что: не свести ли мне тебя к хозяину покудова?

В а с я. Силантий Иваныч, есть ли на тебе крест?

С и л а н *(отпускает)*. Ну, бог с тобой. Сиди здесь! Только чтоб честно и благородно; а ежели что, сейчас руки назад и к хозяину. Понял?

В а с я. Что же мне понимать-то?

С и л а н. Ну, то-то же. Мне было б сказано. *(Отходит и стучит в доску.)*

Г а в р и л о. Что тебя не видать давно?

В а с я. Недосужно было. Ну, Гаврик, какие я чудеса видел, так, кажется, всю жизнь не увидишь!

Г а в р и л о. Где ж это?

В а с я. У Хлынова был.

Г а в р и л о. У подрядчика?

В а с я. Да. Он уж теперь подряды бросил.

Г а в р и л о. Разве у тебя уж делов теперь нет никаких?

В а с я. Какие дела! Все врозь ползет, руки отваливаются. В люди идти не хочется от этакого-то капиталу; я тоже человек балованый...

Г а в р и л о. А ведь поневоле пойдешь, как есть-то нечего будет.

В а с я. Ну, там что бог даст, а покуда погуляю.

Г а в р и л о. Что же ты, какие диковины видел у Хлынова?

В а с я. Чудеса! Он теперь на даче живет, в роще своей. И чего-чего только у него нет! В саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьет шампанское. Круг дому народ толпится, все на него удивляются. А когда народ в сад велит пу-

стить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. Рай, а не житье!

Гаврило. А ведь из крестьян недавно.

Вася. Ум такой имеет в себе. Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. Уж чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще желать на свете? Чего теперь у него нет? Все.

Гаврило. Да на что же пушку?

Вася. Как на что, чудак! По его капиталу необходимая это вещь. Как пьет стакан, сейчас стреляют, пьет другой — стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми. Другой умрет, этакой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил.

Гаврило. Где уж нам! Ты моли бога, чтобы век работа была, чтобы сытым быть.

Вася. Еще барин с ним. Он его из Москвы привез, за сурьезность к себе взял и везде возит с собой для важности. Барин этот ничего не делает и все больше молчит, только пьет шампанское. И большое ему жалованье положено за вид только за один, что уж очень необыкновенные усы. Вот тоже этому барину житье, умирать не надо.

Гаврило. Эх, брат Вася! Кому ты позавидовал! Нынче он этого барина шампанским поит, а завтра, может быть, надругается да прогонит. Хорошо, как деньжонки есть, а то и ступай пешком в Москву. А ты, хоть с грошом в кармане, да сам себе господин.

Вася. А то у него еще другой атютант есть, здешний мещанин, Алистарх.

Гаврило. Знаю.

Вася. Этот только на выдумки: как что сделать почуднее, выпить повеселее, чтоб не все одно и то же. Машины Хлынову делает, флаки красит, фонтаны в саду проводит, цветные фонари клеит; лебедя ему сделал на лодке на носу, совсем как живой; часы над конюшней на башне поставил с музыкой. Этот не пьет и денег берет немного; зато ему и уважения меньше. «У тебя, говорит, золотые руки, наживай капиталы от меня!» — «Не хочу, говорит Листарх, и твой-то капитал весь несправедливый».— «Как ты, говорит, смеешь грубить, я тебя прогоню». Алистарх ему прямо так: «Гони, говорит, не заплачу, по мою жизнь вас, дураков, хватит». И так будто побранятся. Только Алистарх его ничего не боится,

грубит ему и ругает в глаза. А Хлынов его за это даже любит; да и то надо сказать, денег у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать». Вот ему Алистарх и нужен, чтоб думать за него. А коли что сам выдумает, все нескладно. Вот недавно придумал летом в санях ездить по полю. Тут недалеко деревня; собрали двенадцать девок и запрягли их в сани. Ну, что за удовольствие! На каждую девку дал по золотому. А то вдруг на него хандра нападет: «Не хочу, говорит, пьянствовать, хочу о своих грехах казниться». Позовет духовенство, посадит всех в гостиной по порядку, кругом, на кресла и начнет потчевать; всем в ноги кланяется; потом петь заставит, а сам сидит один посереди комнаты и горькими слезами плачет.

Г а в р и л о. Что ж ты у него делал?

В а с я. Меня Алистарх позвал. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему переделали. Лодка настоящая, и ездят по пруду кругом острова, а на острову закуска и вина приготовлены, а Алистарх хозяином, одет туркой. Три дня кряду эту игру играли, надоела.

Подходит Н а р к и с.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и Н а р к и с.

Н а р к и с. Я что ж, я, пожалуй, с вами вместе сяду, нужды нет, что вы мне не компания. *(Садится.)*

В а с я *(не обращая на него внимания)*. Как разбойники раза два кругом острова объедут, и все атаман глядит в трубу подзорную, и вдруг закричит не своим голосом, и сейчас причаливают, и грабить, а хозяин кланяется и всех потчует.

Н а р к и с. Какие это такие разбойники проявились и откудова? Мне это чтобы сейчас было известно.

В а с я *(не слушая)*. И хозяин говорит по-турецки, и так похоже, вот как быть надо.

Н а р к и с. Есть тоже, которые разговаривать не хотят, но тоже и бьют их за это довольно порядочно.

В а с я. А одеты все в бархат, настоящий, венецейский.

Н а р к и с *(вынимает красный фуляровый платок, надушенный, и размахивает им)*. Может, и другой кто одеться-то умеет, так что и купцу в нос бросится.

Г а в р и л о. Поди ты с своими духами!

Н а р к и с *(показывая перстень)*. И супиры тоже можем иметь, что, которые купеческие дети есть, так, может, и не видывали. А про разбойников про ваших все узнается, потому прикрывать их не показано.

В а с я. Да, может, ты сам разбойник-то и есть, кто тебя знает!

Н а р к и с. И за такие слова тоже суд с вашим братом короткий.

В а с я. Я когда в Москве был, «Двумужницу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляют. Уж на что лучше.

Н а р к и с. Я вот поеду в Москву, я погляжу, я погляжу, так ли ты говоришь.

В а с я. Уж этому актеру трепали, трепали в ладоши,— страсть!

Н а р к и с. Ты погоди врать-то, вот я погляжу, еще, может, твоя неустойка выдет.

В а с я. А это купец, а не актер, а больше на разбойника похож.

Н а р к и с *(встает)*. Умного у вас разговору, я вижу, нет, слушать мне нечего. А между прочим, надобно сказать, я сам скоро в купцы выду. *(Входит во флигель.)*

Г а в р и л о. А ты послушай, какую я песню наладил.

В а с я. Валяй!

Г а в р и л о *(поет с гитарой)*.

Ни папаши, ни мамаши,
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!

С и л а н *(издали)*. Тише ты, никак, хозяин...

К у р о с л е п о в выходит на крыльцо.

Г а в р и л о *(не слушая, с большим азартом)*.

Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Милый ручку протянул,
Казак плеткой стеганул.
На то сени, на то двери,
На то новы ворота.

К у р о с л е п о в *(сходит с крыльца)*. Гаврюшка! Вот кто гудит-то. Какое такое столпотворение ты тут на дворе заводишь!

Г а в р и л о *(Васе)*. Батюшки! Бери скорей гитару да полезай в кусты.

Вася берет от него гитару и лезет в кусты.

К у р о с л е п о в. Кому я говорю! Глух ты, что ли! Иди сейчас сюда на глаза и с бандурой!

Г а в р и л о. Гитары нет у меня, Павлин Павлиныч, провалиться на месте, нет-с, это я так...

К у р о с л е п о в. Как так? Как так, мошенник!

Г а в р и л о. Я, Павлин Павлиныч, на губах, право, на губах.

К у р о с л е п о в. Поди сюда, поди сюда, говорят тебе!

В а с я убегает с гитарой во флигель.

С и л а н. Ты, братец, иди, коли велят; уж делать, стало быть, нечего.

Г а в р и л о. Что же такое! Я иду-с!

С и л а н. Ну, маленько потреплет, уж без того нельзя, на то он хозяин.

Гаврило идет нога за ногу. Курослепов обходит его и хочет к нему подойти. Гаврило отступает, потом бежит на крыльцо. Курослепов за ним в дом. Стучат в калитку. Силан отпирает. Входят М а т р е н а и П а р а ш а. С и л а н, впустив их, уходит за ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а т р е н а, П а р а ш а, потом Г а в р и л о.

М а т р е н а *(идет к крыльцу, из дому выбегает Гаврило, растрепанный, и сталкивается с ней)*. Ой! Пострел! Под ребро! Под самое под сердце! Я ж тебя, погоди! *(Ловит его за руку.)*

Параша смеется.

Ты чему смеешься, чему?

П а р а ш а. Захотела смеяться и смеюсь.

М а т р е н а. Эко зелье! Эко зелье! *(Идет к Параше и ведет Гаврилу за собой, тот упирается.)*

П а р а ш а. Не подходи лучше, нехорошо тебе будет.

М а т р е н а. Запру тебя, в чулан запру, вот и весь разговор.

П а р а ш а. Нет, не весь, много у нас с тобой разговору будет. *(Уходит.)*

М а т р е н а. Эко зелье зарожденное! *(Гавриле.)* А ты откуда взялся? Уж ты на людей метаться стал! Ишь ты какой всклоченный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Г а в р и л о. Что ж, хорошо, что ль, трепать людей-то! Есть чем хвастаться! Ведь это все отчего людей-то треплют?

М а т р е н а. Отчего? Ну, говори, отчего?

Г а в р и л о. От необразования.

М а т р е н а. От необразования? Тебя, видно, мало? Пойдем, я еще к хозяину сведу.

Г а в р и л о. Да что вы в самом деле! Пустите! *(Вырывается.)* Я уж и так топиться от вас хочу.

М а т р е н а. И чудесно! Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете.

Г а в р и л о. Ну, я-то уж таковский, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья от вас нет. Это даже довольно подло с вашей стороны.

М а т р е н а. Ах ты, тварь ползущая! Смеешь ли ты так хозяйке?

Г а в р и л о. Ведь это в вас невежество ваше так свирепствует.

М а т р е н а. Молчи! Сейчас я тебя всех твоих прав решу.

Г а в р и л о. Каких прав? У меня и нет никаких. А что мне молчать? Я по всему городу кричать буду, что вы над падчерицей тиранствуете. Вот вы и знайте! *(Уходит.)*

Входит Н а р к и с.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М а т р е н а и Н а р к и с.

М а т р е н а. Это ты, Наркис?

Н а р к и с *(грубо)*. Нет, не я.

М а т р е н а. Как ты можешь со мной так неучтиво! Хозяйка желает с тобой нежно разговаривать,— есть ее такое теперь желание...

Н а р к и с. Вообразите! И что еще будет?

М а т р е н а. Ты, как есть, мужик неотесанный.

Н а р к и с. И то мужик, я себя барином и не ставлю. Что ты меня из кучеров-то приказчиком произвела,

экономом,— ты думаешь, что я сейчас барином и стал для тебя, как же! Ты выправь мне такой лист, чтобы был я, как есть, природный дворянин, да тогда учтивости от меня и спрашивай.

М а т р е н а. Что ты выдумываешь-то, чего невозможно!

Н а р к и с. А невозможно, я и так живу. Как был невежа, облом и грубиян, так, значит, и остался. И ничего я об этом не беспокоюсь, потому что мне и так очення хорошо.

М а т р е н а. Что ты какой неласковый сегодня?

Н а р к и с. А вот неласковый, так и неласковый.

М а т р е н а. Да отчего?

Н а р к и с. Так, ни от чего. Про разбойников много слышал.

М а т р е н а. Про каких?

Н а р к и с. Объявились в наших местах... человек полтораста. Шайками по лесам и по воде на лодках.

М а т р е н а. Да врут, чай, поди.

Н а р к и с. Кто их знает; может, и врут.

М а т р е н а. Что ж, ты боишься, что ли?

Н а р к и с. Ну, вот еще выдумала! Стану я бояться, очень нужно!

М а т р е н а. Ты что вышел-то? Тебе не нужно ль чего?

Н а р к и с. Да, мне теперича очень требуется...

М а т р е н а. Чего?

Н а р к и с. Денег.

М а т р е н а. Каких денег, что ты!

Н а р к и с. Таких денег,— обыкновенных, государственных, а ты думала, игрушечных? Так я не маленький, мне не играть ими. Тысячу рублей давай!

М а т р е н а. Да опомнись ты! Давно ли...

Н а р к и с. Оно точно, что недавно; только, коли я требоваю, так, стало быть, нужно. Потому как я в купцы выходить хочу вскорости и беспременно, так, значит, чтоб мне была тысяча рублей.

М а т р е н а. Варвар ты, варвар!

Н а р к и с. Это точно, я варвар; это ты правду. Жалости во мне на вас нет.

М а т р е н а. Да ведь ты меня грабишь.

Н а р к и с. А для чего ж мне тебя не грабить, коли я могу. Что же я теперича за дурак, что мне от своего счастья отказываться!

М а т р е н а. Да, ненасытная твоя душа, ужли тебе мало еще?

Н а р к и с. Мало не мало, а коли есть мое такое желание, так, значит, подавай: разговарить нечего. Ежели да мне с тебя денег не брать, это будет довольно смешно.

М а т р е н а. Ах ты... Боже мой милостивый... что мне с тобой делать!

Н а р к и с. Уж теперь шабаш, ничего не поделаешь! Ты бы об этом прежде...

М а т р е н а. Где ж я тебе денег возьму?

Н а р к и с. А это не моего рассудка дело.

М а т р е н а. Да подумай ты сам, дубовая башка, сам подумай!

Н а р к и с. Вот еще, очень нужно! Мне какое дело! Стану я для тебя голову ломать, как же! Думают-то петухи индейские. Я весь век прожил не думавши; а как сейчас что в голову придет, вот и конец.

М а т р е н а. Кровопивец ты, окаянный! *(Хочет идти.)*

Н а р к и с. Постой, погоди. Не надо мне денег. Пошутил.

М а т р е н а. Вот так-то лучше.

Н а р к и с. А чтобы падчерицу за меня замуж, Парашу.

М а т р е н а. Ну, не пес ты после этого?

Н а р к и с. И денег, и приданого, всего как следует.

М а т р е н а. У! Проклятый! Выколоть тебе бельмы-то твои завистливые.

Н а р к и с. И сделай такую милость, свадьба чтоб была скорее. А то я таких делов наделаю, что не расчерпаешь. Чего душа моя желает, чтоб это было! И пожалуйста, ты меня не задерживай. Вот тебе и сказ. Больше я с тобой разговаривать теперь не в расположении. *(Уходит.)*

М а т р е н а. Попутал меня, ох, попутал! Накинула я себе петлю на шею! Вымотал он всю мою душеньку из бела́ тела. Ноженьки-то мои с места не двигаются. Точно меня громом ошарашил! Кабы эту чаду где бревном придавило, кажется бы, в Киев сходила по обещанию.

Выходит П а р а ш а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а т р е н а и П а р а ш а.

М а т р е н а. Куда ты, куда выскочила?

П а р а ш а. Иди скорей, батюшко зовет.

М а т р е н а. Ступай передом, я за тобой.

П а р а ш а. Я не барабанщик, впереди тебя ходить. *(Сходит с крыльца.)*

М а т р е н а. Куда норовишь? Не бывать же по-твоему, не пущу я тебя ночью шляться по двору.

П а р а ш а. Ну, так ведь уйду же и на улицу, коли ты стала разговаривать. И незачем уйти, а уйду. Иди домой, кличет, говорят тебе.

М а т р е н а. Разорвусь пополам, а на своем поставлю.

П а р а ш а. Вынула ты из меня все сердце, вынула. Что тебе нужно от меня? *(Становится прямо против нее.)*

М а т р е н а. Как что нужно, как что нужно? Первый мой долг, я тебя соблюдать должна!

П а р а ш а. Себя соблюдай!

М а т р е н а. Ты мне не указ.

П а р а ш а. И ты мне пе указ.

М а т р е н а. Мне за тебя, за дрянь, да перед отцом отвечать...

П а р а ш а. Нечего тебе придумывать-то, чего быть не может. Не в чем тебе отвечать, сама ты знаешь; только ненависть тебя разжигает. Что, я мешаю тебе, что ли, что на дворе погуляю. Ведь я девушка! Только и отрады у нас, что летним делом погулять вечерком, подышать на воле. Понимаешь ли ты, на воле, на своей воле, как мне хочется.

М а т р е н а. Знаю я, зачем ты вышла-то; недаром Наркис-то говорил.

П а р а ш а. Ты б стыдилась об Наркисе-то и поминать.

М а т р е н а. Так вот нет же...

Голос Курослепова: «Матрена!»

О! Чтоб вам пусто было! Измучили вы меня! В гроб вы меня вгоните!

П а р а ш а. За что ты надо мной тиранствуешь? У зверя лесного, и у того чувство есть. Много ль у нас воли-то в нашей жизни в девичьей! Много ли времени я сама своя-то? А то ведь я — все чужая, все чужая. Молода — так отцу с матерью работница, а выросла да замуж отдали — так мужнина, мужнина раба беспрекословная. Так отдам ли я тебе эту волюшку, дорогую, короткую. Все, все отнимите у меня, а воли я не отдам... На нож пойду за нее!

М а т р е н а. Ах, убьет она меня! Ах, убьет!

К у р о с л е п о в выходит на крыльцо, С и л а н в ворота.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Матрена, Параша, Курослепов, Силан.

Курослепов. Матрена! Что тебя не дозовешься!

Матрена. Уйми дочь-то, уйми! Зарезать меня хочет.

Параша. Нечего меня унимать, я и так смирна.

Матрена. Попала я в семейку, в каторжную. Лучше бы я у родителя в девичестве пребывала.

Курослепов. Эк, хватилась!

Матрена. Там меня любили, там нежили, там и по сю пору обо мне убиваются.

Силан. Ты кричи шибче! И так почитай весь город у ворот, не пожар ли, мол.

Курослепов. А ты метлой-то ее!

Матрена *(Силану)*. И сохрани тебя господи! Что я с тобой... *(Курослепову.)* Ты дочь избаловал, ты! У вас один умысел, погубить вы меня хотите. Вели дочери покориться! С места не сойду.

Курослепов. Прасковья, покорись!

Параша. Да в чем покориться-то? Я по двору погулять вышла, а она меня гонит. Что она обо мне думает? Зачем она меня порочит? Я честней ее! Мне это обида. Горькая обида!

Матрена. Говори, лохматый шут...

Курослепов. Метлой-то ее!

Матрена. Тебя метлой-то! Говори, заспанные твои буркалы: мое дело беречь ее?

Параша. Нечего того беречь, кто сам себя бережет! Не говори ты мне таких слов!

Курослепов. Ну, что тут еще! Что за базар! Покорись, тебе говорят.

Параша. И ты говоришь: покорись? Ну, изволь... Я покорюсь. *(Матрене.)* Я покорюсь, только вот я тебе при отце говорю — это в последний раз,— запомни ты мои слова! Вперед я, когда хочу и куда хочу, туда и пойду. А коли ты меня станешь останавливать, так докажу я вам, что значит у девки волю отнимать. Слушай ты, батюшко! Не часто мне с тобой говорить приходится, так уж скажу я тебе зараз. Вы меня, девушку, обидели. Браниться мне с тобой совесть не велит, а молчать силы нет; я после хоть год буду молчать, а тебе вот что скажу. Не отнимай ты моей воли дорогой, не марай мою честь девичью, не ставь за мной сторожей! Коли я себе добра хочу,—

я сама себя уберегу, а коли вы меня беречь станете... Не уберечь вам меня! *(Уходит.)*

Курослепов уходит за ней, потупя голову. Матрена за ним, ворчит и бранится про себя.

Силан *(стучит в доску)*. Посматривай!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

КУРОСЛЕПОВ.

МАТРЕНА.

ПАРАША.

СЕРАПИОН МАРДАРЬИЧ ГРАДОБОЕВ
городничий.

ВАСЯ ШУСТРЫЙ.

ГАВРИЛО.

СИЛАН.

СИДОРЕНКО
полицейский унтер-офицер, он же и письмоводитель городничего.

ЖИГУНОВ
будочник.

ДЕВУШКА.

РАБОЧИЕ КУРОСЛЕПОВА

Декорация первого действия. 10-й час. К концу действия на сцене темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Градобоев, Силан, Сидоренко и Жигунов входят в ворота.

Градобоев. Что, человек божий, хозяева не спят еще?

Силан. Надо быть, нет; ужинать хотят.

Градобоев. Что поздно?

Силан. Да все раздор; бранятся подолгу, вот и опаздывают.

Градобоев. А как дело?

С и л а н. Мне что! Говори с хозяином!

Г р а д о б о е в. Сидоренко, Жигунов, вы подождите меня у ворот.

С и д о р е н к о и Ж и г у н о в. Слушаем, ваше высокоблагородие.

Г р а д о б о е в уходит на крыльцо.

С и д о р е н к о *(Силану, подавая табакерку)*. Березинского!

С и л а н. С золой?

С и д о р е н к о. Малость.

С и л а н. А стекла толченого?

С и д о р е н к о. Кладу по препорции.

С и л а н. Что нюхать, что нюхать, братец ты мой? Стар стал, ничего не действует; не доходит. Ежели ты мне,— так стекла клади больше,— чтоб он бодрил... встряхивал,— а это что! Нет, ты мне, чтоб куражил, до мозгов доходил.

Уходят в ворота. С крыльца сходит П а р а ш а.

П а р а ш а. Тихо... Никого... А как душа-то тает. Васи нет, должно быть. Не с кем часок скоротать, не с кем сердечко погреть! *(Садится под деревом.)* Сяду я да подумаю, как люди на воле живут, счастливые. Эх, да много ль счастливых-то? Уж не то чтобы счастия, а хоть бы жить-то по-людски... Вон звездочка падает. Куда это она? А где-то моя звездочка, что-то с ней будет? Неужто ж опять терпеть? Где это человек столько терпенья берет! *(Задумывается, потом запевает.)*

Ах ты, воля, моя воля, воля дорогая,
Воля дорогая, девка молодая —
Девка по торгу гуляла...

Входят В а с я и Г а в р и л о.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П а р а ш а, В а с я, Г а в р и л о.

Г а в р и л о. Погулять вышли?

П а р а ш а. Погулять, Гаврюша. Дома-то душно.

Г а в р и л о. Теперь самое такое время, что гулять-с, и для разговору с девушками это время самое для сердца приятное. Так-с, точно мечта какая али сон волшеб-

ный-с. По моим замечаниям, вы, Прасковья Павлиновна, меня любить не желаете-с?

Параша. Послушай, Гаврюша, ведь этак можно и надоесть! Который ты раз меня спрашиваешь! Ведь ты знаешь, что я другого люблю, так чего ж тебе?

Гаврило. Так-с. Я полагаю, что мне и напредки в ожидании не быть-с.

Параша. А напредки, голубчик, что будет, один бог знает; разве я в своем сердце вольна? Только, пока я Васю люблю, уж тебе нечего приставать. Ты погляди-ко лучше, не подошел бы кто, мне с ним поговорить нужно...

Гаврило. Очень могу-с. Потому желаю от всего моего чувствительного сердца хотя даже этакой малостью быть вам приятным. *(Отходит.)*

Параша. Ну, вот молодец! *(Васе.)* Вася, когда же?

Вася. Дела-то у нас с тятенькой порасстроились.

Параша. Знаю. Да ведь вы живете; значит, жить можно; больше ничего и не надобно.

Вася. Так-то так...

Параша. Ну, так что ж? Ты знаешь, в здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. Конечно, это делается больше по согласию родителей, а ведь много и без согласия увозят; здесь к этому привыкли, разговору никакого не будет, одно только и беда: отец, пожалуй, денег не даст.

Вася. Ну, вот видишь ты!

Параша. А что ж за важность, милый ты мой! У тебя руки, у меня руки.

Вася. Я уж лучше осмелюсь да так приду когда-нибудь, отцу твоему поклонюсь в ноги.

Параша. Вася, голубчик, терпенья моего не хватает.

Вася. Да как же быть-то, право, сама посуди.

Параша. Ты по воле ходишь, а я-то, голубчик, подумай, что терплю. Я тебе говорю по душе: не хватает моего терпения, не хватает!

Вася. Уж ты малость-то, Параша, потерпи еще для меня!

Параша. Вася, нешуточные это слова,— пойми ты! Видишь ты, я дрожу вся. Уж коли я говорю, что терпения не хватает,— значит, скоро ему конец.

Вася. Ну, полно! Что ты! Не пугай!

Параша. Что ты пуглив больно! Ты вот слов моих испугался, а кабы ты в душу-то мою заглянул, что

там-то! Черно, Вася, черно там. Знаешь ли ты, что с душой-то делается, когда терпенью конец приходит? *(Почти шепотом.)* Знаешь ли ты, парень, какой это конец-то, где этот конец-то терпенью?

Вася. Да видит бог!.. Ну, вот, что ж мне! Нешто не жаль, ты думаешь!

Параша *(жмется к нему)*. Так держи ты меня, держи меня крепче, не выпускай из рук. Конец-то терпению в воде либо в петле.

Вася. Да вот, вот, как маленько с делами управлюсь, так сейчас к отцу твоему, а то, пожалуй, и так, без его ведома.

Параша. Да когда ж, когда? День-то скажи! Уж я так замру до того дня, заморю сердце-то, зажму его, руками ухвачу.

Вася. Да вот как бог даст. Получения тоже есть, старые должишки; в Москву тоже надо съездить...

Параша. Да ты слышал, что я тебе сказала? Что ж, я обманываю тебя, лишнее на себя наговариваю? *(Плачет.)*

Вася. Да бог с тобой! Что ты!

Параша. Слышал ты, слышал? Даром я, что ль, перед тобой сердце-то из груди вынимала? Больно ведь мне это, больно! Не болтаю я пустяков! Какой ты человек? Дрянной ты, что ли? Что слово, что дело — у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь,— а мне смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мне терпеть больше нельзя, а ты мне: «Когда бог даст; да в Москву съездить, да долги получить»! Или ты мне не веришь, или ты дрянь такая на свет родился, что глядеть-то на тебя не стоит, не токмо что любить.

Вася. Ну, что ж ты так? Вот вдруг...

Параша. За что ж это, господи, наказанье такое! Что ж это за парень, что за плакса на меня навязался! Говоришь-то ты, точно за душу тянешь. Глядишь-то, точно украл что. Аль ты меня не любишь, обманываешь? Видеть-то тебя мне тошно, только ты у меня духу отнимаешь. *(Хочет идти.)*

Вася. Да постой, Параша, постой!

Параша *(останавливается)*. Ну, ну! Надумался, слава богу! Пора!

Вася. Что ж ты так всердцах-то уходишь, нешто так прощаются? Что ты в самом деле! *(Обнимает ее.)*

П а р а ш а. Ну, ну, говори. Милый ты мой, милый!

В а с я. Когда ж мне к тебе еще побывать-то? Потолковали бы, право, потолковали.

П а р а ш а *(отталкивает его)*. Я думала, ты за делом. Хуже ты девки; пропадай ты пропадом! Видно, мне самой об своей голове думать! Никогда-то я, никогда теперь на людей надеяться не стану. Зарок такой себе положу. Куда я сама себя определю, так тому и быть! Не на кого, по крайности, мне плакаться будет. *(Уходит в дом.)*

Гаврило подходит к Васе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вася и Гаврило.

Г а в р и л о. Ну что, поговорил?

В а с я *(почесав затылок)*. Поговорил.

Г а в р и л о. И как должно быть это приятно, в такую погоду, вечерком, и с девушкой про любовь говорить! Что в это время чувствует человек? Я думаю, у него на душе-то точно музыка играет. Мне вчуже было весело, что ты с Прасковьей Павлиновной говорил; а каково тебе?

В а с я. Что ж, ничего! Она нынче сердита что-то.

Г а в р и л о. Будешь сердиться от такой-то жизни. Уж хоть ты-то ее не огорчай! Я бы, кажется, на твоем месте... Вот скажи она мне: пляши, Гаврило,— я плясать, поди в омут — я в омут. Изволь, мол, моя родная, изволь. Скажи мне, Вася, какой это такой секрет, что одного парня девушки могут любить, а другого ни за что на свете?

В а с я. Надо, чтоб парень был видный, из себя красивый.

Г а в р и л о. Да, да, да. Так, так.

В а с я. Это первое дело, а второе дело разговаривать нужно уметь.

Г а в р и л о. Об чем, милый друг, разговаривать?

В а с я. Об чем хочешь, только чтоб вольность в тебе была, развязка.

Г а в р и л о. А я, братец ты мой, как мне девушка понравится,— и сейчас она мне, как родная, и сейчас я ее жалеть начну. Ну, и конец, и разговору у меня вольного нет. Другая и у хороших родителей живет, а все мне ее жалко что-то; а уж если у дурных, так и говорить нечего; каждый миг у меня за

нее сердце болит, как бы ее не обидел кто. И начну я по ночам думать, что вот ежели бы я женился, и как бы я стал жену свою беречь, любить, и все для нее на свете бы делал, не только что она пожелает, но и даже сверх того,— всячески бы старался для нее удовольствие сделать. Тем бы я утешался, что уж очень у нас женщины в обиде и во всяком забвении живут,— нет такого ничтожного, последнего мужичонки, который бы не считал бабу ниже себя. Так вот я хоть одну-то за всех стал бы ублажать всячески. И было б у меня на сердце весело, что хоть одна-то живет во всяком удовольствии и без обиды.

Вася. Ну, и что ж из этого? Для чего уж ты об себе так мечтаешь? К чему это ведет? Это даже никак понять невозможно.

Гаврило. Что тут не понять? Все тебе ясно. А вот что горько: что вот с этакой-то я душой, а достанется мне дрянь какая-нибудь, какую и любить-то не стоит, а все-таки я ее любить буду; а хорошие-то достаются вам, прощалыгам.

Вася. Что ж, ты эту всю прокламацию рассказываешь девкам аль нет?

Гаврило. Начинал, милый друг, пробовал, только я от робости ничего этого, как следует, не выговорю, только мямлю. И такой на меня конфуз...

Вася. Что ж они тебе на ответ?

Гаврило. Известно что, смеются.

Вася. Потому этот твой разговор самый низкий. А ты старайся сказать что-нибудь облагороженное. Меня Параша когда полюбила? Я тебе сейчас скажу. Была вечеринка, только я накануне был выпимши и в это утро с тятенькой побранился и так, знаешь ты, весь день был не в себе. Прихожу на вечеринку и сижу молча, ровно как я сердит или расстроен чем. Потом вдруг беру гитару, и так как мне это горько, что я с родителем побранился, и с таким я чувством запел:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой?
Ты добычи не дождешься:
Я не твой, нет, я не твой!
Посмотри за куст зеленый!
Дорожи теперь собой:
Пистолет мой заряженный!
Я не твой, нет, я не твой!

Потом бросил гитару и пошел домой. Она мне после говорила: «Так ты мне все сердце и прострелил насквозь!» Да и что ж мудреного, потому было во мне геройство. А ты что говоришь? Какие-то плачевные слова и совсем неинтересно ничего. Погоди, я тебя как-нибудь обучу, как надо с ихней сестрой разговаривать и в каком духе быть. А ты это что? Это одна канитель. Теперь как бы мне выбраться! Мимо Силана идти не рука, махну опять через забор. Прощай! *(Идет к забору.)*

На крыльце показываются К у р о с л е п о в, Г р а д о б о е в, М а т р е н а и д е в у ш к а.

Г а в р и л о. Куда ты! Вернись назад! Хозяева вышли; увидят — беда! Притаимся в кустах, пока уйдут.

Прячутся в кусты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К у р о с л е п о в, Г р а д о б о е в, М а т р е н а и д е в у ш к а.

К у р о с л е п о в. Давай, Серапион Мардарьич, выпьем мы теперича под древом! *(Девке.)* Ставь закуску под древо!

Г р а д о б о е в. Выпьем под древом!

М а т р е н а. Что вам на одном месте-то не сидится!

К у р о с л е п о в *(жене)*. Брысь под лавку! *(Градобоеву.)* Как же это ты с туркой-то воевал?

Г р а д о б о е в. Так и воевал, очень просто. Что мы у них этих одних крепостей побрали!

М а т р е н а. Да, может, ты неправду?

К у р о с л е п о в. Брысь, говорят тебе!

М а т р е н а. Что ты уж очень некстати! Что, я тебе кошка, что ли, в самом деле?

К у р о с л е п о в. Ты, Серапион Мардарьич, не осердись, помилуй бог! Ты и не гляди на нее, обернись ты к ней задом, пущай она на ветер брешет. Как же вы эти самые крепости брали?

Г р а д о б о е в. Как брали? Чудак! Руками. У турки храбрость большая, а дух у него короткий, и присяги он не понимает, как надобно ее соблюдать. И на часах ежели он стоит, его сейчас за ногу цепью прикуют к пушке или там к чему, а то уйдет. Вот

когда у них вылазка из крепости, тогда его берегись, тут они опивум по стакану принимают.

Курослепов. Каким же это опивом?

Градобоев. Ну, как тебе это растолковать? Ну все одно олифа. И сейчас у него кураж; тут уж ему не попадайся, зубами загрызет. Так наши и здесь сноровку нашли. Как они повалят из крепости кучей, загалдят по-своему, наши сейчас отступать, отступать, все их заманивают дальше, чтоб у них кураж-то вышел; как отведут их далеко, дух-то этот храбрый весь у них вылетит, тут уж казаки заезжают с боков, да так их косяками и отхватывают. Уж тут его руками бери, сейчас аман кричит.

Курослепов. Не любит! Что ж это он аман кричит, зачем?

Градобоев. По-нашему сказать, по-русски: пардон.

Матрена. Ты вот говоришь: пардон, а я слышала, что у них такие есть, которые совсем беспардонные.

Градобоев. Слышала ты звон, да не знаешь, где он.

Курослепов. Сделай ты для меня такую милость, не давай ты ей повадки, не слушай ее слов, пусть одна говорит. А то вот только малость дай ей за что уцепиться, так и жизни не рад будешь. Ну, вот мы с тобой теперича, после сражения турецкого, и выпить можем.

Градобоев. Это уж своим чередом!

Садятся и наливают.

Вот я какой городничий! О турках с вами разговариваю, водку пью, невежество ваше всякое вижу, и мне ничего. Ну, не отец ли я вам, скажи?

Курослепов. Да уж что толковать!

Матрена. Ты пирожка не хочешь ли? Кушай на здоровье, Скорпион Мардарьич!

Градобоев. Боже ты мой милостивый! Да какой же я Скорпион! Это ты скорпион, а я Серапион.

Матрена. Что ты ко мне пристал, не я тебя крестила! Нешто я виновата, что тебе таких имен надавали! Как ни выворачивай язык-то, все тот же скорпион выдет.

Градобоев. Вот что, милая дама, ты бы пошла по хозяйству присмотрела; все-таки свой-то глаз лучше.

Матрена. Ну, уж ты эти свои дьявольские подходы оставь!

Не глупей я тебя, только что разве в Туреччине не бывала. Я вижу, что вам прогнать меня хочется, а я вот останусь.

Курослепов. Брось ты ее! Вот охота! Не понимаю... Уж самое это последнее занятие: с бабой разговаривать. Диви бы дела не было! Вот она закуска-то!

Пьют.

Градобоев. Ну, как же твои деньги? Как же нам с этим делом быть?

Курослепов. Что с возу упало, то пропало.

Градобоев. Где они у тебя были?

Курослепов. Ну, ты знаешь, моя каморка, така темненькая. Туда, кроме меня с женой, никто и не ходит.

Градобоев. Подозрение на кого-нибудь имеешь?

Курослепов. Что грешить-то, ни на кого не имею.

Градобоев. Надо следствие.

Матрена. Ну да, как же не средствие!

Градобоев. Беспременно надо.

Матрена. Так вот я и позволю в моем доме тебе безобразничать.

Градобоев. Да мы тебя-то, пожалуй, и не спросимся.

Матрена. Знаю я это средствие-то, для чего оно бывает.

Градобоев. Как тебе не знать, ты женщина умная. Мне нужно себя очистить, а то скажут, пожалуй: в городе грабеж, а городничий и не почешется.

Матрена. Ну, как же! Совсем не для того, а для того, что ты человек алчный.

Градобоев. Разговаривай еще!

Курослепов. Обернись к ней задом!

Матрена. Все тебе мало...

Градобоев. И то мало. Ты знаешь наше жалованье-то, а у меня семья.

Матрена. И выходит, ты человек алчный! Как зародился на свет скорпион, так скорпион и есть.

Градобоев *(старается испугать)*. Я с тобой побранюсь! Сказал я тебе, чтоб не смела ты меня скорпионом звать: я ведь капитан, регалии имею; я с тебя бесчестье сдеру, а то и в смирительный!

Курослепов. Хорошенько ее!

Матрена. В усмирительный? В уме ли ты?

Градобоев. Да еще на дуэль вызову.

М а т р е н а. Так вот я испугалась, как же! Тебе только с бабами и драться! Велика беда, что я тебя скорпионом назвала. Вашего брата, как ни назови, только хлебом накорми!

К у р о с л е п о в. Не связывайся ты с ней! Я уж с ней давно ни об чем не разговариваю, очень давно; потому нет моей никакой возможности. Разговору у меня с ней нет, окромя: подай, прими, поди вон — вот и все.

М а т р е н а *(Градобоеву)*. Ты свое средствие, а я свое средствие знаю. Запру вороты на запор да собак выпущу, вот тебе и средствие. Ты бы лучше разбойников-то ловил, а то средствие...

Г р а д о б о е в. Каких разбойников?

К у р о с л е п о в. Брось ты ее!

М а т р е н а. Из Брынских лесов человек полтораста приплыли.

Г р а д о б о е в. По сухому-то берегу... Где ж ты их видела?

К у р о с л е п о в. Оставь, молчи лучше, а то она такую понесет околесную, что только разве пожарной трубой уймешь.

Г р а д о б о е в. Ты бы ее останавливал.

К у р о с л е п о в. Пробовал, хуже! А вот одно дело: дать ей на произвол, мели, что хочешь, а слушать и отвечать, мол, несогласны. Устанет, перестанет.

Пьют.

М а т р е н а. Разбойники народ крещеный грабят, а они тут проклажаются, водку пьют.

Г р а д о б о е в. Где грабят? Ну, сказывай! Кого ограбили?

М а т р е н а. А я почем знаю? Я что за сыщик? По лесам грабят.

Г р а д о б о е в. Так это не мое дело, а исправника.

К у р о с л е п о в. Чего тебе от нее хочется? Я тебе доподлинно объясняю, что нельзя с ней разговаривать. Вот попробуй, так я тебе, чем хочешь, отвечаю, что беспременно ты через полчаса либо с ума сойдешь, либо по стенам начнешь метаться; зарежешь когонибудь, чужого, совсем невиноватого. Потому это дело испробованное.

Г р а д о б о е в. Ну, уж видно, принесть тебе подарочек. Я в Бессарабии у казака купил, у киргиза.

К у р о с л е п о в. Сделай такую милость!

М а т р е н а. Это что еще за выдумки?

Г р а д о б о е в. В орде плетена, ручка в серебро оправлена с чернетью. Для друга не жаль. А уж какая пользительная!

М а т р е н а. Умны вы больно, как погляжу я на вас! Это ты плеть хочешь подарить либо нагайку! Дорога твоя плеть, только стегать не по чем; потому это дороже вас обоих, не токма́ что твоей плети. Приноси свою плеть! Что ж, мы возьмем! Может, и пригодится на какую-нибудь невежу, на гостя неучливого!

Г р а д о б о е в. Который у вас забор-то на пустырь выходит?

К у р о с л е п о в *(указывая)*. Вон энтот.

Г р а д о б о е в. Обмерить надо, сколько сажен от дому.

К у р о с л е п о в. Для чего?

Г р а д о б о е в. Для порядку.

К у р о с л е п о в. Ну, что ж, можно.

Г р а д о б о е в. Давай шагами мерять, ты от дому, а я от забору, так и сойдемся вместе. *(Отходит к забору.)*

К у р о с л е п о в. Ну, давай! *(Отходит к дому.)*

М а т р е н а. Шагайте, благо темно, смеяться-то на вас некому.

Г р а д о б о е в *(идет от забора)*. Раз, два, три...

К у р о с л е п о в *(идет от дома)*. Первый, другой, третий... погоди, сбился, начинай сначала.

Каждый идет на прежнее место и постепенно сходятся.

Г р а д о б о е в *(натыкаясь на Васю)*. Стой! что за человек? *(Хватает Васю за ворот.)* Сидоренко! Жигунов!

К у р о с л е п о в *(натыкаясь на Гаврилу, который подшибает его и убегает)*. Ай, убил, ай, убил! Караул! Держи его!

Вбегает С и л а н, за ним два б у д о ч н и к а и несколько р а б о ч и х.

М а т р е н а. Ах! Разбойники! Караул! Режут!

С и л а н. Где тут они?

М а т р е н а. Вон, в кустах, хозяина режут. Ах! Караул!

Г р а д о б о е в *(будочникам)*. Вяжи, крути его, разбойника! Ты воровать, ты воровать? У меня, в моем-то городе? Хо-хо-хо-хо!

Будочники вяжут Васю.

Силан *(ухватив Курослепова)*. Нет, уж ты мне что хочешь пой, а уж я тебя теперича поймал. Попался ты мне! Что я из-за тебя муки, что этого сумления...

Курослепов. Кого ты, кого ты? Хозяина-то! Возьми глаза-то в зубы.

Силан. Шалишь! Не обманешь! Что этого греха я за тебя принял.

Градобоев *(Силану)*. И его тащи сюда! Огня подайте!

Силан *(одному дворнику)*. Беги в молодцовскую, принеси фонарь.

Работник уходит.

Курослепов. Ты с разбойниками вместе, ты на хозяина, а еще дядя!

Матрена. Много ль их там, разбойников-то?

Силан. Ни один не уйдет, все тут. Подержите, братцы. Где тут у меня веревка была? *(Лезет в сапог.)*

Матрена. Все? Ах, полтораста! Караул! Всех они вас, всех перекрушат и до меня доберутся. *(Падает на скамью.)*

Градобоев. Вяжите! Хо-хо-хо-хо! У меня-то в городе! Не нашли вы другого места!

Курослепов. Погоди ж ты! Дай ты мне только руки-то высвободить, великая тебе будет...

Рабочий приносит и ставит фонарь на стол.

Градобоев. Давай их сюда! Сейчас допрос. Ух, устал. Вот она наша служба-то! *(Хочет садиться на скамью.)* Тут что еще! Мягко что-то! Никак мертвое тело? *(Трогает руками.)* Еще забота! Фу, ты! Нет тебе минуты покою.

Матрена. Ах! До меня, до меня добираются.

Градобоев. Ох, уж мне эта баба! Опять ты тут? *(Берет ее за руку.)*

Матрена. Пуще всего не режьте вы меня и не трожьте моего тела белого!

Градобоев. Ну да, как же, очень нужно! Какая невидаль! Пошла домой! говорят тебе. *(Топает ногами.)* Что ты тут судопроизводству мешаешь? *(Садится на лавку.)* Я свою должность правлю, сейчас арестовать велю.

Матрена уходит.

С и л а н *(тащит Курослепова, ему помогают другие дворники)*. Вот, ваше высоко... О, чтоб!.. И то, никак, хозяин.

К у р о с л е п о в. Что вы, оглашенные! *(Вырывается и хватает за ворот Силана.)* Серапион Мардарьич! Господин городничий! Суди ты его! Я тебе кланяюсь, суди его сейчас! *(Силану.)* Ведь теперь тебя всякими разными казнями казнить надо, потому как ты купца, который от всего общества превозвышен и за разные пожертвования и для благолепия... опять же его иждивением... а ты ему руки назад, при народе: и что ты со мной сделал! Теперь все мои чины как есть в ничто...

Г р а д о б о е в. Не бойся! Все при тебе останутся, садись!

С и л а н. Кто же тебя... Вот поди ж ты! То ты бранишься, что плохо стерегу! Ну, вот я... что ж: что силы было — страсть как устал. Ишь ты какой здоровый! Вот ты опять... а нешто я виноват, что темно.

Г р а д о б о е в. Ну, это дело вы после разберете. Давай сюда вора настоящего.

Будочники подводят Васю.

Ты что за человек?

К у р о с л е п о в. Да это Васька!

Г р а д о б о е в. Зачем же это, друг мой милый, ты за воровство принялся?

К у р о с л е п о в. Да уж беспременно он, потому как отец теперь в расстройство...

Г р а д о б о е в *(Курослепову)*. Ты будешь допрашивать? Может быть, я не за свое дело взялся? Так надевай мой мундир, а уж я буду прошение писать, чтобы меня в отставку.

К у р о с л е п о в. Ну, полно, не сердись!

Г р а д о б о е в *(Васе)*. Так как же, друг любезный?

В а с я. Да помилуйте, Серапион Мардарьич! Нешто вы нас с тятенькой не знаете!

Г р а д о б о е в. Постой! Ты отвечай мне на вопрос: зачем ты за воровство взялся? Занятие это, что ли, тебе понравилось? Или очень выгодно?

В а с я. Да помилуйте, я, собственно, побывать зашел, а известное дело — прячешься от Павлина Павлиныча, так как у них обнаковение все за волосы больше... А что я с малолетства к воровству никакой

охоты... Кажется, даже малость какую, да ежели чужая, так мне и не надо.

Градобоев. Один ты этим делом промышляешь или в компании?

Вася. Что вам угодно, а за мной никаких делов нет-с.

Курослепов. Ну вас! Что за суд! Разве он признается? Да хоть и признается, так уж денежки прощай! Где ж это бывает, а у нас и подавно, чтобы пропащие деньги нашлись! Стало быть, их и искать нечего, и судить не об чем.

Градобоев. Нет, ты таких слов не говори! Ответишь!

Курослепов. Было бы за что отвечать-то! Найди, тогда отвечу.

Градобоев. Не дразни ты меня! Не обижай! Примусь искать, так найду. Теперь ты меня за живое задел.

Курослепов. Ну, ищи! Найдешь, ты будешь прав, а я виноват. А мы вот сдадим его в некруты за обчество, они же теперь с отцом расстроились, значит, он так шатается, не при деле — вот и весь конец. На той же неделе сдадим, а покуда пусть посидит в арестантской за подозрение!

Градобоев. Ладно, пусть посидит покуда. *(Будочникам.)* Сведите его в арестантскую.

Вася. Да за что же, помилуйте!

Градобоев. Марш! Без разговору.

Будочники уводят Васю.

Курослепов. Ты еще моли богу... *(Рабочим.)* Ступайте по местам, что рты-то разинули!

Силан и рабочие уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Курослепов и Градобоев.

Градобоев. С ним еще кто-то был?

Курослепов. Надо быть, из своих. Я так думаю: Гаврилка! Ну, уж с этим я сам разочтусь.

Градобоев. Значит, кончено дело?

Курослепов. Кончено.

Градобоев. Ну!

Курослепов. Что ну?

Градобоев. Если дело кончено, так что?

Курослепов. Что?

Градобоев. Мерси.
Курослепов. Какая такая мерси?
Градобоев. Ты не знаешь? Это — покорно благодарю. Понял теперь? Что ж, я задаром для тебя пропажу-то искал?
Курослепов. Да ведь не нашел.
Градобоев. Еще бы найти! Тогда бы я не так с тобой заговорил. Мальчик я, что ли, для вас, по ночам-то разбойников ловить, живота не жалея! Я человек раненый!
Курослепов. Да ведь ты так, между делом, за водкой.
Градобоев. Водка сама по себе; дружба дружбой, а порядку не теряй! Ты без барыша ничего не продашь, ну так и я завел, чтобы мне от каждого дела щетинка была. Ты мне щетинку подай! Побалуй тебя одного, так и другие волю возьмут. Ты кушаешь, ну и я кушать хочу.
Курослепов. Да, ну что ж, я, пожалуй, завтра...
Градобоев. Милости просим на чашку чаю, пораньше.
Курослепов. Хорошо, зайду.
Градобоев *(подает ему руку)*. До приятного! Ты завтра пришли ко мне Силана, мне его расспросить надо! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Курослепов, потом Гаврило и Силан.

Курослепов *(громко)*. Гаврилка!

Гаврило у окна громко поет: «Ни папаши, ни мамаши».

Врешь, не обманешь! Гаврилка!

Гаврило входит.

Гаврило. Ежели вы опять зá волосы, так пожалуйте лучше расчет!
Курослепов. Вот я тебя разочту сейчас. Силантий! Дядюшка! Эй!

Входит Силан.

Выкинь его сундучишко на улицу и самого в шею.
Гаврило. Куда ж я ночью?
Курослепов. А мне что за дело! Мой дом не об-

щественного призрения для всякого, который того не стоит. Коли жить не умеешь, ступай вон, и конец.

Г а в р и л о. Да у меня полтораста рублей денег зажито.

К у р о с л е п о в. Важное дело полтораста рублей; а у меня две тысячи пропало. Полтораста! А в острог хочешь?

Г а в р и л о. Да за что же? Я человек бедный!

К у р о с л е п о в. Бедные-то и воруют.

Г а в р и л о. Мне деньги пожалуйте! Не с голоду же мне помирать.

К у р о с л е п о в. Ну, ищи поди с меня. Эки проклятые! Тьфу! Вот хотелось ужинать, вот теперь не хочется. А он с голоду помирать... да полтораста рублей! Да я с тебя тысячу бы не взял за этакое расстройство. Поди за мной, Силантий, я тебе его пачпорт отдам. *(Гавриле.)* А то у меня и в остроге насидишься. *(Уходит с Силаном.)*

Г а в р и л о. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Куда ты теперь, Гаврилка, денешься! Куда ни сунься, скажут, за воровство прогнали. Срам головушке! Убыток-то убытком, а мораль-то какая. На какой я теперь линии? Прямая моя теперь линия — из ворот да в воду. Сам на дно, пузырики вверх. Ай-яй-яй-яй!

Выходит С и л а н.

С и л а н. Вот тебе пашпорт! Вольный ты теперь казак. Я так полагаю, что к лучшему. Собрать, что ли, твое приданое-то?

Г а в р и л о. Сбери, брат, сделай милость, добра-то немного, все в узел; а у меня руки не действуют. Гитару-то не забудь. Я тут на столбушке посижу.

С и л а н уходит. Гаврило садится на столбик, выходит П а р а ш а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П а р а ш а и Г а в р и л о, потом С и л а н.

П а р а ш а. Что у вас тут за беда случилась, батюшка из себя выходит?

Г а в р и л о. И-и-и не расчерпаешь. Я решен совсем.

П а р а ш а. Как, совсем?

Г а в р и л о. Всего решен. Ни копейки, вся служба ни во что, и на все четыре стороны.

П а р а ш а. Ах ты, бедный!

Г а в р и л о. Я-то еще ничего, а Васю в солдаты.

П а р а ш а *(с ужасом)*. В солдаты?

Г а в р и л о. Теперь в арестантской сидит, а на днях сдадут.

П а р а ш а. Полно! Что ты! За меня в солдаты?

Г а в р и л о. Не за вас, а его застали тут на дворе и занапрасно вором поставили, что будто он деньги украл.

П а р а ш а. Да ведь это все равно, все равно, ведь он для меня сюда пришел. Ведь он меня любит. Боже мой! Грех-то какой! Он пришел повидаться со мной,— а его в солдаты от отца, от меня. Отец-старик один останется, а его погонят, погонят! *(Вскрикивает.)* Ах, я несчастная! *(Хватается за голову.)* Гаврило, посиди тут, подожди меня минуту. *(Убегает.)*

Г а в р и л о. Куда она? Что с ней? Бедная она, бедная. Вот и с отцом, с матерью живет, а сирота сиротой! Все сама об своей головушке думает. Никто в ее сиротское, девичье горе не войдет. Уж ее ль не любить-то. Ох, как мне грудь-то больно, слезы-то мне горло давят. *(Плачет.)*

Выходит С и л а н с узлом и гитарой.

С и л а н. Вот тебе шапка! *(Надевает на него.)* Вот тебе узел, вот тебе гитара. И значит, братец ты мой, прощай! Не поминай лихом, а добром не помянешь!

Выходит П а р а ш а в бурнусе и с платком на голове.

П а р а ш а. Пойдем, пойдем!

Г а в р и л о. Куда вы, куда вы, помилуйте!

П а р а ш а. К нему, Гаврилушка, к нему, мой милый!

Г а в р и л о. Да ведь он в арестантской, помилуйте, что вы!

П а р а ш а. У меня деньги, вот видишь! Я подарю солдатам, меня пропустят.

Г а в р и л о. Так ведь это утром, а где же вы ночь-то? *(Кланяется в ноги.)* Останьтесь, матушка, родная, останьтесь!

П а р а ш а. Я у крестной ночую. Пойдем! Пойдем! Что за разговоры!

С и л а н *(Параше)*. Ты за ворота проводить, что ль? Ну, проводи. Дело доброе. Он сирота.

П а р а ш а *(оборотившись к дому, несколько времени молча смотрит на него)*. Прощай, дом родительский! Что

тут слез моих пролито! Господи, что слез! А теперь хоть бы слезинка выкатилась; а ведь я родилась тут, выросла... Давно ли я ребенком была: думала, что милей тебя и на свете нет, а теперь хоть бы век тебя не видать. Пропадай ты пропадом, тюрьма моя девичья! *(Убегает. Гаврило за ней.)*

Силан. Постой! Куда ты? *(Махнув рукой.)* Не мое дело! *(Запирает калитку.)* Эка жизнь! Наказание! *(Стучит в доску и кричит.)* Посматривай!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ГРАДОБОЕВ.

КУРОСЛЕПОВ.

ГАВРИЛО.

ПАРАША.

ВАСЯ.

АРИСТАРХ
мещанин.

ТАРАХ ТАРАСЫЧ ХЛЫНОВ
богатый подрядчик.

БАРИН
с большими усами.

СИЛАН.

СИДОРЕНКО.

ЖИГУНОВ.

МЕЩАНЕ:
1-й, 2-й, 3-й.

ГРЕБЦЫ.

ПЕСЕННИКИ.

ИНВАЛИДНЫЕ СОЛДАТЫ.

АРЕСТАНТЫ.

РАЗНЫЕ ЛЮДИ.

Площадь на выезде из города. Налево от зрителя городнический дом с крыльцом; направо арестантская, окна с железными решетками; у ворот инвалидный солдат; прямо река и небольшая пристань для лодок, за рекой сельский вид.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А р и с т а р х сидит на пристани, ловит рыбу на удочку. С и л а н подходит и молча смотрит. У городнического крыльца стоит куча л ю д е й.

А р и с т а р х *(не замечая Силана)*. Ишь хитрит, ишь лукавит. Погоди ж ты, я тебя перехитрю. *(Вынимает удочку и поправляет.)* Ты хитра, а я хитрей тебя; рыба хитра, а человек премудр, божьим произволением... *(Закидывает удочку.)* Человеку такая хитрость дана, что он надо всеми, иже на земле и под землею и в водах... Поди сюда! *(Тащит удочку.)* Что? Попалась? (*Снимает рыбу с крючка и сажает в садок.)*

С и л а н. Вот ты как ловишь-то!

А р и с т а р х *(оборачиваясь)*. Здорово, дядюшка Силантий!

С и л а н. С приговором-то оно... действительно... Много ты этого всякого приговору знаешь, а я не знаю, вот она мне и не попадает.

А р и с т а р х. Какого приговору?

С и л а н. Молитва, мол, что ль, аль слова какие; вот я слушал, да не понял, а рыба-то и идет на них.

А р и с т а р х. Полно, дядюшка Силантий, какие приговоры! Так, сам с собой разговариваю.

С и л а н. Ну, да уж что! Коли слово знать, на что лучше... Ты вон и часы... Скажешь, так, спроста.

А р и с т а р х. Ты тоже рыбки половить?

С и л а н. До рыбки ль? Я к городничему.

А р и с т а р х. Зачем?

С и л а н. У нас теперь дома литовское разорение, все одно, что Мамай прошел... Деньги пропали, раз; крестница твоя ушла...

А р и с т а р х. Что мудреного! Уйдешь. Куда ж она?

С и л а н. Она у крестной, я заходил. Не велела, чтоб отцу... Ну, мне какая нужда.

А р и с т а р х. Как же это деньги? Кому ж бы?

С и л а н. Ты ж говори! У вора один грех, а у нас с хозяином десять: что мы народу переклепали! Гаврилу прогнал, Вася Шустрый теперь в арестантской соблюдается покудова.

А р и с т а р х. В арестантской? Что ты! Вот грехи-то!

С и л а н. Как есть грехи... Натворили... паче песка морского.

А р и с т а р х. Как же быть-то? Надо Васю выручать! Кто же его в арестантскую? Хозяин, что ль?

С и л а н. Хозяин! Силён, ну, и чудит. Городничий проснулся?

А р и с т а р х. Поди узнай!

С и л а н. Что ходить-то! Он сам на крыльцо выйдет. Он целый день на крыльце сидит, все на дорогу смотрит. И какой зоркий на беспашпортных! Хоть сто человек-артель вали, как сейчас воззрится да поманит кого к себе: «А поди-ка сюда, друг любезный!» Так тут и есть. *(Почесывает затылок.)* А то пойти! *(Подходит к городническому дому.)*

А р и с т а р х. Что только за дела у нас в городе! Ну, уж обыватели! Самоеды! Да и те, чай, обходительнее. Ишь ты, чудное дело какое! Ну-ко! Господи благослови! *(Закидывает удочку.)*

Выходят Г р а д о б о е в в халате и в форменной фуражке с костылем и трубкою и С и д о р е н к о.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Г р а д о б о е в и С и д о р е н к о.

Г р а д о б о е в *(садясь на ступени крыльца)*. До бога высоко, а до царя далёко. Так я говорю?

Г о л о с а. Так, Серапион Мардарьич! Так, ваше высокоблагородие.

Г р а д о б о е в. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Г о л о с а. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарьич.

Г р а д о б о е в Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по законам...

1 - й г о л о с. Нет, уж за что же, Серапион Мардарьич!

Г р а д о б о е в. Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так я тебя костылем. Ежели судить вас по законам, так законов у нас много... Сидоренко, покажи им, сколько у нас законов.

С и д о р е н к о уходит и скоро возвращается с целой охапкой книг.

Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их еще в других местах! Сидоренко, убери опять на место!

С и д о р е н к о уходит.

И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие.

Голоса. Верно, ваше высокоблагородие, так точно.

Градобоев. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит?

Сидоренко возвращается.

Голоса. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарьич.

Градобоев. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловаться... Ну, тогда уж...

Голоса. Не будем, ваше высокоблагородие.

Градобоев *(Жигунову)*. Пленные есть?

Жигунов. Ночью понабрали, ваше высокоблагородие,— за безобразие,— двое портных, сапожник, семь человек фабричных, приказный да купецкий сын.

Градобоев. Купеческого сына запереть в чулан да сказать отцу, чтоб выручить приходил и выкуп приносил; приказного отпустить, а остальных... Есть у нас работа на огороде?

Жигунов. Есть. Человека два нужно.

Градобоев. Так отбери двоих поздоровее, отправь на огород, а тех в арестантскую, им резолюция после.

Жигунов с арестантами уходит.

Какие еще дела? Подходите по одному!

1-й мещанин. Деньги вашему высокоблагородию, по векселю.

Градобоев. Вот и ладно, одно дело с плеч долой. Сидоренко, положи в стол! *(Отдает деньги Сидоренке.)*

Сидоренко. Много у нас, ваше высокоблагородие, этих самых денег накопилось, не разослать ли их по почте?

Градобоев. Посылать еще! Это что за мода! Наше дело взыскать, вот мы и взыскали. Кому нужно, тот сам приедет,— мы ему и отдадим; а то рассылать еще, Россия-то велика! А коли не едет, значит, ему не очень нужно.

Подходит 2-й мещанин.

Тебе что?

2-й мещанин. Векселёк вам! Не платит.

Градобоев *(приняв вексель)*. Сидоренко, сунь его за зеркало.

Сидоренко уходит.

2-й мещанин. Да как же за зеркало?

Градобоев. А то куда ж его? В рамку, что ль, вставить? У меня там не один твой, векселей тридцать торчит. Вот встречу как-нибудь твоего должника, скажу, чтоб поплатился.

2-й мещанин. А если он...

Градобоев. А если он... а если ты станешь еще разговаривать, так видишь. *(Показывает костыль.)* Пошел прочь! *(Увидав 3-го мещанина.)* А, друг любезный, ты здесь! Долги платить — денег нет, а на пьянство есть: вексель на тебя другой год за зеркалом торчит, заплесневел давно, а ты пьянствуешь. Ступай в сени, дожидайся! Вот я тебе вексель-то на спину положу да костылем и стану взыскание производить.

3-й мещанин. Явите божескую милость, ваше высокоблагородие! Достатки наши вам известные... помилосердуйте!

Градобоев. Вот я те помилосердую, ступай. *(Заметив Силана.)* Эй ты, дядя! Иди за мной в комнаты! С тобой у нас большой разговор будет. *(Прочим.)* Ну, с богом. Некогда мне теперь судить вас. Кому что нужно, приходите завтра. *(Уходит с Силаном.)*

Все расходятся. Входит Гаврило с холстинным мешком за плечами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аристарх и Гаврило.

Аристарх. А! Гонимый, здравствуй!

Гаврило. Слышал, стало быть?

Аристарх. Слышал.

Гаврило. Где правда?

Аристарх. Разве не знаешь? Подыми голову кверху.

Гаврило подымает.

Вон там!

Гаврило. Знаю. А где нам суда искать?

Аристарх. А суда вон там! (*Показывает на дом городничего.)*

Гаврило. А ежели мне правого нужно?

Аристарх. А правого нужно, так подожди, будет и правый.

Гаврило. Да скоро ли?

Аристарх. Ну, не так, чтоб; зато уж хороший. Всех рассудит: и судей и судимых, и тех, которые неправый суд давали, и тех, которые никакого не давали.

Гаврило. Знаю я, про что ты говоришь-то.

Аристарх. А знаешь, зачем спрашиваешь. Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?

Гаврило. На богомолье.

Аристарх. Час добрый! Куда?

Гаврило. В пустынь.

Аристарх. Один?

Гаврило. Нет, нас много, и крестница твоя.

Аристарх. Беглянка-то? Дома-то, чай, ищут.

Гаврило. Нет, крестная посылала сказать, что, мол, ушли на богомолье, чтоб не искали. Да кому плакать-то о ней? Мачеха, поди, рада, а отцу все равно, потому он стал совсем без понятия. Мне зажитых не отдает, полтораста рублев.

С крыльца сходят городничий и Силан.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Градобоев, Силан, Гаврило, Аристарх.

Градобоев. С ума я сойду с этим делом проклятым; всю ночь нынче не спал. Точно гвоздь мне в голову засел. А уж доберусь. *(Силану.)* Говори хоть ты толком, чучело!

Силан. Ничего я не скажу, вот что: греха много. Это дело мудреное! И! Мудреное! Куда мудреное!

Градобоев. Ну, а хозяин-то, прежде Василья, думал на кого-нибудь?

Силан. Заплыли у него очи-то, я говорю; заплыли, потускнели совсем. Въявь-то он ничего не может... что надлежащее, а городит так, зря, от дикости от своей.

Градобоев. Я за тебя примусь, я тебя в острог.

Силан. Ну, вот еще! Думал-думал да выдумал. С большого-то ума!

Градобоев. Кому ты грубишь! Ты погляди, кому ты грубишь!

Силан. Да коли нескладно и совсем некстати.

Градобоев. Ты, видно, в арестантской давно не сидел.

Силан. Для того и не сидел, что не мое это место, вот что.

Градобоев. Молчи!

Силан. Молчу.

Градобоев. Я тебя, дружок, говорить заставлю! *(Наступая на него.)* Кто украл?

Силан. Коли ты пужать... Знать не знаю... вот и залажу, и залажу... Хоть огнем жги... Так уж это, я тебе скажу, ты от камня скорей ответа дождешься, чем от меня.

Градобоев. Варвары! Да ведь не Васька?

Силан. Я почем знаю. Васька человек маленький, его как хошь тормоши; а что, конечно, и у него тоже душа, она чувствует.

Градобоев. И не Гаврилка?

Силан. Опять же мое дело сторона. Гаврилко весь тут, его хоть выворoти. У него за душой есть ли железный грош? Навряд ли! А совести у него супротив других... очень даже достаточно.

Градобоев. Ну, так на твое и выходит?

Силан. На что на мое? Я ничего не знаю, вот тебе и сказ!

Градобоев. Ну, в острог, нечего с тобой больше толковать.

Силан. Хоть и в острог, все то же будет. Так вот же тебе... *(Решительно.)* Знать не знаю... что меня, старика, пужать выдумал!

Градобоев *(подбегает к нему с кулаками)*. Да я не пугаю. Ведь я с тобой лаской, понимаешь ли ты, лаской.

Силан. Да хоть и лаской...

Градобоев. Ведь если ты мне поможешь, я тебе такой магарыч... ну, десять, пятнадцать рублей.

Силан. Уж это, кажется, скорей от каменного попа железной про...

Градобоев. Не договаривай, мошенник! Имей почтение к градоначальнику.

Силан. Что ж почтение? Я, как должно, без шапки... перед тобой.

Градобоев. Слушай! *(Шепчет на ухо.)*

Силан. Да!

Г р а д о б о е в. Часто?

С и л а н. Почитай, каждую ночь.

Г р а д о б о е в. Ну, слушай. *(Шепчет.)* Сейчас ты и подай знак. Закричи.

С и л а н. Ладно!

Г р а д о б о е в. Только ты никому ни гу-гу, а то знаешь у меня!

С и л а н. Ну, да уж...

Г р а д о б о е в. Ступай!

С и л а н. Прощенья просим. *(Уходит.)*

Подходит Г а в р и л о.

Г р а д о б о е в *(увидя Гаврилу)*. Ты что тут, друг любезный, шатаешься?

Г а в р и л о. Я, ваше высокоблагородие, без места теперича-с.

Г р а д о б о е в. Нехорошо! Кто без места, тот прохвост.

Г а в р и л о. Я, Серапион Мардарьич, ничему этому не причинен. Не то что без места, я теперича, как есть, без копейки.

Г р а д о б о е в. Еще хуже! И мне теперь с тобой лишняя печаль. Как об сыне родном, милый, об тебе заботиться надо.

Г а в р и л о. Не оставьте.

Г р а д о б о е в. Не оставлю. Буду в оба глядеть, как бы ты не украл чего. У кого копейки в кармане нет, у того, на чужое глядя, руки чешутся, а такие люди близки сердцу моему.

Г а в р и л о. На что мне чужое! Мне и моего-то не отдают.

Г р а д о б о е в. Не отдают?

Г а в р и л о. И хозяин прогнал без расчету.

Г р а д о б о е в. И прогнал? Ах, разбойник! Ну, что ж мне теперь прикажете с ним делать?

Г а в р и л о. Явите божескую милость.

Г р а д о б о е в. Явлю. Подожди, вот придет твой хозяин, проси у него расчета при мне, я с ним разделаюсь.

Г а в р и л о. Будет ли мне польза, ваше высокоблагородие?

Г р а д о б о е в. Не знаю, друг. Я так думаю, хозяин обругает тебя, а будешь приставать, так прибьет, а я прибавлю.

Г а в р и л о. Где же мне с него денег искать, ваше высокоблагородие?

Г р а д о б о е в. Мне-то что за дело, ищи, где хочешь!

Г а в р и л о. Стало быть, мне теперь голодной смертью помирать?

Г р а д о б о е в. Стало быть, помирать.— А кто его знает, может быть, и отдаст.

Г а в р и л о. Нет, не отдаст. Разве вы прикажете.

Г р а д о б о е в. Прикажете! А ты сперва подумай, велика ли ты птица, чтобы мне из-за тебя с хозяином твоим ссориться. Ведь его за́ ворот не возьмешь, костылем внушения не сделаешь, как я вам делаю. Поди-ко заступись я за приказчика, что хозяева-то заговорят! Ни мучки мне не пришлют, ни лошадкам овсеца: вы, что ль, меня кормить-то будете! Ну, что, не прошла ль у тебя охота судиться-то? А то подожди, подожди, друг любезный!

Г а в р и л о. Нет, уж я лучше...

Г р а д о б о е в. То-то, ты лучше... беги, да проворней, а то задержать велю.

Г а в р и л о *(отступая и кланяясь)*. Так уж я...

Г р а д о б о е в. Ступай с богом!

Гаврило проворно уходит.

Держи его! Ха-ха-ха!

Г а в р и л о убегает и прячется за угол.

Эх, дела, дела! Не сходить ли на рынок для порядку! *(Кричит.)* Сидоренко!

С и д о р е н к о показывается в дверях.

С и д о р е н к о. Чего изволите, ваше высокоблагородие?

Г р а д о б о е в. Бери кулек, догоняй, я на рынок пошел. *(Уходит.)*

С и д о р е н к о с кульком бежит за ним. Входят Г а в р и л о и П а р а ш а — одета как богомолка. Аристарх подходит к ней.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П а р а ш а, А р и с т а р х и Г а в р и л о.

А р и с т а р х. Что ты, красавица моя, по городу-то бродишь?

П а р а ш а. Крестный, как бы мне с Васей повидаться?

А р и с т а р х. Да что тебе в нем? Бог с ним!

П а р а ш а. Нет, крестный, нельзя. За меня ведь он, безвинно. Все мое горе я тебе сейчас скажу, нечего

мне тебя стыдиться. Он со мной повидаться пришел, а его за вора сочли.

А р и с т а р х. Э! Да, нехорошо! Ты дочь богатого отца; пожалуй, увидит кто.

П а р а ш а. Ничего! Не узнают; видишь, как я оделась; я платком закроюсь. А хоть и узнают, что ж за беда! Какая я дочь богатого отца, я теперь солдатка, крестный.

А р и с т а р х. Как солдатка? Что ты?

П а р а ш а. Так! *(Развязывает узелок в платке.)* Я за него беспременно на днях замуж выду, а ежели мне помешают, так я наперед говорю, я сраму наделаю, я к нему в казармы уйду. *(Дает ему деньги.)* На вот деньги-то, солдатам дай.

А р и с т а р х. В уме ли ты! Батюшки мои!

П а р а ш а. Да что ж! Чего ты испугался? Нешто я не властна над собой! Ты не пугайся! Что ж! Меня совесть заставляет. Так, стало быть, нужно. Люди его обидели, все, все отняли... с отцом разлучили. Что ж! Он меня любит, может, у него только одно это на свете и осталось: так неужто я отниму у него эту последнюю радость. Что я такое? Чем мне гордиться-то перед ним? Разве он меня хуже? Все равно, ведь уж мне в девках не оставаться. Выдадут, крестный. Разве мне легче будет тешить какого-нибудь купца-то пьяного, против своей воли? Не то что по охоте, а, кажись бы, его ножом лучше зарезала! А тут без греха, по любви.

А р и с т а р х. Ну, видно, тебя не переспоришь. Что с тобой делать! Да на что мне деньги-то? У меня свои есть; а тебе, может, и понадобятся. *(Отдает деньги и уходит в арестантскую.)*

Г а в р и л о *(надев мешок)*. Мы скоро пойдем-то?

П а р а ш а. А вот только с Васей повидаюсь.

Г а в р и л о. Ну, что ж, повидайтесь, а мы с Аристархом стеречь будем, чтоб не увидал кто.

Выходит А р и с т а р х.

А р и с т а р х. Сейчас арестанты пойдут за водой, так и его выпустят с ними.

Выходят д в а а р е с т а н т а с ушатом и проходят на реку; за ними В а с я и с о л д а т. Аристарх и Гаврило отходят к пристани.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вася.

Параша *(кланяется)*. Здравствуй, Вася!

Вася *(совершенно убитый)*. Какими же ты это судьбами? Господи! Еще мне уж теперь тяжеле! *(Утирает слезы.)*

Параша. Ничего, Вася, ничего! Ты не плачь! *(Обнимает его.)* Я из дому ушла совсем, я уж с тобой теперь всю жизнь; как ты будешь жить, так и я.

Вася. Каким манером?

Параша. Я за тебя замуж, нас обвенчают... ничего, не плачь... ну, скажу на себя, что он, мол, мне муж, не могу с ним разлучиться... не разорвете, мол, нас, а лучше повенчайте.

Вася. Спасибо тебе! *(Целует ее.)*

Параша. Ну, будет про это. Теперь давай потолкуем о житье-то, Вася, голубчик, Вася!

Вася. Давай потолкуем.

Параша *(прижимаясь к нему)*. Больно тебя бить-то будут.

Вася. Я буду стараться.

Параша. Старайся, Вася, старайся! А ты вот что: как тебя обучат всему и станут переводить из некрутов в полк, в настоящие солдаты, ты и просись у самого главного, какой только есть самый главный начальник, чтоб тебя на Кавказ и прямо чтоб сейчас на стражение!

Вася. Зачем?

Параша. И старайся ты убить больше, как можно больше неприятеля. Ничего ты своей головы не жалей!

Вася. А как ежели самого...

Параша. Ну, что ж: один раз умирать-то. По крайности мне будет плакать об чем. Настоящее у меня горе-то будет, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на стражение и переведут тебя в гарнизон: начнешь ты баловаться... воровать по огородам... что тогда за жизнь моя будет? Самая последняя. Горем назвать нельзя, а и счастья-то не бывало,— так, подлость одна. Изомрет тогда мое сердце, на тебя глядя.

Вася. Меня, я так полагаю, в гвардию, в Петербург.

Параша. Что ж, хорошо; а на стражение все-таки

лучше. Ты возьми: коли бог тебе поможет, произведут тебя за твою храбрость офицером,— отпросишься ты в отпуск... Приедем мы с тобой в этот самый город, пойдем с тобой под ручку. Пусть тогда злодеи-то наши поглядят на нас. *(Обнимает его.)* А, Вася? Может, мы с тобой, за все наше горе, и дождемся такой радости.

Вася. Что ж, мудреного нет, ежели дух иметь...

Параша. Ну, теперь, Вася, я иду в пустынь, помолюсь богу за тебя. Буду я, Васенька, молиться весь день, весь-то денечек, чтобы все, что мы с тобой задумали, бог нам дал. Неужли моя грешная молитва не дойдет! Куда ж мне тогда? Люди обижают и... *(Плачет.)* Вот что, Вася, я завтра опять к тебе побываю. Я теперь живу у крестной, а домой не пойду ни за что! Как я перешагнула порог, как я перешагнула, веришь ли ты, кажется мне, лучше я в огонь, чем назад. И представляется мне, что и холодно-то мне там, и ровно свету-то там нет, и обида-то там в каждом углу живет; и ровно я там обруганная какая на веки веков, и грудь-то у меня вся сжатая. Вот как в яму мне, как в яму. *(Задумывается.)* А ты ничего, Вася, ты куражься, чтобы перед другими-то...

Солдат. Эй, ты! Не велено арестантам.

Вася. Погоди, кавалер, малость. *(Параше.)* Кажется, ты мне теперь, как ангел какой небесный...

Параша. Ну, милый, прощай покуда!

Вася *(целует ее)*. Прощай! *(Целует ее.)*

Параша отходит и издали кланяется. Вася подходит к воротам с солдатом.

Параша *(солдату)*. Ах, постой, кавалер, постой!

Солдат и Вася останавливаются.

Вася, вот тебе деньжонок, хоть калачика купишь, голубчик. Прощай!

Вася. Да уж полно!

Солдат. Да пойдем! Что тут! Не велено!

Параша. Ну, бог с тобой!

Вася с солдатом уходят; Параша несколько времени смотрит ему вслед.

Погоди, погоди, кавалер!

Подходят Аристарх и Гаврило.

Г а в р и л о. Пойдем поскорее! Вон богомольцы-то из городу вышли.

П а р а ш а. Подите вы прочь от меня! *(Подходит к арестантской, заглядывает в окна, потом садится на скамью у ворот и запевает.)*

Провожу-то ли я дружка далекохонько,
Я до города-то его, до Владимира,
Я до матушки-то его, каменнóй Москвы.
Середи-то Москвы мы становилися.
Господа-то купцы на нас дивовалися.
Уж и кто это, да с кем прощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой,
Добрый молодец с красной девицей?

(Отирает слезы и подходит к Гавриле.) Ну, пойдем! Ты на меня не сердись.

Г а в р и л о *(подавая палку)*. Что вы, помилуйте! Вот я вам палочку прибрал...

П а р а ш а *(берет палку)*. Новую мне жизнь, Гаврюша, начинать приходится. Трудно мне. Как ни говори, все-таки силы-то не мужские, Гаврюша.

Г а в р и л о *(сквозь слезы)*. Кожица-то на палочке вырезана — таково красиво!

А р и с т а р х. Ступай, Параша, ступай! Городничий идет с отцом.

П а р а ш а. Прощай, крестный!

П а р а ш а и Г а в р и л о уходят.

А р и с т а р х. Вот и не родная дочь, а как жаль, смерть.

Входят г о р о д н и ч и й, К у р о с л е п о в и С и д о р е н к о с кульками.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А р и с т а р х, Г р а д о б о е в, К у р о с л е п о в и С и д о р е н к о.

Г р а д о б о е в *(будочнику)*. Вели закуску готовить!

С и д о р е н к о уходит.

К у р о с л е п о в. Ты мне ее сыщи! Это твое прямое дело! На то ты и городничим у нас поставлен.

Г р а д о б о е в. Уж ты меня не учи; я свое дело знаю, зачем я поставлен. Не ты меня поставил, значит, не смеешь ты мне и указывать.

Курослепов. Ежели ты будешь беглых безо всякого внимания...

Градобоев. Разве она беглая? Она на богомолье ушла с матерью крестной.

Курослепов. На богомолье?

Градобоев. Вот, значит, я больше тебя знаю. Оттого я и городничий, оттого я и жалованный, а ты мужик, так мужиком и останешься на веки веков.

Курослепов. Да как же она может без спросу?

Градобоев. У кого ей спрашиваться? Мачеха не пустит, ты спишь целый день, а у нее есть усердие.

Курослепов. Ну, вот, как она придет, ты ее ко мне с солдатом...

Градобоев. С солдатом?

Курослепов. На веревке.

Градобоев. И на веревке?

Курослепов. Мы ее наверх в светелку, там и запрем безвыходно.

Градобоев. Что вы за нация такая? Отчего вы так всякий срам любите? Другие так боятся сраму, а для вас это первое удовольствие! Честь-то понимаешь ты, что значит, или нет?

Курослепов. Какая такая честь? Нажил капитал, вот тебе и честь. Что больше капиталу, то больше и чести.

Градобоев. Ну, мужики и выходите! Невежеством-то вы точно корой обросли. И кору эту пушкой не пробьешь.

Курослепов. Ну, и пущай!

Градобоев. Дочь — девушка, невеста, а он ее с солдатом на веревке.

Курослепов. Потому... за непочтение, чтобы чувствовала...

Аристарх. Бедненькая!

Курослепов. Это кто еще... произносит?

Градобоев. Аристарх, кум твой.

Курослепов *(Аристарху)*. Кто это у тебя бедная?

Аристарх *(кланяясь)*. Здравствуйте, ваше степенство!

Курослепов. Нет, кто бедная-то?

Аристарх *(со вздохом)*. Рыбка малая.

Курослепов. Отчего так она бедная?

Аристарх. Оттого, что большая ее обижает.

Курослепов. То-то рыбка. А ежели ты бунтовать, так...

Градобоев. Будет толковать-то, ведь ничего умного не скажешь.

Курослепов. Ты когда мне кумом-то был? Когда у меня капиталу не было.

Градобоев. Пойдем, пойдем! Закуска дожидается. *(Уводит Курослепова.)*

Аристарх. Отчего я люблю щуку ловить? Оттого, что она обидчица, рыба зубастая, так и хватает. Бьется, бьется бедная мелкая рыба, никак перед щукой оправдаться не может!

Вдали слышна песня.

Это что еще? Не наши ли? Ну, да кстати.

Подъезжает лодка, в ней стоит Хлынов без сюртука, руки фертом, Барин с большими усами и шестеро гребцов.

Что вы безобразничаете, только рыбу пугаете! *(Хлынову.)* Ишь, ты с утра глазки-то налил. Нигде от вас скрыться нельзя.

На пристань выводят Хлынова и Барина с усами.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Аристарх, Хлынов, Барин и гребцы в лодке.

Хлынов *(важно)*. Как ты можешь, братец ты мой! Река никому не заказана.

Аристарх. Вот что, братец ты мой, поди-ко ты сюда. *(Отводит Хлынова на авансцену.)* Если ты хочешь быть таким купцом, чтобы все на тебя ахали, ты перестань шампанским песок-то поливать! Ничего не вырастет.

Хлынов. Ну, братец, говори скорей! Я теперь не в таком разе, чтоб твоих наставлениев слушать...

Аристарх. Ты сделай хоть одно доброе дело. Вот тогда про тебя заговорят — вот тогда ты себя покажешь.

Хлынов. Я все могу...

Аристарх. Ты знаешь Василья Шустрого? Он сидит в арестантской занапрасно, ты возьми его на поруки!

Х л ы н о в. Не суть важное! Говори, братец, поскорее! Ты видишь, мне некогда.

А р и с т а р х. Голова по злобе его в солдаты отдает, а ты его выкупи, он твои деньги заслужит; охотника найми либо квитанцию купи.

Х л ы н о в. Из такого нестоящего дела, братец ты мой, ты меня тревожишь.

А р и с т а р х. Человек погибает задаром, а он нестоящее.

Х л ы н о в. Никакого я в тебе, братец, ума не вижу. Какая мне может быть честь перед другими, если я его выкуплю! Все эти твои слова ни к чему. А все дело состоит: так как Васька на бубне даже очень хорошо стал понимать, и мне чрез это самое от него утешение, значит, я сам в одну минуту это дело кончаю. Потому, если кто мне по нраву, тех трогать не смей.

А р и с т а р х *(с поклоном)*. Ну, как знаешь, как знаешь. Только не давай в обиду!

Х л ы н о в. Как ты смеешь мне приказывать! Дома я с тобой разговаривать могу, а в городе я тебе не компания. Сейчас на свою дистанцию, назад! Барин, ваше благородие, пойдем к городничему.

А р и с т а р х. Без сертука-то! Вот так гости!

Х л ы н о в. Тебе сказано, знай свое место! На задний стол к музыкантам! И все твои нравоучения так и останутся при тебе, не оченно-то нам интересно.

Б а р и н. Я не пойду, нехорошо, неучтиво!

Х л ы н о в. Я так понимаю, что это гордость.

Б а р и н. Совсем не гордость, mon cher, чем мне гордиться? А нехорошо! Ты знаешь, я в тебе эту черту не люблю. Уж извини.

Х л ы н о в. Да-с. Какую это черту, позвольте спросить?

Б а р и н. Свинства твоего!

Выходят г о р о д н и ч и й и К у р о с л е п о в. С и д о р е н к о в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Х л ы н о в, Б а р и н, А р и с т а р х, г о р о д н и ч и й, К у р о с л е п о в, С и д о р е н к о и г р е б ц ы.

Х л ы н о в. Нашему градоначальнику! *(Кланяется.)* Господин полковник, мы к вашему высокоблагородию!.. Павлину Павлинычу, предводителю нашему купе-

ческому, почтение. Барин, гляди, вот все это наше начальство! Господин полковник Градобоев, господин Курослепов, его высоко... высокостепенство; а для нас это все одно ничего, можем слободно...

Градобоев. Уж очень ты, господин Хлынов, безобразничаешь!

Хлынов. Господин полковник, это вы действительно; безобразия в нас даже очень достаточно. Господин полковник, вы извольте с меня, за мое безобразие, штраф положить! Как я какое безобразие, вы сейчас: «Хлынов, штраф!» Извольте получать, господин полковник.

Курослепов. Что ты уж больно куражишься-то?

Хлынов. Отчего же мне, господин Курослепов, не куражиться? У меня куражу-то полон погреб. Господа начальство, извольте мне ответ дать, по какому такому случаю Васька Шустрый у вас содержится?

Градобоев. Ну, уж, господин Хлынов, ты куражиться — куражься, а в чужое дело не лезь, а то я тебя ограничу.

Хлынов. Никак не чужое, потому он мне сейчас нужен.

Курослепов. Нам тоже баловство-то в городе не очень приятно.

Хлынов. Ежели от него баловство, я в ответе. Беру сейчас на поруки.

Курослепов. У нас за общество уйдет, мы найдем место всякому.

Хлынов. Охотника ставлю. Господин городничий, извольте отпустить Шустрого ко мне на поруки. Ежели благодарность требуется, мы за этим не постоим. *(Ищет в кармане.)*

Барин. Полно, что ты!

Хлынов. Ш-шь, ни слова! Господин полковник, извольте сами назначить.

Градобоев. Сидоренко, поди вели выпустить Шустрого!

Сидоренко. Слушаю, вашескоблагородие! *(Уходит.)*

Хлынов. Господа, пожалуйте ко мне откушать, на дачу, покорнейше я вас прошу, щи да кашу кушать! А может, поищем, и стерлядей найдем,— я слышал, что они в садках сидеть соскучились; давно в уху просятся. Винца тоже отыщем, кажется, у меня завалялась бутылочка где-то; а не поленятся лакеи,

так и в подвал сходят, дюжину-другую шампанского приволокут. Так как вы наше начальство, будем здоровье ваше пить, с пушечной пальбой, и народ поставим в саду ура кричать. Милости просим, господа!

Г р а д о б о е в. Вот когда ты дело говоришь, и слушать тебя приятно.

К у р о с л е п о в. Жена будет ждать, пожалуй, надумается.

Х л ы н о в. Супруге депешу пошлем, штафету снарядим.

С и д о р е н к о приводит Ш у с т р о г о.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е и В а с я.

Х л ы н о в *(Васе)*. Знай порядки! Как ты, братец, довольно необразован! В ноги градоначальнику!

Вася кланяется.

Его высокостепенству.

Вася кланяется.

Мне!

Вася кланяется.

Пошел в лодку, бери бубен!

Вася уходит в лодку.

Пожалуйте, господа!

Все входят в лодку.

Аристарх, к рулю!

Аристарх становится у руля.

Маркитант! Знай свое дело!

Один из гребцов подает флягу с водкой и закуску.

Пожалуйте, господа, на дорожку, чтоб смелей было ехать.

Все пьют и закусывают.

Алистарх, наблюдай, братец, где мели и подводные камни! Чуть где место опасное, докладывай,— мы в те поры будем на нутрь принимать для храбрости. Поехали! Начинай! Васька, действуй с бубном!

Песня. Отъезжают.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Сад на даче Хлынова, налево вход в дом.

ЛИЦА:.

ХЛЫНОВ.

БАРИН.

АРИСТАРХ.

КУРОСЛЕПОВ.

ГРАДОБОЕВ.

ВАСЯ.

ПРИСЛУГА.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Градобоев, Курослепов, Хлынов, Барин и прислуга Хлынова (выходят из дому).

Курослепов. Вот так угощение! Дай только бог перенести. Хоть какого губернатора этаким манером уважить можно. Надо тебе чести приписать!

Хлынов. А из чего ж мы и бьемся, как не из чести; одно дело, на том стоим.

Курослепов. Ну и прощай, за мной лошади приехали. Повезут теперь меня домой.

Хлынов. Погоди, так нельзя. Надо последнюю, разгонную выпить. *(Прислуге.)* Эй! Братец! Посмотри поди, нет ли у нас какого-нибудь вина. Я думаю, что какое-нибудь найдется.

Человек уходит.

Градобоев. Вы пейте, а я шабаш.

Хлынов. Господин полковник,у нас такая пословица: в гостях, в неволе.

Градобоев. Уж ты меня неволил довольно.

Человек вносит бутылку шампанского.

Хлынов. Градоначальник наш! Уважаю! Храбрый воин! Не огорчайте хозяина, не обескураживайте купца Хлынова. *(Подает ему стакан.)*

Градобоев. Нет, стара штука. Всего вина у тебя не выпьешь. Пейте сами.

Хлынов. Ежели вам, господин полковник, угодно ви-

деть, исправны ли обыватели, мы вам это сейчас покажем. *(Курослепову.)* Господин предводитель, прошу обо всей! Барин, выручай!

Пьют.

Кажется, довольно чисто и аккуратно. *(Показывает Градобоеву стакан.)* Потому, я в своем доме люблю опрятность. *(Человеку.)* Догадайся, братец, догадайся!

Человек. Готово-с. *(Подает другую бутылку.)*

Курослепов. Ну, нет, прощай, а то до дому не доедешь, с дрожек свалишься.

Хлынов. Провожатого дадим.

Курослепов. Ты упрям, а я тебя упрямее. Зарежь, так не стану. Я тебе удовольствие сделал, и будет. И то уж сны какие стали сниться! Господи! Звери всё, да хоботы, всё тебя хватают, да ловят, да небо валится... Прощайте! Ну вас! *(Идет.)*

Хлынов. Напредки не забывай!

Курослепов. Твои гости. *(Уходит.)*

Хлынов. Эй, молодцы, посадите господина Курослепова на дрожки! А ежели мы в нем настоящей крепости не найдем, посадим напротив него молодца и будет держать за плечи до самого дому. *(Хочет идти.)*

Барин. Ты останься с полковником! Я пойду провожу. *(Уходит. Несколько людей за ними.)*

Хлынов *(с стаканом на подносе)*. Господин полковник, жду!

Градобоев. Не буду, русским я тебе языком говорю или нет!

Хлынов. У меня закон, господин полковник: кто не выпьет, тому на голову лить.

Градобоев. Очень мне нужно твои законы знать. У тебя закон, а у меня костыль.

Хлынов. Не сладите, господин полковник, обольем. Могу с вами паре держать, что обольем.

Градобоев. Попробуй! Что я с тобою сделаю!

Хлынов. Ничего вы со мной не сделаете, я так понимаю.

Градобоев. Да тебя засудят, тебе в Сибири места не будет.

Хлынов. Не страшно мне, господин полковник, не пугайте вы меня. Право, не пугайте лучше! Потому

я от этого хуже. А хотите паре держать, что я не боюсь ничего? Вот вам сейчас видимый резон: доведись мне какое безобразие сделать, я ту ж минуту в губернию к самому. Первое мне слово от их превосходительства: «Ты, Хлынов, безобразничаешь много!» Безобразничаю, ваше превосходительство; потому такое наше воспитание,— биты много, а толку никакого. Наслышан я насчет пожарной команды, починки и поправки требуются, так могу безвозмездно. «Да, говорят, ты нраву очень буйного?» Буйного, ваше превосходительство, сам своему нраву не рад, зверь зверем. Да и арестантские тоже плохи, ваше превосходительство. Что хорошего, арестанты разбегутся. Так я тоже могу безвозмездно. Вот вам, господин полковник, наша политика! Да это еще не все. От самого-то да к самой. «Не угодно ли, матушка, ваше превосходительство, я дом в городе выстрою да на сирот пожертвую». Потому что к самой я не только вхож, но даже пивал у ней чай и кофей, и довольно равнодушно. Ну, и выходит, господин полковник, что, значит, городничим со мной ссориться барыш не велик. Другому они страшны, а для нас все одно, что ничего. Так уж вы лучше со мной не судитесь, потому я сейчас вас обремизить могу; а лучше положите с меня штраф, за всякое мое безобразие, сто рублей серебра. *(Подносит вино.)* Пожалуйте без церемонии!

Градобоев *(берет стакан)*. Прокаженные вы! Турок я так не боялся, как боюсь вас, чертей! Через душу ведь я пью для тебя, для варвара. Когда вы захлебнетесь этим вином проклятым!

Хлынов. Все это нам, господин полковник, на пользу сотворено... Ежели иной раз и много, так что случается ужасно даже много...

Градобоев. Случается! Каждый день с вами это случается.

Хлынов. Допустим так; но ежели с молитвой и, главное, чтоб не оговорил никто... какой может быть вред!

Градобоев. Прощай! Теперь не скоро заманишь.

Барин возвращается.

Хлынов. Зачем же-с! А мы так надеемся, что вы наши постоянные гости. *(Вынимает бумажник.)* Позволь-

те вам! *(Подает три сторублевые ассигнации.)* Сочтите так, что за штраф!

Градобоев. Ну тебя, не надо!

Хлынов *(обнимает его и кладет ему насильно деньги в карман)*. Невозможно! Без гостинцу не отпущу. Мы тоже оченно понимаем, что такое ваша служба.

Градобоев. Изломал ты меня, леший.

Хлынов. Вы ничему не причинны, не извольте беспокоиться; потому, вам насильно положили.

Градобоев. Ну, прощай! Спасибо!

Целуются.

Хлынов. Эй, народы! Градоначальника провожать! Чтоб в струне.

Все уходят. Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Барин, Вася, потом Хлынов и прислуга.

Барин. Ну, как твои дела?

Вася. Квитанцию добыл, да не знаю, как вот Тарах Тарасыч... Он...

Барин. Деньги заплатит.

Вася. Ужли заплатит?

Барин. Заплатит, только тебя в шуты определит.

Вася. Ну, уж это зачем баловаться!

Барин. Что ж, не хочешь? Лучше в солдаты пойдешь?

Вася. Само собой.

Барин. Нет, шалишь! Я вашего брата видал довольно; не такие солдаты бывают, у тебя поджилки не крепки. В писарях тебе быть, это так; хохол завивать, волосы помадить, бронзовые цепочки развешивать, чувствительные стихи в тетрадку переписывать, это так; а в солдаты ты не годишься. А вот сам Хлынов идет, толкуй с ним.

Вася робко отступает. Входит Хлынов и несколько человек прислуги.

Хлынов. Уехали. Ну, вот что я теперь, братец ты мой, остался! С тоски помирать мне надобно из-за своего-то капиталу.

Барин. Вольно ж тебе скучать-то!

Хлынов. А что ж мне делать? Взад вперед бегать?

На тебя, что ль, удивляться? Какие такие узоры, братец, на тебе написаны?

Б а р и н. Во-первых, ты осторожней выражайся, а во-вторых, у тебя на то Аристарх, чтобы тебе увеселения придумывать.

Х л ы н о в. Да, должно быть, ничего не придумал. Я ему еще давеча приказывал: сиди, братец, не сходя с места, думай, что мне делать сегодня вечером. *(Слуге.)* Где Алистарх?

С л у г а. Здесь, в саду, под деревом лежит.

Х л ы н о в. Думает?

С л у г а. Нет, в дудку дудит, ястребов приманивает.

Х л ы н о в. Ему думать приказано, а он в дудку дудит. Позвать его сейчас ко мне на глаза!

Слуга уходит. Хлынов, увидав Васю, садится в кресла, разваливается и говорит важным тоном.

А, ты здесь! Поди сюда, я желаю с тобой разговаривать! Как я, братец ты мой, при твоей бедности, хочу быть тебе благодетелем...

Вася кланяется.

по этому самому, я у тебя спрашиваю, как ты сам о себе думаешь.

В а с я. Квитанцию нашли-с.

Х л ы н о в. А какой может быть курс на эти самые патенты?

В а с я. То есть как цена-с?

Х л ы н о в. Ты, братец, должен сразу понимать. Я для всякого ничтожного человека не могу по десяти раз повторять.

В а с я. Четыреста рублей-с.

Х л ы н о в. Откуда ж ты эти самые капиталы получить в надежде?

В а с я *(кланяясь в ноги)*. Не оставьте, Тарах Тарасыч!

Х л ы н о в. Ты, может, братец, воображаешь, что твои поклоны оченно дорого стоят?

В а с я. Бог даст, мы с тятенькой поправимся, так в те поры вам с благодарностью...

Х л ы н о в. Как ты, братец, мне, на моей собственной даче, смеешь такие слова говорить! Нечто я тебе ровный, что ты мне хочешь деньги отдать. Ты взаймы, что ли, хочешь взять у меня, по-дружески? Как посмотрю я на тебя, как ты, братец, никакого образования не

имеешь! Ты должен ждать, какая от меня милость будет; может, я тебе эти деньги прощу, может, я заставлю тебя один раз перекувырнуться, вот и квит. Ты почем мою душу можешь знать, когда я сам ее не знаю, потому это зависит, в каком я расположении.

Вася. На все ваша воля, Тарах Тарасыч; а что у меня теперича душа расстается с телом.

Хлынов. Так бы ты должен с самого спервоначалу... покорность... Теперь я тебя, братец ты мой, так решаю; четыреста рублев для меня все равно плюнуть, а за эти деньги ты будешь служить у меня год, в какое я тебя звание определю.

Вася. Уж вы мне теперь скажите, Тарах Тарасыч; потому мое дело такое: тятенька, опять же знакомства много, как были мы в городе на знати, сами тоже в купеческом звании...

Хлынов. Быть тебе, братец ты мой, у господина Хлынова запевалой. Вот тебе и чин от меня.

Вася. Уж очненно страм перед своим братом, Тарах Тарасыч.

Хлынов. А коли страм, братец, я тебя не неволю, ступай в солдаты.

Вася. Позвольте, Тарах Тарасыч, подумать!

Хлынов. Вот опять ты выходишь дурак и невежа! Давно ль ты сенатором стал, что думать захотел! Думают-то люди умные. А коли ты, братец, думать захотел, так свести тебя опять в арестантскую, там тебе думать будет способнее.

Вася. Нет, уж вы, Тарах Тарасыч, мою молодость не губите; а как, значит, вам угодно, так пусть и будет.

Хлынов. Недолго же ты, братец мой, думал.

Входит Аристарх.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Аристарх.

Хлынов. Где ты, братец ты мой...

Аристарх. Погоди, безобразный! *(Прислуге.)* Вы тут пьяные-то по саду путаетесь, так вы смотрите, там у меня в капкан не попадите; на хорька поставлен. Тоже прислуга! Не плоше хозяина. Да там у меня змей под деревом.

Хлынов. Для чего у тебя змей? Как ты, братец, довольно глуп! Еще укусит кого.

Аристарх. Ты вот умен. Он бумажный. Я его склеил, так сушить поставил.

Хлынов. А для какой надобности?

Аристарх. Пускать будем вечером с фонарем, с лодки. А к лодке я такую машину приделываю, ручную, и колеса заказал, будет, как вроде пароход.

Хлынов. А что ж, братец ты мой, я тебе думать приказывал, куда мне себя нынешний вечер определить.

Аристарх. Я уж придумал; вот сейчас скажу. *(Берет стул и садится.)* Слушайте! Тут неподалеку есть барин, по фамилии Хватский. У него было имение хорошее, только он все это нарушил через разные свои затеи. Дом свой весь переломал, все печи и перегородки разобрал и сделал из него театр, а сам живет в бане. Накупил декорациев, разных платьев, париков и лысых и всяких; только ни представлять, ни смотреть у него этот театр некому. В деньгах он теперь очень нуждается, потому он на всех полях картофель насадил, хотел из него крахмал делать, а он у него в полях замерз, так в земле и остался; и хочет он теперь в Астрахань ехать рыбий клей делать; теперича он весь свой театр продаст за бесценок.

Хлынов. Для чего ты, братец, нам эту рацею разводишь?

Барин. Погоди, тут что-то на дело похоже.

Аристарх. Да само собою; нечто я стану зря. Ты слушай, безобразный, что дальше-то будет! Вот я сейчас поеду и куплю у него все костюмы. А вечером всех людей нарядим разбойниками; шляпы у него есть такие большие, с перьями. Разбойники у нас будут не русские, а такие, как на театрах, кто их знает, какие они, не умею тебе сказать. Чего не знаю, так не знаю. И сами нарядимся: я пустынником...

Хлынов. Зачем пустынником?

Аристарх. Что ты понимаешь! Уж я, стало быть, знаю, коли говорю. При разбойниках завсегда пустынник бывает; так смешнее. И выдем все в лес, к большой дороге, подле шалаша. Барина атаманом нарядим, потому у него вид строгий, ну и усы. Тебя тоже разбойником нарядим; да тебя и рядить-то

немного нужно, ты и так похож, а в лесу-то, да ночью, так точь-в-точь и будешь.

Хлынов. Ну ты, братец, в забвение-то не приходи!

Аристарх. Станем мы в свистки свистеть по кустам, будем останавливать прохожих и проезжих да к атаману водить. Напугаем, а потом допьяна напоим и отпустим.

Барин. Превосходно придумано.

Хлынов. Ничего, ладно. Занятие оченно интересное. Ну, ты поезжай, а я сосну пойду. *(Уходит.)*

Барин. Мы прежде с народом репетицию сделаем. Это отличная будет штука, и благородная штука и приятная. Да, весело, черт возьми, а то было я уж издох со скуки. *(Уходит.)*

Вася подходит к Аристарху.

Вася. Дядюшко Алистарх, я порешился к Хлынову.

Аристарх. Твое дело.

Вася. Да все как-то раздумье берет! Иной раз такая мысль придет: не лучше ль в солдаты! Да кабы не так трудно, я б сейчас... потому еройский дух...

Аристарх. То-то ты с еройским-то духом да в шуты и пошел.

Вася. Ничего не поделаешь. Страшно! А уж ежели бы я осмелился, кажется, каких бы делов наделал.

Аристарх. Полно! Где уж! Пшеничного ты много ел. Душа-то коротка, так уж что хвастать. Хе, хе, хе! Мелочь ты, лыком шитая! Всю жизнь крупинками питаешься, никогда тебе целого куска не видать, а все бодришься, чтоб не очень тебя хамом-то ставили. Все как-то барахтаешься, лезешь куда-то, не хочется вовсе-то ничком в грязи лежать.

Вася. Оно точно, что...

Аристарх. Смолоду-то, пока образ-то и подобие в нас еще светится, оно, как будто, нехорошо колесом-то ходить. Конечно, мое дело сторона, а к слову пришлось, я и сказал.

Вася. Да это ты верно. Вот еще мне забота: что Параша скажет, коли я у Хлынова запевалой останусь! Э, да что мне на людей смотреть! Коли любит, так и думай по-моему. Как мне лучше. А то, что слезы-то заводить. Своя-то рубашка к телу ближе. Так, что ли, дядюшко Алистарх? Ох, да какой же я у вас ухорский песельник буду. *(Уходит с Аристархом.)*

СЦЕНА II

ЛИЦА:

ХЛЫНОВ.

БАРИН.

АРИСТАРХ.

ВАСЯ.

ПАРАША.

ГАВРИЛО.

ЛЮДИ ХЛЫНОВА.

НАРКИС И ПРОХОЖИЕ ЛЮДИ.

Поляна в лесу. Налево небольшой плетеный сарай для сена, у сарая, со стороны, обращенной к зрителям, положена доска на двух обрубках в виде скамьи; на правой стороне два или три пня и срубленное сухое дерево. В глубине сплошь деревья, за ними видна дорога, за дорогой поля и вдали деревня. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Наркис *(за сценой)*. Тпррру! Чтоб тебя! Куда это я заехал? Вот так чаща! Тут не то что на лошади, а и пеший не пролезешь! *(Выходит.)* И каким манером меня угораздило! Задремал, должно быть. *(Останавливаясь.)* Это что за избушка на курьих ножках? Да это сарай! Э! Да я уж в другой сюда попадаю, все на то же место. Обошел! Дело нечисто! Наше место свято! И как бы, кажется, обойти, не такие часы теперь, еще совсем светло. Нет, надо так полагать, что я задремал. И диви бы с ними, с мужиками много пил; а то что! Что я пил? Дай бог памяти! Два стакана, да полстакана, да две чайных чашки, да еще полчашки, да рюмка. Да что считать-то! Дай бог на здоровье! Что ж, я слава богу; мне все одно, что воду, да другому и воды столько не одолеть. А считать-то грех. С того сохнут, говорят, кто считаное-то... Всего четыре версты от дому, а никак не доеду. Пойду, выведу лошадь-то на дорогу, да так нахлещу, чтоб мигом дома. А то что за страм! Хозяин послал за делом, а я пропал; еще подумают, пьян. *(Уходит.)*

Из леса выходят маршем: Хлынов, на нем, сверх жилета, испанский плащ, на голове бархатная шапочка с перьями; Аристарх в костюме капуцина; Барин и за ним попарно люди Хлынова в разных костюмах, между ними Вася; сзади несут две корзины с напитками и съестным.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хлынов, Аристарх, Барин, Вася и прислуга.

Хлынов. Марш! *(Хочет выйти на дорогу.)*

Аристарх *(удерживая его)*. Погоди, безобразный! Куда ты?

Хлынов. Проехал кто-то, братец ты мой.

Аристарх. Ну, так что ж?

Хлынов. Должен я поглядеть али нет?

Аристарх. Нам из лесу выходить-то еще рано, больно светло. *(Смотрит на дорогу.)* А кто проехал, я тебе сейчас скажу. Это Наркис, приказчик Курослепова, на хозяйской тележке. Посылали куда-нибудь. Э! да как его покачивает! Задремал, должно быть! Куда он поворачивает, чудак! Ну, да лошадь сама знает, вывезет на дорогу.

Хлынов. Ты, братец, затеял, ты и порядок заводи.

Аристарх. Вот и стой здесь все! Тут у нас привал будет. Барин, помещик Хлынов, садитесь на скамейку за сараем: там вас с дороги не видно будет. Корзины в сарай несите.

Хлынов. Маркитант, приготовь закуску, чтобы, братец ты мой, в лучшем виде!

Садятся с Барином на скамью.

Аристарх. Вот теперь расставим людей. Вы двое на бугор, вы двое к мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты,— на проселок не надо, там только крестьяне да богомольцы ходят. Вы, коли увидите прохожего или проезжего, так сначала пропусти его мимо себя, а потом и свистни. А вы, остальные, тут неподалеку в кусты садитесь. Только сидеть не шуметь, песен не петь, в орлянку не играть, на кулачки не биться. Свистну, так выходите. *(Подходит к Хлынову.)*

Хлынов. Что же мы, братец, сидим? Первое твое старание, чтоб мне занятие было. А как скоро мне нет занятия, я могу сейчас в скуку и в тоску впасть.

А в тоске и в скуке, братец ты мой, дурные мысли в голову приходят, и даже я могу вдруг похудеть через это самое.

А р и с т а р х. С чего скучать-то! Какая тишина! Не вышел бы из лесу-то, какой вечер чудесный!

Х л ы н о в. Что такое чудесный вечер? И чем он хорош? Можешь ли ты, братец, понимать это? Летний вечер оттого приятность в себе имеет, что шампанское хорошо пьется, ходко — потому прохлада. А не будь шампанского, что такое значит вечер! Барин, не нарушить ли нам флакончик?

Свист.

А р и с т а р х. Постой! *(Свистит.)*

Из лесу выходят л ю д и Хлынова.

Тише!

Н а р к и с *(за сценой)*. Тпррр...у! Чтоб тебя! О, волк тебя заешь! Куда меня занесло! Тпррр...у!

А р и с т а р х. Я огляжу пойду. *(Подходит к кустам и возвращается.)* Это Наркис; он в лесу запутался. *(Хлынову.)* Вот тебе и добыча!

Н а р к и с *(за сценой)*. Оказия! Никакой силой тут не выдерешься. Придется мне тебя назад за хвост тащить. И куда это я застрял! Надо оглядеться.

А р и с т а р х *(людям)*. Обойдите его кругом, как подам знак, так хватайте и ведите сюда.

Н а р к и с выходит. Л ю д и Хлынова заходят со всех сторон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и Н а р к и с.

Н а р к и с *(осматриваясь)*. Вот так важно! Сарай! Да я опять тута, в третий раз. Молодец! Ну, не наваждение это дьявольское! Нет, уж что ни толкуй, а дело видимое. Вот уж и темнеет, вот уж и страх меня забирает. *Он* шутит. *Он* теперь вышел, как начнет темнеть, так ему и выход; засветло не выходит никогда, не положено, не может... Уж пускай бы пошутил, только въявь не показывался. Очень уж, говорят, видом разителен, так что нет такого смелого человека, чтоб на него прямо смотреть! Когда

я теперь дома буду? Нет, шабаш! Теперь в поводу поведу, уж не задремлю. Только б *он* мне навстречу не вышел, а то, кажется, и лошадь бросишь. Нет, уж я теперь дома буду; я неробкого десятку. Ну, само собой, если вот прямо, так перед носом твоим из земли вырастет, так испу... *(Идет к лошади.)*

По знаку Аристарха о д и н из людей Хлынова загораживает ему дорогу.

А вот *он* и есть... Вот тебе и раз! Вот *он* и как тут! Я ведь и в другую сторону поверну и оглядываться не стану. *(Идет в другую сторону.)*

Д р у г о й человек загораживает ему дорогу.

Вот и другой. Однако!

Аристарх выходит из-за сарая и делает знак, чтобы его взяли.

Вот и третий! Да их тут полон лес! Это уж, надо быть, самый настоящий! И хмель у меня соскочил. Кричать аль нет! Да чего кричать! Кроме лешего, никто не откликнется. *(Машет рукой на Аристарха.)* Наше место свято! *(Шепчет.)* Не действует! Ну, теперь капут.

Слуги берут его под руки и ведут к Хлынову. Другие приносят вино и стакан. Барин делает ему знак, чтобы он пил.

Это, значит, пить надо? Да, может, это зелье какое? Может, с него разорвет?

Барин делает отрицательный знак.

Верно твое слово? Ну, так я, что ж, я выпью. *(Пьет. Ему наливают еще.)* Стало быть, и еще? Ничего, первый прошел, как быть следует. Я и еще. *(Пьет.)* Благодарствуйте. Теперь позвольте вас спросить, что вы такое, люди, примерно,. аль что другое?

а р и н *(густым басом)*. Мы разбойники.

а р к и с. Разбойники? Не похоже. На тех-то вы, на не наших-то, не к ночи сказать, ко дню, больше похожи, особливо вот этот. *(Указывая на Аристарха.)* Ведь это какая страсть-то, особенно в лесу-то да ночью.

р и с т а р х. Трепещи!..

Н а р к и с. Да уж и то трепещусь. Все во мне трепещется.

Б а р и н. Мы из чужих земель.

Н а р к и с. Да? Наехали? Что ж, вы и смертоубивством занимаетесь?

Б а р и н. Нет.

Н а р к и с. Ну, теперича мне легче. Что ж, это хорошо, что вы душ не губите. А грабите-таки довольно?

Б а р и н. Нет.

Н а р к и с. Как нет? Что ж вы не грабите? Это вы напрасно. Вы из чужих земель, вы нашего народу не знаете. Наш народ простой, смирный, терпеливый народ, я тебе скажу, его можно грабить. И промежду прочим, даже есть много таких, которые не знают, куда им с деньгами деваться. Право. Вот Хлынов, да что ж его не ограбить! Ему еще, пожалуй, лучше от этого.

Х л ы н о в. Как ты, братец мой...

А р и с т а р х *(грозно)*. Молчи!

Н а р к и с *(Барину)*. Вот что, друг любезный, вели еще стаканчик поднести. А то от страха что-то зябнется.

Барин кивает головой.

А уж опосля, что хотите со мной делайте. У вас и вино-то, должно, привозное; а у нас в торговле такой-то, друг любезный, обман живет. *(Подносят — пьет.)* Так вы не грабите?

Б а р и н. Не грабим.

Н а р к и с. Что же вы с нами делаете?

Б а р и н. Возьмем, напоим и отпустим.

Н а р к и с. Это очень хорошо. Это расчудесно.

А р и с т а р х. Понравилось?

Н а р к и с. Да чего ж лучше. И не слыхано, да кто и сказал-то бы, так не поверишь.

Б а р и н. Хочешь в нашу шайку, в разбойники?

Н а р к и с. В разбойники? А у вас как положение? Артельно или от хозяина, на жалованьи?

Б а р и н. На жалованьи.

Н а р к и с. Харчи свои али хозяйские?

Б а р и н. Хозяйские.

Н а р к и с. Положение хорошее. Я с превеликим бы удовольствием, да вот что, друг... *(Оглядываясь на лю-*

дей Хлынова.) Что они тут стоят! Прогони их, не бойся, я не уйду. Сядем на траву, я хорошую компанию люблю.

Аристарх дает знак, люди расходятся. Наркис, Хлынов, Барин, Аристарх садятся на землю.

Вот что, друг ты мой единственный, как звать тебя, не знаю... Я бы с охотой... а не пойду.

Барин. Отчего?

Наркис. Мне житье теперь... Мне житье! Малина! Умирать не надо. Что только есть, первый сорт. Хозяин у меня глупый — вот послал меня с мужиками рядиться, луга кортомим; а я не очень чтоб уважаю. А с хозяйкой я в любви и во всяком согласии.

Аристарх. Не верю.

Наркис. Уж это так точно. Уж что! Даром слова не скажу. И насчет съестного и прочего... все. Вот сейчас приеду... поедем ко мне в гости! Сейчас при тебе потребоваю вина, братец, всякого: красного, белого, рому... всякого. И вот сейчас скажу: неси тысячу рублей! Чтоб мигом тут было! И принесет.

Аристарх. Врешь!

Наркис. Истинно! Нешто первый раз! Две принесет, только б ей как у мужа спроворить. Страсть как любит! Говорю тебе, друг ты мой единственный, ужасно как любит, и слов таких нет. Вот недавно две тысячи своими руками принесла. Я сейчас, друг мой единственный, под подушку в ящик... ключом щелк, а ключ на крест. Вот и нынче, как приеду, велю тысячу принести,— и сейчас в ящик и щелк; потому я хочу, друг мой любезный, в купцы выходить. Так я себя понимаю, что мне надо. А вот что, друг милый, мне еще бы...

Аристарх. Видно, ты любишь?

Наркис. Не то чтоб я любил; а как мне, по моим чувствам, это на пользу.

Аристарх. Изволь! Только б охота была, а вина у нас вдоволь. *(Подзывает человека.)* Вот они тебе и лошадь помогут вывести. *(Человеку.)* Попотчуй его хорошенько. *(Тихо.)* Потом положи в телегу да проводи до городу. *(Наркису.)* Ступай с ним, обиды не будет.

Н а р к и с. Благодарю за компанию. *(Уходит.)*

А р и с т а р х *(Хлынову)*. Ну, что, доволен ты? Нет худа без добра. Вот нынче же все это городничему я и объясню, чтоб за него, за плута, невинные люди не страдали.

Х л ы н о в. Хорошо бы теперь, братец, какого благородного, чтоб с ним шампанского выпить.

Б а р и н. Барышню какую-нибудь воспитанную, институтку!.. Я бы сейчас пал на колени перед ней, и сцену из трагедии.

А р и с т а р х. А вот пойдемте на большую дорогу, может, кто и попадется. А тут что, тут проселок. Вон, видишь, богомолки идут.

По дороге проходят б о г о м о л к и.

Х л ы н о в. С этим народом, братец, какое может быть развлечение, одна канитель.

Уходят. П а р а ш а и Г а в р и л о показываются на дороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П а р а ш а и Г а в р и л о.

П а р а ш а. Как я устала! Сил моих нет! Я с места двинуться не могу, мне не дойти до города.

Г а в р и л о. Отдохните, Прасковья Павлиновна; вот тут на полянке присядьте, на бревнышках. На траву не садитесь, роса. Отдохнувши-то, мы своих догоним, еще рано. Часу в десятом будем в городе.

П а р а ш а. Посидим, не могу идти, не могу.

Г а в р и л о. Вы не то что с дороги, а больше от чувств.

П а р а ш а. Я падаю, падаю.

Г а в р и л о. Позвольте, я вас поддержу под локоточек. *(Доводит ее до бревен.)*

П а р а ш а. Я только устала, а мне, помолившись-то, как будто легче. Как мне тебя благодарить, я не знаю. Кабы не ты, мне бы не дойти.

Г а в р и л о. Что ж, мне ведь самому надо было...

П а р а ш а. Нет, не говори, я знаю, что ты только для меня пошел. Как у меня голова... руки и ноги точно не свои, и как будто забытье. И в голове-то шум, а ничего у меня не болит, и так мне хорошо, приятно, только как будто вот что-то мне представ-

ляется,— что такое? Гудит, гудит, точно вот речка по камням или мельница... Дурно мне, Гаврюша, дурно!

Гаврило. Да что вы, родная! Я пойду водицы принесу, тут где-то ключик был.

Параша. Поди, поди!

Гаврило идет, в разных местах свист. Он бежит назад.

Гаврило. Свистят.

Параша. Что ты? Не слышу.

Гаврило. Свистят по лесу.

Параша. Ну, что ж, шалят... Поди.

Гаврило отходит. В это время свист усиливается. Из кустов выходит Барин и, заметив Парашу, подбегает к ней, она на него с испугом смотрит. В нескольких местах показываются люди Хлынова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Барин и люди Хлынова.

Барин. Красавица! Наконец-то я нашел тебя. *(Берет ее за руку.)*

Параша хочет бежать, но силы ее оставляют. Барин ее поддерживает, обняв ее одной рукой.

Гаврило *(схватив большую суковатую палку, бросается на Барина)*. Не трожь ее! Я умру на этом месте, а тронуть ее не позволю.

Барин стреляет из пистолета. Гаврило падает.

Параша. Ах, убит, убит! *(Закрывает лицо руками.)*

Гаврило *(приподнимаясь и ощупываясь)*. Нет, я словно жив. Это я, надо полагать, с испугу. Оглушило только! Что ж это, господи! *(Встает.)*

Барин делает знак, набегают люди и уносят Гаврилу.

Барин. Ты меня не узнаешь? О, я давно люблю тебя. Зачем ты сделала меня несчастным? Я бросил людей, бежал в леса и набрал шайку разбойников. Наконец ты в моих руках. Ты будешь моя. О!..

Параша *(делает усилие, чтобы оттолкнуть его)*. Нет, нет! Вася, Вася!

Б а р и н. Хочешь парчи, хочешь бархату, бриллиантов? Все твое! Только люби меня.

П а р а ш а *(стараясь освободиться, но силы ее слабеют)*. Ах, нет, нет! Не надо, ничего не надо! Пусти меня! Пожалей... Прошу тебя, молю тебя, пожалей меня. *(Почти шепотом.)* Я не своя теперь. Я чужая, я Васина... Вася! Вася! *(Лишается чувств.)*

Барин сажает ее на скамью у сарая и поддерживает. Входят Х л ы н о в и А р и с т а р х.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П а р а ш а, Б а р и н, Х л ы н о в, А р и с т а р х и л ю д и Хлынова.

Х л ы н о в. Что за стрельба?

Б а р и н. Идите скорей! Какую я красавицу обрящил! Да, должно быть, испугалась очень, надо ей помочь как-нибудь.

Х л ы н о в. Девка, братец, первый сорт. Одобряю.

А р и с т а р х *(подбегая)*. Ах вы, варвары! Да ведь это крестница моя, Параша, Курослепова дочь. *(Хлынову.)* Пошли скорей за коляской, я ее домой свезу!

Хлынов посылает одного из своих людей.

Уж и ты, барин, нашел кого обидеть! Ума-то у тебя, видно, как у малого ребенка. Подайте ее сюда, разбойники, она вам, пьяницам, не пара! Далеко вам, далеко! *(Садится на скамью подле Параши и обмахивает ее платком.)* Воды!

Л ю д и бегут за водой.

Как вы смели трогать-то ее своими грязными лапами! Она, как есть, голубка; а вы мало чем лучше дьяволов. Вот она, шутка-то! И я-то, дурак, тешить вас взялся! Пора мне знать, что у вас ни одной шутки без обиды не обходится. Первое ваше удовольствие — бедных да беззащитных обижать. *(Приносят воды, он льет ей несколько капель на голову.)* Уж эта ли девушка не обижена, а тут вы еще. Дома ее заели совсем; вырвалась она кой-как...

Параша понемногу приходит в чувство и прислушивается.

пошла богу помолиться, у него защиты попросить... Так отец, с сонных-то глаз, по мачехину наученью,

давеча поутру велел городничему изловить ее да на веревке, с солдатом по городу провести для страму; да в чулан дома запрут ее на полгода, а то и на год.

Параша *(привстает и как бы в бреду)*. По городу с солдатом? В чулан? Где он? Где атаман? Пойдем! Вместе пойдем! И я с вами...

Барин и Аристарх. Куда? Куда?

Параша. В город, в город. Я сама... *(С криком.)* Не ругаться им надо мной! Не сидеть мне в чулане! Зажгу я свой дом с четырех углов. Пойдемте! Я вас проведу, я вас прямо проведу. Дайте мне в руки-то что-нибудь!.. Ружье... да огня, больше огня. *(Обессиливает.)*

Аристарх. Параша! Что ты! Бог с тобой! Да ведь это я, твой крестный. *(Снимает капюшон.)*

Параша *(смотрит на него)*. Крестный?

Аристарх. Да, да, крестный! Аристарх. Узнала теперь? Мы шутим. Это вот подрядчик Хлынов! Слыхала? Безобразный такой. Нечего ему делать-то, а денег много, вот он и забавляется.

Параша. А Гаврило где?

Аристарх *(оборачиваясь)*. Где Гаврило?

Один из людей. Он вырвался от нас да убежал.

Аристарх. Вот теперь прибежит, перемутит весь город, ну, да мы на лошадях-то раньше его будем. А знаешь ли, Параша, Хлынов Васю из солдатства выкупил.

Параша. Выкупил?

Хлынов. Четыреста серебра внес.

Аристарх. Да где Вася-то? Он с нами был.

Хлынов. Где Васька? Позвать сюда Ваську!

Вася выходит из рощи.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Вася.

Параша. Вася! Вася! *(Бросается к нему на шею.)*

Вася. Что ты? При народе-то нехорошо.

Параша. Ты на воле?

Хлынов. Я его теперича к себе в песельники определил.

Параша *(отступая)*. В песельники?

Вася. Что ж, надо чем-нибудь заниматься, хлеб добывать.

Хлынов. Я его теперича в кабалу взял за эти самые деньги на год.

Параша *(с испугом)*. В кабалу?

Аристарх. Вот чем похвалился! Благодетель! Из людей шутов делает.

Хлынов. А хоть бы и шутов, братец ты мой. Кто же мне может запретить? Он человек несостоятельный; я за свои деньги в какую угодно должность, в такую его и определю, стало быть, ему самому нравится. В шуты нанялся, шутом и будь. Васька, знай свою дистанцию! На задний стол! Барышня, угодно вам, мы вас потешим? Сейчас могу скомандовать веселую. Эй, народы! Васька, бери бубен, делай колено!

Вася отходит.

Параша *(со слезами)*. Вася! Вася!

Вася *(подходя к ней)*. Что тебе?

Параша. Вася, зачем ты деньги брал?

Вася. Что ж, в солдаты?..

Параша. Да, да. Я уж и помолилась... Я решилась. Да, да, в солдаты... Обидно, да зато честно это... Ведь решились мы; ведь уговорились; ты хотел... Разве ты... разве ты...

Хлынов. Васька, знай свое место!

Вася отходит.

Параша. Разве ты... струсил?

Васе подают бубен, он его берет молча.

Отвечай! Отвечай мне! Струсил ты? Обробел?

Вася с сердцем встряхивает бубном.

Такой красивый, такой молодец и струсил. С бубном стоит! Ха, ха, ха! Вот когда я обижена. Что я? Что я? Он плясун, а я что? Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпела. Я, богатого купца дочь, солдаткой хотела быть, в казармах с ним жить, а он!.. Ах, крестный! Трудно мне... духу мне!.. духу мне надо... а нет. Била меня судьба, била... а он...а он... добил. *(Падает к Аристарху на руки.)*

Аристарх. Лошадей проворней! Дай бог только живую довезти! Бедная ты, бедная мученица.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

КУРОСЛЕПОВ.

МАТРЕНА.

ПАРАША.

СИЛАН.

НАРКИС.

ГРАДОБОЕВ.

АРИСТАРХ.

ГАВРИЛО.

ВАСЯ.

СИДОРЕНКО.

ЖИГУНОВ.

РАБОЧИЕ И БУДОЧНИКИ.

Декорация первого действия. 10 часов вечера.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена сходит с крыльца и идет по двору. Курослепов несколько времени спустя выходит на крыльцо, у ворот Силан.

Курослепов. Матрена!

Матрена. Что еще! Нянчись с ним, как с маленьким. Проснулся, видно, продрал глаза-то.

Курослепов. Поди сюда!

Матрена *(возвращаясь)*. Ну?

Курослепов. Что ты меня одного покидаешь! Ночное дело...

Матрена. А ночное дело, так спи! Чего еще?

Курослепов. Спать-то бы оно точно... да меня сумление... где Наркис?

Матрена. Не печалься, найдется. Наркис не иголка; ту потеряешь, так не скоро сыщешь.

Курослепов. Какой же такой порядок? Как же он может! Стало быть, его гнать надобно по шее. По хозяйскому делу послан, опять же я ему наказывал...

Матрена. А если он дома?

Курослепов. Для чего не кажется?

Матрена. А коли он спит! Человек он тоже или нет?

Курослепов. Значит, он не в своем виде.

Матрена. А ты давеча в своем виде приехал от Хлынова? Впереди тебя человек сидит да за плечи держит. Днем-то так, по городу.

Курослепов. Так всякий знает, что я хозяин. А он что?

Матрена. Каков хозяин, таковы и люди. С кого им пример-то брать, как не с хозяина.

Курослепов. Что ты меня морочишь! Я еще не совсем из ума-то выжил. Кого за делом посылают, должен он ответ дать? Говори, должен?

Матрена. Разве завтра для вас дня-то не будет! Наговоритесь. Авось дело-то не государственное.

Курослепов *(со страхом)*. Матрена! Матрена!

Матрена. Что с тобой?

Курослепов. Смотри кверху! Гляди сюда!

Матрена. Ох! Как ты, Павлин Павлиныч, вдруг женщине! Ведь ты как испугать можешь! Наше дело такое слабое, что ото всякой малости мало ль что! Ты меня таким манером когда-нибудь уродом сделаешь. Вот упало сердце. Чуть жива стою, вся как пустая.

Курослепов. Гляди ты кверху, говорят тебе!

Матрена. Зачем?

Курослепов. Падает?

Матрена. Что падает-то, оглашенный человек?

Курослепов. Небо.

Матрена. Ну, будет! Поговорил, и будет. Ступай спать! Мочи моей нет с тобой! Связать тебя да в сумасшедший дом! Как может небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: твердь! Ступай спать! Ступай без разговору. Минуты с тобой покою нет.

Курослепов *(уходя)*. А спать, так спать. Я пошел!

Матрена. Ты что это в сапог-то прячешь?

Курослепов. Деньги.

Матрена. Много ли?

Курослепов. Доложить рубль, так шестьсот сорок будет.

Матрена. Потеряешь из сапога-то, а потом опять историю заведешь.

Курослепов. Нет, уж я теперь их знаешь куда? В спальне мешочек с орехами, так я их под орехи, под самый под низ, пущай до завтрего. Там целей, в орехах-то! *(Уходит.)*

М а т р е н а. Силантий!

С и л а н *(подходя)*. Чего тебе?

М а т р е н а. Что Наркис?

С и л а н. Ничего, образумился. Причесывается теперь.

М а т р е н а. Где это он?

С и л а н. Мало местов-то? Была б охота! С мужиками торговался, со всем миром.

М а т р е н а. Так что ж?

С и л а н. То ж. У мужиков-то ни этой думы, ни сенату не выстроено, одно строение только и есть, где мирские дела судят.

М а т р е́ н а. Так вот что!

С и л а н. А то что же? Заведен порядок, не менять его стать. Ну, значит, суди сама, ежели кто падок. Да вот он, Наркис-то. *(Отходит от Матрены и потом уходит за ворота.)*

Выходит Н а р к и с.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а т р е н а и Н а р к и с.

М а т р е н а. Что, беспутный! Что, беспутный! Вот погоди, достанется тебе от хозяина.

Н а р к и с. Не больно страшно. Ты меня не пугай! Я нынче и не такие страсти видел, да не испугался. Вот тебя бы на этакую страсть, посмотрел бы я, что ты заговорила. Тут на одном такие сапоги были, что у тебя от одних от сапог-то душа бы в пятки ушла. А уж какие шляпы! Да всё с перьями. А у одного мешок на голове, суконный.

М а т р е н а. От такого загулу мало ль что приснится. Дня на два рассказывать будет.

Н а р к и с. Ну, уж это я знаю, приснилось мне или нет. Оно хоть я и не больно испугался, а все меня как будто ломает; мне теперь поправка хорошая нужна.

М а т р е н а. Какая поправка?

Н а р к и с. Рому бутылка, а то две... На ночь я теплого.

М а т р е н а. Ты липового цвету лучше.

Н а р к и с. Ври еще! Ромашки не выпить ли? Очень нужно сырость-то эту в животе заводить. Сказано тебе, рому. Я свою натуру лучше знаю.

М а т р е н а. Где ж я возьму?

Н а р к и с. Ищи поди! Не найдешь впотьмах, так фонарь зажги.

М а т р е н а. Этакого ирода, как ты, еще свет не создавал.

Н а р к и с. Да уж ты, кстати, с ромом-то захвати для меня тысячу рублей; по моим расчетам, у меня теперь ровно тысячи не хватает.

М а т р е н а. Ни, ни, ни! Ни под каким видом! И не заикайся!

Н а р к и с. Я и то не заикаюсь, я тебе явственно говорю. А то я тебя и на порог к себе не пущу. А завтрашнего числа, как буду хозяину отчет отдавать, все твои дела ему, как на ладони.

М а т р е н а. Не я ль твою образину кругом облагодетельствовала? И тебе не жаль свою благодетельницу?

Н а р к и с. Который я раз тебе говорю, что во мне жалости нет. Ты на мою жалость и не уповай никогда.

М а т р е н а. Ох, погубитель! погубитель!

Н а р к и с. Вот что, ты тише, не делай страму прежде времени.

М а т р е н а. Где я столько денег возьму?

Н а р к и с. Ну, ежели малость чего не хватит, я прощу.

М а т р е н а. Да как я к тебе приду-то? Ну, как Силантий увидит?

Н а р к и с. А ты вот что: возьми у мужа кафтан либо шинель, да и надень, а на голову шляпу. Силантий ежели хоть и увидит, так подумает, что сам хозяин идет ко мне, браниться. А я пойду самовар поставлю, чтобы мне теплого...

Уходит во флигель, М а т р е н а в дом, С и л а н выходит из ворот.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С и л а н, потом М а т р е н а.

С и л а н. Врозь разошлись. Диковина! А городничий дожидается. Пойти сказать ему, чтоб шел домой! Полно, мол, тебе по ночам-то! Иди, мол, старичок убогонький, домой! Тоже ведь и их дело! Как не пожалеть! Обыватель теперь спит, а он его береги. А кого беречь-то? Кого? Да еще взыскивают. То не усмотрел, другое оплошал. Ишь ты, обывателю покой нужен. А для чего ему покой? Что он трудился, что

ли, через силу? Напился, наелся, да и на пуховик, как чурбан али пень какой. Службы он никакой не нес, походов из конца в конец не ломал, смертной чаши не видывал; лежит как боров да говорит: ты меня от всякой напасти соблюдай! Нет, кто как, а мне нашего старика жаль. Первое дело — старый, уродованный...

Выходит Матрена в шинели и шляпе.

Что за диво! Хозяин вышел! Очень мне это удивительно, потому в эту пору разве его только рычагом или на блоке, а то не подымешь. *(Подходит к Матрене.)* Что тебе! Аль не спится? Ты будь без сумления, я тута.

Матрена *(переменив голос)*. Ступай за ворота! Чего ты здесь не видал!

Силан. Приказываешь за ворота? Были мы и за воротами.

Матрена. Ступай, говорят тебе!

Силан *(про себя)*. Эге! Вот оно что! *(Матрене.)* Иду, иду, хозяин; всю ночь буду у калитки сидеть,— оставайся с успокоем. *(Идет к воротам.)*

Матрена входит к Наркису.

Нет, шалишь! Не обманешь. Коротко шагаешь, ноги спутаны. Что у нее в руках-то? Какой-то мешочек; должно, орехов Наркису несет, позабавиться. *(Подходит к калитке и отворяет ее.)*

Входят Аристарх и Параша.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Силан, Аристарх, Параша.

Силан. Ты какими судьбами?

Аристарх. Сорока на хвосте принесла. Прошла?

Силан. Кто? Ступай, брат, ступай. Твоего тут дела никакого. Коли что есть, мы с хозяином промеж себя. Не в трубу нам трубить.

Аристарх. Не ломайся со мной! Меня городничий прислал, я с ним за добросовестного.

Силан. Ну, так бы ты и говорил! Прошла, братец, прошла. *(Параше с поклоном.)* Помолимшись?

Параша. Бог милости прислал, дядюшка Силантий.

Аристарх *(Параше)*. Ну, иди, красавица, в свое гнездышко, ничего не бойся, душой своей отвечаю. Будет беда, да только не тебе. На отца не гневись: он не столько со злобы, сколько от слабости. Что делать! Ночная кукушка денную перекукует. А злодейке твоей мы,— бог даст,— язык-то прищемим.

Параша уходит в дом.

Силан *(громко)*. Посматривай!

Входят Градобоев, Вася, Сидоренко, несколько будочников и инвалидных солдат.

Градобоев *(Сидоренке)*. Расставляй команду к окнам, к дверям и к воротам, чтоб муха не пролетела. Хо, хо, хо! У меня пропажа не находится! Пропажа не находится! Вот я ему покажу, как не находится. Я ему найду, уткну его носом в деньги-то. Смотри, скажу, смотри! Не находятся? Видишь ты теперь? А вот, чтоб ты не обижал старых, заслуженных офицеров, я эти денежки теперь в карман. Сидоренко, бумаги с тобой, постановление писать?

Сидоренко. Со мной, ваше высокоблагородие.

Градобоев. Понятые здесь?

Сидоренко. За воротами сидят, ваше высокоблагородие.

Градобоев *(Силану)*. Теперь ты нам хозяина подавай!

Силан. Будить, что ли? Да что в нем проку-то? Он спросонков у нас, как чумовой!

Курослепов выходит на крыльцо.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Курослепов.

Силан. Да вот он сам... Теперь, что хочешь с ним...

Курослепов *(на крыльце)*. Вот тебе и орехи! Матрена! Матрена, не видала ль ты, где орехи? *(Взглянув наверх.)* О господи! Опять валится. Вот, вот... Нет, не валится, а точно оно пополам раскололось...

Силан *(Градобоеву)*. Слышите, что говорит.

Курослепов. Матрена! Силан! Эй! Кто тут живые люди!

Матрена показывается из двери флигеля.

С и д о р е н к о *(загораживая ей дорогу)*. Не велено!

М а т р е н а. Ай! *(Уходит во флигель.)*

К у р о с л е п о в. Ну, режут кого-то. Вот тут и живи, как знаешь. В доме грабеж, а на дворе и вовсе разбой; видимое дело, что последние дни; в небе трещина с чего-то.

Г р а д о б о е в. Будет тебе предсказывать-то! Поди сюда, мы давно́ тебя ждем.

К у р о с л е п о в. Ды ты что за человек?

Г р а д о б о е в. Слезай, говорят тебе! Проклажаться-то некогда.

К у р о с л е п о в. А! Да это ты! Ну, мне теперь все-таки облегчение. А у меня, брат, опять... Весь мешок и с орехами.

Г р а д о б о е в. Найдется.

К у р о с л е п о в. Да, вот ты все — найдется, а ничего не находится. На посуле-то вы...

Г р а д о б о е в. Ну, так ты знай же: твои деньги нашлись, только взять их мудрено.

К у р о с л е п о в. Отчего так?

Г р а д о б о е в. А вот сам увидишь! Пойдем вместе.

К у р о с л е п о в. Пойдем.

Г р а д о б о е в. Жигунов, бери команду. Марш вперед!

Жигунов и несколько солдат маршируют к флигелю.

К у р о с л е п о в. Постой!

Г р а д о б о е в *(Жигунову)*. Стой!

Жигунов останавливается.

К у р о с л е п о в. Вот что я у тебя хочу спросить, чтоб уж мне покойней было... Гляди наверх.

Г р а д о б о е в. Гляжу.

К у р о с л е п о в. Лопнуло небо? Так немножко наискось?

Г р а д о б о е в. Да я-то что, астроном, что ли? У меня и без того дела-то по горло. Лопнуло, так починят. Нам-то какое дело! Марш!

Дверь во флигель отворяется, на пороге показывается М а т р е н а *в шинели и шляпе.*

С и д о р е н к о *(не пуская ее)*. Не велено.

К у р о с л е п о в. Вот она когда смерть-то моя! Уж каких чудес со мной ни делалось, а этого еще не бывало.

Нет уж, видно, друг ты мой, сколько мне ни маяться, а не отвертеться. Потому, гляди! Вот здесь с тобой я, а вон там, на пороге, опять тоже я.

Матрена, увидав мужа, скрывается во флигель.

Градобоев. Еще то ли увидишь, погоди! Марш!

Жигунов с солдатами уходит во флигель, Градобоев и Курослепов за ними.

Аристарх *(Васе)*. Теперь твое дело, Василий, поправляется.

Вася. Да уж теперь я строго, потому не смей он порочить! Я с него за бесчестье... Он меня в солдаты, а я, по его милости, должен был в кабалу идти. Уж я теперь за все это его дочь могу требовать смело. Мы хоть люди маленькие, а нас тоже марать-то зачем же! Нет, уж теперь дочь подавай. Все знают, что я к ней через забор лазил, в городе-то не утаишь. Ну, стало быть, я ей и жених! У нас такой порядок.

Аристарх. Действуй, братец, как тебе к лучшему!

Вася. Какой у меня, дядюшко Аристарх, характер! Беда! Тоже в обиду не дадимся.

Из флигеля выходят Градобоев, Курослепов, Матрена, Наркис связанный, Жигунов и солдаты.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Градобоев, Курослепов, Матрена, Аристарх, Вася, Сидоренко, Жигунов, Силан, Наркис, солдаты.

Градобоев *(Курослепову)*. Понял ты теперь?

Курослепов. Как не понять, я не вчера из пеленок-то. Ну, так как же, Матрена Харитоновна?

Матрена. Разве я своей волей? Известное дело, враг попутал. Так на него на одного всю вину положить и надо. Смущал он меня, смущал, да вот и... Как я ему ни противилась, как себя ни утверждала, да, видно, силен... Горами качает, не то что нами, грешными, которые в слабости.

Курослепов. Да? Горами... Вы вчера нам тут проповедовали, что у тятеньки вам не в пример лучше, что там оченно по вас убиваются; так уж вы теперича к нему поступайте!

Матрена. Да уж конечно. Должна же я кому-нибудь на вас плакаться. Кто за меня здесь заступится! По крайности я буду жаловаться родителю, что вы меня осрамили. Как вы были всю жизнь моим злодеем, так чего же еще мне от вас дожидаться. А что еще у нас с вами судбище будет большое.

Курослепов. Ничего не страшно. Вам бы от стыда теперь нос-то в подушки спрятать покудова, а завтра мы вас чем свет препроводим.

Матрена уходит.

Градобоев. Ну, вот и ладно, вот и молодец.

Курослепов *(Наркису)*. Ты это как же?

Наркис. А вот так же.

Курослепов. Ведь тебя теперь не похвалят.

Наркис. Ну, там еще что будет, а я по крайности пожил в свое удовольствие. Жаль, что я давеча в разбойники не пошел! Это настоящее мое занятие.

Градобоев. Ну, так как же с ним? Постановление сделать да порядком дело начать?

Курослепов. Вот еще, нужно очень бумагу-то марать. Вели свести его в арестантскую, заместо Васьки отдадим в солдаты, и шабаш.

Градобоев. Сидоренко, сведи в арестантскую да распусти понятых. Эй вы, воины! Марш домой.

Уходят и уводят Наркиса.

Вася. Что ж, в самом деле! За что ж вы на меня, коли я выхожу правый человек. Обижать-то нешто хорошо!

Курослепов. И то, брат, виноват! Больно поторопился. В солдатах-то тебе быть, только не сейчас. Ну, что ж, коли ты правый человек, так погуляй немножко, покуда очередь не дошла.

Градобоев. Ну, деньги твои у меня, мы с тобой их завтра разделим. Помнишь разговор, помнишь обиду; мы с тобой посчитаемся, а теперь хорошо бы после трудов-то горло промочить, находку спрыснуть.

Курослепов. Дядя Силантий, вели-ко поди нам шипучего подать.

Силан уходит.

Градобоев. Вот теперь ты будешь жить порядком,

хозяйничать у тебя будет дочь, да возьми зятя хорошего в дом.

К у р о с л е п о в. Дочь! Дочь-то сбежала.

Г р а д о б о е в. Это ты во сне видел.

К у р о с л е п о в. Ну, вот еще!

А р и с т а р х. Во сне, ваше степенство.

К у р о с л е п о в. Толкуйте!

С и л а н входит.

Где дочь?

С и л а н. Где ж ей! Известно, дома.

Выходит П а р а ш а с бутылкой вина и с стаканом на подносе.

Да вот она вино несет.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е и П а р а ш а.

К у р о с л е п о в. Постойте! *(Отводит Градобоева в сторону.)* Вот что, будь друг, слезно я тебя прошу, скажи мне по душе, вовсе я рехнувшись или еще во мне какая искра теплится? Если я вовсе, так уж вы лучше меня за решетку, чтоб я меж людей не путался.

Г р а д о б о е в. Погляди-ко на меня! Нет, еще рано за решетку, еще погуляй. Я тогда тебе скажу.

К у р о с л е п о в. Ну, ладно. *(Параше.)* Обноси гостей-то! Привыкай к хозяйству.

Параша наливает стакан и подает Аристарху.

Вот и видно, что дура. Ты по чину обноси!

П а р а ш а. Чинов ваших я не знаю; а тому прежде и подаю, кто меня больше любит. Коли я хозяйка, так уж ты меня не учи. *(Подносит Градобоеву.)*

Г р а д о б о е в *(пьет)*. Право, брат, отдай ее замуж, пора; по всему вижу, что пора.

Параша подносит отцу.

К у р о с л е п о в. Хочешь замуж?

П а р а ш а. Отчего ж не пойти! Только я тебе наперед говорю,— чтоб у нас брани не было! Отдавай меня за того, кого я сама полюблю. А уж ты меня не не-

воль! А то ежели я выду против воли да с моим сердцем, так добра не жди.

Г р а д о б о е в. Вон она какая! Говорю, отдавай поскорей!

Сильный стук в ворота.

С и л а н. Кого там еще! *(Отпирает.)*

Вбегает Г а в р и л о.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е и Г а в р и л о.

Г а в р и л о *(не замечая Параши)*. Батюшки! Мочи моей нет! Павлин Павлиныч! Ох, задохся! Вот беда-то!

К у р о с л е п о в. Да ты с виселицы, что ль, сорвался?

Г а в р и л о. Хуже! Ведь отняли, из рук отняли.

К у р о с л е п о в. Что?

Г а в р и л о. Дочку-то вашу, родную-то, Прасковью Павлиновну! Я к ней, а он в меня раз из пистолета. Да что мне! Я б рад за нее жизни решиться,— да не убил, не убил.

К у р о с л е п о в. Вижу, что не убил.

Г а в р и л о. Две деревни сбивал, весь лес обыскали,— нету, похитил. Вот из рук, из рук... Батюшко, Павлин Павлиныч! *(Кланяется.)*

К у р о с л е п о в. Что мне теперь с ним? Разве водой попробовать из ушата?

Г а в р и л о. Батюшки мои! Родные! На грех она меня взяла-то, дурака! Что для меня дороже-то всего на свете, что я берег-то пуще глазу... целый день, кажется, вот всякую пылинку с нее сдувал,— а тут вдруг ее у меня...

К у р о с л е п о в. Ну, Гаврилка, видно, нам с тобой на одной цепи сидеть!

Г а в р и л о. Простите вы меня, ради бога! Я только сказать-то забежал, а то мне уж один конец... С мосту, с мосту! С самой средины с камнем. Простите меня, православные, ежели я кого чем... *(Увидав Парашу.)* Ах! *(Хочет бежать.)*

С и л а н *(останавливает)*. Постой! Куда ты? Уж это шалишь, теперь на мост!.. Да что за напасть! И не пущу... Ничего в этом хорошего, уж поверь ты мне.

Аристарх подходит к Гавриле и шепчет ему на ухо.

П а р а ш а. Ничего, пройдет. Это он с горя, что ему от места отказали. *(Подносит Градобоеву.)* Пожалуйте!

К у р о с л е п о в. Ты бы нам еще бутылочку.

П а р а ш а. Сейчас подадут. Дедушко Силантий! Возьми из сеней бутылочку.

С и л а н уходит.

А вот я давеча начала говорить, да не кончила. *(Отцу.)* Уж ты мне дай слово крепкое, что за немилого неволить не станешь.

Г р а д о б о е в. Да, а мы свидетелями будем.

К у р о с л е п о в. Да по мне хоть сейчас. Ну, скажи, кто тебе люб, за того и ступай.

П а р а ш а. Кто люб-то мне? Сказать разве? Изволь, скажу! *(Берет Васю за руку.)* Вот кто мне люб.

Г а в р и л о *(утирает слезы)*. Ну, вот и слава богу!

В а с я. Да, уж ты теперь прямо говори.

П а р а ш а. Я прямо и буду говорить. *(Отцу.)* Вот как мне люб этот человек: когда ты хотел его в солдаты отдать, я и тогда хотела за него замуж идти, не боялась солдаткой быть.

Г а в р и л о. Вот и хорошо, все благополучно.

П а р а ш а. А теперь, когда он на воле, когда у меня и деньги, и приданое будет, и мешать-то нам некому...

Г а в р и л о. Ну, и дай бог!

П а р а ш а. Теперь бы я пошла за него, да боюсь, что он от жены в плясуны уйдет. И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня с ног до головы золотом. Не умел он меня брать бедную, не возьмет и богатую. А пойду я вот за кого. *(Берет Гаврилу.)*

Г а в р и л о. Нет, нет-с. Вы ошиблись. Не то совсем-с.

П а р а ш а *(отцу)*. Не отдашь ты меня за него, так мы убежим да обвенчаемся. У него ни гроша, у меня столько же. Это нам не страшно. У нас от дела руки не отвалятся, будем хоть по базарам гнилыми яблоками торговать, а уж в кабалу ни к кому не попадем! А дороже-то для меня всего: я верно знаю, что он меня любить будет. Один день я его видела, а на всю жизнь душу ему поверю.

Г а в р и л о. Да невозможно, помилуйте, что вы!

П а р а ш а. Отчего же?

Г а в р и л о. Какой я вам жених! Нешто я настоящий человек, такой же, как и все.

П а р а ш а. Как же не настоящий?

Г а в р и л о. Так-с, я не полный человек. Меня уж очень много по затылку как спервоначалу, так и по сей день; так уж у меня очень много чувств отшибено, какие человеку следует. Я ни ходить прямо, ни в глаза это людям смотреть, — ничего не могу.

Г р а д о б о е в. Ничего. Понемножку оправишься.

К у р о с л е п о в. Ну, что ж, выходи за Гаврилку. Все ж таки у нас в доме будет честней, чем до сих пор было.

П а р а ш а. Вот, батюшко, спасибо тебе, что ты меня, сироту, вспомнил. Много лет прошло, а в первый раз я тебе кланяюсь с таким чувством, как надо дочери. Долго я тебе чужая была, а не я виновата. Я тебе с своей любовью не навязываюсь, а коль хочешь ты моей любви, так умей беречь ее. Крестный, мы тебя возьмем в приказчики на место Наркиса. Переезжай к нам завтра.

С и л а н приносит вино.

К у р о с л е п о в. Ты уж меня и не спрашиваешь.

П а р а ш а. Чего не знаю, так спрошу, а что сама знаю, так зачем спрашивать.

К у р о с л е п о в. Да ну, хозяйничай, хозяйничай!

П а р а ш а *(подавая вино)*. Пожалуйте!

Г р а д о б о е в. Поздравляй жениха-то с невестой!

К у р о с л е п о в. Что ж, детки, дай вам бог счастливей нашего.

Г а в р и л о. Покорнейше благодарим-с. *(Параше.)* Да неужто вправду-с?

Г р а д о б о е в. Уж теперь запили, значит, дело кончено.

К у р о с л е п о в. Сколько в нынешнем месяце дней, тридцать семь или тридцать восемь?

Г р а д о б о е в. Вона! Что-то уж длинен больно.

К у р о с л е п о в. Да и то длинен.

Г р а д о б о е в. Да что считать-то! Сколько дней ни выйдет, все надо жить вплоть до следующего.

К у р о с л е п о в. Да, само собой, надо; а несчастлив он для меня. Каков-то новый будет? Чего-то со мной в этом месяце не было! Пропажа, долгов не платят; вчера мне показалось — светопреставление начинается, сегодня — небо все падает, да во сне-то раза два во аде был.

Г р а д о б о е в. Сподобился?

П а р а ш а. Ну, гости дорогие, отцу, я вижу, спать пора, уж он заговариваться начал.

Г р а д о б о е в: Ну, прощай! Когда сговор?

П а р а ш а. А вот позвольте нам убраться немного, мы приглашения разошлем. Прощай, крестный! Прощай, Вася! Ты не сердись, навещай нас.

Все уходят.

(Отцу.) Ну, прощай, батюшко! Спи, господь с тобой! А я теперь дождалась красных дней, я теперь всю ночку на воле просижу с милым дружком под деревцем, потолкую я с ним по душе, как только мне, девушке, хочется. Будем с ним щебетать, как ласточки, до самой ясной зореньки. Птички проснутся, защебечут по-своему,— ну, тогда уж их пора, а мы по домам разойдемся. *(Обнимает Гаврилу, садятся на скамью под дерево.)*

Комедия
в пяти
действиях

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

ЛИЦА:

САВВА ГЕННАДЬИЧ ВАСИЛЬКОВ
провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги: «когда же нет» — вместо да; «ни боже мой!» — вместо отрицания; шабёр — вместо сосед. Провинциальность заметна и в платье.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ТЕЛЯТЕВ
неслужащий дворянин, лет 40.

ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ КУЧУМОВ
лет 60-ти, важный барин в отставке с небольшим чином, имеет и по жене и по матери много титулованной родни.

ЕГОР ДМИТРИЧ ГЛУМОВ.

НАДЕЖДА АНТОНОВНА ЧЕБОКСАРОВА
пожилая дама с важными манерами.

ЛИДИЯ ЮРЬЕВНА
ее дочь, 24 лет.

АНДРЕЙ
слуга Чебоксаровых.

ГРИГОРИЙ
слуга Телятева.

НИКОЛАЙ
слуга Кучумова.

МАЛЬЧИК
из кофейной.

ГУЛЯЮЩИЕ.

В Петровском парке, в саду Сакса; направо от зрителей ворота в парк, налево кофейная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Проходят гуляющие, некоторые останавливаются и читают афишу на воротах. Телятев и Васильков выходят из кофейной.

Телятев *(что-то жует)*. Ну да, ну да! *(В сторону.)* Когда он отстанет!

Васильков. Я хочу сказать, что она, по своей миловидности, очень привлекательная девица.

Телятев. Вот новость! Какое открытие вы сделали. Кто же этого не знает! *(Снимает шляпу и кла-*

няется.) Совершенная правда-с. Чебоксарова хороша — дважды два четыре. Вы еще такой бесспорной истины не знаете ли?

В а с и л ь к о в. Я хотел вам сказать, что она мне очень понравилась.

Т е л я т е в. Еще лучше. Да кому же она не нравится! Помилуйте вы меня! И что тут для меня интересного, что она вам нравится? Вы, должно быть, издалёка приехали?

В а с и л ь к о в. Да, не близко-таки.

Т е л я т е в. Вот бы вы меня удивили, если б сказали, что вы ей понравились. Это была бы штука любопытная! А что она вам нравится, диковины тут нет. Я знаю человек пятнадцать, которые в нее влюблены без памяти, только из взрослых людей, а если считать с гимназистами, так и конца нет. А вы знаете что? Вы попробуйте сами ей понравиться.

В а с и л ь к о в. Да разве ж это так трудно?

Т е л я т е в. Ну, да уж я вам скажу.

В а с и л ь к о в. А что ж нужно для того? какие качества?

Т е л я т е в. Такие, каких нет у нас с вами.

В а с и л ь к о в. А, позвольте, например?

Т е л я т е в. А например: полмиллиона денег или около того.

В а с и л ь к о в. Это ничего...

Т е л я т е в. Как ничего! Батюшка вы мой! Да что ж, миллионы-то как грибы растут? Или вы Ротшильдам племянник, тогда и разговаривать нечего.

В а с и л ь к о в. Хотя ни то, ни другое; но нынче такое время, что с большим умом...

Т е л я т е в. Вот, видите ли, с умом, да еще с большим. Значит, прежде надо ум иметь. А у нас большие умы так же редки, как и миллионы. Да оставимте лучше об уме говорить; а то кто-нибудь из знакомых услышит, смеяться станут. Умные люди сами по себе, а мы сами по себе. Значит, ум побоку. Ну его! Где его взять, коли бог не дал!

В а с и л ь к о в. Нет, я не так скоро откажусь от этой способности. Но что же еще нужно, чтобы ей понравиться?

Т е л я т е в. Красивый гвардейский мундир, да чин, по крайней мере, полковника, да врожденную светскость, которой уж научиться никак нельзя.

Васильков. Это же очень странно. Неужели никакими другими достоинствами, никакими качествами ума и сердца нельзя покорить эту девушку?

Телятев. Да как же она узнает про ваши качества ума и сердца? Астрономию, что ли, вы напишете да будете читать ей!

Васильков. Жалею, очень жалею, что она так недоступна.

Телятев. Да вам-то что же?

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном.

Телятев. Ну, да мало ли что кому нужно! Что, вы богаты очень?

Васильков. Нет еще.

Телятев. Значит, надеетесь разбогатеть.

Васильков. В настоящее время...

Телятев. Да что вы все с настоящим временем!

Васильков. Потому более, что именно в настоящее время разбогатеть очень возможно.

Телятев. Ну, это кому как бог даст. Это еще буки. А в настоящее-то время вы имеете что-нибудь верное? Скажите! Я вас не ограблю.

Васильков. Я вполне уверен, что не ограбите. Верного я имею, без всякого риску, три лесные дачи при моем имении, что может составить тысяч пятьдесят.

Телятев. Это хорошо, пятьдесят тысяч деньги; с ними в Москве можно иметь на сто тысяч кредита; вот вам и полтораста тысяч. С такими деньгами можно довольно долго жить с приятностями.

Васильков. Но ведь надо же будет платить наконец.

Телятев. А вам-то какая печаль! Что вы уж очень заботливы! Вот охота лишнюю думу в голове иметь! Это дело предоставьте кредиторам, пусть думают и получают, как хотят. Что вам в чужое дело мешаться: наше дело уметь занять, их дело уметь получить.

Васильков. Не знаю, таких операций не производил; наши операции имеют совсем другие основания и расчеты.

Телятев. Вы еще молоды, дойдете и до наших расчетов.

В а с и л ь к о в. Не спорю. Но позвольте просить вас познакомить меня с Чебоксаровыми. Хотя я имею мало вероятности понравиться, но надежда, знаете ли, никогда не покидает человека. Я как увидал ее с неделю тому назад, все о ней и мечтаю. Я узнал, где они живут, и в том же доме квартиру нанял, чтобы видеть ее почаще. Стыдно деловому человеку увлекаться; но, что делать, я в любви еще юноша. Познакомьте, прошу вас.

Т е л я т е в. Извольте, с удовольствием.

В а с и л ь к о в *(крепко жмет ему руку)*. Если я вам могу быть чем-нибудь полезен...

Т е л я т е в. Бутылку шампанского, я других взяток не беру. Будет бутылка?

В а с и л ь к о в. Когда же нет! Во всякое время и сколько вам угодно. *(Крепко жмет Телятеву руку.)* Я, право, так вам благодарен.

Т е л я т е в. Да позвольте, позвольте руку-то! Это черт знает что!

В а с и л ь к о в *(оглядывается, не выпуская руки Телятева)*. Кажется, они?

Т е л я т е в. Они, они.

В а с и л ь к о в. Пойду поближе, полюбоваться. Право, я такой чувствительный!.. Вам, может быть, смешно.

Т е л я т е в. Да вы руку-то...

В а с и л ь к о в. Извините! Я надеюсь вас найти на этом месте.

Т е л я т е в. Надейтесь.

В а с и л ь к о в поспешно уходит. Входит Г л у м о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е л я т е в и Г л у м о в.

Г л у м о в. Что за шут гороховый с тобой разговаривал?

Т е л я т е в. Это мне бог на шапку послал за мою простоту.

Г л у м о в. Что ж тебе за барыш?

Т е л я т е в. Шампанским поит.

Г л у м о в. А! Это недурно.

Т е л я т е в. Я вот погляжу, погляжу на него, да, должно быть, денег у него займу.

Г л у м о в. Это еще лучше, коли даст, разумеется.

Т е л я т е в. Думаю, что даст; я ему нужен.

Г л у м о в. Перестань, сделай милость! Кому и для чего ты можешь быть нужен!

Т е л я т е в. А вот слушай.

Г л у м о в. Слушаю.

Т е л я т е в. Я увидал его в первый раз здесь, в парке, с неделю тому назад. Иду я по той аллее и издали вижу: стоит человек, разиня рот и вытаращив глаза; шляпа на затылке. Меня взяло любопытство, на что он так удивляется. Слона не водят, петухи не дерутся. Гляжу, и что ж бы ты думал, на кого он так уставился? Угадай!

Г л у м о в. На кого? не знаю. Какое диво в парке может быть.

Т е л я т е в. На Чебоксарову.

Г л у м о в. У него губа-то не дура.

Т е л я т е в. Коляска Чебоксаровых остановилась, кругом нее толпа молодежи; они обе разговаривали с кем-то, уж не знаю; а он стоит поодаль, так и впился глазами. Коляска тронулась, он бросился вслед за ней, человек пять сшиб с ног, и мне досталось. Стал извиняться, тут мы и познакомились.

Г л у м о в. Поздравляю.

Т е л я т е в. А сегодня, представь себе, увидал, что я разговаривал с Чебоксаровыми, ухватил меня чуть не за ворот, втащил в сад, спросил бутылку шампанского, потом другую, ну, мы и выпили малым делом. А вот здесь открылся мне, что влюблен в Чебоксарову и желает на ней жениться. Видишь ты, по его делам,— а какие у него дела, сам черт не разберет,— ему именно такую жену нужно; ну, разумеется, просил меня познакомить его с ними.

Г л у м о в. Ах он, эфиоп! Вот потеха-то! Приехал откуда-то из Камчатки и прямо жениться на лучшей нашей невесте. Видишь ты, у него дела такие, что ему непременно нужно жениться на ней. Какая простота! Мало ли у кого какие дела! Вот и у меня дела такие, что мне нужно на богатой невесте жениться, да не отдают. Что он такое за птица? Что он делает, по крайней мере?

Т е л я т е в. Это уж одному аллаху известно.

Г л у м о в. Объясни мне его слова, манеры, и я тебе сразу скажу, кто он.

Т е л я т е в. Нет, пожалуй, и с двух не скажешь. Он

дворянин, а разговаривает, как матрос с волжского парохода.

Глумов. Судохозяин, свои пароходы имеет на Волге.

Телятев. Стал расплачиваться за вино, вынул бумажник вот какой *(показывает руками)*, пол-аршина наверное. Чего там нет! Акции всякие, счета на разных языках, засаленные письма на серой бумаге, писанные мужицким почерком.

Глумов. Да богат он?

Телятев. Едва ли. Говорит, что есть имение небольшое и тысяч на пятьдесят лесу.

Глумов. Невелико дело. Виноват, он не пароходчик.

Телятев. Он небогат или скуп; заплатил за вино и сейчас же при мне записал в книжку в расход.

Глумов. Не конторщик ли? А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка.

Глумов. Прост и наивен... не шулер ли?

Телятев. Не могу сказать. А вот пьет шампанское, так на диво: отчетливо, методически, точно воду зельтерскую. Выпили по бутылке, и хоть бы краска в лице прибавилась, хоть бы голос поднялся.

Глумов. Ну, так сибиряк, наверное сибиряк.

Телятев. Сигары курит дорогие, по-французски говорит отлично, только с каким-то акцентом небольшим.

Глумов. Теперь знаю, агент какого-нибудь торгового дома лондонского, и толковать нечего.

Телятев. Разбирай его, как знаешь! Вот задачу-то задал!

Глумов. Ну, да кто бы он ни был, а комедию сыграть нужно. Мы уж и то давно не смеялись, все приуныли что-то.

Телятев. Только в твоей комедии комические-то роли, пожалуй, достанутся нам.

Глумов. Нет, мы будем играть злодеев, по крайней мере я... И вот с чего начинается: ты познакомь этого чудака с Чебоксаровыми, а я скажу Надежде Антоновне, что у него золотые прииски; и будем любоваться, как она станет за ним ухаживать.

Телятев. А ну как узнают, что это вздор, как окажется, что у него только и есть чухломская деревня?

Глумов. А нам-то что! Мы скажем, что от него слышали, что он сам хвастал.

Телятев. Ну, зачем же!

Глумов. Что ж, тебе его жалко? Эка телячья натура! Ну, мы скажем, что ошиблись, что у него не золотые прииски, а прииски брусники по лесам.

Подходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Телятев, Глумов и Васильков.

Телятев. Нагляделись на свою красавицу?

Васильков. До сытости.

Телятев. Позвольте вас познакомить! Савва Геннадьич Васильков, Егор Дмитрич Глумов.

Васильков *(крепко жмет руку Глумова)*. Очень приятно.

Глумов. А мне вот неприятно, что вы крепко руку жмете.

Васильков. Извините, провинциальная привычка.

Глумов. Вас зовут: «Савва»; ведь это не то, что Савватий?

Васильков *(очень учтиво)*. Нет, то другое имя.

Глумов. И не то, что Севастьян?

Васильков. Нет, Севастиан по-гречески значит: достойный почета, а Савва слово арабское.

Глумов. А Савёл?

Васильков. Ну, уж напрасно. Возьмите святцы и посмотрите.

Телятев. Вы и по-гречески знаете?

Васильков. Учился немного.

Глумов. А по-татарски?

Васильков. Простой разговор понимаю — казанское наречие, а вот в Крыму был, так с трудом объяснялся.

Глумов *(в сторону)*. Уж это черт знает что такое!

Телятев. А вы давно из Крыма?

Васильков. Дней десять, не более. Я проездом был, из Англии.

Глумов *(в сторону)*. Как врет-то!

Телятев. Как же вы из Англии в Крым попали?

Васильков. А на Суецком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения.

Глумов *(в сторону)*. А может быть, и не врет. *(Василькову.)* Вы нас застали, когда мы про брак разговаривали, то есть не про тот брак, который бракуют, а

про тот, который на простонародном языке законным называется.

В а с и л ь к о в. Хороший разговор.

Г л у м о в. Вот я хочу посвататься на Чебоксаровой.

В а с и л ь к о в. Судя по ее красоте, вероятно, многие желают того же.

Г л у м о в. Но эти многие глупы; они сами не знают, зачем хотят жениться. Красота им нравится, и они хотят только сами воспользоваться этой красотой, то есть похоронить ее, как мертвый капитал. Нет, красота не мертвый капитал, она должна приносить проценты. Только дурак может жениться на Чебоксаровой без расчета; на ней должен жениться или шулер, или человек, составляющий карьеру. У первого ее красота будет служить приманкой для неопытных юношей, у другого приманкой для начальства и средством к быстрому повышению.

В а с и л ь к о в. Я буду спорить.

Г л у м о в. Вот вам расчет верный и благоразумный! Вот вам современный взгляд на жизнь.

В а с и л ь к о в. Я буду спорить.

Г л у м о в. Все эти кислые толки о добродетели глупы уж тем, что непрактичны. Нынче век практический.

В а с и л ь к о в. Позвольте, я буду с вами спорить.

Г л у м о в. Спорьте, пожалуй.

В а с и л ь к о в. Честные расчеты и теперь современны. В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее. Вы, кажется, не совсем верно понимаете практический век и плутовство считаете выгодной спекуляцией. Напротив, в века фантазии и возвышенных чувств плутовство имеет более простора и легче маскируется. Обмануть неземную деву, заоблачного поэта, обыграть ромнатика или провести на службе начальника, который занят элегиями, гораздо легче, чем практических людей. Нет, вы мне поверьте, что в настоящее время плутовство спекуляция плохая.

Т е л я т е в. Чебоксаровы подходят.

В а с и л ь к о в *(быстро хватая его за руку)*. Познакомьте; умоляю вас!

Т е л я т е в. Ой! *(Отдергивает руку.)* С величайшим удовольствием.

Подходят Н а д е ж д а А н т о н о в н а и Л и д и я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надёжда Антоновна, Лидия, Васильков, Телятев и Глумов.

Телятев *(Надежде Антоновне)*. Хотите, с миллионщиком познакомлю?

Надежда Антоновна. Да ты, тюлень, и солгать не дорого возьмешь.

Телятев. Ведь я даром; процентов с вас не возьму.

Надежда Антоновна. Познакомь! Да ведь ты дрянь, тебе верить нельзя.

Телятев. Ей-богу! Ну, вот еще!.. Савва Геннадьич!

Надежда Антоновна. Погоди, погоди! Что за имя!

Телятев. Ничего! Не бойтесь! Миллионщиков всегда так зовут.

Васильков подходит.

Честь имею вам представить друга моего, Савву Геннадьича Василькова.

Надежда Антоновна. Очень приятно.

Васильков. Искренно желал. Знакомства в Москве не имею.

Телятев. Отличный человек, по-гречески говорит. *(Отходит к Лидии.)*

Надежда Антоновна. Судя по вашему имени, вы в Греции родились?

Васильков. Нет, я в России, недалеко от Волги.

Надежда Антоновна. Вы где живете?

Васильков. В деревне, а то все в разъездах.

Надежда Антоновна *(Глумову)*. Егор Дмитрич, сыщите моего человека!

Глумов подходит.

Васильков. Да позвольте, я бегом сбегаю. Его как зовут?

Надежда Антоновна. Андреем.

Васильков. Сию минуту отыщу вам.

Надежда Антоновна. Возьмите у него мою шаль, что-то сыро становится. *(Говорит тихо с Глумовым.)*

Васильков уходит.

Телятев *(Лидии)*. Я против сырости меры принял.

Л и д и я. Жаль; вы такой добрый, вас можно бы любить, но вы такой развратный человек.

Т е л я т е в. Я развратный человек?.. Да вы добродетельней меня не найдете. Я вам сейчас докажу.

Л и д и я. Докажите!

Т е л я т е в. Извольте! Я вам представлю моего соперника, который уничтожит меня в вашем сердце.

Л и д и я. Это совсем не так трудно; гораздо легче, чем вы думаете.

В а с и л ь к о в с шалью почти бегом подбегает к Надежде Антоновне; за ним А н д р е й.

В а с и л ь к о в. Нашел, вот он здесь-с. *(Подает шаль.)*

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, как вы меня испугали! *(Надевая шаль.)* Благодарю вас. Андрей, вели коляске дожидаться у театра.

А н д р е й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Т е л я т е в *(Василькову)*. Савва Геннадьич!

Л и д и я. Какое имя!.. Он иностранец?

Т е л я т е в. Из Чухломы.

Л и д и я. Какая это земля? Я не знаю. Ее нет в географии.

Т е л я т е в. Недавно открыли.

Васильков подходит.

Позвольте вам представить моего друга Савву Геннадьича Василькова.

Лидия кланяется.

Он бывал в Лондоне, в Константинополе, в Тетюшах, в Казани; говорит, что видел красавиц, но подобных вам никогда.

В а с и л ь к о в. Да перестаньте ж! Я конфужусь.

Л и д и я. Вы знаете в Казани мадам Чурило-Пленкову?

В а с и л ь к о в. Когда же нет!

Л и д и я. Она, говорят, разошлась с мужем.

В а с и л ь к о в. Ни боже мой!

Л и д и я. Подворотникова знаете?

В а с и л ь к о в. Он мой шабёр.

Лидия взглядывает на Телятева. Несколько времени молчания. Васильков, конфузясь, отходит.

Л и д и я. На каком он языке говорит?

Т е л я т е в. Он очень долго был в плену у ташкентцев.

Говорят тихо.

Г л у м о в *(Надежде Антоновне)*. У него прииски, самые богатые по количеству золота, из каждого пуда песку фунт золота намывают.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(взглядывает на Василькова)*. Неужели?

Г л у м о в. Он сам говорит. Оттого он так и дик, что все в тайге живет с бурятами.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(ласково смотрит на Василькова)*. Скажите! По наружности никак нельзя догадаться.

Г л у м о в. Как же вы золотопромышленника узнаете по наружности? Не надеть же ему золотое пальто! Довольно и того, что у него все карманы набиты чистым золотом; он прислуге на водку дает горстями.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Как жаль, что он так неразумно тратит деньги.

Г л у м о в. А для кого ж ему беречь, он человек одинокий. Ему нужно хорошую жену, а главное, умную тещу.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(очень ласково смотрит на Василькова)*. А он ведь и собой недурен...

Г л у м о в. Да, между тунгусами был бы даже красавцем.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(Лидии)*. Пройдем, Лидия, еще раз. Господа, я гуляю, мне доктор велел каждый вечер гулять. Кто с нами?

В а с и л ь к о в. Если позволите.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(приятно улыбаясь)*. Благодарю вас, очень рада.

Уходят Надежда Антоновна, Лидия, Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Телятев.

Г л у м о в. Ну, комедия начинается.

Т е л я т е в. Ты-таки сказал?

Г л у м о в. Разве я пропущу такой случай!

Т е л я т е в. То-то она поглядывала на него очень сладко.

Г л у м о в. Пусть маменька с дочкой за ним ухаживают, а он тает от любви; мы доведем их до экстаза, да потом и разочаруем.

Т е л я т е в. Не ошибись. Поверь мне, что он женится на Чебоксаровой и увезет ее в Чебоксары. Мне страшно его, точно сила какая-то идет на тебя.

Подходит К у ч у м о в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е л я т е в, Г л у м о в и К у ч у м о в.

К у ч у м о в *(издали)*. Ma in Spagna, ma in Spagna... mille e tre... *(Подходит гордо, подымая голову кверху.)*

Т е л я т е в. Здравствуй, князинька!

К у ч у м о в. Какую я сегодня кулебяку ел, господа, просто объяденье! Mille e tre...

Г л у м о в. Не на похоронах ли, не от кондитера ли?

К у ч у м о в. Что за вздор! Ma in Spagna... Купец один зазвал. Я очень много для него сделал, а теперь ему нужно какую-то привилегию иметь. Ну, я обещал. Что для меня значит!

Г л у м о в. Да обещать-то ничего не значит.

К у ч у м о в. Какой у тебя, братец, язык злой! *(Грозит пальцем.)* Уж ты дождешься, выгонят тебя из Москвы. Смотри. Мне только слово сказать.

Г л у м о в. Да ты давно бы сказал; может быть, бог даст, попаду в общество людей поумней вас.

К у ч у м о в. Ну, ну! *(Махнув рукой.)* С тобой не сговоришь.

Т е л я т е в. А коли не сговоришь, так и не начинай. Я всегда так делаю.

К у ч у м о в. Mille e tre... Да, да, да! Я и забыл. Представьте, какой случай: я вчера одиннадцать тысяч выиграл.

Т е л я т е в. Ты ли, не другой ли кто?

Г л у м о в *(горячо)*. Где и как, говори скорей!

К у ч у м о в. В купеческом клубе.

Т е л я т е в. И получил?

К у ч у м о в. Получил.

Т е л я т е в. Рассказывай по порядку!

Г л у м о в. Удивительно, если правда.

К у ч у м о в *(с сердцем)*. Ничего нет удивительного! Будто уж я и не могу выиграть! Заезжаю я вчера в купеческий клуб, прошел раза два по залам, посмотрел карточку кушанья, велел приготовить себе устриц...

Г л у м о в. Какие теперь устрицы!

К у ч у м о в. Нет, забыл, велел приготовить пельменей. Подходит ко мне какой-то господин...

Т е л я т е в. Незнакомый?

К у ч у м о в. Незнакомый. Говорит: не угодно ли вашему сиятельству в бакару? Извольте, говорю, извольте! Денег со мной было много, рискну, думаю, тысчонку-другую. Садимся, начинаем с рубля, и повезло мне, что называется, дурацкое счастье. Уж он менял, менял карты, видит, что дело плохо; довольно, говорит. Стали считаться — двенадцать с половиной тысяч... Вынул деньги...

Г л у м о в. Ты говорил одиннадцать.

К у ч у м о в. Уж не помню хорошенько. Что-то около того.

Т е л я т е в. Кто же это проигрывает по двенадцати тысяч в вечер? Таких людей нельзя не знать.

К у ч у м о в. Говорят, приезжий.

Г л у м о в. Да я вчера был в купеческом клубе, там никакого разговора не было.

К у ч у м о в. Я приехал очень рано, почти еще никого не было, и всю игру-то мы кончили в полчаса.

Г л у м о в. С тебя ужин сегодня.

Т е л я т е в. Ужин у нас есть с Василькова, а ты нас поди коньячком попотчуй, что-то сыро становится.

К у ч у м о в. Да ты, пожалуй, целую бутылку выпьешь; ведь это по рюмкам-то дорого обойдется.

Т е л я т е в. Нет, я рюмку, много две.

К у ч у м о в. Коли две, пожалуй. А я вас в воскресенье обедом накормлю дома, дам вам севрюгу свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургонского, что вы...

Т е л я т е в *(берет его под руку)*. Пойдем, пойдем! У меня уж зубы начинают стучать от сырости; пожалуй, лихорадку схватишь.

Уходят. Подходят Н а д е ж д а А н т о н о в н а, Л и д и я, В а с и л ь к о в и ч е л о в е к Чебоксаровых.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна, Лидия, Васильков и Андрей.

Надежда Антоновна *(Андрею)*. Вели коляске подъехать поближе!

Андрей. Слушаю-с! *(Уходит и скоро возвращается.)*

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Благодарю вас, нам пора ехать. Прошу вас бывать у нас.

Васильков. Когда прикажете?

Надежда Антоновна. Когда угодно. Я принимаю от двух до четырех; лучше всего вы приезжайте к нам обедать запросто. По вечерам мы ездим гулять.

Васильков. Почту за счастие быть у вас при первой возможности. Лидия Юрьевна, я человек простой, позвольте мне выразить вам все мое удивление к вашей несравненной красоте.

Лидия. Благодарю вас. *(Отходит и, заметя, что мать говорит с Васильковым, выражает нетерпение.)*

Надежда Антоновна. Так мы вас ждем.

Васильков. Не преминую. Завтра же воспользуюсь вашим обязательным приглашением. Я живу недалеко от вас.

Надежда Антоновна. Неужели?

Васильков. В одном доме, только по другой лестнице.

Надежда Антоновна, уходя, несколько раз оглядывается. Васильков долго стоит без шляпы неподвижно и смотрит им вслед.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков один.

Васильков. Как она ласкова со мной! Удивительно! Должно быть, она или очень доброе сердце имеет, или очень умна, что через грубую провинциальную кору видит мою доброту. Но как еще я сердцем слаб! Вот что значит очень долго и постоянно заниматься чистой и прикладной математикой. При сухих выкладках сердце скучает, зато, когда представится случай, оно отмстит и одурачит математика. Так и мне сердце отмстило; я вдруг влюбился, как несо-

вершеннолетний, влюбился до того, что готов делать глупости. Хорошо еще, что у меня воля твердая и я, как бы ни увлекался, из бюджета не выйду. Ни боже мой! Эта строгая подчиненность однажды определенному бюджету не раз спасала меня в жизни. *(Задумывается.)* О Лидия, Лидия! Как сердце мое тает при одном воспоминании о тебе! Но ежели ты бессердечна, ежели ты любишь одни только деньги!.. Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом. Хорошо еще, что у меня довольно расчета, и я никогда не выйду из бюджета.

Подходят Кучумов, Телятев и Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков, Кучумов, Телятев и Глумов.

Телятев. Ну что, познакомились? Легче стало на душе? Поздравляю. *(Целует Василькова.)*

Васильков. Я вам много обязан и, поверьте, не забуду.

Телятев. Если забудете, я вам напомню. За вами бутылочка, поедемте ужинать, там и разопьем. *(Кучумову.)* Князинька, вот наш новый приятель, Савва Геннадьич Васильков.

Кучумов. А! Да! Вы приезжий?

Васильков. Приезжий, ваше сиятельство.

Телятев. Нет, он не сиятельство, он просто Гриша Кучумов, а это мы так его зовем, оттого что очень любим.

Кучумов. Да! Наше общество слишком взыскательно, слишком высоко, довольно трудно попасть новичку,— много, много надо иметь...

Телятев. Что он вздор-то говорит!

Глумов. Кабы наше общество было взыскательнее, так бы нам с тобой туда не попасть.

Телятев. А вот что, не выпить ли здесь разгонную?

Васильков. Если общество желает. Человек, подай бутылку шампанского.

Глумов. И четыре больших стакана.

К у ч у м о в. Ну да, четыре. Я тоже сделаю вам честь, выпью с вами.

Г л у м о в. Отсюда прямо в клуб, вот нас партия. *(Кучумову.)* Мы твои вчерашние двенадцать тысяч-то пересчитаем.

К у ч у м о в. Не приложи своих.

Т е л я т е в *(человеку, который стоит у ворот)*. Гришка! Григорий Алексеич!

Подходит Г р и г о р и й.

Григорий Алексеич, наденьте на меня пальто! Карета моя близко?

Г р и г о р и й *(надевая пальто)*. Здесь, сударь, у ворот.

К у ч у м о в *(своему лакею)*. Николай.

Подходит Н и к о л а й.

Ну, что ж ты рот разинул! Стой здесь! Посадишь меня в карету.

М а л ь ч и к из кофейной подает шампанское и стаканы.

В а с и л ь к о в. Пожалуйте, господа, покорно прошу.

Все берут стаканы.

Т е л я т е в. За успех! Хотя вероятности мало.

Г л у м о в. За хлопоты, а успеха не будет.

К у ч у м о в. За какой успех?

Г л у м о в. Хочет жениться на Чебоксаровой.

К у ч у м о в. Да как это возможно! Да, наконец, я не позволю.

Т е л я т е в. Твоего позволения и не спросят.

В а с и л ь к о в. Угодно три тысячи пари? Я один держу против троих, что женюсь на Чебоксаровой.

К у ч у м о в. Я никогда не держу пари.

Г л у м о в. Я бы и держал, да денег нет.

Т е л я т е в. А я боюсь проиграть.

В а с и л ь к о в. Ха, ха, ха! Господа москвичи! Вы струсили! Так зачем же было смеяться! Идет, что ли, начистоту? Вот три тысячи. *(Вынимает деньги, все кивают отрицательно.)* Вино развязало мне язык. Я полюбил Чебоксарову и женюсь на ней непременно. Что я сказал, то и будет, я даром слова не говорю. Поедемте ужинать.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЧЕБОКСАРОВА.

ЛИДИЯ.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ВАСИЛЬКОВ.

ГЛУМОВ.

АНДРЕЙ.

Богато меблированная гостиная, с картинами, коврами, драпри. Три двери: две по бокам и одна входная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Васильков ходит взад и вперед, из дверей налево выходит Телятев.

Телятев. Я думал, что ты давно уехал. Что же ты нейдешь к дамам? Не хватает храбрости?

Васильков. Все мое несчастие, что я не умею поддерживать разговора.

Телятев. Какое тут уменье! Не нужно только заводить, особенно после обеда, ученых споров. Говори, что в голову придет, лишь бы только была веселость, остроумие, легкое злословие, а ты толкуешь об усеченных пирамидах, о кубических футах.

Васильков. Я уже теперь обдумал один веселый анекдот, который хочу рассказать.

Телятев. Так иди скорее, пока не забыл.

Васильков. А ты куда же торопишься?

Телятев. Меня Лидия Юрьевна за букетом послала.

Васильков. О, я вижу по всему, что ты мой самый опасный соперник.

Телятев. Не бойся, друг! Кто в продолжение двадцати лет не пропустил ни одного балета, тот в мужья не годится. Меня не страшись и смело иди рассказывать свой анекдот.

Васильков уходит в дверь налево; оттуда же выходит Глумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Телятев и Глумов.

Глумов. Этот еще здесь? Каков гусь! Нет, я вижу, пора его выгнать. Довольно, потешились. Жаль, что мы не подержали пари.

Телятев. Я и теперь держать не стану.

Глумов. Однако он тогда, в купеческом, ловко нас обработал. Хорош Кучумов! Говорил, что двенадцать тысяч накануне выиграл, а тут шестьсот рублей отдать не мог. В первый раз человека видит и остался должен... Ты куда?

Телятев. На Петровку.

Глумов. Поедем вместе.

Уходят. Входят Кучумов и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кучумов и Надежда Антоновна.

Кучумов. Muta d'accento e de pensier...

Надежда Антоновна. С некоторых пор я только такие известия и получаю.

Кучумов. Хм, да... Неприятно! e de pensier.

Надежда Антоновна. Что ни день, то и жди какой-нибудь новости в таком роде.

Кучумов. Но что же он там делает, ваш муж? Как же это так... допустить?.. Не понимаю. Наш брат, человек со смыслом...

Надежда Антоновна. А что ж он сделать может! Ведь вы читали, что он пишет: неурожай, засуха, леса все сожжены на заводе, а от завода каждый год убыток. Он пишет, что ему теперь непременно нужно тысяч тридцать, что имение уж назначено в продажу.

Кучумов. Да что ж он, чудак... Разве у него мало знакомства! Да вот я, например... Вы ему так и напишите, чтоб он ко мне адресовался прямо. Muta d'accento...

Надежда Антоновна. Ах, друг мой! Я всегда была в вас уверена.

Кучумов. Ну, да что такое, что за одолжение! По старому знакомству, я рад... Что для меня значит...

Надежда Антоновна. Григорий Борисыч, но... ради бога... Я откровенна только с вами, а для других мы пусть останемся богатыми людьми. У меня дочь, ей двадцать четыре года; подумайте, Григорий Борисыч!

Кучумов. Конечно, конечно.

Надежда Антоновна. Нам надо поддерживать себя... Пока еще есть кредит... но немного. Подойдет зима; театры, балы, концерты. Надо спросить у матерей, чего все это стоит. У меня Лидия ничего и слушать не хочет, ей чтоб было. Она ни цены деньгам, ни счету в них не знает. Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся.

Кучумов. А женихов не предвидится?

Надежда Антоновна. На ее вкус трудно угодить.

Кучумов. Такую девушку в прежнее время давно тихонько бы увезли. Да, кажется, если б у меня не старуха...

Надежда Антоновна. У вас шутки... А каково мне, матери! Столько лет счастливой жизни, и вдруг... Прошлую зиму я ее вывозила всюду, ничего для нее не жалела, прожили все, что было отложено ей на приданое, и все даром. А нынче, вот ждала от мужа денег, и вдруг такое письмо. Я уж и не знаю, чем мы жить будем. Как я скажу Лидиньке? Это ее убьет.

Кучумов. Да вы, пожалуйста, коли что нужно, без церемонии... Уж позвольте мне заменить Лидиньке отца на время его отсутствия. Я знаю ее с детства и люблю, поверьте мне, больше, чем дочь... люблю.... да...

Надежда Антоновна. Не знаю, как вы любите, а для меня нет жертвы, которую бы я не принесла для нее.

Кучумов. И я то же самое, то же самое. Зачем у вас этот Васильков? Надо быть разборчивее.

Надежда Антоновна. Отчего ж ему не бывать?

Кучумов. Неприятен... Кто он такой, откуда взялся, никто не знает.

Надежда Антоновна. И я не знаю. Знаю, что он дворянин, прилично держит себя.

Кучумов. Да, ну так что ж?

Надежда Антоновна. Хорошо говорит по-французски.

Кучумов. Да. Невелико же достоинство.

Надежда Антоновна. Говорят, что у него какие-то дела, важные.

Кучумов. И только. Немного же вы знаете.

Надежда Антоновна. Кажется, неглуп.

Кучумов. Ну, уж об этом позвольте мне судить. Как же он к вам попал?

Надежда Антоновна. Не помню, право. Его представил кто-то, кажется, Телятев. У нас все бывают.

Кучумов. Уж не думает ли он жениться на Лидиньке?

Надежда Антоновна. Кто же знает, может быть, и думает.

Кучумов. А состояние есть?

Надежда Антоновна. Я, признаться сказать, так мало о нем думаю, что не интересуюсь его состоянием.

Кучумов. Толкует всё: «нынешнее время да нынешнее время».

Надежда Антоновна. Теперь все так говорят.

Кучумов. Ведь этак можно и надоесть. Говори там, где тебя слушать хотят. А что такое нынешнее время, лучше ль оно прежнего? Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых. Где роговая музыка, я вас спрашиваю? А, бывало, на закате солнца, над прудами, а потом огни, а посланники-то смотрят. Ведь это слава России. Гонять таких господ надо.

Надежда Антоновна. Зачем же? Напротив, я хочу приласкать его. В нашем положении всякие люди могут пригодиться.

Кучумов. Ну, едва ли этот на что-нибудь годится. Уж вы лучше на нас, старичков, надейтесь. Конечно, я жениться не могу, жена есть. Ох, ох, ох, ох! Фантазии ведь бывают у стариков-то; вдруг ничего ему не жаль. Я сирота, у меня детей нет,— меня, куда хочешь, поверни, и в посаженые отцы, и в кумовья. Старику ласка дороже всего, мне свои сотни тысяч в могилу с собой не брать. Прощайте, мне в клуб пора.

Надежда Антоновна *(провожая до двери).* Можно надеяться вас скоро видеть?

Кучумов. Да, разумеется. Я еще вашей дочери конфеты проиграл. Вот я какой старик-то, во мне все еще молодая кровь говорит. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Эх, не конфеты нам нужны. *(Стоит задумавшись.)*

Выходит Васильков и берет шляпу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Куда вы торопитесь?

Васильков. Честь имею кланяться.

Надежда Антоновна. Погодите! *(Садится на диван.)*

Васильков. Что прикажете?

Надежда Антоновна. Садитесь!

Васильков садится.

Я хочу с вами поговорить. Мы давно знакомы, а я совершенно не знаю вас; мы почти не разговаривали. Вы, должно быть, не любите старух?

Васильков. Нисколько. Но что же вам, сударыня, угодно знать обо мне?

Надежда Антоновна. Мне, по крайней мере, нужно знать вас настолько, чтоб уметь отвечать, когда про вас спрашивают; у нас бывает много народу, никто вас не знает.

Васильков. Оттого меня и не знают, что я жил в провинции.

Надежда Антоновна. Вы где воспитывались?

Васильков. В высшем учебном заведении, но более сам занимался своей специальностью.

Надежда Антоновна. Это прекрасно. Ваши родители живы еще?

Васильков. Только мать жива, но и она безвыездно в деревне.

Надежда Антоновна. Значит, вы почти одинокий человек. Вы служите?

Васильков. Нет, занимаюсь частными предприятиями, имею дело больше с простым народом: с подрядчиками, с десятскими.

Надежда Антоновна *(снисходительно кивая головой)*. Да, десятники, сотники, тысячники... Я слышала одну диссертацию...

Васильков. Нет, у нас только одни десятники.

Надежда Антоновна. Ах, это очень хорошо... Да, да, да, я вспомнила. Это теперь в моду вошло... и некоторые даже из богатых людей... для сближения с народом... Ну, разумеется, вы в красной шелковой... в бархатном кафтане. Я видела зимой в вагоне миллионщика и в простом бараньем... Как это называется?

Васильков. Полушубке.

Надежда Антоновна. Да, в полушубке и в бобровой шапке.

Васильков. Нет, я своей одёжи не меняю.

Надежда Антоновна. Но ведь, чтоб так проводить время, нужно иметь состояние.

Васильков. Во-первых, это самое дело уж очень доходно.

Надежда Антоновна. То есть весело, вы хотите сказать. Поют песни, водят хороводы,— вероятно, у вас свои гребцы на лодках.

Васильков. У меня ничего подобного нет; впрочем, вы правы: нашего дела без состояния начинать нельзя.

Надежда Антоновна. Ну, еще бы, конечно, я так и думала. С первого разу видно, что вы человек с состоянием. Вы что-то не в духе сегодня.

Молчание.

Зачем вы спорите с Лидией! Это ее раздражает, она девушка с характером.

Васильков. Что она с характером, это очень хорошо; в женщине характер — большое достоинство. А вот что жаль, Лидия Юрьевна имеет мало понятия о таких вещах, которые теперь уже всем известны.

Надежда Антоновна. Да зачем ей, скажите, мой друг, зачем ей иметь понятие о вещах, которые всем известны! Она имеет высшее образование. У нас богатая французская библиотека. Спросите ее что-нибудь из мифологии, ну, спросите! Поверьте, она так хорошо знакома с французской литературой и знает то, о чем другим девицам и не грезилось.

С ней самый ловкий светский говорун не сговорит и не удивит ее ничем.

Васильков. Такое оборонительное образование хорошо при другом. Разумеется, я не имею права никого учить, если меня не просят. Я бы не стал и убеждать Лидию Юрьевну, если бы...

Надежда Антоновна. Что «если бы»?

Васильков. Если бы не надеялся принести пользу. С переменой убеждений в ней изменился бы взгляд на людей; она бы стала более обращать внимания на внутренние достоинства.

Надежда Антоновна. Да, на внутренние достоинства... Это очень хорошо вы говорите.

Васильков. Тогда мог бы и я надеяться заслужить ее расположение. А теперь быть приятным я не могу, а быть смешным не хочу.

Надежда Антоновна. Ах, нет, что вы! Она еще так молода, она еще десять раз переменится. А я, признаюсь, всегда с удовольствием вас слушала и без вас часто говорила ваши слова дочери.

Васильков. Благодарю вас. Я хотел уж ретироваться, чтоб не играть здесь жалкой роли.

Надежда Антоновна. Ай, ай, стыдно!

Васильков. Мне ведь особенно унижаться не из чего: не я ищу, меня ищут.

Надежда Антоновна. Молодой человек, вы найдете во мне союзницу, готовую помогать вам во всех ваших намерениях. *(Таинственно.)* Слышите, во всех; потому что я нахожу их честными и вполне благородными.

Входит Лидия и останавливается у двери.

Васильков *(встает и целует руку Надежды Антоновны)*. До свидания, Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. До свиданья, мой добрый друг!

Васильков кланяется Лидии и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Надежда Антоновна и Лидия.

Лидия. Что вы с ним говорили? О чем? Он ужасен, он сумасшедший.

Надежда Антоновна. Уж поверь мне, я знаю,

что делаю. Наше положение не позволяет нам быть очень разборчивыми.

Л и д и я. Какое положение! Его нельзя терпеть ни в каком положении. Он не знает нашей жизни, наших потребностей, он чужой.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, он часто говорит правду.

Л и д и я. Да кто же ему дал право проповедовать! Что он за пророк! Согласитесь, maman, что гостиная не аудитория, не технологический институт, не инженерный корпус.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Лидия, ты уж очень безжалостна с ним.

Л и д и я. Ах, maman, да какое же есть терпение его слушать! Какие-то он экономические законы выдумал! Кому они нужны? Для нас с вами, надеюсь, одни только законы и есть — законы света и приличий. Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай. Тут некогда думать о законах, а надо ехать в магазин и взять. Нет, он сумасшедший!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. А мне кажется, он просто оригинальничает. Так многие делают. Он не очень образован, а может быть, и не умен, остроумием не отличается, а говорить надо что-нибудь, чтоб быть заметным: вот он и хочет показаться оригиналом. А вероятно, и думает, и поступает, как и все порядочные люди.

Л и д и я. Может быть, и так; но он надоел до невозможности.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Он человек с состоянием, к таким людям надо быть снисходительнее. Ведь прощаем же мы прочих; половина тех господ, которые к нам ездят, хвастуны и лгут ужасно.

Л и д и я. Мне что за дело, что они лгут, по крайней мере, с ними весело, а он скучен. Вот чего простить нельзя.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Есть, мой друг, и еще причина быть к нему снисходительнее, и я тебе советую...

Л и д и я. Что за причина? Говорите!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ты благоразумна... Я надеюсь, что у тебя достанет присутствия духа выслушать меня хладнокровно.

Л и д и я *(с испугом)*. Что такое, что такое?

Надежда Антоновна. Я получила письмо от отца из деревни.

Лидия. Он болен, умирает?

Надежда Антоновна. Нет.

Лидия. Что же такое? Говорите!

Надежда Антоновна. Наши надежды на нынешний сезон должны рушиться.

Лидия. Каким образом? Я ничего не понимаю.

Надежда Антоновна. Я писала к мужу в деревню, чтоб он нам выслал денег. Мы много должны, да на зиму нам нужна очень значительная сумма... Сегодня я получила ответ...

Лидия. Что же он пишет?

Надежда Антоновна *(нюхая спирт)*. Он пишет, что денег у него нет, что ему самому нужно тысяч тридцать, а то продадут имение; а имение это последнее.

Лидия. Очень жаль! Но согласитесь, maman, что ведь я могла этого и не знать, что вы могли пожалеть меня и не рассказывать мне о вашем разорении.

Надежда Антоновна. Но все равно ведь после ты узнала бы.

Лидия. Да зачем же мне и после узнавать? *(Почти со слезами.)* Ведь вы найдете средства выйти из этого положения, ведь непременно найдете, так оставаться нельзя. Ведь не покинем же мы Москву, не уедем в деревню; а в Москве мы не можем жить, как нищие! Так или иначе, вы должны устроить, чтоб в нашей жизни ничего не изменилось. Я этой зимой должна выйти замуж, составить хорошую партию. Ведь вы мать, ужели вы этого не знаете? Ужели вы не придумаете, если уж не придумали, как прожить одну зиму, не уронив своего достоинства? Вам думать, вам! Зачем же вы мне-то рассказываете о том, чего я знать не должна? Вы лишаете меня спокойствия, вы лишаете меня беззаботности, которая составляет лучшее украшение девушки. Думали бы вы, maman, одни и плакали бы одни, если нужно будет плакать. Разве вам легче будет, если я буду плакать вместе с вами? Ну скажите, maman, разве легче?

Надежда Антоновна. Разумеется, не легче.

Лидия. Так зачем же, зачем же мне-то плакать? Зачем вы навязываете мне заботу? Забота старит, от нее морщины на лице. Я чувствую, что постарела

на десять лет. Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать. Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели; я знаю, что, когда нужно что-нибудь, едут туда, берут вещь, отдают деньги, а если нет денег, велят commis[1] приехать на дом. Но откуда берут деньги, сколько их нужно иметь в год, в зиму, я никогда не знала и не считала нужным знать. Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала все это жалким, мещанским, копеечным расчетом. Я с дрожью омерзения отстраняла от себя такие мысли. Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете. Я вспомнила, что видела одну купчиху в магазине, которая торговала кусок материи; ей жаль и много денег-то отдать и кусок-то из рук выпустить. Она подержит его да опять положит, потом опять возьмет, пошепчется с какими-то двумя старухами, потом опять положит, а commis смеются. Ах, maman, за что вы меня мучите?

Надежда Антоновна. Я понимаю, душа моя, что я должна была скрыть от тебя наше расстройство; но нет возможности. Если остаться в Москве,— мы принуждены будем сократить свои расходы, надо будет продать серебро, некоторые картины, бриллианты.

Лидия. Ах, нет, нет, сохрани бог! Невозможно, невозможно! Вся Москва узнает, что мы разорены; к нам будут являться с кислыми лицами, с притворным участием, с глупыми советами. Будут качать головами, ахать, и все это так искусственно, форменно,— так оскорбительно! Поверьте, что никто не даст себе труда даже притвориться хорошенько. *(Закрывает лицо руками.)* Нет! Нет!

Надежда Антоновна. Но что же нам делать?

Лидия. Что делать? Не терять своего достоинства. Отделывайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

---

[1] Приказчик *(франц.)*.

Л и д и я. Он за все заплатит.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Кто он?

Л и д и я. Муж мой.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Кто твой муж, где он?

Л и д и я. Кто бы он ни был.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Не делал ли кто тебе предложения?

Л и д и я. Никто не делал, никто не смел делать; мои женихи от меня, кроме презрения, ничего не видали. Я сама искала красавца с состоянием,— теперь мне нужно только богатого человека, а их много.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Не ошибись в своих расчетах.

Л и д и я. Неужели красота потеряла свою цену? Нет, maman, не беспокойтесь! Красавиц мало, а богатых дураков много.

Входит А н д р е й.

А н д р е й. Господин Телятев.

Л и д и я. Вот вам первый.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(Андрею)*. Проси!

А н д р е й уходит.

Л и д и я. Оставьте нас, не мешайте. Вот кто заплатит за все.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. А если?..

Л и д и я. А если?.. Ну что ж? Вы говорите, что у Василькова большое состояние,—тогда пошлите за ним. У него золотые прииски, он глуп,— золото наше.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(уходя)*. Я лучше теперь пошлю, надо его приготовить. *(Уходит.)*

Входит Т е л я т е в с букетом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е л я т е в и Л и д и я.

Л и д и я. Как вы проворны, как вы меня балуете! Говорите, зачем вы это делаете?

Т е л я т е в. Разве это новость для вас? Когда же я не исполнял ваших приказаний?

Л и д и я. Зачем же вы всегда меня балуете?

Т е л я т е в. Я уж так устроен для услуг,— это мое призвание. Что мне делать, больше у меня и дела никакого нет.

Лидия. Значит, развлечение, от скуки. Однако вы своими угождениями кружите мне голову.

Телятев. Я же виноват!

Лидия. Это или совсем не вина, или вина большая, смотря по тому, искренны ваши поступки или нет.

Телятев. Конечно, искренны.

Лидия. Но ведь постоянные угождения, постоянная лесть — это все своего рода удочки, на которые вы нас ловите. Вы заставляете предполагать в вас такую преданность, к которой нельзя оставаться равнодушной.

Телятев. Тем лучше; не все же нам одним быть неравнодушными, пора и вашему чувству проснуться.

Лидия. Да, хорошо вам говорить, когда у вас всякое чувство давно уж сделалось только фразой. У вас в жизни было столько практики по этой части, что вы умеете владеть собой во всяком положении. А вы представьте неопытную девушку, у которой чувство проснется в первый раз,— ее положение очень трудно и опасно.

Телятев. Очень может быть. Я своего мнения сказать не могу: ни разу девушкой не был.

Лидия. Если раз обнаружить свое чувство, то или сделаешься игрушкой мужчины, или будешь смешна; и то, и другое нехорошо. Ведь нехорошо?

Телятев. Нехорошо.

Лидия. Так не кружите мне голову напрасно, будьте искреннее, я вас прошу об этом! Не говорите того, чего не чувствуете; не любезничайте со мной, если я вам не нравлюсь!

Телятев. Кто вам сказал! Помилуйте! Я всегда говорю то, что чувствую.

Лидия. Неужели?

Телятев. Даже меньше говорю, чем чувствую.

Лидия. Зачем же?

Телятев. Не смею... Разве позволите?

Лидия. Я прошу вас.

Телятев. Я перестаю верить ушам своим. Не во сне ли я? Что за счастливый день! Которое нынче число?

Лидия. Отчего счастливый день?

Телятев. Да мог ли я ждать! Вы любезны со мной, вы для меня сходите на землю с вашей неприступной высоты. Вы были Дианой, презирающею мужской род, с луной в прическе, с колчаном за плечами;

а теперь вы преобразились в простую, сердечную, даже наивную пейзанку, из тех, которые в балетах пляшут, перебирая свой передник. Вот так. *(Делает обыкновенные пейзанские жесты.)*

Л и д и я. Разве это для вас счастье?

Т е л я т е в. Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость».

Л и д и я. Как легко вас осчастливить! Что ж, я очень рада, что могу осчастливить вас.

Т е л я т е в. Меня осчастливить? Лидия Юрьевна, вы ли, вы ли это?

Л и д и я. Что вас удивляет? Разве вы не стоите счастья?

Т е л я т е в. Не знаю, стою ли; но ведь я с ума сойду.

Л и д и я. Сойдите!

Т е л я т е в. Я наделаю глупостей.

Л и д и я. Наделайте.

Т е л я т е в. Или вы зло шутите, или вы...

Л и д и я. Договаривайте!

Т е л я т е в. Или вы меня любите!

Л и д и я. К несчастию, последнее справедливее.

Т е л я т е в. Да какое же это несчастие? Это счастие, блаженство! Лучше придумать нельзя. *(Слегка обнимает Лидию.)*

Л и д и я. Jean, ты мой?

Т е л я т е в. Раб, раб, негр, абиссинец...

Л и д и я *(поднимая на него глаза)*. Надолго ли?

Т е л я т е в. На век, на всю жизнь, даже более, если это можно.

Л и д и я. Ах, как я счастлива!

Т е л я т е в. Нет, как я-то счастлив. *(Целует ее.)*

Л и д и я. Ах, боже мой, какое блаженство! Maman!

Т е л я т е в. Как, maman? Зачем тут maman? Нам третьего не нужно.

Л и д и я. Я знаю, Jean, что не нужно; но я так счастлива.

Т е л я т е в. Тем лучше.

Л и д и я. Моя душа так полна, мне хочется поделиться с ней моей радостью.

Т е л я т е в. Не надо ничем делиться! Нам больше останется.

Л и д и я. Да, да, твоя правда, радостью не надо делиться, ее и так немного на земле. Но все равно, должны же мы будем ей сказать.

Т е л я т е в. Вот уж не понимаю. Что ей сказать?

Лидия. А то, Jean, что мы любим друг друга и желаем быть неразлучны на всю жизнь.

Телятев. Да, вот что! Значит, по форме, как следует, законным браком. Ну, извините, я этого не ожидал.

Лидия. Что я слышу! Чего же вы ожидали? Говорите!

Телятев. Быть вашим слугой, рабом, чем угодно. А что касается брака — это уж не мое дело.

Лидия. Как же вы осмелились?

Телятев. Я ни на что не осмеливался. Я только не запрещал вам любить меня и никому запрещать не буду.

Лидия. Да разве вы стоите моей любви?

Телятев. Совершенная правда, что не стою; но разве любят только тех, которые стоят? Что ж бы я был за дурак, если бы стал отказываться от вашей любви и читать вам мораль? Извините, учить вас морали я никак не возьмусь, это мне и не по способностям, и совсем не в моих правилах. По-моему, чем в женщине меньше нравственности, тем лучше.

Лидия. Вы чудовище! Вы гадкий!

Телятев. Справедливо, и потому вы сами должны благодарить меня, что я не женился на вас.

Лидия уходит.

Вот было попался-то! Хорошо еще, что цел. Нет, эти игрушки надо бросить; так заиграешься, что и не увидишь, как в мужья попадешь. Долго ль до греха, человек слаб. *(Идет к дверям.)*

Входит Васильков.

Честь и место. *(Уходит.)*

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Надежда Антоновна и Васильков.

Надежда Антоновна. Здравствуйте! Очень рада! Вот видите, мне ваше общество сделалось необходимым. Сядьте ко мне поближе.

Васильков. Вы присылали за мной?

Надежда Антоновна. Извините, что побеспокоила. Мне нужно совета, я — существо совершенно

беспомощное, только одного серьезного человека и знаю, это — вас.

Васильков. Благодарю вас! Чем могу служить?

Надежда Антоновна. Я говорила с дочерью, мы хотим изменить свой образ жизни; нам надоело шумное общество; мы не станем никого принимать, кроме вас. Хотя у нас средства очень большие, но ведь это не обязывает беситься с утра до ночи.

Васильков. Я полагаю.

Надежда Антоновна. Лидия хочет докончить свое образование; в этом деле без руководителя нельзя; мы и решились обратиться к вам.

Васильков. Всей душой рад служить вам; но чему же я могу учить Лидию Юрьевну? Сферической тригонометрии?

Надежда Антоновна. Ах, да, именно, именно. Согласитесь, что быть учителем молодой девушки довольно приятно.

Васильков. Конечно; но для чего Лидии Юрьевне сферическая тригонометрия?

Надежда Антоновна. Она вообще с большими странностями, но добрая, очень добрая девушка. *(Таинственно.)* Она ведь не любит этих шаркунов.

Васильков. Удивляюсь.

Надежда Антоновна. Что касается до меня, я давно их не жалую. Вот вам каждая мать, без опасения, может доверить свою дочь. Простите меня, мой друг, за откровенность; но я очень бы желала, чтобы вы Лидии понравились.

Васильков. Благодарю вас.

Надежда Антоновна. Кажется, если б можно, я решилась бы употребить даже власть, чтоб только видеть ее счастливой!

Васильков. Разве другого средства уже нет?

Надежда Антоновна. Не знаю, попытайте сами. А вы любите мою дочь? Погодите, я погляжу вам в глаза. Ну, не говорите, не говорите, я вижу; только ведь вы очень робки; хотите, я ей скажу за вас? А то заспорите и поссоритесь — сохрани бог.

Васильков. Позвольте мне самому! Мне еще нужно подготовиться к моему объяснению, подумать.

Надежда Антоновна. О чем думать, что готовить?

Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Васильков, Надежда Антоновна и Лидия.

Надежда Антоновна. Вот, Лидия, Савва Геннадьич делает тебе предложение через меня: он просит твоей руки. Хотя с своей стороны я согласна и очень рада, но твоей воли нисколько не стесняю.

Лидия. В таком деле, разумеется, я должна иметь свою волю, и если б мне кто-нибудь понравился, поверьте, maman, я скорее бы послушалась своего сердца, чем вашего совета. Но ко всем моим поклонникам я равнодушна одинаково: вы знаете, скольким женихам я уж отказала; а выйти замуж надо, пора уж, потому я и предоставляю себя в полное ваше распоряжение.

Васильков. Значит, вы меня не любите?

Лидия. Нет, не люблю. Зачем я буду вас обманывать! Но мы с вами после объяснимся. Maman, вы беретесь устроивать мою судьбу, помните, что вы же должны будете и отвечать за мое счастье.

Надежда Антоновна *(Василькову)*. Слышите, мой друг?

Васильков. Я очень жалею.

Лидия. О чем? Что я вас не люблю?

Васильков. Нет, что я поторопился.

Лидия. Откажитесь, еще есть время. Должно быть, и с вашей стороны любовь не очень сильна, когда вы так легко от меня отказываетесь. Не сердитесь, а благодарите меня, что я с вами откровенна; притвориться ничего не стоит, но я не хочу этого. Все невесты говорят, что влюблены в своих женихов, но вы не верьте им,— любовь приходит после. Отбросьте в сторону самолюбие и согласитесь! За что мне было полюбить вас? И лицо ваше не из красивых, и имя неслыханное, и фамилия какая-то мещанская. Все это мелочи, к этому можно привыкнуть, но не вдруг. За что вы сердитесь? Вы меня любите, благодарю вас. Заслужите мою любовь, и мы будем счастливы.

Надежда Антоновна. Главное, вы помните, что ни я, ни отец для нее ничего не жалели, решительно ничего. Все-таки она приносит для вас жертву.

Васильков. Я не хочу жертвы.

Л и д и я. Вы, кажется, сами не знаете, чего хотите.

В а с и л ь к о в. Нет, я знаю, чего хочу. Можно жениться без любви, любовь придет со временем, вы правы. Но я желаю, чтоб вы меня уважали, без этого уж брак невозможен.

Л и д и я. Все это разумеется само собой, иначе бы я не пошла за вас.

В а с и л ь к о в. Откровенность за откровенность. Вы мне сказали, что не любите меня, а я вам скажу, что я полюбил вас, может быть, прежде, чем вы того заслуживали. Вы должны тоже заслужить мою любовь; иначе, я не скрою от вас, она очень легко может перейти в ненависть.

Л и д и я. Вот как!

В а с и л ь к о в. Откажитесь от меня, еще есть время.

Л и д и я. Зачем отказываться? Ха, ха, ха! Будем играть комедию, заслуживать любовь друг друга.

В а с и л ь к о в. Я не комедии желаю, а светлой жизни и счастия.

Л и д и я. Нет, вы именно комедии желаете. Вы делаете мне предложение,— я изъявляю согласие; чего же вам еще? Вы меня любите, вы только должны быть бесконечно счастливы, а не рассуждать об обязанностях. Свои обязанности всякий должен знать про себя. О том, как жить, рассуждают только люди бедные, которым жить нечем.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Я вижу, вижу, что вы друг друга любите; и все споры ваши только, так сказать, литературные.

В а с и л ь к о в. Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились. *(Подает коробку, в которой серьги и брошка.)*

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. О! Да эти вещи стоят несколько тысяч.

В а с и л ь к о в. Всего три.

Л и д и я. Мне кажется, есть возможность полюбить вас. *(Протягивает Василькову руку, он почтительно целует.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

ВАСИЛЬКОВ.

ЛИДИЯ
его жена.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ГЛУМОВ.

ВАСИЛИЙ
камердинер Василькова.

АНДРЕЙ.

ГОРНИЧНАЯ ВАСИЛЬКОВЫХ.

Та же гостиная, что во втором действии, но богаче меблированная. Направо от зрителей дверь в кабинет Василькова, налево — в комнаты Лидии, посредине — выходная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из кабинета выходит Васильков, с портфейлем и с газетами, быстро пробегает их глазами, потом звонит. Входит Василий.

Васильков. Казанское имение Чебоксаровых с заводом и лесом на днях продается. Жалко! И завод может приносить большой доход, и лесу много. Василий Иваныч, сходи к Павлу Ермолаеву, скажи ему, чтоб он сейчас же шел на биржу и подождал меня там. Мне нужно совершить на его имя доверенность. Скажи ему также, чтобы он был готов на всякий случай, я его пошлю в Казань.

Василий. Слушаю, сударь.

Васильков. Ты, Василий Иваныч, оделся бы как поскладнее.

Василий. Никак невозможно-с. Теперь, ежели эти сапоги, толстый спинжак и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает.

Васильков. Твое дело, Василий Иваныч. Ступай!

Василий уходит. Васильков вынимает счет и рассматривает. Из комнат Лидии выходит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Васильков и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Медведь! Недавно женился и все за делом.

Васильков. Одно другому не мешает, маменька.

Надежда Антоновна. Что за маменька!

Васильков. Слово хорошее, ласкательное и верно выражает предмет.

Надежда Антоновна. Ну, хорошо, хорошо. *(Подходит к нему.)* Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли, сынок? *(Берет его за ухо.)*

Васильков *(целуя ее руку)*. Да, я счастлив, совершенно счастлив. Я могу теперь сказать, что в моей жизни было несколько дней блаженства. Ах, маменька...

Надежда Антоновна. Опять маменька!

Васильков. Извините!

Надежда Антоновна. Я ничего другого и ожидать не могла, кроме счастья, иначе бы я и не отдала за тебя Лидиньку.

Васильков. Я был бы еще счастливее, если б... если б...

Надежда Антоновна *(садится)*. Что, если б? Чего вам еще мало, неблагодарный!

Васильков. Если б всю жизнь можно было разъезжать по Москве то с визитами, то по вечерам и концертам... ничего не делая; если б не стыдно было так жить и были бы на то средства.

Надежда Антоновна. Если все порядочные люди так живут, значит, не стыдно, а средства нужны небольшие.

Васильков. Однако! По моим соображениям, я прожил много. Я не считаю, да и не знаю, сколько прожила Лидия; я в ее расчеты не мешаюсь.

Надежда Антоновна. И прекрасно делаете.

Васильков. У нее свое, у меня свое. Но я рассчитываю, много ли мне придется таким образом прожить в год.

Надежда Антоновна. Ах, какие пустяки! Да живите, как живется; ведь вас такие расходы стеснить не могут.

Васильков. Как не могут?! Ведь так в полгода проживешь тысяч двадцать пять.

Надежда Антоновна. Ну, много ли это! Неужели вам жаль? Я вас не узнаю.

Васильков. Совсем не в том вопрос, жаль или нет, а в том, где взять их.

Надежда Антоновна. Ну, уж этого я не знаю. Вам это должно быть лучше известно.

Васильков. Чтоб так жить, надо иметь миллион.

Надежда Антоновна. Мы не запрещаем вам иметь их и два.

Васильков. Ни двух, ни одного нет у меня; мое состояние обыкновенное.

Надежда Антоновна. Надеюсь все-таки за полмиллиона. И это хорошо.

Васильков. У меня есть имение, есть деньги небольшие, есть дела; но все-таки я более семи, осьми тысяч в год проживать не могу.

Надежда Антоновна. А прииски?

Васильков. Какие прииски, что вы!

Надежда Антоновна. Золотые.

Васильков. Не только золотых, и медных нет.

Надежда Антоновна *(встает)*. Зачем же вы нас обманули так жестоко!

Васильков. Чем я вас обманул?

Надежда Антоновна. Вы сказали, что у вас есть состояние.

Васильков. И действительно есть, очень порядочное.

Надежда Антоновна. Подите вы! Вы не понимаете, что говорите. Вы не знаете самых простых вещей, которые маленьким детям известны.

Васильков. Да позвольте! Чем же это не состояние. Что ж это такое?

Надежда Антоновна. Что? Нищета, бедность, вот что. Того, что вы называете состоянием, действительно, довольно для холостого человека; этого состояния ему достанет на перчатки. Что же вы сделали с моей бедной дочерью?

Васильков. Я хотел сделать ее счастливою и постараюсь достигнуть.

Надежда Антоновна. Без состояния? Смешно.

Васильков. Я имею достаточно и стараюсь приобретать.

Надежда Антоновна. Что, достаточно? Ей нужно состояние, а состояния вам приобресть

нельзя: откупов нет, концессию на железную дорогу вам не дадут. Состояние можно только получить по наследству да еще при большом счастье выиграть в карты.

Васильков. Нет, еще есть средство: ограбить кого-нибудь. Не его ли вы мне посоветуете?

Надежда Антоновна. Вы думаете? Как хорошо вы меня знаете. Нет, я вижу, мне нужно принимать свои меры и поправлять нашу ошибку.

Васильков. Что поправлять? Какая ошибка? Прошу вас, не мешайтесь в чужие дела. *(Берет шляпу.)*

Надежда Антоновна. Вы уходите?

Васильков. Мне пора. До свиданья. *(Уходит.)*

Надежда Антоновна. Вот еще хлопоты с этим зятем! Впрочем, кто же бы взял Лидию, если б узнали, что у нее ничего нет? Надо будет для него постараться, уж нечего делать.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Надежда Антоновна. Вот кстати! *(Андрею.)* Проси.

Андрей уходит.

Я сейчас за него и примусь.

Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Надежда Антоновна и Кучумов.

Кучумов. Pace e gioia son con voi.

Надежда Антоновна. Очень рада. Садитесь!

Кучумов *(садясь)*. Pace e gioia... А где ж наша нимфа?

Надежда Антоновна. Полетела с визитами, она сейчас будет.

Кучумов. А сатир, который у нас ее похитил?

Надежда Антоновна. Побежал по своим делам. У него все какие-то дела.

Кучумов. Черствый человек! Впрочем, что ж ему! Он муж, а вот мы таем да облизываемся, как лисица на виноград.

Надежда Антоновна. Старичок, старичок, что вы!

К у ч у м о в. Сердцем молод, Надежда Антоновна, вулканическая натура.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, да. Вы получили от мужа письмо?

К у ч у м о в. Получил. Не беспокойтесь! Завтра же пошлю ему. Какая это сумма! Выкиньте из головы!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. У меня еще до вас просьба.

К у ч у м о в. Что такое, что такое! Рад, душевно рад.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Не можете ли вы доставить одному моему знакомому место повыгоднее да еще опеку, большую, или управление богатым имением?

К у ч у м о в. Надо знать кому.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(пожимая плечами)*. Зятю.

К у ч у м о в. Что, видно, плохо дело! Я так и ожидал.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Да, мой истинный друг, мы немножко ошиблись.

К у ч у м о в. Какое ж он право имел на вашу дочь? Прикидывался, чай, что золотом осыплет? А теперь вышло, что самого корми. Знаете, он, должно быть, хапуга по природе. В нем, вероятно, подьяческой крови много! Он для чего место ищет? Чтоб взятки брать. Как же мне его рекомендовать! Он, пожалуй, осрамит меня, каналья.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Вы меня-то пожалейте, он мне зять.

К у ч у м о в. Да ведь вы сами говорили, что в нем ошиблись. То-то мне рожа-то его...

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, перестаньте! Неужели вам неприятно быть покровителем человека, у которого жена такая хорошенькая?

К у ч у м о в. Как, неприятно! Кто вам сказал! Очень приятно.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Я Лидию знаю, она не захочет остаться неблагодарной.

К у ч у м о в. Да я все средства... всех знакомых на ноги...

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Вы думаете, женщины не умеют быть благодарными? Нет, если они захотят...

К у ч у м о в. Да я лечу, сейчас лечу... Как, что, куда? Приказывайте.

Входит Л и д и я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Надежда Антоновна, Кучумов и Лидия.

Кучумов. Ах, ах, немею!

Лидия. Очень жаль будет, если онемеете, вы так хорошо говорите. Измучилась. *(Садится на кресло.)* Всю Москву объездила.

Надежда Антоновна. Да, Лидия, Григорий Борисыч не только хорошо говорит, но хорошо и дела делает; он завтра посылает отцу твоему деньги на выкуп имения да и нам оказывает услуги. Мы должны быть ему очень, очень благодарны. *(Взглядывает на дочь.)*

Входит Андрей.

Андрей. Господин Глумов.

Надежда Антоновна. Проси его ко мне, я его у себя приму. *(Уходит; за ней Андрей.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кучумов и Лидия.

Лидия. Скажите, пожалуйста, что вы за благодетель такой! Ведь помогать другим — отнимать у себя. Что вас побуждает?

Кучумов. И вы, вы меня спрашиваете?

Лидия. Отчего ж мне не спрашивать?

Кучумов. Да я не только состоянием, я для вас готов жизнью...

Лидия. Всего вероятнее, что такая жертва мне будет не нужна. Но вы действительно посылаете отцу денег?

Кучумов. Завтра же.

Лидия. Это благородно. Нельзя не ценить такой дружбы.

Кучумов. Больше, чем дружба, Лидия Юрьевна, гораздо больше. Знаете что? Я лучше куплю это имение у вашего отца и подарю его вам.

Лидия. Ну что ж, купите и подарите. Я очень люблю подарки.

Кучумов. Я завтра же пишу вашему отцу, что покупаю у него имение, и пошлю ему в задаток тридцать тысяч. Что мне деньги! Мне ваше расположение, только ваше расположение.

Л и д и я. Как же может выразиться мое расположение? Вы у нас и так, как родной.

К у ч у м о в *(подвигаясь)*. Как родной, как родной...

Л и д и я. Однако какая же вы можете быть мне родня! Для брата вы уж стареньки. Хотите быть папашей на время?

К у ч у м о в *(опускаясь на колена и целуя ее руку)*. Папашей, папашей.

Л и д и я *(отнимая руку)*. Шалишь, папашка!

К у ч у м о в. Шалю, шалю! *(Опять целует руку.)*

Г л у м о в показывается на пороге и быстро уходит.

Л и д и я *(встает)*. Тебе стыдно шалить, ты не маленький.

Кучумов встает с колен. Входит А н д р е й.

А н д р е й. Господин Телятев.

Л и д и я. Проси.

А н д р е й уходит.

К у ч у м о в. Addio, mia carina![1] Лечу по вашим делам.

Л и д и я. По каким?

К у ч у м о в. После узнаете. *(Уходит.)*

Входит Т е л я т е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Л и д и я и Т е л я т е в.

Т е л я т е в. Казните, да только поскорее. Если вы хотите дуться на меня, так я убегу куда-нибудь в лес. Вы лучше прибейте меня, только потом смилуйтесь надо мной. Я не могу жить без вас, на меня нападет сплин, и я застрелюсь, как англичанин.

Л и д и я. За что мне сердиться на вас?

Т е л я т е в. Ну, вот какие слова! Ведь это кинжалы.

Л и д и я. Чем вы хуже других? Есть и хуже вас.

Т е л я т е в. Ну, вот опять! Терзать желаете? Говорите прямо, что негодяй.

Л и д и я. Не спорю. Вы много виноваты передо мной, очень много! Вы причина того, что я вышла за человека, которого не люблю.

---

[1] Прощай, моя дорогая! *(итал.)*

Т е л я т е в. Не любите? Это очень хорошо.

Л и д и я. Да, кажется, и он меня не любит.

Т е л я т е в. Не любит! Бесподобно!

Л и д и я. Что же тут хорошего?

Т е л я т е в. Не знаю, как для вас, а для нашего брата, беспутного холостяка, это находка. Мы ведь сироты, всю жизнь таких случаев ищем.

Л и д и я. Вы безнравственны до мозга костей.

Т е л я т е в. Ну, еще как-нибудь побраните!

Л и д и я. Довольно бранить. За что? За то, что вы меня любите? За любовь разве можно бранить? За то, что вы не женились на мне, любя меня? Так ведь это прошло. Этой беды вам поправить нельзя.

Т е л я т е в. Жениться нельзя. Это верно. Любить можно.

Л и д и я. Разве я могу запретить! Это льстит женскому самолюбию. Чем больше поклонников, тем лучше.

Т е л я т е в. Ну, на что вам много? Возьмите пока одного.

Л и д и я. Вы еще плохо жизнь знаете. Одного-то и не хорошо, сейчас разговоры пойдут, а как много-то, так и подозрения нет. Как узнаешь, который настоящий?

Т е л я т е в. Так вы возьмите меня настоящего да еще человека четыре сверхштатных.

Л и д и я *(смеясь)*. Вы такой шут, что на вас решительно сердиться нельзя.

Т е л я т е в. Гнев прошел. Можно теперь любезные слова говорить?

Л и д и я. Говорите, я люблю вас слушать. Ведь вы милый! А?

Т е л я т е в. Ей-богу, милый. Как вы похорошели! Знаете, какая перемена в вас? Такая перемена всегда...

Л и д и я. Нет, вы, пожалуйста, пожалейте меня! Я еще недавно дама, не успела привыкнуть к вашим разговорам! Я знаю, какие вы вещи дамам рассказываете.

Т е л я т е в. Как жаль, что вы не привыкли! Привыкайте поскорей, а то скучно. Обратимся к старому. Скоро вы заведете cavalier servente? [1]

Л и д и я. Да разве у нас это принято?

---

[1] Поклонника *(франц.)*.

Т е л я т е в. Надо завести этот прекрасный обычай. Хорошее перенимать не стыдно.

Л и д и я. А мужья что скажут?

Т е л я т е в. Привыкнут понемножку. Ну, конечно, сначала многих из нас, кавалеров, побьют довольно чувствительно, особенно купцы; многих сведут к мировым; а там дело и пойдет своим порядком. Первые должны пожертвовать собой, зато другим будет хорошо. Без жертв никакое полезное нововведение не обходится.

Л и д и я. Прекрасно, но едва ли это скоро введется.

Т е л я т е в. Уже начинаем, уж несколько жертв принесено: одного в синюю кубовую краску окрасили, с другим еще хуже было.

Л и д и я. Ну вот, когда этот похвальный обычай укоренится...

Т е л я т е в. Тогда вы возьмете меня.

Л и д и я. Если будете стоить. Вы очень ветрены.

Т е л я т е в. Отчего я ветрен, знаете ли?

Л и д и я. Оттого, что душа мелка.

Т е л я т е в. Нет! Оттого, что мне постоянным быть не для кого. Прикажите, и я буду постояннее телеграфного столба.

Л и д и я. Испытаем.

Т е л я т е в. Испытаете? Да я за одно это сейчас буду у ног ваших.

Л и д и я. Нет, уж от этой церемонии вы меня увольте! Можно и без нее обойтись.

Т е л я т е в. Как угодно. Однако я все-таки чувствую потребность оказать вам какую-нибудь видимую, осязательную ласку.

Л и д и я *(подает ему руку)*. Целуйте!

Входит Г л у м о в и остается в глубине.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Л и д и я, Т е л я т е в и Г л у м о в.

Т е л я т е в *(не замечая Глумова)*. В перчатке? Что это за поцелуй! Электричество, которым так переполнено мое сердце и которое я желаю передать вам, не дойдет до вашего сердца через перчатку. Лайка — дурной проводник. *(Целует руку несколько выше перчатки.)*

Л и д и я. Ну, довольно! Вам нельзя ничего позволить! Вы всегда делаете больше того, что вам дозволяют.

Т е л я т е в. Да много ли больше-то? Всего на полвершка; стоит ли об этом разговаривать!

Л и д и я. Нынче на полвершка, завтра на полвершка, этак... *(Увидав Глумова.)* А! Егор Дмитрич! Мы вас и не видим.

Г л у м о в. Ничего, продолжайте, продолжайте, я вам не мешаю.

Л и д и я. Что такое: продолжайте! Что за тон! Вы не хотите ли придать какую-нибудь важность тому, что я позволила Телятеву, моему старому другу, поцеловать мою руку? Я с охотой позволю и вам то же сделать. *(Протягивает ему руку.)*

Г л у м о в. Покорно благодарю! Я рук не целую ни у кого. Я позволяю себе целовать руки только у матери или у любовницы.

Л и д и я. Ну, так вам моей руки не целовать никогда.

Г л у м о в. Как знать! Жизнь велика; гора с горой не сходится...

Л и д и я. Пойдемте, Иван Петрович. *(Подает руку Телятеву.)* Он грубый человек. *(Глумову.)* Вы мужа дожидаетесь? Подождите, он скоро придет.

Г л у м о в. Да-с, я вашего супруга дожидаюсь, у меня есть много интересного передать ему.

Л и д и я. Сделайте милость, рассмешите его чем-нибудь! Он такой задумчивый. Забавлять лучше вас никто не умеет, вы очень забавны.

Уходят Т е л я т е в и Л и д и я.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г л у м о в один, потом В а с и л и й.

Г л у м о в. Да, я вас позабавлю! Ай, Лидия Юрьевна, браво! Я еще только задумал подъехать к ней с любезностями, а уж тут двое. Теперь остается только их стравить всех втроем, и с мужем. Василий!

Входит В а с и л и й.

В а с и л и й. Что, сударь, прикажете?

Г л у м о в. Когда у вас Кучумов бывает, в какое время?

В а с и л и й. Завсегда, сударь, во втором часу. Барин в это время дома не бывает.

Г л у м о в. Где же он бывает?

Василий. В своем заседании, съезжаются тоже всё люди богатые — разговор промеж них идет о делах.

Глумов. О каких делах?

Василий. Как все чтоб лучше, чтоб им денег больше.

Глумов. А твой барин богат?

Василий. Само собою.

Глумов. Ведь, по-вашему, у кого есть сторублевая бумажка, тот и богат.

Василий. Может, и не сто, и не тысяча, а и больше есть.

Глумов. Невелики деньги.

Василий. Поищем, так найдем. Да что говорить-то! Даже еще и не приказапо, и не всякий понимать может. Тоже и наука, а не то что лежа на боку. Мы, может, почи не спали, страху навиделись. Как вы обо мне понимаете? Я до Лондона только одиннадцать верст не доезжал, назад вернули при машинах. Стало быть, нам много разговаривать нельзя. *(Уходит.)*

Глумов. Что он тут нагородил! Кучумов бывает во втором часу, это важное дело, так мы и запишем.

Входят Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Глумов, Васильков, Лидия, Телятев и Надежда Антоновна.

Глумов *(Василькову)*. Здравствуй!

Васильков. Здравствуй!

Глумов. Что ты так озабочен?

Васильков. Да ведь у меня дела-то не то, что у вас по улицам собак гонять. Господа кавалеры, вы меня извините, толкуйте с дамами; а мне некогда, у меня дел много, я пойду заниматься.

Телятев и Глумов. Ступай! Ступай!

Васильков. К обеду освобожусь. Коли хотите обедать, так оставайтесь без церемонии! Милости просим! А не хотите, так убирайтесь. *(Уходит в кабинет.)*

Надежда Антоновна. Учтиво, нечего сказать.

Телятев. Мы на него не сердимся, он добрый малый. А не убираться ли нам в самом деле?

Г л у м о в. Поедем. Я домашних обедов, запросто, не люблю. В них всегда есть что-то фамилиарное: либо квас посередине стола в большом графине, либо домашние наливки, либо миска с отбитой ручкой, либо пирожки свечным салом пахнут. У вас, конечно, все роскошно, но я все-таки предпочитаю обедать в гостинице или в клубе.

Т е л я т е в. Поедем в Английский, нынче там обед.

Г л у м о в. Поедем.

Раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Л и д и я и Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Лидия, муж твой или скуп, или не имеет состояния.

Л и д и я *(с испугом)*. Что вы говорите?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Он давеча сказал мне, что так жить ему не позволяют средства и что надо сократить расходы. Что ж будет, если он узнает, сколько мы сделали долгов до свадьбы и что все придется платить ему? Твоих долгов он и знать не хочет.

Л и д и я. А где ж прииски?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Выдумка Глумова.

Л и д и я. Я погибла. Я, как бабочка, без золотой пыли жить не могу; я умру, умру.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Мне кажется, у него есть деньги, только он скуп. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Л и д и я *(задумавшись)*. Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Страшные слова говоришь ты, Лидия.

Л и д и я. Страшней бедности ничего нет.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Есть, Лидия: порок.

Л и д и я. Порок! Что такое порок? Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Самый большой порок есть бедность. Нет, нет! Это будет

первый мой женский подвиг. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытаю себя, насколько я могу обойтись без стыда.

Надежда Антоновна. Ах, перестань, Лидия! Ужасно! Ужасно!

Лидия. Вы старуха, вам бедность не страшна; я молодая и хочу жить. Для меня жизнь там, где блеск, раболепство мужчин и безумная роскошь.

Надежда Антоновна. Я не слушаю.

Лидия. Кто богаче, Кучумов или Телятев? Мне это нужно знать, они оба в моих руках.

Надежда Антоновна. Они оба богаты и мотают, но Кучумов богаче и добрее.

Лидия. Только мне и нужно. Где у вас счета из магазинов и лавок? Давайте сюда!

Надежда Антоновна *(достает из кармана)*. Вот все. *(Уходит.)*

Лидия берет их и решительным шагом идет в кабинет мужа. Навстречу ей выходит Васильков.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лидия и Васильков.

Лидия. Я шла к тебе.

Васильков. А я к тебе.

Лидия. Вот и прекрасно. Мы сошлись на полдороге; куда же нам идти, к тебе или ко мне? Туда? *(Указывает на свои комнаты.)* Туда, что ли? Говори, милый ты мой! А? Ну!

Васильков. Остановимся пока на полдороге. Поболтаем полчасика до обеда. Ты меня, Лидия, прости, я тебя так часто оставляю одну.

Лидия. Чем реже я тебя вижу, тем дороже ты для меня. *(Обнимает его.)*

Васильков. Что с тобою, Лидия? Такая перемена меня удивляет.

Лидия. Да разве я не живой человек, разве я не женщина! Зачем же я выходила замуж? Мне нечего стыдиться моей любви к тебе! Я не девочка, мне двадцать четыре года... Не знаю, как для других, а для меня муж все,— понимаешь, все. Я и так долго дичилась тебя, но вижу, что это совершенно напрасно.

В а с и л ь к о в. Совершенно напрасно.

Л и д и я. Теперь уж, когда мне придет в голову задушить тебя в своих объятиях, так я задушу. Ты мне позволь.

В а с и л ь к о в. Да как не позволить.

Л и д и я. Я не знаю, что со мной сделалось. Я не любила тебя прежде и вдруг привязалась так страстно. Слышишь, как бьется мое сердце? Друг мой, блаженство мое! *(Плачет.)*

В а с и л ь к о в. Но об чем же ты плачешь?

Л и д и я. От счастия.

В а с и л ь к о в. Я должен плакать. Я искал в тебе только изящную внешность и нашел доброе, чувствительное сердце. Полюби меня, я того стою.

Л и д и я. Я тебя и так люблю, мой дикарь.

В а с и л ь к о в. Да, я дикарь; но у меня мягкие чувства и образованный вкус. Дай мне твою прелестную руку. *(Берет руку Лидии.)* Как хороша твоя рука! Жаль, что я не художник.

Л и д и я. Моя рука! У меня нет ничего моего, все твое, все твое. *(Прилегает к нему на грудь.)*

В а с и л ь к о в *(целуя руку Лидии)*. Дай мне обе!

Лидия прячет счета в карман.

Что ты там прячешь?

Л и д и я. Ах, пожалуйста, не спрашивай меня! Друг мой, прошу тебя, не спрашивай!

В а с и л ь к о в. Зачем ты так просишь? Если есть у тебя тайна, так береги ее про себя, я до чужих тайн не охотник.

Л и д и я. Разве у меня могут быть тайны? Разве мы не одна душа? Вот мой секрет: в этом кармане у меня счета из магазинов, по которым maman должна заплатить за мое приданое. Она теперь в затруднении, отец денег не высылает, у него какое-то большое предприятие. Я хотела заплатить за нее из своих денег, да не знаю, достанет ли у меня в настоящую минуту. Видишь, какой вздор.

В а с и л ь к о в. Покажи мне эти счета!

Л и д и я *(отдает счета)*. На! Зачем они тебе, не понимаю.

В а с и л ь к о в. А вот зачем: за то блаженство, которое ты мне нынче доставила, я заплачу за твое приданое. Все равно, ведь я мог жениться на бедной, пришлось

бы делать приданое на свой счет. А еще неизвестно, любила ли бы она меня, а ты любишь.

Л и д и я. Нет, нет! Я тоже должна чем-нибудь заплатить матери за ее заботы обо мне.

В а с и л ь к о в. Береги свои деньги, дитя мое, для себя. Василий!

Входит В а с и л и й.

Подай со стола из кабинета счеты.

В а с и л и й приносит счеты и уходит. Входит Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Васильков садится к столу и начинает разбирать счета.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

В а с и л ь к о в, Л и д и я и Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

Л и д и я *(тихо Надежде Антоновне)*. Он все заплатит. *(Ложится на диван и берет книгу в руки. Громко.)* Maman, не будемте мешать ему, он занят. *(Надежде Антоновне, которая садится в головах Лидии,— тихо.)* Он у меня в руках.

В а с и л ь к о в *(считая на счетах)*. Лидия, тут счет за обои и за драпировки, которые никак не могут идти в приданое.

Л и д и я. Ах, мой друг, все это надо было поновить к нашей свадьбе, к нам так много народу стало съезжаться. Не будь моей свадьбы, мы бы не решились на такую трату.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Простояло бы еще зиму.

В а с и л ь к о в. Ну, хорошо, хорошо. *(Считает.)*

Л и д и я *(Надежде Антоновне тихо)*. Я вам говорю, что он заплатит за все, решительно за все.

Входит г о р н и ч н а я, очень модно одетая, и подает Лидии счет; та показывает ей рукой на мужа. Горничная подает счет Василькову: тот, пробежав его, кивает головой на жену и продолжает стучать на счетах. Горничная опять подает счет Лидии, та берет его и небрежно бросает на стол. Г о р н и ч н а я уходит. Входит А н д р е й с двумя счетами; повторяется точно та же история. А н д р е й уходит. Входит В а с и л и й с десятком счетов и подает их Василькову.

В а с и л и й. Вот их сколько, сударь! Что французов там дожидается!

Васильков. Подай барыне!

Василий подает, Лидия бросает их на пол.

Василий *(подбирая счета)*. Зачем же бросать! Счет — ведь это документ, по ём надо деньги платить.

Лидия. Вон отсюда! Я не могу видеть тебя!

Василий разглаживает каждый счет, кладет их аккуратно на стол и уходит.

Васильков *(встает и ходит по комнате)*. Я кончил. Тут тридцать две тысячи пятьсот сорок семь рублей девяносто восемь копеек. Эта сумма для меня слишком значительна, но я заранее дал тебе слово и потому заплатить должен. Я займу сегодня, сколько будет нужно; но чтоб сохранить равновесие в бюджете, мы должны будем надолго значительно сократить наши расходы. Через улицу, напротив, есть одноэтажный домик в три окна на улицу; я его смотрел, он для нас будет очень достаточен. Надо распустить прислугу: я себе оставлю Василья, а ты одну горничную, подешевле,— повара отпустим и наймем кухарку. Лошадей держать не будем.

Лидия *(смеется)*. Как же мы без лошадей останемся? Ведь лошади для того и созданы, чтоб на них ездить. Неужели вы этого не знаете? На чем мы выезжать будем? В аэростате ведь никто еще не ездил. Ха, ха, ха!

Васильков. Когда сухо — пешком, а грязно — на извозчике.

Лидия. Вот любовь-то ваша!

Васильков. Я оттого и не хочу разориться, что люблю тебя.

Лидия. Подите скорей! Commis дожидаются, они люди порядочные. Это неучтиво! Им надо заплатить.

Васильков. Платите вы, у вас есть свои деньги.

Лидия. Я не заплачу.

Васильков. Вас заставят судом.

Лидия. Но мне нечем заплатить! Боже мой! *(Закрывает лицо руками.)*

Надежда Антоновна *(горячо)*. За что вы терзаете нас? Мы заслуживаем лучшей участи. Мы ошиблись — вы бедны, но мы же стараемся и поправить эту ошибку. Конечно, по грубости чувств, вы едва ли поймете нашу деликатность, но я приведу вам в пример моего мужа. Он имел видное и очень

ответственное место; через его руки проходило много денег,— и знаете ли, он так любил меня и дочь, что, когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержания достоинства нашей фамилии или просто даже для наших прихотей, он... он не знал различия между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, он пожертвовал собою для святого чувства семейной любви. Он был предан суду и должен был уехать из Москвы.

Васильков. И поделом.

Надежда Антоновна. Вы не умеете ценить его, оцените хоть нас! Вы бедны, мы вас не оставим в бедности; мы имеем связи. Мы ищем и непременно найдем вам хорошее место и богатую опеку. Вам останется только подражать моему мужу, примерному семьянину. *(Подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и говорит шепотом.)* Вы не церемоньтесь!.. Понимаете? *(Показывает на карман.)* Уж это мое дело, чтоб на вас глядели сквозь пальцы. Пользуйтесь везде, где только можно.

Васильков. Да подите ж прочь с вашими советами! Никакая нужда, никакая красавица меня вором не сделают. Если вы мне еще о воровстве заикнетесь, я с вами церемониться не буду. Лидия, перестань плакать! Я заплачу за тебя, но в последний раз и с таким условием: завтра же переехать в этот домик с тремя окнами,— там и для маменьки есть комната,— и вести жизнь скромную. Мы не будем никого принимать. *(Рассматривает счета.)*

Лидия *(прилегая на плечо к матери)*. Надо с ним согласиться. *(Тихо.)* У нас будут деньги, и мы с вами будем жить богато. *(Громко мужу.)* Мой друг, я согласна. Не противиться тебе, а благодарить тебя я должна. *(Тихо матери.)* Как я проведу его. *(Громко мужу.)* Мы не будем никого принимать.

Васильков *(считая)*. Я знаю, что ты у меня умница.

Лидия. Но старик Кучумов, он благодетель всего нашего семейства, почти родственник.

Васильков *(считая)*. Ну, Кучумова можно.

Лидия судорожно сжимает матери руку.

Надежда Антоновна *(тихо)*. Ты что-то затеваешь?

Л и д и я *(тихо)*. Затеваю. Никто так меня не унижал, как он. Я теперь не женщина, я змея! И я его больно ужалю.

В а с и л ь к о в. Однако ты порядочная мотовка!

Л и д и я *(кидается ему на шею)*. Ну, прости меня, душа моя, жизнь моя! Я сумасшедшая, избалованная женщина; но я постараюсь исправиться. Мне такие уроки нужны, не жалей меня!

В а с и л ь к о в. Значит мир?

Л и д и я. Мир, мир, надолго, навсегда.

В а с и л ь к о в. Ну вот и прекрасно, моя милая! По крайней мере, мы теперь знаем друг друга. Ты знаешь, что я расчетлив, я знаю, что ты избалована, но зато любишь меня и доставишь мне счастье, на которое грубому труженику нельзя было надеяться и которое мне дорого, очень дорого, моя Лидия, мой ангел! *(Обнимает жену.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

НАДЕЖДА АНТОНОВНА.

ВАСИЛЬКОВ.

ЛИДИЯ.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ГЛУМОВ.

ВАСИЛИЙ.

Весьма скромная зала, она же и кабинет; по сторонам окна, на задней стене, направо от зрителей, дверь в переднюю, налево — во внутренние комнаты, между дверей изразцовая печь; меблировка бедная: письменный стол, старое фортепьяно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В а с и л ь к о в сидит у стола и собирает бумаги, В а с и л и й стоит за стулом.

В а с и л ь к о в. Ну что, Василий Иваныч, барыня, кажется, начинает привыкать и к новой квартире, и к тебе?

Василий. Насчет квартиры не знаю, сударь, что сказать. Все смеются с маменькой по-французски. А про меня уж что! Как еще только я жив!

Васильков. Что ты, бог с тобою!

Василий. Да помилуйте, Савва Геннадьич, сударь! Им нужно, чтоб в штиблетах, а я не могу. Какой же я камардин, коли я при вас служащий, все одно как помощник. Помилуйте, Савва Геннадьич, мы, может быть, с вами нужду видали вместе, может быть, тонули вместе в реке по нашему делу.

Васильков. Ну да, да, конечно. *(Встает со стула.)*

Василий. Ну, и за фрукты тоже съела было совсем.

Васильков. За какие фрукты?

Василий. Конечно, по нашему званию... и всего-то вот сколько было. *(Показывает на пальце.)*

Васильков. Чего?

Василий. Редечки... всего-то вот столько было. Сидел в передней, доедал.

Васильков. Уж ты, Василий Иваныч...

Василий. Да невозможно, сударь, Савва Геннадьич! Мы народ рабочий, на том воспитаны. Да мне дороже она бог знает чего.

Васильков. Так слушай, Василий Иваныч! Без меня, кроме Кучумова, никого не принимай!

Василий. Уж будьте покойны!

Уходят.
Входит Лидия.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия одна.

Лидия. Что так долго не едет этот противный старичишка! Вот уж три дня я томлюсь в этой конуре. мне страшно подойти к окну. Теперь, чай, нарочно ездят мимо, чтоб увидать меня в окне. У Глумова, пожалуй, и стихи готовы. Старичок, Кучуминька, миленький! выручи меня из заключения! Переехали бы мы с maman на старую квартиру и зажили лучше прежнего. Развлечь себя хоть музыкой! Звуки вальса имеют много утешения. Что ни говори, а Страус и Гунгль лучшие знатоки женского сердца.

(Пробует фортепьяно.) Экая дрянь! Это он нарочно завел, чтоб меня унизить. Погоди же, мой друг, я тебя утешу. *(Прислушивается, слышит стук экипажа.)* Посмотрела бы, да стыдно светской даме подойти к косящату окну! Не Кучумов ли? Он всегда в два часа бывает. Он, он! Идет на крыльцо, слышу его походку. Ну, что-то будет?

За сценой голос Кучумова: «Дома барыня?» Голос Василья: «Пожалуйте! У себя-с!» Кучумов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Кучумов.

Лидия. Наконец-то, а еще папаша.

Кучумов *(целуя руку Лидии, грозно оглядывает комнату)*. Что такое? Что такое? Куда это вы попали? Что за обстановка. Это постоялый двор какой-то. Но я вас спрашиваю, что все это значит? Мой ангел, не сердитесь на меня, что я так грубо вас спрашиваю! В таких комнатах иначе нельзя говорить, как грубо. Как это случилось? Чем вы себя довели до такого унижения? Вы срамите фамилию Чебоксаровых!

Лидия. Вы меня не упрекайте, а лучше пожалейте!

Кучумов. Нельзя вас жалеть, милостивая государыня. Вы позорите свой род. Что бы сказал ваш бедный отец, если бы узнал ваше унижение!

Лидия. Что же мне делать?

Кучумов. Бежать, сударыня, бежать без оглядки.

Лидия. Куда? У maman ничего нет. Он за нас все долги заплатил.

Кучумов. Его прямая обязанность. За обладание таким сокровищем, за то счастье, которое вы доставили этому моржу, он обязан исполнять все ваши желания.

Лидия. Видно, он не считает за большое счастие обладать мною.

Кучумов. А не считает, тем лучше. Вы должны знать цену себе. Переезжайте с maman на старую квартиру, в этом нет ничего дурного; а жить в курятнике позорно.

Лидия. Но, папаша, чем же нам жить! У maman

нет ничего, у меня тоже. На кредит нельзя рассчитывать.

Кучумов. Кредит! Да на что вам кредит? Стыдно, стыдно! Надо было прямо обратиться ко мне. Вам стыдно было попросить у меня денег, а не стыдно фее жить в таком шалаше! Вы, фея наша легкокрылая, вы забыли свое могущество. Вам стоит сделать только один жест, и этот шалаш превратится во дворец.

Лидия. Какой жест, папаша?

Кучумов. Вы и как фея, и как женщина должны это знать лучше, чем мы, мужчины. У фей и женщин в запасе много жестов.

Лидия *(бросаясь ему на шею)*. Такой жест, папаша?

Кучумов. Так, так, так... *(Зажмурив глаза, опускается на стул.)* С тебя будет пока сорока тысяч на первый раз?

Лидия. Я не знаю, папаша.

Кучумов. Теперь вам много не нужно, вы переедете на старую квартиру, она отделана превосходно и еще не занята. Гардероб у тебя восхитительный! На первое время вам сорока тысяч слишком довольно. Послушай, если ты не возьмешь, я выброшу их из кареты, нарочно проиграю в клубе. Во всяком случае, я эту сумму уничтожу, если ты не хочешь взять ее.

Лидия. Ну, так давай, папаша!

Кучумов *(берется за карманы)*. Ах, боже мой! Это только со мной с одним случается. Нарочно положил на столе бумажник и позабыл. Дитя, прости меня! *(Целует у ней руку.)* Я тебе привезу их завтра на новоселье. Я надеюсь, что вы нынче же переедете. Закажу у Эйнем пирог, куплю у Сазикова золотую солонку фунтов в пять и положу туда деньги. Хорошо бы положить все золотом для счастья, да такой суммы едва ли найдешь. Все-таки полуимпериалов с сотню наберу у себя.

Лидия. Merci, merci, папаша. *(Гладит его по голове.)*

Кучумов. Блаженство! Блаженство! Что такое деньги! Имей я хоть миллионы, но если я не вижу таких глаз, таких ласк, я нищий.

Входит Надежда Антоновна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лидия, Кучумов и Надежда Антоновна.

Лидия. Maman, Григорий Борисыч советует нам переезжать на старую квартиру.

Кучумов. Разумеется. Нельзя оставаться, дорогая моя, нельзя.

Надежда Антоновна. Ах, Григорий Борисыч, не говорите! Что я терплю! Как я страдаю! Вы знаете мою жизнь в молодости; теперь, при одном воспоминании, у меня делаются припадки. Я бы уехала с Лидией к мужу, но он пишет, чтоб мы не ездили. О ваших деньгах ничего не упоминает.

Кучумов. Не дошли. *(Считает по пальцам.)* Вторник, середа, чертверг, пятница... Он их получил вчера вечером или сегодня утром.

Лидия. Maman, нам бы переехать сейчас же.

Надежда Антоновна. Ах, Лидия, нужно подумать. Мне все кажется, что твой муж притворяется, а что он очень богат.

Лидия. Богат ли он, беден ли, но он нас унизил, и между нами все кончено. Григорий Борисыч сделал для нас много и не желает, чтоб я жила с мужем. Наша жизнь будет вполне обеспечена, папашка мне обещал.

Надежда Антоновна. Папашка! Где ты научилась? Ах, Лидия, как ты говоришь! Невозможно, невыносимо слушать матери.

Лидия. Скажите! Стыдно? Я теперь решилась называть стыдом только бедность, все остальное для меня не стыдно. Maman, мы с вами женщины, у нас нет средств жить даже порядочно; а вы желаете жить роскошно, как же вы можете требовать от меня стыда! Нет, уж вам поневоле придется смотреть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без денег.

Кучумов. Benissimo[1]. Я никак не мог ожидать, чтобы в такой молодой женщине было столько житейской мудрости.

Лидия. Maman, папашка обещает нам на новоселье сорок тысяч.

Надежда Антоновна *(с радостью)*. Неужели?

---

[1] Отлично *(итал.)*.

(Кучумову.) Вы очень, очень добрый человек. Однако ж все-таки подумать надо.

Лидия. О чем думать! Здесь унижение, там — счастие.

Надежда Антоновна. Пойдемте в мою комнату, обсудимте вопрос со всех сторон. Главное, чтоб приличие было сохранено.

Лидия *(матери)*. В этом положитесь на меня.

Кучумов. Я уж не мальчишка, умею пользоваться счастьем втихомолку, много не болтаю.

За сценой голос Василья: «Не приказано принимать». Голос Глумова: «Что ты врешь!» Кучумов, Лидия, Надежда Антоновна уходят. Шляпа Кучумова остается на столе. Входят Глумов и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Глумов и Василий.

Глумов. Что ты, болван, выдумываешь! Меня не велено принимать! Невозможно!

Василий. Совсем я не болван; на болванах чепчики шьют. А что не велено пущать, опять же не моя вина.

Глумов. Кто ж не велел пущать, барин или барыня?

Василий. Да нешто для вас не все равно! Кто бы ни приказал, а, значит, пущать не буду. А коли хотите знать, так вот вам раз: и барин не велел, и барыня, и ни за что к вам не выдут.

Глумов. Ты глуп безгранично, исторически; но все-таки ты можешь знать причину, почему меня не велено принимать. Не знаешь ли? Не слыхал ли ты, любезный друг, хоть краем своего ослиного уха? Так поведай, рубль серебром деньга не малая.

Василий. Покорно благодарю. Пожалуйте. *(Берет рубль и прячет в карман.)* А что я вам проповедаю? Известно, дела, обстоятельства. Вы придете, другой, третий; рюмка водки, другая, пятая, десятая, а все расчет. А дела наши, барин говорит, по видимости, подходят тонкие. А вы рассудите сами! Пожалуй, корми дармоедов-то, пользы от них никакой, а все из кармана. Вот кабы знакомство хорошее, степенное, а то какое у нас знакомство!..

Глумов. Ну, довольно! Дай клочок бумаги и убирайся! Я напишу барину записку и уйду.

Василий. Да вот бумага-то на столе! Только вы от хорошей зря не рвите! А я, что ж, я уйду. *(Уходит.)*

Г л у м о в *(берет бумагу и перо)*. Что бы такое ему написать? *(Замечает шляпу.)* Чья это шляпа? *(Берет ее в руки.)* Ба, ба, ба! Да это Кучумова. Значит, князинька здесь. Вот и прекрасно. Васильков теперь уж получил письмо. Телятев тоже; съедутся все вместе. Вот будет сцена! Напишу для отклонения подозрения что-нибудь. *(Пишет и читает.)* «Любезнейший друг, я заходил к тебе посоветоваться по одному делу. Жаль, что не застал. Завтра зайду пораньше. Твой Глумов». Написано крупно, положу посредине стола, чтоб он увидал сразу.

Г о л о с Т е л я т е в а: «Ну, а я все-таки войду». Входят Т е л я т е в и В а с и л и й.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г л у м о в, Т е л я т е в и В а с и л и й.

Т е л я т е в *(Глумову)*. Ты был у Лидии Юрьевны?

Г л у м о в. Нет, зачем мне она? Я заходил к Савве, да не застал, записку ему оставил. Прощай! Если ты хочешь Василькова видеть, так ступай на биржу, он там целый день проводит.

Т е л я т е в. Тем лучше.

Г л у м о в. Он, кажется, новой отраслью промышленности занялся, шелком маклерует.

Т е л я т е в. Отличное занятие.

Г л у м о в. В хороший день рублей пять выторгуешь.

В а с и л и й. Вот уж это, сударь, что напрасно, то напрасно.

Г л у м о в. Помнишь, сколько к нам провинциалов наезжало! Подумаешь, у него горы золотые,— так развернется. А глядишь, покутит неде́ль шесть, либо в солдаты продается, либо его домой по этапу вышлют, а то приедет отец, да как в трактире за волосы ухватит, так и везет его до самого дому верст четыреста. *(Глядит на часы.)* Однако мне пора. Как я заболтался. *(Быстро уходит.)*

Т е л я т е в *(садится к столу, держа свою шляпу в левой руке)*. Ну как же, Василий Иваныч, принимать не велели?

В а с и л и й. Да так же, сударь.

Т е л я т е в. Да вы это, Василий Иваныч, по глупости, может быть?

В а с и л и й. Нет, истинно, истинно. Что вы! Смею ли я!

Т е л я т е в. И вам, Василий Иваныч, меня не жаль?

В а с и л и й. Как не жаль, сударь! Известно, вы не как другие.

Т е л я т е в. Лучше?

В а с и л и й. Не в пример.

Т е л я т е в. Садитесь, Василий Иваныч!

Василий Иваныч садится и опирается руками в колена.

Давайте с вами разговаривать.

В а с и л и й. Вы думаете, не могу?

Т е л я т е в. Ничего я не думаю. Вы, я слышал, были в Лондоне, а в Марокко не были?

В а с и л и й. Этаких стран я, сударь, и не слыхивал. Морок, так он Мороком и останется, а нам не для́ чего. У нас, по нашим грехам, тоже этого достаточно, обморочат как раз. А знают ли они там холод и голод, вот что?

Т е л я т е в. Про голод не слыхал, а холоду не бывает оттого, что там очень жарко.

В а с и л и й. Ну и пущай они дохнут с голоду ли, с жару ли, а нам пуще всего уповать нужно.

Т е л я т е в. На что же уповать, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Чтоб как все к лучшему. По нашему теперь тоже делу босоты и наготы навидались. Конечно, порядок такой, искони бе; а бог невидимо посылает.

Т е л я т е в. Василий Иваныч, в философии далеко уходить не годится.

В а с и л и й. Я и про что другое могу.

Т е л я т е в. Прощайте, Василий Иваныч. *(В рассеянии берет со стола правой рукой шляпу Кучумова и хочет надеть обе.)* Это как же, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Грех, сударь, бывает со всяким.

Т е л я т е в. Какой же тут грех-то, Василий Иваныч?

В а с и л и й. Бывает, что и уносят.

Т е л я т е в. Вы, Василий Иваныч, заврались!

В а с и л и й. А вот что, сударь; померяйте обе, которая впору, та и ваша.

Т е л я т е в. Вот, Василий Иваныч, умные речи приятно и слушать. *(Примеривает сначала свою.)* Это моя. А это чья же? Да это князинькина. Значит, он здесь?

В а с и л и й *(таинственно)*. Здесь-с.

Т е л я т е в. Где же он?

Василий молча и величественно указывает на дверь во внутренние комнаты.

Т е л я т е в. Отчего же его принимают, а меня нельзя?

В а с и л и й. Потому сродственник.

Т е л я т е в. Такой же сродственник, как и вы, Василий Иваныч. Уж вы меня извините, я останусь, а вы подите в переднюю.

В а с и л и й. Оно точно, что в это время барин никогда дома не бывает, а если в другой раз...

Т е л я т е в. Ну, довольно, Василий Иваныч! Учтивость за учтивость, а то я скажу вам: «Пошел вон!»

В а с и л и й. Можно, для вас все, сударь, можно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е л я т е в один.

Т е л я т е в *(вынимает из кармана письмо и читает).*

Не будь, Телятев, легковерен,
Бывают в мире чудеса;
Князек надуть тебя намерен
У Васильковой в два часа.

И все так точно и надул. Он сродственник, а меня и принимать не приказано. Что же мне делать? Уступить даром как-то неловко, что-то за сердце скребет. Подожду их, посмотрю, как она его будет провожать. Вот удивятся, вот рты-то разинут, как я встану перед ними, как statua gentilissima![1] А статуя Командора,— мне один немец божился до того, что заплакал,— представляет совесть. Ужасно будет их положение. А не лучше ли явиться к ним самому, оно, конечно, не совсем учтиво... Где они скрываются? *(Подходит к двери и прислушивается.)* Никого нет. Проникну далее. *(Отворяет осторожно дверь, уходит и так же осторожно затворяет.)*

Входят В а с и л ь к о в и В а с и л и й.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

В а с и л ь к о в и В а с и л и й.

В а с и л ь к о в *(быстро).* Был без меня кто-нибудь?

В а с и л и й. Господин Глумов. Вот и записку оставили.

В а с и л ь к о в *(строго).* А еще кто?

---

[1] Благороднейшая статуя (*латин.*).

Василий. Господин Кучумов... а...
Васильков. Ну, хорошо, ступай!

Василий уходит.

Кучумов так стар, что и подозревать нельзя; моя жена женщина со вкусом. *(Останавливается перед столом в задумчивости и видит записку Глумова. Вынимает из кармана письмо и сличает с запиской Глумова.)* Ничего не похоже, а я думал, что он. *(Читает письмо.)*

Из дома муж уходит смело
С утра на биржу делать дело,
И верит, что жена от скуки
Сидит и ждет, сложивши руки.
Несчастный муж!
Для мужа друг велико дело,
Когда жена сидит без дела.
Муж занят, а жена от скуки,
Глядишь, и бьет на обе руки.
Несчастный муж!

«Будь дома в два часа непременно, и ты поймешь смысл этих слов». *(Короткое молчание.)* Что это, шутка или несчастие? Если это шутка, то глупо и непростительно шутить над человеком, не зная его сердца. Если это несчастие, то зачем же оно приходит так рано и неожиданно. Если б я знал свою жену, я бы не колебался. Как любит, как чувствует простая девушка или женщина, я знаю; а как чувствует светская дама, я не знаю. Я души ее не вижу; я ей чужой, и она мне чужая. Ей не нужно сердца, а нужны речи. А у меня речей нет. О, проклятые речи! Как легко мы перенимаем чужие речи и как туго перенимаем чужой ум. Теперь говорят, как в английском парламенте, а думают все еще как при Аскольде. А делают... Да что здесь делают? Ничего не делают. Но что же, однако, значит это письмо? Пойду покажу его Лидии. Но если, если... боже! Что мне делать тогда, что мне делать? Как повести себя? Нет, нет, стыдно в таком деле готовиться, стыдно роль играть! Что подскажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю. *(Открывает ящик с пистолетами, осматривает их, опять кладет на место; ящик остается открытым. Идет к двери; навстречу ему тихо, пятясь задом, показывается Телятев.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Васильков и Телятев.

Васильков. Телятев, так друзья не делают.

Телятев. А, здравствуй! *(Тихо.)* Постой, погоди, они сейчас выдут.

Васильков. Отвечай мне на мои вопросы, или я тебя убью на месте.

Телятев. Потише ты, я говорю тебе! *(Прислушивается.)* Ну, что нужно? Спрашивай!

Васильков. Ты к моей жене приехал?

Телятев. Да.

Васильков. Зачем?

Телятев. Приятно провести время, полюбезничать. Какие ты странные вопросы делаешь!

Васильков. Отчего же ты к моей жене едешь, а не к другим?

Телятев. Оттого, что у меня вкус хорош.

Васильков. Мы будем стреляться.

Телятев. Ну, хорошо, хорошо! Ты только не шуми. Я слышу голоса.

Васильков. Чьи бы голоса ни были, они мне не помешают.

Телятев. Ты с ума сошел, Савва! Опомнись, выпей холодной воды.

Васильков. Нет, Телятев. Я человек смирный, добрый; но бывают в жизни минуты... Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди... Видишь, я плачу... Вот пистолеты! Выбирай любой.

Телятев. Коли ты подарить хочешь, так давай оба, к чему их рознить; а коли стреляться, так куда торопиться, чудак! У меня сегодня обед хороший. После сытного обеда мне всегда тяжело жить на свете; тогда, пожалуй, давай стреляться.

Васильков. Нет, нет, сейчас, здесь, на этом месте, без свидетелей.

Телятев. Ну, уж ведь я тоже с характером, я здесь не буду, говорю тебе наотрез. Что за место! Всякое дело, Савва, нужно делать порядком. Да! Постой! Прежде всего скажи ты мне, зачем ты переехал в такую гнусную квартиру?

Васильков. Средств нет жить лучше.

Телятев. Так возьми у меня. *(Вынимает бумажник.)*

Сколько тебе нужно? Да, пожалуй, бери все, я в Москве и без денег проживу.

Васильков. Ты этими деньгами хочешь купить мою снисходительность, хочешь купить жену у меня? *(Берет пистолет.)*

Телятев. Послушай, любезный друг! Ты меня лучше убей, только не оскорбляй! Я тебя уважаю больше, чем ты думаешь и чем ты стоишь.

Васильков. Извини! Я человек помешанный.

Телятев. Я просто предлагаю тебе деньги, по доброте сердечной, или, лучше сказать, по нашей общей распущенности: когда есть деньги, давай первому встречному, когда нет — занимай у первого встречного.

Васильков. Ну, хорошо, давай деньги! Сколько тут?

Телятев. Сочтешь после. Тысяч около пяти.

Васильков. Надо счесть теперь и дать тебе расписку.

Телятев. Уж от этого, сделай милость, уволь. С меня берут расписки, а я ни с кого; хоть бы я и взял, я ее непременно потеряю.

Васильков. Спасибо. Я тебе заплачу хорошие проценты.

Телятев. Шампанским, других процентов не беру.

Васильков. А все-таки за то, что ты ухаживаешь за моей женой, мы с тобой стреляться будем.

Телятев. Не стоит, поверь мне, не стоит. Если она честная женщина, из моего ухаживанья ничего не выдет, а мне все-таки развлечение; если она дурная женщина, не стоит за нее и стреляться.

Васильков. Что же мне тогда делать в этом последнем случае? *(С отчаянием.)* Что мне делать?

Телятев. Бросить ее, и все тут.

Васильков. Я был так счастлив, она так притворялась, что любит меня! Ты только подумай! Для меня, для провинциала, для несчастного тюленя, ласки такой красавицы — ведь рай! И вдруг она изменяет. У меня оборвалось сердце, подкосились ноги, мне жизнь не мила; она меня обманывает.

Телятев. Так ты ее убей, а меня-то за что же?

Васильков. За то, что вы ее развратили. Она от природы создание доброе; в вашем омуте женщина может потерять все — и честь, и совесть, и всякий

стыд. А ты развратней всех. Нет, нет, бери пистолет, а то я тебя убью стулом.

Т е л я т е в. Ну, черт с тобой! Ты мне надоел. Давай стреляться! *(Подходит к пистолетам и прислушивается у двери.)* Вот что: перед смертью попробуем спрятаться за печку!

В а с и л ь к о в. Нет, нет, стреляться!

Т е л я т е в *(берет его за плечи)*. Тише ты, тише, ради бога! *(Насильно уводит его за печку к выходной двери.)*

Входят К у ч у м о в и Л и д и я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

В а с и л ь к о в, Т е л я т е в, К у ч у м о в и Л и д и я.

К у ч у м о в *(поет)*. In mia mano al fin tu sei!

Л и д и я. Прощай, папашка!

К у ч у м о в *(поет)*. Лобзай меня! Твои лобзанья... Addio, mia carina![1]

Л и д и я. Изволь, папашка! *(Целует его.)*

Т е л я т е в и В а с и л ь к о в выходят из-за печки.

Ай! *(Отходит в сторону.)*

К у ч у м о в *(грозя пальцем)*. Но, но, но, господа! Я по правам старой дружбы. Honni soit, qui mal y pense!

В а с и л ь к о в *(указывает двери)*. Вон! Завтра я пришлю к вам секунданта.

К у ч у м о в. Ни, ни, ни, молодой человек! Я с вами драться не стану; моя жизнь слишком дорога для Москвы, чтоб поставить ее против вашей, может быть, совсем бесполезной.

В а с и л ь к о в. Так я убью вас. *(Идет к столу.)*

К у ч у м о в. Но! Молодой человек, но! Так не шутят, молодой человек, не шутят! *(Быстро уходит.)*

Входит Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

---

[1] Прощай, моя дорогая! *(итал.)*.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Васильков, Телятев, Лидия и Надежда Антоновна.

Надежда Антоновна. Что за шум у вас!

Васильков. Возьмите от меня вашу дочь! Мы с вами в расчете. Я возвращаю ее вам такую же безнравственную, как и взял от вас; она жаловалась, что переменила свою громкую фамилию на мою почти мещанскую; зато я теперь вправе жаловаться, что она запятнала мое простое, но честное имя. Она, выходя за меня, говорила, что не любит меня; я, проживя с ней только неделю, презираю ее. Она шла за меня ни с чем,— я заплатил за ее приданое и за ее наряды; это пусть она зачтет за то, что я неделю пользовался ее ласками, хотя и не один.

Лидия. Ха, ха, ха! Какая трагедия!

Надежда Антоновна. Что вы! Что вы! У вас какое-то недоразумение. Бывают случаи, что люди расходятся, но всегда мирно, прилично.

Васильков *(Телятеву)*. Друг мой, не оставляй меня; мне нужно сделать некоторые распоряжения. Вот твои деньги, возьми их! Я хотел за твою доброту заработать тебе огромные проценты. Возьми их!

Отдает деньги Телятеву, тот кладет их небрежно в карман. Лидия пристально смотрит на деньги.

Нужно сделать некоторые распоряжения, написать к матушке... Я застрелюсь. *(Опускает голову на грудь.)*

Телятев. Полно, полно! Савва, ты дурачишься. У моего знакомого две жены бежали, что ж, ему два раза надо было застрелиться? Савва, ну, взгляни на меня! Послушай, я человек благоразумный, я тебе много могу дать хороших советов. Во-первых, ты не вздумай стреляться в комнате,— это не принято: стреляются в Петровском парке; во-вторых, мы с тобой сначала пообедаем хорошенько, а там видно будет.

Васильков *(Надежде Антоновне)*. Берите скорее вашу дочь от меня. Берите ее скорей!

Лидия. Скорее, чем вы думаете. Мы сами сегодня хотели переехать. Мы наняли нашу старую квартиру

и постараемся из ее зеркальных окон даже не глядеть на эту жалкую лачугу с жалким обитателем ее. Вы играли комедию, и мы играли комедию. У нас больше денег, чем у вас; но мы женщины, а женщины платить не любят. Я притворялась, что люблю вас, притворялась с отвращением; но мне нужно было, чтоб вы заплатили наши долги. Я в этом успела, с меня довольно. Оценили ли вы мою способность притворяться? С такой способностью женщина не погибнет. Застрелитесь, пожалуйста, поскорей! Телятев, не отговаривайте его. Вы мне развяжете руки, и уж в другой раз я не ошибусь в выборе или мужа, или... ну, сами понимаете, кого. Прощайте! Все мое желание — не видеть вас более никогда. *(Матери.)* Вы послали за экипажем?

Надежда Антоновна. Послала, он готов. *(Уходит, за ней Лидия.)*

Васильков. Кончено, теперь все уже для меня кончено.

Телятев. Ну, где же кончено? Мало ли еще осталось в жизни?

Васильков. Нет, уж все. Если бы я сам был злой человек, как она, я бы теперь грыз себе руки, колотился головой об стену; если б я сам ее обманывал, я бы ее простил. Но я человек добрый, я ей верил, а она так коварно насмеялась над моей добротой. Над чем хочешь смейся: над лицом моим, над моей фамилией, но над добротой!.. Над тем, что я любил ее, что после каждой ласки ее я по часу сидел в кабинете и плакал от счастья! Друг, во мне оскорблено не самолюбие, а душа моя! Душа моя убита, осталось убить тело. *(Плачет.)*

Телятев. Послушай! Ты лучше замолчи! А то я сам расплачусь; хороша будет у меня физиономия! Перестань, Савва, перестань! Отдайся ты на мою волю хоть на несколько часов! Мы с тобой пообедаем; чем я тебя буду кормить, поить — это мое дело.

Васильков *(берет пистолет и кладет в карман)*. Друг мой, что это? *(Подбегает к окну.)* Карета! Они уезжают! *(Совершенно убитый.)* Вези мой труп, куда хочешь, пока он не ляжет где-нибудь под кустом за заставой. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ЧЕБОКСАРОВА.

ЛИДИЯ.

ВАСИЛЬКОВ.

КУЧУМОВ.

ТЕЛЯТЕВ.

ГЛУМОВ.

АНДРЕЙ.

ГОРНИЧНАЯ.

Будуар в прежней квартире Чебоксаровых; направо от зрителей дверь в залу, прямо входная, налево зеркальное окно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лидия в утреннем костюме лежит на кушетке. Чебоксарова входит.

Надежда Антоновна. Что, не был?

Лидия. Нет еще.

Надежда Антоновна. Я совершенно потеряла голову. Что нам делать! Кучумов неделю тому назад, вместо того что обещал привезти на новоселье, дал мне только шестьсот тринадцать рублей, и то с такими гримасами, с такими ужимками, как будто он делает бог знает какое одолжение. У нас опять накопилась пропасть долгов. Не забудь, вся мебель новая, та продана твоим злодеем.

Лидия. Он обещал непременно привезти сегодня. Ему не верить стыдно, когда он сделал такое одолжение отцу.

Надежда Антоновна. Да сделал ли, я что-то сомневаюсь. Вот я сегодня получила письмо от мужа; он пишет, что никаких денег не получал, что имение его продано, а сам он теперь живет у своего приятеля. Он мне пишет, что после продажи, за удовлетворением долга, ему остается очень незначительная сумма и что на нее он хочет с каким-то татарином или башкиром завести кумыс.

Лидия. Теперь я понимаю. Знаете, кто купил имение?

Надежда Антоновна. Кто?

Лидия. Кучумов. Он обещал купить и подарить его мне.

Надежда Антоновна. Едва ли. Твой отец пишет, что на торгах дал самую большую сумму какой-то Ермолаев, поверенный Василькова. Уж не он ли? *(Показывает в окно.)*

Лидия. Смешно! Где ему! Вы сами видели, что он занимал деньги у Телятева и обещал большие проценты; а большие проценты дают только в нужде. Да он и слишком глуп для такого дела. Не упоминать о нем будет гораздо покойнее.

Надежда Антоновна. Уж конечно.

Лидия. Я считаю себя опозоренной, что вышла за него. Мне надо, чтоб всякая память о нем изгладилась из моего воображения. Я бросила бы ему все его подарки, если б они не были так драгоценны. Я их велела все переделать, чтоб они не имели прежней формы.

Надежда Антоновна. Я пойду спрошу, привезли ли коляску. Я ухитрилась взять в долг у одного каретника и гербы велела сделать. Лошадей будем брать извозчичьих, а своей коляски не иметь нельзя. Извозчичий экипаж всегда заметен. *(Уходит.)*

Лидия. Да, опытность — великое дело. Я все еще очень доверчива. А с доверчивостью можно сделать ошибку неисправимую.

Входит Андрей.

Андрей. Господин Кучумов.

Лидия. Проси!

Андрей уходит. Входит Кучумов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лидия и Кучумов.

Кучумов *(становясь на колена и целуя руку Лидии)*. Il segretto per esser felice...

Лидия. Что за шалости! Садитесь, мне нужно поговорить с вами.

Кучумов. Какая холодность! Что за тон, дитя мое!

Лидия. Э! Полно! Довольно шутить! Послушайте! Вы меня заставили переехать от мужа; мы должаем, мне стыдно напоминать вам о деньгах, точно я у вас на содержании, вы сами навязались с деньгами.

К у ч у м о в *(садится)*. Вам меня надо или убивать, или прощать за мою рассеянность. Сейчас отсчитывал деньги в бумажник, чтобы взять с собой, вошла вдруг жена, я его кинул в стол и запер. Заболтался с ней, так и позабыл. Я вам привезу деньги через полчаса.

Л и д и я. А кто купил имение отца?

К у ч у м о в. Разумеется, я.

Л и д и я. Отец пишет, что купил поверенный Василькова.

К у ч у м о в. Иначе и быть не может, я дал доверенность Василькову, одному знакомому купцу. Я у него сына крестил. Он законов не знает и передоверил от себя другому. Какое он мне уморительное письмо прислал! Я вам привезу его через десять минут. *(Встает и оглядывает комнату. Поет.)* Jo son ricco! tu sei bella! Вот это мило и это недурно. Какой у вас вкус! Тут надо зелени. Я пришлю большую пальму и тропических растений. Здесь под пальмой будет место наших интимных разговоров. Я это сегодня же пришлю. *(Садится подле Лидии.)*

Л и д и я *(отодвигаясь)*. Ну вот, когда вы привезете нам деньги, я вас опять буду звать папашей и, может быть, полюблю.

К у ч у м о в *(поет)*. Jo son ricco! tu sei bella! Так как в моей честности сомнения быть не может, то любви своей вам откладывать нечего, мое блаженство.

Л и д и я. Вы думаете? Я сегодня в дурном расположении духа, мне не до любви. Я уж сколько времени только и слышу о богатстве; у мужа золотые прииски, у вас золотые горы, Телятев чуть не миллионщик, и Глумов, говорят, вдруг богат стал. Все мои поклонники прославляют мою красоту, все сулят меня золотом осыпать, а ни муж мой, ни мои обожатели не хотят ссудить меня на время ничтожной суммой на булавки. Мне не в чем выехать; я езжу в извозчичьей коляске на клячах.

К у ч у м о в. Это ужасно! Но ведь через полчаса все будет поправлено. Я виноват, я признаюсь, я один виноват.

Л и д и я. Я живу без мужа, вы ко мне ездите каждый день в известный час; что подумают, что будут говорить?

К у ч у м о в. Пища для разговора дана, следовательно,

разговор будет, как вы строго себя ни ведите. По-моему, уж если переносить осуждения, так лучше недаром; терпеть напраслину дело ужасное, idol mio [1]. Ведь я вам говорю, через полчаса... ну... могут там встретиться обстоятельства: необходимые взносы; в конторе вдруг столько денег нет; ну через день, два... в крайнем случае, через неделю вы будете иметь все, больше чего желать невозможно.

Лидия *(встает)*. Через неделю? Через десять минут чтобы все было! Слышите, что я говорю! Иначе я вас пускать не велю.

Кучумов. Десять минут? Я не Меркурий, чтобы так быстро летать. Меня могут задержать дела.

Лидия. Никто вас не может задержать: деньги у вас в ящике, письмо, вероятно, в другом. До свиданья.

Кучумов. Я себя оправдаю в ваших глазах; но я вам долго-долго *(грозит пальцем)* не прощу такого обращения со мной. *(Уходит.)*

Лидия. Вот когда моя самоуверенность колебаться начинает. Какой-то холод пробегает по мне. Кучумов обманывает меня или нет? *(Решительно.)* Обманывает. Он еще не исполнил ни одного своего обещания. Затем что же у меня? Отчаяние и самоубийство или... тоже самоубийство, только медленное и мучительное...

Входит Андрей.

Андрей. Господин Телятев.

Лидия *(задумчиво)*. Проси.

Андрей уходит. Входит Телятев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лидия и Телятев.

Лидия. Что вас давно не видать? Где вы пропадаете?

Телятев. У человека, которому делать нечего, всегда дел много. Что вы так серьезны? Ай, ай, ай! *(Смотрит на нее пристально.)*

Лидия. Что вы? Что с вами?

Телятев. Морщинка, вот тут, на лбу; маленькая, маленькая, но морщинка.

Лидия *(с испугом)*. Не может быть.

---

[1] Мой кумир *(итал.)*.

Т е л я т е в. Посмотрите в зеркало! Ай, ай, ай! В ваши-то лета. Стыдно!

Л и д и я *(перед зеркалом)*. Не говорите лучше! Надоели.

Т е л я т е в. Думать не надобно, Лидия Юрьевна; больше всего думать остерегайтесь. Боже вас сохрани! У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают.

Л и д и я. Ах, Иван Петрович, на моем месте поседеть легко. Как мне не думать! Кто ж за меня думать будет?

Т е л я т е в. Да чего же вам лучше? Ваше положение солидное: вы живете одни, в великолепной квартире, совершенно свободны, вы богаты, что я сам от вас слышал, поклонников у вас много, муж для вас не существует.

Л и д и я *(с радостью)*. Он застрелился?

Т е л я т е в. Нет, раздумал.

Л и д и я. Жаль. Можно вам поверить тайну?

Т е л я т е в. Очень можно.

Л и д и я. Вы умеете их беречь?

Т е л я т е в. Нет, не умею. Зато я умею их терять сейчас же, это лучше. Скажите мне в одно ухо, у меня в ту же минуту вылетит в другое; а через час, хоть убейте, никакой тайны не вспомню.

Л и д и я. Наши дела очень плохи, нам просто жить нечем.

Т е л я т е в. В редком семействе не найдется такой тайны.

Л и д и я. Слушайте! Вы несносны. Я переехала от мужа потому... Нет, мне стыдно.

Т е л я т е в. Ах, что вы! Продолжайте! Меня-то стыдно? Я уж такой особенный человек, что меня никогда ни одна женщина не стыдилась.

Л и д и я. Ну, так и мне вас не стыдно. Я переехала от мужа в надежде на Кучумова; он мне обещал дать взаймы сорок тысяч.

Т е л я т е в. Ах, он чудак! Да отчего ж не восемьдесят?

Л и д и я. А он может и восемьдесят?

Т е л я т е в. Еще бы! Он и двести может, то есть обещать, а заплатить где же! У него редко и десять рублей найти в кармане можно.

Л и д и я. Вы лжете на него. Он выкупил отцово имение, оно стоит больших денег; я сама видела, как он дал моей maman шестьсот рублей.

Т е л я т е в. Насчет имения я сказать ничего не могу; а откуда у него шестьсот рублей, я знаю. Он пять дней бегал по Москве, искал их, насилу ему дали на месяц и взяли вексель в две тысячи рублей. Я думал, что он ищет денег для вашего мужа, которому он уже давно проиграл в клубе эту сумму и не заплатил.

Л и д и я *(в отчаянии)*. Вы меня убиваете!

Т е л я т е в. Чем? Он человек очень хороший. Вы не беспокойтесь. Мы все его любим; только он забывчив очень. У него точно было большое состояние, но он часто забывает, что все прожито. Да ему легко и забыть: у него теперь и обеды, и балы, и ужины, и великолепные экипажи, только все это женино и все еще при жизни отдано племянницам. А ему собственно выдается деньгами не более десяти рублей на клуб. В именины и в праздники дают ему пятьдесят, а иногда сто рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него! Приедет в клуб, садится в конце стола, тут у него и трюфли, и шампанское, и устрицы; а как разборчив! Прислугу всю с ног собьет, человек пять так и бегают около него. А уж что достается бедным поварам!

Л и д и я *(бледнея)*. Что мне делать? Я столько задолжала.

Т е л я т е в. Есть отчего в отчаянье прийти! Кто нынче не должен!

Л и д и я. Телятев! У вас огромное состояние, пожалейте меня! Не дайте мне погибнуть!

Телятев опускает голову.

Телятев, поддержите честь нашей фамилии! Я могу полюбить вас! Вы добрый, милый.

Телятев еще ниже опускает голову.

Jean, я гибну! Спасите меня! Если вы мне поможете в этой беде, я ваша. *(Кладет ему обе руки на плечи и склоняется головой.)*

Т е л я т е в. Все это очень мило с вашей стороны, и я был бы совершенно счастлив; но, Лидия Юрьевна, я сам-то теперь не свой.

Л и д и я *(смотрит на него во все глаза)*. Как? Вы женитесь или женаты?

Т е л я т е в. Не женюсь и не женат, а, должно быть, завтра свезут меня к Воскресенским воротам.

Лидия. Как к Воскресенским воротам?

Телятев. Так, привезут с квартальным и опустят.

Лидия. Не может быть! Где же ваши деньги! Я знаю, что вы давали мужу взаймы.

Телятев. Ну, что ж из этого! Разве мне чужих-то жалко?

Лидия. А своих у вас нет?

Телятев. Я уж и не помню, когда они были. Я вчера узнал, что я должен тысяч до трехсот. Все, что вы у меня видели когда-нибудь, все чужое: лошади, экипажи, квартира, платье. За все это денег не плачено, за все это писали счета на меня, потом векселя, потом подали ко взысканию, потом получили исполнительные листы. Деньгами взято у ростовщиков видимо-невидимо. Все кредиторы завтра явятся ко мне; картина будет поразительная. Мебель, ковры, зеркала, картины взяты напрокат и нынче же обобраны. Коляска и лошади от Ваханского; платье портной возьмет завтра чем свет! Я уверен, что кредиторы насмеются досыта. Я их приму, разумеется, в халате, это единственная моя собственность; предложу им по сигаре, у меня еще с десяток осталось. Посмотрят они на меня да на пустые стены и скажут: «Гуляй, Иван Петрович, по белому свету!» Один за жену сердит; этот, пожалуй, продержит месяца два в яме, пока не надоест кормовые платить. Ну, а там и выпустят, и опять я свободен, и опять кредит будет, потому что я добрый малый, и у меня еще живы одиннадцать теток и бабушек и всем им я наследник. Что я гербовой бумаги извел на векселя, вы не поверите. Если ее с пуда продавать, так больше возьмешь, чем с меня.

Лидия. И вы так покойны?

Телятев. Что ж мне беспокоиться-то? Совесть моя так же чиста, как и карманы. Кредиторы мои давно получили с меня втрое, а взыскивают, только чтоб форму соблюсти.

Лидия. Где ж мне денег взять, то есть больших денег, много денег? Неужели нет ни у кого?

Телятев. Есть, как не быть!

Лидия. У кого же они?

Телятев. У деловых людей, которые их даром не бросают.

Лидия. Не бросают? Жаль!

Телятев. Еще как жаль-то! Теперь и деньги-то умней стали, все к деловым людям идут, а не к нам. А прежде деньги глупей были. Вот именно такие деньги вам и нужны.

Лидия. Какие?

Телятев. Бешеные. Вот и мне доставались всё бешеные, никак их в кармане не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги? Оттого, что не мы сами их наживали. Деньги, нажитые трудом, — деньги умные. Они лежат смирно. Мы их маним к себе, а они нейдут; говорят: «Мы знаем, какие вам деньги нужны, мы к вам не пойдем». И уж как их ни проси, не пойдут. Что обидно-то, знакомства с нами не хотят иметь.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна.

Лидия. Я в провинцию.

Телятев. Что за расчет! Увлечете какого-нибудь мушника Тулумбасова или уж много-много средней руки помещика. Что за карьера!

Лидия. Телятев, помогите, мне нужны деньги!

Телятев. А вот, пожалуйте сюда! *(Подводит ее к окну.)* Видите?

У ворот стоит
Домик-крошечка;
Он на всех глядит
В три окошечка.

Вот где деньги.

Лидия. У мужа?

Телятев. Да, у него. Он не только богаче всех нас, но так богат, что подумаешь — так голова закружится. Нынче не тот богат, у кого денег много, а тот, кто их добывать умеет. Если у вашего мужа теперь наличных тысяч триста, так можно поручиться, что через год будет миллион, а через пять — пять.

Лидия. Не может быть. Я не верю вам. Подите прочь. Это он вас подослал ко мне.

Телятев. А вот послушайте. Когда вы его оставили, поехали мы обедать в Троицкий. Сидит, на свет не глядит, ни ухи не ест, ни вина не пьет. Подходили к нему какие-то странные личности, шептались что-то, он как будто стал поживее. Потом вдруг несут ему телеграмму, прочел ее, и глаза засияли. «Нет,

говорит, глупо стреляться. Покутим, говорит, нынешний день, поздравь меня». Ну, я его поздравил, поцеловались, и поехали, и поехали. Познакомил я его кое с кем из старых своих знакомых, то есть не из старых, а из прежних, а они еще молоденькие.

Лидия *(глядя в окно)*. Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь!

Телятев. Нет, вы ошиблись. Это коляска, которую он подарил моей знакомой, и с лошадьми, и кучера нанял такого, что в Зоологическом саду показывать можно. Вот она едет от него, блондиночка, а глаза — васильки.

Лидия. Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною? Я его ненавижу и как будто ревную. Я бы убила эту блондинку. Нос у нее и так невелик, а она его еще вздергивает.

Телятев. Это не ревность, а зависть.

Лидия. Он ее любит?

Телятев. Что? Коляску?

Лидия. Нет, блондинку.

Телятев. Зачем же! И любить да и деньги давать, уж слишком много расходу будет. Хотите слушать, что ваш муж мне рассказал про себя?

Лидия. Говорите!

Телятев. Учился он много, чему — уж не помню. Разные есть науки, Лидия Юрьевна, про которые мы с вами и не слыхали.

Лидия. Говорите, говорите!

Телятев. Поехал за границу, посмотрел, как ведут железные дороги, вернулся в Россию и снял у подрядчика небольшой участок. Сам с рабочими и жил в бараках да Василий Иваныч с ним. Знаете Василья Иваныча? Золото, а не человек.

Лидия. Ах, подите вы!

Телятев. Первый подряд удался, он взял побольше, потом еще побольше. Теперь получил какую-то телеграмму. «Ну, говорит, Ваня, ближе миллиона не помирюсь». А я говорю: «И не мирись». Что ж, мне ведь все равно, убытку не будет.

Лидия. Я умираю.

Телятев. Что с вами?

Л и д и я *(ложится на диван)*. Позовите maman! Позовите скорей!

Т е л я т е в *(в дверь)*. Надежда Антоновна!

Входит Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л и д и я, Т е л я т е в и Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

Л и д и я. Maman, ради бога!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Что с тобой, Лидия? Что с тобой, дитя мое?

Л и д и я. Ради бога, maman! подите к моему мужу, позовите его сюда, скажите, что я умираю.

Т е л я т е в. Берите моих лошадей, Надежда Антоновна, и поезжайте скорее!

Н а д е ж д а А н т о н о в н а *(всматривается в дочь)*. Да, да, я вижу, ты в самом деле нехороша. Я сейчас еду. *(Уходит.)*

Входит А н д р е й.

А н д р е й. Господин Глумов.

Л и д и я *(привстав)*. Принимать его или нет? Еще муж придет или нет, неизвестно. Утопающий хватается за соломинку. *(Андрею.)* Проси!

А н д р е й уходит. Входит Г л у м о в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Л и д и я, Т е л я т е в и Г л у м о в.

Г л у м о в. Что с вами?

Л и д и я. Немного нездорова. А с вами что? Я слышала, что вы разбогатели.

Г л у м о в. Еще нет, а надеюсь. Очень выгодную должность занял.

Т е л я т е в. И совершенно по способностям.

Г л у м о в. Счастливый случай, больше ничего. Одна пожилая дама долго искала не то чтоб управляющего, а как бы это назвать...

Л и д и я. Un secrétaire intime? [1]

Г л у м о в. Oui, madame! [2] Ей нужно было честного человека, которому бы она могла доверить...

---

[1] Личный секретарь? *(франц.)*

[2] Да, сударыня! *(франц.)*

Телятев. И себя, и свое состояние?

Глумов. Почти так. У ней дома, имения, куча дел: где же ей управиться! С наследниками она в ссоре. Я стараюсь все обратить в капитал, на что имею полную доверенность, и пользуюсь значительными процентами за комиссию.

Телятев. Благородная, доверчивая женщина. Признайся, Глумов, ведь немного найдешь таких?

Глумов. Да, должно быть, одна только осталась; я наперечет всех знаю.

Телятев. Мы сейчас только говорили о бешеных деньгах, что они перевелись, а ты счастливей нас, ты их нашел.

Глумов. Зато как долго и прилежно я искал их.

Лидия. Значит, у вас теперь денег много?

Глумов. «Много» — ведь это понятие относительное. Для Ротшильда было бы мало, а для меня довольно.

Лидия. Дайте мне взаймы тысяч двадцать.

Глумов. Молоденьким, хорошеньким женщинам взаймы денег не дают, потому что неделикатно им напоминать, когда они забудут о долге, а взыскивать еще неделикатнее. Им или учтиво отказывают, или дарят.

Лидия. Ну, как хотите, только дайте.

Глумов. Теперь не могу, извините. Помните, вы сказали, что мне никогда вашей руки не целовать? Я злопамятен.

Лидия. Целуйте.

Глумов. Теперь уж поздно или, лучше сказать, рано. Подождите меня год, я приеду целовать ваши ручки. Я завтра отправляюсь с своей доверительницей в Париж; она не знает счета ни на рубли, ни на франки, я буду ее кассиром. Она страдает одышкой и общим ожирением; ей и здесь-то доктора больше года жизни не дают, а в Париже с переездами на воды и с помощью усовершенствованной медицины она умрет скорее. Вы видите, что мне некогда, год я должен сердобольно ухаживать за больной, а потом могу пожинать плоды трудов своих, могу и проживать довольно много, пожалуй, при вашем содействии, если вам будет угодно.

Лидия. Вы злой, злой человек!

Глумов. Прежде вам эта черта во мне нравилась; мы с этой стороны похожи друг на друга.

Л и д и я. Да, пока вы не переходили границ, а теперь прощайте.

Г л у м о в. Прощайте! Я уезжаю с сладкой надеждой, что в год вы обо мне соскучитесь, что вы меня оцените и мы, вероятно, встретимся, как родные.

Л и д и я. Довольно, довольно!

Г л у м о в . До свиданья.

Т е л я т е в. Прощай, Глумов. Счастливого пути! Вспомни обо мне в Париже: там на каждом перекрестке еще блуждает моя тень.

Г л у м о в. Прощай, Телятев. *(Уходит.)*

Входит Н а д е ж д а А н т о н о в н а с склянками, за ней г о р н и ч н а я с подушками, кладет их на диван и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Л и д и я, Т е л я т е в, Н а д е ж д а А н т о н о в н а.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Тебе надо лечь, Лидия, непременно. Напрасно ты себя, мой друг, утомляешь! По лицу твоему видно, что ты ужасно страдаешь. Я так и мужу сказала. Он сейчас придет. Вот твой спирт и капли, которые тебе всегда помогали.

Л и д и я *(ложится на подушки)*. Как он вас принял?

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Очень вежливо, хотя довольно холодно. Он спросил, серьезно ли ты больна; я отвечала, что очень. Что вы, Иван Петрович, смеетесь?

Т е л я т е в. Мне равнодушным нельзя оставаться: надо либо плакать, либо смеяться.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Вы не знаете ни натуры, ни сложения Лидии; она такая нервная, такая нервная... Это у нее с детства.

Т е л я т е в. Извините, я действительно не знаю сложения Лидии Юрьевны, это для меня тайна.

Л и д и я. Иван Петрович, вы такой болтун, вы меня рассмешите.

Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Да вы, пожалуй, в самом деле рассмешите, а он войдет.

Т е л я т е в. Скрыться прикажете?

Л и д и я *(томно)*. Нет, останьтесь! Мне так приятно видеть вас, вы мне даете силу.

Т е л я т е в. Если вам приятно, то я не только не уйду, а, как привинченный, буду стоять против вас. Смот-

рите на меня сколько вам угодно. Только позвольте мне в этой комедии быть лицом без речей.

Входит А н д р е й.

А н д р е й. Господин Васильков.

Л и д и я *(слабым голосом)*. Проси!

А н д р е й уходит, Надежда Антоновна оправляет подушки, Телятев подносит платок к глазам своим. Входит В а с и л ь к о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Л и д и я, Т е л я т е в, Н а д е ж д а А н т о н о в н а и В а с и л ь к о в.

В а с и л ь к о в *(сделав общий поклон)*. Вы меня звали?

Л и д и я. Я умираю.

В а с и л ь к о в. В таком случае нужен или доктор, или священник; я ни то, ни другое.

Л и д и я. Вы нас покинули.

В а с и л ь к о в. Не я, а вы меня, и не простившись даже как следует.

Л и д и я. Так надо проститься?

В а с и л ь к о в. Если вам угодно.

Л и д и я. По-русски проститься — значит попросить прощения.

В а с и л ь к о в. Просите.

Л и д и я. Я виновата только в том, что оставила вас, не сообразя своих средств; в остальном вы виноваты.

В а с и л ь к о в. Мы поквитались: я был виноват, вы меня оставили. О чем же больше говорить! Прощайте!

Л и д и я. Ах, нет, постойте!

В а с и л ь к о в. Что вам угодно?

Л и д и я. Вы за свою вину ничем не платите, а я могу поплатиться жестоко. Я кругом в долгу, меня посадят вместе с мещанками в Московскую яму.

В а с и л ь к о в. А! Вы вот чего боитесь? Вот какое бесчестье вам страшно? Не бойтесь! В яму попадают и честные люди, из ямы есть выход. Бояться Московской ямы хорошо, но больше надо бояться той бездонной ямы, которая называется развратом, в которой гибнет и имя, и честь, и благообразие женщины. Ты боишься ямы, а не боишься той пропасти, из которой уж нет возврата на честную дорогу!

Л и д и я. Кто вам позволил говорить здесь такие слова!

В а с и л ь к о в. А кто позволяет зрячему вывести на

дорогу слепого, кто позволяет умному остеречь неразумного, кто позволяет ученому учить неученого?

Лидия. Вы не имеете права учить меня.

Васильков. Нет, имею. Это право — сострадание.

Лидия. Вам ли говорить о сострадании! Вы видите жену в таком положении и не хотите заплатить за нее ничтожного долга.

Васильков. Я даром денег не бросаю. Ни боже мой!

Надежда Антоновна. Я не понимаю вашей философии. Все это для меня какая-то новость, принесенная с луны. Разве платить за жену — значит бросать даром?

Васильков. Какая ж она мне жена! Да она ж сама сказала, что у нее денег больше, чем у меня.

Надежда Антоновна. «Сказала». Мало ли что может сказать женщина в раздражении! Как бы жена ни оскорбила мужа, все-таки надо жалеть жену больше, чем мужа. Мы так слабы, так нервны, нам всякая ссора так дорого обходится. Горячая женщина скоро сделает глупость, скоро и одумается.

Васильков. Да она же не говорит, что одумалась.

Лидия. Я одумалась и раскаиваюсь в своем поступке.

Васильков. Не поздно ли?

Надежда Антоновна. Ах, нет! Она может увлечься, но до падения себя не допустит.

Васильков. Я знаю, что не допустила: ваша прислуга гораздо больше получала от меня, чем от вас. Но я не знаю, что спасло ее от падения — честь или недостаток денег у Кучумова. *(Лидии.)* Чего же вам угодно?

Лидия. Я бы хотела жить опять вместе с вами.

Васильков. Невозможно. Вы так быстро меняете свои решения, что, пожалуй, завтра же захотите уехать от меня. Для меня одного позора довольно, я двух не хочу.

Лидия. Но вы должны меня спасти.

Васильков. Как я вас спасу? Есть только одно средство: я вам предложу честную работу и за нее вознаграждение.

Лидия. Какую работу и какое вознаграждение?

Васильков. Подите ко мне в экономки, я вам дам тысячу рублей в год.

Лидия *(встает с дивана)*. Ступайте вон!

Васильков уходит.

Телятев *(отнимая платок от глаз)*. Теперь вы выздоровели, я могу перестать плакать.

Лидия. Ах, теперь не до шуток! Бегите, догоните, воротите его, во что бы то ни стало.

Телятев убегает.

Надежда Антоновна. Ах, какой он упрямый! Какой несносный! Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает.

Возвращаются Васильков и Телятев.

Лидия. Вы меня извините, я не поняла вас. Объясните мне, что значит слово «экономка» и какие ее обязанности?

Васильков. Извольте, объясню: но если вы не примете моего предложения, я больше не вернусь к вам. Экономка — значит женщина, которая занимается хозяйством. Это ни для кого не унизительно. А вот обязанности: у меня в деревне маменька-старушка, хозяйка отличная, вы поступите к ней под начальство — она вас выучит: грибы солить, наливки делать, варенья варить, передаст вам ключи от кладовой, от подвала, а сама будет только наблюдать за вами. Мне такая женщина нужна, я постоянно бываю в отъезде.

Лидия. Ужасно, ужасно!

Васильков. Прикажете кончить?

Лидия. Продолжайте!

Васильков. Когда вы изучите в совершенстве хозяйство, я вас возьму в свой губернский город, где вы должны ослепить губернских дам своим туалетом и манерами. Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. Мне тоже, по моим обширным делам, нужно такую жену. Потом, если вы будете со мной любезны, я свезу вас в Петербург, Патти послушаем, тысячу рублей за ложу не пожалею. У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно. У вас все есть для этого, только вам надо будет отучиться от некоторых манер, которые вы переняли от Телятева и прочих.

Т е л я т е в. Но разве я знал, что Лидии Юрьевне предстоит такая блестящая перспектива от деревенского подвала до петербургского салона.

В а с и л ь к о в *(глядя на часы)*. Согласны вы на мое предложение или нет? Только помните, что прежде всего вы будете экономкой и довольно долго.

Л и д и я. Пожалейте меня, пожалейте мою гордость! Я дама, дама с головы до ног. Сделайте мне какую-нибудь уступку.

В а с и л ь к о в. Никакой! Мне ли жалеть вашу гордость, когда вы не жалели моей простоты, моей доброты сердечной! Я и теперь предлагаю вам звание экономки, любя вас.

Л и д и я. Ну, хоть слово измените, оно жестко для моего нежного уха.

В а с и л ь к о в. Нет, это слово хорошее.

Л и д и я. Я должна подумать.

В а с и л ь к о в. Думайте.

Т е л я т е в. Ах, кабы меня кто взял в экономки!

Входит А н д р е й.

А н д р е й. Следственный пристав желает описать имущество.

Л и д и я и Н а д е ж д а А н т о н о в н а. Ах, ах! Ай, ай!

Лидия прячется в подушки.

Т е л я т е в. Чего вы испугались? Утешьтесь! Вчера описали мебель у двоих моих знакомых, сегодня у вас, завтра у меня, послезавтра у вашего Кучумова. Это нынче такое поветрие.

Л и д и я *(мужу)*. Спасите меня от стыда! Я на все согласна! Что делать? Я хотела блистать неугасающей звездою, а вы хотите сделать меня метеором, который блеснет на минуту и погаснет в болоте. Но я согласна, согласна. Умоляю вас, спасите меня.

В а с и л ь к о в уходит с Андреем. А н д р е й возвращается.

А н д р е й. Господин Кучумов.

Л и д и я. Я думаю принять его.

Т е л я т е в. Примите.

Л и д и я *(Андрею)*. Проси!

А н д р е й уходит. Входит К у ч у м о в, потом В а с и л ь к о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лидия, Надежда Антоновна, Телятев, Кучумов, потом Васильков.

Кучумов *(напевая)*. Jo son ricco... Что с вами?

Лидия. У меня описывают имущество, привезли вы сорок тысяч?

Кучумов. Jo son ricco... Нет, вы представьте себе, какое со мной несчастие.

Входит Васильков и останавливается у двери.

Мой человек, которого я любил, как сына, обокрал меня совершенно и убежал, должно быть, в Америку.

Телятев. Очень жаль мне твоего человека! С тем, что у тебя можно украсть, не только до Америки, но и до Звенигорода не доедешь.

Кучумов. Не шути, я не люблю. Я разослал телеграммы по всем трактам; вероятно, его скоро схватят, отберут деньги, и тогда я вам, дитя мое, доставлю их.

Телятев. Не все же он украл, ведь осталось же что-нибудь.

Кучумов. Как не остаться! Я без тысячи рублей из дому не выезжаю.

Васильков. Так отдайте мне шестьсот рублей, которые должны по картам.

Кучумов. А! Вы здесь? И очень хорошо. Я давно хотел с вами расчесться. Карточный долг для меня первое дело. *(Вынимает бумажник.)* Что за вздор такой! Вероятно, я как-нибудь обложился, положил в левый карман. Ах, да я не тот сюртук надел. Впрочем, вы можете получить эти деньги с Надежды Антоновны.

Васильков. Хорошо, я получу. Лидия Юрьевна, я ваш долг заплатил. Нам нужно ехать в деревню.

Лидия. Когда хотите.

Васильков. Я еду завтра, будьте готовы!

Лидия *(подает мужу руку)*. Благодарю вас, что на целый день вы даете волю моим слезам. Мне нужно о многом поплакать! О погибших мечтах всей моей жизни, о моей ошибке, о моем унижении. Мне надо поплакать о том, чего воротить нельзя. Моя богиня беззаботного счастия валится с своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промыш-

ленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми.

Т е л я т е в. Каково это слушать нам, бездельникам!

К у ч у м о в *(поет)*. Jo son ricco...

Т е л я т е в. Неправда. Noi siamo poveri[1].

Л и д и я. Вот другая жертва, которую я приношу вам.

В а с и л ь к о в. Жертв не надо.

Л и д и я. Я вижу, что нашла коса на камень. Извольте, я призна́юсь. Я принимаю ваше предложение, потому что нахожу его выгодным.

В а с и л ь к о в. Но знайте, что я из бюджета не выйду.

Л и д и я. Ох, уж мне этот бюджет!

В а с и л ь к о в. Только бешеные деньги не знают бюджета.

Т е л я т е в. Ты говоришь святую истину; скажу более, ты повторяешь мои слова.

В а с и л ь к о в *(Телятеву)*. Прощай, друг, мне тебя от души жаль. Ты завтра будешь без крова и без пищи.

Т е л я т е в. Ты не хочешь ли мне денег дать взаймы? Не давай, не надо. Пропадут, ей-богу, пропадут. Москва, Савва, такой город, что мы, Телятевы да Кучумовы, в ней не погибнем. Мы и без копейки будем иметь и почет, и кредит. Долго еще каждый купчик будет за счастье считать,что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет. Вот портные — от тех уважения мало. Но и старую шинель, и старую шляпу можно носить с таким достоинством, что издали дают тебе дорогу. Прощай, друг Савва. Не жалей нас. И в рубище почтенна добродетель. *(Обнимается с Кучумовым.)*

Лидия робко подходит к Василькову, кладет ему руку на плечо и склоняется головой.
Картина.

---

[1] Мы бедны (*итал.*).

ЛЕС

Комедия
в пяти
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

РАИСА ПАВЛОВНА ГУРМЫЖСКАЯ
вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре; постоянно с рабочим ящиком на руке.

АКСИНЬЯ ДАНИЛОВНА (АКСЮША)
ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

ЕВГЕНИЙ АПОЛЛОНЫЧ МИЛОНОВ
лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстухе.

УАР КИРИЛЫЧ БОДАЕВ
лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.

(Милонов и Бодаев — богатые соседи Гурмыжской.)

ИВАН ПЕТРОВ ВОСМИБРАТОВ
купец, торгующий лесом.

ПЕТР
его сын.

АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БУЛАНОВ
молодой человек, недоучившийся в гимназии.

КАРП
лакей Гурмыжской.

УЛИТА
ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша *(вынув из кармана письмо)*. Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. ...передать. Ты уж знаешь кому.

К а р п. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетиньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

А к с ю ш а. Ну, не надо; как хочешь. *(Отворачивается к окну.)*

К а р п. Да уж пожалуйте. Для вас отчего же... *(Берет письмо.)*

А к с ю ш а *(глядя в окно)*. Продала Раиса Павловна лес?

К а р п. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

А к с ю ш а. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

К а р п. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

А к с ю ш а. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

К а р п. Дай-то бог!

А к с ю ш а *(очень серьезно)*. Не дай бог, Карп Савельич!

К а р п. Ну, как угодно-с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

А к с ю ш а. Куда прочие... а куда же прочие?

К а р п. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идут. *(Отходит от двери.)*

Аксюша смотрит в окно, Б у л а н о в входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А к с ю ш а, Б у л а н о в, К а р п, потом У л и т а.

Б у л а н о в *(Карпу)*. Что ж, ты набил мне папиросы?

К а р п. Никак нет-с.

Б у л а н о в. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

К а р п. Мало что велели! А когда мне?

Б у л а н о в. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

К а р п. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Б у л а н о в. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! *(Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)*

А к с ю ш а *(быстро обернувшись)*. Что вы! С ума сошли?

Б у л а н о в *(обидясь)*. Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

А к с ю ш а *(почти сквозь слезы)*. За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Б у л а н о в *(равнодушно)*. Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

А к с ю ш а. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Б у л а н о в. Что вы все сердитесь, неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

А к с ю ш а *(строго)*. А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Б у л а н о в. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

А к с ю ш а. Какое дело?

Б у л а н о в. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

А к с ю ш а. Тому и быть?

Б у л а н о в. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дожидаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорок-ворон за чужим двором?

К а р п. Потише, сударь! Улита идет.

Входит *У л и т а* *и чего-то ищет.*

Вам чего здесь?

У л и т а. Я, кажется, забыла...

К а р п. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой лепортамент, мы к вам не ходим.

У л и т а *уходит.*

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Б у л а н о в. Расчет прямой; кажется, можно понять.

А к с ю ш а. Да я понимаю.

Б у л а н о в. Так и упрямиться нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

А к с ю ш а. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Б у л а н о в *(презрительно улыбаясь)*. Философия! *(Серьезно.)* Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали?

А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди черту душу закладывают, а не то чтоб отказываться.

Показывается *У л и т а.*

К а р п. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

У л и т а. Уж и войти нельзя!

К а р п. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

У л и т а уходит.

А к с ю ш а. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеич.

Б у л а н о в. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертитесь. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

А к с ю ш а *(тихо)*. Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду, а может, уж и нашла. *(Карпу.)* Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б у л а н о в и К а р п.

К а р п *(подходя)*. Ах, барин, барин!

Б у л а н о в. А что, Карп?

К а р п. Молоды вы очень.

Б у л а н о в. Знаю, что молод.

К а р п. А это нехорошо.

Б у л а н о в. Что ж мне делать-то?

К а р п. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Б у л а н о в. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

К а р п. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Б у л а н о в. Да на что ловкие-то?

К а р п. Да на все, а уж особливо, что мимо рук-то плывет.

У л и т а показывается из коридора.

Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

У л и т а *(скрываясь)*. Обидчик!

Б у л а н о в *(задумчиво)*. Да?.. Ну, что ж?

К а р п. То-то «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?

Б у л а н о в. Все-таки...

К а р п. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли барыне?

Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определят. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то, что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите все в глаза.

Буланов. В глаза?

Карп. Беспременно. Так всё ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идут. *(Уходит.)*

Буланов поправляет волосы и покручивает усики. Входят Гурмыжская, Милонов и Бодаев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Гурмыжская. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

Милонов. И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская. Может быть.

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Бодаев *(откашливаясь)*. Надоели.

Гурмыжская. Что вы?

Бодаев *(грубо)*. Ничего. *(Садится поодаль.)*

Гурмыжская *(заметив Буланова)*. Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина Алексея Сергеича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит. Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни

родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство, я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.

Гурмыжская *(громко)*. Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Бодаев. Да, не слышу. *(Садится к столу.)*

Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретилась с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Гурмыжская *(шутя)*. И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Бодаев *(привстает, опираясь на костыль, и кланяется)*. Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская. Шути́те, шути́те. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Пе-

тербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Б о д а е в. В солдаты годится.

Г у р м ы ж с к а я. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастие! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Б о д а е в. Не по Невскому ли?

Г у р м ы ж с к а я. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время, и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Б о д а е в. Три? Любопытно.

Г у р м ы ж с к а я. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Б о д а е в. Действительно, три.

Г у р м ы ж с к а я. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

М и л о н о в. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Б о д а е в. Ну, отчего же не сметь? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Г у р м ы ж с к а я. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят, что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

М и л о н о в. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости, нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастия.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования; добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам

прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. *(Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.)* Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов *(читает)*. «Тетинька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не устрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь всё передо мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист.

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное.

Входит Карп.

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин; это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то — семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю, не может быть.

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе,— как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознаёт свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская. *(Карпу)*. Зови поди Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(раскланивается и садится)*. Петр, садись!

Петр садится у самой двери на край стула.

Милонов. Прикажете дочитать?

Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

Милонов *(читает)*. «Нужда, ты непостижима! Благодарю вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков... Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастием, Гурмыжский».

Гурмыжская *(принимая письмо)*. Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека, он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

Восмибратов. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

Милонов. Но ведь этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим племянником, с его громкой славой?

Гурмыжская. Я вам говорю, не знаю.

Бодаев. Вдруг удивит.

Гурмыжская. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откушать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю; впрочем, во всяком случае, милости просим.

Бодаев. Приеду.

Милонов. Поверьте, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж кой-что продала из имения.

Восмибратов. Да-таки, сударыня, довольно; особенно как изволили проживать в столицах.

Гурмыжская. Я очень щедро помогаю. Для ближнего мне не жаль.

Восмибратов. Так-с. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякий человек живая тварь.

Гурмыжская. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

Восмибратов. Это точно-с; слухов никаких насчет, чтобы чего... Постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская. Ах, да я и прежде... да не об том речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаев. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить, она хлеб продает не вовремя за бесценок; нужно любовнику ермолку с кисточкой, она лес продает, строевой, береженый, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов *(Восмибратову)*. Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься; не от дам разорены имения, а оттого, что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... Ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем! Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что, наконец, необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупей вашего есть.

Встает, Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.

Гурмыжская *(провожая их)*. Господа, я вас жду послезавтра.

Милонов и Бодаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов *(садясь)*. Петр, садись!

Петр садится.

Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовремения... тоже... ведь люди, все одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас уговор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. *(Роясь*

в ящике.) Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки воруют,— судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну, и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я, было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где или здесь как встретил мой парнишка.

Петр встает.

Гурмыжская. Он?

Восмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и пооперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может быть, в городе говорят вздор какойнибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов *(Петру)*. Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если

у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решенное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

Восмибратов. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Гурмыжская. А сколько бы ты дал за него?

Восмибратов *(подумав)*. Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Гурмыжская. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.

Восмибратов. Точно-с. Извините! Это я так механально, не подумавши; да и неохота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Гурмыжская. Да, по крайней мере, две тысячи. Мне эту цену давали.

Восмибратов. Мой совет: отдавайте.

Гурмыжская. Да я не хотела тебя обидеть.

Восмибратов. На этом оченно вами благодарны; только я вам вот что скажу: хлопот не стоит.

Гурмыжская. Иван Петрович, стыдно! Я сирота. Мое дело женское. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай бога-то!

Восмибратов. Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. Потому самому нам без бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Гурмыжская. Ну, то-то же. Ты сам подумай, ведь мне деньги-то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну, что хорошего, без присмотру останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, так рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

Восмибратов. Да ежели она, шельма...

Гурмыжская. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратов. Барыша ничего не будет.

Гурмыжская. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

Восмибратов. Дороговько, да уж извольте-с. *(Махнув рукой.)* Так уж, что прежде от вас пользовался.

Гурмыжская. Только мне деньги завтра же нужны.

Восмибратов. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес в таких-то пустошах деньги сполна получили.

Гурмыжская. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратов. Что следовает, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть; а на эти ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всякую малость записки да расписки отбираете; так что ж вам сумневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке-то написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руку прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте!

Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови!

Карп уходит.

Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней.

Входит Аксюша.

Аксюша *(потупя глаза, тихо)*. Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я выписала сюда Алексея Сергеича?

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться *(со смехом)*, мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает. Но я погляжу прежде,

будешь ли ты стоить. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю.

Входит Улита.

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя бог кокетничать с ним или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я вправе думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы, ты с мальчишками на салазках каталась.

Аксюша. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уж помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Гурмыжская. Дурные наклонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор. *(Со смехом.)* Он хоть твой и жених, да зелен виноград.

Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздразнить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает! И почем ты знаешь, что честь, что бесчестье!

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть

бы и комедия; я тебя кормлю и одеваю и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста,— только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

Аксюша *(взглянув ей в глаза)*. Больше ничего?

Гурмыжская. Ничего, ступайте!

Аксюша уходит.

Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Поди сюда!

Улита. Что, матушка-барыня, угодно?

Гурмыжская. Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!

Улита *(подходит и садится на пол)*. Слушаю, матушка-барыня.

Гурмыжская. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

Улита. Знаю. Как мне не знать?

Гурмыжская. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет, но ведь не всегда же я с ними: они могут встретиться и в саду, и в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе...

Улита. Понимаю, матушка-барыня, понимаю. Пожалуйте ручку! *(Целует руку Гурмыжской.)* Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление. Давно уж я за ними, как тень, слоняюсь, шагу без меня не ступят; где они, тут и я.

Гурмыжская *(подумав)*. За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита *(с жаром)*. Догадлива, матушка-барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся, по крапиве елозила, все подслушивала, что они промежду себя говорят.

Гурмыжская. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не жалей, у меня много; я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

У л и т а *(таинственно)*. Вот и здесь давеча сошлись.

Г у р м ы ж с к а я. Что же давеча?

У л и т а. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кой-что заметить было можно.

Г у р м ы ж с к а я. Что же ты заметила?

У л и т а. Она-то к нему очень ласкова; а он как будто так... *(делает жест рукой)* выражал, что я, дескать, не желаю.

Г у р м ы ж с к а я. Да?.. Не ошиблась ли ты? *(Смотрит ей в глаза.)*

У л и т а. И как будто так даже *(делает жест рукой)*...

Г у р м ы ж с к а я. Ну!

У л и т а. И как будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтоб уж очень...

Г у р м ы ж с к а я. Врешь ты, мне кажется.

У л и т а. Нет уж, матушка-барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как будто у него на уме что другое...

Г у р м ы ж с к а я. Ну уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заехала.

У л и т а. Да уж усердие-то мое...

Г у р м ы ж с к а я. Уж как ни велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего.

Молчание.

Улита, мы с тобой одних лет...

У л и т а. Матушка-барыня, я постарше буду.

Г у р м ы ж с к а я. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

У л и т а. Право, матушка-барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Г у р м ы ж с к а я. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью и строгостью, ничто не помогало.

У л и т а. Да, было-то, матушка, точно было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Г у р м ы ж с к а я. Да, я не замечаю...

У л и т а. Вот разрази меня!

Г у р м ы ж с к а я. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли

ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе-то? Забыла, матушка-барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве, когда мечта *(нежно)*... так иногда найдет вроде как облако.

Гурмыжская *(в задумчивости)*. Поди прочь, мерзкая!

Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает.

(Встает и подходит к окну.) А ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... *(Делает ручкой.)* Ах, красавчик!.. Да, твердые правила в жизни много значат. *(Оборачивается и видит Улиту.)* А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе, вместо одного платья, два подарю.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

АКСЮША.

ПЕТР.

ТЕРЁНЬКА

мальчик Восмибратова.

ГЕННАДИЙ НЕСЧАСТЛИВЦЕВ } *пешие путешественники.*
АРКАДИЙ СЧАСТЛИВЦЕВ }

Лес; две неширокие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу крашеный столб, на котором, по направлению дорог, прибиты две доски с надписями, на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аксюша выходит из лесу с левой стороны и садится на пень; Петр выходит из лесу с правой стороны и потом мальчик.

Петр *(громко)*. Терёнька!

Из лесу выходит мальчик.

Влезь на дерево там, с краю, и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит заместо тетерева. Слышишь?

Мальчик *(робко)*. Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. *(Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.)* Ну, пошел.

Мальчик отходит.

Да, пожалуйста, братец, поразвязней!

Мальчик уходит в лес.

Аксюша *(подходя к Петру)*. Здравствуй, Петя!

Петр *(целуя ее)*. Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Всё те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с, может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то что мы.

Аксюша *(зажимая ему рот)*. Да полно ты, полно! Ведь знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

Петр. Как же, значит, не бывать, когда тетинька сами давеча...

Аксюша. Не бойся, не бойся!

Петр. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты или чужая?

Аксюша. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

Петр. Отвод?

Аксюша. Похоже.

Петр. А уж я давеча натерпелся. Тятенька-таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал; отдохнет да опять примется. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

А к с ю ш а. Она бы рада меня с рук сбыть, да денег жаль. Что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

П е т р. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя трех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

А к с ю ш а. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

П е т р. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

А к с ю ш а. Что ты такой грустный, неласковый?

П е т р. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

А к с ю ш а. Мне ни скучно, ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой!

П е т р. Так-то так, да все радости-то мало.

А к с ю ш а. Ах ты, глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

П е т р. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

А к с ю ш а *(сердито)*. Поди ты прочь, коли так.

П е т р. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове,— третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину, и этак...

А к с ю ш а *(все еще с сердцем)*. Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал; нужно ведь подумать-то.

П е т р. О тебе-то и думаю. У меня надвое; вот одно дело: приставать к тятеньке. Нынче он, примерно, поругает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так говорить, хоть и прибьет, а я послезавтра опять за то же; так, покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж кряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему; по крайности развязка.

А к с ю ш а *(подумав)*. А другое-то что?

П е т р. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублев триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так, пожалуй, что денег-то и вволю будет.

А к с ю ш а. А потом что ж?

Петр. А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку; «ой вы, милые!» Подъехали к Волге; ссь... тпру! на пароход; вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чтоб для нас не было.

Аксюша. А знакомых встретишь?

Петр. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой; и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают дома — беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый; я, знаешь, от него не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» «Из Мышкина», говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо». «Мудреного нет», говорю; а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытает. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей публике-то. Так он не знал, как откатиться от меня; ровно я его из штуцера застрелил. Встреча что!

Аксюша. А проживем мы деньги, что ж потом?

Петр. Вот тут-то я не додумал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

Аксюша. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петр. Надоедать, стало быть?

Аксюша. Да. Ну, уж там, коли... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно.

Вбегает мальчик.

Что?

Мальчик. Тятенька. *(Быстро убегает.)*

Петр *(проворно)*. Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай!

Целуются и расходятся.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. *Ему лет 35-ть, но на лицо он гораздо старее, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусинное пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемодан, вроде ранца, на ремнях. Он, видимо, утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается* Счастливцев; *ему лет за 40, лицо как будто нарумяненное, волоса на голове вроде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепельного цвета, глаза быстрые, выражающие и насмешливость, и робость в одно и то же время. На нем голубой галстух, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик — все очень поношенное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой. Сходятся.*

Несчастливцев *(мрачно)*. Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. *(Полузаискивающим, полунасмешливым тоном.)* А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев *(густым басом)*. В карете. *(Горячо.)* Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев *(робко)*. Нет, я так-с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев *(указывая на пень)*. Я здесь, а ты где хочешь. *(Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.)*

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев *(садится на землю подле пня)*. Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа,

братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске. Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливцев. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливцев. Как еще ты глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в труппу,— должен я к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливцев. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливцев. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев *(басом)*. Драмы есть?

Счастливцев. Только две-с, а то все водевили.

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливцев. Денег стоит-с. Бутафорские мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливцев. И все это ты стяжал?..

Счастливцев. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливцев. А платье у тебя где ж?

Счастливцев. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливцев. Ну, а как же ты зимой?

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так ведь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

Несчастливцев. Тепло?

Счастливцев. Ничего, доехал-с; а много больше тридцати градусов было. Зимняя дорога-то Двиной, между берегов-то тяга; ветер-то с севера, встречу. Так вы в Вологду-с? Там теперь и труппы нет.

Несчастливцев. А ты в Керчь? И в Керчи тоже, брат, труппы нет.

Счастливцев. Что ж делать-то-с, Геннадий Демьяныч, пройду в Ставрополь или в Тифлис, там уж неподалеку-с.

Несчастливцев. Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?

Счастливцев. В Кременчуге-с.

Несчастливцев. Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?

Счастливцев. После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось; образованные одолели: из чиновников, из офицеров, из университетов — все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!

Несчастливцев *(со вздохом)*. Все там будем, брат Аркадий.

Счастливцев. Одна была у нас дорожка, Геннадий Демьяныч, и ту перебивают.

Несчастливцев. Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка в трагики! Вот и нет никого.

Счастливцев. А ведь игры хорошей у образованных нет, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Нет. Какая игра! Мякина!

Счастливцев. Канитель.

Несчастливцев. Канитель, братец. А как пьесы ставят, хоть бы и в столицах-то. Я сам видел: любовник тенор, резонер тенор и комик тенор; *(басом)* основания-то в пьесе и нет. И смотреть не стал, ушел. Ты зачем это эспаньолку завел?

Счастливцев. А что же-с?

Несчастливцев. Скверно. Русский ты человек али нет? Что за гадость? Терпеть не могу. Обрей совсем или уж бороду отпусти.

Счастливцев. Я пробовал бороду-с, да не выходит.

Несчастливцев. Как так? Что ты врешь?

Счастливцев. Да вместо волос-то перья растут, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Гм! Перья! Рассказывай еще! Говорю тебе, обрей. А то попадешь мне под сердитую руку... с своей эспаньолкой... смотри!

Счастливцев *(робко)*. Обрею-с.

Несчастливцев. А я, брат Аркаша, там, на юге, расстроился совсем.

Счастливцев. Отчего же так-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несча-

стие. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, все копеечники. Хочу у вас, на севере, счастья попробовать.

Счастливцев. Да ведь и у нас то же самое, и у нас не уживетесь, Геннадий Демьяныч. Я вот тоже не ужился.

Несчастливцев. Ты... тоже!.. Сравнял ты себя со мной.

Счастливцев *(обидясь)*. Еще у меня характер-то лучше вашего, я смирнее.

Несчастливцев *(грозно)*. Что-о?

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Да как же, Геннадий Демьяныч-с? Я смирный, смирный-с... Я никого не бил.

Несчастливцев. Так тебя били, кому только не лень было. Ха-ха-ха! И всегда так бывает: есть люди, которые бьют, и есть люди, которых бьют. Что лучше, не знаю: у всякого свой вкус. И смеешь ты...

Счастливцев *(отодвигаясь)*. Ничего я не смею, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливцев. Не ужились?.. А тебя из какого это города губернатор-то выгнал? Ну, сказывай!

Счастливцев. Что сказывать-то? Мало ли что болтают. Выгнал... А за что выгнал, как выгнал?

Несчастливцев. Как выгнал? И то слышал, и то известно, братец. Три раза тебя выбивали из города; в одну заставу выгонят, ты войдешь в другую. Наконец уж губернатор вышел из терпения: стреляйте его, говорит, в мою голову, если он еще воротится.

Счастливцев. Уж и стрелять! Разве стрелять можно?

Несчастливцев. Стрелять не стреляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливцев. Совсем и не четыре.

Несчастливцев. Ну, будет, Аркадий! Не раздражай ты меня, братец! *(Повелительно.)* Подвигайся! *(Встает.)*

Счастливцев. Подвигаюсь, Геннадий Демьяныч. *(Встает.)*

Несчастливцев. Да, брат Аркадий, разбился я с театром; а уж и жаль теперь. Как я играл! Боже мой, как я играл!

Счастливцев *(робко)*. Очень хорошо-с?

Несчастливцев. Да, так-то хорошо, что... Да что с тобой толковать! Что ты понимаешь! В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфыч Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо... *(С силою опускает руку на плечо Счастливцеву.)*

Счастливцев *(приседая от удара)*. Ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердуйте. Не убивайте! Ей-богу, боюсь.

Несчастливцев. Ничего, ничего, брат; я легонько, только пример... *(Опять кладет руку.)*

Счастливцев. Ей-богу, боюсь! Пустите! Меня ведь уж раз так-то убили совсем до смерти.

Несчастливцев *(берет его за ворот и держит)*. Кто? Как?

Счастливцев *(жмется)*. Бичевкин. Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, тебя вот как в окно выкину: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и высажу. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, молил и на коленях стоял. «Дяденька, говорю, не убейте меня!» — «Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!» Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу, губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтоб я в самом деле его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я пробормотал сцену, уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь-зверем; взял меня левой рукой за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется да кулаком меня по затылку как хватит... Света я не взвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали, публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калекой мог быть, немножко бог помиловал... Пустите, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев *(держит его за ворот)*. Эффектно! Надо это запомнить. *(Подумав.)* Постой-ка! Как ты говоришь? Я попробую.

Счастливцев *(падая на колена)*. Батюшка, Геннадий Демьяныч!..

Несчастливцев *(выпускает его)*. Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит»... *(Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.)* Лестно. *(Совершенно равнодушно.)* У тебя табак есть?

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да ведь и у вас нет?

Несчастливцев. «У вас нет». Смеешь ты мне это говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Криона, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел-с.

Несчастливцев. А денег с тобой много?

Счастливцев. У меня и сроду много-то не было, а теперь копейки за душой нет.

Несчастливцев. Как же в дорогу без денег-то? Без табаку и без денег. Чудак!

Счастливцев. Лучше, не ограбят-с. Да разве не все равно без денег-то, что на месте сидеть, что по дороге идти?

Несчастливцев. Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, христовым именем пропитаешься; а дальше-то как? Землей войска Донского? Там, не то что даром, а и за деньги не накормят табачника. Облика христианского на тебе нет, а ты хочешь по станицам идти: ведь казачки-то тебя за беса сочтут — детей стращать станут.

Счастливцев. Уж вы не хотите ли мне взаймы дать, Геннадий Демьяныч? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиков и осталась. Вот покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последним поделится. Всем бы трагикам с него пример брать.

Несчастливцев. Ну, ты этого мне не смей говорить! И у меня тоже душа широкая; только денег я тебе не дам, самому, пожалуй, не хватит. А пожалеть тебя, брат Аркашка, я пожалею. У тебя нет тут поблизости родных или знакомых?

Счастливцев. Нет; да ведь если б и были, так они денег не дадут.

Несчастливцев. Не об деньгах речь! А хорошо бы отдохнуть с дороги, пирогов домашних, знаешь,

наливочки попробовать. Как же это, братец ты мой, у тебя ни родных, ни знакомых нет? Что же ты за человек?

Счастливцев. Да ведь и у вас тоже нет.

Несчастливцев. У меня-то есть, да я было хотел мимо пройти, горд я очень. Да уж, видно, завернуть.

Счастливцев. Ведь и у родных-то тоже не велика радость нам, Геннадий Демьяныч. Мы народ вольный, гулящий,— нам трактир дороже всего. Я у родных-то пожил, знаю. У меня есть дяденька, лавочник в уездном городе, верст за пятьсот отсюда, погостил я у него, да кабы не бежал, так...

Несчастливцев. Что же?

Счастливцев. Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три, надоело; дай, думаю, дяденьку навещу. Ну, и пришел-с. Долго меня в дом не пущали, всё разные лица на крыльцо выглядывали. Наконец выходит сам. «Ты, говорит, зачем?»— «Навестить, говорю, вас, дяденька».— «Значит, ты свои художества бросил?»—«Бросил», говорю. «Ну, что ж, говорит, вот тебе каморка, поживи у меня, только прежде в баню сходи». Стал я у них жить. Встают в четыре часа, обедают в десять; спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей, сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно вымерли. Дядя с утра уйдет в лавку, а тетка весь день чай пьет и вздыхает. Взглянет на меня, ахнет и промолвит: «Бесчастный ты человек, душе своей ты погубитель!» Только у нас и разговору. «Не пора ли тебе, душе своей погубитель, ужинать; да шел бы ты спать».

Несчастливцев. Чего ж тебе лучше?

Счастливцев. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул головой, чтоб она вышла, погодя немного опять эта мысль, вечером опять. Нет, вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка. Вот каково нашему брату у родных-то.

Несчастливцев. Я бы и сам, братец, не пошел, да, признаться тебе сказать, устал, а еще до Рыбинска с неделю пропутешествуешь, да и дело-то найдешь ли, неизвестно. Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливцев. Тогда бы уж и хлопотать нечего-с, мы бы сами-с... остальных подобрать легко. Мы бы такую труппу составили... я кассиром...

Несчастливцев. За малым дело стало, актрисы нет.

Счастливцев. Да их теперь и нигде нет-с.

Несчастливцев. Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь.

Счастливцев. Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь.

Несчастливцев. Ты у меня не смей острить, когда я серьезно разговариваю. У вас, водевильных актеров, только смех на уме, а чувства ни на грош. Бросится женщина в омут головой от любви,— вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю. Вытащу из омута, тогда поверю. Ну, видно, идти.

Счастливцев. Куда-с?

Несчастливцев. Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был, а ведь я чуть не родился здесь. Детские лета, невинные игры, голубятни, знаешь ли, все это в памяти. *(Опускает голову.)* Что ж, отчего ей не принять меня? Она уж старушка; ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесят лет. Я ее не забывал, посылал, братец, ей часто подарки. Из Карасубазара послал ей туфли татарские, мороженую нельму из Иркутска, бирюзы — из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык — из Новочеркасска, малахитовые четки — из Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы нам с тобой подъехать к крыльцу в карете; дворня навстречу... А теперь пешком, в рубище. *(Утирает слезы.)* Горд я, Аркадий, горд. *(Надевает чемодан.)* Пойдем, и тебе угол будет.

Счастливцев. Куда же, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Куда? *(Указывает на столб.)* Читай!

Счастливцев *(читает)*. В усадьбу «Пеньки», помещицы г-жи Гурмыжской.

Несчастливцев. Туда ведет меня мой жалкий жребий. Руку, товарищ.

Медленно уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ГУРМЫЖСКАЯ.

БУЛАНОВ.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ.

СЧАСТЛИВЦЕВ.

ВОСМИБРАТОВ.

ПЕТР.

КАРП.

Старый густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гурмыжская на террасе. Буланов в саду.

Буланов *(увидав Гурмыжскую, помогает ей сойти с террасы и целует ее руку)*. С добрым утром, Раиса Павловна!

Гурмыжская. Здравствуй, мой друг!

Буланов *(с участием)*. Как ваше здоровье-с?

Гурмыжская. Благодарю тебя, мой милый. Я здорова и как-то особенно свежо чувствую себя сегодня, несмотря на то, что плохо ночь спала. Какое-то волнение, и такие все неприятные сны видела. Ты снам веришь?

Буланов. Как же не верить-с? Может быть, если б я поучился побольше, я б и не верил-с. *(Злобно улыбаясь.)* А ведь я не доучился-с, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снам верю-с.

Гурмыжская. Бывают сны, которых целый день не выживешь из головы.

Буланов. Что же вы, Раиса Павловна, изволили видеть?

Гурмыжская. Ну, положим, что я тебе всего не скажу.

Буланов. Извините!

Гурмыжская. И вины никакой нет. Другой сон я тебе скажу, а этот нет.

Буланов. Отчего же-с?

Гурмыжская. Оттого, что рассказывать сны иногда

точно то же, что рассказывать свои тайные мысли или желания; а это не всегда удобно: я — женщина, ты — мужчина.

Буланов. Так что ж, что мужчина-с?

Гурмыжская. Уж это такая невинность, что из рук вон. Ну, я тебя видела.

Буланов. Меня? Это мне очень приятно-с.

Гурмыжская. Будто?

Буланов. Значит, вы обо мне думали-с, как почивать ложились.

Гурмыжская. Скажите пожалуйста! И ты этим очень доволен?

Буланов. Да как же не доволен-с? Я все боюсь, что вы на меня рассердитесь за что-нибудь и прогоните к маменьке.

Гурмыжская. Ах, как это смешно! Да за что же мне рассердиться на тебя? Бедный, ты меня боишься?

Буланов. Как же не бояться; говорят, вы очень строги.

Гурмыжская. Это хорошо, что так говорят. Но с тобой, мой друг, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Буланов. Хорошо-с. Вот, если б я знал...

Гурмыжская. Что?

Буланов. Как угодить вам.

Гурмыжская. Догадайся.

Буланов. Догадаться-то разве легко-с? Да у меня на это и ума нет.

Гурмыжская. На что́ же у тебя ум?

Буланов. На все, что прикажут; вот еще имением управлять, мужиками-с. Если б были крепостные, вам бы лучше меня управляющего не найти; нужды нет, что я молод.

Гурмыжская. Ах, этот сон! Нейдет из головы, да и только.

Буланов. Чем же он вас так беспокоит?

Гурмыжская. Довольно трудно объяснить; но с тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мне предан. Вот видишь: у меня есть племянник.

Буланов. Я знаю-с. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская. Мой друг, иногда говорят одно, а думают совсем другое. Зачем я всякому стану объяснять свои чувства! Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Б у л а н о в. А в самом-то деле не любите?

Г у р м ы ж с к а я. Не то, что не люблю, а... как тебе сказать... он теперь лишний. Я так покойна, я уж задумала, как мне распорядиться своим состоянием, и вдруг он явится. Как ему отказать! Надо будет и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Б у л а н о в. Так вы не отдавайте-с.

Г у р м ы ж с к а я. Да нельзя. За что ж я ему откажу, если он почтителен и ведет себя хорошо! Да я здесь так себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если он приедет без средств? Надо будет его содержать; пожалуй, захочет поселиться у меня. Ведь не выгнать же его.

Б у л а н о в. Прикажите мне, я выгоню.

Г у р м ы ж с к а я *(с испугом)*. Ах, сохрани тебя бог! Береги себя, береги! Вот что я видела во сне: будто он приехал и убил тебя из пистолета при моих глазах.

Б у л а н о в. Меня? Ну, еще мы это посмотрим-с. Да вы, Раиса Павловна, лучше о нем не думайте, а то он все вам будет сниться.

Г у р м ы ж с к а я. Он очень умен был до сих пор, пятнадцать лет сюда и не заглядывал. Желала бы я, очень желала, чтоб и еще пятнадцать лет так прошло.

Б у л а н о в. Так вы, Раиса Павловна, лучше о нем забудьте совсем и не говорите, а то, чего доброго, накличете, пожалуй.

Г у р м ы ж с к а я. В самом деле, как бы не накликать.

Входит К а р п.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г у р м ы ж с к а я, Б у л а н о в, К а р п.

К а р п. Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самовар готов-с.

Г у р м ы ж с к а я. Пойдем, Алексис!

К а р п. Сударыня, сегодня ночью барин приехали.

Г у р м ы ж с к а я. Барин? Какой барин?

К а р п. Геннадий Демьяныч-с.

Г у р м ы ж с к а я *(с испугом)*. Неужели? Слышишь, Алексис? *(Карпу.)* Где же он?

К а р п. Я их в беседку проводил, там и почивать им приготовил-с. Они говорили, что остановились в городе в гостинице, всю поклажу там оставили, а к нам пешком из городу заместо прогулки.

Гурмыжская. Еще ничего не говорил?
Карп. Ничего-с. Они были не в духе-с.
Гурмыжская. Как не в духе?
Карп. Как вроде в забвении-с; надо полагать с дороги-с. Требовали бумаги и чернил; долго ходили по беседке, всё думали; сели к столу, написали записку и приказали вам отдать. *(Подает записку.)*
Гурмыжская. Что такое? Стихи какие-то. *(Читает.)*

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...

Что это, Алексис? Я не понимаю.
Буланов. Вы не понимаете, а мне-то где же-с?
Гурмыжская *(Карпу)*. Он спит?
Карп. Никак нет-с. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я их сегодня не видал-с.
Гурмыжская. Ну, когда придет, проси в гостиную чай кушать!
Карп. Слушаю-с. *(Уходит.)*
Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Вот и не верь снам. Пойдем, Алексис.

Уходят.
Выходят: Несчастливцев, одетый очень прилично, на голове черная складная шляпа, и Счастливцев в прежнем костюме.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Несчастливцев, Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. *(Грозит пальцем.)* Смотри, не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке или майор, уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей.
Счастливцев. Как лакей?
Несчастливцев. Так, просто, лакей, да и все тут. Нельзя ж мне тебя вести в гостиную! Как я тебя представлю тетеньке? Она женщина набожная, в доме, братец, тишина, скромность — и вдруг, представьте себе,— физиономия. А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз.

Счастливцев. Нет уж, извините! Это еще неизвестно.

Несчастливцев. Что неизвестно?

Счастливцев. Насчет рожи-то.

Несчастливцев. Нет, уж ты, брат Аркадий, не сомневайся.

Счастливцев. Да, как же!

Несчастливцев *(грозно)*. Так же, говорю я тебе! Чего тебе еще? Накормят тебя здесь хорошо, служить ты будешь только мне.

Счастливцев. Да ведь я горд, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Очень мне нужно, что ты горд. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься! Как ты, братец, глуп!

Счастливцев. Да ведь то на сцене.

Несчастливцев. Ну, и ты, братец, представь себе, что ты на сцене.

Счастливцев. Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду; и у меня есть амбиция.

Несчастливцев. Я знаю, что амбиция есть; а паспорт есть ли?

Счастливцев. Вам что за дело?

Несчастливцев. А вот что: уйди, попробуй, так увидишь. Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как бродяга. Я ведь знаю, ты двенадцать лет без паспорта ходишь. Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актер такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид. Ну, что ж ты замолчал? То-то же! А ты сделай, братец, для меня! Кто тебя просит, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцев. Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцев. Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец; дом такой: тишина, смирение. А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ. Только ты насчет ссоры или драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя как следует порядочному лакею. Вот, во-первых, сними, братец, картуз да отойди к стороне, кто-то идет.

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Несчастливцев, Счастливцев, Карп.

Карп. Здравствуйте, батюшка барин! Как почивать изволили?

Несчастливцев. Ничего, братец, соснул недурно.

Карп. Что это, сударь, как вы постарели.

Несчастливцев. Жизнь, братец...

Карп. Понимаю, сударь, как не понимать. Тоже ведь эта служба...

Несчастливцев. Да, братец, эта служба...

Карп. Опять же, сударь, и походы...

Несчастливцев *(со вздохом)*. Ох, походы, походы!

Карп. С места на место, сударь...

Несчастливцев. Да, брат, с места на место. Вы как здесь поживаете?

Карп. Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью. Пожалуйте, сударь, пожалуйте! Тетенька вас чай кушать дожидаются.

Несчастливцев *(подходя к террасе)*. Послушай, Карп, не забудь моего Аркашку, напой чайком, братец!

Карп. Слушаю, сударь, будьте покойны.

Несчастливцев уходит.

Счастливцев. Ах, черт возьми, ушел, оставил с хамом. Вот уж он и с разговором лезет.

Карп. Как вас звать?

Счастливцев. Сганарель.

Карп. Вы кто же будете? Иностранец, что ли?

Счастливцев. Иностранец буду. А вас как?

Карп. Карп Савельич.

Счастливцев. Не может быть.

Карп. Верно.

Счастливцев. Да ведь карп — рыба.

Карп. То карпия.

Счастливцев. Да что карпия, что карп — все равно. Уж лучше бы вас Сазаном Савельичем звали.

Карп. Ну, как можно. Хотите чаю?

Счастливцев. Нет.

Карп. Как нет?

Счастливцев. Так, нет.

Карп. Так-таки совсем и не хотите?

Счастливцев. Совсем и не хочу.

Карп. Да почему же так?

Счастливцев. Потому же.
Карп. Это я не понимаю.
Счастливцев. Очень просто. Оно после купанья-то лучше бы...
Карп. Само собой, что лучше бы... только где взять?
Счастливцев. Потрудитесь, Окунь Савельич!
Карп. Да не окунь, Карп. Нешто у ключницы попросить?
Счастливцев. Попросите да принесите к нам в беседку!
Карп. Да уж постараюсь для вас.
Счастливцев. Постарайтесь, Налим Савельич! *(Кланяется и уходит.)*
Карп. Ах, шут гороховый! Откуда его вывезли, из каких таких земель? Должно быть, издалёка. Вот так камардин. Да и то сказать — образование; а здесь что? Одно слово: лес.

Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Карп, Восмибратов, Петр.

Карп. Вам что?
Восмибратов. Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.
Карп. Дожидайтесь своего термину, когда вас позовут.
Петр. Да чудак, ведь у нас с тятенькой дела.
Карп. Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лезете!
Петр. А ты все-таки поди доложь, попробуй!
Карп. Как вы говорите доложить, коли заняты с полковником. Племянник ихний приехал.
Восмибратов. Полковник?
Карп. Разумеется, полковник... Пятнадцать лет не видавшись.
Восмибратов. Надолго?
Карп. Зачем ему надолго? Совсем приехали.
Восмибратов *(подумав)*. Строги?
Карп. Само собой, а то как же! Об чем говорить еще! Какое звание. Возьмите себе в ум!
Восмибратов *(махнув рукой)*. Ну, пущай их!.. А ты все-таки в свое время... *(Уходит, за ним Петр.)*
Карп. Учите еще!

Выходят из дому Несчастливцев и Буланов. Карп уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несчастливцев и Буланов.

Несчастливцев. Какова у меня сестренка, братец?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Женись, братец, женись!

Буланов. Вы одобряете?

Несчастливцев. Да мне-то что за дело? Родятся люди, женятся, умирают; значит, так нужно, значит, хорошо.

Буланов. Прошу вас полюбить меня-с.

Несчастливцев. Да на что тебе моя любовь? Что в ней, братец, толку?

Буланов. Все-таки-с.

Несчастливцев. Разве наследства ждешь? Жди, братец, жди! А ты вот что: ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая. Молод еще ты; а, впрочем, как знать, эти способности рано открываются. Умеешь?

Буланов *(стыдливо)*. Умею-с.

Несчастливцев. Браво! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Буланов. Чему-с?

Несчастливцев. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Буланов. Нужда научит-с.

Несчастливцев. Нужда? А почем ты ее знаешь, эту нужду-то?

Буланов. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Несчастливцев. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет. Чем ты несчастлив, говори!

Буланов. Во-первых, мне папенька мало наследства оставил.

Несчастливцев. А тебе сколько нужно?

Буланов. Хоть бы тысячи две, три десятин земли-с или деньгами тысяч сорок-с.

Несчастливцев. И ты был бы счастлив? Немного же тебе, братец, надо.

Буланов. Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-с.

Несчастливцев. Ну, подожди, братец, я тебе больше оставлю.

Б у л а н о в. Вы нарочно-с?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ну, вот еще! Родных у меня нет, ты мне очень понравился. А еще какое несчастье у тебя?

Б у л а н о в. Ученьем несчастлив-с... я даже в гимназии не кончил-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(снимает шляпу и кланяется)*. Уж ты меня, братец, извини, сделай милость!

Б у л а н о в. В чем же-с?

Н е с ч а с т л и в ц е в. В этом я тебе помочь никак не могу. И рад бы, да не могу.

Б у л а н о в. Да ничего, помилуйте-с! Это и не нужно-с; были бы деньги. Маменька говорит, что у меня ум не такой, не для ученья-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Какой же?

Б у л а н о в. Практический-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бывает, что и никакого нет.

Б у л а н о в. Да и это ничего-с. Было бы только земли побольше, да понимать свой интерес, помещичий; а то и без ума можно прожить-с!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Да оно и лучше, голове легче. Так ума у тебя нет? Хоть папиросы есть ли?

Г у р м ы ж с к а я показывается на террасе.

Б у л а н о в *(смеется)*. Тоже нет-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Чему же ты, братец, смеешься? Да ты куришь или нет?

Б у л а н о в *(тихо)*. Я курю-с, и папиросы есть, только вот Раиса Павловна идут, а при них я никогда себе не позволяю.

Г у р м ы ж с к а я сходит в сад.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г у р м ы ж с к а я, Н е с ч а с т л и в ц е в, Б у л а н о в, потом К а р п.

Г у р м ы ж с к а я. Я бы тебя никак не узнала, так ты изменился. Благодарю, что ты меня не совсем забыл; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Могу ли я забыть вас! Вы не

знаете моего сердца. Я помнил вас, помню и буду помнить.

Г у р м ы ж с к а я. Знаю, мой друг, и благодарю тебя за память. Уж ничем ты мне так не угодил, как четками.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Когда я посылал эти четки, я думал: «добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!»

Г у р м ы ж с к а я. Поминаю, мой друг, поминаю. Однако я до сих пор не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты уж больше не служишь в военной службе.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. Но, если... а!.. мне по душе кровавые потехи! Служить в мирное время для чинов, для почестей!.. Я не честолюбив.

Г у р м ы ж с к а я. Но я не думаю, чтоб ты мог жить без дела. Ты, вероятно, только переменил службу?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Переменил.

Г у р м ы ж с к а я. И ты доволен своим положением?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Моя служба, тетушка, по мне: я доволен, и мной довольны.

Г у р м ы ж с к а я. Ты в отпуске?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Нет, я проездом, захотелось отдохнуть.

Г у р м ы ж с к а я. Очень рада, что ты догадался навестить меня. Удобно ли тебе в беседке?

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, не беспокойтесь! Сад, природа, зелень, уединение! Это рай для моей души.

Входит К а р п.

К а р п. Сударыня, Восмибратов давно дожидается-с.

Г у р м ы ж с к а я. Ах да, я и забыла, что велела приходить ему пораньше. Позови его сюда!

К а р п уходит.

Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Нет, я гуляю только ночью. *(Буланову.)* Пойдем, братец, в беседку!

Б у л а н о в. Пойдемте-с.

Уходят. Входят В о с м и б р а т о в и П е т р.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Ты меня извини, я про тебя и забыла.
Восмибратов. Ничего-с. Племянничек приехал?
Гурмыжская. Да, племянник.
Восмибратов. Дело хорошее-с. Однако, сударыня, не задерживайте!
Гурмыжская. Нет, уж я теперь тебя не задержу.
Восмибратов. То-то уж, не задерживайте-с!
Гурмыжская. Нет, нет, мы сейчас.
Восмибратов. Хорошо-с.

Молчание.

Гурмыжская. Ты принес?
Восмибратов. Как же, свое дело помним-с.
Гурмыжская. Ну, так вот мы сейчас.
Восмибратов. Хорошо, хорошо-с.

Молчание.

Гурмыжская. Так как же, много ль там?
Восмибратов. Пожалуйте-с.
Гурмыжская. Что?
Восмибратов. Записочку-с, условьицо-то наше.
Гурмыжская. Да как же, право; я не знаю, куда я ее дела.
Восмибратов. Поищите-с.
Гурмыжская. Где ж ее искать! Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.
Восмибратов. Как же это так-с? Ведь вы меня таким манером можете обидеть.
Гурмыжская. Что за вздор! Как я тебя обижу?
Восмибратов. Да как только вам угодно, так и обидите. Вы записочку потеряли, я тогда с вас тоже, по глупости, не взял. Вы скажете, что за десять тысяч продали: ведь уж я лес-то срубил и вывез, торговаться теперь не станешь.
Гурмыжская. Ну, вот еще! Разве ты меня не знаешь?
Восмибратов. Уж я на вас в надежде-с; потому я теперь весь в ваших руках-с.
Гурмыжская. А, впрочем, что ж тебе сомневаться, Иван Петрович; я тебе записку приготовила новую.
Восмибратов. Приготовили-с?

Гурмыжская. Да, что деньги я все сполна получила.

Восмибратов. Да-с. Это дело другое-с. Много вами благодарен. Однако же позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская. Вот она! *(Подает записку.)* Посмотри!

Восмибратов *(принимая)*. Без очков-то я не очень-с, а в очках-то еще хуже. Да вот сын прочитает. Петр, читай! *(Отдает записку Петру.)*

Петр *(читает)*. За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову...

Восмибратов. Да-с, это так точно-с!

Петр *(читает)*. ...на сруб лес в пустошах: Горелой и Палёной...

Восмибратов. Они самые-с.

Петр *(читает)*. ...и две десятины в Пылаевой, деньги все сполна получила, калиновская помещица Раиса Гурмыжская.

Восмибратов *(берет записку)*. Очень хорошо-с. *(Вынимает бумажник и тщательно укладывает в него записку.)* Извольте получить-с. *(Вынимает деньги и считает.)* Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... *(задумывается и как будто вспоминает)* восемьсот. Пожалуйте-с! *(Подает Гурмыжской.)*

Гурмыжская. Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно...

Восмибратов. Виноват-с, простите великодушно! Вот память-то! *(Вынимает деньги и подает.)* Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? Петрушка, так? Что ж ты молчишь? *(Грозно.)* Говори, дерево стоеросовое!

Петр. Так-с!

Гурмыжская. Иван Петрович, ты шутишь со мной? Три, а не две.

Восмибратов *(обидясь)*. Какие три! Что вы, помилуйте!

Гурмыжская. Разве ты забыл? За один полторы и за другой полторы.

Восмибратов. Нельзя этому быть-с, по расчету не выходит-с.

Гурмыжская. По какому расчету?

Восмибратов. Где ж у меня глаза-то-с! Нешто такой лес за три тысячи покупают? Ведь мы тоже норовим, чтоб без убытку.

Гурмыжская. Я на тебя надеялась, я тебя всем хвалила, что ты хороший, семейный человек...

Восмибратов. Это в состав не входит-с.

Гурмыжская. Если ты так, я не согласна.

Восмибратов. Как вам угодно-с. Прощения просим. Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Да я не согласна продать тебе за эту цену Палёную и Пылаеву. Ну, рассуди сам. Ведь есть у тебя рассудок?

Восмибратов. Как не быть? Нам без него нельзя-с. Это вот вашей милости точно, что рассудку не требуется, потому вы за готовым и так проживете. Если не согласны продавать, пожалуйте деньги назад; надо какой-нибудь конец сделать.

Гурмыжская. Полторы тысячи за Горелую оставлю, а пятьсот возьми.

Восмибратов. Нет, я вижу, нам долго торговаться-с. Я за Палёную и Пылаеву меньше двух тысяч не возьму, и то с вас только.

Гурмыжская. Как не возьмешь?

Восмибратов. Да так же-с. Я их купил у вас; за что, значит, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская. Если я тебе отдам две тысячи, мне за Горелую ничего не останется.

Восмибратов. Это уж ваше дело-с.

Гурмыжская. Нет, нет, не хочу, не хочу.

Восмибратов. Ежели бы вы для нас, так и мы бы для вас; а вы нашим родом и званием гнушаться изволите...

Петр. Тятенька!

Восмибратов. Убью.

Гурмыжская Нет, нет. Ты возьми пятьсот рублей.

Восмибратов. Чего ежели невозможно, зачем говорить! Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Так как же?

Восмибратов. Это и малый ребенок поймет. Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне расписочку дали; значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон да и вон. Прощенья просим! *(Уходит; за ним Петр.)*

Гурмыжская. Что ж это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ничего-то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. Видно, уж так мне на роду написано. *(Уходит на террасу.)*

Входят Несчастливцев и Буланов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов.

Буланов. Как вы фокусы делаете бесподобно-с! Как же это у вас девятка-то...

Несчастливцев. Вольт, братец!

Буланов. Научите меня вольты делать!

Несчастливцев. Зачем?

Буланов. Вот видите ли, помещики у нас кругом богатые... иногда в карты-с... что ж мне за расчет проигрывать; я человек бедный-с.

Несчастливцев. Да ты, братец, молодец совсем.

Гурмыжская *(сходя с террасы)*. Представь, Алексис, я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.

Буланов. Как же это-с?

Гурмыжская. Я сама виновата: я ему вперед расписку отдала, что я все сполна получила, ну, он и дал только две.

Несчастливцев *(грозно)*. Ах, анафема!

Буланов. Зачем же вы так-с? Ах, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская. Уж теперь нечего делать, мой друг; хорошо, что и две-то дал.

Несчастливцев *(с жаром)*. Как нечего? Воротить его! *(Поднимая глаза к небу.)* Что я с ним сделаю! Боже, что я с ним сделаю!

Буланов. Да ведь у него расписка.

Несчастливцев. Толкуй еще! Нужно мне очень расписки знать! Где он? Подайте его сюда! Что я с ним сделаю!

Входят Карп и Счастливцев.

Гурмыжская *(Буланову)*. Ах, какой он страшный! Пойдем, пойдем!

Буланов. Позвольте, я останусь; любопытно-с.

Гурмыжская уходит.

Ушел Иван Петров?

Карп. Нет еще, здесь, на дворе-с.

Несчастливцев. Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи!

Карп уходит.

Несчастливцев. Аркашка, подай мои ордена!

Счастливцев уходит.

Буланов. Что же вы с ним будете говорить?

Несчастливцев. Почем я знаю, братец, что я буду говорить!

Буланов. Да разве можно против документов-с?

Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подьячий. Да отстань ты от меня, мне теперь, братец, не до тебя.

Счастливцев приносит бутафорские ордена, Несчастливцев надевает их.

Буланов. Какие же это ордена-с? Иностранные?

Входят Карп, Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Восмибратов. Чего еще? Какая такая надобность? У нас тоже свое дело есть, разговоры-то уж нам надоели.

Карп. Пожалуйте! Мне что, коли требуют.

Буланов. Это иностранные ордена-с?

Несчастливцев. Иностранные. Оставь, братец, меня в покое! *(Восмибратову.)* Поди сюда!

Восмибратов. Желаю здравствовать, ваше высокородие! Имени, отечества не знаю-с...

Несчастливцев. Поди сюда, говорят тебе!

Восмибратов *(сыну)*. Петрушка, отдайся к стороне! Отойди маненько! Вот так-то! *(Несчастливцеву.)* Что же будет вам угодно-с?

Несчастливцев. Не могу же я с тобой за версту разговаривать.

Восмибратов. Может, на ухо крепки-с, так мы подойдем, важности не состоит.

Несчастливцев. Как же ты посмел подумать!..

Восмибратов. Позвольте-с!

Несчастливцев. Молчи! Такая женщина! И ты...

Восмибратов. Какая женщина? Позвольте-с...

Несчастливцев. Какая женщина! Он спрашивает!

Молчи, говорят тебе! Женщина, перед которой все, все, даже я...я благоговею! И ты, презренный алтынник!..

В о с м и б р а т о в. Насчет чего же это-с?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Не перебивай меня! Благодари бога, что у меня еще есть капля терпения! Горе тебе, если его не будет! *(Грозит пальцем.)*

В о с м и б р а т о в. Петрушка! Что ты рот разинул! Стой хорошенько!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Несчастный! Не становись между львом и его...

В о с м и б р а т о в. Что же вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ты, ты?.. Ты будешь кричать?

В о с м и б р а т о в. Да отчего ж не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промеж себя говорим тихо, потому у нас глухих нет.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(Буланову)*. Что он говорит? Что он говорит? Что он смеет говорить?

Б у л а н о в. Да-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?

В о с м и б р а т о в. Это на что же-с! А вы позвольте, что вам угодно? Потому мне тут даром гостить нечего.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно! А! Ха, ха, ха! Мне угодно сказать тебе, что ты мошенник.

В о с м и б р а т о в. Нет, вы уж это оставьте! Ни к чему не ведет. По нынешнему времени это лишнее.

П е т р. Какие комплименты!

В о с м и б р а т о в. Петрушка, поди сюда!

П е т р. Я здесь, тятенька.

В о с м и б р а т о в. Коли есть дело, так говорите, а нет, так прощенья просим. Да вот что, лучше ко мне пожалуйте, мне дома-то слободнее разговаривать. Петр, пойдем!

Н е с ч а с т л и в ц е в *(грозно)*. Постой!

П е т р. За постой-то деньги платят.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Как же ты обманул честную женщину!

В о с м и б р а т о в. Обманул! Говорить-то все можно. Отчего же вы тетеньке верите, а мне нет?

Несчастливцев. Он спрашивает... Она кроткая, как ангел, и он... *(Всплеснув руками.)* Он еще разговаривает! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего стоит!

Восмибратов. Петрушка, стань тут!

Петр. Однако, тятенька, уж довольно бы этих куплетов слушать...

Несчастливцев. Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратов. Этого у них никто не отнимает, только что рассудку... в умалении.

Несчастливцев. Что твой рассудок! На что твой рассудок! Рассудок вершок, золотник, гран; а честь бесконечна. И ее-то у тебя нет.

Восмибратов. Нет уж, барин, ты что хочешь говори, а чести не трошь; судиться буду. Как так у меня чести нет? Коли я свои документы оправдываю — вот моя и честь. Да про меня спроси на сто верст, все тебе то же скажут. Мало тебе, я сам про себя скажу, что я — честный человек. Уж насчет там чего другого я не хвалюсь, а насчет чести я вот что скажу, барин: я не человек, я — правило.

Несчастливцев *(садится к столу и опускает голову)*. Ступай!

Восмибратов. Чего, ступай?

Несчастливцев. Довольно! Пошел вон! О, люди, люди!

Восмибратов. Чего довольно? Нет, погоди. Хочешь, барин, я тебя одним словом убью?

Несчастливцев. Меня?

Восмибратов. Да, тебя. *(Подходит, вынимает бумажник и бросает на стол.)* Видал ты это?

Несчастливцев. Что такое?

Восмибратов. Может, твоя тетенька сама забыла; ну, да бог с ней, ты ей веришь, бери на свою совесть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Буланов. Берите скорей!

Несчастливцев *(Буланову)*. Пошел прочь! *(Восмибратову, отдавая бумажник.)* Отдай сам!

Восмибратов. То-то сам. *(Отсчитывает деньги.)* Вот я какой человек. В поминанье меня запишите!

Несчастливцев. Руку!

Восмибратов. Чего руку! *(Подает руку.)* Давно бы так. Я какой человек? Ты, должно быть, барин,

знаешь мой характер? Коли меня раздразнить, я в задор войду — все отдам. Точно, что мы торговались за три, кажись, а наверное не скажу... Документов нет, моя воля. На вот, отдай им тысячу рублей. А все-таки скажу: не порядок.

Входит Гурмыжская.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр и Карп.

Несчастливцев *(подавая Гурмыжской деньги)*. Вот ваши деньги, получите. *(Отходит к стороне и стоит, скрестя руки и опустя голову.)*

Гурмыжская. Очень тебе благодарна, мой друг!

Восмибратов. Получили-с? А только, если б не барин, не видать бы вам этих самых денег. Да и я-то бы против себя виноват был; потому тоже совесть.

Гурмыжская. Ты на меня не сердись, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.

Восмибратов. От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет Пеньков...

Гурмыжская. Ну, и насчет Пеньков.

Восмибратов. Прощения просим! Прощай, барин сердитый! Петр, пойдем. *(Уходит; за ним Петр и Карп.)*

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Ах, как я тебе благодарна! А ты знаешь ли, ведь я тебе еще должна ровно такую сумму. *(Как бы спохватившись, торопливо прячет деньги.)*

Несчастливцев. Не верю.

Гурмыжская *(запирая коробку)*. Я твои деньги берегу, мой друг, берегу!

Несчастливцев. Ах, тетушка, оставьте свои хитрости! Как вам не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мне денег, да не знаете, как это сделать поделикатнее. Вы мне должны! Ну, и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат.

Гурмыжская. Ну, как хочешь, мой друг.

Счастливцев *(про себя)*. Что он ломается без копейки-то.

Гурмыжская *(взглянув на Буланова)*. Я надеюсь, что ты погостишь у нас.

Несчастливцев. Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская. Что ж так мало?

Несчастливцев. С меня довольно. Навестить родные кусты, вспомнить дни глупого детства, беспечной юности... Кто знает, придется ли еще раз пред вратами вечности...

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стеснишь меня? Напротив, я была бы очень рада!

Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская *(показывает глазами Буланову, что она очень довольна)*. Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез. *(Утирает слезы.)* Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! *(Закрывает лицо рукою и уходит.)*

Счастливцев идет за ним, но останавливается и смотрит из-за куста.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Гурмыжская, Буланов, Счастливцев за кустом.

Гурмыжская. Ушел. Ну, теперь я покойна, он мне не помешает. Он какой-то восторженный! Просто, мне кажется, он глупый человек. А как я давеча испугалась! Как он страшен!

Буланов. Нет, это ничего-с, это с простым народом очень хорошо-с.

Гурмыжская. Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой друг! Этот сон у меня из головы нейдет... у него такой бешеный характер.

Буланов. Да не беспокойтесь, мы с ним подружились.

Гурмыжская. Я никак не ожидала... Сам от денег отказывается! Как это мило с его стороны! И напрасно я напоминала про этот долг. С чего это я расчувствовалась! Играешь-играешь роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать.

Буланов. Я не знаю, я еще молод-с; а умные люди говорят, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская. Да я не скупа; кого я полюблю, тому я всё отдам.

Буланов. А у вас много денег-с?

Гурмыжская. Много. Вот посмотри! *(Открывает коробку.)*

Буланов смотрит и вздыхает.

И все эти деньги я отдам тому, кого полюблю.

Буланов *(с глубоким вздохом)*. Ох-с!

Гурмыжская. Вот, что я хотела тебе сказать, Алексис! Ты держишь себя очень подобострастно, ты все еще смотришь мальчиком; это мне не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это в тебе от бедности. Ну, мы как-нибудь этому горю поможем, сделаем тебя посолиднее. Я хочу, чтоб ты был посолиднее, Алексис. На днях ты поедешь в губернский город, закажи себе побольше хорошего платья, попросторнее, купи дорогие золотые часы с цепочкой, ну, и прочее... Кроме того, нужно, чтоб у тебя постоянно было много денег в кармане; это придаст тебе aplomb. *(Вынимает из коробочки деньги, которые ей передал Несчастливцев.)* Это деньги глупые, я их получила случайно. Я тебе их дарю.

Буланов *(потерявшись)*. Мне-с? *(Берет деньги.)* Благодарю-с. *(Целует руку.)* Солидным приказываете быть? Буду-с.

Гурмыжская. Пойдем, составим список, что тебе купить в городе.

Уходят.

Счастливцев. Прощай, денежки! Ох, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ГУРМЫЖСКАЯ.

БУЛАНОВ.

НЕСЧАСТЛИВЦЕВ.

СЧАСТЛИВЦЕВ.

АКСЮША.

ПЕТР.

КАРП.

УЛИТА.

Другая часть сада; направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ты, Аркадий, поужинал?

Счастливцев. Поужинал.

Несчастливцев. Хорошо тебя, братец, накормили?

Счастливцев. Отлично. Умный человек, Геннадий Демьяныч, нигде не пропадет.

Несчастливцев. Умный? Это ты про кого же?

Счастливцев. Про себя-с.

Несчастливцев. Ну, кто ж это тебе сказал, что ты умный? Ты, братец, не верь, тебя обманули.

Счастливцев. Даже очень умный-с. Вот, во-первых, я ем с барского стола, я сказал, что так приучен у вас; а во-вторых, сошелся с ключницей и по этому случаю, Геннадий Демьяныч, занял у нее денег, да еще у меня бутылка наливки в уголку подле кровати, будто вакса.

Несчастливцев. Для первого дебюта недурно, Аркашка. Ты, брат, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливцев. Я-то хорошо; вы-то как?

Несчастливцев. Я нынче счастлив, Аркадий; я сделал хорошее дело.

Счастливцев. Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливцев. Что?

Счастливцев. Ампошé.

Несчастливцев. Я тебе такое «ампошé» задам!

Счастливцев. Сколько денег в руках было! Ах, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. Были, да сплыли.

Счастливцев. Зачем же вы их отдали?

Несчастливцев. Ты помешался, Аркашка! Как зачем? Они не мои.

Счастливцев. Вот еще важность! Сейчас «давай бог ноги»! В город, на тройку... Покатили бы!.. потом на пароход в Ярославль, туда-сюда, а там в Нижний на ярмарку!

Несчастливцев. Удавить тебя, Аркашка, я так думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнее.

Счастливцев. Удавить! Вот вы говорите, что умны; а гимназист-то, видно, умнее; он здесь получше вашего роль-то играет.

Несчастливцев. Какая роль, братец. Ну, что он такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливцев. Какая роль? Первый любовник-с.

Несчастливцев. Любовник? *(Грозно.)* Чей?

Счастливцев *(комически-подобострастно)*. Тетеньки вашей.

Несчастливцев. Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожней, не болтай лишнего, за это вашего брата бьют.

Счастливцев. Ну да, бьют...

Несчастливцев. И очень больно.

Счастливцев. Как же не бить! *(Отходит к кустам.)* Он-то любовника играет, а вы-то... *(из-за куста)* простака.

Несчастливцев *(наступая)*. Я простака? Я?

Счастливцев *(перебегая на другую сторону)*. Над которым смеются.

Несчастливцев *(наступая)*. Надо мной смеются? Кто? Кто? Говори, несчастный!

Счастливцев *(отступая)*. Да будет вам пугать-то! Я убегу... Чем же я виноват, я сам слышал, своими ушами.

Несчастливцев. Да кто? Проклятие!

Счастливцев. Тетенька с Булановым.

Несчастливцев *(хватаясь за голову)*. О!

Счастливцев. Дураком называли. *(Прячется за куст.)*

Несчастливцев. Аркашка! Иль тебе твоя гнусная жизнь надоела! Так поди удавись сам! Не заставляй меня марать рук об тебя!

Счастливцев. Были деньги, да взять не сумели: по усам текло, да в рот не попало. А еще меня в товарищи звали! Коли товарищи, так все пополам,— тут и моя часть была.

Несчастливцев. Да ведь я тебя в товарищи-то не на разбой звал.

Счастливцев. Подайте мою часть, подайте!

Несчастливцев. Аркашка! Ты пьян, что ли?

Счастливцев. Ну, так что ж, что пьян! И горжусь этим.

Несчастливцев. Нет, убить, убить, и кончено дело! И разговаривать нечего!

Счастливцев *(отступая)*. Ну, да как не убить! *(Из-за куста.)* Руки коротки! *(Убегает.)*

Несчастливцев. Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! Но если... Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетушка, этот образец кротости и смирения... О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев! *(Уходит.)*

Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Карп, потом Улита.

Карп. Поужинали; барыня в спальню ушла, можно и отдохнуть. *(Садится на скамью.)*

Входит Улита и осматривается.

Погулять вышли?

Улита. Да, Карп Савельич. Ночь уж очень...

Карп. Действительно... располагает... Что ж, погуляйте! И то сказать, живой человек, а живой о живом и думает.

Улита. Вы это про что же?

Карп. Хоть бы про вас.

Улита. В каких смыслах?

Карп. Сами можете понять.

Улита. Нет, однако?
Карп. Да мне что! Как хотите! Я вам не муж.
Улита. Это даже очень глупо, что вы говорите.
Карп. Уж это как вам будет угодно.
Улита. Не понимаю, как люди завсегда во всем только дурное видят.
Карп. Ничего я ни дурного, ни хорошего не вижу; а только что удивительно...
Улита. Что удивительно?
Карп. При ваших таких летах...
Улита. Каких таких? Вы на моих крестинах не были. Нечего вам говорить-то, я вижу.
Карп. Вас от разговору моего не убудет.
Улита. Сидите тут, как филин, да прибираете, что в голову придет.
Карп. Стало быть, я вам здесь мешаю?
Улита. Это к чему еще? Напрасно вы так обо мне понимаете!

Входит Счастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Карп, Улита, Счастливцев.

Счастливцев. Честна́я компания!
Улита. Милости просим!
Карп. Ваш спит?
Счастливцев *(садясь)*. Кто его знает!
Улита. Вы долго у нас прогостите?
Счастливцев. Что нам здесь делать!
Карп. А следовало бы. Порядок другой: вот давеча Иван Петров сейчас деньги отдал.
Улита. Конечно, мужчина.
Карп. А барыне где же! Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи, и полетят.
Счастливцев. Разве летают?
Карп. Летают.
Улита. Все бедным да родственникам.
Счастливцев *(не слушая)*. Вот бы поймать.
Карп. Да и ловят.
Улита. Все бедным да родственникам.
Карп. Как не родственникам!

Улита. А кому же, по-вашему?
Карп. Знаем мы, кому.
Улита. Вы бы стыдились хоть при посторонних-то!
Карп. Что его стыдиться! Он наш брат, стало быть, чего же...
Улита. Кажется, уж про нас на всю губернию известно, об нашей примерной жизни.
Карп. Я про деревню и не говорю; вот разве, что дальше будет. А в Петербурге, а в Москве?
Улита. Все-таки вы не должны барыню осуждать.
Карп. Да разве я осуждаю! Барыня добрая, служить нам хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, так мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет.
Счастливцев. Любопытный разговор.
Улита. Ничего любопытного нет. Что вы! Он все сочиняет.
Карп. Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? То́пографу, что землю межует, посылали?
Улита. Ах, ах! Как это вам не стыдно!
Карп. Ну, что еще! Какой разговор! Я правду люблю. Однако же и спать. Ну вас. Счастливо оставаться!
Счастливцев. Прощайте, Осетр Савельич!
Карп. Уж ты мне, балагур! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Счастливцев и Улита.

Улита. Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотелось вам угодить, а уж, право, не знаю.
Счастливцев. Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее делаете.
Улита. Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю. Хотите, я вам завтра к чаю сливок принесу?
Счастливцев. Сделайте одолжение, только от бешеной коровы.
Улита. Ах, я вас не понимаю.
Счастливцев. То есть, рому. Он так у нас называется.
Улита. Поищу.
Счастливцев. Поищите, если любите!..
Улита. Вот вы сказали: «если любите»! Знаете, что я вам скажу на это?
Счастливцев. Нет, не знаю.

Улита. Вы вот это слово сказали мне в насмешку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливцев. За что же, помилуйте! Я очень доволен.

Улита. Мужчины завсегда довольны, потому на них ответу нет. А вы возьмите наше дело! Бывало... И вспоминать-то смерть, так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже никого не приказывают... у нас насчет любви большой запрет был. Ну, одно средство: к барыне подделываешься. Ползаешь, ползаешь перед барыней-то, то есть, хуже, кажется, всякой твари последней, ну, и выползаешь себе льготу маленькую; сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому ведь оно живое, тоже своего требует. Уж и как эта крепость людей уродует! Про себя вам скажу... Да вам слушать-то будет скучно... само собой, во всем этом одна только подлость. И не хочу я расстроивать ни себя, ни вас, потому как вы мне милы. *(Оглядываясь.)* Никак, ваш барин?

Счастливцев. Бить меня идет.

Улита. Ах, жалости какие!

Счастливцев. Я присяду, а вы меня загородите; авось не заметит. *(Приседает.)* Что, идет, приближается?

Улита. Нет, назад пошел; только так дико посмотрел. Какой у него взгляд! Ужасти просто; так тебя в дрожь...

Счастливцев *(встает)*. Варвар!

Улита. Как же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастливцев. Да какой он мне барин! Я такой же, как и он. Ишь ломается, благо горло-то широко.

Улита. Что вы это говорите! У них барственность настоящая, врожденная. Этого отнять у них никак невозможно.

Счастливцев. Кто у него отнимает! Я говорю только, что мы с ним равные, оба актеры, он — Несчастливцев, я — Счастливцев, и оба пьяницы.

Улита. Актеры? Ах, что вы! Что вы!

Счастливцев. Больше десяти лет по России-то бродим, из театра в театр, как цыгане. Оттого он и не был у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита. Ах, ужасти!

Счастливцев. Вот и теперь в Вологду пешком идет

с сумочкой. Нельзя ж ему без лакея показаться, он дворянин, ну, и укланял меня. Так и обращайся хорошенько. Я еще на провинции-то получше его считаюсь, нынче оралы-то не в моде.

У л и т а. Что только я слышу от вас!

С ч а с т л и в ц е в. Думает здесь попользоваться чем-нибудь от тетушки. Уж просил бы прямо на бедность; так, видишь, стыдно. Давеча оплошал, не удалось зажать деньги-то; вот теперь на меня за это бесится. Самой низкой души человек! В карты давеча играл с гимназистом, заманивал его. Уж я ушел от них; обыграет его, думаю, отнимет деньги да еще прибьет. Да так и будет; ему это не впервой! Он убьет кого-нибудь, с ним в острог попадешь. Вся ухватка-то разбойничья — Пугачев живой.

У л и т а. Хорошо, что вы мне сказали. Прощайте!

С ч а с т л и в ц е в. Адью, мон плезир.

У л и т а *(с испугом)*. Я уж пойду! Ах, страсти!

С ч а с т л и в ц е в. А, испугалась! А я так все чертей играл, прыгал вот так по сцене. *(Прыгает и кричит.)* У! У!

У л и т а. Батюшки мои! Уж вы меня извините!

С ч а с т л и в ц е в. Да что мне в твоем извинении! Провалитесь вы и с усадьбой-то! Я вот убегу от вас. Будьте вы прокляты!

У л и т а убегает.

Ушел бы сейчас, да боюсь; по деревне собак пропасть. Экой народ проклятой! Самим есть нечего, а собак развели. Да и лесом-то одному страшно. Придется в беседке переночевать; надо же туда идти, там библиотека и наливка осталась. А как сунешься? Он не спит еще, такой монолог прочитает! Пожалуй, вылетишь в окно, не хуже Фидлера. Пойду, поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче. *(Уходит.)*

П е т р робко крадется в тени кустов и осматривается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П е т р, потом А к с ю ш а.

П е т р. Ну, кажись, все в доме спать полегли. Только этот бессчастный путается. Ну, да ему полтину серебра прожертвовать, так он отца родного продаст. Ночь-то очень светла, может, Аксюша не выдет сов-

сем, побоится, чтобы не увидали. А как нужно-то! Уж последний бы раз повидались, да и кончено дело. Эх, ты, подневольная жизнь! Дрожит сердце, как овечий хвост,да и шабаш! Ничего с собой не сделаешь: и руки и ноги трясутся. Воровать легче! Приди в чужой дом повидаться с девушкой, не в пример тебя хуже вора сочтут. Эка эта любовь! Вон тятенька говорит, что это баловство одно, на год, на два, говорит, это занятие, не больше, а там сейчас насчет капиталу. Дожидайся, когда она пройдет, а пока что муки-то примешь. Никак, идет? И то.

Входит А к с ю ш а; увидав Петра, подбегает к нему.

А к с ю ш а. Ах, ты здесь!

П е т р. Давно уж тут путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? *(Целует ее.)*

А к с ю ш а. Видишь, что жива. Ну, говори скорей! Некогда ведь, того гляди хватятся.

П е т р. С тятенькой у нас опять разговор был.

А к с ю ш а. Ну, что ж он? Говори скорей! Душа мрет.

П е т р. Подается. Час ругал по обнаковению. Потом: «за тебя, говорит, дурака, видно, невесту с приданым не найдешь! Хоть бы две тысячи за тебя дали, и то бы ладно». Слышишь?

А к с ю ш а. Да ведь негде их взять.

П е т р. Надо доставать.

А к с ю ш а. У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

П е т р. А ты у братца попроси, у Геннадия Демьяныча!

А к с ю ш а. Ай, что ты! Страшно, да и стыд-то какой!

П е т р. Да ведь уж ау, брат! До самого не́льзя вплоть приходит.

А к с ю ш а. Надо ведь ему будет признаться во всем.

П е т р. Ну, так что ж! И признайся! Он свой человек. От него нам уж последнее решение выйдет.

А к с ю ш а. Да, уж последнее.

П е т р. А ведь кто его знает! На грех мастера нет. Он с виду-то барин добрый. Да ты поскорей, завтра же чем свет; а в полдень мы с тятенькой придем, ты мне скажешь.

А к с ю ш а. Хорошо, хорошо.

П е т р. Только ты долго этого разговору не тяни; — а так и так, мол, дозарезу мне; вот и конец. Либо пан, либо пропал.

Аксюша. Да, да, разумеется. До стыда ли тут, когда...

Петр. Что: «когда»?

Аксюша. Когда смерть приходит.

Петр. Ну полно, что ты?

Аксюша. Вот что, Петя! Мне все пусто как-то вот здесь.

Петр. С чего же?

Аксюша. Я не могу тебе сказать с чего, я неученая. А пусто, вот и все. По-своему я так думаю, что с детства меня грызет горе да тоска; вот, должно быть, подле сердца-то у меня и выело, вот и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну хоть нянька или подруга; все-таки есть с кем слово сказать о жизни своей, а мне не с кем,— вот у меня все и копится. Плакать я не плачу, слез у меня нет, и тоски большой нет, а вот, говорю я тебе, пусто тут, у сердца. А в голове все дума. Думаю, думаю.

Петр. А ты брось думать! Задумаешься — беда.

Аксюша. Да нельзя бросить-то, сил нет. Кабы меня кто уговаривал, я бы, кажется, послушалась,— кабы держал кто! И все мне вода представляется.

Петр. Какая вода?

Аксюша. Да вот что, милый ты мой, все меня в воду тянет.

Петр. Ой, что ты, перестань!

Аксюша. Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Уж я нарочно подальше от него хожу, а так меня и тянет, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между дерев мелькнет,— так меня вдруг точно сила какая ухватит, да так и несет к нему. Так бы с разбегу и бросилась.

Петр. Да с чего ж это с тобой грех такой?

Аксюша. Сама не знаю. Вот как ты говорил вчера, так это у меня в уме-то и осталось. И дома-то я сижу, так все мне представляется, будто я на дно иду, и все вокруг меня зелено. И не то чтоб во мне отчаянность была, чтоб мне душу свою загубить хотелось — этого нет. Что ж, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть как-нибудь; ведь не убьют же меня, как приду; все-таки кормить станут и одевать, хоть плохо, станут.

Петр. Ну, что уж за жизнь!

Аксюша. А что ж жизнь? Я и прежде так жила.

Петр. Ведь так-то и собака живет, и кошка; а человеку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша. Ах, милый мой! Да я-то про что ж говорю? Все про то же. Что жить-то так можно, да только не стоит. И как это случилось со мной, не понимаю! Ведь уж мне не шестнадцать лет! Да и тогда я с рассудком была, а тут вдруг... Нужда да неволя уж очень душу сушили, ну, и захотелось душе-то хоть немножко поиграть, хоть маленький праздничек себе дать. Вот, дурачок ты мой, сколько я из-за тебя горя терплю. *(Обнимает его.)*

Петр. Ах, ты, горькая моя! И где это ты так любить научилась? И с чего это твоя ласка так душу разнимает, что ни мать, кажется, и никто на свете... Только уж ты, пожалуйста! Ведь мне что же? Уж и мне за тобой... не миновать, выходит.

Аксюша. Ну, уж это твое дело. Ведь уж мне не узнать, будешь ли ты меня жалеть или будешь смеяться надо мной. Мне с своей бедой не расстаться, а тебе дело до себя, мне легче не будет.

Петр. Нет, уж ты лучше подожди; хоть немного, да поживем в свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вот что твой братец скажет?

Аксюша. Конечно, коли есть случай, зачем его обегать.

Петр. Может, и выручит.

Аксюша. Может быть. Ты никого не видал в саду?

Петр. Геннадия Демьяныча камарден тут путался.

Аксюша. Так ты ступай! Время уж.

Петр. А ты, Аксюша, домой, чтоб... а то... и боже тебя охрани!

Аксюша. Домой, домой, не бойся. Что мне за охота: у меня теперь все-таки хоть что-нибудь впереди есть.

Петр. Ну, то-то же, смотри!

Целуются.

Я на тебя в надежде. *(Уходит.)*

Аксюша хочет идти домой, оборачивается и видит Несчастливцева, который выходит из беседки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аксюша, Несчастливцев, потом Счастливцев.

Несчастливцев *(про себя)*. Женщина, прекрасная женщина. *(Подходит к Аксюше.)* Ты женщина или тень?

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. А! Я вижу, что ты женщина. А я желал бы теперь, в эту прекрасную ночь, побеседовать с загробными жителями.

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. Много тайн, много страданий унесли они с собой в могилу. Душа моя мрачна, мне живых не надо. Мне нечего говорить с живыми! Мне нужно выходцев с того света! Прочь!

Аксюша. Братец, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцев. Ты?

Аксюша. Я. Я очень несчастна.

Несчастливцев. О, если ты несчастна, поди ко мне, поди на грудь мою.

Аксюша прилегает к нему на грудь.

Я два раза тебе брат: брат по крови и брат по несчастию.

Аксюша *(опускаясь на колени)*. Братец, я виновата...

Несчастливцев *(поднимая ее)*. Нет, нет, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И перед кем же? Что я? Я отребие, обноски человечества.

Аксюша. Я виновата передо всеми, перед собой! Я люблю...

Несчастливцев. Дитя мое! Люби, кого хочешь. На то тебе бог дал сердце, чтоб любить.

Аксюша. Ах, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но ведь мне нужно выйти за него замуж, нужно, нужно.

Несчастливцев. А кто ж тебе мешает?

Аксюша. Люди мешают, люди, которые власть имеют.

Несчастливцев. А ты их не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будет над тобой мое благословение!

Аксюша. Он не женится на мне без приданого, отец ему не позволяет. Нужно приданое, а у меня его нет.

Несчастливцев. Какой вздор! Счастье дороже денег.

Аксюша. Мне нет счастья без денег.

Несчастливцев. А много ль денег нужно?

Аксюша. Две тысячи рублей.

Несчастливцев. Какие пустяки! Неужели Раиса Павловна откажет тебе в такой малости?

Аксюша. Откажет. Меня держат из милости, кормят из милости; смею ли я еще просить приданого! Корку хлеба дадут мне, а денег нет.

Несчастливцев. И от такой ничтожной суммы зависит счастие девушки, счастие молодой души...

Аксюша. Нет, не счастие, а жизнь.

Несчастливцев. Жизнь? Силы небесные! Так ли ты сказала?

Аксюша. Так, братец.

Несчастливцев. Наконец, боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы?

Аксюша. Много я жертв принесла этой любви; а жизнь моя так горька, так горька, что ее и жалеть не стоит.

Несчастливцев. И ты без страха?

Аксюша. Без страха, хоть сейчас...

Несчастливцев *(простирает над ней руки)*. Ангелы божии, покройте ее своими крылами!

Аксюша склоняет голову в молчании, сложа руки. Короткая пауза.

Аксюша. Братец, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мне дурно! Мне так тяжко сказать вам...

Несчастливцев. Говори, говори!

Аксюша. Братец, не сочтите меня за обманщицу, за бедную родственницу-попрошайку! Братец, мы жили с маменькой очень бедно; я была ребенком, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатым родственникам; я работала. Теперь, братец, только вас одного я прошу, и то ночью, благо не видно стыда на щеках моих: братец, вы богаты, одиноки, дайте мне счастье, дайте мне жизнь. *(Становится на колени.)*

Несчастливцев *(поднимает ее, растроганный и с дрожью в голосе)*. Дитя мое! Дитя мое!

Аксюша. Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мне отцом, я девушка добрая, честная. Я научу маленьких детей моих благословлять вас и молиться за вас.

Несчастливцев. О, замолчи, замолчи! Я вырву все свои волосы. О, дитя мое! Я преступник! Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой; и я промотал, прожил их беспутно; я их втоп-

тал в грязь вместе с своей молодостью, с жизнью. И вот когда они нужны, их нет у меня. Если б я знал, если б я знал, я бы питался одним хлебом, я бы ходил в рубище и каждый рубль зашивал в это рубище. Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным геройством; а тут бедная сестра стоит между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

Аксюша. Братец, братец!

Несчастливцев. Прости меня, прости! Я бедней тебя, я прошел пешком сотни верст, чтоб повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи — нет у меня их. Сестра, сестра! не тебе у меня денег просить! А ты мне не откажи в пятачке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пятачок, пятачок! Вот кто я!

Аксюша *(хватаясь за серцде)*. Ох, ох! Еще, еще горе! еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая, понадеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда? Прощайте! *(Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее, и наконец бежит.)*

Несчастливцев *(смотрит ей вслед)*. Куда она? Она бежит, бросает платок с себя, она у берега. Нет, нет, сестра! Тебе рано умирать! *(Убегает.)*

Входит Счастливцев.

Счастливцев. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду в беседку, соберу свою библиотеку, и прощайте! Посижу в кустах до свету, и марш. Деньги есть; слава богу, занял-таки, удалось, наконец. Хороший это способ доставать деньги; да все как-то мне несчастливилось до сих пор, такой мнительный народ стал. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. *(Уходит в беседку.)*

Выходит Несчастливцев, поддерживая Аксюшу, которая едва идет.

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! Как ни вели-

ко твое горе, а умереть тебе я не дам. Тебе надо жить, ты еще так молода! Тебя заело горе, надоела тебе молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнем новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша. Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мне.

Несчастливцев *(сажая ее на скамью)*. Ты ничего не знаешь? Нет, дитя мое, ты знаешь больше других; ты знаешь бури, знаешь страсти — и довольно!

Аксюша. Делайте, что хотите. У меня впереди ничего нет. Куда вы меня зовете, зачем вы меня зовете, что там,— я не знаю. Хуже не будет.

Несчастливцев. И там есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которых другие люди не знают. Зачем же даром изнашивать свою душу! Кто здесь откликнется на твое богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти брильянты слез? Кто, кроме меня? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыплют цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа; а там за одну слезу твою заплачет тысяча глаз. Эх, сестренка! Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами над бедной Офелией и люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься.

Аксюша. Я убита, братец, убита.

Несчастливцев. Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресят тебя.

Аксюша. А Петя?

Несчастливцев. Сестра, ты женщина, а женщины забывают скоро. Ты забудешь его, как забывают все свою первую любовь. Много молодых красавцев, много богачей будут ловить каждый твой взгляд, каждое твое слово.

Аксюша *(качая головой)*. Это нехорошо.

Несчастливцев. Тем лучше, дитя мое; тем больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни с презрением золото богача и полюби бедного артиста. Решайся, дитя мое!

А к с ю ш а. Как вам угодно. Я готова на все.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ты будешь моею гордостью, моей славой. А я буду тебе отцом, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдем ко мне! В такую ночь грешно спать. У меня есть несколько ролей, я тебе почитаю. Эту ночь я отдаю тебе, в эту ночь я посвящаю тебя в актрисы.

А к с ю ш а. Пойдемте!

Идут к беседке, навстречу им Счастливцев с узлом.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Стой, беглец! Я великодушен, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У нас есть актриса; мы с тобой объедем все театры и удивим всю Россию.

Уходят в беседку.
Выходят Гурмыжская и Улита.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская и Улита.

Г у р м ы ж с к а я. Ты говорила ему?

У л и т а. Как же, сударыня, говорила и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почивают, потому погода необнаковенная; гуляют они по саду и даже, может, скучают, так как одни, не с кем им время провести. А вы лежите да нежитесь, какой же вы кавалер после всего этого. Он сейчас вскочил и стал одеваться.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, хорошо.

У л и т а. Да вот еще, матушка-барыня, уж и не знаю, как вам доложить.

Г у р м ы ж с к а я. Говори, что такое!

У л и т а. Барышня куда-то скрылась.

Г у р м ы ж с к а я. Ушла?

У л и т а. В комнате нет, и постель не смята.

Г у р м ы ж с к а я. И прекрасно.

У л и т а. Как же, матушка-барыня?

Г у р м ы ж с к а я. Да так же. Я очень рада. Она мне уж давно надоела, я все не знала только, как ее выжить из дома. А теперь вот и причина есть; что мне ее жалеть, когда она сама себя не жалеет. Я говорила, что она его не стоит.

У л и т а. Не стоит, не стоит... Далеко ей! Уж и я немало дивилась, как этакому красавцу милому да такая...

Г у р м ы ж с к а я. Ну, это не твое дело!

У л и т а. Слушаю-с. Уж и еще я узнала кой-что, да только как-то и выговорить страшно. Как услыхала я, так всю в ужас ударило, и так даже по всем членам трясение.

Г у р м ы ж с к а я. Сколько раз тебе приказано, чтоб ты таких глупых слов не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потом скажешь какие-нибудь пустяки.

У л и т а. Пустяки, матушка-барыня, пустяки, не извольте беспокоиться! Насчет Геннадия Демьяныча.

Г у р м ы ж с к а я. Что же?

У л и т а. Да ведь он вас обманул; он не барин, а актер, и родовую свою фамилию нарушил,— теперь Несчастливцев прозывается. И не столько на театре они, а больше все будто пьянством. И одежонка-то вся тут, что на нем, уж это я доподлинно знаю; и пришли сюда пешком с котомочкой.

Г у р м ы ж с к а я. Так он Несчастливцев; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

У л и т а. И человек-то его тоже актер, только, матушка-барыня, и из актеров-то он самый каторжный,— как есть одних чертей представляет.

Г у р м ы ж с к а я. Тем лучше, тем лучше! Как все это ловко для меня устроилось.

У л и т а. Да чем же, матушка-барыня, хорошо?

Г у р м ы ж с к а я. А тем, что завтра же утром их здесь не будет. У меня не гостиница, не трактир для таких господ.

У л и т а. Истинно, матушка-барыня. Пожалуйте ручку. *(Тихо.)* Алексей Сергеич идут. *(Отходя.)* Уж вот, можно сказать, картинка, а не барин. *(Уходит.)*

Входит Б у л а н о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская и Буланов.

Б у л а н о в *(торопливо поправляясь)*. Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали? Вы бы мне сказали-с.

Г у р м ы ж с к а я. Что?

Б у л а н о в. Что вы любите гулять по ночам-с.

Г у р м ы ж с к а я. Да тебе-то что ж за дело! Я люблю природу, а ты, может быть, не любишь?

Б у л а н о в. Я ведь как прикажете-с. Ежели вам одним скучно...

Г у р м ы ж с к а я. А тебе не скучно в такую ночь? Тебя не трогает ни луна, ни этот воздух, ни эта свежесть? Посмотри, как блестит озеро, какие тени от деревьев! Ты холоден ко всему?

Б у л а н о в. Нет-с, как холоден! Я только не знаю, что вам угодно-с, как для вас приятнее.

Г у р м ы ж с к а я. А, мой милый, ты хочешь играть наверное?

Б у л а н о в. Я бы, кажется, бог знает, что дал, только б узнать, что вы любите! Я бы уж так и старался.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, а как ты думаешь, что я люблю? Это любопытно будет тебя послушать.

Б у л а н о в. Луну-с.

Г у р м ы ж с к а я. Какой он простодушный! Ах, милый мой, я луну любила, да это уж давно прошло; мне не шестнадцать лет.

Б у л а н о в *(подумав)*. Родственников-с?

Г у р м ы ж с к а я. Ха-ха-ха! Прошу покорно! Он уморит меня со смеху! Ах, простота! *(Смеется.)* Как это мило: «родственников»!

Б у л а н о в. Виноват-с!

Г у р м ы ж с к а я. Говори, говори! Я приказываю!

Б у л а н о в. Не знаю-с.

Г у р м ы ж с к а я. Тебя, дурак! Тебя!

Б у л а н о в. Да-с... Я и сам думал, да не смел-с. Давно бы вы-с... а то что я здесь так сколько времени... Вот так-то лучше, Раисынька! Давно бы ты... *(Обнимает Гурмыжскую и хочет поцеловать.)*

Г у р м ы ж с к а я *(отталкивая его)*. Что ты, с ума сошел? Пошел прочь. Ты неуч, негодяй, мальчишка! *(Уходит.)*

Б у л а н о в. Что я сдуру-то наделал! Завтра же меня... отсюда... *(Кричит вслед Гурмыжской.)* ·Виноват-с! Завтра же меня в три шеи! Не слушает. *(Кричит громче.)* Виноват-с! Ничего знать не хочет. *(Падает на скамейку.)* Пропал, пропал, пропал!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ГУРМЫЖСКАЯ.
МИЛОНОВ.
БОДАЕВ.
НЕСЧАСТЛИВЦЕВ.
СЧАСТЛИВЦЕВ.
БУЛАНОВ.
ВОСМИБРАТОВ.
ПЕТР.
АКСЮША.
КАРП.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп, потом Буланов.

Карп *(убирает чашки со стола и видит коробку Гурмыжской)*. Ишь ты, забыла свою казну, а потом искать примется. Лучше уж не трогать, пущай тут лежит.

Входит Буланов.

Геннадия Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Буланов. Вот еще! Очень нужно!

Карп. Как угодно-с.

Буланов. Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить!

Карп. Слушаю-с.

Буланов. Я тебя прошу, Карп, исполнять мои приказания хорошенько. Я беспорядков в доме не потерплю. Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете ходить, а то и марш со двора. У меня всякая вина виновата.

Карп. Что ж делать, сударь, будем исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на свете-то, так всего насмотришься. Такие ли еще чудеса бывают.

Буланов. Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

К а р п. Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тут разговаривать! О чем? Дело видимое.

Б у л а н о в. Ну, и можешь идти.

К а р п уходит. Входит Н е с ч а с т л и в ц е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н е с ч а с т л и в ц е в и Б у л а н о в.

Б у л а н о в. Здравствуйте, господин Несчастливцев!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Несчастливцев? Ты знаешь, что я Несчастливцев?

Б у л а н о в. Знаю.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Я очень рад, братец; значит, ты знаешь, с кем ты имеешь дело, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Б у л а н о в. Да что ж такое? Провинциальный актер, что за важность?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ну, значит, ты не знаешь, кто такой Несчастливцев и как с ним разговаривать. Жаль! Мне придется тебя учить уму-разуму, что, разумеется, для меня будет неприятно, а для тебя еще неприятнее.

Б у л а н о в. Ну, еще неизвестно. Ведь это в древние времена физическая-то сила много значила.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Что ж, мне с тобою огнестрельное оружие, что ли, употреблять! Нет, брат, я — человек простой и люблю простые средства, натуральные.

Б у л а н о в. Оставим этот разговор. Позвольте узнать, что вам угодно?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Уж, разумеется, не тебя.

Б у л а н о в. Кого же?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Что, ты от рожденья глуп, или сегодня вдруг с тобой сделалось? Кого? Кого? Ты в этом доме то же, что в операх бывают неизвестные; а я здесь в родной семье. Я пришел чай пить к своей тетке.

Б у л а н о в. Извините.

Н е с ч а с т л и в ц е в. В чем тебя извинить? Вот что: ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Б у л а н о в. Извините.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ну, извиняю.

Буланов. Не меня; Раиса Павловна просит извинения. Она не может вас принять; она не совсем здорова и чувствует, что посещения и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень в тягость.

Несчастливцев. Она меня гонит? Но за что же?

Буланов. Это до меня не касается. Вообще она просит вас освободить ее от вашего присутствия, которое ее расстраивает.

Несчастливцев. Ну, что делать! Я ее любил, я ее считал вместо матери. *(Утирает слезу.)* Что ж такое, что я актер? Всякий обязан делать, что умеет. Я ведь не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой. Я не милостыню пришел просить у нее, а теплого слова. Обидно!.. О, женщины! Если уж ей хотелось обидеть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Буланов *(горячо)*. Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцев. О, боже мой! Он разговаривает! Слушай ты, гимназист, школьник, ученик приходского училища! Из уважения к этому дому, я тебя милую, но если ты мне в другом месте попадешься...

Буланов. Мы еще посмотрим!

Несчастливцев. Молчи, таблица умножения! Корнелий Непот! Пифагоровы штаны! Ты выменяй образ моего ангела и молись утром и вечером, чтобы нам не встретиться. А если где завидишь меня, так беги без оглядки, творя обеты и молитвы!

Буланов. Да что вы, в самом деле! Вы потише! Раису Павловну беспокоите.

Несчастливцев. Она сама виновата: зачем она посылает ко мне не человека, а котенка. Нельзя равнодушно разговаривать с котенком.

Буланов. Да, кажется, и не о чем разговаривать.

Несчастливцев. Есть мне о чем говорить или нет, тут твоего ума не хватит, ты еще не дорос.

Буланов. Если вы желаете что-нибудь сказать Раисе Павловне, скажите мне, я передам.

Несчастливцев. Да ты что такое? Оруженосец, паж, что ли, Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконец, скороход, шут? Говори.

Буланов. Что я, это вы после узнаете.

Несчастливцев. Не желаю. Ну, кто бы ты ни был, передай Раисе Павловне, что я на нее не сер-

жусь, что я желал бы по-родственному проститься; но если она не хочет, так бог с ней.

Б у л а н о в. Хорошо, я скажу-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(заметив коробку, про себя)*. Ящик здесь, надо это принять к сведению. Погоди же!

Б у л а н о в. Больше ничего-с?

Н е с ч а с т л и в ц е в. Ничего. Прощай, грифель! *(Уходит.)*

Входит Г у р м ы ж с к а я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г у р м ы ж с к а я и Б у л а н о в.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, уж теперь он сюда больше не заглянет. *(Садится у окна.)* А у тебя есть манера, есть тон; я, признаюсь, этого не ожидала.

Б у л а н о в *(ходит, заложа руки назад)*. Все зависит, Раиса, от обстановки. Что я такое был у тебя? Нахлебник, самое фальшивое положение. Согласись сама, что нахлебнику очень трудно вести себя с достоинством.

Г у р м ы ж с к а я. Однако я на тебя сердита за вчерашнее.

Б у л а н о в. Ты, Раиса, поставь себя на мое место! Я так обрадовался!

Г у р м ы ж с к а я. На все есть форма, мой друг. Ты только представь себе, как ты меня оскорбил своим поведением! Что ты подумал обо мне? Как ты мог себе позволить! Репутация моя тебе известна. Вся губерния уважает меня, а ты...

Б у л а н о в *(развязно целует ее руку)*. Прости меня!

Г у р м ы ж с к а я. Прощаю, мой друг, прощаю. Я вообще очень снисходительна, это мой недостаток. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ее целомудренное чувство.

Б у л а н о в. Разумеется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогут. Мне бы только установиться прочнее, посмотри, как я буду себя вести — я приберу в руки весь уезд. А что касается твоих интересов, Раиса, так уж поверь...

Г у р м ы ж с к а я. Верю, верю, мой милый. Поди прикажи позвать ко мне Аксюшу.

Б у л а н о в. Да, об этой девушке надо подумать.

Гурмыжская. Что об ней думать! Особенно тебе, мой друг! Это тебя совсем не касается. Ты уж теперь должен совершенно забыть о ней. Она убежала ночью из дому, от нее надо избавиться.

Буланов. Она была у брата, Геннадия Демьяныча; он всю ночь декламировал ей монологи.

Гурмыжская. Ты почем знаешь? Погляди мне в глаза, погляди!

Буланов. Я видел, проходя мимо беседки.

Гурмыжская. Я тебе верю. Но все-таки она оставаться здесь не может.

Буланов *(с улыбкой)*. Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская. Не лишнее, мой друг: ты еще так молод, что за себя отвечать не можешь, да и я не могу вполне на тебя надеяться.

Буланов. Да ведь нельзя ж ее на улицу выгнать, у нее нет никого. Ее бы выдать замуж.

Гурмыжская. Но чтоб выдать ее из нашего дома и чтоб это было прилично, нужно ей дать приданое. А с какой же стати я стану роскошничать для нее? Что вдруг за щедрость такая!

Буланов. Само собой! Нет, уж теперь, пожалуйста, Раиса, никаких лишних расходов! Кабы кто взял ее без приданого.

Гурмыжская. О, тогда другое дело. Чего же лучше! И все конвенансы были бы сохранены, и издержек немного. Я была бы посаженой матерью, ты посаженым отцом; устроили бы у себя вечер — девишник, благословили бы молодых, и бог с ними. Все это было бы благодетельно и недорого.

Входит Аксюша.

Вот она сама. Поди, мой друг, поди!

Буланов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша. Что вам угодно?

Гурмыжская *(встает)*. Послушай, Аксюша, мне не хочется, чтоб ты обманывалась. Ты живешь здесь и, кажется, воображаешь, что это может вечно продолжаться. В твоем заблуждении виновата я: было

одно время, когда я думала отдать тебя замуж за Алексея Сергеича. Теперь ты не должна и думать о нем.

А к с ю ш а. Я и не думаю.

Г у р м ы ж с к а я. Я тебе не верю; но все равно. Очень скоро я увидала, что вы не пара. Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека. Тебе даже и мечтать о нем было бы глупо. Что же ты молчишь?

А к с ю ш а. Я слушаю.

Г у р м ы ж с к а я. Такие женихи не по вас, моя милая! Я не знаю, может быть, он даже за тобой и ухаживал...

А к с ю ш а. Может быть.

Г у р м ы ж с к а я. Но ты пойми, что это ничего не значит. Это просто прихоть, шалость. Может быть, и ты с ним кокетничала?

А к с ю ш а. Нет, этого не может быть.

Г у р м ы ж с к а я. Положим; но я должна тебе сказать — уж приятно ли тебе будет, неприятно ли, это не мое дело,— ты ему не нравишься. *(Про себя.)* Вот тебе, милая.

А к с ю ш а. Очень рада.

Г у р м ы ж с к а я. Рада? Однако ты хитрая девушка; но меня перехитрить трудно. *(Про себя.)* Погоди же, я тебя кольну почувствительнее. *(Аксюше.)* Я еще тебе скажу: ему нравится другая. Что? Приятно тебе?

А к с ю ш а. Что же мне за дело?

Г у р м ы ж с к а я. Ты не беспокойся, я ведь себя обмануть не дам! Он теперь не жених тебе, вы люди посторонние, и, следовательно, вам в одном доме жить нельзя.

А к с ю ш а. Как вам угодно.

Г у р м ы ж с к а я. Ты должна будешь оставить мой дом.

А к с ю ш а. Когда прикажете?

Г у р м ы ж с к а я. Но куда же ты денешься?

А к с ю ш а. Я очень благодарна вам за ваши милости; но когда я оставлю ваш дом, я уж попрошу вас обо мне больше не беспокоиться.

Г у р м ы ж с к а я. Но, может быть, ты думаешь поселиться где-нибудь поблизости?

А к с ю ш а *(про себя)*. Старушка-то ревнует.

Г у р м ы ж с к а я. Что ты шепчешь? Может быть, ты переедешь в город?

Аксюша. Может быть.
Гурмыжская. Но это невозможно.
Аксюша. Отчего же? Ведь город, Раиса Павловна, не в ваших владениях.
Гурмыжская. Но это ужасно! Это очень близко.
Аксюша. Да, недалеко.
Гурмыжская. Послушай, Аксюша, милая, нет ли у тебя родных где-нибудь подальше; поезжай к ним, я тебя отправлю на свой счет. Я так боюсь за тебя, моя душа, Алексис такой ветреный мальчик.
Аксюша. Да, он очень ветрен.
Гурмыжская. Ты заметила?
Аксюша. Еще бы не заметить! И если б я только захотела...
Гурмыжская. Вот ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мне поближе! *(Обнимает ее.)* Ну, сделай это для меня!
Аксюша. Для вас? Это дело другое, так бы вы и говорили. А то что вам за надобность беречь меня и смотреть за мной! Просто вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я девочка с улицы, и вы ко мне ревнуете своего любовника.
Гурмыжская. Что за слова ты говоришь!
Аксюша. Ну, да. Я говорю правду. Признайтесь хоть раз в жизни! А то вы всегда и для всех святая, а мы грешные.
Гурмыжская. Душа моя, я тоже женщина.
Аксюша. Признайтесь! Признайтесь, и я убегу от вас за тысячу верст.
Гурмыжская. Ты хочешь, чтоб я открыла тебе свою слабость! *(Обнимает ее.)* Да, я ревнива.
Аксюша. Мне только и нужно. Я ухожу от вас далеко, далеко. *(Хочет поцеловать ее руку.)*
Гурмыжская. За что, за что, моя милая?
Аксюша. За хлеб-соль.
Гурмыжская. Ах, не надо, не надо! *(Целует ее.)* Дай бог тебе всякого счастья!
Аксюша. Я пойду собираться. *(Уходит.)*
Гурмыжская *(садится у окна)*. Ну, слава богу, теперь все улажено, и я могу вполне наслаждаться своим счастьем. Сколько я перенесла неприятностей за эту глупую комедию с родственниками! И поделом. Но уж зато теперь я покойна совершенно. Алексис будет управлять имением, а я займусь только

добрыми делами. Определю себе для этого сумму, конечно, небольшую, и буду совершенно в своей сфере.

Входит К а р п.

К а р п. Геннадий Демьяныч желает вас видеть.

Г у р м ы ж с к а я. Скажи, что я...

К а р п. Да они здесь-с; они никаких резонов не слушают.

Г у р м ы ж с к а я. Боже мой, опять!

Входит Н е с ч а с т л и в ц е в в дорожном платье, снимает котомку и кладет в угол, туда же ставит палку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г у р м ы ж с к а я, Н е с ч а с т л и в ц е в, К а р п.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Поди, Карп, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

К а р п. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Г у р м ы ж с к а я. Какой костюм!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Дорожный. Мы пешие путешественники. Это пальто — мой старый друг и товарищ. В непогоду я в этом пальто бродил, как старый Лир, по степям Новороссии. Часто в бурную ночь я искал убежища, и меня принимали в этом пальто, принимали чужие теплее, чем родные. Прощайте!

Г у р м ы ж с к а я. Прощай, мой друг.

Н е с ч а с т л и в ц е в. Два только слова, и более я вас не буду беспокоить никогда.

Г у р м ы ж с к а я. Я слушаю. *(Берет колокольчик.)*

Н е с ч а с т л и в ц е в. Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мне колокольчик! *(Берет колокольчик.)* Я сам позвоню, когда надо будет. Нам свидетелей не нужно. Напротив, тетушка, вы уж постарайтесь, чтоб к нам не вошел никто, а главное, Буланов, если только вам дорога его мизерная жизнь.

Г у р м ы ж с к а я. Хорошо, я не прикажу никому входить. *(Про себя.)* Ах, сон!

Н е с ч а с т л и в ц е в. И прекрасно. *(Ставит колокольчик на стол и садится на стуле подле стола.)*

Г у р м ы ж с к а я *(заметя свою коробку на столе)*. Коробка! Я ее забыла. *(Самым ласковым тоном.)* Послушай, мой друг Геннадий, будь так добр, потрудись передать мне эту коробку.

Несчастливцев. Не беспокойтесь! Ей и здесь хорошо.

Гурмыжская. Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцев *(вынимает пистолет и кладет на стол)*. Не трудитесь!

Гурмыжская. Что ты делаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцев. Не бойтесь! Мы будем разговаривать очень мирно, даже любезно. *(Рассматривая коробку.)* Знаете что? Подарите мне ее на память.

Гурмыжская *(с испугом)*. Ах, нельзя, мой друг, тут важные бумаги, документы по имению.

Несчастливцев. Планы, купчие крепости, межевые книги? Как же они уберутся в такую коробку! Извините, я позволю себе полюбопытствовать. *(Открывает коробку.)*

Гурмыжская. Вот пытка!

Несчастливцев. Вы ошиблись, тут деньги. Злато, злато! Сколько через тебя зла-то! Ну, мы пока ее закроем. *(Закрывает коробку.)* Был один актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера,— он смолчал, но не забыл обиды. Всю зиму он терпел; в последнее воскресенье на масленице у антрепренера был прощальный вечер для артистов. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская. Слушаю.

Несчастливцев. По окончании вечера стали все прощаться, подходит и он к хозяйке: «пожалуйте ручку», говорит; та ему подала, он ей, тетушка, было палец и откусил прочь.

Гурмыжская. К чему ты мне это говоришь?

Несчастливцев. Разумеется, он поступил глупо. Я его знаю, он дурак. Можно было сделать умнее.

Гурмыжская. Зачем мне знать все это?

Несчастливцев. На всякий случай не мешает. Другой актер поступил гораздо умнее. У одной богатой помещицы был племянник, человек с благородной душой, но бедный. Вздумал он навестить свою тетку, которую не видал лет пятнадцать. Вот собрался издалека, шел пешком долго; приходит, его принимают по-родственному. Вдруг тетка узнает, что он актер, гонит его из дому, не простясь, срамит его перед людьми, перед дворней.

Гурмыжская. Ах, нет, Геннадий...

Несчастливцев. То есть, она думала так поступить, а вышло не так. Трагик Несчастливцев не позволит играть собой. *(Открывает коробку.)* Вот, во-первых, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему от богатой тетки пешком идти. Потом, у вас живет бедная девушка. Ну, что хорошего, если она, живя у вас и пользуясь вашими благодеяниями, утонится?

Гурмыжская. Что ты сочиняешь?

Несчастливцев. Я ее возьму с собой, и на ее долю нужно что-нибудь уделить. Потом, так как мы отказываемся от всякого наследства после вас,— это нам легко сделать, вы нам и так ничего не оставите, а оставите все гимназисту,— и за это нужно что-нибудь взять. *(Считает деньги.)*

Гурмыжская. Ты не томи меня; скажи, сколько тебе нужно?

Несчастливцев. Я великодушен. *(Встает, берет в одну руку пистолет, а в другую коробку с деньгами и подает ее Гурмыжской.)* Дайте сами.

Гурмыжская *(поглядывая на пистолет)*. Напрасно вся эта комедия! Я тебе должна тысячу рублей; вот твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцев *(берет деньги)*. Довольно! Милостыни не надо. Благодарю вас. *(Прячет деньги.)*

Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня душа не на месте.

Несчастливцев. Да чего вы боитесь? Я ведь не Стенька Разин. В крайнем случае, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. *(Кладет пистолет в карман.)* Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам.

Гурмыжская. Да, разумеется.

Несчастливцев. Барином я сюда явился, барином и уеду, с честью. *(Звонит в колокольчик.)*

Входит Карп.

Пошли кого-нибудв поскорее в город нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вот, братец ты мой, я уезжаю, так барыня прика-

зывает поскорее собрать хороший завтрак. Подай вина получше — шампанского.

Карп. Слушаю-с. Завтрак готов.

Гурмыжская. Подай в столовую!

Несчастливцев. Позови Аркадия! *(Гурмыжской.)* Я его вам представлю на прощанье; вы не много потеряли, что я не познакомил вас прежде.

Карп. Сударыня, Иван Петров с сыном дожидаются-с.

Гурмыжская. Скажи, чтоб он подождал в столовой.

Карп уходит.

Извини меня, любезный друг, я тебя должна оставить ненадолго.

Несчастливцев. Помилуйте! Между своими...

Гурмыжская. Мне нужно одеться. Я жду гостей. Поди в столовую, покушай на дорогу, я приду с тобой проститься.

Несчастливцев. Значит, мы расстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская. Нет, не сержусь; но мне кажется, что можно было бы тебе вести себя поделикатнее, я все-таки дама.

Несчастливцев. О, боже! Я вас оскорбил? Скажите, оскорбил я вас? Я не прощу себе. Я застрелюсь при ваших глазах. *(Вынимает пистолет.)*

Гурмыжская. Ах, нет, нет!

Несчастливцев. Нет, вы мне скажите, обидел я вас? О, я!..

Гурмыжская. Ах, нет, нисколько, напротив. *(Уходит.)*

Несчастливцев. Вот так-то лучше... Я уж теперь и сам не разберу, Несчастливцев я или Ротшильд.

Входит Счастливцев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, теперь можно будет нам и отдохнуть. Денег, братец, у меня много. *(Показывает пачку ассигнаций.)* Поедем мы с тобой до Волги в хорошем экипаже, а потом на пароходе в первом классе.

Счастливцев. Геннадий Демьяныч, бесподобно! Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

Несчастливцев. Сделают нам выгодные предложения, так мы с тобой примем, будем играть, а нет, так и не надо. Поедем в Нижний на ярмарку за бенефисом; да бенефис чтоб в начале августа, а в сентябре, шалишь, не возьму. Покутим, братец.

Счастливцев. И уж товарища вам лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадий Демьяныч, рожден для такой жизни. А бедность что! В бедности-то всякий жить умеет; нет, ты умей прожить деньги с эффектом; тут много ума нужно, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. А теперь, брат, пойдем, выпьем доброго вина, закусим на дорогу, по стакану, по другому шампанского.

Счастливцев. Вот жизнь, Геннадий Демьяныч! Вот это я понимаю. А то что: пешком... Сам себя презираешь. Не знаю, как вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатых людей. Кто шампанское пьет, хорошие сигары курит, тот и человек, а остальное — ничтожество. Так ведь, Геннадий Демьяныч?

Уходят в столовую. Входит Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аксюша, потом Петр и Несчастливцев.

Аксюша. Где же братец? *(Заглядывает в дверь.)* Он в столовой, и Петя там. Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. *(Тихо.)* Петя! Петя! Услыхал, идет.

Петр тихо боком прокрадывается в дверь.

Петр. А, это ты?

Аксюша. Тише, ради бога, тише! Кончено дело, у братца денег нет; я еду с ним далеко и навсегда. *(Берет его голову, прижимает к себе и целует.)* Прощай! Ступай! Ступай!

Петр. Едешь? Куда, зачем?

Аксюша. В театр, в актрисы.

Петр. Что ты, опомнись, с ума ты сошла!

Аксюша. Решено, решено. Ступай, ступай!

Петр. Что ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнем в грудь-то ушиб. А ведь я с тятенькой опять говорил.

Аксюша *(робко и оглядываясь)*. Ну, что же?

Петр. Сначала, известно, два часа ругал без отдыха; потом говорит: «хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали».

Аксюша. Я на прощанье словечко закину тетеньке; а впрочем, надежды мало. Ну, ступай! *(Целует его.)* Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядеть буду.

Петр. Ах ты, жизнь! Вот бы когда в омут-то с великим моим удовольствием.

Входит Несчастливцев.

Несчастливцев. А! Попались!

Аксюша. Братец, потише!

Петр уходит.

Одно слово, одно слово, братец! Утопающий за соломинку хватается. Попросите тетушку, может быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцев. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством...

Аксюша *(прилегая к нему, нежно)*. Братец... чувство... оно мне дома нужно.

Несчастливцев *(басом)*. Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь? Пойдем, меня ждет компания. Дай мне хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. *(Уходит в столовую.)*

Выходят Милонов, Бодаев и Карп.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Милонов, Бодаев, Карп, потом Гурмыжская и Буланов.

Карп. Пожалуйте-с! Они сейчас выдут.

Милонов. Что это у вас, Карпуша, нынче как-то особенно парадно?

Карп. Не могу знать.

Выходит Гурмыжская, очень нарядно и молодо одетая, под руку с Булановым.

Гурмыжская. Извините, господа, что я заставила вас ждать!

Бодаев. Да мы ничего и не ждали.

Милонов *(целуя руку)*. Вы прекрасны. *(Отходит и смотрит издали.)* Прекрасны! Вы все молодеете.

Гурмыжская. Мне и нужно молодеть. Господа, я вас звала для подписания завещания, но обстоятельства несколько изменились. Я выхожу замуж. Рекомендую вам будущего моего мужа.

Милонов. Прекрасно! Прекрасно!

Бодаев. Я так и ожидал.

Гурмыжская *(садясь)*. Прошу покорнейше садиться!

Милонов и Бодаев садятся.

Алексис, садись!

Буланов *(целуя ее руку)*. Ах, Раиса, позволь, я буду стоять подле тебя.

Гурмыжская. Не правда ли, он мил? Господа, я вижу, что в душе вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потом судите. Господа, у меня оправданий много. Я была беззащитна, имение расстроено; я думала поручить управление племяннику; но он меня поразил, поразил... Знаете, какую он карьеру избрал? Он актер провинциальный...

Милонов. Ужас, ужас, ужас!

Бодаев. Что такое?

Буланов. О племяннике...

Бодаев. А? Ну, не мое дело.

Гурмыжская. И ведет жизнь самую беспорядочную. Он здесь, у меня; вы можете его видеть.

Милонов. А ваша племянница?

Гурмыжская. Я недовольна ее поведением. Что же мне оставалось делать? Я вас спрашиваю. При всем моем желании остаться навсегда вдовой *(томно)* и даже отказаться совсем от света, я решилась пожертвовать собой. Я выхожу замуж, чтоб устроить имение и чтоб оно не досталось в дурные руки.

Милонов. Это геройский подвиг! Вы героиня!

Бодаев. Ну, какая героиня? Просто блажит.

Милонов. Давно бы вам, давно бы...

Гурмыжская. Ах, Евгений Аполлоныч, надо было найти человека. Это так трудно нынче, так трудно. Ведь это что за человек, кабы вы знали! *(Нежно взглядывает на Буланова.)* Ах, друг мой!

Буланов *(целуя ее руку)*. Раиса, ты меня конфузишь.

Милонов *(грозя пальцем)*. Только смотрите, Раиса

Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод.

Г у р м ы ж с к а я. Ах, нет. Он дал мне клятву, страшную клятву.

Б у л а н о в. Господа, поверьте, что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна, избирая меня своим супругом. Что касается интересов Раисы Павловны, то, господа, в самом скором времени само дело будет говорить за меня; вы увидите наше имение в цветущем положении.

М и л о н о в. Каков? Каков? Прекрасно, молодой человек, прекрасно!

Г у р м ы ж с к а я. Я вам говорила...

Б о д а е в. Все врет, все промотает.

Б у л а н о в. Господа, хотя я и молод, но я очень близко к сердцу принимаю не только свои, но и общественные дела и желал бы служить обществу. Поверьте, что вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий.

М и л о н о в. А вот мы жаловались, что людей-то нет. Для новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они!

Б о д а е в. Что ж, пожалуй; пусть служит, мы неразборчивы.

Б у л а н о в *(пожимая плечами)*. Вот только года мои... я не понимаю, к чему эти стеснения! Если я чувствую себя способным...

М и л о н о в. Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем.

Г у р м ы ж с к а я. Господа, кушать сегодня мы будем поздно; а теперь можно по бокалу шампанского. Карп, подай шампанского.

К а р п. Слушаю-с. Честь имею поздравить, сударыня. *(Про себя.)* Пойти оповестить! *(Уходит.)*

М и л о н о в. Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?

Г у р м ы ж с к а я. Ах, он много страдал, бедный! Мать его была богатая женщина, и он с детства был приучен к неге, к раболепству прислуги и всех окружающих; потом они обеднели, и он узнал страшную нужду. Ужасно! Он рожден повелевать, а его заставляли чему-то учиться в гимназии.

Входит К а р п с бутылкой шампанского и бокалами. Все встают.

Милонов *(принимая бокал)*. Все высокое и все прекрасное основано на разнообразии, на контрастах. Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что ж мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную повилику. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой отраслью благородного питомника. Раиса Павловна, Алексей Сергеич! Желаю вам многолетней, безмятежной жизни, на радость вам, на утешение ваших друзей и на пользу всего окрестного населения до самых отдаленных пределов!

В столовой «ура!».

Гурмыжская. Что такое?

Карп. Геннадий Демьяныч изволят... за ваше здоровье.

Милонов. Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляет молчать уста мои и вызывает горячие и обильные слезы на мои ресницы. *(Пьет.)*

Гурмыжская *(жмет ему руку)*. Благодарю, благодарю вас.

В столовой «ура!».

Бодаев *(с бокалом)*. Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень рад! *(Пьет.)*

Гурмыжская. Покорно вас благодарю! *(Буланову.)* Какой грубый человек!

Садятся.
В столовой «ура!». Двери из столовой растворяются, выходит Несчастливцев, остаются в дверях Счастливцев, Восмибратов, Петр и Аксюша.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов, Несчастливцев, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Аксюша, Карп.

Несчастливцев. Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно. Это делает вам честь, а нам удовольствие. Я, с своей стороны, очень рад и одобряю ваш союз. *(Обращаясь к дверям.)* Господа, что же вы стали!

Счастливцев и Восмибратов подходят.

Тетушка, рекомендую: друг мой, Аркадий Счастливцев!

Г у р м ы ж с к а я. Очень приятно!

М и л о н о в. Это ваш племянник?

Н е с ч а с т л и в ц е в *(Милонову)*. Честь имею рекомендоваться: Геннадий Гурмыжский. *(Бодаеву.)* Гурмыжский, Геннадий!

Милонов и Бодаев встают, подают ему руки и садятся.

В о с м и б р а т о в *(Гурмыжской)*. Доброе дело-с. Значит, по закону, как следует. Чего же лучше-с. Оченно приятно-с.

Г у р м ы ж с к а я. Ну, как тебе, Иван Петрович, нравится мой жених?

В о с м и б р а т о в. Ничего-с, жених во вкусе-с. Ежели насчет малоумия, так это от малодушества, со временем проходит-с.

Н е с ч а с т л и в ц е в *(Счастливцеву и Восмибратову)*. Господа, покорнейше прошу садиться. Тетушка, позвольте мне распорядиться, как дома. Карп, подай, братец, нам вина, да побольше! Ты не жалей; такие случаи редки, ведь тетушка не каждый год замуж выходит. *(Садится с правой стороны.)*

Там же садятся Счастливцев и Восмибратов. К а р п уходит.

Продолжайте, господа, ваш разговор, мы вам не мешаем.

М и л о н о в. Нам интересно вас послушать.

Н е с ч а с т л и в ц е в. С величайшим удовольствием, господа. Мне очень приятно говорить в таком благородном обществе. Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?

Г у р м ы ж с к а я. Да, мой друг, я счастлива.

Н е с ч а с т л и в ц е в. В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я говорю? Правда, господа?

М и л о н о в. Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Н е с ч а с т л и в ц е в. Тетушка, у вас есть племянница, милое, кроткое создание; у ней есть тоже жених. Он не так красив и смел, как ваш, но она его любит. А вот его тятенька.

Г у р м ы ж с к а я. Знаю, мой друг.

Несчастливцев. Он, то есть тятенька, человек русский, господа, благочестивый, но по душе совершеннейший коканец и киргиз-кайсак. Он человек семейный, очень любит своих детей, любит женить сыновей; но непременно желает получить приданого тысячу рублей, по своей жадности и по своему невежеству.

Восмибратов. Это точно, барин, что по невежеству: только нам без этого невежества никак нельзя, потому на нем весь круг держится.

Несчастливцев. Вот, тетушка, для вас прекрасный случай сделать доброе дело.

Гурмыжская. Ах, нет, нет. Что еще за новости! Оставь, пожалуйста! Это не твое дело. Я и так издержала очень много, потом впереди большие расходы.

Буланов. Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать канавы.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бывают обстоятельства...

Несчастливцев. Да зачем деньги? Довольно вашего благородного слова в присутствии вот этих господ.

Восмибратов. Для нас ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская. Нет, нет! Это неделикатно даже, вдруг, при посторонних... Такое требование... Это насилие... У вас комплот!

Буланов. Да ты, Раиса, откажи решительно.

Гурмыжская. Ну, согласитесь, господа, ведь нельзя же так вдруг... Я решительно отказываю.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Извини, мой друг, не могу.

Несчастливцев *(Восмибратову)*. Почтенный, скинь что-нибудь! Уважь! Уступи!

Восмибратов. Не расчет, барин. И то уж так, что из хорошего дома, а то бы и внимания не взяли.

Несчастливцев *(встает)*. Тетушка, Раиса Павловна! Благодетельница рода человеческого! Не роняйте себя перед почтенным обществом! Не стыдите фамилию Гурмыжских. Я краснею за вас. У вас только и родных — я да она; она уже больше не попросит, а мне приданого не нужно. Гурмыж-

ская не может отказать в такой сумме! Вы женщина богатая, что значит для вас эта малость! Я бедный труженик; но если б у меня были... *(Ударяет себя в грудь.)* А? Что такое? Да они есть. *(Вынимает из кармана деньги.)* Вот они! Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мешало бы ему, старому псу, и поберечь их на черный день.

Счастливцев *(дергая его за руку)*. Что вы делаете?

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! Так не дадите?

Гурмыжская. Я уж сказала.

Несчастливцев. Ну, если богатая помещица отказывает бедной девушке в приданом, так не откажет бедный артист. *(Аксюше.)* Поди сюда, дитя мое!

Счастливцев. А говорили, на тройке поедем! Вот тебе и тройка! Вот и на пароход.

Несчастливцев. Молчи, Аркашка!

Аксюша подходит.

Вот тебе, дитя мое! Бери!

Аксюша. Что вы, что вы, братец! Не надо!

Несчастливцев. Бери, говорят тебе! Я, что задумал,— не передумываю, что сделал — не переделываю.

Аксюша *(обнимая его)*. Братец! Братец!

Карп приносит бутылку вина и стаканы и ставит на стол.

Несчастливцев. Ну, довольно; я могу заплакать; а это нехорошо — стыдно.

Аксюша. Как мне благодарить вас?

Несчастливцев. Как благодарить? Скажи: «спасибо», и все тут. Вот теперь выпьем! *(Подходит к столу и наливает два стакана.)*

Аксюша отдает деньги Петру.

Петр *(отдавая деньги отцу)*. Извольте получить-с!

Восмибратов отходит к стороне и считает.

Гурмыжская *(Несчастливцеву)*. Это очень великодушно с твоей стороны!

Несчастливцев. Надеюсь! Поди, Аркадий, выпей!

Счастливцев подходит и пьет.

Гурмыжская *(Аксюше)*. Я очень рада, моя милая, что так устроилось, и готова способствовать твоему счастию всем, чем могу,— я даже не откажусь быть твоей посаженой матерью.

Аксюша кланяется.

Восмибратов. Много вами благодарны-с. Уж у нас, сударыня, без вас дело не обойдется. Вы у нас на свадьбе-с — пятьдесят процентов к приданому, вот как мы вас ценим. А уж банкет я сделаю для вашей милости, так месяца на два в городе разговору хватит. Пущай по крайности знают.

Милонов *(подходя к столу)*. Прекрасно, прекрасно! Ваш поступок надо напечатать в газетах.

Несчастливцев. Что тут за газеты! Давай, выпьем брудершафт!

Милонов. Но, мой милый... нельзя же...

Несчастливцев. А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошел прочь. Выпьем, Аркадий.

Милонов отходит.

Бодаев *(Буланову)*. Кто он такой? А?

Буланов. Актер.

Бодаев. Актер? Ах, черт его возьми! Браво, браво! *(Подходит к Несчастливцеву.)* Вашу руку! То-то я слушаю, кто так хорошо говорит, благородно. Это такая редкость у нас. *(Указывая на Счастливцева.)* А он тоже актер?

Несчастливцев. Актер.

Бодаев. Он ничего не говорит?

Несчастливцев. Нет, говорит.

Бодаев. Что же он говорит?

Счастливцев. Скворцом свищу, сорокой прыгаю.

Бодаев. А, браво, браво! *(Отходит и сейчас же возвращается к Несчастливцеву.)* Я ему пенковую трубку подарю. Заходите ко мне, милости прошу.

Несчастливцев. Забавлять-то тебя? Шутов заведи! Давай, брудершафт выпьем!

Бодаев. Что? Ха-ха-ха! Он забавный! *(Отходит.)*

Гурмыжская *(Буланову)*. Его надо как-нибудь выжить; он бог знает что наделает.

Буланов. Вы, кажется, ехать собираетесь?

Несчастливцев. Давно я, брат, сбираюсь.

Буланов. Так не пора ли вам?

Несчастливцев. Аркадий, нас гонят. И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец.

Гурмыжская *(пожимая плечами)*. Комедианты.

Несчастливцев. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуи — кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев *(Милонову)*. Меня? Ошибаешься. *(Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».)* Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах, ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты — как подьячий! Ну, довольно! В дорогу, Аркашка! Прощайте! *(Кланяется всем.)* Тетушка, пожалуйте ручку!

Гурмыжская *(прячет руку)*. Ах, нет, нет...

Буланов. Позвольте ему, он скорее уйдет.

Несчастливцев. Не укушу, не бойтесь.

М и л о н о в. Разумеется, не укусит.

Б у л а н о в. Разумеется...

Г у р м ы ж с к а я. Ах, нет, вы не знаете.

Н е с ч а с т л и в ц е в. О, люди, люди! *(Идет в угол, надевает котомку.)*

Аксюша помогает ему и целует его.

(*Берет в руки палку.*) Ну, Аркадий, мы с тобой попировали, пошумели, братец; теперь опять за работу! *(Выходит на середину сцены, подзывает Карпа и говорит ему с расстановкой и внушительно.)* Послушай, Карп! Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в город; скажи, что господа пешком пошли. Руку, товарищ! *(Подает руку Счастливцеву и медленно удаляется.)*

Сцены
из московской
жизни

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ДАРЬЯ ФЕДОСЕЕВНА КРУГЛОВА
вдова купца, 40 лет.

АГНИЯ
ее дочь, 20 лет.

ЕРМИЛ ЗОТЫЧ АХОВ
богатый купец, лет 60.

ИППОЛИТ
его приказчик, лет 27-ми.

МАЛАНЬЯ
кухарка Кругловой.

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветною скатертью; два кресла. На правой стороне два окна с чистыми белыми занавесками; на окнах цветы, между окон зеркало; ближе к зрителям пяльцы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова (на диване); Агния (у окна грызет кедровые орехи).

Агния. Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим. Хоть бы погулять куда, что ли!

Круглова. А вот, погоди, дай срок, сосну полчасика, пожалуй, погуляем.

Агния. Кавалеров-то у нас один, другой — обчелся, гулять-то не с кем.

Круглова. А кто виноват? Не мне же ловить для тебя кавалеров! Сети по улицам-то не расставить ли?

Агния. Разве вот Ипполит зайдет.

Круглова. И то, гляди, зайдет; день сегодня праздничный, что ему дома-то делать! Вот тебе и кавалер; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его как это подцепила?

Агния. Очень просто. Шла я как-то из городу, он меня догнал и проводил до дому. Я его поблагодарила.

Круглова. И позвала?

Агния. С какой стати!

К р у г л о в а. Как же он у нас объявился?

А г н и я. Позвала я его, да после. Стал он мимо окон ходить раз по десяти в день; ну, что хорошего, лучше уж в дом пустить. Только слава.

К р у г л о в а. Само собой.

А г н и я. Все говорить?

К р у г л о в а. Да говори уж заодно.

А г н и я *(равнодушно и грызя орехи)*. Потом он мне письмо написал с разными чувствами, только нескладно очень...

К р у г л о в а. Ну? А ты ему ответила?

А г н и я. Ответила, только на словах. Зачем вы, говорю, письма пишете, коли не умеете? Коли что вам нужно мне сказать, так говорите лучше прямо, чем бумагу-то марать.

К р у г л о в а. Только и всего?

А г н и я. Только и всего. А то что же еще?

К р у г л о в а. Много очень воли ты забрала.

А г н и я. Заприте.

К р у г л о в а. Болтай еще.

Входит М а л а н ь я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К р у г л о в а, А г н и я, М а л а н ь я.

М а л а н ь я *(говорит медленно)*. Шла я тут-то по вулице...

К р у г л о в а. Так что ж?

М а л а н ь я. Так он... Как его?

К р у г л о в а. Кто, он-то?

М а л а н ь я. Как, бишь, его?.. В суседях-то...

К р у г л о в а. Что же?

М а л а н ь я. Да нешто их тут всех... Много их. Такой черноватый...

К р у г л о в а. Седой, что ли?

М а л а н ь я. Да, седой. Что я!.. А я черноватый...

К р у г л о в а. Ахов, что ли?

М а л а н ъ я. Надо, что он... Ахов его... что ли. Большой такой...

К р у г л о в а. Среднего росту?

М а л а н ь я. Да, пожалуй, что и так.

К р у г л о в а. Ну, что же он? Проснись ты, сделай милость!

М а л а н ь я. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... так что кому! Кланяйся, говорит.

К р у г л о в а. Немного ж ты сказала.

М а л а н ь я. Что ж мне еще говорить? *(Уходит и сейчас же возвращается.)* Да, забыла... Зайду, говорит.

К р у г л о в а. Когда?

М а л а н ь я. Кто ж его... Мне почем знать? *(Уходит и возвращается.)* Да! Из головы вон... Нынче, говорит, зайду. Ахов он, что ли, прозывается? Черноватый такой...

К р у г л о в а. Седой весь?

М а л а н ь я. Да и то седой. Эка память! Господи! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К р у г л о в а и А г н и я.

К р у г л о в а. Нашу слугу Личарду только послом посылать. Растолкует дело, как по-писаному. Как начнет толковать, так точно у ней в голове-то жернова поворачиваются.

А г н и я. Этот ваш Ахов дядя Ипполиту?

К р у г л о в а. Да, дядя.

А г н и я. Вот придет, помешает нам гулять идти. Зачем это он?

К р у г л о в а. Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай — деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет, и не то, что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный. Да вот не скажут в глаза. Женщины на это скорей; кабы только нам разуму побольше. И что это он к нам повадился?

А г н и я. Должно быть, влюблен.

К р у г л о в а. В кого?

А г н и я. Да я так думаю, в вас.

К р у г л о в а. Не в тебя ли?

А г н и я. Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, в самый раз.— Что ж, богатой купчихой будете. Чего еще приятнее?

К р у г л о в а. Да и кажется... Господи-то меня сохрани! Видела я, дочка, видела эту приятность-то. И теперь еще, как вспомню, так по ночам вздрагиваю. А как приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отец, так меня сколько раз в истерику ударяло. Веришь ты, как я зла на них, на этих самодуров проклятых! И отец-то у меня был такой, и муж-то у меня был еще хуже, и приятели-то его все такие же; всю жизнь-то они из меня вымотали. Да, кажется, приведись только мне, так я б одному за всех выместила.

А г н и я. Уж будто бы?

К р у г л о в а. Уж потешила бы свою душеньку; да не приходится. А и то сказать: что хвастать-то! Душа-то у нас коротка, перед деньгами-то, пожалуй, и растаешь. Проклятые ведь они.

А г н и я. Особенно коли их нет.

К р у г л о в а. Ну, я спать пошла.

А г н и я. С богом.

К р у г л о в а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А г н и я, потом И п п о л и т.

А г н и я *(взглянув в окно)*. Опять мимо ходит. Что это у них за манера. *(Открывает окно и кланяется.)* Что, вы потеряли что-нибудь?

Ипполит за окном: «Окромя сердца ничего-с».

Что же вы ходите взад и вперед? Отчего вы прямо не войдете?

Ипполит за окном: «Не смею-с».

Кого же вы боитесь?

Ипполит за окном: «Маменьки вашей».

Чего же ее бояться? Она спит.

Ипполит за окном: «В таком случае, сейчас-с».

Агния. Такой видный, красивый молодой человек, а какой робкий.

Ипполит входит. Он одет чисто и современно; с маленькой бородкой, довольно красив.

Еще здравствуйте!

Ипполит. Наше почтение-с.

Агния. А мы вас ждали; хотим вместе гулять идти. Вы пойдете?

Ипполит. Даже с великим моим удовольствием-с. *(Оглядывается по сторонам.)*

Агния. Да не бойтесь, не бойтесь; я вам говорю, что спит.

Ипполит. Не то, чтоб я боялся, а как, собственно, что без их приглашения.

Агния. Все равно, я вас пригласила.

Ипполит. Все равно, да не одно-с. А вдруг выдет сама да скажет: «непрошеные гости вон!» Со мной такие-то разы бывали. Однако, оно довольно конфузно-с.

Агния. Да разве можно? Что вы!

Ипполит. Оченно можно-с; особливо если хозяин или хозяйка с характером. И пойдешь, как не солоно хлебал; да еще оглядываешься, в затылок не провожают ли.

Агния *(смеется)*. А вас провожали?

Ипполит. Кабы не провожали, так я бы про эту самую деликатность и не знал.

Агния. Да не может быть.

Ипполит. От образованных людей, конечно, ожидать нельзя, а по нашей стороне всего дождешься. Кругом нас какое невежество-то свирепствует,— страсть! Каждый хозяин в своем доме, как султан Махнут-Турецкий; только что голов не рубит.

Агния. Вы, должно быть, трус.

Ипполит. За что же такая критика?

Агния. Всего вы боитесь.

Ипполит. Совсем напротив-с; я так себя чувствую, что во мне даже отчаянности достаточно.

Агния. Против кого?

Ипполит. Против всех-с.

Агния. И против хозяина?

Ипполит. И хозяин тоже, если что не дело, так немного у меня возьмет. Тоже осажу в лучшем виде.

Агния. Да правда ли?
Ипполит. С тем возьмите.
Агния. Ну, смотрите же! Я трусов не люблю, я вам вперед говорю.
Ипполит. Зачем же-с! Конечно, я не в том звании родился, нас с малолетства геройству не обучают, а ежели взять на себя смелость...
Агния. Так берите ее почаще.
Ипполит. Такой ваш совет-с?
Агния. Да, мой совет. И не бойтесь моей маменьки.
Ипполит. Так точно все и будет в аккурате исполнено-с.
Агния. Ну, и прекрасно. И во всем меня так слушайтесь.
Ипполит. Да оно теперь и самое время вам учить меня.
Агния. Почему же?
Ипполит. Я чувствую, что я совсем потерянный, и даже в мыслях разбивка пошла, врозь.
Агния. Что же с вами сделалось?
Ипполит. От чувств.
Агния. Скажите пожалуйста, какой вы чувствительный!
Ипполит. Я-то? Сам себе не рад, вот как-с! Только что складу в словах не знаю, вот одно.
Агния. А то что ж бы было?
Ипполит. Сейчас бы все стихами.
Агния. Ну, можно и без них обойтись.
Ипполит *(берет с пяльцев вышитую ленточку для закладки книги)*. Это вы для кого же сувернир-с?
Агния. Вам что за дело?
Ипполит. Значит, мы сейчас конфискуем.
Агния. Кто вам позволит еще?
Ипполит. А ежели без позволения-с?
Агния. Как, без позволения? За это к мировому.
Ипполит. А я мировому скажу, что на знак памяти.
Агния. В знак памяти просят, а не сами берут.
Ипполит. А ежели, в случае, от вас не дождешься-с?
Агния. Значит, вы не стоите. Положите опять на место.
Ипполит. Хоша на один день позвольте попользоваться.
Агния. Ни на один час.

Ипполит. Жестокости пошли.

Агния. А вот за эти слова, сейчас положите на место и не смейте трогать. Для вас и вышивала, а теперь не отдам.

Ипполит. А коль скоро для меня, имею полное мое право.

Агния. Никакого права не имеете. Подайте! *(Хочет отнять ленточку.)*

Ипполит *(поднимая руку)*. Не достанете.

Агния. Вы думаете, у меня силы нет? *(Хочет нагнуть его руку. Ипполит ее целует.)* Это что еще? Как вы смеете?

Ипполит. Как есть, кругом виноват-с.

Агния. Стыдно вам! *(Садится к пяльцам и опускает голову.)*

Ипполит. Оно точно, что стыдно; конечно, что невежество с моей стороны, а только ежели утерпеть нет никакой возможности... Хоша я человек теперича не вполне, потому как живу в людях и во всем зависим, но при всем том, ежели я вам сколько-нибудь не противен, я вашей маменьке во всем могу открыться как должно.

Агния молчит.

Со временем тоже и я могу человеком быть, и по своему делу даже очень много противу других понятия имею.

Агния молчит.

Мне теперича ежели что страшно, так это, собственно, какое от вас мне решение выдет.

Агния молчит и еще более опускает голову.

Хоть одно слово.

Агния молчит.

Ужли же так, без внимания меня оставите? Имейте сколько-нибудь снисхождения! Может, не верите моим чувствам? Всею душою заверить вас могу. Кабы ежели я не чувствовал, разве б я смел...

Агния *(потупившись)*. Ну, хорошо, я вам верю. А долго дожидаться, когда вы вполне человеком будете?

Ипполит. Когда хозяин настоящее жалованье положит.

Агния. Ну, вот тогда и скажете маменьке; я и сама тоже поговорю. *(Весело.)* А ленточку все-таки подайте!

Ипполит. Нет уж, теперь собственность.

Агния. Ну, как не собственность! Отыму ведь. Только вы смотрите, ежели опять...

Ипполит. Как можно-с!

Агния отнимает ленточку. Ипполит ее целует. Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Круглова, Агния, Ипполит.

Круглова. Что это за возня! Покою нет. Вот славно!

Агния *(тихо вскрикивает).* Ах! *(Садится на стул за пяльцами.)*

Ипполит отходит в глубину комнаты и робко стоит у притолки.

Круглова. Что ж это такое?

Агния. Что? Ничего.

Круглова. Как ничего? Я своими глазами видела, как он тебя целовал.

Агния. Эка важность, поцеловал!

Круглова. По-твоему, это не важность?

Агния. Да, конечно. Вот, кабы укусил, это нехорошо.

Круглова. Ты в своем разуме или рехнувшись? А срам, стало быть, ничего?

Агния. Какой срам! Срам-то бывает у богатых; а мы, как ни живи, никому до того дела нет. И хорошо и худо, все для себя, а не для людей. Хорошо живи, люди не похвалят, и дурно живи, никого не удивишь.

Круглова. Извольте подумать, чем она занимается!

Агния. А вы думали, я все еще в куклы играю?

Круглова. Потихоньку-то от матери...

Агния. Да я и при вас, пожалуй.

Круглова. Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агния. На что его нужно, на то он есть.

Круглова. А все-таки нехорошо, что мать-то не знает.

Агния. Знать-то вам нечего; еще ничего верного-то нет. Придет время, не беспокойтесь, скажем; мы этот порядок знаем.

Круглова. С тобой говорить-то, что больше, то хуже. Лучше бросить; а то еще, пожалуй, у тебя сама ви-

новата останешься. А что правда, то правда: не вовремя вы христосоваться начали.

А г н и я. Вперед зачтите. Конечно, удержать себя можно; да для чего? Молодость-то наша и так не красна; чем ее вспомнить будет?

К р у г л о в а *(Ипполиту)*. Ну, а ты? Разве я тебя за тем в дом-то пускаю? Хорош, хорош!

И п п о л и т. От меня оправданиев не услышите.

К р у г л о в а. Такие вы люди, чтоб вам верить, как же! Пусти козла в огород!

И п п о л и т. Я теперича без слов, все одно, как убитый. На все ваша воля.

К р у г л о в а. Притворяйся сиротой-то. Вот я погляжу, что будет от тебя, а то и турну, брат.

А г н и я. Да будет вам!

К р у г л о в а. Не любите слушать-то?

А г н и я. Гулять пойдемте.

К р у г л о в а. Гулянье на уме-то?

А г н и я. Да уж довольно, маменька. Свое дело исправили, побранили, ну и будет.

К р у г л о в а. Ну, шут вас возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти.

Входит А х о в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К р у г л о в а, А г н и я, И п п о л и т, А х о в.

А х о в. Вот и я к тебе забрел, в твою хижину убогую.

К р у г л о в а. Милости просим! Благодарим, что не гнушаетесь.

А х о в. Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Федосевна; цени это! Ждали ль такого гостя-то? *(Поглядывает косо на Ипполита.)*

К р у г л о в а. И ждали, и нет.

А х о в. Как же? Ведь я с твоей дурой-то приказывал вам, чтоб ждали.

К р у г л о в а. Да ведь слуга-то у нас антик; не дождешься ее, пока у ней язык-то поворотится.

А х о в *(Агнии)*. Весело ль прыгаешь?

А г н и я. Понемножку.

А х о в. Что ж так? А ты живи веселей! Коли мать обижать будет, так ты мне на нее жалуйся.

К р у г л о в а. Просим покорно садиться.

А х о в *(косясь на Ипполита)*. Сяду, сяду, не проси. *(Садится на диван.)*

К р у г л о в а. Чем потчевать прикажете, Ермил Зотыч?

А х о в. Погоди еще потчевать-то, дай гостям усесться хорошенько.

К р у г л о в а. Усаживайтесь.

А х о в. Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругом-то! Уселся я, да порядку у тебя в доме нет; вот что!

К р у г л о в а. Не знаю, батюшка, что ты говоришь.

А х о в *(Ипполиту)*. Ну!

И п п о л и т. Что, дяденька, прикажете?

А х о в. Не знаешь?

И п п о л и т. Что же вам будет угодно-с?

А х о в. Да ты приди в себя! Где ты?

И п п о л и т. У Дарьи Федосевны-с.

А х о в *(передразнивая его)*. У Дарьи Федосевны! Знаю, что у Дарьи Федосевны. Значит, по-твоему, тебе здесь и надо быть?

И п п о л и т. Я в гости пришел-с.

А х о в. А я зачем?

И п п о л и т. Так полагаю, дяденька, что вы тоже-с.

А х о в. Ну, так ты мне компания или нет? Догадался теперь?

И п п о л и т. Чего же я должен догадаться-с?

А х о в. Что где хозяин, там тебе не место. Понял?

И п п о л и т. Понимаю-с.

А х о в. Ну, и, значит, поди вон!

К р у г л о в а. За что ж ты его гонишь?

А г н и я. Для нас гости все равны.

А х о в. Много вы знаете! Не ваше это дело! *(Ипполиту.)* Ты, как завидел хозяина, так бежать должен; шапку не успел захватить, так без шапки беги. Был, да и след простыл, словно тебя ветром сдунуло с лица земли. Что ж, кому я говорю?

И п п о л и т. Но позвольте-с...

А х о в. За волосы, что ль, тебя вытащить отсюда?

И п п о л и т. Как же это можно-с? При дамах даже-с...

А х о в. При дамах! Очень мне нужно. Вытащу, да и все тут.

И п п о л и т. За что же такая обида-с? Я здесь на благородном счету-с.

А х о в *(привстает)*. Пошел вон, говорят тебе.

И п п о л и т *(берет шляпу)*. Ежели вы непременно того желаете...

А г н и я *(Ипполиту)*. Струсили?
А х о в *(топая ногами)*. Вон без разговору, вон!

И п п о л и т уходит.

А г н и я *(вслед ему)*. Стыдно, стыдно трусить!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А х о в, К р у г л о в а, А г н и я.

А х о в. У меня струсишь; у меня и не такой, как он, струсит.

А г н и я. Что же вы, страшны, что ли, очень?

А х о в. Не страшен я; страшен-то черт да еще пугало страшное на огороде ставят, ворóн пугать. Говорить-то ты не умеешь! Не страшен я, а грозен. *(Кругловой.)* А ты еще усаживаешь да потчуешь при мальчишке-то!

К р у г л о в а. Чем он тебе помешал, не понимаю.

А х о в. Пора понимать; не за мужиком замужем-то была. Порядок-то тоже в доме был заведен; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что за невежество!

К р у г л о в а. Никакого тут невежества нет. Да что ты, в самом деле, учить меня стал! Поздно уж, да и не нуждаюсь я.

А х о в. Да мне что? Живи, как хочешь; тебе же хуже.

К р у г л о в а. Прожила век-то как-нибудь, теперь уж немного доживать осталось.

А х о в. Да ты только рассуди, как ему с хозяином в одной комнате? Может, я и разговорюсь у вас; может, пошутить с вами захочу; а он, рот разиня, слушать станет? Он в жизни от меня, кроме приказу да брани, ничего не слыхивал. Какой же у него страх будет после этого? Он скажет, наш хозяин-то такие же глупости говорит, как и все прочие люди. А он знать этого не должен.

К р у г л о в а. Ну, уж где нам эту вашу политику понимать!

А х о в. Мы иногда сберемся, хозяева-то, так безобразничаем, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Так нам и пустить к себе в компанию приказчиков, чтоб они любовались на нас?

К р у г л о в а. Это уж твое дело.

А х о в. То-то я и говорю. Вот ты, как только меня увидала, прежде чем сажать-то меня да потчевать, вытолкнула бы его за дверь; и ему на пользу, да и мне приятнее.

К р у г л о в а. Чаем просить прикажете?

А х о в. Не хочу, обидели. Я к вам было всей душой, а вы меня уважить не хотели.

К р у г л о в а. Трудно угодить-то на тебя.

А х о в. Нет, ты постой! Уважать нас очепно надобно. Особенное нам должно идти уважение супротив других людей. А почему так? Я тебе скажу, если не знаешь.

К р у г л о в а. Скажи, послушаем.

А х о в. Ты богатого человека, коли он до тебя милостив, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имеешь; нужда али что, к кому тебе кинуться? А второе: разве ты знаешь, разве тебе чужая душа открыта, за что богатый человек к тебе милостив? Может, он так только себе отвагу дает, а может, сурьёз!! Потому что для нашего брата, ежели что захотелось, дорогого нет; а у вас, нищей братии, пичего заветного нет; все продажное. И вдруг из гроша рубль. Поняла?

К р у г л о в а. Ну, не вдруг-то.

А х о в. А вот сейчас тебе... *(Агнии.)* Можешь ты меня поцеловать теперь, при матери?

А г н и я. Могу, коли захочу.

А х о в. Ну, так захоти, в накладе не будешь.

А г н и я. Да и барыша мне не надо; а чтоб только из пустяков лишнего разговору не заводить, извольте. *(Целует его.)*

А х о в *(Кругловой)*. Видела?

К р у г л о в а. Что видеть-то? Я и не то видала. Чмокнуть-то губами невелико дело! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно, что горшок об горшок; сколько ни бей, а масла не будет. А то есть дело, которое совсем другого рода; тогда уж мать смотри только.

А х о в. Нет, ты слушай! Ведь богатство-то чем лестно? Вот чем: что захотел, что задумал только — все твое.

А г н и я. Ну, если б я знала, что вы так будете мое снисхождение понимать, ни за что б вас не поцеловала.

А х о в. Ты молчи, ты молчи! Худого ты не сделала. Нет, я говорю, коли вся жизнь-то... может, не одной даже сотни людей в наших руках, так как нам собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенького хочется... А что уж про тех, кому и вовсе-то есть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой, задешево! Поверишь ли, иногда даже жалко самому станет.

К р у г л о в а. Что капиталом-то гордиться!

А х о в. А то чем же? *(Со вздохом.)* Сила, Федосевна, сила!

К р у г л о в а. Ну, да что говорить!

А х о в. Ну, так вот ты и обсуди, да подумай одна на досуге, с подушкой; авось дело-то ладней пойдет. *(Встает.)* Ну, прощайте покудова. А вы ничего, я не сержусь.

К р у г л о в а. Ну, и ладно, коли не сердишься. Что хорошего сердиться!

А х о в. Разумеется, как давно ты в бедности, так от настоящих порядков отвыкла; а дай тебе деньги-то, так ты опять.

К р у г л о в а. Еще бы.

А х о в. Так ты вникни, Дарья Федосевна! *(Значительно.)* Советую. Помни одно: никто, как бог! *(Агнии.)* Прощай, стрекоза!

А г н и я. Прощайте, Ермил Зотыч.

А х о в. Я ведь, пожалуй, и опять скоро. Меня к вам ровно что тянет... Конечно, что и с вашей стороны нужно... Ну, да будет. Завтра приходить, что ль?

К р у г л о в а. Что за спрос? Да когда только тебе угодно!

А х о в. Ладно, ладно. *(Тихо Кругловой.)* Завтра приду.

К р у г л о в а. Да что за секрет!

А х о в *(толкает ее локтем)*. Толкуй с тобой. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К р у г л о в а, А г н и я.

А г н и я. Маменька, когда Ипполит придет, гоните его без милосердия.

К р у г л о в а. Не Ермила ли гнать-то?

А г н и я. За что его? Он чем виноват? Как же ему не возноситься, когда ему все покоряются.

К р у г л о в а. Ты что ни говори, а мне Ипполита жалко.

А г н и я. Что его жалеть-то; он не маленький. Кабы у него совесть, так он сам бы стыдился, что его

жалеют. Какого маленького обидели! Видеть его не могу.

К р у г л о в а. Что так грозно?

А г н и я. Ну, будь он женат, да с женой здесь, каково бы ей бедной!

К р у г л о в а. Попробуй-ка с Ермилом-то сговорить.

А г н и я. Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да и пошел. А я было чуть не полюбила его, плаксу.

К р у г л о в а. У тебя, видно, сколько дней на неделе, столько и пятниц. Не успела полюбить, да уж и разлюбила.

А г н и я. Да-таки и разлюбила.

К р у г л о в а. А я так больше полюбила.

А г н и я. Ну, и поздравляю.

К р у г л о в а. И тебе советую.

А г н и я. Ну, уж напрасно.

К р у г л о в а. Потому, что он добрый.

А г н и я. Противный, распротивный.

К р у г л о в а. Ахов лучше?

А г н и я. И сравнения нет.

К р у г л о в а. Уж куда как хорош! Ну, и целуйся с своим Аховым.

А г н и я. Да, разумеется, лучше, чем с Ипполитом.

К р у г л о в а. Тебе бы об этом прежде догадаться.

А г н и я. Не попрекайте, не попрекайте, я уж и то себя проклинаю.

К р у г л о в а. Я тебя не попрекаю; а уж, по-моему, коли понравился человек, так и держись одного.

А г н и я. Как же не так; стоит он! Я еще вот что сделаю, я напишу ему, чтоб он не смел к нам и показываться. *(Идет в другую комнату.)*

К р у г л о в а. Что писать-то напрасно; только даром руки марать!

А г н и я. Совсем не напрасно. *(Уходит.)*

К р у г л о в а. Как не напрасно; ведь вот, погодя немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорее.

А г н и я *(из другой комнаты)*. Да ни за что, ни за что на свете.

К р у г л о в а. Поверю я, как же.

А г н и я. И не говорите лучше! Конец знакомству — вот и все.

К р у г л о в а. Посмотрим, сказал слепой. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

КРУГЛОВА.

АГНИЯ.

АХОВ.

ИППОЛИТ.

ФЕОНА
ключница Ахова и дальняя родственница.

МАЛАНЬЯ.

Декорация первой сцены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова (на диване), Феона (на кресле) пьют чай. На столе самовар. У двери стоит Маланья (подперши рукой щеку).

Круглова. Ты, Феонушка, от обедни?

Феона. От обедни, матушка.

Круглова. Где стояла?

Феона. В Хамовниках.

Круглова. А далеко ведь?

Феона. Конечно, что не моим бы ногам, только что усердие, так уж... *(Ставит чашку.)*

Круглова *(наливая)*. Пей еще!

Феона. Выпью, не обессудьте.

Маланья. А вот... в лени живущим все тяжело, которые ежели себя опущают. Другой раз поутру-то... так тебя нежит-томит... ровно тебя опоили, плоть-то эта самая точно в рост идет, по суставам-то ровно гудет легонечко... Не токма, чтобы какое дело великое, что по христианству тебе следует, а самовар, и тот лень поставить... все бы лежала.

Феона. А ты, девушка, блажь-то с себя стряхивай,— старайся! В струне себя норови... а то, долго ль, и совсем одубеешь. У нас так-то было с одной — вся как свинцом налитая сделалась. Ни понятия, говорит, ни жалости во мне ни к чему не стало.

Маланья. Само собой, что грехи... наши; а то я... про что же!

Феона. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Он еще до заутрени чаю-то напился.

Маланья. Ишь ты, как его...

Круглова. Что ж у него за дело — спешное?

Феона. Да какое дело, окромя, что ворчать ходить да

чтоб не спали? Ненавистник! Уж очень он за свою хлеб-соль обидчик! Его куском-то подавишься; он им тебя раз десять в день-то попрекнет. Кричит: «Я вас кормлю да жалованье плачу», а чужой работы не считает. Ему, кажись, кабы можно из рабочего дня-то два сделать, так он был бы рад-радостью. Вот и бродит спозаранку, и по двору бродит, и по саду бродит, по сараям, по конюшням бродит. Потом на фабрику поедет, там тоже только людям мешает: человек за делом бежит, а он его остановит, ругать примется ни за что; говорит: для переду годится. А с фабрики приедет, с детьми стражается — вот и все наши дела.

Круглова. Ты мне не говори; свой такой же чадо был. Один, видно, их портной кроит. Одна разница: мой-то нас мучил, мучил, да чуть не с сумой оставил; а ваш-то зарылся по горло в деньгах, и счет потерял, так и завяз там.

Феона. Да что и деньги-то! Только грех один. Хорошо, как в руки попадут, а то, кто его знает, что у него на уме. Один сын бежал из дому, Николай Ермилыч-то.

Круглова. Давно ли?

Феона. Бежал, матушка; бежал к теще. Еще на той неделе съехал. И кроткий человек, а не стерпел. Веришь ты, исхудал весь, ходит, да так всем телом и вздрагивает. Да и жена его, женщина молодая, измаялась совсем; в слезах встает, в слезах и ложится. Все старик их наследством попрекает. «Смерти моей, говорит, желаете, денег дожидаетесь, воли вам мало? Подождите, говорит, подождите; я с своими коплеными не скоро расстанусь; прежде я вас жить поучу, за свое добро над вами покуражусь так, что вы и деньгам не обрадуетесь».

Маланья. А и аспид же он у вас.

Феона. Аспид, как есть аспид. *(Ставит чашку на стол.)* Благодарю покорно!

Круглова. А еще?

Феона. Нет уж, вволю напилась, сколько хотенья было. Еще дома, приду, пить буду. Что ж делать от скуки-то? А сама что ж не пьешь?

Круглова. Уж мы с Агничкой напились. Это я так, с тобой балую. Маланья, убирай чай!

Маланья принимает самовар, поднос с чашками и уходит.

Ф е о н а. А вот Гриша у нас, другой-то, матушка...
К р у г л о в а. Знаю, знаю.
Ф е о н а. Не таков, озорноват; видно, в батюшку удался.
К р у г л о в а. Его-то хоть любит ли?
Ф е о н а. Никак нельзя его, матушка, любить-то; очень уж нескладен, да и бестолков так, что не накажи господи! Одно только и знает, что отцу в ноги кланяться, а уж пить да буянить — другого не найдешь. От этого от самого-то око-зрение у него притупилось. Как приедет откуда пьяный или привезут его, глаза вытаращит, как баран, уставится в одну сторону и давай перед отцом лбом в пол стучать. Тот его простит, а он опять закатится. Что жалоб на него было, что за него денег плачено! Вот недавно задурил; привезли его, из каких теплых местов, уж не знаю, только связанного. И двое побитых с ним, да одного, говорят, в Москве-реке топил. Ну, нечего делать, заплатил отец побитым за изъян, а тонущего, и которые его из воды тащили, еще и вином напоили, окромя денег. И сослал его отец на фабрику, чтоб держали там взаперти до усмирения.
К р у г л о в а. Эки дела! Как богатые-то купцы живут! Не позавидуешь и богатству-то их.
Ф е о н а. Что, матушка, в нем завистного! В этом богатстве-то чужих слез больно много, вот они и отзываются — до седьмого колена, говорят.
К р у г л о в а. Значит, старик-то теперь один; то-то он и повадился ко мне ходить.
Ф е о н а. Почитай, что один. Дом-то у нас старый княжеский, комнат сорок — пусто таково; скажешь слово, так даже гул идет; вот он и бродит один по комнатам-то. Вчера пошел в сумерки да заблудился в своем-то дому; кричит караул не благим матом. Насилу я его нашла да уж вывела. Это он со скуки к тебе бродит. Гришу-то опять с фабрики привезли, матушка, только больного. Доктор ездит, да еще старичок-раскольник ходит, живых линей ему к подошвам прикладывает. На фабрике-то у нас елехтор немец, Вандер, и такой-то злой пить, что, кажется, как только утроба человеческая помещает; и что ни пьет, все ему ничего, только что еще лучше, все он цветней да глазастей становится. Ну, а наш-то еще молод, и не перенес, и нашло на него ума по-

мрачение. Стал выбегать на балкон да в мужиков из ружья стрелять. Само собой, что не своей волей он это творил. Может, они еще к нему в Москве приступили, да на́м-то невдомек было. Стали, говорит, они кругом его сначала как шмели летать, а потом уж в своем виде показались, как им быть следует. И все-то он теперь от них прячется. Ох, пойти! А то сам-то, пожалуй, заругается.

Круглова. Посиди. Кто ж у вас делом-то правит?

Феона. Племянник, матушка.

Круглова. Ипполит?

Феона. Он, матушка, он, Аполит. И по конторе и по фабрике — все он.

Круглова. Каков он, парень-то, я давно у тебя хотела спросить.

Феона. Мученик, матушка, одно слово. Страстотерпец. Один за всех дело делает, покою не знает; а кроме брани, себе ничего не видит.

Круглова. Не пьет он?

Феона. И, что ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьет, я так полагаю, надо быть, в скорости.

Круглова. Отчего так?

Феона. Не стерпит, невозможно. У нас все одно: что честно себя содержи, что пьянствуй — все одна цена-то; от хозяина доброго слова не дождешься; так что за напасть, из чего себя сокращать-то. Прежде Аполит все-таки повеселее ходил, а теперь такой пасмурный, из всего видно, что запить сбирается. Ну, и деньгами бьется, бедный; положения ему нет, а что даст хозяин из милости.

Круглова. Эко, бедный, а!

Феона. Да ты что про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова. А хоть бы и сватаю; разве дурное дело?

Феона. Кто ж говорит. Уж ты не свою ли?

Круглова. Что ж, и моя невеста.

Феона. Ну, вот дуру нашла; поверю я, как же! Что тебе за охота за подначального человека!

Круглова. Я и за хозяином была, да горе-то видела. Разумеется, попадется состоятельный человек, мы брезгать не станем.

Феона. Зачем брезгать! Да оно и по всему видно, что твоей птичке в золотой клетке быть.

Круглова. Ах, Феонушка, клетка — все клетка, как ты ее ни золоти.

Феона. Что-то наш старик уж очень стал твою дочку похваливать.

Круглова. Пущай его хвалит, нам убытку нет.

Феона. Что ж не похвалить! И всякий похвалит. Да блажной ведь он старичишка-то; говорит такое, что ему не следует. Ведь ему давно за шестьдесят, она ему во внучки годится. А он на-ко-подп, ровно молоденький.

Круглова. Что ты говоришь?

Феона. Будто ты его не знаешь? От него все станется.

Круглова. Ну, где же!

Феона. Да уж верно, коли я говорю. Не в первый раз ему Москву-то страмить. Он, было, и за богатеньких брался, ума-то у него хватило, да местах в трех карету подали; вот теперь уж другое грезит. «Изберу я себе из бедных, говорит, повиднее. Ей моего благодеяния всю жизнь не забыть, да и я от ее родных что поклонов земных увижу! Девка-то девкой, да и поломаюсь досыта».

Круглова. А ведь эти старики богатые только сами много мечтают о себе, а ума в них нет.

Феона. Нет, матушка, нет, один форс. А собьют с него форс-то этот самый, так он что твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засиделась я.

Круглова. Прощай, Феонушка!

За сценой голос Агнии: «Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица».

Феона. Это дочка, чай?

Круглова. Агничка.

Феона. Веселенькая какая, бог с ней.

Входит Агния.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Круглова, Феона, Агния.

Агния. Здравствуй, бабушка.

Феона. Здравствуй, родная! Что ж замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь ли, что в тебе поет-то?

Агния. Что?

Феона. Воля. А вот, придет время, бросишь песенки-то.

Агния. Да я в неволю не пойду.

Феона. И рада б не пошла, да коли так предуставлено. Счастливо оставаться! Что вы меня не гоните! Прощайте! *(Уходит.)*

Агния садится к пяльцам и задумывается.

Круглова. Посоветуйся с матерью-то! Что ты все одна вздыхаешь! Я ведь тебе друг, а не враг.

Агния. Нет, маменька, боюсь расплачусь; а плакать что хорошего. *(Работает.)*

Круглова. Сказать тебе новость?

Агния. Скажите!

Круглова. Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

Агния. Ах! Убили!

Круглова *(улыбается)*. Мое дело сказать тебе; а там уж, как хочешь.

Агния. Ну, да уж, конечно.

Круглова. Воли я с тебя не снимаю.

Агния *(работая)*. Покорнейше вас благодарю.

Круглова. Деньги никому еще на свете не надоели.

Агния. Еще бы!

Круглова. А как их нет, так и подавно.

Агния. Что и говорить!

Круглова. Ну, и почет тоже что-нибудь да значит.

Агния. Само собой.

Круглова. Завидный жених.

Агния. И спорить нечего.

Круглова. Стар только.

Агния. Ничего.

Круглова. Да нравом лют.

Агния. Это у него, бог милостив, пройдет.

Круглова. Да что ты вздурилась, что ли?

Агния. А что?

Круглова. Я таких речей от тебя прежде не слыхивала.

Агния. И я от вас не слыхивала. Коли вы шутите, ну, и я шучу; коли вы серьезно, и я серьезно.

Круглова. Я пошутила, да уж и не рада стала. Кто тебя знает, ты мудреная какая-то!

Агния. А вы не шутите в другой раз.

Круглова. А ну, как он, в самом деле, присватается?

Агния. Уж будто вы и слов не найдете?

Круглова. Слов-то как не найти!

Агния. Так чего же вам еще?

Круглова. А если он тебя спросит, ты что скажешь?

Агния. Я девушка-ангел, я скажу: «как маменьке угодно!»

Круглова. Ну, и ладно.

Входит Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круглова, Агния, Ипполит.

Ипполит. Наше вам почтение-с.

Круглова. Здравствуй, голубчик.

Агния молча слегка кланяется.

Садись, что стоишь!

Ипполит *(садясь)*. Собственно, мне некогда-с; в момент надо при деле быть. За получением еду.

Круглова. Подождут.

Ипполит. С векселями ждут-то, а не с деньгами-с. Полчаса промешкал, и лови его в Красноярске.

Круглова. По-моему, уж лучше не заходить, коли некогда. Что за порядок: повернулся, да и ушел. Терпеть не могу.

Ипполит. По направлению пути должен был мимо вас ехать, так счел за невежество не зайти.

Круглова. Ну, спасибо и за то. Что новенького?

Ипполит. Старое по-старому, а вновь ничего-с.

Круглова. Жалованья просить скоро будешь?

Ипполит. Как его просить, коли и заикаться не велели. Вот, что дальше будет, посмотрю.

Круглова. И дальше то же будет, коли зевать будешь. Приставай к горлу — вот и все тут.

Ипполит. Не на таких я правилах основан-с.

Круглова. Как хочешь! Я тебе добра желаю.

Ипполит. А при всем том, я об вашем разговоре подумаю-с.

Круглова. Думай! Не все тебе малолетним быть! Что у тебя впереди-то?

Ипполит. Сулит большое награждение. Только, если на него надеяться, надо будет при своей мечте в больших дураках остаться.

Круглова. В дураках-то бы ничего, как бы хуже не было!

Ипполит. Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы-возможности; а другой, на моем месте, давно бы в слабость ударился и сейчас в число людей, не стоющих внимания, попал. В младенчестве на

брань и на волосяную расправу терпимость есть, все это, как будто, приличное к этому возрасту. А ежели задумываешь об своей солидности и хочешь себя в кругу людей держать на виду, и вдруг тебя назад осаживают, почитай что в самую физиономию! Обидно!

Круглова. Разумеется, обидно.

Ипполит. Ты, по своим трудам, хочешь быть в уважении и по всем правам полным гражданином, и вдруг тебя опять же на мальчишеское положение поворачивают, тогда в душе большие перевороты бывают к дурному.

Круглова. А кто тебя держит? Ты ведь не крепостной у него.

Ипполит. А куда же я пойду-с? На триста рублей в год в лавку? И должен я лет пять биться в самом ничтожном положении. Когда же я человеком буду во всей форме? Теперь все-таки одно лестно, что я при большом деле, при богатом дяде в племянниках. Все-таки мне почет.

Круглова. Где? В трактире?

Ипполит. Хоша и в трактире.

Круглова. Ну, так сам виноват, нечего тебя и жалеть!

Ипполит. Может, он когда и войдет в чувство.

Круглова. Дожидайся от него чувства-то!

Ипполит. Я так понимаю, что мне с него тысяч пятнадцать по всем правам следует.

Круглова. Понимай, что хочешь, а слушать тебя скучно. Пойти работу взять. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агния и Ипполит.

Агния. Зачем же вы мне лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполит. Да уж очень обидно признаться-то-с. Ну, и говоришь про себя, как лучше, чтоб тебя за человека считали.

Агния. Вы трус, да и лгун еще. По вашему характеру, денег вы от хозяина не дождетесь, а вернее всего, что он сам вас прогонит.

Ипполит. Помилуйте, за что же? В таком случае, против его невежества можно и самому невежливым быть.

Агния. Давно бы вам догадаться.

Ипполит. Нешто вооружиться!

Агния. Вооружайтесь!

Ипполит. Коли вы одобряете, так и будет-с. Коль скоро человек своего должного не понимает и слов не чувствует, надо ему на деле доказать, чтоб он от своего необразования сколько-нибудь очувствовался.

Агния. Чем же вы ему докажете?

Ипполит. Даже очень немногим-с. Вот и сейчас он в моих руках. *(Показывает векселя.)* Всему только делу остановка, что у меня совести довольно достаточно.

Агния. И хорошо, что ее достаточно. Человека бессовестного любить нельзя.

Ипполит. Хорошо, что вы мне это заранее сказали-с.

Агния. А вы не знали?

Ипполит. Почем же я могу ваш характер знать-с! Обыкновенно у женщин больше такое понятие-с, что хоть на разбой ходи, только для нее и для дому будь добычник.

Агния. Я воров не люблю, а другие, как хотят — не мое дело.

Ипполит. Значит, только из одного того, чтоб любовь вашу заслужить?

Агния. Не говорите мне о любви, пожалуйста!

Ипполит. Почему же так-с?

Агния. Я не хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполит. По вашим словам, я самый ничтожный человек-с...

Агния. Это ваше дело.

Ипполит. Ото всех в презрении.

Агния. Кто ж виноват?

Ипполит. Заместо того, чтоб мне от вас утешение...

Агния. Вас станут бить, как мальчишку, а я должна вас утешать! Да с чего вы выдумали?

Ипполит. Кто же меня пожалеет-с?

Агния. Мне-то что за дело! Смеяться над вами, а не жалеть.

Ипполит. После этого уж только помирать остается на моем месте.

Агния. Конечно, лучше.

Ипполит. Стало быть, вы обо мне очень низкого понятия?

Агния. Очень.

Ипполит. Однако, такой удар от вас! Я даже, как его перенести, не знаю.

Агния. Очень рада.

Ипполит. И никакого, значит, к человечеству снисхождения?

Агния. И не ждите.

Ипполит. Однако же, влетел я ловко! Вот так обман для моих чувств! Ошибался я в своей жизни...

Агния *(отирая слезы)*. Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорят вам. Стыдно мне, взрослой девушке, не уметь людей разбирать. Меня никто не тянул к вам.

Ипполит. Но позвольте мне в свое оправдание...

Агния. Подите, подите!

Ипполит. Но, однако, хоть малость пожалейте!

Агния. Послушайте! Нынче же выпросите себе у хозяина хорошее жалованье или отходите от него и ищите другое место! Если вы этого не сделаете, лучше и не знайте меня совсем, и не кажитесь мне на глаза!

Ипполит. Это уж от вас последнее слово-с?

Агния. Последнее.

Ипполит. Ну, так я знаю, что мне делать-с. Я эту штуку давно в уме держу.

Агния. Делайте, что хотите, только честно.

Ипполит. Это я не знаю, там сами рассудите. Опосля, хоть голову с меня снимите, только я от своего не отступлюсь.

Агния. Ваше дело.

Ипполит. Так прощайте-с!

Агния *(кланяясь)*. Прощайте.

Ипполит. Стало быть, прощанье сухое будет?

Агния. Это что еще?

Ипполит. Хоша ручку-с.

Агния. Ни одного пальчика.

Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Круглова, Агния, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит *(Кругловой)*. Поддержите-с!

Круглова. В чем?

Ипполит. Хочу с хозяином войну начинать.

А г н и я. Не заплачьте перед хозяином, вместо войны-то!

И п п о л и т. Что за насмешки-с! Нет уж, теперича душа моя горит.

К р у г л о в а. Да я-то тут при чем? Не понимаю, голубчик.

И п п о л и т. Чрез полчаса я вам объясню в точности.

Входит М а л а н ь я и молча вздыхает.

А г н и я. Каких чудес не бывает!

И п п о л и т. Да уж докажу себя перед вами.

М а л а н ь я. Дединька идет.

К р у г л о в а. Какой дединька?

М а л а н ь я *(вздыхая)*. Сединький.

И п п о л и т. Уж не хозяин ли?

М а л а н ь я. Должно, что хозяин. Да он и есть; что я говорю-то. *(Уходит.)*

И п п о л и т. Вот было попался.

К р у г л о в а. Пройди чрез мою комнату, и не встретитесь.

И п п о л и т уходит в комнату Кругловой. Круглова встречает в передней А х о в а и входит вместе с ним.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К р у г л о в а, А г н и я, А х о в.

К р у г л о в а. Пожалуйте, Ермил Зотыч! Милости просим!

Агния кланяется.

А х о в. Да! Милости просим! Милости просим! За что нас везде любят? Везде: «милости просим!»

К р у г л о в а. Ты думаешь, за богатство за твое?

А х о в. Притворяйся еще! Что ни толкуй, Федосевна, а против других отличка есть?

К р у г л о в а. Ну, само собой.

А х о в. Бедный человек пришел, хочешь — ты им занимаешься, хочешь — прогонишь, а богатый хоша бы и невежество сделал, ты его почитаешь. *(Указывая на Агнию.)* Работает?

К р у г л о в а. Работает.

А х о в. Да! Это хорошо.

К р у г л о в а. Для скуки.

А х о в. А много ль ей годов? Все я не спрошу у тебя.

К р у г л о в а. Двадцать лет.

А х о в. Еще не стара. *(Тихо.)* Об женихах думает?

К р у г л о в а. Ну, какие женихи без приданого?

А х о в. Таким бог невидимо посылает.

К р у г л о в а. Что-то не слыхать.

А х о в. Нет, ты не говори, бывает... за добродетель. Особенно, которые кроткие, покорные, вдруг откуда ни возьмется человек, чего и на уме не было, об чем и думать-то не смели.

К р у г л о в а. Бывает-то бывает, да очень редко.

А х о в. Молиться нужно хорошенько,— вот и будет.

К р у г л о в а. Да и то молимся.

А х о в. К Пятнице Парасковее ходила?

К р у г л о в а. Ходила.

А х о в. Ну, и жди. Только ты уж с покорностью; посватается человек, особенно с достатком, сейчас и отдавай. Значит, такое определение. А за бедного не отдавай!

К р у г л о в а. Что за крайность!

А х о в. Мало ли дур-то! Выдать недолго, да что толку! Есть и такие, которые совсем своего счастья не понимают через гордость через свою.

К р у г л о в а. Мы не горды.

А х о в. Да чем вам гордиться-то! Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой; а твое дело, Федосевна, только кланяйся. Всем кланяйся, и за все кланяйся, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее.

К р у г л о в а. Спасибо за совет! Дай бог тебе здоровья.

А х о в. Верно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну, и благодетель, и отец родной, ну, и кланяйся тому в ноги. А не то, чтобы, как другие, от глупости чрезмерной, нос в сторону от благодетелев.

К р у г л о в а. Да уж не учи, знаю.

А х о в. Ты-то знаешь, тебе пора знать; тоже школу-то видела при покойном. Страх всякому человеку на пользу; оттого ты и умна. А вот молодые-то нынче от рук отбиваются. Ты свою дочь-то в страхе воспитывала?

К р у г л о в а. В страхе, Ермил Зотыч, в страхе. Да вот поговори с ней; а я пойду, за Маланьей посмотрю, что она там делает. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Агния, Ахов.

Ахов. Ну, об чем же мы с тобой говорить будем?
Агния. Об чем хотите.
Ахов. Ты закон знаешь?
Агния. Какой закон?
Ахов. Обыкновенно, какой, как родителев почитать, как старших?
Агния. Знаю.
Ахов. Да мало его знать-то, надобно исполнять.
Агния. Я исполняю: я все делаю, что маменьке угодно, из воли ее не выхожу.
Ахов. Вот так, так. Что мать только тебе скажет, от самого малого и до самого большого...
Агния. Да, от самого малого и до самого большого...
Ахов. Вот за это люблю.
Агния. Покорно вас благодарю.
Ахов. Да еще как люблю-то! Ты не гляди, что я стар! Я ух какой! Ты меня в скромности видишь, может, так обо мне и думаешь; в нас и другое есть. Как мне вздумается, так себя и поверну; я все могу, могущественный я человек.
Агния. Приятно слышать.
Ахов. Ты слыхала ль, что есть такие старики-прокураты, что на молоденьких женятся?
Агния. Как не слыхать! Я слыхала, что есть такие и девушки, которые за стариков выходят.
Ахов. Ну, да это все одно.
Агния. Нет, не все одно. Старику приятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что за охота?
Ахов. Ты этого не понимаешь?
Агния. Не понимаю.
Ахов. Ну, я тебе растолкую.
Агния. Растолкуйте!
Ахов. Вот ты, например, бедная, а пожить тебе хочется; ну, там, как у вас, по-женски? Салоп, что ли, какой али шляпку, на лошадях на хороших проехать, в коляске в какой модной.
Агния. Да, да. Ах, как хорошо!
Ахов. Ну, вот то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что на уме-то у тебя, все знаю. Вот и думаешь: «выйду я за бедного, всю жизнь буду в забвении жить; молодой да богатый меня не возьмет; дай-ка

я послушаю умных людей да выйду за старичка с деньгами». Так ведь ты рассуждаешь?

Агния. Так, так.

Ахов. «Старик-то мне, мол, за любовь мою и того, и сего». *(Очень серьезно.)* Какие подарки делают! Страсть!

Агния. Неужели?

Ахов. Тысячные, я тебе говорю, тысячные! Еще покуда женихами, так каждый вечер и возят, и возят!

Агния. Вот жизнь-то!

Ахов. Да это еще что! А как женится-то, вот тут-то жене житье, тут-то веселье!

Агния. Да, да.

Ахов. Что? лестно?

Агния. Как же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Ахов. Весело небось?

Агния. Очень весело. Да и то еще приятно думать, что вот через год, через два муж умрет, не два же века ему жить; останешься ты молодой вдовой с деньгами на полной свободе, чего душа хочет.

Ахов. Ну, это ты врешь; сама, может, прежде умрешь.

Агния. Ах, извините!

Ахов. Ты все хорошо говорила, а вот последним-то и изгадила. Ты этого никогда не думай и на уме не держи. Это грех, великий грех! Слышишь?

Агния. Я и не буду никогда думать; это так, с языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умирают.

Ахов. Да, ну вот так-то лучше.

Агния. Вы, пожалуйста, этого маменьке не говорите.

Ахов. Что, боишься?

Агния. Боюсь.

Ахов. Это хорошо. Страх иметь — это для человека всего лучше.

Агния. А вы имеете?

Ахов. Да мне перед кем? Да и не надо, я и так умен. Мужчине страх на пользу, коли он подначальный; а бабе — всякой и всегда. Ты и матери бойся и мужа бойся, вот и будет тебе от умных людей похвала.

Агния. Чего лучше.

Входит Круглова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Агния, Ахов, Круглова.

Ахов. Ну, теперь я вас понял обеих, что вы за люди.

Круглова. И слава богу, Ермил Зотыч.

Ахов *(встает)*. Я теперь у вас запросто; а ужо к вечеру ждите меня гостем, великим гостем.

Круглова. Будем ждать.

Ахов. Ты не траться очень-то! Зачем?

Круглова. Это уж мое дело.

Ахов. Думала ли ты, гадала ли, что я тебя так полюблю?

Круглова. И во сне не снилось.

Ахов. Ну, прощайте! Покуда что́ разговаривать! Будет время. *(Агнии.)* Прощай, милая!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч!

Ахов и Круглова подходят к двери.

Ахов. А дочь у тебя умная.

Круглова. И я ее хвалю.

Ахов. А ведь другие есть... наказанье! Мать свое, она — свое. Никому смотреть не мило. *(Агнии.)* Слушай ты меня! Коли что тебе мать приказывает,— уж тут перст видимый!

Агния. Конечно.

Ахов. Ну, прощайте! *(Уходит и возвращается.)* Ты каким это угодникам молилась, что тебе такое счастье привалило?

Круглова. За простоту мою.

Ахов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Круглова и Агния.

Круглова. Была ль я жива, уж не знаю.

Агния. Кабы вы послушали, он мне тут горы золотые сулил.

Круглова. Про горы-то золотые он мастер рассказывать, а про слезы ничего не говорил, сколько его жена покойная плакала?

Агния. Нет, промолчал.

Круглова. А есть что послушать. Дома-то плакать не смела, так в люди плакать ездила. Сберется будто в гости, а сама заедет то к тому, то к другому, поплакать на свободе. Бывало, приедет ко мне, в постель

бросится да и заливается часа три, так я ее и не вижу; с тем и уедет, только здравствуй да прощай. Будто за делом приезжала. Да будет тебе работать-то!

Агния. И то кончила. *(Покрывает работу и уходит.)*

Входит Ипполит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Круглова, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит. Скоро я слетал-с? А еще в Московский забежал, два полуторных коньяку протащил.

Круглова. Это зачем же?

Ипполит. Для куражу-с. Как на ваш взгляд-с, ничего не заметно?

Круглова. Ничего.

Ипполит. Ну, и ладно. А кураж велик! Выпил на полтину серебра, а смелости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова. Купленная-то смелость ненадежна.

Ипполит. Коли своей мало, так за неволю прикупать приходится. Позвольте-ка, я в зеркало погляжусь. *(Оправляется перед зеркалом.)* Ничего, все в аккурате. Прощайте-с! Может, со мной что неладно будет, так не поминайте лихом!

Круглова. Ты, в самом деле, глупостей-то не затевай!

Ипполит. Никаких глупостей! Однакож, и так жить нельзя. Давешние слова вашей дочки у меня вот где! *(Ударяет себя в грудь.)* Да вот что! Поберегите это покудова! *(Подает толстый пакет.)*

Круглова. Что это? Деньги?

Ипполит. Деньги-с.

Круглова. Не возьму, не возьму, что ты! Может, это хозяйские?

Ипполит. Не ваше это дело-с! Мои собственные.

Круглова. Еще с тобой в беду попадешь.

Ипполит. Да помилуйте, нешто у меня духу достанет вам неприятное сделать! Я на себя не надеюсь, человек пьяный, отдам вам под сохранение на один час времени. А там мои ли, хозяйские ли, вам все одно.

Круглова. Не возьму.

Ипполит. Эх! Не понимаете вы меня. Я сейчас оставлю у вас деньги, явлюсь к хозяину: так и так, потерял пьяный. Что он со мной сделает?

К р у г л о в а. Ишь, что придумал! Нет, уж ты меня не путай!

И п п о л и т. Так не возьмете?

К р у г л о в а. Ни за что на свете.

И п п о л и т. А коли так-с... *(Громко.)* Маланья, ножик!

К р у г л о в а. Что ты! Что ты!

М а л а н ь я подает нож и уходит.

И п п о л и т *(берет нож)*. Ничего, не бойтесь! *(Кладет нож в боковой карман.)* Только и всего-с.

К р у г л о в а. Что от тебя будет, смотрю я.

И п п о л и т. А вот что-с! У вас рука легка?

К р у г л о в а. Легка.

И п п о л и т. Пожалуйте на счастье! *(Берет руку Кругловой.)* Только всего-с. Прощенья просим. *(Уходит.)*

К р у г л о в а. Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы меры не знают: либо он молчит, хошь ты его бей, либо того натворит, что с ним наплачешься. Пословица-то эта про них говорится: заставь дурака богу молиться, так он себе лоб разобьет. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

АХОВ.

ИППОЛИТ.

ФЕОНА.

Небольшая комната в доме Ахова, вроде кабинета, мебель дорогая и прочная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ф е о н а, И п п о л и т.

Ф е о н а. Войди, Аполит, войди!

И п п о л и т. И то войду. Что хозяин делает?

Ф е о н а. Спит покуда. Да хошь бы и не спал, не съест он тебя.

И п п о л и т. Знаю, что не съест. Толкуй еще!

Ф е о н а *(вглядываясь)*. Что это ты, словно...
И п п о л и т. А что?
Ф е о н а. Да не в своем разуме?
И п п о л и т. Мудреного нет; потому как я запил.
Ф е о н а. Слава богу! Есть чем хвастаться.
И п п о л и т. Ты еще погоди, то ли от меня будет.
Ф е о н а. Не удивишь, брат, никого. Давно уж от тебя этого ожидать надо было.
И п п о л и т. По каким таким приметам?
Ф е о н а. Потому задумываться ты стал не в меру.
И п п о л и т. Это я от любви, от чрезвычайной.
Ф е о н а. А от любви разве не запивают, особенно, коли неудача, брат?
И п п о л и т. Мне-то неудача? Не надеюсь; потому, я по этим делам...
Ф е о н а. Ну, да ведь уж как же! Держи карман-то шире! И не таких, как ты, молодцов за нос-то водят.
И п п о л и т. Я даже внимания не возьму говорить-то с тобой об этом.
Ф е о н а. Как тебе можно со мной разговаривать! Больно высок стал. Каким чином пожаловали, не слыхать ли?
И п п о л и т. При чине я все при том же; а про любовь свою никому не объясню; это пущай в тайне сердца моего останется. Ежели кто может понимать, статья высокая.
Ф е о н а. Ну, да. Прынцеса какая-нибудь, гляди. Уж никак не меньше. А я так полагаю: богатые по богатым разойдутся, умные по умным; а вашему брату валёжник останется подбирать.
И п п о л и т. Ни богатые, ни умные от нас не уйдут.
Ф е о н а. Где уйти! Все твои будут, ты всех так и заполонишь. Одна твоя беда, умом ты у нас не вышел.
И п п о л и т. Это я-то?
Ф е о н а. Ты-то.
И п п о л и т. Я так полагаю, что я никого на свете не глупее.
Ф е о н а. Ну, какой в тебе ум? Делом тебе надо заниматься, а ты про любовь в голове держишь. И вся эта мечта твоя ни к чему хорошему не ведет, окромя к пьянству. Сколько еще в тебе, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учат тебя, учат, а все еще она из тебя не выходит.

Ипполит. Ну, все теперь твои наставления к жизни я слышал или еще что у тебя осталось?

Феона. Да ведь что стене горох, что вам слова,— все одно; так что и язык-то трепать напрасно.

Ипполит. И как это довольно глупо, что ты говоришь. Ты что видела на свете? Кругом себя на аршин. А я весь круг дела знаю. Какие в тебе понятия к жизни или к любви? Никаких. Разве есть в тебе образование или эти самые чувства? Что в тебе есть? Одна закоренелость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я в полном совершенстве теперь и лет, и всего.

Феона. Твое при тебе и останется.

Ипполит. Значит, всей этой материи конец; давай новую начинать! Сердит дяденька?

Феона. Нет, кто его знает, что-то весел, брат. Все ходит да смеется.

Ипполит. Что за чудеса!

Феона. Да и то чудеса. Нагнал это сегодня из городу небельщиков, обойщиков; весь дом хочет заново переделывать. Бороду подстриг, сюртук короткий надел.

Ипполит. Что ж, он рехнулся, что ли? Под старость-то, говорят, бесятся.

Феона. Есть что-то у него на уме; только кто его поймет! Темный он человек-то.

Ипполит. Да кому нужно понимать-то его! Пусть творит, что чуднее. У человека умного можно понять всякое дело, потому у него ко всему есть резон; а если у человека все основано на одном только необразовании, значит, он как во сне, кто же его поймет! Да мне уж теперь все одно, как он ни чуди.

Феона. Отчего ж так?

Ипполит. Всему конец,— прощай навек!

Феона. Неужто оставить нас хочешь?

Ипполит. И даже — так, что глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Феона. Что ты говоришь только! Нескладный!

Ипполит *(печально качая головой)*. Черный ворон, что ты вьешься над моею головой!

Феона. Да батюшки! В уме ли ты?

Ипполит. Всему конец, прости навек.

Феона. Ах, Аполитка, Аполитка, хороший ты парень, а зачем это только ты так ломаешься? К чему ты не

от своего ума слова говоришь,— важность эту на себя напускаешь?

И п п о л и т. Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснелые; а другие желают, в своих понятиях и чувствах, быть выше.

Ф е о н а. Вот от глупых-то ты отстал, а к умным-то не пристал, так и мотаешься.

И п п о л и т. Ну, да ладно. Когда дяденька проснется, скажи мне. Всему конец, прости навек! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф е о н а, потом А х о в.

Ф е о н а. Гриша совсем рехнулся, вот и этот на линии, да и старик бесится. Сам рядится, дом отделывает, не нынче, так завтра, того и гляди, петухом запоет либо собакой залает. Эка семейка приятная! Рассадить их на цепь по разным комнатам, да и любоваться на них ходить. По крайности, дома свой зверинец будет; за деньги можно показывать.

Голос Ахова: «Феона!»

Проснулся чадо-то.

Голос Ахова: «Феона, ты здесь?»

Ну, заблудился никак опять! Здесь.

А х о в выходит.

А х о в. Что ты здесь делаешь?

Ф е о н а. Одно у меня дело-то: сидеть да в пустой угол глядеть.

А х о в. Ну, так я тебе другое найду.

Ф е о н а. Найди, сделай милость; одуреешь так-то.

А х о в. И чтоб это сейчас, одна нога здесь, а другая там. Ты вот снеси к Дарье Федосевне этот самый презент и скажи: мол, Ермил Зотыч приказали вам отдать в знак вашей ласки! Слышишь? Ты так и скажи: в знак вашей ласки! Ну, как ты скажешь, старая?

Ф е о н а. Молодой! Авось не проповедь какая! Умею сказать-то!

А х о в. Да, может, они без внимания возьмут, так ты заставь их рассмотреть хорошенько.

Ф е о н а. Да уж рассмотрим, рассмотрим; только давай!

А х о в *(отдает коробочку)*. Ты их тычь носом-то хорошенько, чтоб чувствовали, что это, мол, денег стоит.

Ф е о н а. Ну, еще бы.

А х о в. Тысячи стоит. Сами-то вы того, мол, не стоите, что вам дарят.

Ф е о н а. Ну, да уж как же!

А х о в. Кажется, мол, можно чувствовать! Может, не почувствуют, так ты им объясни: что вот купил я, деньги бросил большие, так чтоб знали они... Что можно им дрянь какую подарить, и то они очень довольны будут, а что я вот что... Так чтоб уж... ну, в ноги не в ноги, а чтоб было в них это чувство: что вот, мол, как нас... чего мы и не стоим! Ты пойми! Чтоб я недаром бросил деньги-то, чтоб видел я от них, из лица из их, что я вот их вроде как жалую свыше всякой меры. А то ведь жалко денег-то, ежели так, безо внимания. Может, они в душе-то и почувствуют, да ежели не выкажут, так все одно, что ничего. А чтоб видел я в них это самосознание, что нестоющие они люди, и что я вот кому хочу, тому и даю, не взирая.

Ф е о н а. Да уж поймем, поймем.

А х о в. А ежели начнут у тебя про меня спрашивать, выведывать что, так ты все к лучшему, и так меня рекомендуй, что я очень добрый. А ежели что про семью знают, так говори, что все от детей, что разбойники, мол, уродились; характером, мол, не в отца, а в мать, покойницу.

Ф е о н а. Ну, уж не в мать.

А х о в. Ты чей хлеб ешь? Какое ты свое рассуждение иметь смеешь? Коли я тебе даю приказ, должна ты его исполнять?

Ф е о н а. Да уж хорошо.

А х о в. Ну, и все, и ступай!

Ф е о н а. Аполит у нас повредился.

А х о в. А кому печаль? Пущай его. Что ты мне об нем рассказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Может, я не хочу его и в мыслях держать? Он теперича мне и вовсе не нужен. Я все дела кончаю, фабрику сдаю канпаньону, так, значит, на что ж мне Ипполит. Прогоню его, вот и конец. Нешто я долго с ним

разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполит! Оченно мне нужда до него! Ты свое дело делай, что тебе приказано, а с хозяином разговаривать не лезь, чего тебя не спрашивают. Оченно мне интересно! Тебя с разговорами-то и по затылку можно. Пошла!

Ф е о н а. Иду.

А х о в. Стой! Слышишь ты! Коли спросят, рекомендуй меня так, что я самый добрый человек.

Ф е о н а. Слушаю. *(Уходит.)*

А х о в. Ипполита я сейчас же с двора долой. Потому мне теперь в доме таких скакунов держать не приходится. Больно они, подлецы, с бабами ласковы. И говорит-то с молодой бабой или девкой не так, как с прочими людьми. Язык-то свой точно петлей сделает,— так и опутывает, так и захлестывает, мошенник. А бабам-то любо; и скалят, и скалят зубы-то на их россказни. Я Ипполитку и к двору-то близко не подпущу. Они ведь, оглашенные, благодетелев не разбирают, им все одно. А тут это родство дальнее, десятая вода на киселе, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, он бы в другой раз и подойти не смел; а тут «тетенька» да «тетенька». Да этак, глядя на них, в чахотку придешь. Нет, шабаш! С двора его долой!

Входит И п п о л и т.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А х о в, И п п о л и т.

А х о в. Ты зачем?

И п п о л и т. К вам, дяденька-с.

А х о в. Как же ты смеешь, коли я тебя не звал!

И п п о л и т. Стало быть, мне нужно.

А х о в *(строго)*. А мне не нужно, так поди вон!

И п п о л и т. Но, однако, я желаю...

А х о в. Поди вон, говорят тебе!

И п п о л и т. Но, позвольте-с! Коль скоро я пришел...

А х о в. Коль скоро ты пришел, толь скоро и уйдешь.

И п п о л и т. Я не с тем, чтоб... а как собственно...

А х о в. Долго ты будешь разговаривать? Знай свое место, контору! Как ты смеешь лезть к хозяину! Разве у меня только делов-то, что ты? Видел я

твою образину сегодня, и будет с меня! Значит, поди вон без разговору!

Ипполит. Нет, уж это надо оставить. Коль скоро я пришел, так уж вон не пойду.

Ахов. А вот я тебя за вихор.

Ипполит. Не то что за вихор, пальцем тронуть не позволю.

Ахов. Как! Ты бунтовать?

Ипполит. Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это закон теперь есть и права.

Ахов. Какой для тебя закон писан, дурак? Кому нужно для вас, для дряни, законы писать? Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цена тебе грош? Уж очень много вы о себе думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про вас. Мелко плаваете, чтобы для вас законы писать. Вот покажут тебе законы! Для вас закон — одна воля хозяйская, а особенно, когда ты сродственник. Ты поговорить пришел, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потом, коли солоно придется. Что тебе надо?

Ипполит. Я насчет жалованья.

Ахов. Какого жалованья? Ты по какому уговору жил?

Ипполит. Кто ж теперь себе враг, чтоб стал даром служить?

Ахов. Так не служи, кто тебя держит. Оно и пристойней тебе будет самому убраться, пока тебя в три шеи не прогнали.

Ипполит. А это, что я жил, значит втуне?

Ахов. Да разве ты за деньги жил? Ты жил по-родственному.

Ипполит. А работал?

Ахов. Еще бы тебе не работать! На печи, что ль, лежать? Ты по-родственному служил, я по-родственному помогал тебе, сколько моей к тебе милости было. Чего ж еще тебе?

Ипполит. Но напредки я на таком положении жить не согласен.

Ахов. Да напредки мне тебя и не нужно. Отдай завтра отчет и убирайся.

Ипполит. За всю мою службу я должен слышать от вас одно, что убирайся.

Ахов. Не хочешь убираться, так жди, пока метлами не прогонят. Это твоя воля.

Ипполит. А награждение-с?

Ахов. Ну, это я еще подумавши. За что это награждение? За грубости-то? Вас дяденька вон приглашают — а вы нейдете. И за это вам награждение?

Ипполит. Однако, обещали.

Ахов. Обещал посулить, да теперь раздумал. Аль ты мало наворовал, что награждения просишь?

Ипполит. Этому я не подвержен и морали брать на себя не хочу.

Ахов. Связался я с тобой говорить; а говорить мне тошно. Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй да концы хорони? Не знаешь? Поверю я тебе, как же! А коли, в самом деле, ты, живя у меня, ничего не нажил, так кто ж виноват! Цена вам, брат, всем одна, Лазарем ты мне не прикидывайся! На честность твою я, брат, не расчувствуюсь, потому ничем ты меня в ней не уверишь. Отчего вам хозяева мало жалованья дают? Оттого, что сколько тебе ни дай, ты все воровать будешь; так хоть на жалованье хозяину-то выгоду соблюсти. А награжденьем вас, дураков, манят, чтоб вы хоть немножко совесть помнили, поменьше грабили.

Ипполит. Значит, вы, дяденька, и сами обманываете и желаете, чтоб вас обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я был совсем на других правилах и по тому самому считаю за вами, по крайности, тысяч пятнадцать.

Ахов. Считай больше, считай больше, уж все одно. Двух грошей медных я тебе, милый, не дам. Что я за дурак!

Ипполит. За всю мою службу мне от вас такой результат?

Ахов. Это что еще за слово дурацкое! Ты меня словами не удивишь!

Ипполит. Я не словами, я вам делом докажу, сколь много я против вас благороднее. *(Подает Ахову деньги.)*

Ахов. Ты это по векселям получил?

Ипполит. По векселям-с.

Ахов. Какое же тут твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполит. Ваша обязанность мне за службу заплатить, а вы не платите, все одно и я на тех же правах.

Деньги под сокрытие, а вам доложить, что потерял их, пьяный...

А х о в. Об двух ты головах, что ли?

И п п о л и т. Дело обмозговано, страшного нет-с. Даже, может, с адвокатами совет был. Действуй, говорят, оправим. Но не беспокойтесь, я сейчас рассудил, что не ко времени мне деньги. Потому, все тлен. Мне уж теперь от вас ничего не нужно; будете силой навязывать, так не возьму. Во мне теперь одна отчаянность действует. Был человек, и вдруг стала земля... значит, на что же деньги? Их с собой туда не возьмешь.

А х о в. Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, так я полагаю, что дело будет вернее.

И п п о л и т. Теперича уж поздно меня вязать.

А х о в. Нет, я думаю, самое время.

И п п о л и т. Ошибетесь.

А х о в. Неужели? А что же ты сделаешь?

И п п о л и т *(вынимает из кармана нож)*. А вот сейчас — раз! *(Показывает на свою шею.)* Чик — и земля.

А х о в *(в испуге)*. Что ты делаешь, мошенник! Что ты, что ты! *(Топает на одном месте ногами.)*

И п п о л и т. Глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

А х о в. Вот я тебя! Вот я тебя! *(Топает.)*

И п п о л и т. Чем вы меня, дяденька, испугать можете, коли я сам своей жизни не рад. Умерла моя надежда, и скончалася любовь — значит, всему конец. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиран для своих родных.

А х о в. А вот я людей кликну, да за полицией пошлю.

И п п о л и т. Невозможно. Потому, ежели вы с места тронетесь или хоть одно слово, я сейчас — чик, и конец.

А х о в. Что же ты со мной делаешь, разбойник? Ипполит, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя ветром обдует. *(Про себя.)* С двора-то его сбыть, а там режься, сколько душе угодно!

И п п о л и т. Нет, дяденька, эти шутки надо вам оставить; у нас с вами всурьез пошло.

А х о в. Всурьез?
И п п о л и т. Всурьез.
А х о в. Ну, а коли всурьез, так давай и говорить сурьезно. А я думал, ты шутишь.
И п п о л и т. Стало быть, мне не до шуток, когда булат дрожит в моей руке.
А х о в. Что ж тебе от меня нужно?
И п п о л и т. Разочтите, как следует.
А х о в. Как следует? Мало ли, что тебе следует? Ты говори толком.
И п п о л и т. Вот и весь будет толк! *(Вынимает из кармана бумагу.)* Подпишите!
А х о в. Что ж это за бумага? К чему это?
И п п о л и т. Аттестат.
А х о в. Какой такой аттестат?
И п п о л и т. А вот: что, живши я у вас в приказчиках, дело знал в точности, вел себя честно и благородно даже сверх границ.
А х о в. Все это тут и прописано?
И п п о л и т. Все и прописано. Жалованья получал две тысячи в год.
А х о в. Это когда же?
И п п о л и т. Так только, для видимости. Ежели я к другому месту...
А х о в. Да? Людей обманывать? Ну, пущай. Ничего — можно.
И п п о л и т. И по окончании, за свое усердие, выше меры, награждение получил пятнадцать тысяч...
А х о в. Тоже для видимости?
И п п о л и т. Нет, уж это в подлинности.
А х о в. Да что в подлинности-то? Рублев пятьсот, чай, за глаза?
И п п о л и т. Все полным числом-с.
А х о в. Нет, уж это, брат, шалишь!
И п п о л и т. Ежели вы опять за свою политику, так ведь вот он! *(Показывает нож.)* Сейчас — чик, и конец!
А х о в. Да что ты все — чик да чик! Наладил!
И п п о л и т. Отчаянность!
А х о в. Тысячу рублей — и шабаш! Давай подпишу.
И п п о л и т. Ежели мне моя жизнь не мила, так разве от тысячи рублей она мне приятней станет? Мне жить тошно, я вам докладывал; мне теперь, чтоб опять в настоящие чувства прийти, меньше пятна-

дцати тысяч взять никак невозможно; потому мне надо будет себя всяческими манерами веселить.

А х о в. Ну, грех пополам! Давай руку!

И п п о л и т. Давайте пятнадцать тысяч без гривенника, и то не возьму.

А х о в. Этакую силу денег? За что?

И п п о л и т. За десять лет. Чужому бы больше заплатили.

А х о в. Само собой, что больше, да не вдруг. А вдруг-то жалко. Пойми! Пойми!

И п п о л и т. Извините, дяденька! Я теперь не в себе, понимать ничего не могу.

А х о в. Ну, возьми половину, а остальные завтра. Жаль мне вдруг-то. Понял?

И п п о л и т. Я вам говорю, что понимать ничего я не в состоянии, значит, пожалуйте все сейчас!

А х о в. Ну, что с тобой делать! Давай бумагу!

Ипполит подает бумагу. Ахов подписывает.

Бери деньги! Да только ты чувствуй это! *(Отсчитывает из денег, принесенных Ипполитом.)*

И п п о л и т *(берет деньги и бумагу)*. Покорно вас благодарю.

А х о в. Благодари хорошенько!

И п п о л и т. Чувствительнейше вам благодарен.

А х о в. Поклонись в ноги, братец!

И п п о л и т. Это уж зачем же-с?

А х о в. Сделай милость поклонись, потешь старика! Ведь ты мне какую обиду, какую болезнь-то сделал! А поклонишься, все мне легче будет.

И п п о л и т. За свое кланяться, где же это видано.

А х о в. Ну, я тебя прошу, сделай ты мне это почтение! Авось у тебя спина-то не переломится?

И п п о л и т. Нет, право, дяденька, что-то стал чувствовать; к погоде, что ли, лом стоит, никак не согнешься.

А х о в. Разбойник ты, разбойник! Врешь ведь ты! Тебе ж хуже; не кланяйся родным-то, так и счастья не будет ни в чем.

И п п о л и т. Ну, уж мой грех, на себя и плакаться буду.

А х о в. Будешь, будешь. Мне твоя эта непокорность тяжелей, чем эти самые пятнадцать тысяч.

И п п о л и т. Что ж делать, дяденька, я и сам не рад, да не могу-с, потому к погоде, что ли...

Ахов. Ну, скажи ты мне теперь, на что тебе эти деньги. Ведь прахом пойдут, промотаешь.

Ипполит. Оченно много ошиблись, я жениться хочу.

Ахов. Дело недурное; только ведь хорошую за тебя не отдадут. Разве по мне? Что дядя у тебя знаменит везде...

Ипполит. Надо думать, что по вас.

Ахов. Где же ты присвататься думаешь?

Ипполит. Чтоб далеко не ходить, тут, по соседству-с.

Ахов. Да тут, по соседству, нет.

Ипполит. Ежели поискать хорошенько, так найдется. Вот Круглова Агничка... Но сколь мила девушка!

Ахов. Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполит. Что мне спрашивать, коли я сам по себе.

Ахов. Да она-то не сама по себе. Ах ты, обезьяна.

Входит Феона.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ахов, Ипполит, Феона.

Ахов. Ну, что?

Феона. Приняли, благодарить приказали.

Ахов. Рады, небось?

Феона. Еще бы! Ведь денег стоит. Придешь, так, гляди-ка, как благодарить станут. Агничка так и скачет, как коза.

Ипполит *(Феоне)*. Зачем же это они такой моцион делают-с?

Феона. Запрыгаешь, как Ермил Зотыч подарок ей тысяч в пять отвалил.

Ипполит. Ежели только они пошли на деньги, нет слов, я убит.

Ахов *(Феоне)*. Подай шляпу!

Феона *(подавая шляпу)*. Ты не убит, а поврежденный в уме.

Ахов *(Ипполиту)*. Бери шапку, пойдем! Я тебе всю твою глупость, какова она есть, как на ладони покажу.

Ипполит. Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Ахов. К Кругловой.

Ипполит. Это значит, на лютую казню. Лучше расказните меня здесь; но не страмите.

Ахов *(берет его за руку)*. Нет, пойдем, пойдем!

Все уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

КРУГЛОВА.

АГНИЯ.

АХОВ.

ИППОЛИТ.

МАЛАНЬЯ.

Декорация первой сцены.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Круглова, Агния (выходят из другой комнаты).

Круглова. Однако дело-то до большого дошло. Вот он какими кушами бросает; тут уж не шуткой пахнет.

Агния. Думать долго некогда, надо решать сейчас.

Круглова. Легко сказать: решать! Ведь это на всю жизнь. А ну, мы этот случай пропустим, а вперед тебе счастья не выйдет; ведь мне тогда терзаться-то, мне от людей покоры-то слышать. Говорят, не в деньгах счастье. Ох, да правда ли? Что-то и без денег-то мало счастливых видно. А и то подумаешь: как мне тебя на муку-то отдать? Другая бы, может, еще и посумнилась: «может, дескать, ей за ним и хорошо будет,— может, он с молодой женой и переменится». А у меня уж такого сумнения нет, уж я наперед буду знать, что на верную тебя муку отдаю. Как же нам быть-то, Агничка?

Агния. Почем я знаю! Что я на свете видела!

Круглова. Да ведь твое дело-то. Что тебе сердчишко-то говорит?

Агния. Что наше сердчишко-то! На что оно годится? На шалости. А тут дело вековое, тут либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, как перед бедой перед какой, я не знаю, куда сердце-то и спряталось, где его и искать-то теперь. Нет, маменька! Видно, тут, кроме сердчишка-то, ум нужен; а мне где его взять!

Круглова. Ох, и у меня-то его немного.

Агния. А вот что, маменька! Я никогда к вам не ластилась, никогда своей любви к вам не выказывала;

так я вам ее теперь на деле докажу. Как вы сделаете, так и хорошо.

К р у г л о в а. Что ты, дочка! Так уж ничего мне и не скажешь?

А г н и я. Что мне говорить-то? Только путать вас! Вы больше жили, больше знаете.

К р у г л о в а. А бранить мать после не будешь?

А г н и я. Слова не услышите.

К р у г л о в а. Ах ты, золотая моя! Ну, так вот что я тебе скажу: как идти мне сюда, я у себя в спальне помолилась, на всякий случай; вот, помолившись-то, и подумаю.

А г н и я. Подумайте, подумайте; а я ожидать буду себе...

К р у г л о в а. Что тебе долго ждать-то, мучиться?..

А г н и я. Погодите, погодите, я зажмурю глаза. *(Зажмуривает глаза.)*

К р у г л о в а. Хоть весь свет суди меня, а я вот что думаю: мало будет убить меня, если я отдам тебя за него.

А г н и я. Ох, отлегло от сердца.

К р у г л о в а. Потому как ни мало я сама страдала, и опять, ежели взять старого или молодого, какая разница!.. Одно дело...

А г н и я. Ну, довольно, довольно! Уж я знаю, что вы скажете. *(Целует мать.)*

К р у г л о в а. А все-таки я рада, что он... Хоть посмеюсь вволю.

Входит М а л а н ь я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К р у г л о в а, А г н и я, М а л а н ь я.

М а л а н ь я.390Дединька сединький и с ним этот... как его, бишь... беловатый?

А г н и я. Не черный ли?

М а л а н ь я. И то; никак черный.

К р у г л о в а. Кто же это? Неужели Ипполит?

М а л а н ь я. Да он и есть... самый... Мне вдруг-то... затмило...

К р у г л о в а. Вот чудо-то! Вместе?

А г н и я. А вот увидим.

М а л а н ь я уходит. Входят А х о в и И п п о л и т.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Круглова, Агния, Ахов, Ипполит.

Ахов *(чинно раскланиваясь)*. Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова. Пожалуйте, пожалуйте!

Ахов. Получили?

Круглова. Покорно благодарим, Ермил Зотыч.

Агния молча кланяется.

Покорнейше благодарим! Уж больно ты расщедрился! По нас-то уж это и дорого, кажись. *(Кланяется.)* Напрасно беспокоились.

Ахов *(очень довольный)*. Хе, хе, хе! Как так напрасно?

Круглова. Да ведь, чай, дорого заплатил?

Ахов. Что ты мне поешь? Кому дорого, а мне нет. Не разорил я себя, не дом каменный вам подарил! Дрянь какую-то прислал, а ты уж и разохалась, что дорого.

Круглова. А коли для тебя дрянь, так нам же лучше; не так совестно принять от тебя.

Ахов. Совесть еще какую-то нашла! Чудно мне на вас! *(Указывая на Ипполита.)* Вот не жалуйтесь, что я его давеча прогнал, я его сам привел.

Круглова. Благодарим покорно! Прошу садиться!

Ахов. Он теперь важный человек стал; свои капиталы имеет.

Круглова. Да ведь и пора уж.

Ахов. А вы как об нем думали? Вы ведь, поди, чай, то же, что и все добрые люди, думали, что он мальчишка, никакого внимания не стоящий? Нет, уж теперь подымай выше!

Круглова. Да будет тебе его!.. Что в самом деле!

Ахов. А для чего ж я его с собой и взял-то! Без дураков ведь скучно. В старину хоть шуты были, да вывелись. Ну, и пущай он нас, заместо шута, тешит. А коль не хочет в этой должности быть, зачем шел? Кто его здесь держит?

Ипполит. Мне идти некуда-с. От вас обида мне не в диковину. А уж я подожду, когда здешние хозяйки меня полным дураком поставят, чтоб уж вдосталь душа намучилась.

Ахов. Ну, вот слышишь? Да коли вы хотите смеяться,

так я вас не так рассмешу. Он жениться хочет. Нет ли у тебя невесты, Дарья Федосевна?

Круглова. Одна у меня невеста, другой нет.

Ахов. Не посадить ли нам их рядом?

Круглова. Отчего ж не посадить.

Ипполит. Помилуйте, за что же такие насмешки-с?

Агния *(тихо)*. Садитесь, нужды нет.

Садятся рядом.

Ахов. Чем не пара?

Круглова. Да и то.

Ахов *(Ипполиту)*. Посидел с невестой? Ну, и будет, пора честь знать.

Ипполит. Отчего же так-с?

Ахов. Оттого, что эта невеста слишком хороша для тебя, жирно будет.

Ипполит. Ничего не жирно-с; по моим чувствам, в самый раз.

Ахов. А ты у ней прежде спроси: нет ли у нее жениха получше тебя! *(Агнии.)* Говори, не стыдись!

Агния. Это как маменьке угодно.

Ахов. Что тут маменька! У ней, у старой, чай, от радости ушки на макушке.

Круглова. Не знаю, батюшка, Ермил Зотыч, об чем ты говоришь.

Ахов. Как, не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми! *(Указывая на Ипполита.)* Ты его, что ль, совестишься? Так он свой человек; да и есть он тут или нет его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя ведь уж давно забирает охота мне в ноги кланяться, а ты все ни с места.

Круглова. Отчего не кланяться! Да за что? За какие твои милости?

Ахов *(сердито)*. Не вовремя, да и не к месту твои шутки. Аль ты от радости разум потеряла? Стар уж я шутить-то надо мной.

Круглова. Да мы не шутим.

Ахов. От меня поклону ждешь, так не дождешься. Что ты, как статуй, стоишь! Головы у вас в доме нет, некому вас прибодрить-то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроворней. Кабы муж твой был жив, так вы бы давно уж метались по дому-то, как кошки угорелые. Что вы переминаетесь? Стыдно тебе кланяться, так не кланяйся; а все ж таки благослови

нас как следует. Будешь икону в руках держать, так и я тебе поклонюсь, дождешься этой чести.

Круглова. Благословить-то не долго; только ты спроси, подымутся ль руки-то у меня! Я вот как рассудила, Ермил Зотыч; если дашь ты мне подписку, что умрешь через неделю после свадьбы,— и то еще я подумаю отдать дочь за тебя.

Ахов. Что вы! Нищие, нищие, одумайтесь! Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезы-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев!

Круглова. Сердись ты или не сердись,— твоя воля.

Ахов. Что с тобой? Тут чуда нет ли какого? Не упал ли тебе миллион с неба? Нет ли у тебя жениха богаче меня? Только ведь одно.

Круглова. Нет, не одно. Женихов у нас нет. Есть один парень на примете; только подняться ему, бедному, нечем. Кабы было у него дело верное, так отдала бы, не задумалась.

Ипполит *(отдает Кругловой деньги)*. А вот позвольте вам предоставить для сохранности. Я нынче за всю службу гуртом получил-с. Теперь своим делом могу основаться-с.

Круглова. Ну, и чего ж еще лучше! Да тут много что-то.

Ипполит. Копейка в копейку пятнадцать тысяч.

Агния. Теперь можно и помириться с вами.

Ахов. Так вот на какие деньги вы пировать-то сбираетесь! Вот на какие деньги польстились! Эти деньги чуть не краденые. Он у меня их сегодня выплакал да выкланял.

Ипполит. Не выкланял, а вытребовал, что должное за службу свою.

Ахов. Да тебе бы и в живых-то не быть. От напрасной смерти я тебя спас. Вижу, человек резаться хочет...

Ипполит. Помилуйте, дяденька, что вы! Как можно резаться?

Ахов. Так бы и зарезался. Ты как чумовой стал, перепугал меня до смерти.

Ипполит. Что вы, дяденька! Какой мне расчет резаться в моих таких цветущих летах?

Ахов. А зачем у тебя ножик был? Зачем ты его к горлу приставлял?

Ипполит. Игра ума.

А х о в. Разбойник! *(Хочет взять его за ворот.)*

И п п о л и т *(отстраняя его)*. Позвольте-с! Чем я разбойник? Я чужого ни копейки. А нешто я виноват, что от вас добром не выпросишь!

А х о в. Не будет тебе счастья, не будет.

И п п о л и т. Что ж делать! Как-нибудь и без счастья одним уменьем проживем, дяденька.

А х о в. Не проживешь! Не проживешь! У тебя нету ни отца, ни матери, я тебе старший; я тебя прокляну; на внуках и правнуках отзовется.

К р у г л о в а. Полно! Что ты бога-то гневишь!

А х о в *(Агнии)*. Брось ты его! Что в нем хорошего? Мать у тебя глупа, растолковать тебе не может. Я лучше его; я добрый, ласковый. Денег-то у меня что́ тебе на наряды. Дом-то у меня какой! Большой, каменный, крепкий.

А г н и я. И крепка тюрьма, да кто ей рад!

А х о в. Ты тоже, видно, в мать уродилась! Ума-то у тебя столько же, что и у ней. *(Кругловой сквозь слезы.)* Федосевна, пожалей ты меня! Ведь я сирота, в этаком-то доме один я путаюсь, даже страх находит.

К р у г л о в а. Что тебя жалеть! Ты с деньгами себе всегда компанию найдешь, коли захочешь.

А х о в. Найдешь компанию! Спасибо, что надоумила! Знаю, что найду. Не ей чета, и красивее ее найду. Ты думаешь, я в самом деле, что ль, влюблен? Тьфу. Одно мне больно, одно обидно: непокорность ваша. Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этакой лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам насмех! Видано ль, слыхано ль? Хорошо ты сделала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Ведь это ты от глупости, а не от ума. Вы все одно, что в лесу живете, свету не видите. В такую лачугу, коли зашел наш брат, именитый человек,— так он там как дома; а то ему и ходить незачем; а хозяин-то, как слуга: «что угодно; да как прикажете?» Вот как от начала мира заведено, вот как водится у всех на свете добрых людей! Это все одно, что закон. А вы, дураки непросвещенные, одичали, тут живши-то. *(Кругловой.)* И сердиться-то на тебя нельзя и взыскать-то с тебя нечего; потому ты никаких настоящих порядков не знаешь. Как ты живешь! День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что богатый, что бедный, что мануфактур, что

шатун! Невежество! У тебя для всех один резон, один разговор! А ты возьми, что значит образование-то: вчера ко мне благородная просить на бедность приходила; так она языком-то, как на гуслях играла. Превосходительством меня называла, в слезы ввела. А ты что? Дуб. С тебя взыску нет. Сам виноват. Кабы ты знала, что такое уважение, что такое честь...

К р у г л о в а. Как чести не знать.

А х о в. Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у вас честь да отошла. Делал я вам честь, бывал у вас; так у вас и в комнатах-то было светлей, оттого только, что я тут. Была бы вам честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вот это честь! Я брошу вас, и опять в потемках жить будете. А то честь! Да вам всю жизнь не узнать, в чем она и ходит-то.

К р у г л о в а. Ну, довольно ты пел. Теперь меня послушай. Хочешь ты у нас гостем быть, так садись; а то так нам не мешай. Не порти ты нашу бедную, чистую радость своим богатым умом!

А х о в. Да ты, никак, забылась! Гостем! Что ты мне за компания! Я таких-то, как ты, к себе дальше ворот и пускать не велю. А то еще гостем! Не умели с хорошими людьми жить, так на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь! *(Уходит в переднюю и сейчас возвращается.)* Да нет, постой! Ты меня с толку сбила. Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?..

К р у г л о в а. Не плакать же нам об этом, батюшка Ермил Зотыч.

А х о в. Нет; ты виновата, ты и поправляй.

К р у г л о в а. Палец об палец для тебя не ударю, батюшка Ермил Зотыч. Вот как ты мне сладок.

А х о в. Да не даром — за деньги, за большие деньги. Угоришь.

К р у г л о в а. Что ж такое за дело у тебя? Что за ворожба будет?

А х о в. С ними я говорить не хочу. Я их презрил. Ниже каблука своего считаю, вот где. А с тобой разговор заведем. Ведь, чай, тебе нужно и приданое? Не так отдашь, в чем она есть? Нужно приданое?

К р у г л о в а. Как не нужно, конечно, нужно.

А х о в. Так вот слушай! Чтобы этот разговор нарушить, что мне вы, ничтожные люди, нос утерли, мы будем ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова. Что ж, это пожалуй.

Ахов. Обед у меня после свадьбы, какой не слыхано. И Фомина и всех цветами ограблю, по всем комнатам постановка будет. Две музыки, одна в комнатах, другая на балконе для зрителев. Официанты в штиблетах. Ефект?

Круглова. Ефект.

Ахов. Опосля всего Ипполитке награждение свыше меры. Не веришь, так за руки отдам... И вперед тебе на приданое...

Круглова. Да что дальше-то?

Ахов. А вот какой уговор! Жених с невестой, как из церкви, вся шестерня серых, как к воротам,— стой! А в ворота чтоб не въезжать! И сейчас им дворник по метле; и чтоб вымели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будет, еще до них все выметут. А они чтоб только пример показали. А я с гостями буду на балконе стоять. Вот тогда я вас прощу и в честь вас произведу. И будете вы у меня промежду всеми гостями все равно, что равные.

Круглова. Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я все-таки дочь свою на позорище не отдам.

Ахов. Не отдашь?

Круглова. Не отдам.

Ахов. Ну, так грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отныне и до века! Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! Дядя говорит: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищий, хоть за деньги! Не хочу. Умереть уж лучше поскорей, загодя. Все равно ведь, разве свет-то на таких порядках долго простоит. А как отцы-то жили! Куда они делись, те порядки, старые, крепкие? Разврат, что ли, в мире пошел? Так его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бес, что ли, какой промежду людьми ходит да смущает их? Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?

Круглова. Оттого, Ермил Зотыч, говорит русская пословица, что не все коту масленица, бывает и великий пост. *(Обнимает Ипполита и Агнию.)*

Комедия в пяти действиях

НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГ АЛТЫН

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

МИХЕЙ МИХЕИЧ КРУТИЦКИЙ
отставной чиновник.

АННА ТИХОНОВНА
его жена.

НАСТЯ
племянница Крутицкого.

ДОМНА ЕВСИГНЕВНА МИГАЧЕВА
мещанка.

ЕЛЕСЯ
ее сын.

ИСТУКАРИЙ ЛУПЫЧ ЕПИШКИН
купец-лавочник.

ФЕТИНЬЯ МИРОНОВНА
его жена.

ЛАРИСА
дочь их.

МОДЕСТ ГРИГОРЬИЧ БАКЛУШИН
молодой человек.

ПЕТРОВИЧ
мелкий стряпчий из мещан.

ТИГРИЙ ЛЬВОВИЧ ЛЮТОВ
квартальный.

Действие происходит лет 30 назад, на самом краю Москвы.

Слева от зрителей угол полуразвалившегося одноэтажного каменного дома. На сцену выходят дверь и каменное крыльцо в три ступени и окно с железной решеткой. От угла дома идет поперек сцены забор, близ дома у забора рябина и куст тощей акации. Часть забора развалилась и открывает свободный вход в густой сад, за деревьями которого видна крыша дома купца Епишкина. На продолжении забора, посереди сцены, небольшая деревянная овощная лавка, за лавкой начинается переулок. У лавки два входа: один с лица с стеклянной дверью, другой с переулка открытый. С правой стороны, на первом плане, калитка, потом одноэтажный деревянный дом мещанки Мигачевой; перед домом, в расстоянии не более аршина, загородка, за ней подстриженная акация. В переулок видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Епишкин и Петрович сидят у лавки и играют в шашки. Мигачева стоит у калитки своего дома.

пишкин. Фук да в дамки. Ходи!
етрович. Эх-ма! Прозевал.

Е п и ш к и н. Ходи!

П е т р о в и ч. Ходи да ходи! Куда тут ходить? *(Раздумывая.)* Куда ходить?

Е п и ш к и н. Ходи!

П е т р о в и ч. Пошел.

Е п и ш к и н. Вот тебе карантин, чтобы ты не тарантил.

Входит Л ю т о в.

Убери доску!

П е т р о в и ч с доской уходит в лавку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е п и ш к и н, М и г а ч е в а, Л ю т о в.

Л ю т о в *(Мигачевой)*. Там забор у тебя, а вот загородка! *(Грозит пальцем.)*

М и г а ч е в а. Из каких доходов, помилуйте! Кабы у меня торговля или что, да нечто б я... Ах, боже мой! Я бы только, Тигрий Львович, для одного вашего удовольствия...

Л ю т о в. А? Что ты говоришь?

М и г а ч е в а. Да разве б я не окрасила? Окрасила бы, очень бы окрасила. А коли тут худо, в другом месте валится... а какая моя возможность? Чем я дышу на свете?

Л ю т о в. Мне что за дело! Чтоб было окрашено!

М и г а ч е в а. Будет, будет, только б малость управиться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, оченно ему можно быть исправным обывателем. Вот с кого спрашивать-то надо. Крась да мажь! У нас кому любоваться-то? И народ-то не ходит.

Л ю т о в. Без рассуждений! Вот если завтра не будет выкрашено, я тогда посмотрю.

М и г а ч е в а. Вот и живи.

Л ю т о в *(оборачивается к каменному дому)*. Уж хоть бы развалился совсем поскорее. *(Пожимает плечами и, махнув рукой, отворачивается.)* Эх, обыватели!

Е п и ш к и н. Тигрию Львовичу наше почтение.

Л ю т о в. Здравствуй, Истукарий Лупыч! *(Подает руку.)* Тебе-то, братец, уж стыдно! Забор-то не загородишь: ведь точно ворота проезжие.

Е п и ш к и н. Оно точно, что я оплошал: он маленько развалился, а мне невдомек было; так ваша ж команда на дрова себе растаскала.

Л ю т о в. Загороди, братец.

Е п и ш к и н. Вы себя беспокоить не извольте, будет в порядке. Признаться, теперь в голове-то не то, об этих глупостях и думать-то не хочется.

Л ю т о в. Не глупости, братец, коли начальство тебе приказывает.

Е п и ш к и н. Понимаем, Тигрий Львович, да ведь уж и обязанностей-то наших больно много. Ежели счесть теперь все повинности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества,— так ведь можно и пожалеть по человечеству. С одного-то вола семи шкур не дерут.

Л ю т о в. Разве я тебя не жалею? Я тебя ж берегу; деревья у тебя в саду большие, вдруг кому-нибудь место понравится: дай, скажет, удавиться попробую.

Е п и ш к и н. Верно изволите говорить; местоположение заманчивое для этого занятия. Такой сад, что ни на что окромя и не годен. Я уж и то каждое утро этих самых фруктов поглядываю.

Л ю т о в. Ну, так ты народ-то не искушай! Следствие, братец; понял? А я тебе этой беды не желаю.

Е п и ш к и н. Уж что говорить! Ну, да, думаю, бог милостив.

Л ю т о в. Кабы ты чистый человек, а то... Я, братец, ничего не знаю, я ничего не знаю, а, чай, слышал, какой разговор-то про тебя насчет притону-то?

Е п и ш к и н. Мало ли всяких разговоров-то! И про ваше благородие тоже кой-что поговаривают; да мы, признаться, внимания не берем и слушать-то.

Л ю т о в. Так уж ты загороди; побереги хоть меня-то, коль себя не бережешь; с нас тоже ведь спрашивают.

Е п и ш к и н. Не извольте беспокоиться! Стоит ли об таких пустяках разговаривать! Милости просим на полчасика! Особенной попотчевать могу.

Л ю т о в. Попозже зайду, теперь некогда. *(Подает руку.)*

Е п и ш к и н. Как угодно-с. Завсегда ради, завсегда вы у нас первый гость. Поискать еще таких-то благодетелей.

Л ю т о в уходит.

Терпит же ведь земля, господи! *(Уходит в лавку.)*

Из лавки выходит Ф е т и н ь я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мигачева и Фетинья.

Мигачева. Здравствуйте, матушка Фетинья Мироновна!

Фетинья *(гордо)*. Здравствуй!

Мигачева. Куда бог несет?

Фетинья. Так, для воздуху, у лавочки посидеть. А ты куда?

Мигачева. Куда мне! Сына поглядываю.

Фетинья. На что он тебе?

Мигачева. Поругать хочется, Фетинья Мироновна.

Фетинья. После поругаешь, не к спеху дело.

Мигачева. Боюсь, сердце-то пройдет; сердце-то у меня круто, да отходчиво. А теперь бы он мне в самый раз попался: в расстройстве я.

Фетинья *(подходя)*. Что так?

Мигачева. Квартальный, матушка, разобидел; пристает, забор красить, отдыху не дает. Какие мои доходы, сами знаете: один дом, да и тот валится. Четверо жильцов, а что в них проку-то! Вот, Петрович — самый первый жилец, а и тот только за два с четвертаком живет. Ну, опять возьмите вы поземельные. Все б еще ничего, да ведь дом-то заложен, процент одолел.

Фетинья. Заложен?

Мигачева. Заложен.

Фетинья. Скажите!

Мигачева. Третий год я вам говорю, Фетинья Мироновна, одно и то же, а вы все будто не слыхали, да все удивляетесь.

Фетинья. Ах, редкости какие! Коли у меня такой характер, что ж мне делать-то! А то так тебе и дать одной все по́ряду говорить! Этак ты всю материю скоро расскажешь. А нынче день-то год, пущай поговорим, куда нам торопиться-то; а время-то и пройдет, будто дело делали.

Мигачева. Помощник-то у меня, сами знаете, один.

Фетинья. Один? И то ведь один.

Мигачева. Да и тот не важный, так, какая-то балалайка бесструнная. Ну, еще по дому кой-что хозяйничает, а уж на стороне достать что-нибудь, на это разуму у него нет. Думала в люди отдать, хоть в

лавку, да сама ни при чем останешься. А он все-таки и подбелит, и подкрасит, и подколотит.

Ф е т и н ь я. Чего ж тебе лучше?

М и г а ч е в а. За одно у нас с ним война: вдруг провалится, неизвестно куда. Синиц по огородам ловит, рыбу на Москве-реке ловит; а тут его, как на грех, нужно, ну, и пошла баталия.

Ф е т и н ь я. Молод еще. Женила б ты его.

М и г а ч е в а. Женить! Лестно взять жену-то с деньгами, хоть с небольшими; а кто ж отдаст за него, кому крайность!

Ф е т и н ь я. Нет, ты не говори. Бывают случаи. Другая девушка и с деньгами, да порок какой-нибудь в себе имеет: либо косит очень, один глаз на нас, другой в Арзамас, либо вовсе крива; а то бывает, что разумом недостаточна, дурой не назовешь, а и к умным не причтешь, так, полуду́рье; ну, вот и ищут женихов-то попроще, чтоб невзыскательный был. А бедному человеку поправка.

М и г а ч е в а. Бывает людям счастье, да не нам.

Ф е т и н ь я. У тебя все-таки сын, что тебе горевать-то? Так разве когда, от скуки, поплачешься для разговору только для одного. А вот наша забота с дочкой-то.

М и г а ч е в а. Так вы с деньгами.

Ф е т и н ь я. Чудная ты, и с деньгами не берут. *(Со вздохом.)* Мало ль ее смотрели-то, Домнушка!

М и г а ч е в а. Какая ж причина? Такая ее красота...

Ф е т и н ь я. Уж чего еще! Поглядеть любо-дорого, самый первый вкус. Одно беда — разговором нескладна. Кабы только с глаз брали, так, кажется, ее давно бы с руками оторвали; а поговорят, ну, и прочь, и прочь. Войдет — удивит, убьет красотой всякого; а скажет слово, так и сразит, так с ног и сразит. А уж как выдать хочется.

М и г а ч е в а. Вам что; вы свою сбудете. А вы возьмите соседку, вот мается с девушкой-то, вот где слезы-то!

Ф е т и н ь я. Уж чем только они живы, бедные!

М и г а ч е в а. Чем живы? Выработают гривенник, купят калачика, тем и сыты.

Ф е т и н ь я. Как бы, мне кажется, у старика денег не быть; ведь он чиновник, с кавалерией, гляди, пенсию получает.

М и г а ч е в а. Кто его знает. От него толку не добьешься,

он и не говорит ни с кем, только ругается да ворчит. Бродит весь день по Москве, только ночевать домой приходит.

Фетинья. Я раз иду городом, а он у Казанского собора с нищими стоит.

Мигачева. С нищими? Вот ведь дела-то какие!

Фетинья. С чего он в такой упадок пришел?

Мигачева. Все только руки врозь, матушка. Его в нашей стороне все знают; у него здесь свой дом был, лошади хорошие. Служил он в каком-то суде секлетарем, ну, и отставили его за взятки, что уж очень грабил. Анна Тихоновна сказывала, что и стал он с той поры сумлеваться, как ему жить без дохода. Продал дом, лошадей, стал деньги в проценты отдавать. И зажили мы, говорит, день ото дня хуже: переехали в одну комнатку, прислугу всю он распустил, а там уж и кухарку сослал. И пришлось Анне Тихоновне самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потом и совсем, говорит, дома стряпать перестали, купим что-нибудь в лавочке и поедим, а когда и так просидим. А теперь вот к нам в соседство перебрались; дом-то этот еще с француза в тяжбе находится, так с тех пор без починки и без всякого призрения и стоит; так Михея Михеича задаром пустили, чтоб он только на дворе присматривал, кирпичи подбирал да в кучку складывал.

Фетинья. Что мы живем! Мы от жиру и бога-то забыли, а ты попробуй, вот так поживи.

Мигачева. Ну, старуха-то уж притерпелась, а каково девушке-то?

Фетинья. Да откуда она у них взялась, скажи ты мне на милость!

Мигачева. Она Михею племянница родная, сиротка. Как случилась с ним беда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

Фетинья. Богатая?

Мигачева. Богатая. И воспитывала ее с дочерьми своими в полном достатке. Вот как выросла эта Настенька, и возненавидела ее барыня за красоту, что на Настеньку все прельщаются, а на ее дочерей нет, и прогнала ее без всякого награждения. А прежде обещала замуж ее выдать. Да мне Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки уж и жених был, молодой человек, хорошего роду. Приехала Настень-

ка в эту конуру разряженная, в перчатках... И сесть-то боится, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснет, всплеснет вот так руками, за голову ухватится да и упадет без памяти. Больна с месяц лежала, насилу оправилась. Ну, разумеется, девушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, вот тетка-то все ее платьица, колечки, сережки и продавала; за бесценок шло, даже жалость смотреть. А теперь, уж видно, не до чаю, и хлеб-то им стал в диковинку.

Крутицкий показывается на крыльце.

Вот старый куда-то собрался, из дому выполз.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигачева, Фетинья, Крутицкий.

Крутицкий *(в полурастворенную дверь)*. Ты, смотри, никуда не смей! Боже тебя сохрани! Скучно дома, ну, выдь на крылечко, посиди. А с крыльца ни шагу, слышишь ты! А? Что? Ну, хорошо. Так ты... того... сядь тут! Я ведь скоро, я бегом.

Мигачева. Здравствуйте, Михей Михеич!

Крутицкий. Здравствуйте! *(Кланяется и хочет идти.)*

Мигачева. Что это вы, Михей Михеич, в шинели?

Крутицкий. Что тебе шинель! Что тебе шинель! Не твоя шинель.

Мигачева. Да жарко.

Крутицкий. Кому жарко, а мне не жарко, я старичок. *(Подходит к Фетинье и говорит ей тихо.)* Оставь дома, так ее и украдут, пожалуй.

Фетинья. Ну, уж кому она нужна?

Крутицкий. Нет, ты не говори. Шинель хорошая. *(Гладит по ворсу.)* Это я сшил, когда еще на службе был. Тогда у меня деньги были шальные.

Фетинья. Куда ж ты их дел?

Крутицкий. Прожили. Без доходу живем; всё проживаем, всё проживаем, а доходиков никаких, вот и прожили.

Мигачева. Мудрено что-то. По вашей жизни, вам и процентов-то не прожить с вашего капитала.

Крутицкий. Какого капитала! А ты почем знаешь, сколько у меня денег было? Кто тебе сказывал? Кто? Я тебе не сказывал, так ты и не болтай! *(Фетинье.)*

Как прожил? Много-то было, так не берегли: я шампанское пил. Ты думаешь, на чужие деньги! На чужие-то я его море выпил, а случалось, бывало, и на свои бутылочку купишь. По десяти рублей ассигнациями за бутылку платил. В Сибирь меня надо за это сослать. Вино-то выпил, где оно? Тю-тю. А и денег-то нет. Вот как деньги-то проживают! Взаймы давал, пропадали; жена у меня не берегла ничего. *(Фетинье почти на ухо.)* Жена у меня мотовка. У! мотовка!

Фетинья. Не знаю я ваших делов.

Крутицкий. Мотовка, мотовка! Я ее любил, я ей дарил, много дарил. У меня каждый день был доход; ну, бывало, иногда и подаришь ей то десять, то пять рублей. Береги, Анна! Вот и уберегла. Было мое время, каждый день все прибывало, все прибывало.

Мигачева. Ну, как же, я ведь помню; знала я, все знала.

Крутицкий. Ничего ты не знала. Что ты могла знать! Никто не знал; жена — и та не знала. Я возил деньги домой, каждый день возил; а сколько я взял, с кого я взял, никто не знал. Я злодей был для просителей, у меня жалости нет, я варвар был.

Фетинья. Вот тебя бог-то и наказал.

Крутицкий. А других, а других? За что ж меня одного? Все брали, торговля была, не суд, а торговля. Кто меньше, кто больше, а все-таки брали. Бывало, товарищи мне говорят: «ты много берешь». А вы, говорю, мало берете, ну, значит, вы дешевле меня свою совесть продаете. Хе-хе-хе!

Мигачева. Эх, Михей Михеич, племянницу-то вы голодом заморили.

Крутицкий. Какую племянницу? Чем мы ее заморили? Я к тебе на кухню не хожу, горшков не нюхаю.

Мигачева. Конечно, что не мое дело; а со стороны жалко.

Крутицкий. Племянницу! Много всякой родни-то на свете! Мы все родня; все от одного человека. Всякий о себе. Пусть работает, я ей не мешаю.

Мигачева. Ну, много ли она выработает, такая барышня воспитанная?

Крутицкий. Вот язык-то у тебя без костей, вот уж без костей; так и болтает, так и болтает.

Мигачева. Хоть бы вы побаловали ее чем-нибудь, так, малость.

Крутицкий. Что ж, малость! Ты вот все болтаешь, сама не знаешь что; потому что разума у тебя нет. Малость, малость! Ее только избалуешь, а себя обидишь. Малость дай! Все дай, все дай; а мне кто даст? Всякий для себя. За что я дам? Как это люди не понимают, что свое, что чужое? Сколько я ни нажил, все — мое. Пойми ты! Рубль я нажил, так всякая в нем копейка моя. Хочу, проживаю ее, хочу — любуюсь на нее. Кому нужно свои отдавать? Зачем свои отдавать? *(Отходя.)* Все я дай, а мне кто даст? Попрошайки!

Мигачева. Ну, заворчала, грыжа старая!

Крутицкий *(возвращаясь)*. А ты не болтай! Я не малость, я вот ей за приданым иду.

Фетинья. Что ж, ты его в узелке принесешь, все приданое-то?

Крутицкий. Нет, не в узелке, а вот здесь. *(Показывает на боковой карман.)*

Мигачева. Батюшки!

Крутицкий. Да, вот я что для нее... А ты нюхаешь по горшкам, что едят, болтунья пустая. *(Уходит, ворча.)*

Фетинья. Пойти в лавочку, никак муж чай пьет.

Елеся показывается из калитки, в халате, с клеткой.

Да вот сын-то, а ты ищешь! *(Уходит в лавку.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мигачева, Елеся.

Елеся *(поет)*.

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Мигачева. Скажите на милость, а он дома был.

Елеся *(громче)*.

Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко.

Мигачева. У матери такое расстройство насчет забора, а он песни поет. Погоди ж ты!

Елеся, бросив клетку, убегает в калитку, Мигачева за ним. Входит Настя; за ней, в нескольких шагах, Баклушин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Настя, Баклушин, потом Епишкин.

Баклушин. Милая девица, куда же вы так торопитесь?

Настя *(быстро оборачиваясь)*. Стойте, стойте! Воротитесь, не ходите дальше, умоляю вас!

Баклушин. Боже милостивый! Настасья Сергевна, вы ли это?

Настя *(потупляя глаза)*. Я, я; только вы не ходите за мной.

Баклушин. Что ж вы раньше не остановились, если узнали меня? Я версты две бегу за вами.

Настя. Я вас не видала, не узнала. Ах, уйдите, уйдите!

Баклушин. Скажите мне, существо прелестное, как вы попали в эту глушь? Ведь это край Москвы, это — захолустье.

Настя *(обидчиво)*. Не всем же на Тверской жить; там для всех и места недостанет.

Баклушин. Так вы здесь и живете?

Настя *(осматривая себя и конфузясь)*. Отчего же вы думаете, что я непременно должна здесь жить?

Баклушин. Вы сами сказали.

Настя. Ах, нет, нет, что вы! Я сюда пришла к знакомым, у меня есть дело. Вы не верите? Ну, право, право!

Баклушин. Ну, не здесь, так не здесь; к чему же так ажитироваться! А где же, позвольте узнать?

Настя *(потупясь)*. Зачем вам?

Баклушин. Вот мило! Уж не прятаться ли вы от меня хотите? С какой стати, зачем?

Настя. Я не прятаться... Ах, право! Я не знаю. Уйдите!

Баклушин. Отчего такая перемена? Нет, вы скажите...

Настя *(со вздохом)*. Что я скажу! Это не от меня. Мне нельзя... вот...

Баклушин. Вы хоть меня-то пожалейте! Ну, за что, за что? Я все тот же, все так же к вам привязан.

Настя. Все так же? Правда ли это?

Баклушин. Божусь вам!

Настя. Ну, так вот что: оставьте меня, мне теперь некогда, я вам после...

Баклушин. Когда после? Где я увижу вас?

Настя. Я вам напишу, я знаю ваш адрес. Ступайте! Ступайте!

Баклушин. Вы что-то скрываете от меня. Ну, да бог с вами, я вам верю. Вы, однако, изменились.

Настя *(с испугом)*. Подурнела? Скажите пожалуйста, подурнела! Ах, я так и знала.

Баклушин. Успокойтесь, нисколько вы не подурнели; вы только похудели немного.

Епишкин выходит из лавки и садится на складном стуле.

Настя. Что же вы стоите здесь! Мне некогда, я за делом пришла.

Баклушин. Идите за делом, я вас подожду. У меня есть твердое намерение проводить вас до дому.

Настя. Нет, нет, ни под каким видом. Это невозможно. Я здесь до ночи останусь. Идите, идите, умоляю вас!

Баклушин. Ну, прощайте! Что с вами делать!

Настя. До свидания. *(Дожидается, пока Баклушин уходит за угол лавки, потом убегает в дом, где живет Крутицкий.)*

Баклушин *(возвращаясь)*. Одна, никто ее не провожает, ни человек, ни девушка! Без перчаток, в таком платье! Странно! тут что-нибудь да кроется. Но во всяком случае я очень рад, что опять нашел ее; мне без нее не шутя было скучно. *(Епишкину.)* Послушайте, почтеннейший!

Епишкин. Что вам угодно, сударь?

Баклушин. Вы знаете эту девушку?

Епишкин. Девушку-то? Я думал, вы про что путное спрашиваете. Не наше это дело. *(Смотрит в другую сторону.)*

Баклушин. По крайней мере, будьте так добры, скажите мне, она здесь живет?

Епишкин *(как бы зевая)*. О-хо-хо! *(Показывает рукой, не глядя.)* Вон живет!

Баклушин. Покорно вас благодарю.

Епишкин. Не за что-с.

Баклушин. Можно войти в лавку написать письмо? Я вам заплачу за бумагу.

Епишкин. Пожалуйте! Там мальчик вам подаст.

Баклушин входит в лавку. Из калитки дома Мигачевой выбегает Елеся, растрепанный, в халате и останавливается подле калитки; из калитки показывается ухват.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Епишкин, Елеся, потом Мигачева.

Елеся. Но оставьте, маменька! Нехорошо! Эх, нехорошо! *(Хочет войти в калитку.)*

Мигачева *(показываясь с ухватом)*. И не подходи, так, кажется, вот и разражу.

Епишкин *(хохочет)*. Хорошенько его, Домна Евсигневна! Хорошенько!

Елеся. К чему это, маменька! Ну, к чему это! Вот уж к вам это не пристало, всегда скажу, что не пристало. Но оставьте же! Вон барышни смотрят. Ай, ай, ай! А барышни-то смотрят!

Мигачева *(выходя из калитки)*. Очень мне нужно, что они смотрят! Я никого знать не хочу.

Елеся. А я-то, маменька, я-то! Меня-то пожалейте, ведь я жених...

Мигачева. Ах ты, наказанье ты мое! Посудите только, добрые люди: дома денег ни копейки, а он чижей ловит да на барышень любуется. Вот я тебя!

Елеся. Позвольте, маменька! Да на что нам много денег? Нам ведь серебряных подков не покупать, потому у нас и лошадей нет.

Мигачева. Какие серебряные подковы! Какие лошади! Двугривенного в доме нет, а он...

Елеся. Позвольте! Это верно. Нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный дороже каменного моста.

Мигачева. Какой мост? Квартальный давеча срамил, срамил при людях, что забор не крашен.

Елеся. Важное дело! Кабы хитрость какая! А то взять голландской сажи,— вот и весь состав.

Мигачева. Когда еще этот твой состав будет!

Елеся. Одна минута.

Мигачева *(ставит ухват у калитки)*. Без денег-то? Наказанье...

Елеся. Сейчас умом раскину...

Мигачева. Каким умом, каким умом? Наказанье ты мое, данное! Дурак ведь ты у меня круглый, наказанье ты мое.

Елеся. Что ж, что дурак, маменька? Видно, родом так.

Мигачева. Да отец-то был у тебя умный.

Елеся. Я, маменька, не в отца.

Мигачева *(берет ухват)*. В мать, что ли? Дурак, дурак! Непочтительный! Неуважительный! Супротив-

ник ты для всего настоящего, что по закону требовается.

Епишкин *(хохочет)*. Учи его, учи!

Мигачева. Слышишь, что добрые-то люди говорят, слышишь? Вон из моего дому, вон! Я и знать тебя не хочу.

Елеся. Нет, вы, маменька, такими словами не шутите! Такие-то слова своему детищу надо осторожно. Вы знаете, можно человека и в тоску вогнать.

Мигачева. Ах, скажите пожалуйста, нужно мне очень.

Елеся. А в тоске куда ж человеку? Одно средство — в Москву-реку.

Мигачева. Что ты, не грозить ли мне вздумал?

Елеся. Не грозить, а прочитают вам в «Полицейских ведомостях»...

Мигачева. Какие такие новости прочитают?

Елеся. Найдено тело неизвестного человека...

Мигачева. Ишь ведь глупости...

Елеся. «Юноша цветущих лет, прекрасной наружности». И тут же еще добавлено: «так видно, что по неприятностям от родителев».

Мигачева *(ставя ухват)*. Скажите, пожалуйста, что он городит! Не рада, что и связалась. Уйди ты от греха с глаз моих! *(Идет в калитку.)*

Епишкин. Домна Евсигневна! Ухват-то захвати!

Мигачева. Ах, извините! Я, знаете, по своей горячности, замечталась очень, вот какое невежество на улицу принесла.

Епишкин. Нет, ничего, что за невежество! И ухват свою службу сослужит, как ничего другого под руками нет. Я тоже дома попросту.

Мигачева *(берет ухват)*. Ах, право! Вдруг закипит, и сделаюсь без понятия, даже людей совестно. *(Уходит.)*

Из лавки выходит Баклушин с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Епишкин, Елеся, Баклушин.

Баклушин *(Епишкину)*. Я там заплатил. Покорно вас благодарю. Не можете ли вы передать это письмо?

Епишкин *(будто не слышит)*. Чего-с?

Баклушин. Передать по адресу.

Епишкин. Эх, барин! Борода-то у меня уж поседела.

Баклушин. Что мне за дело до вашей бороды!

Епишкин. А то и дело, что отдавайте сами. Ходили тоже и мы по этим самым делам, да уж теперь у меня у самого дочери двадцать седьмой годочек пошел.

Баклушин. По каким «этим делам»?

Епишкин. Ну, что уж! Вон парень-то без дела гуляет, пошлите его. Ему все равно, он у нас не спесив.

Баклушин *(Елесе)*. Не можете ли вы доставить письмо?

Елеся. Кому-с?

Баклушин. Настасье Сергевне.

Елеся. Барышне-с?

Баклушин. Да, барышне.

Елеся. Истукарий Лупыч, а по затылку нашего брата за эти дела не скомандуют?

Епишкин. Снеси! Ничего.

Елеся. Я снесу, Истукарий Лупыч.

Епишкин. Снеси! Барин на чай даст.

Баклушин. Разумеется, не даром. *(Дает Елесе двугривенный.)* Так отдайте письмо. Эта барышня у кого живет?

Елеся. У тетеньки-с.

Баклушин. Чем они занимаются?

Елеся. Рубашки берут шить русские ситцевые на площадь на продажу, по пятачку за штуку.

Баклушин. Что? Может ли быть?

Елеся. Так точно-с.

Баклушин. Да, вот что. Так дайте письмо. *(Берет письмо назад.)* Ну, все равно,снесите! *(Отдает опять и уходит.)*

Елеся. Я отдам, Истукарий Лупыч. *(У двери Крутицкого.)* Получите письмецо! *(Подает в дверь и подходит к лавке.)*

Епишкин. А двугривенный-то тебе годится.

Елеся. И вот сейчас, Истукарий Лупыч, голландской сажи на всю эту сумму, только побольше.

Епишкин. Поди, отвесят тебе.

Елеся. Вот ведь она, кажется, сажа; а и матери удовольствие, и квартальному мило. *(Уходит в лавку.)*

Епишкин *(встает)*. Фетинья!

Фетинья выходит из лавки.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Епишкин, Фетинья.

Фетинья. Что угодно, Истукарий Лупыч?

Епишкин. Допреж в нашей стороне смирно было, а теперь строкулисты стали похаживать да записочки любовные летают.

Фетинья. Что вы говорите!

Епишкин. Так точно. Значит, Ларису поскорей замуж надо.

Фетинья. Да, разумеется, надо.

Епишкин *(вздохнув)*. Так-то, брат, вот что!

Фетинья. Признаться, есть женишишко-то, да не по ней.

Епишкин. Ну, да хоть уж плохенький, да только бы с рук скорей. Это вы только сами себе цену-то высоку ставите, да еще женихов разбираете; а по-нашему, так вы и хлеба-то не стоите. Коли есть избранники, так и слава богу, отдавай без разбору! Уж что за товар, коли придачи нужно давать, чтоб взяли только.

Фетинья. Коли вы дочь свою к товару применяете...

Епишкин. Товар ли, не товар ли, как хочешь ее поворачивай, все дрянь. *(Уходит в лавку, Фетинья за ним.)*

Из лавки выходит Елеся.
Лариса, разряженная, гуляет по саду подле развалившегося забора.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елеся, Лариса, потом Фетинья.

Елеся. Наше почтение-с!

Лариса *(постоянно держась прямо)*. Здравствуйте! Тиранов моих нет здесь?

Елеся. Это вы насчет родителев-с?

Лариса. Они-то самые мои тираны и есть.

Елеся. Почему же вы так заключаете?

Лариса. Я хочу завсегда у людей на виду быть, а мне из дому выходу нет. Я, собственно, своего требоваю, чтоб люди меня видели, потому зачем же я наряды имею.

Елеся. Это действительно-с.

Лариса. Маменька говорит, что я разговору не знаю. Коли хотят, чтоб я знала разговор, дайте мне настоя-

щих кавалеров. А то как же мне знать разговор, коли я все сижу одна и сама промежду себя думаю?

Е л е с я. О чем же вы думаете?

Л а р и с а. Я этого не могу сказать, потому мы с вами довольно далеки друг от друга. Имеете так близко предмет и сами себя отдаляете.

Е л е с я. И видит кошка молоко, да рыло коротко. Ежели б я только смел-с... Потому как я давно чувствую любовь.

Л а р и с а. Может, ваша любовь бесчувственная.

Е л е с я. Как же может быть бесчувственная, когда вы харуим.

Л а р и с а. Коли вы так чувствуете, отчего вы ко мне не подойдете?

Е л е с я. Стало быть, мне к вам в сад поступить?

Л а р и с а. Поступайте!

Елеся переходит в сад. Ф е т и н ь я выходит из лавки и садится на стуле.

Вы умеете целоваться?

Е л е с я. Похвастаться против вас не смею; а так думаю, что занятие немудреное.

Л а р и с а. Поцелуйте меня!

Е л е с я. Даже очень приятно-с. *(Целует Ларису.)*

Фетинья прислушивается.

Л а р и с а. Нет, вы не умеете.

Е л е с я. Да нечто б я так-с, только звание мое очень низко, так я сумлеваюсь.

Л а р и с а. Коль скоро я вам позволяю, вы забудьте ваше звание и целуйте, не взирая.

Е л е с я. Только за смелостью и дело стало. *(Крепко целует Ларису.)*

Фетинья заглядывает в сад.

Ф е т и н ь я. О, чтоб вас! Напугали до смерти. Я думала, что чужой кто. Ведь от Ларисы все станется. А это ты, мой милый!

Е л е с я *(потерявшись)*. Про-про-валиться здесь на месте, не нарочно-с. И сам не знаю, как это я! Вот поди ж ты, Фетинья Мироновна, на грех мастера нет.

Ф е т и н ь я. Ну, с тобой после. Ты только хоть уж молчи-то. *(Ларисе.)* А тебе это среди белого-то дня и не совестно! На-ко! На всем на виду! Солнышко-то во все глаза смотрит...

Л а р и с а. Вам давно сказано, что я не могу жить против своей натуры. Чего ж еще! Чем же я виновата, когда моя такая природа? Значит, я все слова ваши оставляю без внимания! *(Уходит.)*

Ф е т и н ь я. Что с ней будешь делать! Нет, уж надоело мне в сторожах-то быть. *(Уходит.)*

Е л е с я. Вот так раз! Что-то мне теперь будет за это? Чего-то мне ожидать? Быть бычку на веревочке!

П е т р о в и ч выходит из лавки.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Е л е с я, П е т р о в и ч.

Е л е с я. Абвокат, выручай! Попался, братец!

П е т р о в и ч. В каком художестве?

Е л е с я. Купеческую дочь поцеловал.

П е т р о в и ч. Дело — казус. Какой гильдии?

Е л е с я. Третьей.

П е т р о в и ч. Совершенных лет?

Е л е с я. Уж даже и сверх того.

П е т р о в и ч. По согласию?

Е л е с я. По согласию.

П е т р о в и ч. Худо дело, да не очень. А где?

Е л е с я. В саду у них.

П е т р о в и ч. А как ты туда попал?

Е л е с я. Через забор, друг.

П е т р о в и ч. Шабаш! Пропала твоя голова.

Е л е с я. Ох, не пугай, я и так пуганый.

П е т р о в и ч. Непоказанная дорога— вот что! Тут с их стороны большая придирка.

Е л е с я. Придирка?

П е т р о в и ч. Но и с нашей крючок есть.

Е л е с я. Какой, скажи, друг?

П е т р о в и ч. Ты держись за одно, что ногами ты стоял на общественной земле.

Е л е с я. На общественной?

П е т р о в и ч. На общественной. А только губы в сад протянул.

Е л е с я. Облегчение?

П е т р о в и ч. Большое.

Е л е с я. Спасибо, приятель! Чай за мной.

Уходят в калитку. А н н а Т и х о н о в н а и Н а с т я сходят с крыльца.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Анна, Настя.

Настя. Ах, тетенька, голубок! Вот бы поймать!

Анна. Лови, коли тебе хочется. Дитя ты мое глупое, беда мне с тобой. Не с голубями тебе, а с людьми жить-то придется.

Настя. Улетел. *(Снимает с головы небольшой бумажный платок.)* Ах, этот платок, противный! Сокрушил он меня. Такой дрянной, такой неприличный, самый мещанский.

Анна. Что делать-то, Настя! Хорошо, что и такой есть. Как обойдешься без платка!

Настя. Да, правда. От стыда закрыться нечем.

Анна. Ох, Настя, и я прежде стыдилась бедности, а потом и стыд прошел. Вот что я тебе расскажу: раз, как уж очень-то мы обеднели, подходит зима,— надеть мне нечего, а бегать в лавочку надо; добежать до лавочки, больше-то мне ходить некуда. Только, как хочешь, в одном легком платье по морозу, да в лавочке-то простоишь, прождешь на холоду! Затрепала меня лихорадка. Вот где-то Михей Михеич и достал солдатскую шинель, старую-расстарую, и говорит мне: «Надень, Аннушка, как пойдешь со двора! Что тебе дрогнуть!» Я и руками и ногами. Бегаю в одном платьишке. Побегу бегом, согреться не согреюсь, только задохнусь. Поневоле остановишься, сердце забьется, дух захватит, а ветер-то тебя так и пронимает. Вот как-то зло меня взяло; что ж, думаю, пускай смеются, не замерзать же мне в самом деле,— взяла да и надела солдатскую шинель. Иду, народ посмеивается.

Настя. Ах, это ужасно, ужасно!

Анна. А мне нужды нет, замер совсем стыд-то. И чувствую я, что мне хорошо, руки не ноют, в груди тепло,— и так я полюбила эту шинель, как точно что живое какое. Не поверишь ты, а это правда. Точно вот, как я благодарность какую к ней чувствую, что она меня согрела.

Настя. Что вы говорите, боже мой!

Анна. Вот тут-то я и увидела, что человеческому-то телу только нужно тепло, что теплу оно радо; а мантилийки там да разные вырезки и выкройки только наша фантазия.

Настя. Тетенька, ведь вы старуха, а я-то, я-то! Я ведь молода. Да я лучше... Господи!

Анна. А вот погоди, нужда-то подойдет.

Настя. Да подошла уж. Уж чего еще! я последнее платье заложила, вот уж я в каком платке хожу. А давеча, тетенька, побежала я в ту улицу, где Модест Григорьич живет, хожу мимо его дома, думаю: «Неужто он меня совсем забыл!» Вот, думаю, как бы он увидел меня из окна или попался навстречу; а про платок-то и забыла. Да как вспомнила, что он на мне надет, нет уж, думаю, лучше сквозь землю провалиться, чем с Модестом Григорьичем встретиться. Оглянулась назад, а он тут и был; пустилась я чуть не бегом и ног под собой не слышу. Оглянусь, оглянусь, а он все за мной. Платок-то, платок-то, тетенька, жжет мне шею, хоть бы бросить его куда-нибудь. А потом взглянула на башмаки. Ах!

Анна. Ну вот, видела ты, наконец, своего Модеста Григорьича?

Настя. Да, видела. Думала, что, бог знает, как обрадуюсь, а только испугалась да сконфузилась.

Анна. Кто он такой, скажи ты мне!

Настя. Да я не знаю.

Анна. Вот хорошо! Хотела замуж идти, а за кого — не знаешь.

Настя. Да он милый такой.

Анна. Все ж таки хоть звание-то его знать надо.

Настя. Как это? Вот который с портфелем все ходит.

Анна. Чиновник?

Настя. Так, кажется.

Анна. И он хотел жениться на тебе?

Настя. Да. Маменька крестная хотела приданое дать.

Анна. Он тебя любит?

Настя. Ох! Очень, очень любит.

Анна. Ты почем это знаешь?

Настя. Как же мне не знать! Он мне, бывало, в уголке потихоньку каждый день про свою любовь говорил.

Анна. Только про любовь?

Настя. Да. У маменьки крестной ни о чем другом в доме и разговору не было. Только про любовь и говорили,— и гости все, и она сама, и дочери.

Анна. Можно богатым-то про любовь разговаривать, им делать-то нечего.

Настя. Ах, как жаль, что у меня денег нет.

А н н а. Ну, а если б были, что ж бы ты сделала?

Н а с т я. Вот что: наняла бы хорошенькую квартирку, маленькую, маленькую, только чистенькую; самоварчик завела бы, маленький, хорошенький. Вот зашел бы Модест Григорьич, стала бы я его чаем поить, сухарей, печенья купила бы.

А н н а. Ну, а дальше что?

Н а с т я. Дальше — ничего. Ах, тетенька, вы представить себе не можете, какое это наслаждение—принимать у себя любимого человека, а особенно наливать ему чай сладкий, хороший! Вот он пишет, что нынче же придет к нам. Что мне делать, уж я и незнаю.

А н н а Помилуй, до гостей ли нам.

Н а с т я. Дяденька идет.

А н н а и Н а с т я быстро уходят в дом. К р у т и ц к и й проходит за ними, не останавливаясь. М и г а ч е в а выбегает из своей калитки, за ней выходят Е л е с я и П е т р о в и ч. Ф е т и н ь я выходит из лавки.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

М и г а ч е в а, Е л е с я, П е т р о в и ч, Ф е т и н ь я, потом К р у т и ц к и й, А н н а, Н а с т я.

М и г а ч е в а. Пришел, матушка, пришел. Что-то он принес — вот любопытно.

Ф е т и н ь я. Потерпи, узнаем. Куда торопиться-то!

М и г а ч е в а. Каково терпеть-то! Неужли он в самом деле деньги принес?

П е т р о в и ч. Кто ж его знает; человек темный, аред как есть.

Е л е с я. Алхимик.

М и г а ч е в а *(подбегая к окну)*. Бранятся что-то.

Выходят из дома К р у т и ц к и й, А н н а, Н а с т я.

К р у т и ц к и й. Идите, говорю вам! Идите! Вот тебе приданое! Вот, на! *(Дает Насте бумагу.)*

Н а с т я. Нет, нет, ни за что! Лучше я с голоду умру, сейчас с голоду умру!

К р у т и ц к и й. Ну, умирай, умирай! Только уж на дядю не жалуйся! Тебе стыдно у богатых просить, стыдно? А не стыдно у дяди кусок хлеба отнимать? Я сам нищий. У нищего тебе отнимать не стыдно?

Анна *(берет у Насти бумагу)*. Михей Михеич, побойся ты бога! Что ты с нами делаешь?

Крутицкий *(Фетинье)*. Вот они какие! Вот они какие! Они глупые. Я им хлеб достал, хлопотал для них, а они упрямятся. Отец родной того для нее не сделает, а она бранится. Да вот, все меня бранят; а ведь я им... знаете что?

Фетинья. Что же за сокровище ты добыл?

Крутицкий. Да, сокровище. Верно ты говоришь, сокровище. Я им свидетельство достал на бедную невесту. Вот я что! И священник подписал, и староста церковный подписал.

Мигачева. Ах, ах, ах!

Крутицкий. Пойдут по городу, по лавкам, что денег-то наберут! Какой доход! Счастье ведь это, счастье!

Фетинья. Да, счастье... на мосту с чашкой.

Мигачева *(подбегая к Анне)*. Позвольте бумажку, полюбопытствовать!

Анна *(подавая бумагу)*. Да на что вам? Ведь вы читать не умеете.

Мигачева. Все-таки интересно, помилуйте! *(Рассматривая бумагу.)* Ах, ах! Ну, вот, уж чего вам лучше!

Петрович. Постой ты! Подай сюда! *(Берет бумагу.)* Что ты смыслишь! *(Просматривает бумагу, потом щелкает по ней пальцем.)* Верно! Ничего, идите смело! По этой бумаге ходите смело. *(Отдает Анне бумагу.)*

Настя. Что ж, очень это стыдно?

Мигачева. Да таки порядочно. Как начнут срамить, так только держись, особливо приказчики.

Елеся *(смеется)*. Приказчики? Приказчики проберут.

Настя. А много денег собрать можно?

Мигачева. Счастьем ведь это. Кто рублик даст, кто просто поклонится да рукой махнет, значит — проходи мимо; кто насмеется вволю; а добрые люди попадаются — и по десяти и по двадцати рублей дают.

Настя. Тетенька, мне очень нужны деньги.

Фетинья. Ступайте! Кому ж не мило даром-то деньги брать! Случалось, что рублей и по сту набирали, особенно если девушка повидней да на всякий разговор нестыдлива.

Крутицкий. Какой доход! Какие деньги! Вот что я вам! Вот что!

Н а с т я. А мне деньги очень нужны. Уж как мне нужны сегодня деньги! Уж пойдемте, тетенька, что ж делать! Ах, несчастная я, несчастная. *(Плачет.)*

А н н а *(тихо Насте)*. Ну, ничего! Ну, не плачь! Вот можно будет

Крутицкий прислушивается.

и платье выкупить и платочек купить хорошенький.

К р у т и ц к и й *(отводя Анну к стороне)*. Что ты, безумная! Что ты говоришь! Какие платочки? Еще не видя денег, да уж мотать задумала? Мотовка, мотовка! Ты ей и не показывай, что тебе дадут, ты все мне неси! И боже тебя сохрани!

А н н а. Она, благородная девушка, за деньги-то такой стыд принимать будет, а мы у нее их отнимем.

К р у т и ц к и й. Что ее жалеть-то! не родная дочь. А ты, что покрупней-то, и зажми в руке-то, и зажми! Жаль тебе ее? О, мотовка! *(Злобно.)* Анна, если я узнаю, что у тебя были в руках большие деньги, да ты их из рук выпустила...

А н н а. Что ты при людях-то, Михей Михеич!

К р у т и ц к и й. В петлю тебя, в петлю!

Ф е т и н ь я. Вот вы бы и шли; самое время теперь, все купцы в городе.

А н н а. Пойдем, Настенька.

М и г а ч е в а. Да постойте! Как вы пойдете? На все нужно порядок знать. Вы, Анна Тихоновна, вперед идите; а вы, Настенька, так шага три сзади, так и идите. Платочком-то поприкройтесь для скромности. А если кто захочет на вас полюбопытствовать, поманит вас, вы и подойдите и платочек откройте. Ну, идите в добрый час.

Ф е т и н ь я. Постойте! Как вы бумагу-то держите? Так ведь нехорошо. Все ведь это надо знать, коли уж пошли за таким делом. Надо в чистый платок завернуть. Нет у вас? Вот возьмите мой, только назад принесите, а то вы, пожалуй... *(Завертывает бумагу в платок.)* Да вот так, против груди и держите! *(Отдает бумагу.)* Вот так, вот! Ну, и ступайте! Дай бог счастливо.

А н н а и Н а с т я медленно уходят.

М и г а ч е в а *(Елесе)*. Елеся, Елеся, погляди! Ведут ее, бедную, как овечку. Ах, как интересно!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

КРУТИЦКИЙ.

АННА.

НАСТЯ.

МИГАЧЕВА.

ЕЛЕСЯ.

ФЕТИНЬЯ.

ЛАРИСА.

БАКЛУШИН.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мигачева у калитки. Фетинья у лавки. Крутицкий сходит с крыльца. Анна за ним.

Фетинья. Вернулись, что ли?

Мигачева. Ох, вернулись.

Фетинья. Принесли что-нибудь?

Мигачева. Еще не слыхала. Вон Михей Михеич; спросить бы у него, да боюсь.

Крутицкий. Кто хозяин-то, кто? Кто у вас большой-то? Как вы смели купить без позволения? Нынче и хлеб-то дорог, и хлеб-то надо по праздникам есть, а вы чаю да тряпок накупили. Чай пьют! Вы меня с ума сведете! Набрал я тебе липового цвета на бульварах, с полфунта насушил, вот и пейте.

Анна. Она на свои купила.

Крутицкий. Какие у нее свои? Откуда у нее свои? У нее нет своих, все мои,— я ее кормлю. Да ты врешь, ты затаила деньги, затаила!

Анна. Не верь, пожалуй, бог с тобой, а я тебе все отдала.

Крутицкий. У, мотовка!

Мигачева. Позвольте, Михей Михеич, сколько же вам бог да добрые люди?..

Крутицкий. Не подходи!

Мигачева. Уж и спросить нельзя! Кажется, не велик секрет! Не краденые деньги.

К р у т и ц к и й. Отступись, говорю! Что тебе до чужих денег! Иль ограбить меня хочешь! Меня и так ограбили. *(Анне.)* Обманули меня! Чаю захотели! Есть у вас липовый цвет и изюмцу есть немножко, я у бакалейной лавки подобрал. Он чистый, я его перемыл. А то чай! чего он стоит! Вот я посмотрю, сколько вы завтра принесете. Я сам с вами пойду.

М и г а ч е в а. Она завтра не пойдет; что ей за неволя мучиться.

К р у т и ц к и й. Не пойдет — из дому выгоню, ночью на улицу выгоню. *(Уходит.)*

Н а с т я выходит на крыльцо с гребенкой в руке, причесывая голову.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф е т и н ь я, М и г а ч е в а, А н н а, Н а с т я.

Н а с т я. Что же вы, тетенька! Попросите поскорей у кого-нибудь самоварчик-то. Наш подать нельзя, он никуда не годится. Мы здесь будем пить чай, под деревьями, здесь хорошо. Я пока приоденусь немножко; я того и жду, что Модест Григорьич придет. *(Показывая шелковый платок.)* Тетенька, вот платочек-то! Ах, душка, какой милый!

А н н а. Милый, милый! А ты не забывай, что нам завтра опять идти.

Н а с т я. Нет, уж завтра я не пойду. Хорошенького понемножку; я и нынче не знала, ворочусь ли живая. Да вы бы сами-то приоделись.

А н н а. Во что мне!

Н а с т я. Да хоть немножко! Хлопочите, тетенька, поскорей, скоро вечерни. *(Уходит.)*

М и г а ч е в а *(подходя к Анне)*. Ну, матушка Анна Тихоновна, рассказывайте!

Фетинья подходит медленно и важно.

А н н а. Что рассказывать,— дело обыкновенное. Одолжите нам самоварчик.

М и г а ч е в а. После трудов-то хотите чайку напиться? Это хорошо. Извольте, извольте! Уж я и посуду свою дам, и столик. Елеся, Елеся!

Выходит Е л е с я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анна, Мигачева, Фетинья, Елеся.

Елеся. Что вам, маменька?

Мигачева. Вынеси столик сюда и чайник с чашками да поставь самовар. Накрой вон там, у крылечка, да поскорей поворачивайся!

Елеся. Спеши не спеши, а поторапливайся. *(Уходит, напевая «Чижика», и потом в продолжение сцены приносит стол и прибор чайный.)*

Мигачева. Еще чего не нужно ли? Хоть весь дом возьмите, Анна Тихоновна, я на это женщина простая, только уж расскажите, не томите! Измаялась!

Анна. Да, право, занимательного немного; вот разве один случай.

Мигачева. Ах, так и случай с вами был!

Анна. Заходим мы в один магазин, в амбар ли, уж не знаю; хозяин такой видный, важный, стоит за конторкой, что-то пишет. Ну, мы поджидаем, когда он кончит. Он попишет, взглянет на нас да опять писать примется. Мы стоим, приказчики посмеиваются. Вот он кончил, кивнул нам головой и указывает рукой на дверь. Я хотела подойти, бумагу подать: «Знаю, знаю, говорит, мы в эти дела не входим». Я было заговорила, что я благородная: «Вам, говорит, сказано, кажется; ну, и довольно с вас; мне теперь некогда, а пожалуйте в другое время». А сам закричал на парня, который у двери стоит: «Ты, говорит, что смотришь! Вперед не допускать до меня просящих!» Так мы со стыдом и вышли. Прошли немного, только глядим, этот купец догоняет нас. Поклонился так учтиво и стал расспрашивать. Расспросил все подробно и адрес записал; я, говорит, навещу вас сегодня вечером из городу. Как у меня, говорит, своих детей нет, то я желаю быть этой девушке благодетелем. И дает мне десять рублей.

Мигачева. Однако же это довольно хорошо.

Фетинья. Надо ж куда-нибудь им деньги-то девать.

Анна. Потом поговорил немножко с Настенькой, так хорошо, солидно и ей дал пятнадцать.

Мигачева. Ах, скажите!

Фетинья. Мало ль проказников-то!

Анна. Еще по мелочи рублей шесть набрали.

Мигачева. А ведь, поди, чай, все мужу отдала, себе ничего не оставила?

Анна. Конечно, все; как ему не отдать, он из души вытянет. Настенька истратила кой-что на себя; а рублей пять все-таки у ней он отнял.

Мигачева. Теперь уж у него не выпросишь. И всю-то жизнь ты с ним так маешься?

Анна. Всю жизнь. Он сначала, еще когда молодой был, точно пришиб меня чем-нибудь. Жила я с ним вместе, а никогда не знала, есть у него деньги или нет. Бывало, мне со стороны говорят: «Хорошо твое житье, сколько твой муж грабит».— «Не знаю, говорю, не вижу у него денег, видно, где-нибудь на стороне проживает». И после, когда он дом, лошадей и все наше заведение продал, я у него спрашивала: «Михей Михеич, где ж деньги-то?» — «В долги, говорит, роздал, в долгах пропали». И точно, был разговор, что он деньги за большие проценты взаймы давал; только получал ли он их обратно, не знаю. Верите ли, двадцать пять лет я за ним замужем, а как прежде в его кабинет не смела войти и не была там ни разу, так и теперь в его каморку глазом заглянуть не смею. Войдет — запрется и выйдет — на два замка запрет.

Фетинья. Только сам себе свой, а то все чужие. Бывают такие-то идолы.

Анна. Так я всю жизнь в своих руках денег и не видала. Извините, что я вас беспокоила насчет самовара. Да вот вы обещали; так уж не одолжите ли платочка на плечи накинуть?

Мигачева. Ничего, что вы! Елеся, подай мой ковровый.

Елеся уходит.

Али вы кого ждете? Кажись, гостей-то у вас не бывало прежде.

Анна. Какие гости! Настенькин знакомый, молодой человек, благородный...

Мигачева. Благородный?

Анна. Богатый человек, хорошей фамилии.

Мигачева. Скажите!

Анна. Он познакомился с Настенькой, когда она жила у крестной матери.

Мигачева. Не он ли сватался?

Анна. Он самый. Хочется принять получше; ведь может быть... А то, сами подумайте, куда нам с ней деваться!

Мигачева. Конечно, конечно. Дай бог!

Входит Елеся с платком.

Да вон Елеся вам все приготовил, и платок принес.

Анна *(Мигачевой)*. Благодарю покорно. *(Фетинье.)* А ваш платочек извольте.

Фетинья. Да ведь завтра, чай, опять потреплетесь, так понадобится. А мне что за крайность! У меня этой дряни много.

Анна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Набрали христа-ради да и закутили.

Фетинья. Я слушаю да только помалчиваю. С чем сообразно: сами милостыню просят, а жених благородный, видишь ты, хорошей фамилии.

Мигачева. Да, может, он не знает их похождениев-то.

Фетинья. А вот надо с них форс-то сшибить.

Мигачева. Это даже и оченно можно.

Фетинья. Мы вот и с деньгами, да своей Ларисе жениха не найдем, а они нищие, да за благородного норовят. Каково слушать-то!

Мигачева. Само собой. Ну, да ведь у нас не взыщите, мы так одолжим, что чудо.

Фетинья. Счастье вот людям! А уж я б свою, право, и без разбору отдала.

Мигачева. Куда торопиться-то?

Фетинья. Как ты говоришь! Одно дело, девке удержу нет, а другое, нам зять в дом нужен. Сам стар, торговля у нас опасная.

Мигачева. А и выгодна ваша торговля, нет ее лучше.

Фетинья. Еще бы. Само собой, что мы овощную и погребок только для виду держим; а настоящий наш товар темный.

Мигачева. Тут глаз да и глаз нужно.

Фетинья. Да и хлопотно. Эти самые люди приходят к нам на рассвете; ночью-то они на промысле. Ну, старику-то и тяжело. Кабы зять, так одну ночь сам, а другую зять; да вот нет избранников.

Мигачева. Вы об женихах, а я об невестах. Женила б вот Елесю, да какого лысого беса за него отдадут!

Фетинья. Зачем лысого!

Мигачева. А то какого же?

Фетинья. Нет, он не об лысом думает.

Мигачева. О каком же? Где еще ему! Он младенец.

Фетинья. Младенец-то младенец, а по чужим садам лазит.

Мигачева. Охота у него.

Фетинья. И я говорю, что охота.

Мигачева. Птиц сетью накрывает.

Фетинья. Не он накрывает, а я его накрыла и с птицей вместе. Только птица-то большая, больше тебя ростом будет.

Мигачева. Матушка, виноваты! Ах, упаду. Ах, он разбойник! Погубил он мою голову.

Фетинья. Не твою, а мою. Узнает Истукарий Лупыч, кого причесывать-то будут? Не тебя, а меня. Так уж вот что! Вы мне не противны, а сам-то , пожалуй, тоже не прочь. Он об своей дочери невысокого мнения, а так надо сказать, что и за человека ее не считает, так много спорить не будет. Конечно, Елеся против нашего звания и приданого жених низменный; да, видно, уж судьба. Вели ты сыну одеться почище, да приходите к нам, не мешкая. Какое-нибудь решение нам выдет: либо мне быть битой, либо нам свадьбу пировать...

Мигачева *(целуя в плечо Фетинью)*. Матушка, благодетельница! То-то мне нынче во сне-то...

Фетинья. Ну, да уж и я сон-то...

Мигачева. Чему быть-то, так уж, видно...

Фетинья. Да вот, на грех-то мастера нет. Прощай покуда! Приходите скорей, пока сам дома.

Мигачева. Прощайте, приятная моя! Мы мигом.

Входят Елеся с самоваром, Анна и Настя. Фетинья уходит в лавку.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Анна, Настя, Мигачева, Елеся.

Елеся. Кипит.

Мигачева. Брось скорей! Поди, чисти сертук; в гости зовут.

Е л е с я. Везде поспею. *(Уходит в калитку, Мигачева за ним.)*

Н а с т я. Он писал, что ровно в четыре часа...

А н н а. А к вечерне уж звонили.

Н а с т я. Что я с ним буду говорить? У меня в голове все перепуталось. Мне хочется и плакать и смеяться. Я готова прыгать и хлопать в ладошки, как глупый ребенок в большой праздник; а что мне нужно, мне того не выговорить.

А н н а. Мы прежде послушаем, что он скажет.

Н а с т я. Тетенька, вы шаль-то вот так. *(Поправляет платок на тетке.)* Да пожалуйста, как можно поделикатней!

А н н а. Ну, уж как умею. Лгать-то я не мастерица.

Н а с т я. Нам бы как-нибудь, тетенька, припрятать свою бедность-то, чтоб не очень уж сразу-то.

А н н а. Постараюсь.

Н а с т я. Тетенька, он идет.

А н н а. Поди, встреть его.

Входит Б а к л у ш и н.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А н н а, Н а с т я, Б а к л у ш и н.

Н а с т я. Вы-таки пришли. Ну, уж нечего с вами делать! Милости просим. Пожалуйте сюда!

Б а к л у ш и н. Куда же?

Н а с т я. А вот сюда, под деревья. Здесь лучше, чем в комнатах.

Б а к л у ш и н. Как? На улице? Это довольно оригинально.

Н а с т я *(представляя Баклушина)*. Модест Григорьич Баклушин! Тетушка моя, Анна Тихоновна.

Баклушин кланяется.

А н н а. Садиться не угодно ли?

Баклушин садится.

Н а с т я *(наливая стакан чаю)*. Не прикажете ли чаю?

Б а к л у ш и н. Покорно вас благодарю. *(Берет стакан.)*

Н а с т я. Не знаю, хорошо ли я хозяйничаю. Право, так неожиданно. Сладко ли я вам налила?

Б а к л у ш и н. Превосходно. Отличный чай, отличные сухарики.

Н а с т я. Ах, нынче и погода какая! И все так... Не угодно ли вам еще?

Б а к л у ш и н. Позвольте. *(Подает стакан.)*

Н а с т я *(наливая)*. Ах, как мне весело, что мой чай вам нравится. Мне так это приятно слышать от вас. *(Подает стакан.)* Не правда ли, у нас хорошо? Мы живем, конечно, небогато, но зато тихо, покойно. Мне, право, здесь так весело.

Входит Е л е с я в жилете с сертуком в руках.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А н н а, Н а с т я, Б а к л у ш и н, Е л е с я, потом М и г а ч е в а.

Н а с т я. Никто нас не трогает, никто нам не мешает.

Е л е с я *(вешает сертук на дереве подле стола и начинает чистить)*.

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Н а с т я *(сконфузившись)*. Конечно, соседи у нас люди простые. *(Елесе.)* Елеся, вы бы дома сертук-то чистили. *(Баклушину.)* Но все нас так уважают.

Е л е с я. Очень нужно дома-то пылить.

Н а с т я *(почти сквозь слезы)*. А на нас-то зачем пылите! Отойдите по крайней мере.

Е л е с я. Ничего-с, кушайте чай, вы мне не мешаете.

Б а к л у ш и н. А он чудак порядочный!

Н а с т я. Не обращайте на него внимания, он малоумный.

Е л е с я. Уж и сертучок, Настасья Сергевна. *(Надевает сертук.)*

Н а с т я. Оставьте меня!

Е л е с я. Да вы поглядите! *(Поворачивается кругом.)* Красота! Великонек немножко, да не перешивать же! Авось выросту; что доброе-то портить!

Входит М и г а ч е в а, принарядившись очень пестро и без вкуса.

Б а к л у ш и н. Это что за явление?

Н а с т я. Это его мать! Она очень хорошая женщина! Учтивая, обязательная.

М и г а ч е в а *(Елесе)*. Скоро ль ты, чучело гороховое?

Е л е с я. Готов. Совсем Максим, и шапка с ним.

М и г а ч е в а *(проходя мимо Насти)*. Чай да сахар всей компании. Ох, не очень ли важно вы расселись-то. *(Уходит в сад, Елеся за ней.)*

Н а с т я *(сквозь слезы)*. Это ужасно! Я не знаю, за что они нынче все обижают меня. А все-таки здесь хорошо.

Б а к л у ш и н. Нет, Настасья Сергевна, не утешайте себя, вам здесь нехорошо. Напрасно вы оставили вашу крестную маменьку.

Н а с т я. Разве я сама ее оставила! Она начала меня упрекать: «Что ты все хорошеешь!» Ну, а что же мне делать! Я не виновата. Стала меня одевать похуже, а я все-таки лучше ее дочерей. Рассердилась за это да и прогнала меня.

Б а к л у ш и н. Да, так вот что! Ну, теперь для меня дело ясно.

А н н а. Да, ни за что обидели девушку. Да и нам-то какая тягость! Мы и сами-то с куска на кусок перебиваемся, а тут еще ее нам на шею спихнули.

Н а с т я *(с упреком)*. Тетенька!

А н н а. Что, Настенька, скрываться-то, коли он тебе знакомый! Пусть уж все узнает. Кабы с рук ее сбыть, вот бы перекреститься можно.

Б а к л у ш и н. Сбыть! Точно вещь какую. А куда же сбыть ее вы думаете?

А н н а. Кроме как замуж, куда ж она годится! Ничего она не знает, ничего не умеет.

Б а к л у ш и н. Неприятное положение! Надо подумать об этом серьезно. Что же вы делаете?

Н а с т я. Так, кой-что.

Б а к л у ш и н. Не кой-что, вам надо трудиться! Вы хоть бы уроки давали.

Н а с т я. Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видели, как меня воспитывали. Меня учили только тешить гостей, чтоб все смеялись каждому моему слову; меня учили быть милой да наивной; ну, я и старалась.

Б а к л у ш и н. Да, правда. Ну, так вот что: сами учитесь! Да учитесь прилежней.

А н н а. Оно, точно, хорошо; только, пока учишься, надо кушать что-нибудь.

Б а к л у ш и н. И то правда.

А н н а. Богатые думают об ученье, а бедные о том, чтоб только живу быть.

Н а с т я. Постойте, погодите, тетенька! Дайте нам поговорить. *(Отходит к стороне и манит Баклушина.)* Подите сюда на минуточку!

Б а к л у ш и н *(подходя)*. Что вам угодно?

Н а с т я. Можно вас об одном спросить?

Б а к л у ш и н. Спрашивайте, что хотите!

Н а с т я *(тихо)*. Вы меня любите по-прежнему?

Б а к л у ш и н. Больше прежнего.

Н а с т я. Ах, как это хорошо!

Б а к л у ш и н. А вы?

Н а с т я. Про меня-то что и говорить! Кого ж мне и любить, как не вас? Так смотрите же!

Б а к л у ш и н. Что смотреть-то?

Н а с т я. Не обманите меня.

Б а к л у ш и н. В чем? Я вам ничего не обещал.

Н а с т я. Вы обещали меня любить, а это мне дороже всего.

Б а к л у ш и н. Если я вам так дорог, отчего же вы давеча не хотели сказать мне своей квартиры?

Подходят к столу.

Н а с т я. Я боялась, что вы войдете к нам, увидите нашу бедность и разлюбите меня. *(Плачет.)*

Б а к л у ш и н. А плакать-то об чем?

Н а с т я. Мне стыдно.

Б а к л у ш и н. А зачем же стыдиться бедности?

А н н а. А то чего же стыдиться-то! Есть ли что еще хуже, обидней бедности, особенно для молодой девушки?

Б а к л у ш и н. Мало ль что есть хуже бедности!

А н н а. Вы посмотрите хорошенько на людей-то! Многие ль стыдятся того, что хуже-то, а бедности-то всякий стыдится. Вы сами бедности не знаете, оттого не по-людски и судите.

Н а с т я. Оставьте, тетенька, этот разговор. Вы опять за то же. Я так счастлива, что Модест Григорьич у меня в гостях! Можно нам теперь хоть не надолго и забыть про свое горе.

Б а к л у ш и н. Вот теперь вы очень мило рассуждаете. Позвольте за это поцеловать вашу руку!

Н а с т я. Ах, извольте, извольте!

Выходят из саду Ф е т и н ь я, М и г а ч е в а, Л а р и с а и Е л е с я.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Анна, Настя, Баклушин, Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Фетинья. Ишь, блаженствуют! Ну, не обида это?

Мигачева. А вот я сейчас осажу их. *(Подходит к столу.)* Уж вы очень проклажаетесь за чужим-то самоваром. Нам самим нужно, у нас тоже гости; они хоть и не благородные, а пожалуй, что и почище будут. Бери, Елеся!

Елеся берет самовар и уносит.

Настя. Что с вами? За что вы нас обижаете?

Мигачева. Уж не взыщите! За свою собственность всегда могу.

Настя. Нам он был уж не нужен, мы бы и сами вам отдали.

Мигачева. Ну, еще когда вас дождешься, а так-то лучше. Да и платок-то бы отдали. Что щеголять-то в чужом.

Анна *(отдавая платок)*. Возьмите!

Настя. Ах, какой стыд, какой стыд!

Лариса *(подходя к Насте)*. Здравствуйте, Настенька!

Настя *(отворачиваясь)*. Здравствуйте!

Лариса. Это ваш жених? Даже очень недурен.

Настя. Какой жених! У меня нет жениха.

Лариса. Ах, напрасно. Вы не должны от нас скрываться, формально все доказывает, что этот самый и есть ваш жених.

Настя. Оставьте вы меня!

Лариса. Коль скоро вы ходите по лавкам собирать на приданое и даже бумагу для этого выправили, как же вы можете быть без жениха? Потому вы не должны народ обманывать.

Настя. Ах, ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Лариса. А вдруг и мы хотим дать вам рубль серебра и говорим: «Окажите нам вашего жениха для видимости. Может, с вашей стороны обман!» *(Отходит к Фетинье.)*

Настя стоит, как убитая.

Фетинья. Ай да Лариса! Она, нет-нет, да и скажет словцо!

Л а р и с а. Что ж, вы воображаете, что я совсем без образования? Но как много вы о своем дитя ошибаетесь. *(Важно уходит в калитку, Фетинья и Мигачева за нею.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Баклушин, Анна, Настя.

Б а к л у ш и н. Что это значит? Куда я попал?

Н а с т я *(складывая руки и умоляющим голосом)*. Простите меня!

А н н а *(берет ее за руку)*. Полно ты, полно! Что за оправдания! Ну, пошли, так и пошли. Надо чем-нибудь кормиться.

Б а к л у ш и н. Можно ли, можно ли? У меня руки опускаются. Что мне думать о вас?

Н а с т я. Вы меня разлюбите?

А н н а. Да что за беда такая! Дядя и свидетельство достал и приказал ей идти, потому что кормить лишнего человека нам нечем,— мы сами часто не евши сидим. Вот и все. Она не смела не идти.

Б а к л у ш и н. Вы говорили, что для молодой девушки ничего нет хуже, обидней бедности. Просить, побираться, милостивая государыня, вот что хуже бедности.

А н н а. Это не хуже бедности, милостивый государь, это самая бедность-то и есть. Сначала просить, потом воровать...

Б а к л у ш и н. Что за ужасы! Что вы ее пугаете! Вам еще далеко до крайности, вы пьете хороший чай.

Н а с т я. Ах, этот чай! Вся и беда-то от него. Послушайте! Вы писали, что придете ко мне, а у меня решительно ничего не было, нечего и заложить; а мне хотелось вас чаем напоить, вот я и пошла. Я не знала, что это так дурно.

Б а к л у ш и н. Так вы это для меня? Благодарю вас. Но вот что, Настасья Сергевна: коли денег нет, так работать надо, работать, а не милостыню просить.

А н н а. А вы думаете, мы сложа руки сидим? Мы чуть не ослепли от работы. Да что стоит наша работа, когда мы ничего не умеем. Мы на хлеб не вырабатываем.

Б а к л у ш и н. По-моему, уж лучше в горничные идти.

Н а с т я. Тетенька, вон что говорят. Найдите мне место, я пойду в горничные.

А н н а. Мало ль что говорят, а ты слушай всех. Где тебя держать будут? Тебе рубля в месяц не дадут. Ты и утюга-то в руки взять не умеешь. *(Баклушину.)* Вы видите наше положение, вы ее любите; вот вам бы и помочь бедной девушке.

Б а к л у ш и н. Чем же я могу?

А н н а. Ведь вы холостой?

Б а к л у ш и н. Холостой.

А н н а. Женитесь!

Н а с т я. Тетенька, перестаньте.

А н н а. Что за церемонии! Спасите ее, ведь погибнет.

Н а с т я *(с испугом)*. Тетенька, разве я погибну?

А н н а. Погибнешь, душа моя. Не ты первая, не ты последняя.

Н а с т я. Ах, как страшно! *(Баклушину.)* Так спасите меня!

Б а к л у ш и н. Ангел мой, я люблю вас, но жениться было бы безумие с моей стороны. У меня ничего нет. Жалованья мне только хватает на платье, да и то я чуть не всем портным в Москве должен. Я сам ищу богатой невесты, чтоб поправить свои дела.

А н н а. Да, вот что?

Н а с т я. Хорошо же вы меня любите!

Б а к л у ш и н. Вас-то я люблю очень.

Н а с т я. А себя больше?

Б а к л у ш и н. Немножко больше.

Н а с т я. Бог с вами! *(Отворачивается и плачет.)*

Б а к л у ш и н *(берет ее за руку)*. Ну, перестаньте, Настасья Сергевна! Настенька! Ну, рассмейтесь! Ну, агунюшки, дитя мое милое! Ну, какой я муж? Я ведь шалопай совершеннейший. Ну, рассмейтесь!

Настя улыбается.

А н н а. А, так вы шалопай? Да, я вижу. Ну, а нам не до шутовства! Мне слушать больно. У нас забота о насущном хлебе, а вы хотите смешить нас! Ей не агунюшки нужны! Ей нужен теплый угол да кусок хлеба. Вот подойдет осень, этому ребенку и надеть-то нечего, и кушать-то нечего, и жить-то негде. Если дядя и не погонит, так она в нашей сырой конуре умрет через неделю. Мы на вас надеялись: она, бед-

ная, последние деньжонки истратила, чтоб принять вас поприличнее.

Б а к л у ш и н. Я бы рад всей душой помочь Настасье Сергевне, но у меня есть одно ужасное обстоятельство, которое связывает мне руки. Ах, если б вы знали!

А н н а. Разговор короток. Ей помощь нужна настоящая, а вы, как я вижу, ровно ничем ей помочь не можете.

Б а к л у ш и н. Отчего же ничем? Дружеским участием, советом.

А н н а. Отчего это богатым никто ничего не советует, а всё только бедным? Как будто у бедных уж и ума нет. У нас, бедных, только денег нет, а ум такой же, как и у вас. Что нынче за свет такой! С наставлением набивается всякий, а денег никто не дает.

Б а к л у ш и н. Где мне взять денег! Мне самому не хватает. Разве малость какую-нибудь!

А н н а. Да хоть и малость, все-таки ей помощь. У ней ведь уж чисто ничего.

Н а с т я. Тетенька, я от него не возьму ни за что.

А н н а. Ты не возьмешь, я возьму. Коли теперь с вами нет, занесите как-нибудь. Доброе дело сделаете.

Б а к л у ш и н. Непременно занесу, непременно. Ох, этот ростовщик проклятый, опутал он меня по рукам и по ногам. А я, знаете ли что, я все-таки подумаю; может быть, ведь...

А н н а. Подумайте! Душу-то ее пожалейте! А то ведь я... уж там суди меня бог! Я с голоду умереть ей не дам. Я знаю, что такое голод.

Б а к л у ш и н. Прощайте, мой милый ребенок. Я вот что, я к вам сегодня же зайду.

Н а с т я. Приходите!

Б а к л у ш и н раскланивается и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

А н н а, Н а с т я.

А н н а. Ну, видела я теперь твоего знакомого довольно хорошо. Надо бы тебя поругать хорошенько, да уж и жалко.

Н а с т я. За что?

А н н а. Истратила ты свои последние деньжонки, а что

толку! Послушай-ко ты меня! Выкинь ты его из головы вон.

Настя. Да ведь он сказал, что еще подумает.

Анна. Ну, да, как же! Будет он думать, нужно ему очень! А коли и будет, так ничего не выдумает. Ему бы только болтать о пустяках, вот его дело. Много таких-то по Москве бегает, да не очень-то они нам нужны. Мы иной день не евши сидим, а он придет с разговорами только оскомину набивать. И не надо его, и бог с ним.

Настя. Ах, не прогнать же его!

Анна. Отчего ж не прогнать; и прогоним. Вот он нынче придет; я тебя научу тогда, что ему сказать. Поверь, что он больше и не заглянет к нам. Да и хорошо бы. Какая от него польза? На что он нам? Сбивать тебя с толку? Так у тебя и то его немного. А тебе, душа моя, пора самой думать о себе, да, ох, думать-то хорошенько. Ребячество твое кончилось, миновалось.

Настя. Я знаю, что оно миновалось.

Анна. Нет, плохо знаешь! Все еще ты ребячишься. А ребячиться тебе уж не то что стыдно, а как-то зазорно глядеть-то на тебя. Богатая девушка прыгает, так ничего, весело; а бедная скачет, как коза, так уж очень обидно на нее. Что было, то прошло, того не воротишь; а впереди для тебя — нечего мне скрывать-то — и сама ты видишь, ничего хорошего нет. Жить с нами в нищете, в холоде, в голоде тебе нельзя. И остается тебе...

Настя. Что мне остается?

Анна. Что тебе остается-то? Бедная ты, бедная! Лучше бы всего тебе теперь...

Настя. Что, тетенька?

Анна. Что? Умереть, вот что.

Настя. Ах, умереть...

Анна. Да. Я об тебе и плакать бы не стала. В могилку-то тебя как в постельку бы положила.

Настя. Страшно, тетенька! *(С криком.)* Ах, страшно, страшно! Холодно! Повезут меня на этих черных дрогах... такие страшные! Лежать в могиле, а все живут!.. Мне жить хочется, я такая молоденькая.

Анна. Ох, жить! Да ведь уж нечего делать! Бог смерти не дает, так, видно, жить надобно. Только я уж тебе

сказала, что жить так, как мы живем, тебе нельзя. Да и что за напасть! Ты такая хорошенькая, тебе можно жить и лучше.

Настя. А как же?

Анна. А вот в сумерки придет купец... Дело-то ясное; я давеча тебе всего не сказала, что он со мной говорил.

Настя *(закрывая лицо руками)*. Ах, ах! Нехорошо!

Анна. Да, нехорошо. Что дурное хвалить! А где ж взять для тебя хорошего-то? Тебе его в жизни и не дождаться никогда. Уж худого-то не минуешь. Так из худого-то надо выбирать, что получше.

Настя. Дайте мне подумать.

Анна. Думай, Настенька, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься в нашу нищенскую жизнь, беда! Думай теперь, пока еще в тебе чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя. Ай, что вы! Нет, нет!

Анна. Ходить по домам побираться, то кусочек сахарцу занять, то огарочек свечки; подбирать на чужих дворах щепочки, чтоб вскипятить горшок пустых щей...

Настя. Ах нет, нет! Не говорите, замолчите! *(Подумав.)* Тетенька!

Анна. Что, душа моя?

Настя. А много девушек умирают... от бедности, от горя?

Анна. Довольно-таки.

Настя. А много и таких...

Анна. Каких?

Настя. Ах, как стыдно!

Анна. Ох, много, много!

Настя. И все смеются над ними, презирают, обижают их... бедных?

Анна. Есть, кто и пожалеет; только мало христианства-то в людях.

Настя. И ведь никому-то, никому, кто на тебя косо взглянет, кто от тебя отворотится, рассказать нельзя, объяснить нельзя, что тебе только и оставалось или смерть или такая жизнь.

Анна. Думай, Настенька! Времени остается нам немного; купец придет скоро,— надо будет ему сказать что-нибудь. Да ты не забудь и того, что завтра нам

опять идти сбирать; а если ты не пойдешь, так дядя тебя прогонит из дому.

Н а с т я. Помогите мне, посоветуйте!

А н н а. Нет, мой друг, я греха на душу не возьму. И не слушай ты никого, будь ты сама над собой большая. А я ни советовать тебе, ни осуждать тебя не стану. Хочешь ты, живи...

Н а с т я. Да, тетенька, простите меня, не презирайте меня, мне хочется пожить получше! *(Прилегает на грудь к Анне Тихоновне.)*

А н н а. Бог тебя простит; я тебе не судья.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КРУТИЦКИЙ.

АННА.

НАСТЯ.

ФЕТИНЬЯ.

ЛАРИСА.

МИГАЧЕВА.

ЕЛЕСЯ.

ПЕТРОВИЧ.

БАКЛУШИН.

РАЗНОВЕСОВ
солидная личность.

Декорация та же. Летние сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят: Е л е с я из своей калитки с кистью и ведром краски, П е т р о в и ч из лавки.

П е т р о в и ч. За мастерство?

Е л е с я. За мастерство, друг. Не так живи, как хочется, а как люди приказывают.

П е т р о в и ч. А тебе как хочется?

Е л е с я. Чего лучше не бывает, вот как.

П е т р о в и ч. Дело-то о поцеловании купеческой дочери мировой кончили?

Е л е с я. Еще какой мировой-то! Жених, брат, я. Вот

пословица-то: не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив.

П е т р о в и ч. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Е л е с я. Именно, брат. Не надеялся, нечего сказать.

П е т р о в и ч. Чудеса!

Е л е с я. Вот поди ж ты.

П е т р о в и ч. На баб-то дивиться нечего, на них куричья слепота бывает, а как же это сам-то! Он тебя не в первый раз видит; дарование и образование твое ему известны.

Е л е с я. Сам ничего, сам меня любит. Знаешь за что? У тебя, говорит, характер хорош, легок; если тебя когда счетами по затылку, ты не обидишься.

П е т р о в и ч. Что тут обидного?

Е л е с я. Само собой. Русская пословица: за тычком не гонись! Так-то, Петрович, за тычком не гонись!

П е т р о в и ч. Верно твое слово. Да и нечему дивиться, что, не доглядя, тебя за человека приняли; ты вот чему подивись!

Е л е с я. Чему, друг?

Входит К р у т и ц к и й, останавливается у своего крыльца и прислушивается.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Е л е с я, П е т р о в и ч и К р у т и ц к и й.

П е т р о в и ч. Я вчера Михея видел в совете опекунском.

Е л е с я. На подъезде с нищими? У него, гляди, там место откуплено.

П е т р о в и ч. То-то нет. В зале стоит у окошечка. Кладет ли он, вынимает ли, уж не рассмотрел, а в руках у него деньги видел.

Е л е с я. Он ли, полно?

П е т р о в и ч. Верно. А и то сказать, и удивляться-то нечего! Сколько лет он процентщиком-то был!

Е л е с я. Слышали мы, брат, слышали; да что ж у него денег-то не видать?

П е т р о в и ч. Увидишь ты, как же! Ишь ты у него решетка-то какая крепкая. Кабы денег не было, зачем бы ему за железной решеткой жить.

Е л е с я. Значит, свою осторожность наблюдает?

П е т р о в и ч. Наблюдает. У него, говорят, и дверь-то внутри железная, двумя замками запирается. Толь-

ко нет таких замков, Елеся, которых бы отпереть нельзя было. Ключ не подойдет, так разрыв-трава есть на то.

Е л е с я. Да и надо этих процентщиков грабить, братец ты мой, потому не пей чужую кровь.

П е т р о в и ч. Да и не забывают их: это грех сказать. Что ни послышишь, того убили, другого ограбили.

Е л е с я. Все ж таки, брат, лучше, ничем честных людей.

П е т р о в и ч. Ну, друг, у воров этого расчета нет. Вор ворует, где ему ловчее, а, конечно, и того не забывает, что у процентщика сразу много зацепить можно. Про Михея, должно быть, наши мастера еще не знают, а прослышат, так не миновать и ему. Да уж, кажется, своими бы руками помог, так я на него зол.

Е л е с я. За что, про что?

П е т р о в и ч. Есть тому причина. Еще когда он служил, так попался я по одному казусному делу, по прикосновенности. Человек я тогда был состоятельный, дела вел большие, конкурсами занимался. Не Петровичем меня звали-то, а Иваном Петровичем Самохваловым.

Е л е с я. Ну, и что же, друг единственный?

П е т р о в и ч. Ну, и спрятал он меня в каменный мешок, что острогом зовут. Томил, томил, сосал, сосал деньги-то, да тогда только погулять-то выпустил, когда всего на́бело отчистил. В одном сертуке пустил. Век я ему не забуду. *(Уходит в калитку.)*

М и х е и ч подходит к Елесе.

Е л е с я. Михею Михеичу наше почтение!

К р у т и ц к и й. Здравствуй, Елеся! А я вот целый день бродил; обещали мне помочь на бедность, да ничего не дали, так целый день даром и проходил.

Е л е с я. А я так слышал, что вас поздравить надо с получением, с большим получением.

К р у т и ц к и й *(машет руками)*. Что ты закричал! Что ты закричал! Эх, Елеся! Ну, кто услышит, и убьют меня. Убить-то убьют, а найдут у меня грош; старичка за грош и убьют, даром душу и загубят. Тебе кто сказал *(тихо)*, что я деньги получил?

Е л е с я. Петрович сказал.

К р у т и ц к и й. Хороший человек Петрович, я его люблю. Ты ему скажи, что я его люблю. Только он ошибся.

Е л е с я. Да нечто я ему верю!

К р у т и ц к и й. Ошибся он; долго ль ошибиться! Дельный человек этот Петрович, дельный.

Е л е с я. Еще какой делец-то! По судам хо́дит, дела охлопатывает.

К р у т и ц к и й. Да, да.

Е л е с я. Пачпорта пишет.

К р у т и ц к и й. Да, да... А кому он их пишет?

Е л е с я. Стало быть, кому нужно. Правой рукой пишет, левой ру́ки прикладывает.

К р у т и ц к и й. Хорошее занятие, доходное. Хороший человек Петрович, дельный... А воров он знает?

Е л е с я. Первый друг им всем. Вот здесь в лавочке по ночам пачпортами и торгует. У него и печати всякие есть.

К р у т и ц к и й. И жилец он исправный, на квартире его держать хорошо.

Е л е с я. Что ж его не держать! За квартиру платит. Скоро нас тут, Михей Михеич, одна компания будет, потому меня лавочник в зятья берет.

К р у т и ц к и й. Хорошая компания, хорошая. Все вы хорошие люди. А я вот нынче, Елеся, гривенничек было потерял. Как испугался! Потерять всего хуже; украдут, все-таки не сам виноват, все легче.

Е л е с я. Зато найти весело, Михей Михеич. Вот кабы...

К р у т и ц к и й. Кому счастье, Елеся. А нам нет счастья; бедному Кузиньке бедная и песенка. Терять — терял, а находить — не находил. Очень страшно — потерять, очень! Я вот гривенничек-то засунул в жилетку, да и забыл; вдруг хватился, нет. Ну, потерял... Задрожал весь, руки, ноги затряслись,— шарю, шарю,— карманов-то не найду. Ну, потерял... одно в уме, что потерял. Еще хуже это; чем бы искать, а тут тоска. Присел, поплакал,— успокоился немножко; стал опять искать, а он тут, ну и радость.

Е л е с я. Да, Михей Михеич, нашему брату и гривенник деньги. Деньги вода, Михей Михеич, так сквозь пальцы и плывут. Денежка-то без ног, а весь свет обойдет.

К р у т и ц к и й. Бегают денежки, шибко бегают. Безумия в мире много, оттого они и бегают. Кто умен-то, тот ловит их да в тюрьму.

Е л е с я. Хитро ловить-то их; это не то, что чижей, не скоро поймаешь.

К р у т и ц к и й. Не скоро поймаешь, не скоро. *(Отходит к своему крыльцу.)*

Е л е с я *(начинает красить загородку своего сада)*.

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

К р у т и ц к и й. Ай, ай, ай! Что я слышал-то, что я слышал! Что затевают! Что затевают! Вот она, жизнь-то наша! Убить сбираются, ограбить! Уберег меня бог, уберег. А я вот услыхал, ну и спрячусь, сам-то и цел буду. Ну, и пусть их приходят, пусть замки ломают. Приходите, приходите! Милости просим! Немного найдете. Мы и дверей не запрем! Хорошо бы их всех, как в ловушку, а потом кнутиком. Иголочку бы с ниточкой мне поискать. Ну, да еще поспею. Приводи гостей, Петрович, приводи! А я пока вот в полицию схожу. *(Уходит.)*

Выходит из калитки Л а р и с а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Е л е с я, Л а р и с а, потом Ф е т и н ь я, М и г а ч е в а

Л а р и с а. Но как вы не авантажны!

Е л е с я. Умыться-то не долго; да ведь сколько ни умывайся, белей воды не будешь. Медведь и не умывается, да здоров живет.

Л а р и с а. Вы, пожалуй, и на крышу влезете.

Е л е с я. Что ж, Москву видней-с.

Л а р и с а. Но когда же вы мной заниматься будете? К вам и подойти нельзя.

Е л е с я. Ничего-с, я со всякой осторожностью. Пожалуйте, здесь довольно свободно разговаривать можно.

Лариса подходит к нему. Выходят из калитки Ф е т и н ь я и М и г а ч е в а.

Ф е т и н ь я. Я, матушка, никогда не закусываю, этой глупой привычки не имею.

М и г а ч е в а. Вы такая умная, такая умная, что уж я и руки врозь.

Е л е с я *(Ларисе)*. Однако наши старушки разговорцу-то себе прибавили.

Л а р и с а. Одно для них развлечение, потому как они ко всему в жизни довольно бесчувственны.

Ф е т и н ь я. Почему я умна?

М и г а ч е в а. Бог одарил.

Ф е т и н ь я. Потому я женщина ученая.

М и г а ч е в а. Уж одно при одном.

Ф е т и н ь я. Я женщина ученая, очень ученая.

М и г а ч е в а. Другие б и рады, да негде им этого ученья взять.

Ф е т и н ь я. Моему ученью ты не обрадуешься: я себе все ученье видела от супруга.

М и г а ч е в а. От супруга? Скажите!

Ф е т и н ь я. Да, от супруга. Ты спроси только, чем я не бита. И кочергой бита, и поленом бита, и об печку бита, только печкой не бита.

М и г а ч е в а. Однако же...

Ф е т и н ь я. Первая мне наука была за мои чувствы, что чувствительна я до всего и сейчас в слезы. Вторая за характер.

М и г а ч е в а. Что ж, ваш характер очень даже легкий.

Ф е т и н ь я. Не скажи ты этого, не скажи! Женщина я добрая, точно... и если б мой не вздорный характер, дурацкий, что готова я до ножей из всякой малости, кажется, давно бы я была святая.

М и г а ч е в а. Вспыльчивы?

Ф е т и н ь я. Вот за это-то за самое.

М и г а ч е в а *(Елесе)*. Что ты носишься с ведром-то, слоны-то продаешь! Красил бы поскорее, да и к стороне. Наговориться-то после успеете.

Л а р и с а *(Елесе)*. Оставьте эти слова безо внимания.

Е л е с я. Любовь, маменька.

М и г а ч е в а. Ну, любовь! Ты дело-то отделай сначала!

Е л е с я. Я, маменька, живо!

М и г а ч е в а. Да ты старательней!

Е л е с я. Что тут! Не живопись какая! Я, маменька, сразу, я вот как. *(Поет.)* Танцуй, Матвей. *(Красит машинально, переговариваясь и пересмеиваясь с Ларисой.)*

Ф е т и н ь я *(садясь на скамью у калитки)*. И сама я не похвалю свой характер; из-за малости, вот из-за малости, готова я съесть человека. Приятна ты мне, а задень меня чем-нибудь... Присесть, устала. *(Садится на скамью подле загородки.)*

М и г а ч е в а. Ах, вы поосторожней! Тут...

Е л е с я *(одной рукой обнимает Ларису, другой красит, не глядя)*. Танцуй, Матвей. *(Задевает Фетинью кистью по лицу.)*

Ф е т и н ь я. Уах! Батюшки! Что это такое?

Е л е с я. Не жалей лаптей. *(Задевает еще.)*

Ф е т и н ь я. Ай!

М и г а ч е в а. Разбойник, что ты делаешь! Что сделал, погляди!

Е л е с я *(взглянув на Фетинью)*. Окрасил. *(Бросает кисть и с отчаянием опускает руки.)*

М и г а ч е в а *(Фетинье)*. Матушка, Фетинья Мироновна, утритесь! *(Хочет утереть ее.)*

Ф е т и н ь я. Не тронь, не тронь! Вотрешь, хуже будет, внутрь войдет. Ах!

М и г а ч е в а. Матушка, умойтесь подпте! Ручки, ножки буду целовать.

Ф е т и н ь я. Нет! Вы будете красить, а я умывайся. Тебе хочется, чтобы знаку-то не было. Нет! Не хочу, не хочу. По всей Москве так пойду, пусть люди смотрят.

М и г а ч е в а. Матушка, припадаем к стопам твоим! Умойся!

Ф е т и н ь я. Нет, по улицам пойду, по всем переулкам пойду. Вот призрели нищих, а они на-ко что! Поняла я тебя теперь, очень хорошо поняла!

М и г а ч е в а. Да я-то чем же...

Ф е т и н ь я *(Елесе)*. Ты не то что в наш сад, и мимо-то не ходи, а то собак выпущу! *(Мигачевой.)* Поняла я тебя теперь довольно хорошо. Вот вы что, заместо благодарности. Да чтоб я забыла, да, кажется, ни в жизнь. *(Ларисе.)* Иди, говорят! Аль того ж дожидаешься? Поводись с нищими-то, от них все станется. Окна-то на вашу сторону заколотить велю.

Л а р и с а. Да пойдемте, будет вам маскарад-то представлять. *(Уходит.)*

Ф е т и н ь я. Вот еще выкормила чаду на свою голову. *(Уходя.)* Не забуду я вам обиды! До суда дойду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М и г а ч е в а и Е л е с я.

М и г а ч е в а *(плача)*. Все ты, разбойник, нарушил, все ты нарушил.

Е л е с я. Вешайте! одно слово, вешайте! Удавить меня теперь одно средство!

М и г а ч е в а. Что мне проку вешать-то тебя, что проку? Ну, удавлю я тебя, ну, удавлю, да что толку-то

будет? Отвечай ты мне, что толку-то, отвечай! Ну, не злодей ты для своей матери?

Елеся. Я, маменька, злодей. Я злодей. Теперь я сам вижу, что я злодей.

Мигачева. И не кажись ты мне на глаза отныне и до века! И к воротам ты не подходи! Хоть бы ты провалился куда, развязал бы мою голову. Нет вот на человека пропасти!

Елеся. А вдруг от слова-то станется!

Мигачева. Что еще с тобой станется, погубитель?

Елеся. Прочитаете в «Полицейских ведомостях».

Мигачева. Отвяжись ты с своими ведомостями! Провались ты и с ведомостями вместе! Не расстроивай ты меня больше! И так мне слез своих не проплакать. Вот тебе и счастье! Словно во сне видела. У, варвар! *(Уходит.)*

Выходит Петрович.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елеся и Петрович.

Елеся. Петрович, погибаю.

Петрович. Опять?

Елеся. Еще хуже.

Петрович. Иль уголовщина?

Елеся. Она самая. Фетинью Мироновну окрасил.

Петрович. Каким колером?

Елеся. Да все одно.

Петрович. Нет, брат, разница.

Елеся. Сажей, друг.

Петрович. Худо!

Елеся. Голландской.

Петрович. Еще хуже. Ну, плохо твое дело! Ты бы лучше в какую-нибудь другую.

Елеся. Почему так, скажи, братец?

Петрович. Тут вот какой крючок! Окрась ты ее в зеленую или в синюю: можно сказать, что без умыслу. А сажа! Что такое сажа? Ее и в лавках-то не для краски, а больше для насмешки держат. Тут умысел твой видимый.

Елеся. Ответ велик?

Петрович. Велик. Что муж в гильдию платит, так за жену вдвое заплатишь, а кабы дочь окрасил, так вчетверо.

Е л е с я. Прощай, друг! Не скоро увидимся.

П е т р о в и ч. Куда ты?

Е л е с я. Скитаться. *(Убегает.)*

П е т р о в и ч входит в лавку. Из дома выходят А н н а и Н а с т я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А н н а, Н а с т я, потом Б а к л у ш и н.

А н н а. Он теперь, того гляди, придет, коль не обманет. Помни все, что я тебе говорила. Так прямо ему и режь. Об чем ты, дурочка, плачешь? Ведь уж все равно, долго он ходить к тебе не станет, скорехонько ему надоест, сам он тебя бросит. Тогда хуже заплачешь, да еще слава дурная пойдет. А тебе славу свою надо беречь, у тебя только ведь и богатства-то. Вон он, кажется, идет. Смотри же, будь поумнее! Богатым девушкам можно быть глупыми, а бедной девушке ума терять нельзя, а то пропадешь. *(Уходит.)*

Входит Б а к л у ш и н.

Б а к л у ш и н. Вот я и опять к вам.

Н а с т я. Ах, это вы!

Б а к л у ш и н. Да, я. Видите, как я держу слово.

Н а с т я. Напрасно беспокоились. У вас, должно быть, времени некуда девать.

Б а к л у ш и н. Чтоб видеть вас, я всегда найду время.

Н а с т я. Неужели? А лучше бы вы не ходили, оставили меня в покое.

Б а к л у ш и н. Что так? Что с вами?

Н а с т я. Мне некогда занимать вас разговорами; я бедная девушка, мне нужно работать. Вы такой щеголь, вы любите одеваться хорошо, а хотите, чтоб я встречала вас в этом платье и не стыдилась! За что вы меня мучите? С меня довольно и того, что я каждый день плачу, когда надеваю это рубище. Вы одеты вон как хорошо, а я — на что это похоже.

Б а к л у ш и н. Ах, какое вы бедное существо!

Н а с т я. Ну, вот бедная, так мне и нечего разговаривать с вами, а надо работать.

Б а к л у ш и н. Ну, одну минуточку.

Н а с т я. Да что минуточку! Вот мне завтра опять идти в город, у купцов просить.

Б а к л у ш и н. Что вы, что вы! Послушайте! Вам нельзя оставаться в этом положении.

Н а с т я. Я знаю, что нельзя; я и не останусь.

Б а к л у ш и н. Как же вы поступить хотите?

Н а с т я. Да вам что за дело. Вот были давеча деньги, истратила вот так задаром...

Б а к л у ш и н. Вы меня пугаете.

Н а с т я. Хоть бы какие-нибудь деньжонки, а то ничего! Как это! Ни платья, ничего...

Б а к л у ш и н. Мне страшно за вас. Вы в опасности.

Н а с т я. Ну, что ж такое! Туда мне и дорога. Никому меня не жалко; никто меня не любит. Как это, ни башмаков, ничего...

Б а к л у ш и н. Как бы мне хотелось помочь вам!

Н а с т я. Ну, так что ж, за чем же дело стало?

Б а к л у ш и н. Но как помочь, как?

Н а с т я. Дайте мне тысячу рублей ассигнациями.

Б а к л у ш и н. Не меньше?

Н а с т я. Не меньше. Мне так нужно.

Б а к л у ш и н. Но отчего же непременно тысячу, отчего не больше? Вам это слово нечаянно попало на язык, вот вы и говорите.

Н а с т я. Вы думаете? Как же! Нет, нет, уж я знаю. Вот если не дадите тысячу рублей, ну, и...

Б а к л у ш и н. Ну, и что же?

Н а с т я. Ну, и разговаривать вам со мной, и видеть меня нельзя.

Б а к л у ш и н. А если дам?

Н а с т я. Тогда пожалуйте к нам, когда вам угодно. Да что, Модест Григорьич, ведь у вас нет, так нечего и говорить.

Б а к л у ш и н. И очень жалко, что нет.

Н а с т я. И я жалею, да уж делать нечего.

Б а к л у ш и н. Скажите, кто вас научил так разговаривать?

Н а с т я. Что вы меня все еще за дуру считаете! Нет, уж извините! Да что мне разговаривать! мне некогда, меня тетенька забранит.

Б а к л у ш и н. За что?

Н а с т я. Что я не работаю. Хорошо разве тут с вами под забором-то стоять! Вам хочется, чтоб про меня дурная слава пошла?

Б а к л у ш и н. Ну, бог с вами! Прощайте! будьте счастливы!

Н а с т я. Покорно вас благодарю. А что ж, вы давеча обещали подумать-то? Подумали вы?

Б а к л у ш и н. Извините! Обстоятельства такие, просто самому хоть в петлю.

Н а с т я. Я так и знала. Ну, прощайте!

Баклушин медленно удаляется.

Что тетенька со мной сделала! Вот уж я теперь совсем одна в божьем мире. И точно вот, как я бросилась в море, а плавать не умею. *(Входит на крыльцо и кланяется Баклушину, который стоит у лавки.)*

Входит Р а з н о в е с о в и осматривается. На крыльцо выходит А н н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

А н н а, Н а с т я, Р а з н о в е с о в, вдали Б а к л у ш и н.

Н а с т я. Тетенька, куда вы?

А н н а. Погляди, кто пришел-то! Встретить надо.

Н а с т я. Вот он! Ах! Что же, что же вы скажете?

А н н а. Что же мне говорить, Настенька? Я могу только попросить его, чтоб он не обижал тебя.

Н а с т я. Да за что ж меня обижать! Я ведь беззащитна, совсем беззащитна.

Анна подходит к Разновесову. Настя стоит на крыльце в оцепенении.

А н н а *(Разновесову)*. Здравствуйте!

Р а з н о в е с о в *(кланяется)*. Пожалуйте сюда к сторонке!

А н н а. Вы бы в комнату пожаловали, посмотрели, как мы живем.

Р а з н о в е с о в. Нет, уж вы нас извините-с! Этот самый ваш домик-с? Плох-с. Отсюда вижу.

А н н а. Да что ж хорошего на улице...

Р а з н о в е с о в. Нет, уж извините-с! Мы тоже осторожность свою знаем. Не знавши-то, да в семейный дом неловко,— бывали примеры.

А н н а. Хоть убейте, не пойму.

Р а з н о в е с о в. Меня тоже, так как слабости наши многим известны, записочкой пригласили в один дом.

А н н а. Ну, так что же-с?

Р а з н о в е с о в. Ну, только что взошел, ту ж секунду расписку в пятьсот целковых и взяли. Можно и здесь; разговор не велик. Пожалуйте сюда, к сторонке! *(Отходит к стороне и говорит с Анной тихо.)*

Баклушин подходит к Насте.

Баклушин. Что это за господин?

Настя. Ах, оставьте меня, отойдите! Зачем вы воротились? Зачем! Боже мой! *(Убегает в комнату.)*

Разновесов *(Анне)*. Уж это само собой-с, из рук в руки. И насчет вас мы тоже этот порядок знаем; вы не беспокойтесь! Ситчику темненького, а когда и шерстяной материи, недорогой; нынче эта фабрикация в ходу.

Анна. Покорно вас благодарю.

Разновесов. Насчет скромности оченно нам желательно, чтоб разговору этого меньше.

Анна. Какой разговор! Чем тут хвастаться, батюшко, помилуйте!

Разновесов. Так-с, правду изволите говорить. А от нас уж разговору не будет, потому мы тоже опасность имеем от супруги, так как наша супруга, при всей их бестолковости, очень горячий характер имеют-с.

Анна. Уж вы поберегите.

Разновесов. Само собою-с. Дебошу от нас не ожидайте. У других это точно, что дебоширство на первом плане, потому в том вся их жизнь проходит, а мы совсем на другом положении основаны. Конечно, иногда, с приятелями...

Анна. Ох, уж с приятелями-то...

Разновесов. Ничего-с, сударыня, нельзя же. Иногда с обеда-с какого немножко навеселе: куда ж деться! А, впрочем, деликатно.

Анна. Знаю я вашу деликатность-то. Кто и видывал-то вас вдоволь, и тому глядеть на вас сердце мрет, а кто не видывал-то, подумайте! Да, кажется... Боже вас сохрани!

Разновесов. Однакож мы себя ничем не доказали с дурной стороны.

Анна *(горячо)*. Да если вы ее обидите, я с вами жива не расстанусь. Варваром надо быть, зверем, а не человеком.

Разновесов. Почему же так вы не верите нашей солидности?

Анна. За нее я, господи боже мой, я вас со свету сживу.

Разновесов. Мы, признаться сказать, при вашей бедности, от вас таких претензиев не ждали. А коль скоро вы, еще не видя от нас ничего, ни худого, ни доброго... Так мы лучше все это дело оставим. Потому что ежели кляузы...

А н н а. Какие кляузы! А жаль мне ее, бедную. *(Плачет.)*

Н а с т я *(выглядывая из двери, Баклушину)*. Что, ушел? Ушел?

А н н а. Извините вы меня! У меня сердце поворачивается, ведь она сирота круглая. *(Падает на колени.)* Батюшко, отец родной! Ведь она голубка чистая! Грех вам будет ее обидеть!

Н а с т я *(на крыльце)*. Тетенька, тетенька, что вы! Вот бы когда умереть-то! Модест Григорьич! Модест Григорьич!

Баклушин подходит.

Дайте мне ножик! Дайте мне ножик!

Б а к л у ш и н. Что вы, что вы! Успокойтесь!

А н н а *(рыдая)*. Не погубите, вас бог накажет.

Р а з н о в е с о в *(поднимая Анну)*. Что вы, помилуйте! Нешто мы не понимаем? Тоже чувствы имеем. Будьте без сумления. Так уж завтрешнего числа пусть и перебираются, куда я сказал. На углу большой трущобы и малого захолустья. Изволите знать?

А н н а. Хорошо-с. Знаю.

Р а з н о в е с о в. Прямо на все готовое-с. Прощенья просим.

А н н а. Прощайте!

Р а з н о в е с о в уходит.

Н а с т я *(бросаясь к тетке)*. Тетенька!

А н н а. Ну, Настенька, не вини меня ни перед богом, ни перед людями.

Н а с т я. Нет, нет, за что же! Я сама. Я одна виновата, я, я, несчастная.

Б а к л у ш и н. Настасья Сергевна, что это? Что с вами?

Н а с т я. Оставьте меня! Уж теперь, как бы я вас ни любила, я для вас навек чужая. Я куплена!

Б а к л у ш и н *(растроганный)*. Ах, боже мой, что вы делаете!

Н а с т я *(падая на грудь тетке)*. Тетенька, я погибла, я погибла!

А н н а *(плача)*. Успокойся, мой друг, успокойся.

Н а с т я *(бросаясь на колени с поднятыми руками)*. Господи, ничего я не прошу у тебя! Одной смерти, только одной смерти!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

КРУТИЦКИЙ.

АННА.

НАСТЯ.

ЕПИШКИН.

ФЕТИНЬЯ.

МИГАЧЕВА.

ЕЛЕСЯ.

ПЕТРОВИЧ.

ЛЮТОВ И ДВА БУДОЧНИКА.

Декорация та же. Рассветает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анна и Настя выходят из дому; Крутицкий в кустах сада Епишкина.

Анна. Михей Михеич, где ты бродишь?

Крутицкий *(выходя из кустов)*. А? Кто тут? Кто тут? *(Увидав Анну.)* Ты зачем? Ты что не спишь? Ты спи, спи! Я стерегу.

Анна. Отдохни немножко, ты старый человек.

Крутицкий. Нет, нет, ты поди спи, ты спи!

Анна. Да как мне уснуть-то! Ты всю ночь бродишь; Настя вот с вечера все металась да бредила, а теперь вот проснулась, плачет. Мы бы посидели на крылечке. А ты бы пошел, соснул.

Крутицкий. Нет, нет, я тут погуляю.

Анна. Ну, как хочешь. Сядь тут, Настенька! Ветром тебя обдует, лучше тебе будет.

Настя. Какой страшный сон! Я и теперь вся дрожу!

Анна. Да ты что видела, милая? Чего так испугалась?

Настя *(в дремоте)*. Будто иду я по улице и вижу свои похороны. Несут меня в открытом гробе...

Анна. Ты засыпаешь, никак?

Настя. Нет. И сама я на себя смотрю. И все я будто прячусь от людей, все совещусь. Надета на мне ши-

пель, старая, изорванная, и странно... какая-то она двуличневая. В одну сторону отливает одним цветом, каким уж — не помню, а в другую золотым... Спать хочется... Так и сквозит, просвечивает золото. И, как будто... *(Засыпает, прислонясь к плечу Анны.)*

А н н а. Ну, уснула.

Н а с т я *(во сне)*. Держите меня, не выпускайте!

А н н а. Э, матушка, вот ты что заговорила. Настенька, проснись! Пойдем в комнату, там уснешь.

Н а с т я. А? Что вы? Где я? Пойдемте!

А н н а. Михей Михеич, мы пойдем домой.

К р у т и ц к и й. Идите, идите, я постерегу.

А н н а. Что ты, Михей Михеич, все стережешь! Этак и в самом деле подумают, что у нас денег много. Еще убьют, пожалуй; с тобой до беды доживешь. *(Уходит, Настя за ней.)*

К р у т и ц к и й. И убьют, и убьют. Чувствует, бедная.

Из лавки выходит Л ю т о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К р у т и ц к и й, Л ю т о в.

Л ю т о в *(в дверь лавки)*. Сделай милость, Истукарий Лупыч, не торгуй по ночам! Нехорошо. *(Подходит к Крутицкому.)* Ну, что?

К р у т и ц к и й. Не были, не пришли нынче. Что делать-то, не пришли.

Л ю т о в. Да и не придут. Только вы полицию беспокоите.

К р у т и ц к и й. Нет, батюшка, Тигрий Львович, нет. Уж я вам их заманю, нарочно заманю. Я старый подьячий, я свое дело знаю. Разом всю шайку накроете, орден получите.

Л ю т о в. Не дурно бы.

К р у т и ц к и й. Верно, верно. Я сам слышал своими ушами, как они сговаривались.

Л ю т о в. Ну, теперь светло, я свою команду возьму. Надо квартал дозором обойти. *(Подает руку Крутицкому.)*

К р у т и ц к и й. Уж завтра-то не откажите, батюшка, батюшка. *(Подобострастно берет обеими руками*

руку Лютова и несколько раз кланяется.) Возьмите теперь, возьмите.

Лютов дает свисток и уходит; два будочника выходят из кустов и издали идут за ним.

Я от старых сыщиков слышал: никогда ты вора не хватай прежде времени, не мешай ему, не мешай, а то он на суде отвертится. А ты дай ему дело сделать, дай ему простор, да тогда и бери его. Вот мы их впустим, да и дадим им время распорядиться... Ведь, может быть... Что делать-то! Что делать-то! *(Утирает слезы.)* Может быть, они Анну и тук! *(Делает рукой жест, как рубят топором.)* Что делать-то! Зато уж всех на каторгу, всех на каторгу. Жаль Аннушку, да что ж! Это смерть хорошая; все равно что мученица. Да, да. А воров-то на каторгу.

Входит Елеся.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Крутицкий, Елеся.

Крутицкий. Откуда ты?

Елеся. Где был, там нету, Михей Михеич!

Крутицкий. Что ж ты бродишь по ночам! Что ты бродишь?

Елеся. Будешь бродить, Михей Михеич, как из дому-то ухватом. Разве б я спать-то не умел? Да, видно, скачи враже, як пан каже. Вот и скачи по холодку-то и слоняйся, как вор.

Крутицкий. Да, как вор, как вор.

Елеся. А что у нас тут воров, Михей Михеич!

Крутицкий. Много?

Елеся. Страсть! Я всех знаю.

Крутицкий. Знаешь?

Елеся. Знаю, Михей Михеич. Я по ночам рыбу ловлю, так часто их вижу. И, как их увижу, сейчас с ними в разговор: «Здравствуйте, господа жулики!» А они мне: «Здравствуйте, господин Мигачев!» — «У меня, в моем переулке, чтоб честно и благородно!» — «Слушаем, Елисей Иваныч!»— «А то смотрите!»— «Будьте покойны, Елисей Иваныч!» Вот я как с ними! Я над ними командую, задачи им задаю. Видели у Ларисы собачку маленькую, лохматенькую? Это я ей подарил. Говорю: «Господа жулики!» — «Что угодно, Елисей Иваныч?» — «Вы, говорю, по раз-

ным местам за своим промыслом ходите, так уж вам кстати. Чтоб была мне, говорю, собачка, маленькая, лохматенькая, хвостиком вот так!» — «Предоставим, Елисей Иваныч». Через день готова в лучшем виде, так точно.

Крутицкий. Ты мне их укажи как-нибудь, чтоб мне их в лицо-то знать. Укажи!

Елеся. Извольте. Да вот сейчас все эти воры подле нас будут.

Крутицкий *(с испугом)*. Где? Где?

Елеся. А вот сюда в лавочку один по-одному соберутся. Квартальный ушел из лавки?

Крутицкий. Ушел.

Елеся. Ну, так уж гляди, есть кто-нибудь.

Крутицкий. Как же я их не видал?

Елеся. У них с той улицы особый ход есть. У всякого плута свой расчет, Михей Михеич.

Крутицкий. Много их?

Елеся. Человек восемь. Сбудут свой товар Истукарию Лупычу да уж налегке и разойдутся по своим местам. Вон в окошечко смотрят.

Крутицкий. Куда смотрят?

Елеся. Дозор нейдет ли, да и на вас поглядывают.

Крутицкий *(прячась за Елесю)*. На меня?

Елеся. Что, мол, такой за новый сторож проявился. Им тоже нужно сторожей знать; они тоже свою осторожность должны иметь.

Крутицкий. Я не стеречь, я так вышел, погулять, не спится.

Елеся. А дубина-то зачем с вами? Ха-ха-ха!

В лавке хохот.

Крутицкий *(испугавшись)*. Я брошу ее, Елеся, брошу ее.

Елеся. Бросьте лучше; а то ведь она об двух концах. *(Хохочет.)*

В лавке хохот.

Крутицкий. Чему они смеются, Елеся, чему?

Елеся. Страсть напущают.

Крутицкий. Они нас это, нас пугают?

Елеся. Да вы не бойтесь. Это они игру ведут. Так, шутя. А все ж таки, чтобы и опасались. Что же это вы такое стережете?

Крутицкий. Молчи ты, услышат.

Е л е с я. Видно, у вас и вправду денег много.

К р у т и ц к и й. Молчи ты, молчи, болтун! Эх, какой ты болтун. Ну, что ты болтаешь, ну, что! Ведь услышат!

Е л е с я. Ну, а нет, так нет. Мне что.

К р у т и ц к и й. Да зачем болтать, зачем болтать? Ну, услышат, что у меня деньги, ну, убьют меня, ну, туда мне и дорога, я уж старик. А тебе-то нехорошо; ты молодой человек, а все болтаешь. Так вот болтуном и прозовут, и нехорошо. Все и будут: болтун да болтун! Ну, что? Ну, что?

Е л е с я. Да я к примеру, Михей Михеич.

К р у т и ц к и й. Да не надо мне твоего примера.

Е л е с я. Ведь я какой человек?

К р у т и ц к и й. Какой? Глупый.

Е л е с я. Нет, погодите! Я вот какой: будь у вас в кармане сто тысяч...

К р у т и ц к и й *(зажимая ему рот)*. Провались ты!

Е л е с я. Нет, постойте! Хоть бы доподлинно, я никому не скажу! Мне что за дело! У вас в кармане деньги, значит...

К р у т и ц к и й. Разбойник, разбойник! Вот навязался. Там слушают, пугают, а ты...

Е л е с я. Ну, и значит, ваше при вас, а мое дело сторона. Так аль нет я говорю? Что мне до чужих денег, хоть бы у вас их миллион.

К р у т и ц к и й *(замахивается дубиной)*. Провались ты!

Е л е с я. И провалюсь. Пойти метлу поискать да улицу подместь. Все-таки на улице порядок да и моцион, а то что-то меня к утру-то ветерком пробирать начало. Калитка-то у нас заперта. Да вот кто-то выходит.

Выходит П е т р о в и ч.

Юркнуть, пока не заперли. *(Уходит в калитку.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К р у т и ц к и й, П е т р о в и ч.

П е т р о в и ч *(про себя)*. Это кто? Михей? Он и есть. Ого! Какую дубину прибрал! Как награбленное-то бережет.

Крутицкий, увидя Петровича, отворачивается.

Что отворачиваешься от знакомых? Ты погляди на меня.

Крутицкий. Невежа ты, вот что. Я чиновник.

Петрович. Чины мы будем днем разбирать, а теперь, благо никого нет, поговорим запросто.

Крутицкий. Иди своей дорогой, куда шел.

Петрович. Вот что я тебе скажу! Ты в такую пору на улицу не выходи, а то, брат, неровен час...

Крутицкий. Нечего мне бояться.

Петрович. Ишь ты святой какой! Нечего ему бояться. Мало ль ты народу-то обидел? Мало ль по миру пустил? Ты меня бойся!

Крутицкий хочет уйти.

Куда ты, куда? *(Останавливает его.)* Нет, ты поговори со мной!

Крутицкий *(злобно)*. Я тебе ничего не сделал. Отойди, отступись! Служил я, так со всех брал, ты не лучше других; ты мне не отец родной, чтоб с тебя не брать. Ты сам по делам ходишь, сам с людей берешь.

Петрович. И сам беру, и знаю, как люди берут, ты мне не толкуй. Попался тебе баран лохматый, ну, и обстриги его. А ведь ты со шкурой норовишь. Ты у меня с деньгами-то полбока вырвал. Я барином зажил, а ты меня сразу в нищие разжаловал. Только одна своя душа осталась, а то все ты отнял. Ты из меня, как паук, всю кровь высосал.

Крутицкий. Долго же ты помнишь! Ишь, какой памятливый!

Петрович. Век не забуду. И не попадайся ты мне лучше, не вводи меня в грех.

Крутицкий. Мы не в бессудной земле живем, не в бессудной.

Петрович. Ну, да уж в Сибирь пойду, а тебя доконаю. Отольются тебе мои слезы.

Крутицкий *(толкнув Петровича)*. Отойди от меня! Поди, поди!

Петрович. Ну, ты потише; а то ведь я из тебя баранок наверчу.

Крутицкий *(замахивается дубиной)*. Отойди, говорю тебе!

Петрович. Что! Ты дубиной грозиться! Ах ты, мухомор! *(Отнимает дубину.)* Тряхну хорошенько, только тебе и житья! *(Замахивается дубиной.)*

К р у т и ц к и й *(бежит и задевает шинелью за дерево).* Ай, ай! Кто меня держит? Пустите!

П е т р о в и ч. Вот и видно, что у тебя совесть-то нечиста! За сучок зацепил, да и испугался, и милости просишь. Рук-то марать не хочется *(бросает дубину)*, потому что ты, что гад ползущий,— все одно. Что, прикусил язык-то! Ишь ты, и шинелишка-то вся ползет, развалится скоро на тебе. А еще чиновник! Чином своим похваляешься! Сшей себе новую хоть на мои сиротские деньги, да уж и саван себе кстати на них же купи. *(Уходит в лавку.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К р у т и ц к и й один.

К р у т и ц к и й. Вот он какой! Вот он какой! Насилу дух перевел. От него бегать надо. Он злой человек. *(Задумывается.)*

Вдруг в лавке громкий хор: «Хороша наша деревня». Крутицкий в испуге со всех ног бросается к своему крыльцу. На ходу, подле лавки, у него из шинели выпадает сверток. Он этого не замечает.

Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. *(Садится на крыльцо.)* Ох, сил моих нет. Сердце упало. Всех бы вас кнутиком, кнутиком: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчего вашего тоже: «не пиши фальшивых паспортов». Что он тут про шинель болтал! Нет, шинель *(встает и гладит рукой по ворсу)* хороша. Повытерлась кой-где, ну, носишь, носишь, так по шву, разумеется, разорвется. А на то есть иголочка да ниточка. Нет, шинель хороша; а ежели издали поглядеть, так она почти новая. Глупый ты стряпуга! «Худа она, по швам ползет». Ах ты, глупый! А кабы ты знал, что эта шинель стоит! Хорошо мне в ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шуб. Смейтесь надо мной, бейте меня, я стерплю. Я завернусь в свою шинель, мне и хорошо, мне и тепло, мне и весело, да еще сам над вами посмеюсь, над всей Москвой посмеюсь. Чиновник в худой шинели! А не знаешь ты, глупый человек *(оглядываясь)*, что я из одной полы пять домов каменных выстрою; из другой полы пять деревень куплю. Тут и твои деньги целы. Все тут, все со мной. *(Ощупывает подкладку шинели и радостно смеется.)* Вот

они, вот они! Вот и здесь,вот и здесь, вот... Ах, ах, потерял! *(Обезумев от испуга, опускается на ступени.)* Нет, нет, найдутся. Куда им пропасть? Я вдруг духом упал; вот я посижу, вздохну немножко да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивал, а зашивал! Эх, Михей! Вот я пошарю сейчас. *(Опускает руку.)* Страшно! А ну, как там нет! Нет, я подожду искать. Ну, что же, ну, хоть и потерял, ведь я здесь потерял, здесь и найду. Вот... где я ходил? Здесь я ходил, в саду я прятался, вот и поищу, вот и найдутся. Здесь никто, кроме меня, не ходил? Да нет, право, не ходил, ей-богу, не ходил... Ах! *(Ударяет себя рукой по лбу.)* Елеся ходил... он ходил, он и в саду был... Нет, кажется, не был. Да нет, нет, не был. Что я! Да тут они, тут. Вот опущу руку, и тут. А я было... Хе-хе-хе!

Елеся выходит из калитки с метлой.

Вот он! Он простой малый, он скажет, коли что.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Крутицкий, Елеся.

Елеся. Михей Михеичу, снова здорово!

Крутицкий. Елеся, поди сюда.

Елеся. Какие дела, Михей Михеич? Что это вы, об чем плакали?

Крутицкий *(заикаясь)*. Нет, я ничего. О чем мне? О, Елеся, ты хитрый?

Елеся. Я хитрый, Михей Михеич, хитрый.

Крутицкий. Ну, ничего. А ты не завидуешь?

Елеся. Завидую.

Крутицкий. Кому?

Елеся. Богатым.

Крутицкий. А как этак... ты зорок глазами?

Елеся. Зорок, за версту вижу.

Крутицкий. Ну, а если ты найдешь что-нибудь?

Елеся. Кончено дело, не отдам.

Крутицкий. Грех-то какой! *(Показывает рукой.)* Гляди, вон церковь-то, вон крест-то!

Елеся. Очинно я вижу.

Крутицкий. Бога-то ты не боишься? Ах, грех-то!

Елеся. Нет уж, вы не беспокойтесь! Мы это соблюдаем в лучшем виде.

Крутицкий. Ну, коли ты бога не боишься, так вон это что, это что?

Елеся. Что ж такое за диковина! Частный дом.

Крутицкий. Что, мороз-то по коже подирает, подирает тебя?

Елеся. С чего же это? Частный дом нам очень хорошо известен; знаем все ходы и выходы; и с переднего крыльца, и с заднего бывали.

Крутицкий. Ты знаешь? Это хорошо, что ты знаешь. Так вот туда и водят на веревочке.

Елеся. Видали.

Крутицкий. Вот и поведут.

Елеся. Кого?

Крутицкий. Кто найдет, да не объявит.

Елеся. Я не дурак; я коли найду, сейчас объявлю: так и так, мол; я закон-то знаю.

Крутицкий. Ну, так и объявляй скорей, и объявляй! Вот и пойдем вместе, вот и хорошо.

Елеся. Да об чем? Я в жизнь-то ничего, кроме пуговиц без ушков, не находил; так про что объявлять-то?

Крутицкий. Ты обманываешь меня, ты ведь хитрый.

Елеся. Хитер, да не на то.

Крутицкий. На что же?

Елеся. Секрет, Михей Михеич.

Крутицкий. А ты бога все-таки помни! Коли есть что на душе, ты лучше скажи, повинись.

Елеся. Это вы успокойтесь, религия в нас настоящая. А вот улицу подмести надо, это точно.

Крутицкий. Ты где будешь мести?

Елеся. С той улицы, перед домом.

Крутицкий. Ну, ступай, ступай. Только ты делай дело хорошенько, сюда уж ты и не заглядывай. Всякое дело делай хорошенько!

Елеся. Чего я здесь не видал! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Крутицкий один.

Крутицкий. Вот я сперва за подкладкой пошарю, а после и поищу. Ведь тут, тут; а как было я испугался! *(Щупает за подкладкой.)* Нет! Ну, и поищу, и поищу... *(Потерявшись.)* Теперь вот... через две минуты я либо опять с деньгами, либо... Господи, не попусти! *(Плачет, как ребенок.)* Двадцать лет я го-

лодал, двадцать лет жену морил голодом. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; те хоть удовольствие себе делают, а я копил, копил, да и потерял. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Как потерять! Деньги берегут, а не теряют. Ведь я знаю, что их берегут, я лучше всех знаю, как берегут их. А я-то вот и потерял, как глупый ребенок. Михей, где денежки, где денежки? Ну, что я скажу! *(Плачет.)* Потерял... Я оглупел, я дурачком стал на старости лет. *(Плачет.)* Ищи, Михей, ищи! *(Вслушивается.)* Кто сказал — ищи? Это я сам сказал — ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не так заплачешь, ох, как заплачешь, горько заплачешь! Зачем копил, зачем? Бывало, жена больная дрожит от холода, стонет: «Михей, Михей, сжалься, я умираю, чайку мне, хоть чашечку, согреться бы мне». А мне было жаль гривенника для нее... Ищи, Михей, ищи! *(Оглядывается.)* А? кто тут? Да никого нет. Я сам же сказал, а других ищу. Где я был? Постой, постой! Я помню, да, вот где, в саду. *(Идет в сад Епишкина.)*

Входит Елеся. Из лавки выходят Епишкин и Петрович.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Елеся, Епишкин, Петрович.

Епишкин. А, друг, ты с метлой никак?

Елеся. Истукарию Лупычу наше почтение! Петровичу особенное! С метлой-с.

Епишкин. Подмел бы ты уж кстати кругом лавочки.

Елеся. С нашим удовольствием. Я, как расхожусь, так мне только дела давай.

Епишкин. Ну, и действуй.

Елеся *(смеется)*. Не пыльна работа, а выгодна. Так, Истукарий Лупыч, я говорю?

Епишкин. Так, так, не перетакивать стать.

Елеся *(метет)*. Стойте-ко, находка! Вот она, в траве-то! *(Поднимает сверток, который уронил Крутицкий.)* Чур одному! Батюшки, что это такое?

Петрович. Покажи-ко!

Елеся. Нет. Чур одному! Шалишь, брат. Ты бы прежде меня закричал: «чур вместе», ну, нечего делать, половина твоя, а теперь все мое. Чур одному!

Е п и ш к и н. Да на что польститься-то! Кому тут потерять-то что-нибудь путное?

П е т р о в и ч. Владей один, твое счастье.

Е л е с я *(развертывая сверток)*. Нет, батюшки! Тут деньги, билеты. *(Дрожит.)*

Е п и ш к и н. Покажи, покажи!

Е л е с я *(громко)*. Не выпущу из рук, не выпущу.

Е п и ш к и н. Да ты держи, мы в твоих руках посмотрим.

Е л е с я *(громко)*. Смотрите, а из рук не выпущу. Умру, а не выпущу. Чур одному!

Входит К р у т и ц к и й.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Е л е с я, Е п и ш к и н, П е т р о в и ч, К р у т и ц к и й.

К р у т и ц к и й *(хватает Елесю за ворот)*. Нашлись, нашлись! Держите вора, держите его!

Е л е с я *(освобождаясь)*. Что меня держать, я и так не уйду. Отойди!

К р у т и ц к и й. Подай, подай! Все ли тут?

Е л е с я. Так и отдал, держи карман-то шире! А все ли, там сочтут, кому надобно.

Крутицкий хочет поймать руку Елеси.

П е т р о в и ч *(не допуская Крутицкого)*. Ишь ты, крапивное семя, где только завидит деньги, так и цапается за них.

Е л е с я *(сжимает деньги в руке)*. Ну, да ведь уж я скорей жизни своей решусь, чем с этими деньгами расстанусь. Нет уж, кончено, замерли тут.

К р у т и ц к и й. Подай, подай!

П е т р о в и ч *(отталкивая Крутицкого)*. Ты поди в опекунский, там больше; там попроси, может, дадут тебе.

К р у т и ц к и й *(падая на колени)*. Елеся, пожалей старика! В гроб ведь ты меня вгонишь, в гроб. Мои ведь, отдай!

Е л е с я. Ловок ты больно! Отдай! Свое счастье отдать!

П е т р о в и ч. Однако ты химик! На какую штуку взять хочешь! За столько-то тысяч, пожалуй, и я на колени стану. Ты что-нибудь новенькое выдумай! Это ведь не копеечку подать.

Е л е с я *(плачет)*. Как отдать, посудите! Что мне маменька-то скажет! У нас дом валится.

Е п и ш к и н. Да что с ним разговаривать! Ты нашел — твои и деньги. Поди объявляй, мы свидетели.

Е л е с я. Так ведь, Истукарий Лупыч? Мои?

Е п и ш к и н. Еще бы.

К р у т и ц к и й *(Елесе)*. Задушу я тебя!

Е п и ш к и н *(удерживая его)*. Полно шалить-то, любезный, не маленький!

П е т р о в и ч. Ишь ты, жадность-то до чего доводит. Вот таков-то он и секлетарем был. Ухватит просителя за ворот, кричит: подай деньги!

Входит Л ю т о в, за ним д в а б у д о ч н и к а.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Е л е с я, Е п и ш к и н, П е т р о в и ч, К р у т и ц к и й, Л ю т о в.

Е п и ш к и н. Дозор идет, вот и кстати.

Л ю т о в. Что за шум?

Е п и ш к и н. История, Тигрий Львович.

Е л е с я. Я, стало быть, деньги нашел, заявить хочу. Вот свидетели.

К р у т и ц к и й. Меня ограбили, он украл у меня, вытащил из кармана.

Л ю т о в. Не все вдруг. *(Елесе.)* Говори ты сначала!

Е л е с я. Вот вдруг Истукарий Лупыч говорит: «мети!»

Л ю т о в. Да. Ну!

Е л е с я. Я, стало быть, мету, и вот вдруг...

Л ю т о в. Ну!

Е л е с я. И вот вдруг деньги...

Л ю т о в. Еще что?

Е л е с я. Вот видели.

Л ю т о в. Подай сюда!

Е л е с я. Всех не отдам, Тигрий Львович, живого в землю закопайте, не отдам. Мне третья часть следует. *(Плачет.)* Дом заложен, на сторону валится, маменька бедствует. Долго ль нам еще страдать-то? Нам бог послал. Нет, уж это на что же похоже! Не троньте меня, грубить стану.

Л ю т о в *(будочнику)*. Возьми его!

Будочник берет Елесю за руку и достает веревку.

Е л е с я. В суд ведите! Вот что.

Л ю т о в. Молчи!

Выходят из калитки М и г а ч е в а, из саду Ф е т и н ь я.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Елеся, Епишкин, Петрович, Крутицкий, Лютов, Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Батюшки, что за беда!

Фетинья *(про себя)*. Ох, и вижу я, да не подойду; затаскают, насидишься.

Мигачева. От слов моих, пропасти-то всё я ему сулила.

Лютов *(Крутицкому)*. Вы что?

Крутицкий. Ваше благородие, бедность моя...

Лютов. Да. Ну!

Крутицкий. Подаянием питаюсь, куска хлеба в доме нет...

Лютов. Потом что?

Крутицкий. Велите отдать! Не погубите старика! Он у меня отнял, украл. *(Ловит руку Лютова, чтобы поцеловать.)*

Лютов. Оставьте!

Петрович. Что же он говорит, ваше благородие! Копейки нет, куска хлеба нет, а тысячи у него были!

Крутицкий. Это не мои, это чужие.

Лютов. А не ваши, так вам до них и дела нет. *(Елесе.)* Пойдем! *(Будочнику.)* Веди его!

Крутицкий *(громко)*. Стойте! Мои, мои деньги. Сто тысяч у меня, двести, миллион... Вы их разделить хотите! Ограбить меня! Я своей копейки тронуть не дам, умру за нее. Я вас под суд, в Сибирь, грабители!

Лютов *(другому будочнику)*. Возьми его!

Будочник берет Крутицкого.

Ведите их! *(Епишкину и Петровичу.)* За вами пришлют, когда будет надо.

Елеся. Что делать-то, Истукарий Лупыч! Русская пословица: от сумы да от тюрьмы не отказывайся! Так я говорю?

Лютов. Ну, марш, без разговоров!

Уходят.

Мигачева. Батюшки, куда их повели-то?

Петрович. Да сначала, как по делу-то видно, надо быть, в острог. Посидят там года два, ну, а потом уж вдоль по Владимирской.

Мигачева. Как же мне быть-то? Батюшка, помоги ты мне!

Петрович. Изволь. Просудишь дом-то. Уж тогда буду я хозяином, а ты у меня в жильцах жить.

Мигачева. За что его взяли-то? Какая беда-то его?

Петрович. Ограбили кого-то с Михеем да не разделят. Вот и все. *(Смеется.)* Дело-то пустое, а люди-то вяжутся...

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

КРУТИЦКИЙ.
АННА.
НАСТЯ.
ЕПИШКИН.
ФЕТИНЬЯ.
ЛАРИСА.
МИГАЧЕВА.
ЕЛЕСЯ.
ПЕТРОВИЧ.
БАКЛУШИН.

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Крутицкий, бледный и расстроенный.

Крутицкий. Куда я пришел, куда? *(Осматривается.)* Ах! Домой пришел. Зачем, зачем? *(Берется за голову.)* Нечего мне дома делать, нечего. Тоска меня загрызет, лютая тоска загрызет. *(Сквозь слезы.)* Пойду я лучше погуляю. Меня немножко ветром пообдует. *(Печально.)* Пойду. Далеко пойду, за заставу куда-нибудь, от людей подальше. Тяжело на людей-то смотреть. Ох, как голова горит! *(Снимает картуз и кладет его на крыльцо.)* Пойду погуляю. В Тюфелеву рощу пойти? Там хорошо, глухо так, никто туда, никто не ходит. Кто туда пойдет? Пойдет бедняк какой-нибудь с горя да с тоски погулять, да уж... и удавится тут же. Вот, говорили, там нынче весной один закладчик повесился; обокрали его на двадцать тысяч. Да и есть от чего. Как это пережить! Как пережить? Невозможно! У всякого своя радость, своя утеха; он копил, берег, в том и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, одни только деньги, одни свои

деньги, а украли деньги, нет денег, зачем ему жить? Зачем жить-то? Что делать-то на свете? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться об угол головою, двадцать раз в день на гвоздь петлю повесить да опять снять. Еще вот нам бог сон дал; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять та же тоска, и каждый день, каждый день. Так уж лучше один конец. Ох, ох! *(С отчаянием.)* Пойду, погуляю. Ох, как тяжело, душно как! Пойду, пойду. Далеко ведь! Что ж, я извозчика найму. На что мне деньги? На что они мне теперь? Возьму вот, возьму да и брошу. Столько ли Михей бросил. Убить его, убить! Ну, и кидай, ну, всё и кидай! *(Вынимает несколько медных денег и бросает.)* Нате, подбирайте, кто хочет; не надо мне, не надо, я их беречь не умею. Пойду, сейчас пойду. *(Идет, шатаясь, и видит на земле медную монету.)* Ай! Вот он! *(Поднимает пятак и с радостью бежит на прежнее место.)* Нашел, нашел! *(Судорожно прячет его в карман жилета.)* Сюда его, спрятать его поскорей, благо не видали. *(Помолчав, опускает руки.)* Мало. А моих много было. Как скучно! Ах, тоска смертная! Пойду погуляю. *(Идет нетвердыми шагами. Осматривается и, махнув рукой, поворачивает в сад Епишкина.)*

Выходят Мигачева из калитки, Фетинья и Лариса из лавки.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мигачева, Фетинья, Лариса.

Фетинья *(Ларисе)*. Не видать нашего-то?

Мигачева *(про себя)*. Ох, и моего не видать.

Фетинья *(не глядя на Мигачеву)*. Очень нужно. Хоть бы и век его не видать, беда невелика.

Мигачева *(не глядя на Фетинью* [1]*)*. Всякому свое. Мне мой-то, может, дороже вашего втрое.

Лариса. Маменька, их совсем засудят или не совсем?

Фетинья. Никому неведомо. Каков судья: сердит, так засудит, а милостив, так простит.

Мигачева. Ох, да, да! Не бойся суда, а бойся судьи. Пуще всего ты его бойся!

---

[1] В продолжение всей сцены разговаривают, отворотясь друг от друга. *(Прим. автора.)*

Ф е т и н ь я. Да, вот причитай тут, еще голосом завой! По вашей милости и мой-то попал.

М и г а ч е в а. Ох, должно быть, по наговору, по чьему-нибудь наговору. От злобы людской, от соседей всё больше люди погибают. Есть же такие соседи злодеи, ненавистники.

Ф е т и н ь я. Уж именно злодеи, ненавистники. Сам ограбил кого-то, да взял да моего свидетелем и выставил назло, чтоб по судам таскали.

М и г а ч е в а. Есть же варвары, из-за малости, из-за сажи рады человека погубить.

Ф е т и н ь я. Мало того, что взял да назло окрасил меня, взял да назло мужа запутал.

М и г а ч е в а. Вот она сажа-то! Шути с ней! Все квартальный виноват! За сажу да в острог попал. Оговорили по злобе.

Ф е т и н ь я. Мало ему. Какой живописец проявился! Красил, красил заборы-то, да за людей принялся. Так ему и дать волю? И хорошо сделали, что в острог посадили.

Л а р и с а. Маменька, у вас совсем никакой разности в разговоре нет. Наладите одно и твердите, как сорока. Ведь отмылось, что ж толковать!

Ф е т и н ь я. Еще б не отмылось! Что ж мне арабкой, что ли, ходить прикажешь!

М и г а ч е в а. Сам тому не рад. По нечаянности...

Ф е т и н ь я. Окрасил по нечаянности, а украл по отчаянности. Славный парень, смиренный.

Входит П е т р о в и ч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М и г а ч е в а, Ф е т и н ь я, Л а р и с а, П е т р о в и ч.

П е т р о в и ч *(Мигачевой)*. Ну, прощайся ты с сыном. *(Фетинье.)* А ты с мужем. Только и видели.

М и г а ч е в а. Где они теперь?

П е т р о в и ч. На цепи сидят.

Ф е т и н ь я. А ты сорвался, что ли? Полно ты, не глупей себя нашел.

М и г а ч е в а. Каким судом моего судят-то?

П е т р о в и ч. Шемякиным.

М и г а ч е в а. Полно ты! судов только и есть, что гражданский да уголовный; по гражданскому — в яму, а по уголовному — в острог.

Петрович. Много ты знаешь! И шемякин есть.

Мигачева. Есть, да только в сказке.

Петрович. Да ведь сказка-то взята же с чего-нибудь. Чего нет, того не выдумаешь.

Входят Епишкин и Елеся.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мигачева, Фетинья, Лариса, Петрович, Елеся, Епишкин.

Елеся *(запыхавшись)*. Маменька, невидимая рука, невидимая рука!

Мигачева. Где она, где она?

Елеся. Вот она! *(Подает деньги.)* Три тысячи с половиной! А? Довольно хорошо? Жив бог, жива душа моя. Так я говорю?

Епишкин. Верно, Елеся. Молодец!

Мигачева. Уж не с неба ли свалились?

Елеся. С неба, маменька, за правду за нашу. Нашел. Сейчас суд да дело, свидетелев налицо. Судили, рядили, сосчитали все деньги, отсудили мне три тысячи с половиной; получай, говорят. Ух, устал! Получаю, говорю. Остальные Михею.

Мигачева. Да разве его деньги-то были?

Елеся. Его; на суде добрались. Вот теперь мы как миллионщики жить будем.

Мигачева. Есть-таки разница.

Елеся. Никакой, те же двадцать четыре часа в сутки.

Мигачева. Золотой ты мой! *(Обнимает сына.)* Как я рада-то!

Фетинья. Ну, как не обрадоваться! Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Елеся. А уж как я-то рад! *(Обнимает вместо матери Ларису.)*

Фетинья. Что ты, что ты! Ишь ты, на чужое-то разлакомился! Это ведь не находка твоя; третью часть не дадим.

Епишкин. На что ему третью часть! Видно, уж ему ее всю отдать. Мы не как Михей, об этой потере не заплачем.

Фетинья *(берет Елесю за руку)*. Не тронь, говорят! Что ты облапил, точно свою собственность? Еще крепости у тебя на нее нет.

Лариса. Как это вы, маменька, вдруг останавли-

ваете! Коль скоро человек в таком чувстве, надо ему свободу дать.

Е п и ш к и н. Дай, Фетинья, свободу, дай.

Ф е т и н ь я. Как ты говоришь свободу дать? Да что ж это у них будет-то?

Е п и ш к и н. Что у них будет-то? А нам-то что за дело! Нам какой убыток! Вот нашла печаль! Ты б лучше вспомнила, догадалась, что муж еще с утра водки не пил.

Ф е т и н ь я. А если я роду их, мигачевского, видеть не могу.

Е п и ш к и н. Ты слушай, что тебе говорят-то. Я по два раза приказывать не мастер. Стало быть, надо тебе бежать закуску готовить. А что ты их видеть не можешь, это мы поправим; уж я, так и быть, трудов своих не пожалею, похлопочу около тебя, ты у меня на них, хоть исподлобья, а все-таки взглянешь.

Ф е т и н ь я уходит.

Сватья, пойдем! Петрович, трогайся! *(Уходит, за ним Мигачева и Петрович.)*

Л а р и с а. Надеюсь, что вы идете не для закуски, но для меня собственно.

Е л е с я. Что за неволя мне водкой огорчаться, коли я такую сладость перед собой вижу.

Л а р и с а. Благодарю вас за комплимент. *(Уходит с Елесей.)*

Из дома выходят А н н а и Н а с т я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А н н а, Н а с т я.

А н н а. Эх, пора бы нам идти, Настенька.

Н а с т я. Ах, не говорите, пожалуйста, и не напоминайте.

А н н а. Да ведь уж нечего делать.

Н а с т я. Мне хоть немножко еще побыть у вас.

А н н а. Нельзя, мой друг, нельзя; эти люди любят, чтоб их уважали, чтоб каждое приказание их исполняли в точности. Они гордые,— бедных людей ни за что не считают. Не исполни-ко его приказание-то, так он разгневается, что беда, а на первых-то порах это нехорошо. Как мне быть-то с тобой! Проводила б я тебя, да Михея Михеича дома нет. Не знаю, куда он делся! Не пойти ли тебе одной?

Н а с т я. Ах, нет. Как одной? Мне все будет казаться, что на меня все пальцами показывают, и я буду все по глухим переулкам прятаться. Я не дойду одна.

А н н а. Да мне-то несвободно, нельзя дом-то оставить. Когда еще Михей Михеич воротится, неизвестно, а идти надо. Нехорошо, обещали. *(Гладит ее по голове.)* Поди-ко ты одна, я после приду, принесу тебе кой-что твое.

Н а с т я. Тетенька!

А н н а. Что, мой друг?

Н а с т я. Так уж я пойду. Прощайте! *(Обнимает Анну.)*

А н н а. Прощай, душа моя!

Вбегает Е л е с я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А н н а, Н а с т я, Е л е с я.

Е л е с я. Анна Тихоновна! Анна Тихоновна!

А н н а. Что тебе?

Е л е с я. Да пожалуйте сюда, в сад. Какая оказия-то, право!

А н н а. Да что такое?

Е л е с я. Оказия вышла.

А н н а. Что мне за дело? Зачем я пойду?

Е л е с я. Пожалуйте, сами увидите.

А н н а. Да ты скажи толком.

Е л е с я. Да что мне говорить-то! Нет, уж лучше вы сами.

А н н а. Ну, что я буду в чужом саду делать?

Е л е с я. Да Михей Михеич...

А н н а. Что Михей Михеич?

Е л е с я. Да они... Нет, уж лучше вы сами...

А н н а. Ты не пугай меня; начал говорить, так говори.

Е л е с я. Да гуляли, гуляли...

А н н а. Ну, что же?

Е л е с я. Гуляли, гуляли да и... зацепились за дерево.

А н н а. Как зацепились?

Е л е с я. Да так... Нет уж, помилуйте, лучше вы сами...

А н н а *(Елесе)*. Ну, ступай, я приду. *(Насте.)* Подожди меня. Пойду, посмотрю, что такое. *(Уходит, за нею Елеся.)*

Н а с т я. У меня что-то повернулось на сердце; в голове мелькнуло что-то такое, что я во сне видела. Это беда какая-нибудь, непременно беда; но мне кажется, что эта беда для меня к лучшему. Какая-нибудь

перемена будет. Какая — не знаю. Чего уж я ни передумала! Я думала, что если будет землетрясение или пожар большой, так я спасусь как-нибудь. А как спасусь — уж не знаю. Все это я вечером да ночью передумывала. А как проснулась сегодня утром и увидала, что ночью ничего не сделалось, что нынче день такой же, как и вчера, мне так страшно сделалось, так страшно! Я все ждала, что к утру перевернется что-нибудь в природе, что половина Москвы провалится, и будет озеро, а на той стороне гóры

Входит Баклушин.

и что Модест Григорьич приедет ко мне на большой лодке. Я такую картину где-то видела.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Настя, Баклушин.

Настя *(увидав Баклушина)*. Ах!

Баклушин. Не ожидали?

Настя. Не надо. Нет, нет, мне вас не надо.

Баклушин. А сейчас мое имя поминали.

Настя. Ну, так что же! Я долго, долго буду думать о вас, вспоминать вас, а видеть вас не хочу.

Баклушин. Отчего же?

Настя. Вы все мучите меня.

Баклушин. Чем?

Настя. Учите меня, как жить. Зачем говорить о жизни! Мне это очень больно. Вы живете по-своему, я посвоему. Вам жить хорошо, мне худо; так забудем про это. Кончено дело. Если хотите поговорить со мной последний раз, так скажите что-нибудь повеселее.

Баклушин. Очень бы я хотел сказать вам что-нибудь веселенькое, да в голову нейдет, самому не очень весело.

Настя. Ну, сделайте милость, придумайте!

Баклушин. Извольте!

Настя. Ну, рассказывайте.

Баклушин. Есть у меня одна смешная история, да не знаю, понравится ли вам.

Настя. Все равно, рассказывайте!

Баклушин. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Баклушин...

Настя *(оглядываясь)*. Хорошо, отлично.

Баклушин. Вот однажды, в минуту жизни трудную,

занял по векселю этот Баклушин всего на месяц, и всего-то сто рублей у щипаного, рваного, вылинявшего ростовщика.

Н а с т я *(оглядываясь)*. Да, да, Как это смешно! Чем же это кончилось?

Б а к л у ш и н. В том-то и дело, что это не кончилось и конца этому не будет. Через месяц, разумеется, Баклушин ста рублей не отдал, и через два не отдал, и через год, и так далее, а платил только проценты, да и то неаккуратно. Вексель этот, как водится, переписывался, и вышло...

Н а с т я. Что же вышло?

Б а к л у ш и н. Что за сто рублей переплатил Баклушин в три года процентов рублей триста да состоит должен теперь этому линючему ростовщику тысяч семь. А так как Баклушину заплатить нечем, то и будет этот долг в той же пропорции увеличиваться до бесконечности.

Н а с т я. А, так вот для чего Баклушин ищет богатую невесту!

Б а к л у ш и н. Именно для этого.

Н а с т я. А невест не находится?

Б а к л у ш и н. А невест не находится, а долг растет.

Н а с т я. Да ведь говорят, что коли кто очень много должен, так все равно, что ничего не должен.

А н н а Т и х о н о в н а, Е п и ш к и н, П е т р о в и ч, Е л е с я проходят из сада в квартиру Крутицкого.

Б а к л у ш и н. Вот я и жду, когда буду должен миллион; может быть, тогда самому ростовщику смешно станет. А если б не этот долг, Баклушин женился бы на девушке, которую он любит.

Н а с т я. Верю, верю; но вот что, Модест Григорьич! Тетенька прошла домой, теперь мне нужно переезжать на новую квартиру, которую мне добрые люди наняли. Нам время проститься.

Б а к л у ш и н. Как, сейчас?

Н а с т я. Да, сейчас и уж навсегда.

Б а к л у ш и н. Как мне жаль, что я теряю вас!

Н а с т я. Ну, что делать, голубчик! Прощайте! *(Горячо обнимает Баклушина.)* Прощайте, мой милый, хороший, красавец мой!

Б а к л у ш и н *(сквозь слезы)*. Прощайте!

Н а с т я. Постой! Как я любила тебя! Боже мой! Нет

меры, нет никаких границ! Нет того на свете, чего бы я для тебя не сделала.

Баклушин. Что я теряю, что я теряю! Боже мой!

Настя. Да, много, много. Мне очень жаль тебя.

Баклушин *(берет ее за руку)*. Настенька!

Настя. Прощай! Нет... больше нельзя! Идите!

Баклушин отходит до угла лавки. Настя издали кланяется ему и посылает поцелуи. Из дома выходят Анна, Епишкин, Петрович, Елеся; из саду — Фетинья, Мигачева, Лариса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Настя, Анна, Епишкин, Петрович, Елеся, Фетинья, Мигачева, Лариса, вдали Баклушин.

Анна *(тихо плача)*. Что он сделал! Что он сделал!

Настя. Тетенька, идти мне?

Анна *(утирая слезы)*. Нет, мой друг, уж ты не покидай меня. Михей Михеич... Господи, прости ему! Погубил он свою душу...

Настя. Ах, какое горе!

Анна. Да, горе; и с ним было горе, и умер — горе. До нас ли ему было, прости ему господи, коли он души своей не пожалел! За деньги, за проклятые деньги... Ведь всем умереть; да зачем же так!..

Настя. А разве дядя любил деньги?

Анна. Что это, господи! Вздумать-то, вздумать-то мне страшно! За что только он мучил себя и нас? Сколько лет мы живем нищенски, а у него за подкладкой шинели нашли мы больше ста тысяч, да вот теперь в его комнате под полом вещей и брильянтов и числа нет. И так в мире босоты-наготы довольно, а мы ее, помимо божьей воли, терпели. Как богу-то не разгневаться!

Настя. Вы теперь богаты, тетенька!

Анна. Тяжелы мне эти деньги, душа моя; меня теперь никакое богатство не обрадует. Отвыкла я с ним и жить-то по-людски, убил и похоронил он меня заживо. Десять лет я сыта не была, так теперь за один день не поправишь. Бог с ними и с деньгами! Мы с тобой их разделим. А греха-то, греха-то что! Я было погубила тебя совсем. С голоду да с холоду обезумела я, а ведь добра тебе желала. Меня-то б удавить надо за тебя. Нет ума у голодного, нет!

Настя. Тетенька, милая! *(Громко.)* Модест Гри-

горьич! *(Анне.)* Не плачьте, божья воля, не плачьте! Ах! *(Обнимает тетку.)* Я живу, я живу! Не надо хоронить меня! Тетенька, милая!

Баклушин подходит и останавливается в молчании.

Е л е с я. Вот уж она теперь за благородного выскочит.

Е п и ш к и н. Похоже на то.

Ф е т и н ь я. Ей хоть миллион дай, все-таки видом и амбицией она против моей Ларисы не выдет.

Л а р и с а. Не только видом и амбицией, но и всем прочим супротив меня далеко.

Н а с т я *(Баклушину как бы с упреком)*. Вот вы тогда... А мы теперь богаты с тетенькой. Вот вы и знайте.

Б а к л у ш и н. Откуда вам бог послал?

Н а с т я. Мне вдруг наследство...

Е п и ш к и н. Дяденька их у меня в саду удавились. Ах! *(Берется за голову.)* А ведь говорили дураку, загороди забор.

Б а к л у ш и н. А кто такой ваш дяденька?

Н а с т я. Да он... я не знаю... как это?

П е т р о в и ч. Отставной подьячий, Крутицкий.

Б а к л у ш и н. Крутицкий? Да ему-то я и должен.

Н а с т я. Ему? Вот и отлично! Уж теперь вы нам должны, вот мы вас в тюрьму, и непременно.

Б а к л у ш и н. А много он вам оставил?

Н а с т я. Я не знаю. Говорят, сколько-то тысяч.

Е п и ш к и н. Чего тут: «сколько-то»; побольше двух сот будет.

Н а с т я. Ну, вот сколько.

Б а к л у ш и н. Позвольте за вами снова поволочиться.

Н а с т я. Позволяю.

М и г а ч е в а. Стыдно такие деньги и брать-то.

Ф е т и н ь я. Да ведь уж, матушка, что ни говори, а впрок они не пойдут.

Н а с т я *(смеясь)*. Да, правда ваша, я знаю, что мы с Модестом Григорьичем промотаем их скоро.

А н н а. Уж лучше промотайте, чем беречь так, как твой дядя берег.

Н а с т я. Как страшна мне казалась жизнь вчера вечером, и как радостна мне она теперь!

А н н а. А вот, душа моя, несчастные люди, чтоб не гневить бога, чтоб не совсем отчаиваться, утешают себя пословицею, что «утро вечера мудренее»,— которая иногда и сбывается.

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК авторизованная писарская копия.
АТК авторизованная театральная копия.
БА беловой автограф.
ТПК театральная писарская копия.
ЦПК цензурная писарская копия.
ЦТК цензурная театральная копия.
ЧА черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГПБ Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГЦТМ Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ Музей Малого театра
ПД Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

«Бирж. вед.» газета «Биржевые ведомости».
«Вест. Евр.» журнал «Вестник Европы».
«Всемир. иллюстр.» газета «Всемирная иллюстрация».
ЕИТ Ежегодник императорских театров.
«Ист. вест.» журнал «Исторический вестник».
«Моск. вед.» газета «Московские ведомости».
«Нов. время» газета «Новое время».
«Отеч. зап.» журнал «Отечественные записки».
«Пб. листок» газета «Петербургский листок».
«Пб. газета» газета «Петербургская газета».

«Рус. вед.» газета «Русские ведомости».
«Рус. летоп.» газета «Русская летопись».
«Рус. мир» газета «Русский мир».
«Рус. мысль» журнал «Русская мысль».
«Рус. слово» газета «Русское слово».
«Сев. вест.» журнал «Северный вестник».
«Сев. пчела» газета «Северная пчела».
«Совр. летоп.» газета «Современная летопись».
«Спб. вед.» газета «Санктпетербургские ведомости».
«Сын отеч.» газета «Сын отечества».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М.—Пг., ГИЗ, 1923.

Вольф — А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. I—II, Спб.; 1877, ч. 3, Спб., 1884.

«Восп.» — «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., «Художественная литература», 1966.

«Неизд. письма» — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.—Л., «Academia», 1932.

Некрасов — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. 1—12, М.—Л., Гослитиздат, 1948—1958.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

Толстой — Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, М.—Л., ГИЗ — ГИХЛ — Гослитиздат, 1928—1958.

ОСТРОВСКИЙ
(1868—1871)

1

Как это бывает, на пороге нового взлета своего драматического таланта Островский пережил внутреннюю остановку, душевный кризис. Если заглянуть в его переписку 1866—1867 годов, легко заметить, как безрадостно в эту пору настроение драматурга, смутны его творческие планы, бедна надеждами жизнь. Он чувствовал себя ослабевшим, застрявшим в скучных обязательствах — переделках и либретто — и изнемогшим от исторических хроник, которые он писал сначала с вдохновением, но чем дальше, тем больше как бы по принуждению взятого на себя зарока.

Еще в сентябре 1866 года он сообщил по секрету Ф. Бурдину о своем решении «развязаться» с театром.

Островский отказался от сочинения современных пьес и перешел на писание исторических драм в стихах — «не для сцены» — в иллюзорной надежде приобрести таким образом спокойствие и независимость. Он стал выполнять свой план с завидной последовательностью. После хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» Островский написал осенью 1866 года историческую драму «Тушино», но она не принесла ему успеха. Летом и осенью 1867 года его труды составляли: два либретто по сюжетам собственных пьес — «Вражья сила» для Серова и «Воевода» для Чайковского; переводы итальянских комедий — «Великий банкир» Итало Франки и «Заблудшие овцы» Теобальдо Чикони, да еще попытка написать сказку в модном жанре «феерий» — оставшийся незаконченным «Иван-царевич».

Работы хватало с избытком, но для драматурга современной темы добровольно принятый на себя «пост» был тяжел. Он втайне чувствовал, что все, чем он был занят, при всей почтенности этого литературного труда — подмена действительного полнокровного творчества. Поденная работа не избавляла от тоски, а приносила в конечном счете пущее раздражение, недовольство собой.

Своим корреспондентам Островский жаловался на то, что чувствует себя совсем разбитым «физически и нравственно», «телесно и душевно». К невзгодам литературным прибавились личные. Бессонные ночи, постоянное сидение за работой, все время стоявший

за спиной призрак безденежья, а потом еще болезнь и смерть в марте 1867 года первой его жены, Агафьи Ивановны, от постели которой он не отходил до последнего дня, погрузили его в состояние апатии и душевной потерянности. Островский как беды боялся одиночества и умолял друзей приехать к нему в деревню, «чтобы не дать мне сойти с ума» *(ПСС, XIV, 152)*.

Все прискучило ему. Он уже почти ненавидел «свои изнуряющие драматические труды, на которые убил бесплодно лучшие годы своей жизни» *(ПСС, XIV, 158)*. Его огорчали небрежные постановки его пьес на императорской сцене, выводила из себя оскорбительная снисходительность театрального начальства.

Но, конечно, была и еще одна, и важнейшая, причина этого душевного кризиса, о которой мало говорится в его письмах. Личные невзгоды Островского лишь несчастливо совпали с тем, что было основным общественным фоном его жизни как литератора и всей жизни литературы тех лет.

4 апреля 1866 года Дмитрий Каракозов покушался на жизнь царя у решетки Летнего сада в Петербурге, и его неудачный выстрел развязал стихию новых правительственных «обузданий» и репрессий: будто черный полог опустился над «эпохой реформ». Сторонники преобразований приуныли. Противники реформ — крестьянской, земской, судейской и цензурной,— до тех пор оказывавшие лишь глухое сопротивление и тормозившие, где можно, робкие либеральные движения власти, почувствовали, что настал их час. Под злобное бурчание крепостников-помещиков, под верноподданные возгласы охранительной прессы, прежде всего катковского «Русского вестника», был приостановлен процесс экономических и социальных преобразований, уволены в отставку наиболее деятельные сторонники реформ, вроде Н. А. Милютина, закрыты журналы «Русское слово» и «Современник».

В «Современнике» Некрасова Островский печатался с 1856 года, и можно вообразить, какое впечатление произвел на него разгром журнала, постоянным автором которого он был целое десятилетие. Не сохранилось прямых откликов драматурга на это событие. По понятным причинам он избегал об этом высказываться, но легко представить, что должен был он пережить, когда получил письмо от брата, М. Н. Островского, с описанием происходящих в Петербурге событий. Некрасов «находится в убийственном состоянии духа; ему грозят судить за статью Жуковского, некоторые из его сотрудников взяты», писал М. Н. Островский.

С гибелью «Современника» Островский лишился привычной и ставшей близкой ему журнальной пристани. Теперь он вынужден был печататься в случайных изданиях, вроде сомнительной репутации журнальчика М. А. Хана «Всемирный труд», куда определил

свою хронику «Тушино». Ожесточившиеся цензурные условия, вся атмосфера жизни с ее общественной инертностью, сгустившейся подозрительностью к демократической литературе не располагали к работе над пьесой современного репертуара. А ведь к этому надо прибавить еще и разочарование в театре.

Все это и толкало Островского заниматься тем, что было, по существу, литературной поденщиной,— а отсюда и чувство апатии, недовольства собой, горестное ощущение, будто обмелела и уходит из-под его весла живая река жизни.

В одну из невеселых минут, пережитых Островским, он получил письмо от Некрасова: «Что Вы там толкуете о своем увядании? Это случайная болезнь на Вас хандру нагнала. Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что Вы еще нам покажете великую силу» *(Некрасов, XI, 30)*.

Эта уверенность оказалась не напрасной. В глубине души Островский и сам понимал, что не навек же удалился от современной сцены, и в 1866 году писал Бурдину: «Если переменятся обстоятельства, тогда я опять примусь за свое дело с радостью...» *(ПСС, XIV, 140)*.

В театре, впрочем, трудно было ожидать скорых перемен. В литературе обстоятельства менялись быстрее. В конце 1867 года стало известно, что Некрасов берет в свои руки новый журнал, «Отечественные записки», пришедшие в упадок под редакцией А. Краевского. Конечно, вряд ли можно было надеяться, что новое издание сразу же станет преемником «Современника» — по доброй воле правительство никогда бы не согласилось на такую трансформацию,— но имя Некрасова было, во всяком случае, ручательством честного и серьезного литературного дела.

Островский, вероятно, говорил с Некрасовым об участии в предполагаемом журнале еще осенью 1867 года, в бытность свою в Петербурге, и обещал сотрудничество. Некрасов поспешил закрепить это обещание, напечатав в первом же номере «Отечественных записок» под своей редакцией сочувственную рецензию на пьесу Островского, сочиненную в соавторстве с С. А. Гедеоновым, «Василиса Мелентьева». В рецензии деликатно выражалось пожелание, чтобы драматург вновь перешел от сюжетов исторических к столь удачному у него обычно изображению современного быта и нравов. «По двум представлениям нами виденным,— писал автор отзыва,— мы не возьмемся решить: точно ли «Василиса Мелентьева» лучшее из исторических сочинений автора «Свои люди — сочтемся» и «Грозы». Мы вообще более расположены к его неисторическим, бытовым драмам; но, кажется, можно сказать безошибочно, что для сцены — это лучшая из исторических его драм» *(«Отеч. зап.», 1868, № 1)*.

Умеренный комплимент рассчитан точно: это не столько похвала разбираемой пьесе Островского, сколько напоминание об иных жанрах, в которых он завоевал некогда безраздельные симпатии публики.

Летом и осенью 1868 года в Щелыкове, а потом в Москве Островский переживает сильный душевный подъем и жажду работы. На одном листе бумаги он набрасывает планы сразу двух новых современных комедий: «Дневник, или На всякого мудреца довольно простоты» и «〈Женское〉 Горячее сердце» *(Черновые наброски, ПД)*.

Эти две большие пьесы, написанные одна вслед за другой за немногие месяцы, возродили репутацию Островского как современного драматурга. Они показали также, что его приход в «Отечественные записки» не был случаен. В самом деле, с 1868 года, когда Островский становится постоянным сотрудником этого журнала, и до момента закрытия «Отечественных записок» в 1884 году им опубликовано здесь 22 оригинальные пьесы (три в соавторстве с молодыми драматургами — Н. Соловьевым и П. Невежиным) и среди них такие шедевры, как «Лес», «Волки и овцы», «Бесприданница». В журнале Некрасова и Салтыкова-Щедрина за малыми исключениями находит себе отныне место вся литературная продукция Островского этих лет.

Островский никогда не претендовал на роль политического мыслителя, всегда был художником по преимуществу. Мера его гражданской активности, отчетливости его позиции в злободневных спорах времени не раз менялась в зависимости от подъема или падения общественного пульса. Он легко падал духом в эпоху застоя и упадка, но в благоприятной общественной среде так же легко «намагничивался» передовыми идеями времени. Первые же его комедии, появившиеся на страницах «Отечественных записок», подтверждали, что Островский сознательно принял и стал отстаивать пером художника тот взгляд на события эпохи, который был во многом близок Некрасову и Щедрину.

Как сотрудник «Отечественных записок» Островский навлек на себя бурю негодования со стороны людей, еще недавно склонных славить его как первого национального драматурга. Даже давний его приятель А. Ф. Писемский, придерживавшийся консервативных взглядов, писал журналисту Авсеенко: «... Островский, как вам известно, принадлежит к враждебному лагерю...» *(А. Ф. Писемский, Письма, М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1936, стр. 239)*. А публицист и критик правого направления Конст. Леонтьев, спустя несколько лет предостерегая от влияния Островского его молодого соавтора Н. Я. Соловьева, писал ему: «Он все-таки, несмотря на весь поэтический дар свой, несколько нигилист. Он ненавидит монашество, не понимает вовсе прелести

и поэзии православия, не любит, видимо, с другой стороны, изящного барства; одним словом, сам он и лично и как художник очень известен, но по строю мысли, по философии, так сказать, и поэтическим сочувствиям он принадлежит, видимо, к... выдохшемуся либеральному направлению...» (*«Русская литература», 1960, № 3, стр. 89*).

Уже из этих оценок видно, что Островского считали в ту пору прямым сподвижником Некрасова и его журнала. Да и сам драматург в одном из писем Некрасову 1873 года имел случай подтвердить, что «вполне и глубоко» сочувствует его изданию.

Это сочувствие не было лишь внешним выражением солидарности. В комедиях, появившихся в «Отечественных записках» в 1868—1871 годах, печать воззрений демократического лагеря русской журналистики: насмешка над иллюзиями пореформенного «процветания», горечь от недовершенных, захлебнувшихся, приостановленных реформ, которые с двух концов губили — глухое сопротивление консерваторов и пустая либеральная болтовня.

2

По первому взгляду комедия «На всякого мудреца довольно простоты» (1868) рисковала разочаровать поклонников «традиционного» Островского. Куда девался сочный, многокрасочный язык персонажей? Почему так наивна и буффонна завязка комедии? И не слишком ли грубовато откровенно саморазоблачение героев? Лесть — так без всякой меры, самоунижение — с топпотворными преувеличениями, фразерство — будто на показ. И это у драматурга, прославившегося естественностью действия и диалогов!

Важно было верно оценить жанр, неожиданный для бытовика Островского. Это жанр политической комедии, психологической сатиры, где к месту окажутся и условные допущения и смелый гротеск. Что же касается речи, то, увы, Островскому приходится иметь здесь дело с тем среднегородским, стершимся, полусветским-полуказенным языком, в котором не сыщешь живых поэтических красок.

В своей комедии Островский хотел показать, в какой мере «новые веяния» коснулись хорошо знакомого ему московского быта, какие новые типы порождены временем «великих реформ», что изменилось, тронулось и что осталось незыблемым в жизни патриархальной в недавнем прошлом Москвы. Москва 60-х годов уже не была той «мирной Москвой», где «наслажденьям знают цену, где мирно дремлют наяву», как писал некогда Пушкин. Новое время — время железных дорог и акционерных компаний, либеральных речей и адвокатских контор — заставляло Москву изо всех сил тянуться за Петербургом. А вместе с тем в бытовом укладе жизни старой

столицы, где недавно еще слыл пророком глава московских ворожей и гадальщиц Иван Яковлевич Корейша, оставалось много ветхого, причудливого, что шло от наследия дореформенной поры.

В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» много злободневных намеков, черточек быта, взятых прямо с натуры. Для публики московского Малого театра 1868 года пьеса о «мудрецах» была злободневна, как утренняя газета. Во время представления «Мудреца» в театре, по сообщению фельетониста газеты «Голос», можно было наблюдать такие сцены: «Когда комедия близилась к развязке и Глумову, казалось, все улыбалось, является вдруг в квартиру Глумова какой-то Голутвин и предлагает купить пасквиль о нем до напечатания. В театре многие переглянулись; один купец довольно ясно произнес: «Бывалый случай». Какой-то женоподобный господин, до тех пор усердно записывавший свои впечатления на бумажке, вдруг сжал эту бумажку, переконфузился, потерял pince-nez и хотел было встать, но потом опять присел, робко оглядываясь кругом, не обращены ли на него взоры публики» *(1868, № 315)*.

Комедия Островского, ловившая современность минуты, не сводима, однако, к памфлетной зарисовке. Драматургу удалось создать несколько социально-психологических портретов, обладающих достоинствами стойкой типичности: это надутый болтун Мамаев, ретроград Крутицкий, либерал Городулин, ханжа Турусина и, наконец, молодой герой-подлец Глумов.

«Мудрость», «мудрецы», «глупость», «ум», «ума», «об уме» — склоняется на разные лады в пьесе. Какой смысл в таком комедийном перепевании мотивов ума и глупости? Есть ли тут что-то существенное, характерное или это не более чем насмешка над личными человеческими недостатками, водевильный прием, вызывающий беззаботный смех над простаками и недалекими людьми? В таком случае, здесь есть почва лишь для самого поверхностного комизма.

Нет, ироническое словцо «мудрецы» явно говорит о чем-то большем.

Целый сонм «новых деятелей» — составителей «прожектов», мнений, записок, возбудителей «вопросов», мастеров произнесения либеральных спичей — породила пореформенная эпоха. Своей мудростью не уставали кичиться и старозаветные ретрограды. За всеми ими и закрепилось в литературе конца 60-х годов словечко «мудрецы». Некрасов писал в эти годы:

«Не много выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных...»

«Мудрецы вздыхают,— вторил ему Щедрин,— соболезнуют, устрашают друг друга и — странное дело! — несмотря на пуганья, только добреют да нагуливают себе жиру в борьбе с попраниями и глумлениями». Феденьку Кротикова Щедрин не раз называет «пустопорожним мудрецом», другой герой исправляет у него «на время должность мудреца», а однажды Щедрин даже называет страну, «которая отказалась от заблуждений и все внимание устремила на правильность расчетов по ежедневным затратам», «страною мудрых».

Островский идет в русле демократической литературы и публицистики, посвящая свою комедию проблеме «мудрости» — мудрости житейской и политической, старой, косной, патриархальной мудрости и нового, предприимчивого беспринципного ума.

Нил Федосеич Мамаев особенно охотно рассуждает об уме и глупости. Первые же слова, какие слышит зритель о Мамаеве, характеризуют его именно с этой стороны. Гусар Курчаев говорит о нем, что он «очень интересная» личность: «считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси». Вскоре мы начинаем понимать причины патологической страсти Мамаева к поучениям, которыми он готов облагодетельствовать каждого встречного. Мамаев тоскует по прошлым временам и никак не может привыкнуть к тому, что у него уже нет «подданных», которых он мог беспрепятственно терзать своими наставлениями. «Бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься,— отдается сладким воспоминаниям Мамаев,— а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого... Вы понимаете, после чего?» «Понимаю»,— отвечает Глумов. Мамаев боится назвать своими словами так грубо переменившую его жизнь и лишившую «подданных» реформу 1861 года. Как бабушка Татьяна Юрьевна в очерках Щедрина, уклончиво именовавшая то же событие «известной катастрофой», он хотел бы избежать даже упоминания о столь неприятном для него обстоятельстве.

Мораль Мамаева пропитана элементарной «азбучностью». С видом высочайшей мудрости он изрекает самые пошлые, избитые прописи. Казалось бы, это изжитый, обреченный тип, даже не пригодный для серьезной сатиры. Но Островский показывает, что мамаевы страшны не смыслом своих речей, а, так сказать, их бессмыслицей, возведенной в общественную норму. Процветание людей такого рода — верный знак общественного застоя, политической реакции. В здоровой, чистой атмосфере их разглагольствования не принимаются всерьез, их просто не удостаивают вниманием. Пока глупость мамаевых остается их частным делом, они не так

уж досаждают ею. Но в годы общественного упадка они вылезают на поверхность, как учителя общества, начинают вещать, делают свои азбучные нормы и правила для всех обязательными и тут уже становятся несносны.

В отличие от «моралиста» Мамаева генерал Крутицкий, так сказать, идеолог консервативного кружка. К Мамаеву, не претендующему на роль политического деятеля, Крутицкий относится с заметным превосходством: «Он только говорит, что умен, а ведь он болван совершенный...» Убежденный ретроград Крутицкий не сомневается в скором возвращении «старых добрых времен» и спешит противопоставить расплодившимся либеральным «мнениям» и «запискам» свои «прожекты». Откровенно издеваясь над этим «мудрецом», Островский заставляет его читать вслух свой «прожект» или, вернее, «экспликацию» его, сделанную Глумовым, и здесь в действие вступает явная сатирическая гипербола. Трактат «О вреде реформ вообще» настолько глуп и абсурден, что как бы выключает читателя из ощущения реальности происходящего, так что ловишь себя на мысли, а не обнажится ли вдруг за лысым черепом генерала какой-нибудь органчик и не произойдут ли иные фантастические превращения, какие можно наблюдать разве что у Салтыкова-Щедрина?

Современные Островскому критики находили, что тупость и недомыслие Крутицкого перерастают границы всякого правдоподобия, многие находили тип шаржированным. Но все дело в том, что феноменальная глупость и дикое озлобление — не индивидуальное несчастье генерала, а черты общественной патологии. У ретроградов, подобных Крутицкому, единственная основа отношения к жизни — это животная ненависть к любым изменениям существующего. Во всем они видят наступление на свои права, на свой образ жизни и защищаются озлобленно, исступленно и... нелепо. Историческая обреченность заставляет их идти против элементарной логики, простейших умозаключений. И они проникаются враждой к мысли вообще, мысли как таковой, ко всякой мысли, потому что любое строгое умозаключение уже как бы грозит их существованию, построенному не на требованиях разума, а лишь на инстинктивной защите своих привилегий, своего «куска». Вот почему Крутицкий Островского не только смешон, но и страшен.

Следующий «мудрец» в сатирической галерее Островского — либерал Городулин. С первого своего появления на сцене он оглушает потоком бессодержательных слов, непринужденностью и любезностью обращения. Слова будто сами соскальзывают у него с языка без видимой работы сознания. Городулин весь в либеральной возне и шумихе: он видный деятель «нового суда», он один из инициаторов торжеств по поводу открытия железной дороги и он

же признанный оратор на торжественных обедах в клубе. Но Городулин еще и «идеолог» московского либерализма в той же мере, в какой Крутицкий «философ» противоположной партии.

И однако, как легко приметить, Городулина и Крутицкого, либерала «по моде» и консерватора «по душе», очень многое роднит в комедии. Подобно другим героям пьесы, Городулин любит порассуждать об «уме». «Мне кажется, нужно только ум и охоту работать»,— заявляет он Глумову. Но, как и консерваторов, Городулина окутывает в комедии плотная антиинтеллектуальная атмосфера. Только если в крепостниках их историческая никчемность, обреченность выражается в косности ума, в необыкновенно тупой приверженности старым понятиям, то у Городулина, напротив, «легкость в мыслях необыкновенная», «ветер в голове», как он сам о себе говорит.

И консерватор Крутицкий и либерал Городулин — желанные гости в доме богатой ханжи Турусиной. «Барыня из купчих» — представляет ее в афише Островский, и этим уже многое сказано. Под крышей ее богомольного дома вовсе не входят в оттенки консервативных или либеральных убеждений, а попросту, по старине, веруют в чудесные знамения, совпадения, приметы, гадания ворожей и прорицания юродивых. Только вера эта лицемерна, фальшива: суеверия возникают всегда на обломках веры.

Таково избранное московское общество в комедии Островского, и, как бурав, ввинчиваясь в него, идет к своей цели умный Глумов. Решив сделать карьеру, он не стесняется в средствах. Если бы Глумов только приспосабливался, льстил, подлаживался, шел на компромиссы, этот образ мог бы показаться лишь новой вариацией втируши-Молчалина. Люди молчалинского типа проходят «путь наверх», усваивая по дороге взгляды начальства, добросовестно приспосабливаясь к чужим мнениям и привычкам, органически притираясь к ним. Но не таков Глумов, пишущий эпиграммы на это общество и «сбывающий свой яд» в тайный дневник. Глумов ни на минуту не забывает, что ведет игру, он ненавидит используемых им людей, и про него нельзя сказать, что он приспосабливается. Нет, он сознательно живет двойной жизнью.

Тема «мудрости» и ума возникает, таким образом, и в связи с главным героем комедии. В этой сценической «стране дураков» Глумов действительно умен и талантлив, он отлично видит пороки окружающих его людей. Но он сознательно и расчетливо *предает свой ум.*

Для Островского-просветителя в истории Глумова заложен ужасный разочаровывающий смысл: эпоха реакции не только поощряет глупцов-ретроградов и либеральных болтунов, мнящих себя руководителями общественного мнения, но даже умных и даровитых

людей способна толкнуть к проституции ума, разложению личности, духовному предательству.

Во всем творчестве драматурга мы не найдем, пожалуй, другого примера столь острой социальной критики.

3

Московский «жанр» и обиход вновь окружают нас в комедии «Бешеные деньги» (1870). Аллейки Петровского парка, где гуляет праздная, скучающая публика, купеческий клуб, куда ездят играть в карты и обедать с устрицами, магазины дамского платья на Кузнецком мосту и Петровке... Московские баре, хлыщи, дамы полусвета, прожигатели жизни, любители выпить на чужой счет...

Чтобы подчеркнуть злободневность комедии как длящейся московской хроники, Островский даже переносит в нее из прошлой пьесы одно знакомое нам лицо — того же Егора Дмитриевича Глумова с его злыми эпиграммами на «всю Москву», желчными, циническими выходками и умением устроиться. О, он, конечно, не пропал, когда в пятом акте комедии о «мудрецах» ему показали на дверь,— теперь он снова в «хорошем обществе», снова язвит, подделывается, глумится и кончает тем, что прилепляется к какой-то болезненной богатой барыне, надеясь вскоре дождаться ее смерти и пожить тогда в свое удовольствие на оставленные ему деньги.

Политика и карьера были главным винтом действия в «Мудреце». Деньги — и в заглавии пьесы, в ее сюжете, в мотивах поведения действующих лиц — основная ось новой комедии.

Островский еще живо помнил Москву 40-х годов, когда у владельцев дворянских особняков был не только аппетит к веселой и хлебосольной жизни, но и некоторые возможности, чтобы ее вести: управляющие имениями к сроку присылали барину вырученные ими деньги, а через всю Москву ночами скрипели обозы, доставляя провиант из подмосковной. Как-то незаметно, на глазах у драматурга барская Москва обеднела, слиняла, прежние моты и богачи увяли, хоть еще и топорщатся, позируют, пробуют вести прежнюю роскошную жизнь. Живут в долг, пользуясь одним блеском былого имени, родовитостью и знакомствами.

Добродушный и пустой Телятев, какая-то разновидность Стивы Облонского, обломок того самого «изящного барства», какое защищал от Островского Конст. Леонтьев, никогда не пропадет благодаря своим одиннадцати московским тетушкам. У этого балетомана и любителя сладенького — триста тысяч долгу и давно все чужое: лошади, экипажи, квартира, мебель, зеркала, ковры... Но призрачность благополучия мало его смущает. Он то, что называется добрый малый: нерасчетлив, сам готов одолжить деньги, если они случайно у него заведутся, но не считает зазорным и понить

шампанского на чужой счет в надежде, что завтра деньги как-нибудь сами собой с неба свалятся. «Бешеные» деньги, случайные, ненадежные, чужие, чудом попадающие в карман и мгновенно из него вылетающие,— таков способ жизни Телятева, натуры изнеженной, легкой и развращенной.

А рядом с ним другой тип выродившегося московского барства— хищный сладострастник, злонамеренный враль, лишенный и тени благодушия Телятева, «князинька» Кучумов. Ему лишь вздыхать остается о дворцах княжеских и графских, о роговой музыке на закате солнца... В настоящем у него та же дыра в кармане, что и у Телятева, и выручает его разве что еще бо́льшая наглость и фанфаронство, позволяющие всюду хвастать деньгами, всем все обещать и всех надувать. В надежде вырвать что-то сегодня, ну хотя бы ласки Лидии Чебоксаровой, Кучумов врет грубо, врет отчаянно, врет опасно, не боясь быть разоблаченным. Завтра не спросят, а спросят — вывернется: важно обмануть сейчас, обольстить сию минуту, а там хоть трава не расти.

Но все эти лица по сути лишь антитеза, лишь рельефный фон, на котором прорисовывается чуть размытым силуэтом новый герой пьесы — Васильков. Он является в комедии поначалу в ореоле некоей таинственности. Кто он, этот провинциал, разговаривающий, «как матрос с волжского парохода» («Когда же нет»; «Он мой шабёр»), и так пожимающий руку, что его собеседник готов вскрикнуть? Кто этот человек, записывающий все расходы в книжечку, а в то же время, по-видимому, не скупой и носящий в кармане толстый бумажник в пол-аршина, который приводит разорившихся дворянчиков в благоговейный трепет?

В первом действии, на гулянии в парке, загадку Василькова тщетно разгадывают Телятев и Глумов. Что и говорить, этот мужичок-кержачок грубоват и неловок, даже неотесан, шампанское он пьет «методически», точно воду, его простое имя Савва смешит Глумова... Но тут же оказывается, что Васильков образован как филолог — понимает и по-гречески и по-английски, знает татарский... Родом он откуда-то из глухой провинции, а между тем объездил весь свет: в Крым приехал из Лондона через Суэц, где его, видишь ли, заинтересовали какие-то «инженерные сооружения».

Но пожалуй, можно сказать, что и сам драматург в некоторой растерянности от своего героя. Случай не столь уж редкий в литературе — можно вспомнить тургеневского Базарова, когда автор, наблюдая черты нового жизненного типа, угадав их, художественно запечатлев, еще колеблется в своем отношении к герою. Наверное, фигура Василькова оттого и вызывала столько споров, недоумений, противоположных трактовок, что трудно было ответить

с порога — сочувствует ли ему автор вполне или все же смотрит на него отстраненно, даже посмеивается над ним?

Островского, без сомнения, чуть смешит деловитость героя, математический склад его ума, который, казалось бы, так идеально расчислит все наперед и всегда дает осечку при встрече с жизнью. Драматург наказывает Василькова тем, что заставляет его безнадежно влюбиться в женщину, которая не только не любит его, но и не достойна его чувства. Васильков решает, что ему нужна Лидия, как он решал бы теорему об усеченных пирамидах, умозрительно, чисто мозговым способом. Он твердит, что для ведения дел ему нужна как раз такая жена — «блестящая и с хорошим тоном». Но этот рациональный выбор не избавляет его от страданий живой страсти.

Островский посмеивается над словечком Василькова «бюджет», над его уверениями, что как бы он ни увлекся, а «из бюджета не выйдет». Но, что и говорить, драматург предпочитает чистоплотную деловитость, европейскую хватку нового дельца азиатской распущенности обмана, хапужеству, надувательству хорошо знакомых ему кит китычей. Черты новейшего хищничества, которые потом так грубо выступят в Беркутове («Волки и овцы») и Кнурове («Бесприданница»), еще не распознаны здесь драматургом, и при всем рационализме героя он предстает в некоем обаянии простодушия. Правда, Васильков провозглашает честность не как безусловную категорию морали, а как средство к выгоде («В практический век честным быть не только лучше, но и выгоднее»), он проповедует «расчет» и «умные» деньги как респектабельный буржуа нового времени. Но недаром же Островский подчеркивает благородство его натуры, заставляет даже с нотами сентиментальности говорить о своей «младенческой душе» и оскорбленном Лидией «добром сердце». В какую-то минуту Васильков забывает все свои методические счеты и расчеты и в порыве ревности, как заправский романтический герой, вызывает Телятева к барьеру: «Ах, я рассказать тебе не могу, что делается в моей груди... Видишь, я плачу... Вот пистолеты!» И может ли не сочувствовать ему автор, когда после насмешки Лидии над его добрым порывом вкладывает ему в уста такую лирическую, такую «островскую» фразу: «Душа моя убита...»

Человек добропорядочный, деловитый, Васильков, во всяком случае, составляет выгодный контраст к картине бездельного, жуирующего, какого-то распадного московского барства. Но не только Васильков и его антиподы интересны нам в комедии.

В «Бешеных деньгах» нарушена сюжетная схема, привычная расстановка лиц у Островского. Обычно его молодая героиня — главная женская роль в пьесе — благородная, страстная, смелая и беззащитная женщина с «горячим сердцем». Певцу женского

сердца Островскому была близка та, начатая пушкинской Татьяной, великодушная традиция русской литературы, которая вызвала к жизни образы Елены Стаховой и Лизы Калитиной у Тургенева, Ольги Ильинской у Гончарова. В пьесах Островского герой-мужчина выступал чаще всего жалким, тщеславным или слабым человеком, недостойным избранником героини, как Борис для Катерины в «Грозе», как Вася для Параши в «Горячем сердце».

Лидия Чебоксарова — новый, необычный для Островского тип молодой девушки. Выставив в комедии о «мудрецах» на позор предательство ума, Островский в «Бешеных деньгах» показал, как идут на продажу любовь и красота.

Двадцатичетырехлетняя московская красавица, существо холодное и расчетливое, будто скользит взглядом поверх голов своих обожателей и цепко выхватывает лишь одно: кто из них в этот момент надежнее может служить ее прихотям и капризам, и чьи деньги она может размотать. Кучумов и Телятев научили ее одному — презрению к «низкой прозе» жизни, «копеечным расчетам». Все, чего бы ни пожелала молоденькая хищница, должно само плыть к ней в руки, без всякого усилия с ее стороны, и разговоры о деньгах — что дорого, а что дешево — она презирает, как «мещанство». «Я не знала, не чувствовала нужды и не хочу знать,— с капризной откровенностью объявляет Лидия.— Я знаю магазины: белья, шелковых материй, ковров, мехов, мебели...».

Островский точен как психолог, когда такое высокомерное неведение «низкой прозы» жизни соединяет с циническим, наглым до безобразия хищническим напором. Лидия без любви выходит за Василькова, прельщенная сплетней о его «золотых приисках», но так же легко кидается в объятия к Телятеву, надеясь на его мифическое состояние, и откровенно торгует своими ласками, вымогая деньги у «папашки» Кучумова.

«Мне без золота жить нельзя», «Страшней бедности ничего нет»; «Бояться порока, когда все порочны, и глупо и нерасчетливо» — вот ее любимые афоризмы. И наконец, как бы отвечая автору пьесы «Бедность — не порок», Лидия отчетливо формулирует: «Самый большой порок есть бедность».

Островского критика упрекала в том, что он чуть пересолил, наделяя Лидию Чебоксарову столь наглой откровенностью. Но пожалуй, цинизм, диковинный в таком юном и очаровательном существе, не был кабинетным изобретением драматурга. Не менее, чем Васильков, Лидия Чебоксарова была в своем роде новейшим продуктом времени. И если в чем можно было поспорить с автором, так разве в том, что в психологическом поединке героев Васильков, как воплощение буржуазной добропорядочности, обуздывал цинизм Лидии и одерживал над нею верх.

«Упраздняется человечность, упраздняется то, что сообщает жизни ее цену и смысл...»— с горечью писал в одном своем письме Островский. Это «упразднение человечности» предстало перед нами в сатирическом зеркале его новых комедий.

4

Удивительно, как несправедливы были по большей части к Островскому театральные рецензенты 70-х годов! Островский «исписался», Островский «падает», Островский «повторяется» —таков был едва ль не единодушный приговор столичных знатоков. «Г. Островский тянет все ту же песню, все дудит в ту же дуду...» — писал, к примеру, один из критиков в статье под вызывающим названием: «Когда же настанет г-ну Островскому великий пост?» *(«Пб. листок», 1871, № 199).*

Такое отношение захватило и часть публики. Вот отрывок из письма 70-х годов, отправленного из столицы в провинцию: «По части новых пьес — и Островского бракуют,— я же в театрах бываю редко, а потому судить не могу: упал ли талантливый бытописатель темного царства или и тут брехня... Мы своих гениев даже умерших оплевываем, а с живыми талантами положительно не церемонимся» *(Н. А. Соловьев-Несмелов — И. З. Сурикову 18 ноября 1879 г.— ГБЛ).*

Хуже всего было то, что и с театром драматург все реже находил доброе взаимопонимание. Даже в Малом театре, где по традиции он сам принимал участие в постановке, не все спектакли имели успех. Что же сказать о петербургской сцене, где комедию «Горячее сердце» ожидал решительный провал?

Тут были многие причины: и падение вкуса публики, увлекавшейся опереткой и заезжими «шнейдершами», и репертуарная политика театрального ведомства, не благоволившего к Островскому, и падение актерской культуры, разрушение стихийно возникшего в реалистических комедиях драматурга сценического ансамбля. В конце 60-х годов «Прекрасная Елена» с переодеваниями и раздеваниями, на которой перебывал «весь Петербург», затмила успех пьес Островского.

Сторонники старой манеры игры, любившие блеснуть эффектными выходами в великосветской пьесе и готовые «рвать страсть в клочки» в мелодраме — а таких немало было, в особенности в «Александринке»,— подогревали недобрые чувства, зубоскаля за кулисами о «неудачах» драматурга. Актер и водевилист П. Каратыгин пустил в свет ядовитую эпиграмму на постановку «Леса»:

«Островскому везет теперь не так счастливо
И неудачи все ж пришлось ему терпеть:
От «Денег бешеных» была плоха пожива,

«Горячим сердцем» он не мог нас разогреть.
Теперь является с каким-то диким «Лесом»,
С обновкой, сшитою из пестрых лоскутков,
И «Лес» провалится, подобно тем пиэсам:
Чем дальше в лес — тем больше дров».

По-видимому, и театр и критика потому еще без восторга принимали «нового Островского», что сбыклись с неким штампованным представлением о нем, как о бытописателе купечества, и с сомнением глядели на попытки драматурга найти себя в ином круге тем и образов, а порой и откровенно переосмыслить былые сюжеты. Особенно смущали критику вариации прежних типов и ситуаций: замечали «пестрые лоскутки» чего-то внешне знакомого, но не понимали их нового оправдания, связи с новой реальностью. Все это создало стойко державшуюся традицию скептического отношения ко всей второй половине деятельности Островского-драматурга.

И впрямь не нужно особой наблюдательности, чтобы заметить. что сюжетная канва некоторых ранних пьес Островского как бы повторяется внешне в его драматургии более поздних лет. «Горячее сердце» многими ситуациями и расстановкой персонажей напоминает «Грозу», «Лес» — «Воспитанницу», «На всякого мудреца довольно простоты» — комедию «Доходное место» и т. д.

С точки зрения психологии творчества тут нет ничего загадочного. Островский, подобно Мольеру и Шекспиру, не придавал большого значения новизне интриги, полагая, что главное в театре — не эффектность действия, а новый свет, бросаемый на человеческие лица, характеры людей, их отношения. Но драматург, вопреки мнению близорукой критики, вовсе не повторялся.

Отмечая, скажем, в пьесах 70-х годов большую, чем прежде, энергию интриги, темп и ритм действия, историки литературы относили это порой за счет влияния на Островского модных французских пьес Ожье, Сарду, Фелье, Скриба. Однако не вернее ли думать, что повышенный, порой лихорадочный в сравнении со старыми «купеческими» пьесами ритм жизни обязан своим происхождением не литературным источникам. Биржевые аферы, небывалые по масштабу плутни и спекуляции породили героев «Бешеных денег» или пьесы «Волки и овцы». Размах торговых сделок, всеобщая продажность, народившееся хищничество делали интригу чертой жизни, а не сценической литературы. Естественно было ждать, что в любую минуту откроется дверь и войдет какой-нибудь герой-делец, герой-пройдоха Глумов или Кучумов — и лопнет грандиозная сделка, разоблачится наглое мошенничество...

Даже в пьесах, посвященных старой теме «темного царства», Островский находит новые повороты действия и новые решения. Ведь за минувшие годы дореформенное «темное царство» с его само-

дурным произволом подалось, уступило, хотя и не оказалось уничтоженным до конца. «Безответные» и «робкие», по определению Добролюбова, жертвы самодурства стали смелее поднимать голову и требовать своих прав. «сильные» и «своевольные» вынуждены были обуздывать свои прихоти; им пришлось испытать обидное чувство ускользающего могущества.

В «Горячем сердце» (1869), где действие происходит в уже знакомом нам городе Калинове, особенно наглядна перекличка в типах и ситуациях с «Грозой»: место Дикого занимает здесь Курослепов, Катерины — Параша, Бориса — Вася и т. п. Но тем интереснее вглядеться в происшедшие перемены. «Горячее сердце» — комедия задорная, бодрая, местами даже озорная. В основе ее — своего рода уездный детектив, загадочная кража денег, расследование которой оборачивается разоблачением скандальной любовной интрижки хозяйки дома.

Расшатаны прежде нерушимые устои быта купеческих особняков. Дочь Курослепова Параша бросает родительский дом, его жена вступает в греховную связь с приказчиком и ворует для него деньги у мужа, а сам глава семейства большую часть времени проводит в состоянии среднем между сонной одурью и белой горячкой. Чудовищные картины представляются воспаленному воображению Курослепова: «небо валится», «последний конец начинается», «светопреставление». Расслабленный вином и бездействием, дошедший до умопомрачения, Курослепов не в силах примениться к веку. Где уж ему стать дельцом новейшей складки, если он путает, что наяву с ним было, что во сне. Он обречен на изживание, деградацию, потому что идеями патриархального угнетения — страха и покорности — уже не проживешь.

Здесь Островский предстает перед нами как сатирик язвительный, беспощадный. Десятилетие, отделяющее «Горячее сердце» от «Грозы», не прошло даром. Курослепов и Матрена — это измельчавшие, выдохшиеся, потерявшие силу и уверенность Дикой и Кабаниха. И в самой действительности и в сознании автора совершился переход от фигур драматических, страшных к фигурам прежде всего комическим, смешным. Но комизм этот не безобидного свойства: желчность юмора, гротескность характеристик, социальная определенность делают его близким щедринскому.

Героем новой эпохи становится Хлынов. Более циничный в денежных делах, чем патриархальные купцы, Хлынов не рассчитывает на слепую покорность и страх, в его руках другая сила — сила денежного мешка. Он возит с собой, как декоративное украшение, барина с усами, заставляет себе служить Аристарха, «за свои деньги» берет в шуты купчика Васю. С градоначальником у него налажены самые душевные отношения, поскольку за всякое свое

безобразие он готов платить штраф по сто рублей серебром. Да что там говорить, если с самой губернаторшей Хлынов чай и «кофей» пьет «и довольно равнодушно».

Но и Хлынов заражен болезнью, неразлучной, при дикости нравственных понятий, с большим богатством. Если герой «бюджета» Васильков из комедии «Бешеные деньги» находит удовлетворение в том, чтобы бесконечно наращивать капитал, Хлынов затрудняется, как его истратить. Купил, к примеру, пушку — «по его капиталу необходимая это вещь». Это безумие расточительства стоит безумия накопления. Хлынов не знает, в чем найти спасение от скуки, когда все уже перепробовано, и он «безобразничает», подобно лесковскому «Чертогону», пускаясь в самые нелепые затеи. Если каждый день устраивать кутежи, поливать садовые дорожки шампанским, стрелять в честь гостя из пушки, то и это в конце концов прискучит. И Хлынов не находит спасения даже в самых прихотливых выдумках своего «атютанта» Аристарха.

Кстати говоря, Аристарх в «Горячем сердце» — это тот же Кулигин из «Грозы», но проделавший печальную эволюцию. Талантливый ученый-самоучка, острый наблюдатель обывательского быта, он оказался теперь на службе у Хлынова. Его талант, его выдумка, которая раньше шла на изобретение громоотвода и «вечного двигателя», тратятся ныне на невероятные потехи загулявшего барина. Аристарх фонтаны в саду устроил, часы с музыкой поставил над... конюшней. Вот он, конец просветительских иллюзий!

В «Горячем сердце» весьма точно запечатлен характер пореформенного времени. Щедрин писал в «Отечественных записках»: «Хотя крепостное право, в своих прежних, осязательных формах, не существует с 19 февраля 1861 года, тем не менее оно и до сих пор остается единственным живым местом в нашем организме. Оно живет в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках. Все, на что бы мы ни обратили наши взоры, все из него выходит и на него опирается». Эти слова Щедрина были напечатаны в том же номере журнала, в каком появилась комедия Островского. Изображенная в ней картина уездного городка, в котором царят произвол и невежество, так мало согласовалась с официальным оптимизмом, что в предвидении цензуры приятель Островского актер Ф. Бурдин вставил в афишу пьесы спасительное указание: «Действие происходит лет тридцать назад...» Эта ремарка, служа громоотводом от цензуры, не могла, наверное, дезориентировать читателей «Отечественных записок». Отсылка к давним временам не мешала воспринимать комедию на современный лад. Достаточно сослаться хотя бы на блестящий комедийный очерк характера представителя местной власти — Серапиона Мардарьевича Градобоева. По-детски хвастливый и амбициозный Градобоев

будто олицетворяет собой провинциальную власть, когда является на крыльце в форменной фуражке и халате, с костылем и трубкой в руках. Калиновский градоначальник руководствуется самой натуральной крепостнической логикой, предлагая обывателям судить их «по душе», а не «по закону». «И законы все строгие,— запугивает Градобоев,— в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие». Оробевшие обыватели, понятно, живо соглашаются с градоначальником: уж лучше привычное «взыскание» костылем и работа на градобоевском огороде, чем смутная угроза каких-то «законов». Темнотой своих сограждан Градобоев пользуется, чтобы сохранять в городе средневековые порядки, драть с горожан «мерси» и «щетинку», постоянно держа их в трепете перед властью. При наружном своем благодушии городничий воюет с городом, как когда-то с «туркой» воевал, и даже по привычке называет «пленными» захваченных квартальным обывателей.

Пьеса давала возможность злободневных переосмыслений. Обозреватель «Отечественных записок» Н. Демерт писал в очерке «Из недавней поездки» *(1868, № 12)* о своих впечатлениях от русской провинции: «Всего только три года прошло, как открылись у нас земские учреждения, а посмотрите, сколько уже обнаружено различных скандалов или, нежнее выражаясь, упущений, самого гнусного, впрочем, свойства». И далее: «Природное влечение к самодурству на первых порах, пока еще не осмотрелись, тщательно скрываемое под либеральными фразами, теперь во всем своем величии обнаружилось, как вообще обнаруживается оно у всех этих Кит Китычей и Самсонов Силычей, когда им не грозит близкая опасность попасть в Яму или кутузку».

В годы, когда либералы на все лады расписывали успех в народе «новых судов», введенных после реформы, сцены суда на крыльце градобоевского дома и «средствия» «под древом» могли иметь значение весьма ядовитого намека.

Пожалуй, менее удалась Островскому лирическая линия пьесы. В монологах благородной, чистосердечной Параши чувствуется порой оттенок сентиментальности, говорит она напевно-риторически. Но примечательно, что положительные герои Островского стали куда как независимы в своих речах и поступках. Они остры на язык, несдержанны, им ничего не стоит надерзить хозяевам и легче проявить свою волю, отстоять себя.

Смирнее других пока что Гаврила — хозяин еще чувствует себя вправе в припадке досады разбить о его голову гитару, а Гаврюшка примет это как должное. Он сам страдает, что не чувствует себя «полным человеком», и «ни ходить прямо, ни в глаза это людям смотреть» не научился. Зато старый дворник Силан — этакий скептический народный наблюдатель — дерзок с хозяином, поучает

его, грубит ему: «Награбил денег, а ему их стереги!» или «Ты очувствуйся, умойся поди!» Таков его разговор.

Еще отчаяннее Параша, она дерзко препирается с Матреной. Где там прежняя бессловесность — на одно слово два! «Все, все отнимите у меня, а воли я не отдам...» — говорит она. Дом родительский Параша считает своей тюрьмой и в минуту безумного отчаяния готова даже поджечь его. Вот почему наивно-счастливая, как и пристало комедии, развязка пьесы, когда дочь возвращается под отчий кров и соединяется с бедным, но честным Гаврилой, не кажется вполне реалистической.

5

Актеры Счастливцев и Несчастливцев в комедии «Лес» (1871) встречаются на развилке дорог, у некрашеного столба с двумя указателями: «В город Калинов» и «В усадьбу «Пеньки» помещицы г-жи Гурмыжской». У художника свои география и топография. Город Калинов на условной карте Островского, приволжский городок, то ли Кострома, то ли Кинешма, уже встречался нам в «Грозе» и в «Горячем сердце». Действие «Леса» происходит, таким образом, где-то в окрестностях города, в котором живет купец Курослепов, страдает Параша, правит «по душе» Градобоев.

Но усадьба «Пеньки», благословенный уголок в заповедном лесу, где «молятся пенью, да и то с ленью», близка Калинову не только географически. Нравы крепостной поры особенно живучи в глухих медвежьих углах, в провинции.

«В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина».

Образ леса у Островского не менее глубок и емок, чем некрасовский образ тишины. Лес — это не только декорация действия и не просто тот лес, что продает Гурмыжская на сруб Восмибратову. Лес — это и символ глубокой глуши, куда едва долетает пореформенное оживление столиц. Это и образ душевных дебрей — грубых, жестоких чувств, низких поступков.

В комедии есть и сугубо злободневный элемент — провинциальная пародия на столичные разговоры, увлечение «земством». Соседи Гурмыжской по имению — туговатый на ухо, мрачный бурбон Бодаев, этот маленький Собакевич, видящий в земстве один «грабеж», и такой же крепостник в душе, но слащавая балаболка Милонов, напоминающий гоголевского Манилова и повторяющий без конца: «все высокое и все прекрасное...», — это смелый шарж, сатирическая нить, тянущаяся от «Мудреца».

Но общая постройка комедии, сделанная с настоящим художественным размахом, глубже уходит в быт, в психологию.

Знакомая история зависимой девушки, воспитанницы, угнетаемой и унижаемой своей «благодетельницей»... Впрочем, старая ханжа Гурмыжская, окружившая себя маленьким двором льстецов и прихлебателей, не столько даже страшна, сколько смешна. Она, видно, вдоволь погрешила в своей жизни и теперь, уйдя на покой, хотела бы поразить округу своей святостью, да грехи не пускают: Гурмыжская и скупа, и тщеславна, и сластолюбива. Островский находит в этом сюжете богатый источник неожиданных комедийных ситуаций.

Вот в первом акте Гурмыжская приглашает к себе в дом соседей-помещиков Милонова и Бодаева, чтобы объявить им о своем решении устроить счастье двух молодых людей — женить гимназиста Буланова на воспитаннице Аксюше. Самой хозяйке будто бы уже чуждо все мирское. Заводя глаза и напуская на себя томность, она твердит о близости смерти и ждет, понятно, от собеседников немедленных опровержений. Тщеславная барыня буквально вымогает себе похвалы у окружающих, сворачивая любой разговор на подвиги своей добродетели.

Между первым и пятым действиями проходит не более двух дней. Но когда, как условлено, Милонов и Бодаев приезжают к Гурмыжской для подписания завещания, они узнают, что отцветающая вдова, еще позавчера рассуждавшая о сладости загробной жизни, выходит замуж за недоучку Буланова, за которого прежде прочила Аксюшу. Что может быть забавнее этого скачка от завещания к брачному контракту!

Комедийная природа пьесы ярко выступает и в другом сюжетном узелке — истории денег, той самой тысячи рублей, о которой все время говорят в комедии. Эти деньги пытался прикарманить плутоватый купец Восмибратов, рассчитываясь с Гурмыжской за купленный лес. Благородный Несчастливцев, нагнав страху и воззвав к чести «презренного алтынника», вынуждает его вернуть деньги владелице. Позже, убедившись в корысти и двоедушии своей богатой тетки, лишившей его законной доли наследства, величавый трагик с помощью бутафорского пистолета забирает эти деньги себе. Тысячу рублей, которую, к радости своего беспутного компаньона Аркашки, Несчастливцев собрался было прокутить, он в порыве благородства отдает в приданое Аксюше. А так как жених Аксюши Петр — сын Восмибратова, роковая тысяча опять возвращается в карман купца.

Это путешествие денег по кругу выглядело бы почти как водевильный трюк, если бы не открывало по дороге характеры и нравы.

Психологический парадокс — «перевертыш» — положен в основу пьесы. «Комедиант» Несчастливцев оказывается человеком высокого бескорыстия, гордым романтиком, а те, кто относится к нему как к неудачнику и отщепенцу, в жизни ведут себя, как неловкие актеры и площадные шуты.

Когда Несчастливцев в конце пьесы обличает дремучий «лес», в котором задыхается Аксюша, оскорбленная Гурмыжская бросает ему ядовитое словцо: «Комедианты». «Комедианты? — величественно гремит в ответ трагик.— Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты — вы...».

В самом деле, даже лексикон Гурмыжской выдает в ней дурную актрису, притворщицу. «Из роли вышла», «эта глупая комедия с родственниками», «заставлю играть комедию» — слова как нарочно лепятся вокруг театра. Предложив деньги племяннику и тут же опамятовавшись, Гурмыжская укоряет себя: «С чего это я расчувствовалась! Играешь, играешь роль, ну и заиграешься». В сознательном притворстве с Гурмыжской соперничает Буланов. Аркашка подтрунивает над Несчастливцевым, утверждая, что Буланов — в амплуа «первого любовника» при Гурмыжской —«получше вашего-то роль сыграет».

Рассчитанное лицедейство превращает всю жизнь Гурмыжской и Буланова в грубо разыгранный фарс. Перед нами будто «комедия в комедии», где «благородные» герои — шуты, а актеры — герои.

В «Лесе» Островский, по счастливому выражению А. И. Южина, вплетал в серый быт «золотые нити романтизма». Мотивы возвышенной драмы, мотивы романтические вносят в пьесу Аксюша и Несчастливцев.

Фамилия трагика вовсе не намекает на какую-то особую его неудачливость. Сам Несчастливцев определяет ее тайный смысл: «Подлости не люблю, вот мое несчастие».

В этом актере есть что-то рыцарское, донкихотское. Его возвышенная риторика иной раз смешна, театральна, а поступки напоминают порой бой с ветряными мельницами — пусть! Зато чистота, благородство его побуждений ставят его на высокий человеческий пьедестал. Несчастливцев хотел бы повсеместно утвердить справедливость, и потому он повергает в смятение обнаглевшего Буланова, вызволяет из беды Аксюшу, а главное, громко, на весь театр, провозглашает идеи добра, милосердия, чести, дорогие и самому автору.

И конечно, как пересмешничающая тень, как комические обертоны трагического баса, как Санчо Панса при своем Дон Кихоте, вьется рядом с ним Аркашка: битый, униженный, насквозь земной, привыкший ценить мирские блага вплоть до жалкого прихлебательства и все же сохраняющий в этом своем ничтожестве обаяние про-

стоты и здравого смысла, а к тому же еще и какой-то актерский кодекс чести.

Действие «Леса», как и большинства пьес драматурга, развертывается в пределах резко полярных и несколько отвлеченных противоположностей: богатства — бедности, счастья — несчастья, лицемерия — прямоты, жадности — бескорыстия и т. п. Но в простоте и стойкости этих моральных аксиом Островского есть своя сила: безусловность коренных понятий о достоинстве и справедливости, которые всегда жили в народе и противостояли болезненной изощренности и искушенной лжи.

Да к тому же в самых простых положениях и лицах Островский силой своего таланта находит огромное разнообразие живых красок, отмечающих движение, обновление жизни.

Так, Аксюша в «Лесе», подобно Параше из «Горячего сердца», уже иной тип девушки, чем ее предшественницы в ранних пьесах Островского. Аксюша сознательно отстаивает свое право на любовь и свободу выбора, ведет себя со своей благодетельницей независимо, дерзко, едва ли не смеется над ней.

«Своя ты или чужая?» — спрашивает Аксюшу Петр. «Своя, милый мой, своя»,— отвечает она. Именно оттого, что Аксюша «своя», что есть у нее чувство человеческого достоинства, ее не выдашь насильно замуж и не заставишь полюбить немилого. Над ней нет страха старших, и не зря барыня досадует, что нет у нее «ни благодарности, ни готовности угодить». И лишь проклятая бедность, денежная зависимость калечат ей жизнь, едва не доводят до самоубийства.

Великодушный порыв Несчастливцева приносит Аксюше освобождение от домашней тирании, позволяет выйти за Петра. Но эта обязательная для комедии счастливая развязка, какой трудно было ожидать, как и в «Горячем сердце», похожа на сказочное чудо, на редкую удачу, вовсе не вытекавшую с безусловностью из положения вещей.

6

Две пьесы, написанные Островским в 1871 году, вновь переносили воображение зрителя в милое автору Замоскворечье. Это комедии «Не все коту масленица» и «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Если вторая из этих комедий как бы напоминала о московской старине («Действие происходит лет 30 назад...»), то первая, уж во всяком случае, воскрешала дни недавние.

За комедию «Не все коту масленица» Островского тоже порой упрекали в повторении былых тем и образов. Упрекали незаслуженно. Правда, сюжетная канва пьесы напоминала отчасти «Семейную картину», где старик Ширялов собирается жениться на молоденькой

сестре своего приятеля Пузатова, а сам образ Ахова был чем-то сродни Титу Титычу Брускову из комедии «В чужом пиру похмелье». Но в том и состоял интерес новой пьесы драматурга, что спустя почти два десятилетия он заглянул в те же уголки Замоскворечья и пригласил на суд зрителя знакомые ему прежде лица. Взяв прежнюю драматическую канву, Островский как бы ставил социально-художественный эксперимент: что тронулось, переменилось и что осталось незыблемым в «темном царстве».

Впрочем, перемены эти обнаруживались не сразу. Казалось, пьеса «Не все коту масленица» погружала зрителей все в тот же вековой мещанский и купеческий быт. Та же скука замоскворецких домишек, те же разговоры матери с дочерью за пяльцами, то же жадное высматривание женихов... Да и богатый купец Ахов в первой сцене представлен так, будто ничего не случилось и веяния времени не затронули его. Разве что стал он еще богаче и, чтобы повеличаться перед людьми, купил себе старый княжеский дом в сорок комнат, ненужный и обременительный, в анфиладах которого новый хозяин рискует заблудиться.

В начале пьесы Ахов, кажется, на вершине могущества: он достиг всего, чего желал, владеет всем, чем захочет. Но откуда в нем этот неумолчный зуд испытать пределы своей власти, придумать что-то, чтобы еще раз убедиться в ее безграничности? Ради такой проверки и затеял он, в сущности, жениться на Агнии, которая ему во внучки годится. Ему нужна уверенность в том, что всякая его прихоть исполнится, и женитьба на молоденькой девушке — это тоже род испытания его могущества, что-то подобное покупке огромного, ненужного ему дома у разорившейся княжеской семьи.

Начало пьесы, ее сценическая экспозиция не предвещают неожиданностей: устои самодурной власти незыблемо крепки и даже не видать ниоткуда хоть малой угрозы ей. Племянник Ахова Ипполит робок, труслив и во всем покорен хозяйской воле, даже когда богатый старик выставляет его ничтожным шутом в глазах любимой девушки.

И все же, если взглянуть внимательнее, уже в первой сцене заметно, что любезный сердцу самодура былых времен мир безропотных домашних, угодливых приказчиков, безответных девушек отходит в невозвратное прошлое. На упрек матери: «Много очень воли ты забрала»,— Агния с насмешкой отвечает: «Заприте»; и мы понимаем, что этот старинный способ замоскворецкого воспитания стал уже невозможен. Где-то очень глубоко — в подпочве личных отношений, в бытовых нравах — сместились прежние понятия, и их нельзя повернуть к былой патриархальной «добродетели». Мать бранит Агнию за поцелуй с Ипполитом, и дерзкая, бойкая на язык девушка отвечает так, как не рискнула бы ответить ни одна из ее

предшественниц в «купеческих» пьесах Островского: «Эка важность, поцеловал!.. Вот, кабы укусил, это нехорошо». При такой свободе понятий заранее можно предположить, что и самодурным притязаниям будет дан серьезный отпор.

Да и при всей самоуверенности Ахова в начале пьесы мы чувствуем странную шаткость его положения, так как распад уже коснулся самой сердцевины его личного быта — семьи. Из речей словоохотливой, неглупой Феоны мы узнаем, что один сын Ахова, не выдержав притеснений и издевательств, бросил дом отца, другой сын, Григорий, ударился в гульбу и в припадке белой горячки то топит людей в реке, то палит в народ из ружья с балкона. А сам обреченный на одиночество отец семейства блуждает в сумерках по своему огромному дому и благим матом вопит «караул», так что гул идет по комнатам. Это ли не щедринская картина семейного распада?

Но Ахов на то и самодур, чтобы не ощущать ветра перемен, а ощущая его, назло очевидности не признавать его за что-то реальное, имеющее отношение и к его жизни.

Островский много раз рисовал и дорисовывал тип самодура в своих пьесах, но, может быть, нигде психология, внутренняя логика этого сорта людей не были переданы им с такой отчетливостью, как в образе Ахова. Не алчность накопителя на этот раз в поле зрения Островского, не плутни толстосума. Его интересует сам механизм отношений самодура с людьми, богатство как форма власти.

Ахов сам объясняет, чем «лестно» ему богатство: «Что захотел, что задумал только — все твое». И самая сладость для самодура — владеть не просто имуществом, вещами, но распоряжаться судьбами людей, испытывать силу своей власти над ними. Тщеславие Ахова более всего согревает мысль, что жизнь «может, не одной даже сотни людей в наших руках...».

И в семье и на собственной фабрике Ахов всем лишний, всех угнетает. Ему нужно постоянно лелеять в себе ощущение власти, получать новые и новые подтверждения своего господства, а поскольку никаким реальным делом Ахов не занят, все свои дни он проводит в том, что ворчит, понукает, указывает, попрекает. «Вот и бродит спозаранку,— рассказывает Феона,— и по двору бродит, и по саду бродит, по сараям, по конюшням бродит. Потом на фабрику поедет, там тоже только людям мешает...».

Притязания Ахова безудержны, наглы: десять лет он эксплуатирует своего племянника Ипполита в конторе, не платя за это ни гроша, и внушает, что делает благодеяние ему. С бесцеремонной уверенностью, что богатству все поклонятся, требует он руки юной Агнии. Почему, однако, люди, будто теряясь перед напором самодура, долго не решаются оборвать его?

На этот психологический феномен обратил внимание еще Добролюбов в своей статье «Темное царство». Критик замечал, что жертвам самодурства мешает бунтовать, как это ни парадоксально, чувство законности. Самодуры успели им внушить, что закон, традиция на их, самодуров, стороне, а поскольку в законах забитые люди обычно не сильны, им приходится принять на веру, что мир на законном основании устроен так, как этого хочется самодурам, и выступать против них лично значило бы посягать на закон.

Но в комедии «Не все коту масленица» понятие «законности» самодурного гнета уже дает трещину. Интересен в этом смысле спор о законах между Ипполитом и Аховым. Ипполит выкрикивает в запале, что «закон теперь есть и права» (смутный намек на реформы 60-х годов, в частности, судебную реформу, определявшую права личности). «Какой для тебя закон писан, дурак? — обрезает его Ахов.— <...> Написаны законы, а вы думаете, это про вас. Мелко плаваете, чтобы для вас законы писать. Вот покажут тебе законы! Для вас закон — одна воля хозяйская...».

И все же времена другие, и самые безропотные, немые люди решаются на бунт против самодурства. Островский строго верен житейским, реальным мотивам и никогда не станет ради тяги к идеальному прикрашивать людские характеры. Вдова Круглова опутана всеми предрассудками среды, и душа у нее, как сама она признается, «коротка», уступчива перед деньгами. Но после некоторой внутренней борьбы, вполне жизненно изображенной, побеждает в ней отвращение к самодурам, от которых она еще смолоду натерпелась, и она отказывает Ахову в его притязаниях на руку дочери. Еще решительнее и своевольнее сама Агния. Для нее — что греха таить — тоже немалый соблазн выйти за богатого. Это отнюдь не героиня драмы, а персонаж комедии. Но, глядя, как обходится она со своими женихами, мы сознаем, что Агния в корне натура здоровая, честная и прямая, хоть по необходимости и подчиняющаяся порой ходовым понятиям. Досадуя на трусость Ипполита, Агния подстрекает робкого героя и толкает его на войну с хозяином.

Ипполит под конец завоевывает наши симпатии, но как мало идеализирован он у Островского! В нем мы видим все черты лакейской «галантерейности», склонность к изъявлению «тонких чувств», бумажные цветы полуобразованности. Работяга, «мученик» и неудачник, он в самой своей «войне» с хозяином способен лишь на такие средства, как напугать его угрозой самоубийства и добиться получения своих же денег этой «игрой ума». И все же если слабый, робкий, смешной Ипполит решает «взять на себя смелость» и «осадить» хозяина, если лейтмотивом этой роли проходит его желание стать «вполне человеком» — это что-нибудь да значит.

Самые тихие, безгласные, зависимые люди начинают бунтовать против самодурства Ахова, и эта черта меняющегося времени — предвестие конца «темного царства». Островский блистательно разрешает комедию, заставив разбушевавшегося самодура претерпеть два жестоких конфуза. Ипполит, сыграв с ним дерзкую шутку, забирает у него свои деньги, а Агния с матушкой отказывают ему в его матримониальных притязаниях и объявляют женихом молодого конторщика.

Но и это еще не главное поражение для самодура. Он готов был бы примириться с неудачей, если бы при этом зависимые от него люди не проявили досадную непокорность. Уже согласившись с необходимостью отдать Ипполиту пятнадцать тысяч рублей, он требует, потом просит, потом молит, чтобы тот ему за это поклонился. «Мне твоя эта непокорность тяжелей, чем эти самые пятнадцать тысяч»,— признается он. И точно так же, поняв, что он не добьется руки Агнии, Ахов сетует на самовольство двух женщин, на то, что ему от них «почета нету»: «Ты думаешь, я в самом деле, что ль, влюблен? Тьфу. Одно мне больно, одно обидно: непокорность ваша».

Непокорность — главный грех против власти самодурства. Лучше жестоко накуролесить, созоровать, даже наступить в чем-то на самодурные интересы, но при первом же окрике склонить повинну голову, принести заверения в покорности — и тебя простят. Даже видимость раскаяния, видимость послушания скорее сойдут для самодура. Пьяный, беспутный, допившийся до чертиков Гришка бьет лбом об пол, и Ахов готов простить его скорее, чем ушедшего из отчего дома нераскаянным другого сына, хотя бы тот и вел себя добродетельнее и смиреннее. Любой проступок, любую выходку самодур готов снести, если ему поклонятся: тут не затронут сам принцип самодурной власти. Непокорство в корне подрывает его.

В конце комедии Ахов сам предлагает устроить свадьбу Агнии с Ипполитом, заплатить большие деньги, лишь бы они согласились еще разок унизить себя перед ним. В его разнузданном воображении рождается сладкая картина, как прямо из церкви жених с невестой являются в свадебном экипаже к его воротам и метлами разметают ему двор до крыльца, а он с гостями, сидя на балконе, над ними вволю куражится... Отказ от столь выгодного предложения совсем сбивает его с толку.

В финальной сцене он изливает на них самое искреннее, самое добросовестное негодование. Его будто оскорбили в лучших порывах. Он не может понять, что случилось с людьми, и клянет «развратное время» в страстном монологе, напомнившем одному из критиков — современников Островского — монолог городничего («Чему смеетесь?») в гоголевском «Ревизоре».

Быть может, драматург и поспешил немного, думая, что самодурам настал «великий пост» и пора петь им отходную, но его оптимистическая вера в победу добра, смелости и «непокорства» сама по себе приближала эту победу.

Пьеса «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871) задумана иначе, чем «Не все коту масленица», да и большинство других комедий Островского этой поры.

В «Отечественных записках» конца 60-х — начала 70-х годов появлялись обычно его пьесы, пронизанные токами времени, освещенные светом *этой* минуты жизни, где и сами характеры — как в «Бешеных деньгах» или комедии о «мудрецах» — совокупный портрет времени, а сюжет — его концентрированное выражение. «Не было ни гроша...» явление другого рода: в центре пьесы, по существу, один характер, и он интересует автора как тип человеческих страстей — давних, извечных и, во всяком случае, долговременных в своей устойчивости. Прочие лица комедии, разветвления ее сюжета нужны, по преимуществу, как световой фон для прорисовки этого типа.

Действие пьесы происходит «лет 30 назад, на краю Москвы». На этот раз дистанция времени — не цензурная уловка. Впрочем, скопидом и богач Крутицкий, кутающийся в драную, заношенную шинель, мог, наверное, существовать и в 40-е и в 70-е годы. Мало зависел от времени и общий колорит московского захолустья: разваливающиеся домишки, покосившиеся заборы, чахлые садики, где на столиках кипят самовары и идет общая жизнь нескольких дворов, и тут же сомнительные притоны, где сбывают краденое,— и бедность, бедность.

Портрет старого подьячего, награбившего когда-то денег с просителей в суде, всю жизнь пускавшего их в рост, а теперь, в одежде бедняка, дрожащего над своим тайным богатством, тем неотразимее, что дан он не внешне-обличительно, а изнутри. Крутицкий одержим и жалок, замкнут, несчастлив и одинок. Для Островского это еще один вариант болезни, порожденной властью денег: не расточительство, не проматывание «бешеных денег», не попытка извлечь из них хотя бы усладу власти, а глухое подпольное накопительство, ставшее манией.

Критика вспоминала пушкинского «Скупого рыцаря», шекспировского Шейлока, и не напрасно. Но, погруженный в мещанский быт, замоскворецкое захолустье, Крутицкий еще и по-бытовому достоверен: своей подозрительностью, страхом, болезненной оглядкой и бесчувственным тиранством над близкими. Жадный, ворчливый, полупомешанный старик, он ради денег никого не пожалеет:

ни жены Анны, всю жизнь побирающейся по чужим домам, ни молоденькой племянницы Насти, ни самого себя.

Мир мещанства, захолустья — жестокий мир. «Из-за малости готова я съесть человека...» — признается в пьесе Фетинья. И бедность, если и не порок, то, вопреки надеждам молодого Островского, не прибавляет она ни гуманности, ни благородства. Настя стыдится своей нищеты, стыдится, что ситцевые рубашки на продажу шьет и денег на чай с сахаром не имеет. Бедность не красива и не располагает к великодушию. Анна, двадцать лет выпрашивавшая по домам то кусочек сахару, то огарок свечки, сама жестока к молоденькой Насте и толкает ее к пущему унижению. Но вся эта надрывная картина бедности нужна драматургу прежде всего для того, чтобы резче выставить потерю старым скрягой образа человеческого.

Автор комедии торопливо сводит концы: повесившись, Крутицкий поневоле оставляет свое богатство Насте, которая теперь может выйти замуж за любимого и беды не знать. Но в памяти зрителя остается не это диковинное благополучие, заранее обещанное веселым заглавием, и даже не мастерски очерченный по обыкновению замоскворецкий быт (объяснения с Ларисой дурачка Елеси, этого нового Миши Бальзаминова, разговоры Фетиньи и Мигачевой), а зловещее и драматическое «упразднение» всего человеческого в скупце Крутицком, доходящее до трагического абсурда и самоуничтожения.

Новый взлет драматического таланта Островского на рубеже 60-х и 70-х годов не был по заслугам оценен современниками. «В настоящее время,— с горечью писал Островский в 1871 году,— мы, нехитрые художники, и особенно я, не слышим себе ничего, кроме брани, или, что еще хуже, снисходительные похвалы свысока» *(ПСС, XIV, 206)*.

Все привыкли, что новогодняя (январская) книжка «Отечественных записок» неизменно приносит подписчикам журнала новую комедию Островского, что в начале каждого сезона зрителей ожидает одна, а то и две премьеры его пьес, и в газетах даже ворчали на эту изумительную «плодовитость» драматурга. Новизна и значительность его работы стала очевидной лишь на расстоянии, когда оказалось возможным окинуть беспристрастным взором то, что было им создано как бы «по случаю» и «к очередному сезону».

Судьба русского театра в последующее столетие показала, каким запасом художественной долговечности обладали пьесы, написанные Островским за четыре года — с 1868 по 1871 год.

В. Лакшин

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1868, № 11, стр. 121—210.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ПД)*;
цензурная театральная копия *(ЛГТБ)*;
две театральные писарские копии *(ЛГТБ)*;
три театральные писарские копии *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями:

Стр. 43, строка 25
«постойте же» *вместо* «постой же» (*по ЧА, ЦТК, ТИК*).

Стр. 44, строка 23
«хоть изредка» *вместо* «вот изредка» (*по ЧА*).

Стр. 49, строки 6—7
«Т у р у с и н а (грозно). Тише.

М а н е ф а. Что вы бельмы-то...» *вместо*

«М а н е ф а (тише). Что вы бельмы-то...» (*по ЧА*).

Стр. 52, строка 19
«главной идеи» *вместо* «главной цели» (*по ЧА*).

Стр. 53, строка 16
«грандиозности» *вместо* «грациозности» (*по ЧА*).

Стр. 57, строка 7
«немного подленек» *вместо* «немного надменен» (*по ЧА, ЦТК*).

Стр. 70, строка 24
«я ее урезонил» *вместо* «я урезонил» (*по ЧА*).

Е. Прохоров

В начале сентября 1868 года Островский писал Ф. А. Бурдину из Москвы: «Я как приехал, так сел за дело, теперь у меня пишется большая комедия «На всякого мудреца довольно простоты», но ты помолчи пока: в сентябре я ее кончу...» (*ПСС, XIУ, 166*). Бурдин торопил Островского с пьесой для своего бенефиса. 31 сентября — 1 октября автор вновь сообщал ему: «Пьеса моя — комедия в 5 действиях «На всякого мудреца довольно простоты» кончена будет непременно к субботе и выслана в Петербург 8 числа октября. Ранее невозможно, сюжет так серьезен, что торопиться никак нельзя, особенно важен последний акт, который надо отделать хорошенько. 9-го ты получишь пьесу непременно» (*ПСС, XIV, 168*).

Первоначально комедия должна была называться «Дневник, или На всякого мудреца довольно простоты». Основной план ее сложился у Островского уже на ранних этапах работы и не претерпел существенных изменений. Сохранилась краткая запись плана: «1. Дома.— 2. У ханжи.—3. [Либерал] у дяди.—4. У Закрев<ского> — 5. Дома.— У невесты» (*ПД*).

Сохранившийся черновой автограф пьесы (*ПД*) имеет в конце рукописи авторскую дату: «7 октября 1868 г. 11 ч. 20 м. ночи». Текст его значительно отличается от первопечатного.

Упоминание в *ЧА* графа Закрутицкого или графа Закрутского, так же как и более раннее указание в плане: «у Закрев<ского>», наводит на мысль о прототипе генерала Крутицкого в комедии. Граф А. А. Закревский, военный генерал-губернатор Москвы с 1848 по 1859 год, был упрямым ретроградом и солдафоном-невеждой. Островский лично встречался с ним в начале 50-х годов, когда решалась судьба комедии «Банкрот» и других его первых пьес (см. об этом подробнее: *«Новый мир», 1969, № 12, стр. 225—229*). Городулин первоначально был назван Новинским и охарактеризован как «молодой генерал из штатских». Фамилия Городулин была придумана Островским позже — от «городули», что означает «вздор, болтовня, вранье» (см. *Материалы Островского для «Словаря русского народного языка».— ПСС, XIII, 311*).

Труднее всего, как видно по *ЧА*, давались Островскому первое и второе действия пьесы, их экспозиция и особенно все те места, которые связаны с фигурой Глумова. Первоначально Глумов был назван Лазутиным и в нем рельефнее оттенялись «молчалинские» черты подхалимства. Мотив «глумовщины», злого и наблюдательного ума, явился позднее.

В ходе работы над первым действием Островский сократил растянутую экспозицию и пожертвовал некоторыми репликами и монологами, в частности любопытным монологом Глумова, раскрывавшим весь замысел героя-подлеца: «Сблизиться с дядей, это первый шаг, он познакомит меня с Кр<утицким>, с Город<улиным> — все это прият<ели> Турус<иной>, мне бы только войти к ней в дом, а уж я женюсь непременно. Это второй шаг — полюбезничать с теткой и через нее сблизиться с сильными мира сего,— больше всего мне бы хотелось сойтись с Кудимовым, с молодыми генералами довольно либерального направления, на хорошем счету, они любят и ценят умных людей — вот затем можно попасть на видное место,— это третий шаг. [Кроме того, Кудимов родственник графу Закрутскому]. Через Турусину, старуху, можно будет найти дорогу к старым тузам, например, к графу Закрутскому, оказать ему какую услугу, исполнить какое-нибудь поручение — это значит рекомендация к Министрам: вот четвертый шаг.— А из всего этого произойдет, что я через два-три года буду Вице-Губернатором с молодой красавицей женой и с большими деньгами; с этим шагай как хочешь и куда хочешь» (*ПД*). Этот монолог дополняла и другая, вычеркнутая Островским в окончательном тексте, тирада Глумова: «Все ползут, все ищут, карабкаются, чтобы упрочить себе видное положение и набрать побольше денег; у всех на устах благо отечества, а в сущности он ползет ползком... или кувыркается из-за чина, или из-за хорошего жалованья. Пойдем и мы за тем же, только с бóльшим умом и тактом и с бóльшею смелостию, потому что знаю, с кем имею дело» (*ПД*). Резкость этих монологов позволяет думать, что, сокращая их, автор руководствовался не только худо-

жественными соображениями, но прибегал и к своего рода автоцензуре.

Третье действие (в доме Турусиной) написано почти без помарок и переделок, четвертое и пятое действия, помимо некоторых сокращений и иной редакции отдельных реплик, не имеет в *ЧА* принципиальных отличий от первопечатного текста.

По окончании переписки копия пьесы около 13—14 октября была отправлена в Петербург, 16 октября разрешена драматической цензурой (дата на цензурной копии *ЛГТБ*), а 19 октября одобрена Театрально-литературным комитетом (*ПСС, XIV, 301*).

Но 20 октября Островский пишет Бурдину: «Любезный Федор Алексеевич, при торопливой переписке в 5-м акте пропущена целая тирада. Я теперь только хватился. Вот она: После слов Глумова «и каждый честный человек иначе к вам относиться не может» должно быть: «Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг о друге, только не в глаза. Если бы я сам прочел вам каждому отдельно то, что про других писано,— похвалив, разумеется, в глаза того, кому читаю, вы бы мне аплодировали, вы бы превозносили мое остроумие. Нет, господа, если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас похитил мой дневник. Вы у меня разбили все, отняли деньги, отняли репутацию и гоните меня — вы думаете, что это все, тем дело и кончилось! И вы думаете, что я вам прощу! Нет, господа, горько вы пожалеете обо мне. Прощайте!» (*ПСС, XIV, 169.* В этом тексте есть небольшие расхождения с печатным текстом комедии См. *наст. изд., стр. 79*).

«Пропущенная тирада» Глумова есть в *ЧА*, но находится она внизу страницы, после окончания пьесы: создается впечатление, что она не пропущена при переписке, а написана уже после изготовления копий. В цензурной и театральной копиях *ЛГТБ* этой вставки нет. В театральных копиях *ММТ* она написана на отдельных листках бумаги и приложена к последним страницам текста.

Копии *ЛГТБ* близки по тексту к *ЧА*, как и копии *ММТ*. Однако отличительной особенностью последних является довольно большая правка, внесенная в текст карандашом и чернилами, разными почерками. Участие Островского в этой правке ни в одном случае не определено с безусловностью. В большинстве случаев правка в копиях *ММТ* приближает текст к первопечатному.

Не установлено, читал ли Островский корректуру пьесы при ее публикации «Отечественными записками». Возможно, именно об этой комедии идет речь в условно датируемом письме Н. А. Некрасова Островскому: «Из комедии прочел только два акта и сдал в типографию; по началу видел в пьесе задатки истинного комизма. Как прочту всю пьесу в корректуре, напишу Вам подробно. Не сердитесь, что не послал Вам корректуры, некогда» (*Некрасов, т. XI, 117.* Н. П. Кашин датирует это письмо 19 октября 1868 г.— См. *«Литературное наследство», № 7—8, М., 1933*).

Первые критические отзывы на комедию Островского несли на себе печать растерянности рецензентов перед новой манерой автора: злободневную сатирическую комедию пытались мерить привычными мерками бытового реализма.

«Пьеса эта,— писал критик «Современной летописи» *(1868, 10 ноября)*,— совершенно выходя из круга обыкновенной литературной деятельности нашего драматурга, перенося нас в совершенно другую среду, нежели та, которую до сей минуты так неутомимо рисовало нам его художественное перо, не дает нам на этой новой почве той полноты впечатления, к которой привыкли мы в пьесах г. Островского; это, по мнению нашему, почти не комедия, это скорее сцены современной жизни, сцены художественно верные, написанные мастерскою, опытною рукой, но сцены отрывочные, наскоро связанные между собой...».

Рецензент находил, что личность Манефы «страдает преувеличением», лицо Голутвина «утрировано и почти совершенно лишнее в пьесе». Мамаев также отличается «шаржировкой», а гусар Курчаев — тип слишком «пустой и ничтожный».

Критик «Санктпетербургских ведомостей» Незнакомец (А. С. Суворин) не понял и не принял сатирического, «щедринского» начала комедии. Он отметил, что в пьесе «есть сцены, очень хорошо написанные, диалоги блестящие, часто дышащие остроумием», но основные характеры пьесы показались ему неправдоподобными или слишком мелкими. «О, если бы консерваторы,— писал Суворин, разбирая образ Крутицкого,— были так откровенны и так глупы, то не с кем было бы бороться и нечего было бы опасаться. Эти развалины возбуждают только смех и жалость...»

Суворин упрекал драматурга в заимствовании конца комедии из «Ревизора» Гоголя [1], находил искусственной завязку и развязку пьесы. «Начав водевилем,— замечал Суворин,— он написал два с половиною акта комедии, потом снова заключил водевилем». Искусственной представлялась Суворину сама интрига пьесы: «... в новой комедии случай, и притом самый глупый случай, играет чуть не первенствующую роль. Сам герой подчиняется случаю и от случая погибает; самый герой этот — вовсе не тип, а случайность, положение его — не типическое, а случайное, зависящее от глупого дяди, страдающего порывом к проповедям и к осмотру ненужных ему квартир ⟨. . .⟩ Для того чтобы вознестись Глумову до той высоты, на которую он поднялся, сколько надо было искусственных пружин: оригинальный дядюшка, влюбчивая тетушка, дурак Городулин, дурак Крутицкий, дура Турусина, целый сонм дураков». Подвергнув комедию довольно скептической критике, Суворин вместе с тем должен был признать, что новая пьеса Островского стоит «выше... его исторических хроник» и «оставляет далеко позади себя толпу драматических изделий» иных российских авторов *(см. «Спб. вед.», 1868, 3 ноября)*.

Это последнее суждение поддержала и газета «Неделя» (*1868, № 48*). «... Заявим свое удовольствие в том,— писал ее театральный обозреватель,— что автор «Минина», так долго увлекавшийся иллюстрацией наших летописей, перешел, наконец, снова к бытовой стороне современного нашего общества. Несмотря на анекдотический характер новой комедии г. Островского, она имеет для нас во сто раз большее значение, чем его «Воевода» и «Василиса».

Другие органы столичной печати, не решаясь назвать новую комедию Островского неуспехом драматурга, вместе с тем почти

---

[1] Такое мнение было довольно распространенным; о том же писал 29 октября 1868 года М. Н. Островский в письме к брату-драматургу (ГЦТМ).

единодушно укоряли его в невыдержанности жанра, сатирической утрированности лиц, случайности развязки.

«Единственный упрек, который можно сделать нашему талантливому драматургу,— писало в наиболее благожелательном отзыве «Новое время» (*1868*, *12 ноября*),— это то, что он назвал пьесу свою комедией, а не картинами... В новой комедии г. Островского содержания почти нет никакого, а это длинный ряд картин, обрисовывающий яркими красками известную среду нашего общества. Что ни личность, то тип, который ежедневно встречается и сталкивается с нами в жизни. Вся пьеса — это едкая сатира на отживающее в России поколение...».

Критик «Биржевых ведомостей» (*1868*, *5 ноября*) М. Ф. (М. П. Федоров) писал в «Заметках о театре», что после неудачных исторических драм Островский выступил «вновь художником в лучшем значении этого слова...». Но тут же добавлял: «Новая пьеса, названная им комедиею, не что иное, как отдельные картинки, отдельные сцены, мастерски написанные,— и только». «Ясно, что здесь содержание является вещью совершенно побочною,— продолжал критик,— так как главная задача автора представить галерею типичных личностей, обрисовать положение общества. Чтобы обрисовать все это, г. Островский не пожалел красок; личности вышли типичны и рельефны, но местами утрированы». Подобно Суворину, рецензент «Биржевых ведомостей» упрекал драматурга в том, что вся пьеса «построена на случае», а лица, вроде Крутицкого или Манефы, сильно преувеличены и представляют «квинтэссенцию человеческих пороков».

С этим соглашался и критик «Русского инвалида» (*1868*, *3 ноября*) W. (С. А. Венгеров), утверждавший, что «большинство типов, выведенных автором, карикатурно и пересолено...».

Обширную рецензию на новую работу Островского напечатал в газете «Голос» (*1868*, *3 ноября*) укрывшийся под литерами Д. А. драматург Д. В. Аверкиев. «Новая пьеса г. Островского,— писал Аверкиев,— не есть пьеса бытовая в том смысле, как его прежние произведения. В ней г. Островский является не спокойным описывателем волнений этого быта, а сатириком общества в его современных стремлениях». Однако Аверкиев отказывал автору комедии в правде характеров: «Характеры обрисованы так, что типической, жизненной правды в них нет: они только поле (фон), по которому автор проводит сатирические черты». Тип Крутицкого казался Аверкиеву не заслуживающим серьезного внимания комедиографа: «Старички, вроде Крутицкого, не опасны, и пусть они доживают свой век в глуши: для сатиры выросли новые ретрограды, которыми драматургу не мешает позаняться». Аверкиев выражал сомнение и в правдоподобии той черты характера Глумова, которая побуждает его вести разоблачительный дневник, а в конце комедии обратиться к окружающим его «мудрецам» с саркастическим монологом. Либеральные иллюзии помешали, по-видимому, Аверкиеву оценить и жизненную цепкость и вредоносность «старичков», подобных Крутицкому, и подлинную новизну типа молодого человека с двойной душой и продажным умом.

В провинциальной прессе заметную статью о пьесе Островского в связи с ее постановкой 12 февраля 1869 года на одесской сцене поместил М. (*«Одесский вестник»*, *1869*, *18 февраля*). «Новая пьеса,— говорилось в статье,— по сюжету современно-обличительная и даже с тенденциозными поползновениями, как и все вообще произ-

ведения Островского, составляет приятное исключение в целой фаланге пьес с подобным же направлением, начиная от «Говорунов» Манна... Содержание ее — великолепная сатира на московское общество средних слоев». Критик высоко оценивал современное значение типов Глумова, Городулина и Крутицкого, подтверждая их интерес и жизненность «для нас, провинциалов».

Не согласился критик лишь с развязкой комедии, считая мотив, связанный с дневником Глумова, психологически не оправданным. Находя, что пьеса Островского «полна превосходно очерченными (правда, иногда и утрированными) характерами», рецензент «Одесского вестника» утверждал, что «как пьеса она не выдерживает критики». И все же «в ней все выкупает жизненность и современность выведенных в ней типов».

«Нижегородские губернские ведомости» (*1868*, *№ 51*) поместили статью «Два слова о нынешнем г. Островском» А. Гацисского в связи с постановкой комедии о мудрецах 10 декабря 1868 года на местной сцене. «Где этот сильный талант, дававший во время оно всю цену произведениям писателя? Где эта способность хватать жизнь живьем и показывать ее всецело со сценических подмосток? Где, наконец, эта прежняя глубокая и отчетливая мысль в новейшем произведении автора?» — забрасывал читателя гневными вопросами критик. Удачей он счел лишь третий акт комедии — сцены в доме Турусиной, но зато решительно не принял насмешки над либералом Городулиным: «В Городулине автор явно желал воспроизвести тип представителя суда,— и суда нового. Но разве можно таким пошлым и грязным образом относиться к этим представителям нового суда, людям свежим, надежды на которых возлагает вся благомыслящая часть России?»

Первая крупная журнальная статья о пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» принадлежала перу Евг. Утина (*«Вест. Евр.»*, *1869*, *№ 1*). Эта статья явилась заметным событием в литературной критике уже потому, что автор ее не только с сочувствием упоминал имя Добролюбова, как лучшего критика Островского, но и пытался использовать в своем разборе его принципы анализа. Евг. Утин горячо поддерживал интерес Островского к новой общественной среде и типам, выходящим за пределы знакомой по ранним сочинениям драматурга сферы купеческого быта. Он видел в новой комедии развитие тех начал живого общественного интереса, которые отличали «Доходное место», и, сопоставляя эти две пьесы, впервые указал на то, что Жадов и Глумов — типы молодых людей, отражающие все различие двух эпох.

Евг. Утин подчеркивал общественное значение и актуальность типов ретроградов и либералов, изображенных Островским. Считая, что Островский напрасно сделал Крутицкого слишком уж откровенным и недальновидным, Евг. Утин в то же время признавал жизненность этого лица: «Растерявшиеся Крутицкие долгое время не знали, что делать, слепо настаивали на своем, не хотели идти ни на какие компромиссы и как старые попугаи твердили одно слово: назад, назад,— и всеми силами тянули к реакции, пользуясь всяким попавшимся случаем». Высоко оценивает критик с точки зрения жизненной достоверности характер Городулина: «Городулин — это совершенно новый тип, уловленный Островским, тип, который сложился в последние несколько лет под влиянием суматохи, происшедшей в лагере слепых защитников рутины и всех основ старого, расшатавшегося здания».

Глумов для Евг. Утина тоже тип реальный, тип новейшей общественной жизни, но, несколько упрощая его характер, Утин вслед за большей частью критики считает «фальшивым» мотив глумовского дневника, вносящий в этот характер «непонятную двойственность». «Вся басня комедии, вся интрига ее довольно неудачно построена на дневнике Глумова, являющемся как бы deus ex machina, и на что так падки некоторые из современных французских драматургов, как напр. Сарду». Упрек был несправедлив, но им немедленно воспользовался критик В. Буренин, напечатавший за подписью Z свой отзыв на комедию и на статью Евг. Утина в «Санктпетербургских ведомостях» *(1869, 11 января)*. Буренин заявлял, что Глумов «герой дюжинной французской комедии, не имеющий никаких существенных и характеристических черт», и считал ошибкой Евг. Утина, что он признал типичность Глумова. Буренин недоумевал, отчего Глумов оказался столь простодушен, что разрешил себе попасться с дневником: «... даже и в среде столь жалкой, в среде личностей бессильных и глупых этот кукольный герой не может достичь ровно ничего... благодаря тому, что вздумал, как пансионерка, записывать в дневнике свои похождения». Похоже, что Буренин, бывший сотрудник «Искры», ставший продажным журналистом, обиделся, угадав в себе глумовские черты, и тем яростнее отрицал их подлинность. Впрочем, укоры за дневник Глумова, введенный будто бы лишь ради развязки и нарушающий психологическую правду образа, Островский слышал с разных сторон. «Мы сильно сомневаемся в том,— писала газета «Неделя» *(1868, № 49)*, — чтоб господин, решившийся пресмыканием и лестью проложить себе дорогу, заводил дневники для изливания своей желчи и негодования по поводу людской пошлости. Романтизм и мошенничество едва ли вяжутся между собою».

Несколько лет спустя комедии «На всякого мудреца довольно простоты» посвятил целое рассуждение в своей печально знаменитой статье «Бессилие творческой мысли» Н. Языков (Н. В. Шелгунов). «Типы ограниченности, которые дает г. Островский в глумовской компании,— писал критик,— слишком старые молчалинские типы, но сведенные из той высшей сферы, куда поместил Грибоедов Молчалина, в низшую, приказную, чиновно-мещанскую среду». Резкое обличающее слово Глумова в конце комедии Н. Языков называл выражением «творческого бессилия автора и его непоследовательности».

Статья молодого Н. В. Шелгунова была поздним отголоском самой слабой стороны писаревских статей — по внешности радикально-демократического, а по существу вульгарного взгляда на литературу. Интересно, однако, что критик отмечал родство типов комедии Островского с сатирой Щедрина. Процитировав «прожект» Крутицкого, он замечал: «Угадайте, кто это — Островский или Щедрин! Что это: сатира, карикатура, тип, шутка, ирония или фарс?» *(«Дело», 1875, № 2)*.

Историк литературы О. Миллер, суммируя несколько лет спустя эти суждения о комедии «На всякого мудреца...», сближавшие ее с Щедриным, писал: «... пошиб этой комедии отзывается несколько Щедриным; но что хорошо в сатире, то не совсем уместно в комедии» *(О. Миллер, Русские писатели после Гоголя, ч. III, Спб., 1888, стр. 307)*.

Сам Салтыков-Щедрин подхватил в комедии Островского тип Глумова и по-своему истолковал его в своих журнальных фельето-

нах и сатирических обозрениях 70—80-х годов. Глумов фигурирует у Щедрина в «Недоконченных беседах», циклах «В среде умеренности и аккуратности» и «Круглый год», в романе «Современная идиллия», в «Письмах к тетеньке» и «Пестрых письмах». В отличие от современной Островскому критики Щедрин распознал в Глумове тип человека, который при всем своем житейском цинизме мало напоминает заурядного подлеца и прихлебателя: иронический наклон ума, презрение к чужой глупости и пошлости ставят его выше окружающей среды. Щедрин еще углубил и политически заострил двойственную природу героя Островского: его критицизм, скептическую трезвость и циническое отношение к людям и жизни. Своим жизнеописанием Глумова, развернутым во времени, в разных политических ракурсах, Щедрин закрепил и подтвердил социальную значительность типа, открытого Островским. То, что Буренину или Суворину казалось искусственным противоречием, навязанным герою, непонятной его «двойственностью», Щедрин оценил как характерное новообразование эпохи.

Впервые пьеса была поставлена в Петербурге на сцене Александринского театра 1 ноября 1868 года. Ф. А. Бурдин, заботясь об успехе пьесы, выбранной им для бенефиса, сам предложил распределение ролей, имея в виду занять лучших артистов труппы. Однако роль Глумова предназначалась дебютанту — молодому Н. В. Самойлову. 15 октября 1868 года Бурдин писал Островскому: «...вчера я получил пьесу, прочел вчера один, сегодня прочел с Васильем Васильевичем Самойловым,— он просит у тебя роль Глумова для дебюта своего сына, обещая поставить его — для чего употребит все отцовские усилия и свою опытность ⟨...⟩. Для себя же он просит молодого либерала — ему очень нравится» *(Бурдин, стр. 81—82)*.

На постановку пьесы ушло не более недели. «Роли розданы, и с завтрашнего дня начинаем репетировать»,—сообщал автору Бурдин 25 октября 1868 года *(Бурдин, стр. 83)*. «Судить о пиэсе, что из нее выйдет, я по первой репетиции не могу,— писал он на следующий день,— скажу одно: все роли будут сыграны как следует, ибо участвует все лучшее, а что сделает дебютант — не знаю» *(там же, стр. 85)*.

На петербургской премьере роли исполняли: Глумова—Н. В. Самойлов (Самойлов 2-й), Глумовой — Ю. Н. Линская, Мамаева — Ф. А. Бурдин, Курчаева — П. П. Пронский, Голутвина — П. С. Степанов, Манефы — П. К. Громова, Мамаевой — А. М. Читау, Крутицкого — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Городулина — В. В. Самойлов (Самойлов 1-й), Турусиной — Е. Н. Жулева, Машеньки — Малышева, Григория — П. А. Петровский.

Той же ночью, едва отпраздновав премьеру, Бурдин спешил сообщить Островскому, не сумевшему приехать на спектакль: «Пьесу сыграли⟨...⟩скажу одно, артисты сделали свое дело (вполне по совести), пьеса очень понравилась, артистов и тебя вызывали бесчисленно, дебютант имел большой успех⟨...⟩Сбор был 700 р. по казенной цене, т. е. две трети театра⟨...⟩Хорош Директор! он не был — его не интересовало — ни твоя пьеса, ни дебютант. Славная будущность русского театра! Зато публика была отборная» *(Бурдин, стр. 86)*.

Быть может, мера успеха спектакля, на котором зал пустовал на одну треть, была несколько преувеличена Бурдиным. Но тон

газетных рецензий был все же по преимуществу сочувственный, и последующие представления прошли с нарастающим успехом. «Пьеса г. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»,— сообщала 12 ноября 1868 года газета «Новое время»,— привлекает массу публики. Комедия эта составляет самое капитальное приобретение нынешнего сезона».

Наиболее подробный профессиональный разбор спектакля поместил драматург Д. В. Аверкиев в газете «Голос» *(1868, 3 ноября)*. Аверкиев особо отметил исполнение ролей Городулина и матери Глумова, которые «были прекрасно переданы г-м В. Самойловым и г-жой Линской». Бурдин, отмечал далее критик, «в роли нравоучителя Мамаева (самой слабой у автора), был весьма недурен; нам кажется, что он изобразил слишком мягкого и рыхлого старичка. Эти два качества есть у Мамаева, но выражение их должно быть несколько умереннее». «Многое удалось г. Васильеву 2-му в роли старика Крутицкого; только одно не удалось: не вышло важного барина, каким по афише должен быть Крутицкий».

Судя по этим отзывам, петербургские исполнители несколько смягчали сатирическую силу и остроту обличения Островского. Аверкиев отметил и другие недостатки, типичные для александринской сцены той поры: достаточно вольное обращение с текстом роли, поверхностный полемизм в портретности грима. «Г-жа Жулева была хорошо гримирована для роли Турусиной, но изображала скорее притворную ханжу, чем убежденную. ⟨...⟩ Заметим еще, что у г-жи Жулевой есть дурная привычка несколько раз повторять фразу вопреки назначению автора, у которого она написана раз. Этим она мешает другим актерам, которые не могут знать, сколько именно раз она повторит данную фразу». «Г. Степанов гримировался во вводной роли прощелыжного литератора Голутвина с портрета одного из наших юмористов. Мы не сочувствуем деятельности этого юмориста⟨...⟩, согласны, что он часто касается личностей, но думаем, что он нисколько не заслуживает той кары, которую на него обрушил г. Степанов».

Сочувственно отнесся рецензент «Голоса» к дебютанту Н. В. Самойлову. Он особо отметил его «прекрасный голос», выразительную, хоть и не всегда ровную манеру игры, находя, что в целом он «вышел из испытания с полным торжеством».

«Артисты отнеслись к новому произведению г. Островского чрезвычайно добросовестно и разыграли пиесу с замечательным ансамблем»,— писал о петербургской премьере обозреватель «Биржевых ведомостей» *(1868, 5 ноября)* М. Ф. в своих «Заметках о театре». Признавая некоторую неопытность дебютанта, выступившего в роли Глумова, критик нашел для него ободряющие слова. Роль Глумова, писал он, «требует тонкой игры; г. Н. Самойлов понял это и сыграл роль весьма умно. Каждое слово говорилось им осмысленно, чрезвычайно просто, без малейшей аффектации...». «Биржевые ведомости» отметили и игру В. В. Самойлова-старшего в роли Городулина, который был «великолепен», а также Бурдина и Линскую: «...первый из них был чрезвычайно прост и типичен, а вторая создала прекрасный тип умной старухи, заботящейся о карьере сына».

Обстоятельную рецензию на петербургский спектакль поместил В. Т. в журнале «Вестник Европы» *(1868, № 12)*. Он особо выделил исполнение В. В. Самойловым роли Городулина, считая, что артист сделал это лицо «одним из самых типичных во всей пьесе». «Г. Самойлов был до того хорош, когда он прикидывался Дон-Жуаном в раз-

говоре с светскою женщиною и в либеральном разговоре с притворным либералом Глумовым, что можно было подумать, будто он копировал какое-нибудь действительное лицо,— писал рецензент.— Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловым изображаемому им типу, сделала то, что по нескольким словам г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее». Критик «Вестника Европы», отмечая аплодисменты, доставшиеся на долю Бурдина и Жулевой, считал, что П. В. Васильев в роли Крутицкого был хорош, но несколько однообразен, что Липская (мать Глумова) верно передала свою роль, а Читау (Мамаева), явившаяся после двенадцатилетнего перерыва на петербургскую сцену, была излишне холодна. Неудачно играл гусара Курчаева Пронский, выходивший почему-то, скорее всего по небрежности костюмировки, в гусарском ментике и пехотных штанах.

Особо отмечал «Вестник Европы» успех Самойлова-младшего, до той поры игравшего лишь в провинции. Он был прост, свободен на сцене и, главное, «верно передал Глумова г. Островского...». «Подводя общий итог игре г. Н. Самойлова,— писал рецензент,— мы можем сказать, что игра его очень умна и доказывает в молодом артисте действительно художественное понимание».

Начиная с третьего представления, Глумова стал играть в спектакле премьер петербургской труппы А. А. Нильский, и это лишь оттенило успех дебютанта. «Разыгрывается пьеса превосходно,— писала газета «Новое время» 12 ноября 1868 года,— но последнее время она несколько потеряла в ансамбле по случаю замены г. Н. Самойлова г. Нильским, исполняющим роль молодого Глумова».

Сочувственные отзывы о петербургском спектакле поместили также «Петербургский листок» *(1868, 3 ноября)*, газеты «Сын отечества» *(1868, 16 ноября)* и «Неделя» *(1868, № 48)*.

В московском Малом театре премьера спектакля состоялась 6 ноября 1868 года в бенефис Н. Е. Вильде. Автор принимал участие в постановке.

Роли исполняли: Глумова — Н. Е. Вильде, Глумовой — Х. И. Таланова, Мамаева — П. М. Садовский, Курчаева — Н. А. Александров, Голутвина — В. А. Дмитревский, Манефы — С. П. Акимова, Мамаевой — Е. Н. Васильева, Крутицкого — С. В. Шумский, Городулина — И. В. Самарин, Турусиной — Н. М. Медведева, Машеньки — Г. Н. Федотова, Григория — Д. В. Живокини (Живокини 2-й).

Блестящий состав исполнителей, так же как и распространившиеся по городу слухи о злободневном «московском» колорите комедии привлекли в театр много зрителей. «Пиеса эта,— отмечал рецензент «Современной летописи» *(1868, 10 ноября)*,— еще до появления своего на сцене возбудившая много толков, с нетерпением ожидаема была публикой. Театр был полон». В таких лицах, как Крутицкий, Мамаев или Голутвин, искали живых прототипов [1].

---

[1] Сорок лет спустя, в 1910 году, когда Станиславский готовил роль Крутицкого, ему, как он вспоминает, среди других фотографий и рисунков «достали даже тип генерала, с которого Островский писал Крутицкого» (*К. С. Станиславский*, Собрание сочинений в 8 томах, М., «Искусство», 1954, т. 1, стр. 427).

Спектакль имел большой успех. На премьере присутствовал автор. «Публика приняла новую пьесу чрезвычайно благосклонно, неоднократно вызывая как автора, так и исполнителей,— писала «Современная летопись».— Успех этой комедии упрочен на нашей сцене, как успех всего вышедшего из-под даровитого пера г. Островского». Как вспоминала Г. Н. Федотова, исполнявшая в спектакле роль Машеньки, «на первом представлении произошел небывалый случай. После монолога и ухода Глумова Островский был вызван несколько раз во время действия, при действующих лицах на сцене. Такого случая другого я больше в жизни не помню» (*«Рус. слово», 1911, 2 июня)*. Сам Островский вспоминал этот эпизод на склоне лет: «А было и так со мной: публика не дает артистам кончить акта и вызывает автора в середине действия; тут уж, видимо, действует пьеса, а не роль какая-нибудь» (*ПСС, XII, 338*).

Московский корреспондент газеты «Голос» поместил благожелательный, хотя и придирчивый по частностям актерской игры, отзыв о спектакле Малого театра: «Исполнение пьесы на московской сцене было чрезвычайно удачно, хотя некоторые исполнители и подбавили еще шаржу к тому, что приготовил автор. Так, г-жа Акимова в роли Манефы старалась смешить движением рук кверху. Г. Садовский в роли Мамаева изображал по костюму степенного купца, а по игре — флегму, старого генерала 〈...〉 Г. Шумский превосходно передал роль военного генерала Крутицкого 〈...〉 Главное действующее лицо — Глумова изображал г. Вильде и был хорош, потому что для этой роли нужна, по преимуществу, холодность, качество, которым г. Вильде обладает вполне 〈...〉 Г-жа Васильева чрезвычайно верно передала характер увлекающейся молодыми людьми страстной сорокалетней женщины 〈...〉 Г-жа Медведева старалась смягчить своей игрой ту карикатурность, с которой драматург отнесся к суеверной вдове...» (*«Голос», 1868, 14 ноября)*.

Отголоски впечатлений от этого спектакля дошли до нас в воспоминаниях старых театралов. Особенно выделяли современники исполнение С. В. Шумским роли Крутицкого. Д. А. Коропчевский писал: «Крутицкого Шумский играл военным генералом и придавал ему совершенно иной характер, чем петербургский исполнитель этой роли〈...〉 У последнего Крутицкий выходил глуповатым, наполовину выжившим из ума. У Шумского он был генералом «не у дел», глубоко убежденным в своей мудрости и опытности. Его страсть к поучениям и проектам была не чудачеством ничем не занятого старика, а результатом глубокого убеждения в своей правоте, желанием направить всех на истинный путь. Крутицкий Шумского был комическим воспроизведением влиятельных стариков, стремящихся направить жизнь согласно своим взглядам, и был забавен только потому, что под его стремлениями чувствовалось полное умственное бессилие. Вместе с тем исполнитель искусно придавал этому лицу оттенок новизны в виде желания проектировать какие-то реформы, внести свою лепту в общественное движение. Такой Крутицкий был самым интересным лицом в пьесе» *(ЕИТ, сезон 1895—1896, Приложения, кн. 3, стр. 42—43)*. Подобное же мнение об исполнении Шумского высказывал другой мемуарист — В. Голицын: «Крутицкий выходил у него настоящим генералом в отставке, каких в Москве бывало много и которые на самом деле думали своими «прожектами» облагодетельствовать Россию» *(«Временник Русского театрального общества», кн. I, М., 1925, стр. 43)*.

В. Голицын отмечал также заметный успех Е. Н. Васильевой: «Удивительно тонко вела она трудную роль Мамаевой, которую она взяла на себя по требованию самого Островского» *(там же)*. Сам автор писал об исполнении Васильевой: «Ее же несравненной игре в роли Мамаевой, конечно при отличном исполнении своих ролей и прочими артистами, я обязан небывалым успехом пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» *(ПСС, XII, 337)*.

Менее удачным, по свидетельству критики, было исполнение роли Глумова добросовестным, но не слишком талантливым артистом Н. Е. Вильде.

В 1876 году эта роль перешла к А. П. Ленскому, имевшему в ней исключительный успех. Ленский играл Глумова талантливым человеком, блестящим, умным, ироничным героем-подлецом. «Я никогда не видела такой полноты раскрытия образа, начиная с первого момента,— вспоминала Е. Д. Турчанинова.— Глумов у него был умный, злой, иронический; он знал, с кем имел дело, знал, как надо с кем разговаривать, и все время вел свою линию. Это было совершенно изумительно» («*Творческие беседы мастеров театра. А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова*», *М., изд. ВТО, 1938, стр. 57)*.

В 1886 году — в год смерти Островского — спектакль был возобновлен на сцене Малого театра с рядом новых выдающихся исполнителей: мать Глумова играла О. О. Садовская, Мамаеву — Н. А. Никулина, Городулина — А. И. Южин, Голутвина — М. П. Садовский. Роль Глумова до 1890 года исполнял А. П. Ленский, позднее выступавший также в роли Мамаева.

При жизни Островского в Москве в Малом театре пьеса прошла 36 раз, в Петербурге в Александринском театре 25 раз (последний спектакль в Москве состоялся 12 января 1886 г., в Петербурге— 22 декабря 1882 г.).

Выдающееся значение в истории русского театра имела постановка комедии в 1910 году на сцене Московского Художественного театра.

В своем режиссерском замысле Вл. И. Немирович-Данченко стремился сочетать чувство современности с верностью истории: «1866-й год. Очень неблагодарный в смысле внешнего стиля,— как линий, так и красок. Но, может быть, в наше время можно найти вкус в суховатости, прямолинейности и бескрасочности эпохи ⟨...⟩ Лето. Москва. Жарко. В общем тоне исполнителей самое важное — найти огромное эпическое спокойствие. Точно тысячи лет так жили и будут так жить еще тысячи лет. Только что произошла крупная реформа (61-й год), где-то появились новые люди, новые мысли, новые слова. Но сюда ворвутся только слова Городулина. Ничто не изменится. И жизнь сытая, довольная, медлительная может вызвать эпиграмму или зависть. Глупые люди. Но наивные. Наивность во всех глазах, кроме Глумова с матерью. Добродушие и наивность. Играть этих людей надо, как они прошли через мудрую, эпическую улыбку Островского... И реально и очень искренно, необычайно искренно. И жизнерадостно». В Глумове режиссер тоже стремился оттенить «огромное спокойствие, то спокойствие, с каким человек решительный, смелый до дерзости, может идти на все, не моргнув глазом. Это смелость молодости, ума и просто таланта» *(Вл. И. Немирович-Данченко, Режиссерский экземпляр «На всякого мудреца довольно простоты», Музей МХАТ, № 85)*.

Замысел режиссера был блестяще воплощен Л. М. Леонидовым — Городулиным, В. И. Качаловым — Глумовым, И. М. Москвиным — Голутвиным и другими исполнителями.

Признанной вершиной спектакля была роль Крутицкого в исполнении К. С. Станиславского. Осенью 1918 года спектакль МХТ посетил В. И. Ленин, отозвавшийся о нем так: «Вот видите ли... пьеса Островского... Старый классический автор, а игра Станиславского звучит по-новому для нас. Этот генерал открывает очень многое, нам важное... Это агитка в лучшем и благородном смысле... Все бы так умели вскрывать образ по-новому, по-современному,— это было бы прекрасно» (цит. по кн.: *С. Дрейден, В зрительном зале — Владимир Ильич, М., «Искусство», 1967, стр. 178)*.«Крутицкий томится от скуки,— вспоминала тот же спектакль актриса И. Н. Комаровская.— То расхаживает по комнате, бурча боевой марш, то деловито проверяет исправность дверной ручки, наконец, берет со стола первую попавшуюся деловую бумагу и, сделав из нее трубочку, дует через нее в стоящий тут же аквариум с рыбками, рассматривает этих рыбок через трубочку, как через подзорную трубу. Владимир Ильич от души хохотал, повторяя: «Замечательно, замечательно». В антракте Ленин не переставал восхищаться Станиславским.

— Станиславский — настоящий художник,— говорил Владимир Ильич,— он настолько перевоплотился в этого генерала, что живет его жизнью в мельчайших подробностях. Зритель не нуждается ни в каких пояснениях. Он сам видит, какой идиот этот важный с виду чиновник. По-моему, по этому пути должно идти искусство театра» *(там же, стр. 174—175)*.

«На всякого мудреца довольно простоты» и до сих пор одна из наиболее репертуарных пьес Островского в советском театре. Ее ставили режиссеры С. М. Эйзенштейн, А. М. Лобанов, И. С. Платон, А. И. Ремизова, В. Я. Станицын и другие. Исполнение ролей в этой комедии вошло вехой в творческую биографию многих мастеров русского дореволюционного и советского театра. Глумова играли Ю. М. Юрьев, П. М. Садовский (младший), М. И. Царев, Ю. В. Яковлев; мать Глумова — О. О. Садовская и В. Н. Рыжова; Мамаева — В. Н. Давыдов, Н. К. Яковлев, М. М. Яншин, Н. О. Гриценко; Мамаеву — М. Г. Савина, Е. К. Лешковская, А. А. Яблочкина; Городулина — М. М. Климов и П. В. Массальский; Крутицкого — К. А. Варламов, А. И. Южин, Н. С. Плотников, М. И. Прудкин; Манефу — В. О. Массалитинова и А. П. Зуева; Турусину — Е. Д. Турчанинова.

Стр. 9
И чтоб в этой обширной говорильне...— Говорильня — ироническое словцо, закрепленное в обиходе, по-видимому, публицистами 60-х годов. Н. А. Добролюбов называл «говорильней» парламент.

Стр. 10
Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.— В современной Островскому критике высказывалась догадка, что юмористическое издание, в котором собирается сотрудничать Голутвин,— единственный тогда в Москве юмористический журнал с карикатурами «Развлечение» (*см. «Нижегородские губ. ведомости», 1868, № 51*). Если намек понят верно и Островский в самом деле имел в виду уколоть это полубульварное, собиравшее сплетни издание,

тогда понятно, почему журнал «Развлечение» откликнулся на премьеру пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» злобно-иронической статейкой, где недоумевал по поводу обилия в ней «шутовских ролей» и уподоблял автора «малярам лубочных картин» *(1868, № 45).*

Стр. 10
...а тоже ведь наш брат, Исакий — выражение, означающее: свойский, близкий по среде или моральным качествам. Восходит к житию монаха Киево-Печерского монастыря брата Исаакия. Согласно житию, Исаакия искушали бесы, принявшие образ прекрасных юношей. После того как Исаакий поклонился одному из бесов, как Христу, они вскричали радостно: «Наш Исаакий!» (*«Патерик Киево-Печерского монастыря», Спб., 1911, стр. 128—131).*

Стр. 15
Вы понимаете после чего? — намек на крестьянскую реформу 1861 года, провозгласившую освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Стр. 21
Да мы куда-то идем, куда-то ведут нас... — намек на правительственные преобразования 60-х годов — крестьянскую, судебную, земскую и другие реформы.

Стр. 22
Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки.—Слово «мальчишки» помимо бытового имело в публицистике 60-х годов и второй, политический смысл. «...Мальчишка фаталистически обречен на нигилизм»,— передавал образ мыслей ретроградов Щедрин в очерке «Сенечкин яд» *(«Современник», 1863, № 1—2).* «Мальчишество — это преступление, за которое уличенный в нем лишается даже права апеллировать. Благонамеренный не станет даже и разговаривать с мальчишкой; «это мальчишка»,— скажет он и самодовольно пройдет себе мимо...» *(М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. 6, М., «Художественная литература», 1968, стр. 82—83).*

Писать надо, писать — больше писать.— Реальный исторический комментарий к диалогу Крутицкого и Мамаева можно найти в «Современных заметках» журнала «Отечественные записки» *(1868, № 7)*: «Известно, что по случаю совершающихся всюду реформ все более или менее влиятельные лица необыкновенно озабочены составлением различных проектов и сочинением так называемых «мнений». Для некоторых, не привыкших к такому занятию, эти «мнения» сущая каторга. Многие век свой прожили на службе и обходились без этого, а теперь вдруг наступило такое время, что как хочешь, хоть роди, да подавай свое мнение. Вот и принялись писать. И вдруг напала страсть к писанию».

Стр. 29
...я бы ей носил собачку...— Глумов нарочито повторяет Молчалина. Ср. в «Горе от ума» Грибоедова реплику Молчалина старухе Хлёстовой:

> «Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более наперстка.
> Я гладил все его, как шелковая шерстка» *(д. II, явл. 13).*

Стр. 29
...не должно сметь.— Повторение молчалинской формулы:

«В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь».

(д. II, явл. 3).

Стр. 30
Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом.— Бисмарк Отто (1815—1898) — германский государственный деятель и дипломат. Фон-Бейст Фридрих Фердинанд (1809—1886) — министр-президент и канцлер Австрии, один из основателей государства Австро-Венгрии. О Бисмарке и Бейсте много писали в газетах 1868 года. «Речь, которую г. фон Бейст произнес недавно в военной комиссии,— иронизировали «Московские ведомости»,— является, судя по всему, новым доказательством неисцелимых честолюбивых затей этого министра» *(1868, 26 октября).*

Стр. 31
Нам люди нужны.— Городулин повторяет характерную либеральную формулу 60-х годов. «...Что мы слышим от современников? Людей нам дайте, людей у нас нет! Ощущается огромный запрос на способных людей... и кто бы мог ожидать! Среди шестидесятимиллионного нашего общества не находится самого умеренного процента личностей, способных серьезно повести дело!» *(«Бирж. вед.», 1868, 17 ноября).*

Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.— Глумов перенимает тон Чацкого. Ср. в «Горе от ума»: «Служить бы рад, прислуживаться тошно» *(д. II, явл. 2)* и реплику Фамусова: «Не служит, то есть в том он пользы не находит...» *(д. II, явл. 5).*

Стр. 35
... дать вам совет по клубному делу.— В Москве в 60-е годы были два клуба, в которых могли состоять Мамаев и Городулин: Английский клуб для высшей аристократии или Дворянский клуб, более доступный для дворян средней руки и даже чиновников.

Мне в сенат нужно.— Сенат — центральное правительственное учреждение при царской особе. При Петре I в Москве была учреждена сенатская контора для сношений сената с местными учреждениями, преобразованная потом в Московский департамент сената (действовал до 1871 года).

Стр. 39
Я московская барышня, я не пойду замуж без денег ∽ и никакой чахотки со мной от этого не будет.— В печати отмечался литературно-полемический характер этой реплики Машеньки. «Заметим, между прочим, одну черту комедии Островского, не указанную критикой. Она, кроме сатиры на модный либерализм, ханжество и карьеризм, заключает еще в себе сатиру на обычный род комедий, наводнивших русский театр. Кто не видал на сцене знатной чахоточной девы, умирающей от любви к милому, но незнатному человеку? Островский в противность этой деве выставляет московскую барышню, весьма резонно рассуждающую, что от любви она не умрет, и желает только так выйти замуж, чтобы ей можно было весело жить» *(«Всемир. иллюстр.», 1869, №1).*

Стр. 42
...все трое и оказались граверы хорошие...— Островский имеет в виду реальный эпизод уголовной хроники. Л. И. Розанов в апреле 1868 года сообщал читателям в «Современных заметках» *(«Отеч. зап.», 1868, № 4)*, что Москва «занята в настоящее время, взволнована, приведена в изумление и недоумение, возмущена — таинственною историею с неким блаженным старцем, пустынником!» Пустынник, как сообщает далее обозреватель журнала, жил в лесу, устроил там подземные пещеры и собрал общину отшельников. «Пожертвования сыпались в изобилии,— пишет Л. И. Розанов,— и московские барыни и купчихи все устремились к пустыннику за утешением в горе, затем, чтобы в его бреднях узнать будущее (видя в нем, конечно, второго Ивана Яковлевича!). Вдруг пустынник исчез неизвестно куда... раздавались сожаления о постигшем его несчастии, брань мнимым гонителям. Но случайно узнается... что пустынника заключили в острог по обвинению в довольно важных преступлениях; он, оказывается, как говорят, был беглым солдатом, занимавшимся в своих пещерах укрывательством разных злоумышленников и сбытом фальшивых ассигнаций».

Стр. 44
Дела, дела. То обеды...— С конца 50-х годов с легкой руки откупщика В. А. Кокорева вошли в моду общественные обеды с либеральными тостами. «Слабость нашего времени,— писали «Биржевые ведомости»,— составляют торжественные обеды с торжественными спичами, слабый продукт общественной жизни представляют собою бездарные ораторы с торжественными физиономиями... Кого только и за какие заслуги не угощают ныне торжественными обедами! И деятелей, и ораторов, и либералов, и консерваторов...» *(1868, 22 октября)*.

...то вот железную дорогу открывали.— Газета «Неделя» писала в 1868 году о «железнодорожном ажиотаже»: «И земство, и отдельные капиталисты, а с ними и все, кто не отстает от века, погрузились теперь всецело в бесконечные соображения насчет разных линий, акций, рельсов, станций и мостов...» *(1868, № 41)*. Подводя итоги 1868 года, Л. И. Розанов отмечал «особенно сильно проявившуюся в прошедшем году потребность учреждать разные общества и строить железные дороги» *(«Отеч. зап.», 1869, № 1)*.

Стр. 45
...ей по Владимирке.— Владимирская дорога до появления железной дороги на Нижний Новгород (1862) была главным трактом, которым гнали «по этапу» в Сибирь на каторгу или на поселение. Позднее «по Владимирке» удержалось в языке как иносказательное определение каторги или ссылки.

Вот он ваш хваленый суд! — Имеется в виду суд присяжных, введенный в России согласно Судебной реформе 1864 года.

Пристанодержательство — профессиональное укрывательство участников шайки. Наказывалось по Уложению о наказаниях наравне с самим преступлением.

Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось...— В 60-е годы в России наблюдался заметный прогресс в области психиатрии. Было создано Общество психиатров в Петербурге (1861), большим успехом пользовались лекции И. М. Балинского — одного из

основателей русской психиатрии, в 1867 году создана первая клиника душевных болезней.

Стр. 46

... венгерец ∽ что мышеловки продают.— Н. В. Давыдов в воспоминаниях «Из прошлого» *(М., 1913)* рассказывает о торговле вразнос по домам в старой Москве: «Часто попадались и венгерцы, бывшие, собственно, словенцами, торговавшие мышеловками и другими изделиями из проволоки...»

Стр. 47

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! — Иван Яковлевич Корейша (1780—1861) — юродивый, имевший славу чудотворца и прорицателя. С 1817 года находился в Преображенской больнице для умалишенных, где первое время сидел на цепи в подвале. Последние годы его жизни к нему в больницу за советом и толкованием судьбы стекались толпы так называемого простонародья и люди московского «света».

Стр. 48

Пошла шабала и пришла шабала.— Шабала — пустой человек, пустомеля, болтун.

Стр. 53

Не из журналов же учиться уму-разуму.— Глумов имеет в виду дурную репутацию в глазах ретроградов демократических журналов «Современник» и «Русское слово», закрытых в 1866 году распоряжением правительства.

Стр. 54

Я не по новым учреждениям...— то есть не по учреждениям, явившимся в результате реформ 60-х годов: нового суда, земства, нового городского управления и т. д.

Стр. 58

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье...— из трагедии В. А. Озерова «Фингал» (1805), д. III, явл. последнее.

О боги! Не прошу от вас речей искусства...— из трагедии Озерова «Поликсена» (1809), д. II, явл. 4.

О матерь, слезный ток, коль можно, осуши!..— из трагедии Озерова «Поликсена», д. II, явл. 4.

При вести таковой задумчив пребываешь...— из трагедии Озерова «Димитрий Донской» (1806), д. I, явл. 6.

Стр. 59

Когда Россиянин решится слово дать...— из трагедии Озерова «Димитрий Донской», д. I, явл. 5.

Ты знаешь, что союз сей верен до того...— из трагедии Озерова «Димитрий Донской», д. I, явл. 5.

Чтоб при сопернице в измене обличить...— из трагедии Озерова «Димитрий Донской», д. I, явл. 6 (слово «сопернике» Крутицкий меняет на «сопернице»).

Стр. 73

Это странно искать добродетельного человека.— В этих словах можно видеть намек на ироническую апологию идеального героя

в «Мертвых душах» Гоголя: «А добродетельный человек все-таки не взят в герои ⟨...⟩ потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек; потому что обратили в рабочую лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем, чем попало...» *(глава XI)*.

Стр. 75
Статья называется: «*Как выходят в люди*» ⟨...⟩ *Вот и портрет с подписью*: «*Муж, каких мало*».— В № 33 от 24 августа 1868 года журнала «Развлечение» *(*см. *прим. к стр. 10)* была напечатана анонимная статья «Общество женихов — искателей богатых невест» о выгодной женитьбе некоего С., который не имел порядочного сюртука, а подхватил стопятидесятитысячную невесту. Можно предположить, что этот эпизод был использован Островским, который как раз в это время работал над своей комедией.

В. Лакшин

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1869, № 1, стр. 63—162.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
авторизованная театральная копия *(ММТ)*;
театральная писарская копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями:

Стр. 108, *строка 18*
Вставлена ремарка: «Лезет в сапог» (*по АТК* и *ТПК*).

Стр. 118, *строки 7—8*
Вставлена фраза: «Вот встречу как-нибудь ∽ чтоб поплатился» (*по ЧА*, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 131, *строки 4—5*
Вставлена фраза: «Милости просим, господа» (*по ЧА*, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 141, *строка 9*
«Марш! (хочет идти на дорогу)» *вместо* «(Хочет идти на дорогу) Марш!» (*по ЧА*).

Стр. 149, *строка 38*
Вставлена реплика: «П а р а ш а. Ты на воле?» (*по ЧА*, *АТК*, *ТПК*).

23—24 октября 1868 года Островский сообщал Ф. А. Бурдину: «Я теперь занят большой пьесой «Горячее сердце», которую закончу в ноябре» (*ПСС*, *XIV*, *170*). Однако работа затянулась: как писал сам автор, он желал «отделать этот поэтический сюжет как можно старательнее» *(ПСС*, *XIV*, *67)*. Начав работу над комедией, он вынужден был прервать ее, чтобы закончить пьесу «На всякого мудреца довольно простоты», и «только что окончив эту комедию, не сходя с места, принялся опять за «Горячее сердце» *(ПСС*, *XIV*, *67—68)*.

В декабре 1868 года пьеса была закончена. В сохранившемся черновом автографе первоначально имелся подзаголовок: «Коме-

дия из народного быта с хорами, песнями и плясками в 5 действиях». Текст *ЧА* немного отличается от первопечатного. Театральные копии *(ММТ)* в основе своей близки к тексту *ЧА*, но снимались они явно не с него: скорее всего, беловика пьесы не существовало, а копии делались под авторскую диктовку с *ЧА* [1].

В процессе этой диктовки автор немного изменял текст, а кроме того, и сами копии содержат довольно большую правку, иногда приближающую их текст к первопечатному, а иногда отдаляющую от него. Особо следует отметить экземпляр театральной копии *(ММТ)*, в котором некоторые поправки, судя по почерку, можно признать авторскими. К стр. 70 этой копии сделана подклейка, на которой рукой Островского записаны две реплики: «В а с я. То есть как цена-с? Х л ы н о в. Ты, братец ∾ по десять раз повторять» (см. *наст. изд., стр. 136, строки 26—29*). Эти строки есть в *ЧА* и были, видимо, случайно пропущены при переписке. Многие поправки в этой копии, изменяющие текст в сравнении с печатным, даже если они сделаны рукой автора; нами не принимаются во внимание при установлении текста комедии, поскольку они относятся только к сценической редакции пьесы.

28 декабря законченная пьеса была представлена Ф. А. Бурдиным на соискание Уваровской премии, не присужденной из-за «тенденциозности» комедии. 31 декабря 1868 года пьеса была разрешена драматической цензурой, а 4 января 1869 года одобрена Театрально-литературным комитетом. Даты эти имелись на ныне утраченной цензурной копии *ЛГТБ* (см.: *«Театральное наследие», т. 1, Л., 1934, стр. 158*). Бурдин сообщал автору следующие подробности: «Дела твои пока все справлены, вчера был доклад в цензуре твоей пьесы — и она прошла целиком, хотя я побаивался за городничего, которого вполне цензора боялись пропустить, основываясь на том, что нигде и ни из чего не видно, что действие происходит 30 лет тому назад. Поэтому я и вписал о сем в пьесу, да сверх того просил Лазаревского поддержать в Совете и сейчас получил известие, что все кончилось благополучно» (*Б у р д и н, стр. 86*).

Как уже сказано, эта цензурная копия ныне утрачена и потому нет возможности проверить, действительно ли в ремарке к первому действию слова «лет 30 назад» добавлены Бурдиным уже после изготовления копии (в *ЧА* нет всей фразы: «Действие происходит ∾ городе Калинове»). Но даже если это слова Бурдина, а не Островского, мы сохраняем их в тексте, учитывая, что они были уже в первой публикации пьесы. Вместе с тем можно предположить, что отсутствие в первопечатном тексте слов «Вот встречу как-нибудь ∾ чтоб поплатился» и «П а р а ш а. Ты на воле?» (см. список исправлений) объясняется вмешательством цензуры: само содержание этих реплик могло быть для нее неприемлемо. Поэтому указанные фразы восстановлены нами в тексте.

Е. Прохоров

Уже после журнальной публикации в марте 1869 г. Островский писал о своем желании вернуться к «Горячему сердцу» и «переделать эту пьесу» *(ПСС, XIV, 175)*. Однако это намерение не было им осуществлено.

---

[1] Доказательством этого служит одна описка переписчика: после слов Курослепова «и для благолепия» (д. 1, явл. 4) в копии вместо трех точек стоит слово «многоточие», затем зачеркнутое.

В январе 1869 года Островский читает «Горячее сердце» на вечере у В. П. Бегичева, инспектора Малого театра. «Чтение состоялось в весьма торжественной обстановке... Все спешили поздравить автора и выразить ему свой восторг, восхищение» *(«Восп.», стр. 393, 397)*.

После выхода журнала с комедией М. Н. Островский сообщает брату о громадном успехе ее у читателей. Высоко оценил пьесу А. И. Герцен. В письме к Н. П. Огареву от 25 февраля 1869 года он пишет: «Жаль, что ты не прочел Островс⟨кого⟩ «Горячее сердце» — тут он опять на своей колее. Весело, бойко и зло» *(А. И. Герцен, Собр. соч., т. XXX, Изд-во Академии наук СССР, 1964, стр. 45)*. Салтыков-Щедрин после петербургской премьеры (см. ниже) находит, что «пьеса лучше в чтении, чем на сцене. Некрасов же остался первыми четырьмя действиями очень доволен» *(Бурдин, стр. 89)*.

Однако газетные и журнальные рецензенты были настроены по большей части иначе.

Наиболее резкую статью поместила «Всемирная иллюстрация». Критик Е. Лунин видел в «Горячем сердце» только «разные безобразия, дикости и «правонарушения», совершаемые какими-то одичавшими, оглупевшими, оскотинившимися людьми». Вся комедия, по мнению автора статьи,— сознательная карикатура на русскую жизнь, «подбор одних мрачных или грязных сторон русского быта и отрицательное к формам этого быта отношение». Именно это побуждало критика сопоставить «Горячее сердце» и «Историю одного города» Щедрина, напечатанную в той же книжке «Отечественных записок»: «Не без улыбки прочтет оно (общество.— *З. Б.*) умственные сатурналии и судороги фантазии г. Н. Щедрина⟨...⟩ но недоумевает и обижается, видя г. Островского шествующим по одному с ними пути и на оном преуспевающего» *(«Всемир. иллюстр.», 1869, 12 февраля)*.

В том же тоне оценивается комедия «Петербургской газетой» *(1869, 2 февраля)*, «Сыном отечества» *(1869, 6 февраля)*, «Новым временем» *(1869, 7 февраля и 10 июня)* и журналом «Библиотека» («дешевая»). В этих рецензиях подчеркивается «неестественность жизни в комедии», «уродливость и бессмысленность изображаемого мира, не вызывающего со стороны мыслящего читателя ни размышлений, ни сочувствия, ни смеха» *(«Библиотека» («дешевая»), 1871, № 10)*. «Безобразие, представленное в драматической форме»,— так кратко резюмирует критик Z.Z. свое впечатление от комедии *(«Пб. газета», 1869, 2 февраля)*. А рецензент «Нового времени», подписавшийся Некто (И. Ф. Василевский), приравнивает комедию Островского к пьесам Авдеева, называя их в равной степи «перлами истекшего сезона», в которых нет отражения современной нам жизни» *(1869, 10 июня)*.

Часто встречаются упреки Островскому в повторении уже известных типов и положений. «В «Горячем сердце» все те же купцы-самодуры,все те же купчихи-самовары и все те же загнанные жертвы, как и в предыдущих произведениях»,— пишет рецензент «Нового времени». То же отмечает А. Х. в «Сыне отечества» *(1869, 31 января)*, сопоставляя Курослепова с Диким, а Парашу с Катериной. Даже весьма расположенный к Островскому критик В. К. Иванов считает многих действующих лиц комедии повторением типов, изображение которых уже исчерпано (см. *«Всемирный труд», 1869, № 2)*.

По-другому было оценено это повторение знакомых типов в рецензиях, помещенных в «Северной пчеле» и «Вестнике Европы»: «В «Горячем сердце» вновь фигурируют те же лица купеческой и мещанской среды, которые были в прежних комедиях Островского, те же семейные и имущественные между ними отношения, та же покорность и безответность одних и своеволие, самодурство и безобразие других. И несмотря на то, что эта жизнь так полно и многосторонне исчерпана в прежних произведениях Островского, в «Горячем сердце» она выводится перед нами очерченною в таких новых, не менее интересных ее проявлениях, исполнена таких существенных подробностей, что нельзя не признать и не удивляться тому, как могут быть обильны и разнообразны материалы творчества у такого талантливого писателя, каков г. Островский»,— пишет критик «Северной пчелы». Он считает особенностью «Горячего сердца» «яркость и резкость изображения жизни» *(1869, 2 февраля)*.

Видя своеобразие комедии «Горячее сердце» также в подчеркнутой яркости характеров, рецензент «Вестника Европы» Е. Утин вместе с тем упрекает автора за карикатурность, вредящую, по его мнению, «правде целого произведения». Курослепов — «типичная, хотя и несколько карикатурная фигура», Хлынову автор придал «излишнюю карикатурность, он ни разу не показал его трезвым 〈...〉 В этой фигуре, как и во всех остальных 〈...〉 нельзя не признать хорошо задуманного типа, очень удачного замысла, к сожалению только, не приведенного в исполнение, неосуществленного и невыработанного» *(1869, № 3)*.

Особый способ создания характера в «Горячем сердце» защищает статья А. С. Суворина *(«Спб. вед.», 1869, 2 февраля)*. «Может быть, это карикатура, но разве карикатура не есть доведение какого-нибудь принципа или его воплощения до первобытной, простейшей,грубой его формы?Такая карикатура существовала в самой жизни»,— пишет Суворин и многочисленными примерами снимает обвинение Островского в нарушении бытовой правды.

Статья Суворина в «Санктпетербургских ведомостях» и критика «Северной пчелы» — единственные в периодике 1869 года, принимающие новизну характеров «Горячего сердца» и выделяющие Парашу как самый «симпатичный характер пьесы» *(«Спб. вед.»)*, как героиню, которой «удалось сохранить силу характера, твердость, энергию, благородство души» *(«Сев. пчела»)*.

Лишь позднее, в 90-е и 900-е годы рецензенты дают гораздо более высокую оценку комедии. Так, критик журнала «Артист» называет «Горячее сердце» «одной из наиболее ярких и талантливых пьес в репертуаре веселых комедий всего русского репертуара» *(1893, № 31)*, а рецензент «Наблюдателя» *(1893, № 12)* оценивает пьесу как выдающееся произведение Островского.

Многие современники драматурга считали, что он плохо владеет сюжетом, что «его коренная писательская физиономия была, есть и будет — глубоко эпическая» (см.: *П. Боборыкин, Русский театр.— «Дело», 1871, № 11* и *Островский и его сверстники.— «Слово», 1878, № 8, 9—10*). Обвинения подобного рода есть и в откликах на «Горячее сердце». Комедию упрекают, с одной стороны, в вялости и отсутствии действия, затянутости многих сцен *(«Голос», 1869, 22 января; «Сын отеч.», 1869, 6 февраля)*, с другой стороны, в водевильной основе сюжета *(«Всемирный труд», 1869, № 2; «Вест. Евр.», 1869, № 3)*. Е. Утин, считающий резкость характеров комедии карикатурой, вредящей правде произведения, недоволен

тем, что серьезная комедия завязана на водевильной случайности, что сцена поимки Силаном Курослепова построена на чисто внешнем комизме... «Подобный смех должен скорее оскорблять, нежели радовать драматурга-художника»,— считает критик («*Вест. Евр.*», *1869*, № *3*). Неудовлетворенность ведением интриги выражают и другие авторы. Именно в этом видит Суворин причину неуспеха «Горячего сердца» на сцене («*Спб. вед.*», *1869*, *2 февраля*); о том же пишет рецензент «Северной пчелы»: «В ней (комедии.— *З. Б.*) много случайностей, сцен, вставленных в пьесу, видимо, для того только, чтобы довести интригу до конца... Вследствие этих вставок пьеса кажется как будто растянутою» (*1869*, *2 февраля*).

Первое представление комедии состоялось в Москве, на сцене Малого театра, 15 января 1869 года в бенефис П. М. Садовского. Роли распределились следующим образом: Курослепов — П. М. Садовский, Матрена — С. П. Акимова, Параша — Г. Н. Федотова, Наркис — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Гаврило — Н. И. Музиль, Градобоев — В. И. Живокини, Аристарх — С. В. Шумский, Хлынов — В. А. Дмитревский.

«Начались репетиции,— вспоминает актер Малого театра К. Н. Де-Лазари.— Уже на третьей репетиции все актеры и актрисы репетировали без тетрадок, делая все, что нужно, и давая настоящий тон своим ролям. Роль городничего очень забавно, и как всегда — талантливо, ведет Василий Игнатьевич Живокини. А по городу везде уже расклеены афиши, что через два дня идет «Горячее сердце» любимого автора всей Москвы, Островского с ее любимцем, Провом Михайловичем Садовским в главной роли.

До представления никто не знал, а после представления никто не предполагал, что можно сделать из этой роли чудо, которое сделал П. М. Садовский. Пров Михайлович не только поразил и восхитил публику, но и артисты все были ослеплены ярким светом этого могучего таланта. Исполнением этой роли П. М. Садовский всем доказал, что годы, лень, апатия не отняли у него «силы творчества»... Представление кончилось. Вызовам и крикам «браво!» не было конца» («*Восп.*», *стр. 397—398*).

Об успехе Садовского в роли Курослепова упоминают все рецензенты. «Садовский передал роль одуревшего от пьянства купца с неподражаемым искусством»,— пишет московский корреспондент «Сына отечества» (*1869*, *6 февраля*).

Во время петербургских гастролей в 1870 году Садовский тоже играл Курослепова с неизменным успехом. «Полузаспанное, бредящее существо, его жесты неуверенны и нетверды; его голос, довольно мягкий, беспрестанно сбивается на фистулу; по-видимому, это предобродушный человек, он как будто никогда не сердится〈...〉 театр без умолку хохочет над его репликами, но в целом личность его производит самое тяжелое впечатление на зрителя〈...〉 Ему нипочем кого угодно сослать и на каторгу и в солдаты, нипочем родную дочь осрамить на весь город,— и все это он сделает тем же〈...〉 добродушным тоном, которым приглашает городничего выпить» («*Спб. вед.*», *1870*, *19 мая*).

Автор известных театральных мемуаров А. Стахович вспоминает о мимике Садовского — Курослепова в сцене, когда тот присутствует при разговоре Хлынова и Градобоева. «Молчание актера было столь выразительно, что зрители после этой сцены вызывали его первым». Садовский, по мнению Стаховича, играл убежденного самодура, холодного, неспособного ни на какие добрые порывы, го-

тового придавить каждого маленького человека. Другие исполнители не поднимались до такой силы обличения. Живокини — Градобоев и Дмитревский — Хлынов играли больше в бытовом, характерном, чем в социальном плане (см.: *А. Стахович, «Клочки воспоминаний», М., 1904, стр. 98).*

О Федотовой — Параше газета «Биржевые ведомости» писала, что она никак не походила на свою героиню, «не передавала той горячности натуры, какая необходима для воспроизведения на сцене энергической женской личности» *(1870, 24 мая)*. В сезон 1869/70 года «Горячее сердце» прошло в Малом театре 14 раз. 17 января 1869 года смотрел «Горячее сердце» Л. Н. Толстой и писал, что пьеса была «играна прекрасно» *(Толстой, т. 83, стр. 161)*.

29 января 1869 года в бенефис Ю. Н. Линской «Горячее сердце» было показано в Александринском театре со следующим распределением ролей: Курослепов — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Матрена — Ю. Н. Линская, Параша — Е. П. Струйская, Наркис — И. Ф. Горбунов, Гаврило — Калугин, Вася — Н. Ф. Сазонов, Градобоев — В. В. Самойлов, Хлынов — Ф. А. Бурдин, Аристарх — Н. Н. Зубов.

24 января 1869 года Бурдин извещает Островского: «Твоя пьеса идет 29 января, то есть в среду,— репетировать уже начали и кажется Струйская сверх ожидания будет хороша〈...〉 мы постараемся сделать все от нас зависящее» *(Бурдин, стр. 87)*. Островский дает своему другу последние наставления перед премьерой: «Ты сегодня играешь, от души желаю тебе успеха — будь веселее, но берегись фарса — лучше не доиграть, чем переиграть. У нас пьеса в 14 дней прошла 10 раз с возрастающим успехом. Сделай милость, напиши мне искренно, что сделает у вас «Горячее сердце» *(ПСС, т. XIV, 171—172)*. Однако, несмотря на ожидания, спектакль не имел большого успеха. Совсем не получился Градобоев у Самойлова, и роль передали Зубову.

Островский тяжело переживал неудачу своей комедии, просил Бурдина уведомлять его, «часто ли идет пьеса и дает ли она сборы» *(ПСС, XIV, 172)*. В своей записке «О положении драматического писателя» драматург с горечью пишет: «Кто не испытывал падения, для того переживать его — горе, трудно переносимое. Такое горе со мной случилось было в первый раз в жизни в 1869 году в Петербурге при первом представлении комедии «Горячее сердце». Некоторые газетные корреспонденты писали в утешение Петербурга, будто «Горячее сердце» и в Москве не имело успеха; но это ложь явная: пьеса имела успех, и имела его crescendo, чем дальше, тем больше. Я за болезнью мог видеть только 12-е или 13-е представление (уже не помню), и вот как его принимала публика: отдельно вызывали после каждого акта и даже после некоторых сцен по нескольку раз: Садовского, Федотову, Музиля, Живокини, Дмитревского, Шумского, Акимову,— кроме того, по окончании актов и всей пьесы по нескольку раз вызывали всех. Это ли называется неуспехом? А в Петербурге действительно эта пьеса успеха не имела, и есть основание опасаться, что и следующая может упасть совершенно» *(ПСС, XII, 72)*.

О большей тщательности в подготовке спектакля в Малом театре можно судить и по рассказу Вольфа о гастролях Садовского и Федотовой в Петербурге в 1870 году: «Гости потребовали, чтобы все актеры и актрисы знали свои роли и думали не только о себе, но способствовали бы общему ходу пьесы. Замечания эти не понравились

нашим первым сюжетам, а еще более главному режиссеру и начальнику репертуара. Затем московских артистов приглашали очень редко» *(Вольф, ч. 3, стр. 43)*.

В Малом театре комедия была возобновлена в сезон 1883 года, но прошла без особого успеха всего 3 раза.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 17 раз, в Петербурге, в Александринском театре, 15 раз (последний спектакль в Москве состоялся 3 ноября 1883 г., в Петербурге — 1 октября 1875 г.).

Выдающееся значение в истории русского и советского театра имела постановка «Горячего сердца» в 1926 году на сцене МХАТ. Спектакль, поставленный К. С. Станиславским, раскрывал реалистический гротеск «Горячего сердца». Станиславский требовал «рисовать всю картину яркими, смелыми мазками».

Главные роли в спектакле исполняли: В.Ф. Грибунин — Курослепов, Ф. В. Шевченко — Матрена, К. Н. Еланская — Параша, Б. Г. Добронравов — Наркис, М. М. Тарханов — Градобоев, И. М. Москвин — Хлынов, Н. П. Хмелев — Силан, В. А. Орлов — Гаврило. Художник спектакля — Н. Крымов.

Стр. 82

Ни папаши, ни мамаши, дома нету никого... — народная песня, известная в нескольких вариантах. Один из старых вариантов дают «Песенники» 1799 и 1805 годов.

Стр. 83

Му́рины — нечистые духи, черти.

Стр. 89

Игра — лодка — инсценировка старинной народной песни «Вниз по матушке по Волге». Действующие лица «Лодки» — атаман, есаул, разбойники, богатый помещик и его семья. «Разбойники» садились на пол в воображаемую лодку и делали вид, что гребут веслами. Наиболее ранние сведения об этой инсценировке относятся к 1814—1815 годам. Островский включил ее в 1865 году в драму «Воевода», что можно считать своеобразной первой «публикацией» «Лодки». Публикация текста появилась лишь в 1875 году.

Стр. 90

Супиры — сапфиры.

«*Двумужница*» — пьеса А. Шаховского «Двумужница, или За чем пойдешь, то и найдешь». Романтическая драма в двух частях, в пяти сутках, с принадлежащими к ней протяжными, плясовыми, хороводными, подблюдными и разбойничьими песнями, плясками, хороводными и святочными играми.

Стр. 98

Куражи́ть — здесь ободрять, поднимать дух.

Ах ты воля, моя воля, воля дорогая — вариант песни, записанный в Москве (см. сборник «*40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. В. Римским-Корсаковым*», *М., 1882, № 12*).

Стр. 99

В здешнем городе такой обычай, чтобы невест увозить. — А. Н. Островский в «Путешествии по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» пишет: «В Торжке еще до сей поры существует обычай умыканья не-

вест. Считается особым молодечеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей... Такой способ добывать себе жен не только не считается предосудительным, но, напротив, пользуется почетом: «Значит, уж очень любит, коли увез потихоньку»,— говорят в Торжке» *(ПСС, XIII, 213)*

Стр. 102
Прокламация — в просторечии — пустой, несерьезный разговор.

Черный ворон, что ты вьешься... — романс из репертуара трактирных гитаристов. Первоначальный текст дает, по-видимому, сборник «Новейшие русские песни» *(М., 1839)*

Стр. 104
опивум — народная этимология смешивает опиум и вообще хмельной напиток.

аман (тюрк.) — пощада

Стр. 105
...а то и в смирительный! — Смирительный дом — род тюремного заключения за маловажные проступки; находившиеся в смирительном доме обязаны были исполнять различные работы.

Стр. 106
Брынские леса — леса по берегам реки Брыни (Калужская губ.), дремучие леса, где в старину укрывались разбойники.

Стр. 108
Беги в молодцовскую — молодцовская — комната для молодцов, приказчиков.

Стр. 115
... теперь дома литовское разорение...— Литовское разорение — поход литовско-польских интервентов против Московского государства (1607—1609); здесь: беспорядок, разгром

Стр. 126
Провожу-то ли я дружка далекохонько...— из песни «Не бушуйте, ветры буйные» (см. сборник «*100 русских песен, записанных с народного напева*», *М., 1894*).

Стр. 127
жалованный — награжденный чинами или орденами.

Стр. 129
... охотника найми либо квитанцию купи.— При рекрутских наборах правительство указывало лишь число подлежащих сдаче в солдаты лиц. Допускалась замена одного лица другим. Самым распространенным способом замены был наем охотников, то есть добровольцев; другим — покупка квитанций, которые выпускались правительством для освобождения от военной службы.

Стр. 134
обремизить — поставить в невыгодное положение, перехитрить.

Стр. 145
кортомить— брать в наем, пользоваться за плату чужими угодьями.

З. Блюмина

БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1870, № 2, стр. 391—489.

Сохранились черновой *(ЧА)* и беловой *(БА)* автографы пьесы *(ГБЛ)*.

ЧА написан карандашом, имеет большую правку, вычерки, вставки на полях и отдельных листах, знаки переноса текста, отражающие поиски композиции. По первоначальному замыслу пьеса должна была начинаться диалогом Кучумова с Надеждой Антоновной (по окончательному тексту — д. II, явл. 3). Вся пьеса называлась сначала «Коса на камень», потом «Не все то золото, что блестит». На стр. 12 *(ЧА)* стоит дата начала работы — «25 октября» 〈1869 г.〉.

Написав два первых явления (в окончательном тексте — д. II, явл. 3 и 4), Островский почувствовал необходимость разъяснить предысторию действия и подробнее охарактеризовать фигуру Василькова. Он пишет новое начало (*ЧА*. стр. 9—11) — разговор Телятева и Василькова, из которого выясняются взаимоотношения действующих лиц, их общественное положение, характеры и пр. После этого драматург дописывает первый акт и вновь возвращается к началу. Островский значительно перерабатывает диалог Телятева и Василькова, вводит в действие других персонажей, дописывает новые эпизоды. Текст первого действия становится действием вторым. Только на этом этапе писатель находит окончательное название пьесы, отказываясь от наивной морали пословицы в пользу острозвучащего социального определения — «Бешеные деньги».

Сохранилась записка актера-любителя, близкого друга писателя Н. А. Дубровского к Островскому, датированная 12 января 1870 года, в которой Дубровский пояснял значение имен Савва и Севастиан. Материал этот был использован в действии первом, явлении третьем. На этой записке Островский карандашом написал реплику Телятева, которая вошла в действие первое, явление первое *(ГЦТМ)*. Работа над первым действием продолжалась и после того, как комедия была окончена, перед началом переписки ее набело.

В процессе работы внутренняя композиция третьего и четвертого действий также претерпела значительные изменения. Временами различия в тексте *БА* и *ЧА* столь существенны, что возникает предположение о существовании промежуточного автографа.

БА написан чернилами без помарок на двойных листах большого формата. Лишь в нескольких случаях автор карандашом исправил свои описки и ошибки. В конце рукописи поставлена дата и подпись: «18 января 1870. А. Островский»

Сохранились три театральные копии *(ТПК)*. Две из них — в *ЛГТБ*. Это цензурованный экземпляр с визой цензора: «К представлению дозволено. С-Петербург 13 февраля 1870 г. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм»,— и с более поздним разрешением (15 мая 1893 года) к представлению на народных театрах. Вторая рукопись *ЛГТБ* — режиссерский экземпляр Александринского театра с многочисленными пометами постановщиков, планами сцен и записями по ходу спектакля.

ТПК, хранящаяся в *ММТ*,— суфлерский экземпляр, с многочисленными вычерками неавторского происхождения и списками

актеров-участников премьеры и более поздних исполнителей. *ТПК* неавторизована.

Текст всех театральных копий восходит к *БА*. Текст *БА* имеет некоторые словесные отличия от первопечатного, вероятно, это авторские исправления в корректуре.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 166, строка 4 и далее
«Савва Геннадьич» *вместо* «Савва Геннадич» (*по ЧА, БА*).

Стр. 191, строка 26
«сократить свои расходы» *вместо* «сократить свой расход» (по *ЧА, БА*).

Стр. 201, строка 5
«этого я не знаю» *вместо* «это я не знаю» (*по ЧА, БА*).

Стр. 206, строка 8
«Вы безнравственны» *вместо* «вы безнравственный» (*по ЧА, БА*).

Стр. 213, строки 9—11
«Василий приносит счеты ∽ начинает разбирать счета» *вместо* «Василий приносит счеты ∽ начинает разбирать счеты» (*по ЧА, БА*).

Стр. 219, строка 40
«если я не вижу» *вместо* «если не вижу» (*по ЧА, БА*).

Стр. 220, строка 20
«Богат ли он, беден ли» *вместо* «Богат он, беден ли» (*по ЧА, БА*).

Стр. 228, строка 4
«Подходит к пистолетам» *вместо* «Проходит к пистолетам» (*по БА*).

Стр. 230, строка 16
«Послала» *вместо* «Посылала» (*по ЧА, БА*).

Стр. 241, строка 3
«где же ей управиться» *вместо* «где же ей управляться» (*по ЧА, БА*).

Стр. 242, строка 28
«Мне равнодушным нельзя оставаться» *вместо* «Мне равнодушно нельзя оставаться» (*по БА*).

Стр. 246, строка 33
«блеснет на минуту» *вместо* «блестит на минуту» (*по ЧА, БА*).

Стр. 247, строка 33
«Нам нужно ехать» *вместо* «Вам нужно ехать» (*по ЧА, БА*).

21—22 января 1870 года драматург известил Некрасова, что выслал экземпляр пьесы брату, который и передаст его в «Отечественные записки» *(ПСС, XIV, 183)*.

26 января 1870 года Островский пишет П. С. Федорову, что пьеса послана в Контору императорских театров, и просит ускорить ее прохождение через Театрально-литературный комитет и цензуру.

Одобрение комитета было получено уже 31 января 1870 года, а виза драматического цензора двумя неделями позже — 13 февраля.

Книжка «Отечественных записок» с первой публикацией «Бешеных денег» вышла из печати 18 февраля 1870 года.

Островский дает в пьесе острую социальную характеристику дворянства, потерявшего экономическую почву после реформы 1861 года. Только отдельные личности — люди нового покроя, подобные Василькову,— преуспевают благодаря своей деловитости и энергии. Сила таланта писателя сказалась в глубине художественного анализа психологии нового жизненного типа.

Однако не всеми, даже из числа обычно симпатизирующих Островскому читателей, комедия была встречена благожелательно. И. С. Тургенев писал А. А. Фету: «Но до чего может пасть талант! Читали Вы последнюю его 〈Островского〉 комедию «Бешеные деньги»?» *(И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах, т. 8, М.—Л., Изд-во Академии наук СССР, 1964, стр. 205).*

По выходе в свет журнала с комедией «Бешеные деньги» и особенно после ее премьеры в Александринском театре в столичных журналах и газетах разных направлений появились многочисленные рецензии. Отзывы 1870—1871 годов были в большинстве своем поверхностны и несправедливы. Расхожим было мнение, что Островский исписался, не может выйти из круга привычной «купеческой» тематики, что талант его иссяк и пр. И даже те немногие критики, которые увидели в пьесе нечто серьезное, начинали, как правило, свои статьи причитаниями о погибшем таланте.

В. П. Буренин объявил в «Санктпетербургских ведомостях»: «...эта комедия написана совершенно в духе г. А. Потехина», все отличие ее лишь в том, что Островский совершенно не заботится о правдоподобии, в пьесе нет ничего «кроме благодушного, небрежно «сделанного» переливания из пустого в порожнее» *(1870, 3 марта).*

Рецензент «Биржевых ведомостей» поддерживал мнение о несостоятельности пьесы и в свою очередь утверждал: «Недостатки пьесы, заключающиеся в невыдержанности характеров и аляповатости ее постройки, слишком резко бросаются в глаза〈...〉 на всей комедии лежит какая-то печать скороспелой, непродуманной работы...» *(1870, 19 апреля).*

Много противоречий, нелепостей и неестественности усматривал в пьесе рецензент «Голоса». Он считал «неразвитыми» характеры действующих лиц, упрекал автора за безнравственность женских фигур, за цинизм речей Лидии, от которого «подергивает зрителя». «Отдельные черты, беглые, но порою верные заметки о нравах, порою живой разговор — все это как будто напоминает прежнего Островского; но сочиненность интриги, противоречия, наконец, слащеватая мораль в конце — это вовсе не Островский» *(1870, 19 апреля).*

Негодующие, разносные рецензии на пьесу поместили также газеты «Новое время» *(1870, 22 апреля)*, «Всемирная иллюстрация» *(1870, 2 мая)*, «Русская летопись» *(1871, 5 февраля)*, журнал «Дело» *(1871, № 11)* и др. В последнем П. Д. Боборыкин как бы подытожил мнения хулителей комедии. «Бешеные деньги»,— писал он,— показали прямо, что вне известного быта Островский теряет всякое обаяние оригинальности и сценической силы и никак не может подняться выше довольно нескладного смазыванья сцен, задуманных водевильно».

Противоречивое отношение вызвал образ Василькова. В одном из самых первых отзывов о комедии, помещенном в «Сыне оте-

чества», рецензент односторонне истолковал Василькова как тип положительный (*«Сын отеч.», 1870, 27 февраля*). Это мнение прочно укоренилось в прессе тех лет. Повторяя на все лады, что в лице Василькова Островский хотел показать положительного современного героя, критики негодовали по поводу того, что положительный герой писателю решительно не удался. Так рецензент «Зари» приписывает драматургу намерение изобразить Василькова «как героя настоящей минуты, вступающего в столкновение с миром отжившим, задолжавшим, разорившимся и развращенным, ⟨героя⟩ одерживающего над этим отходящим миром полную и даже жестокую победу». Герой же, по мнению рецензента, из Василькова не вышел. Он показан в пьесе как лицо загадочное, таинственное, не ясен род его занятий, непонятно происхождение его богатства. Таким образом, заключает критик, Островский исказил «первоначальную, весьма удачную идею комедии ⟨...⟩ вместо живого человека, с некоторых пор фигурирующего у всех на глазах на нашей житейской сцене, вывел он какую-то загадочную личность, о которой трудно даже сказать, что она такое?» (*1870, № 3*).

Еще дальше пошел рецензент «Нового времени», обвинивший Островского в том, что в лице Василькова он поддерживает воззрения самодуров, над которыми сам так искренне глумился. В комедии «Бешеные деньги» автор якобы «является защитником той породы новых практических людей, которые наживают миллионы, но, уж конечно, не трудом, а какой-либо случайностью, аферой, спекуляцией или эксплуатацией чужих сил».

Приписав Островскому эту нелепую идею, рецензент объявил, что она «не выдерживает никакой критики», и утешился лишь тем, что по ходу пьесы Васильков оказался «дураком и тупицей». «... Автор хотел показать нам новую породу людей дела, но только эта порода, к несчастию, вышла у него не лучше той, которую он бичует» (*1870, 22 апреля*).

Такое же непонимание проявил критик еженедельника «Русская летопись». Рецензент не понял, чего хочет автор, «чему сочувствует? Во имя чего выводит всю эту грязь и запустение?». Деловой человек, выставленный Островским в контраст бездельникам и мотам, «выходит таким глупцом и такою дрянью, что и здесь не находишь удовлетворения». При отсутствии «какой-нибудь положительной нравственной идеи» комедия, по мнению критика, представляет собой «не больше как ряд весьма циничных картин, возбуждающих в зрителе только негодование» (*1871, 5 февраля*).

Другой упрек, повторяющийся во многих статьях, заключался в том, что Островский слишком сгустил краски при изображении матери и особенно дочери Чебоксаровых. Находили, что Лидия нарисована слишком циничной, что автор не делает никакой разницы между дамой из общества и публичной женщиной.

Как удача драматурга в некоторых случаях расценивались фигуры Телятева и Кучумова. Обращали внимание на верность отдельных сцен, живость диалога, комизм некоторых эпизодов (см. *«Сын отеч.», 1870, 27 февраля, «Спб. вед.», 1870, 19 апреля*).

Первое справедливое суждение о комедии высказал обозреватель «Одесского вестника», который поставил произведение Островского в один ряд с бессмертным творением Гоголя: «... после «Ревизора» немногие драматические произведения увлекали меня до такой степени глубиною и *современностью* сюжета и необыкновенно мастерским изложением». Центральную идею комедии обозреватель

«Одесского вестника» видел в осуждении пороков дворянского сословия — паразитизма, упадка нравов, «отсутствия всякого серьезного интереса в жизни, всякого дела». Разоблачая так называемых светских людей, Островский показал, что «великие больные вопросы человечества, волнующие все остальное общество до самых основ его нынешнего строя, проходят мимо этого светского кружка, нисколько его не затрагивая». В комедии, отмечал критик, «приятно поражает отсутствие всяких идеализированных героев, резонерства и т. п. и необыкновенная сценичность ее».

Оценивая Василькова как хищника, который «своими аферами хапнул немало», обозреватель «Одесского вестника» находил все же, что образ этот недостаточно разработан автором. Из всех персонажей пьесы Васильков «наименее выдержанный характер, плохо удавшийся г. Островскому» *(1870, 5 и 7 апреля).*

Объективная оценка социальной значимости комедии и зрелости художественного ее воплощения пришла только через пять лет из лагеря «Отечественных записок».

В фундаментальной статье «Особенности русской комедии» А. М. Скабичевский детально проанализировал образ Василькова в его соотношении с реальными жизненными типами. Мнение Скабичевского сводится к следующему: «наш современный прогресс» создал людей типа Василькова. Островский увидел его в русской действительности и, неспособный отступиться от правды жизни, изобразил в своей комедии. По сравнению с Тит Титычем это «... новый тип капиталиста-дельца, который, без сомнения, впоследствии сделается преобладающим типом темного царства...». Васильков резко отличается от Телятева, Кучумова, Глумова, от всех этих представителей «отживающей культуры российской распущенности». Он не сорит деньгами, не пытается жить выше своих средств; подтянутый, твердый, энергичный, деятельный, он стремится обогатиться честными средствами. Но идеальность Василькова мнимая: у него все подчинено наживе, даже во имя страсти он «не выйдет из бюджета». Любовь, брак и семью он обращает в выгодную спекуляцию, на жену смотрит, как на декорацию или мебель, способную украсить его салон и привлечь нужных людей. Он подчиняет Лидию, хотя видит ее безнравственность, распущенность и нелюбовь к себе, берет ее в руки и «запрягает ее в ярмо своей колесницы, мчащей его на пути к миллионам» *(«Отеч. зап.», 1875, № 1 и 2)*. Но такая трактовка образа, по мнению Скабичевского, возникает объективно, вопреки намерениям драматурга.

Исследование Скабичевского оказало значительное влияние на последующую критику. Во всяком случае, в большой статье Н. Языкова (Н. В. Шелгунов) «Бессилие творческой мысли», первая часть которой публиковалась одновременно со статьей Скабичевского, а вторая — значительно позже, чувствуется, по-видимому, это влияние в оценке личности Василькова. Во второй части статьи автор почти дословно повторяет многие положения Скабического (см. *«Дело», 1875, № 2 и 4*).

Первое представление комедии на сцене состоялось в Александринском театре 16 апреля 1870 года со следующим составом: Васильков — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Телятев — Ф. А. Бурдин, Кучумов — П. И. Зубров, Глумов — А. А. Нильский, Чебоксаро-

ва-мать — Ю. Н. Линская, Лидия Чебоксарова — Е. П. Струйская, Василий — Бродников.

Через три дня после премьеры, 19 апреля 1870 года, в петербургских газетах появились рецензии на спектакль. Отзывы были довольно сдержанными, хотя степень успеха пьесы каждый рецензент определил по-своему. «Санктпетербургские ведомости» писали, что пьеса «имела довольно изрядный успех и была исполнена «недурно». «Голос» посчитал успех пьесы весьма умеренным, а исполнение — решительно неудовлетворительным. «Биржевые ведомости», хотя и упомянули о том, что автора вызывали, но тут же прибавили, что первое представление не обошлось без шиканья. Решительно все осуждали Васильева, «не выяснившего» своей игрой характера Василькова...». Осуждали даже внешность, которую актер придал своему герою,—длинные волосы со странным пробором. Рецензент «Голоса» *(1870, 19 апреля)* писал: «Г. Васильев 2-й явился каким-то разбогатевшим пономарем, говорящим все время таким тоном, каким читают псалтырь по покойникам».

Единодушно осудила пресса Струйскую — Лидию. Привыкшая играть постоянно «слезливые роли угнетенных невинностей и вдруг поставленная в необходимость изобразить холодную и развращенную до мозга костей кокетку, или, вернее, кокотку», Струйская не справилась с ролью. Это было вне ее возможностей *(«Бирж. вед.», 1870, 19 апреля)*. Струйская — Лидия говорила «распевцем», «пересаливала в любовных сценах до грубой приторности...» *(«Голос», 1870, 19 апреля)*. Несколько позже то же отметил и рецензент «Всемирной иллюстрации» *(1870, 2 мая)*: «Г. Струйская не могла совладать с трудной и антипатичной ролью Лидии Юрьевны и совсем не попала в тон ее».

Бурдина и Зуброва в ролях Телятева и Кучумова все (кроме «Голоса») находили вполне удовлетворительными, хотя и отмечали, что они мало похожи на бар.

Неуспех первой постановки в значительной степени объяснялся тем, что труппа Александринского театра, обладая отдельными яркими, даровитыми исполнителями, не имела ансамбля, способного слаженно сыграть реалистическую пьесу. Кроме того, комедия была плохо срепетирована, актеры слабо знали текст, «голос суфлера порою был слышен слишком громко» *(«Голос», 1870, 19 апреля)*.

Однако пьеса не удержалась в репертуаре по иным причинам. 4 сентября 1870 года Бурдин писал Островскому: «Бешеные деньги», которые не шли после Святой сначала по болезни Струйской, а потом по отсутствию из Петербурга Васильева, вновь были даны в Михайловском театре, сделали сбор и были хорошо приняты, но Васильев отказался играть на будущее время, приславши роль и письмо, в котором он говорит, что лучше ничего не будет играть, чем роли *не достойные* его дарования. Каков господин, за что же мы понапрасну поставили пьесу, выучили роли, чтобы сыграть ее два раза...» *(Б у р д и н, стр. 113)*.

В московском Малом театре впервые комедия была показана 9 октября 1870 года. Роли исполняли: Васильков — Н.Е. Вильде, Телятев — И. В. Самарин, Кучумов — С. В. Шумский, Глумов — М. А. Решимов, Чебоксарова-мать — Е. Н. Васильева (Васильева 1-я), Лидия Чебоксарова — Г. Н. Федотова, Василий — Н. И. Музиль.

Премьера прошла блестяще благодаря сыгранному актерскому ансамблю московской труппы. «Бешеные деньги» у нас имели очень

большой успех»,— сообщал Островский Бурдину 24 октября 1870 года *(ПСС, XIV, 192).*

Благожелательными были и отзывы прессы. Театральный обозреватель «Русской летописи» объявил «Бешеные деньги» лучшей пьесой сезона по исполнению. Он восторгался игрой всей труппы и каждым актером в отдельности: роль Чебоксаровой-матери «как нельзя лучше подошла к таланту г-жи Васильевой», особенно удалась ей сцена, где Чебоксарова залучает в женихи Василькова; Телятев—Самарин—«это лицо вышло превосходно. Наш артист был до того весел, беззаботен, свободен и прост, что подчас можно было забыться, что сидишь в театре и видишь перед собою актера, играющего роль»; «г. Шумский мастерски воспользовался малейшими подробностями для того, чтобы сделать ⟨из Кучумова⟩ лицо действительно живое и типичное». Отметил рецензент и спокойную ровную игру Вильде — Василькова. Но самую высокую похвалу заслужила Федотова. «Тут мы видели в ней истинную артистку, с обдуманной и очень верной игрой ⟨...⟩ Сцены с матерью, с Телятевым и Кучумовым удались ей как нельзя лучше...» *(1871, 5 февраля).*

Игра Федотовой восхищала всех современников. Знаток театра, переводчик Шекспира Н. Х. Кетчер в восторге расцеловал актрису после спектакля. А ее товарищ по сцене актер Музиль восклицал: «Такой Лидии больше не повторится» *(Г. Гоян, Гликерия Федотова, М.—Л., «Искусство», 1940, стр. 158).*

Пьеса осталась в репертуаре Малого театра и шла при полных сборах до 1875 года.

1 июня 1876 года Федотова играла Лидию на гастролях в только что отстроенном Павловском театре. Спектакль с «даровитейшею московскою актрисою» имел огромный успех. Актриса представляла зрителю блестящую красавицу, неотразимо элегантную и порочную. «Белокурый парик, pince-nez, модный костюм, нахальный взгляд, пренебрежительный тон, все как нельзя более подходило к изображению развращенной до мозга костей юной хищницы»,— писали «Санктпетербургские ведомости» *(1876, 3 июня).*

Театральный обозреватель журнала «Дело» отмечал тонкость внешней отделки, изящество, правдивость и задушевность исполнения Федотовой. Рецензент называл самые сложные эпизоды комедии, в которых артистка блеснула высоким мастерством. Явление 12 третьего действия — эта сцена «вышла у г-жи Федотовой замечательно хорошо по строгой психологической отделке и выполнению: ни одно слово, ни один жест не пропали у нее даром в этой прелестной сцене притворства и кокетства, с одной стороны, и затаенной злобы и оскорбления — с другой». Хорошо прошли в четвертом действии «интрижки» с Телятевым и Кучумовым: артистка «весьма тонко передает все перипетии унижения, до которых она нисходит ради «золотой пыли».

Финал четвертого действия, где Лидия является перед мужем уже без маски притворства, во всей наготе своей мелкой и жалкой натуры, «потрясает зрителей до высочайшей степени и доставляет им высокое художественное наслаждение». Вообще исполнение роли Лидии Федотовой «было художественное, артистическое в самом лучшем и высоком значении этого слова» *(1876, № 6).*

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 28 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 8 раз (последний спектакль в Москве состоялся 12 октября 1875 г., в Петербурге — 7 ноября 1882 г.).

Впоследствии Лидию Чебоксарову играли: Е. К. Лешковская, А. А. Яблочкина, Е. М. Шатрова; Василькова — К. Н. Рыбаков, а Телятева — А. И. Южин.

Для Малого театра стало традицией, что в спектакле «Бешеные деньги» артистка, исполнявшая в молодости роль Лидии, переходила с годами на роль Чебоксаровой-матери. Подобно Федотовой, этот путь повторила А. А. Яблочкина.

В наши дни эту традиционную преемственность продолжает большой мастер русской сцены Е. М. Шатрова.

Стр. 166

В Петровском парке, в саду Сакса... — В Петровском парке, куда на гулянье съезжались москвичи, были разнообразные увеселительные заведения, в частности летний театр. В парке выступали частные оркестры. Сакс — содержатель струнного оркестра в Москве в 60—70-х годах.

Стр. 167

...Ротшильдам племянник... — Знаменитая европейская банкирская фирма Ротшильдов была основана в конце XVIII века. Незадолго до написания «Бешеных денег», в 1868 году, умер барон Джемс Ротшильд, основатель банкирского дома в Париже.

Стр. 172

Вас зовут: «Савва» ∽ Возьмите святцы и посмотрите. — Видимо, в ответ на просьбу Островского Н. А. Дубровский писал ему 12 января 1870 года: «Вчерась я, любезный друг, позабыл передать тебе записочку-то о значении слов: Савва и Севастиан. Савва сл⟨ово⟩ арабское зн⟨ачит⟩ *неволя*, а Севастиан, сл⟨ово⟩ греч⟨еское⟩ знач⟨ит⟩ чести достойный» *(ГЦТМ)*. *Святцы* — перечень христианских святых, чтимых православной церковью, составленный в календарном порядке по дням и месяцам. По святцам выбиралось имя при крещении.

...на Суецком перешейке земляные работы меня интересовали и инженерные сооружения. — В 1859—1869 годах на Суэцком перешейке велись большие работы по строительству канала, соединяющего Средиземное и Красное моря.

Стр. 177

Ma in Spagna, ma in Spagna... mille e tre (итал.). — А в Испании, а в Испании... тысяча и три — слова из оперы Вольфганга Амадея Моцарта «Дон-Жуан» (1787). В России известна с 1828 года.

Стр. 178

...не угодно ли ∽ в бакару? — baccara *(франц.)* — азартная карточная игра.

Стр. 183

Muta d'accento e de pensier (искажен. итал.) — Mutta d'accenti e di pensieri *(итал.)* — меняет выражения и мысли — слова из арии герцога в опере Дж. Верди «Риголетто» (1851). С 1853 года шла в России на итальянском языке.

Стр. 186

... с подрядчиками, с десятскими. — Подрядчик руководил всеми строительными работами, доставкой материала, наймом рабочих и пр.; десятский, или десятник, — группой рабочих.

Стр. 187
Да, десятники, сотники, тысячники... — названия стрелецких военачальников в Киевской и Московской Руси. Чебоксарова смешивает понятия по сходному звучанию слов.

Это теперь в моду вошло ∾ в бархатном кафтане... — намек на славянофильские увлечения некоторой части общества, выражавшиеся в стремлении одеваться в старорусские одежды. Это выглядело подчас балаганно и приводило ко всякого рода недоразумениям. Еще в 40-е годы такими «переодеваниями» увлекался К. С. Аксаков. Герцен передавал шутку Чаадаева по этому поводу: «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина» *(А. И. Герцен, Собр. соч., т. IX, М., Изд-во Академии наук СССР, 1956, стр. 148)*. Общеизвестен факт ареста в Новгороде Якушкина, собирателя фольклора, который вызвал подозрение своей мужицкой одеждой. Об этой тенденции с осуждением писал журнал «Время» *(1861, № 1)*. В объявлении «От редакции» упоминалось о людях, которые, «надев на себя древний кафтан, бархатную поддевку и шелковую рубашку с золотыми галунами, воображают, что они соединились с народным началом».

Стр. 194
Ведь я не «Медный всадник», не «Каменный гость» — каламбур, построенный на метафоричности названий двух пушкинских произведений — поэмы и маленькой трагедии.

Стр. 202
...откупов нет, концессию на железную дорогу вам не дадут. — В царской России *откуп* — предоставление частному лицу права за определенную плату производить и продавать хлебную водку. Всевозможные злоупотребления и бесконтрольная торговля делали откуп чрезвычайно выгодным предприятием. *Концессии* — предоставление государством права частным лицам организовывать и эксплуатировать крупные промышленные предприятия. В эпоху крепнущего капитализма чрезвычайно прибыльными были концессии на строительство железных дорог.

Pace e gioia son con voi (итал.). — Мир и радость пребудут с вами — слова из оперы Джоаккино Антонио Россини «Севильский цирюльник» (1816). В России известна с 1821 года (Одесса); поставленная в 1822 году в Петербурге на русском языке, опера постоянно входила в репертуар.

Стр. 203
Опека—охрана имущественных прав и интересов несовершеннолетних или душевнобольных лиц. Принудительная опека (по суду) могла быть назначена над расточителями или людьми, злоупотребляющими своими правами над крепостными. Опекуны часто корыстно пользовались имуществом опекаемых.

Стр. 210
Поедем в Английский, нынче там обед. — Английский клуб (официальное название — Английское собрание) был организован в Москве во второй половине XVIII века приезжими иностранцами по образцу старых английских клубов. Со временем стал местом собрания русской дворянской знати, где для членов клуба устраива-

лись балы, музыкальные вечера, давались обеды и пр. Находился на Тверской (ныне ул. Горького) в помещении нынешнего Музея Революции.

Стр. 217
...Страус и Гунгль... — *Иоганн Штраус* (сын) (1825—1899) — австрийский композитор, дирижер и скрипач. Вместе со своим оркестром неоднократно бывал в России, в частности, летом 1869 года дирижировал концертами в Павловске. *Гунгль* — вероятно, Жозеф Гунгль (1810—1889), венгерский композитор и дирижер, создатель многих маршей, танцевальной и легкой музыки. Возможно также, что речь идет об его брате Иоганне Гунгле (1828—1883), не менее популярном композиторе и дирижере.

Стр. 219
Закажу у Эйнем пирог... — «Эйнем» — знаменитое в свое время товарищество по производству «шоколада, конфект и чайных печений», основанное в 1867 году.

...Куплю у Сазикова золотую солонку... — Сазиков Павел Игнатьевич (ум. 1868) — скульптор-серебряник, основавший в Москве фабрику серебряных изделий в древнерусском стиле. Изделия его фирмы были в большой моде. В марте 1872 года, отмечая двадцатипятилетие писательской деятельности Островского, артисты Александринского театра преподнесли ему серебряный вызолоченный венок, изготовленный фирмой Сазикова (см. *Бурдин, стр. 152*).

...Полуимпериал — российская золотая монета (с 1755 г.), курс которой менялся в зависимости от пробы золота и веса монеты. В 60-х годах прошлого века полуимпериал равнялся пяти рублям.

Стр. 225
...думают ∽ *как при Аскольде* — то есть как в далекую старину. *Аскольд* — князь Киевский (середина IX века).

Стр. 228
In mia mano al fin tu sei! (итал.) — Ты, наконец, в моих руках! — слова из оперы Винченцо Беллини «Норма» (1831). В России шла с 1835 года.

Лобзай меня! Твои лобзанья... — строка из стихотворения А. С. Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1825). На эти слова были написаны романсы М. И. Глинкой и А. С. Даргомыжским.

Honni soit, qui mal y pense! (франц.).— Да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает! — девиз английского ордена Подвязки. Слова приписываются королю Эдуарду III (1327—1377), который поднял на балу подвязку дамы и, заметив улыбку на лице одного придворного, произнес эту фразу. Этот случай и послужил к учреждению ордена Подвязки.

Стр. 232
Il segretto per esser filice (итал.).— Секрет быть счастливым — слова из второго акта оперы Гаэтано Доницетти «Лукреция Борджиа» (1833).

Стр. 233
Jo son ricco! tu sei bella (итал.).— Я богат, а ты прекрасна — слова из второго акта оперы Гаэтано Доницетти «Любовный напиток» (1832).

Стр. 234
Меркурий — в римской мифологии бог торговли. Одновременно был вестником богов.

Стр. 236
Воскресенские ворота — ворота в крепостной стене, окружавшей Китай-город, вели со стороны Тверской на Красную площадь. Вблизи Воскресенских ворот находилось несколько административных зданий, например, шестигласная городская дума, суд, канцелярия, долговая тюрьма.

Стр. 238
У ворот стоит ∽ В три окошечка — романс А. Л. Гурилева на слова С. М. Любецкого «Одинок стоит домик-крошечка». Островский несколько изменил текст применительно к сюжету комедии.

...обедать в Троицкий — имеется в виду один из знаменитых московских трактиров с отличной русской кухней. Очень любим был купцами, которые решали здесь свои торговые и финансовые дела. Посещался также и людьми из высшего общества. Находился на Ильинке (ныне ул. Куйбышева).

Стр. 243
Московская яма — долговая тюрьма, помещалась во дворе дома губернского правления (ныне Исторический проезд, д. 2).

Стр. 245
...Патти послушаем...— Аделина Патти (1843—1919) — итальянская оперная артистка (сопрано), обладавшая красивым тембром голоса и совершенной техникой. В 1869—1877 годах неоднократно гастролировала в Петербурге. Театральные и музыкальные обзоры петербургских газет 70-х годов наполнены отзывами об игре Патти.

Стр. 247
...до Звенигорода не доедешь.— Звенигород находится в 53 *км* от Москвы.

Л. Смирнова

ЛЕС

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1871, № 1, стр. 129—239.

Рукописные источники:

черновой автограф пьесы *(ЧА)* имеет многослойную правку, множество вычерков, вписываний — на полях, между строк, на особых листках,— знаков переноса текста и отдельных реплик. Последний слой *ЧА* близок к первопечатному тексту, но многие реплики здесь даны в иной редакции *(ГБЛ)*. Островский продолжал работу над пьесой в беловике, которым мы не располагаем;

театральная писарская копия *(ТПК* $_1$) — суфлерский экземпляр Малого театра, полный текст пьесы с многочисленными вычерками отдельных реплик, некоторых сцен, диалогов карандашами разных цветов. Часть этих вычерков несомненно сделана автором или санкционирована им, так как они перечислены в списке сокращений, который Островский послал Ф. А. Бурдину *(ПСС*$_1$ *XIV*,

216). Текст *ТПК* $_1$ переписывался с неизвестного нам белового автографа *(ММТ)*.

ТПК $_2$ — режиссерский экземпляр Малого театра. *ТПК* $_2$ переписывался с *ТПК* $_1$ и не содержит тех сцен и реплик, которые были зачеркнуты в *ТПК* $_1$. Но именно этот сокращенный вариант был послан в Театрально-литературный комитет и проходил цензуру. На л. 1 *ТПК* $_2$ среди многих служебных надписей визы комитета и цензора: «По журналу Театрально-литературного комитета 22-го мая 1871, к представлению на сцене одобрено. Председатель Комитета П. Юркевич»; «К представлению дозволено. Цензор драм. сочинений д. с. с. Фридберг. С. Петербург, 14 августа 1871» *(ММТ)*.

После журнальной публикации к работе над пьесой Островский не возвращался.

Печатается по тексту «Отечественных записок» с устранением опечаток и искажений по рукописным источникам.

Стр. 252, строка 29
«свой лепортамент» *вместо* «свой депортамент» (*по ЧА, ТПК* $_1$).

Стр. 263, строка 25
«Мое дело женское» *вместо* «Мое дело темное» (*по ЧА*).

Стр. 295, строка 43
«Обманул! Говорить-то все можно» *вместо* «Обман! Говорить-то все можно» (*по ЧА, ТПК* $_1$).

Стр. 309, строка 30
«все-таки хоть что-нибудь» *вместо* «все-таки что-нибудь» (*по ЧА*).

Стр. 315, строки 11—12
«не извольте беспокоиться» *вместо* «не изволите беспокоиться» (*по ЧА, ТПК* $_1$).

Стр. 319, строка 10
«Утирает слезу» *вместо* «Отирает слезу» (*по ЧА*).

Стр. 327, строка 23
«Я не прощу себе» *вместо* «Я не прощу себя» (*по ЧА, ТПК* $_1$).

Островский начал работать над пьесой, вероятно, в августе 1870 года и рассчитывал окончить ее в сентябре. 29 августа 1870 года он писал о «новой пьесе» Бурдину: «... к концу сентября она будет готова» (*ПСС, XIV, 294)*. Однако хлопоты по управлению имением и спешный перевод для бенефиса Бурдина пьесы итальянского драматурга П. Джакометти «La morte civile» отвлекали писателя от основной работы. 20 сентября Островскому стало ясно, что пьеса не сможет быть кончена к октябрю *(*см. *ПСС, XIV, 190)*. 4 ноября 1870 года он сообщил Бурдину: «Пьесу оригинальную я оканчиваю...» *(там же, стр. 193)*, но судя по дате *ЧА* (л. 36), 6 ноября он работал лишь над восьмым явлением третьего действия.

Некрасов торопил драматурга с окончанием пьесы для первой книжки «Отечественных записок». «Мы дожидаемся нетерпеливо Вашей новой комедии...» — писал он Островскому 28 ноября 1870 года *(Некрасов, XI, 181)*.

Работа была окончена лишь в середине декабря, тогда же автор переслал пьесу в Петербург своему брату для передачи в редакцию «Отечественных записок».

«Лес» — первая пьеса Островского об актерах, навеянная наблюдениями над жизнью театрального мира. Характеры трагика и комика драматург списывал с натуры. Недаром впоследствии люди, близко знавшие Островского, называли конкретных лиц в качестве прототипов. С образом Несчастливцева наиболее прочно связывают имя Н. Х. Рыбакова. Н. Н. Луженовский (товарищ сына Островского по университету) прототипом Несчастливцева считал Корнелия Полтавцева *(«Восп.», стр. 287)*. А старый театральный деятель Н. И. Иванов в «Воспоминаниях театрального антрепренера» писал, что в трагике Островский «имел в виду изобразить ⟨...⟩ известного в провинции актера Горева-Тарасенкова, всю свою жизнь пропутешествовавшего, точно по обещанию, из города в город пешком, но на самом деле дал образ именно симпатичного Николая Хрисанфовича. В особенности в Несчастливцеве напоминает нам много Рыбакова сердечность, участливость, бескорыстность и доброта...» (*«Ист. вест.», 1891, № 12*).

М. И. Писарев называл моделью Счастливцева комика К. В. Загорского. В своих воспоминаниях Писарев сообщает, что у Островского было очень много друзей среди провинциальных актеров. «Одним из близких к нему приятелей был провинциальный актер-комик Загорский, послуживший, как говорят, Островскому прототипом для Аркашки Счастливцева. Загорский был неважный актер, но очень остроумный, талантливый рассказчик, знавший бесконечное количество забавных анекдотов, курьезов из закулисной жизни провинции и превосходно их передававший» *(«Восп.», стр. 345)*.

Несомненно, что, создавая образ Счастливцева, Островский многое заимствовал у своего знакомого актера П. М. Медведева. Писатель воспользовался одним из эпизодов его актерской жизни (см. ниже примечания к стр. 276).

В. А. Гиляровский в очерке «Друзья» называет прототипом Счастливцева провинциального комика А. Д. Казакова, бывшего крепостного актера из театра тамбовского помещика. «...С трагика Николая Хрисанфовича Рыбакова и комика Александра Дмитриевича Казакова писал Островский героев своего «Леса» (*Вл. Гиляровский, Москва и москвичи, М., изд. «Моск. рабочий», 1955, стр. 353 и далее*).

В. А. Бороздин, сам испытавший судьбу бродячего актера, в статье «Геннадии и Аркашки» писал, что тип провинциального трагика и комика прочно сложился в самой действительности, и Островский воспользовался многими чертами этих «знаменитых пешеходов». «Я застал еще время, когда Геннадии Несчастливцевы, Аркашки и Шмаги, доживая свои дни, перекочевывали, по примеру апостолов, из града в град, из антрепризы в антрепризу, не засиживаясь подолгу на одном месте в силу «некоторых свойств характера» ⟨...⟩ Типы и характеры этих актеров ⟨...⟩ никем из русских писателей не были так исчерпывающе, так просто и правдиво переданы, как гением Островского» *(«Памяти А. Н. Островского», Пг., 1923, стр. 65, 68)*.

Еще до публикации в журнале пьеса читалась в частных домах Москвы и Петербурга и стала широко известной в литературных и артистических кругах. Сразу же по окончании работы Островский читал ее своим друзьям — Н. А. Дубровскому и архитектору С. А. Елагину (см. *ПСС, XIV, 194*). В Петербурге пьеса читалась на квартире брата драматурга, где были П. В. Анненков, Т. И. Филип-

пов и Е. М. Феоктистов, и, судя по письму М. Н. Островского брату 20 декабря 1870 года, несколько позже — на квартире Анненкова, в присутствии А. В. Никитенко и Я. К. Грота.

25 января 1871 года сам автор читал «Лес» в Петербургском собрании художников в пользу Литературного фонда.

Первые слушатели и читатели были в восторге от комедии. 20 декабря 1870 года М. Н. Островский сообщал брату: «Пьесу твою я получил и успел уже прочесть ее в присутствии Филиппова, Феоктистова и Анненкова. Все в безусловном восторге. Все единогласно советуют представить ее на премию ⟨...⟩ я, кроме безусловной похвалы, ничего не могу тебе сказать по ее поводу» *(ГЦТМ)*.

Столь же лестным для Островского было мнение круга редакции «Отечественных записок». 31 декабря 1870 года Некрасов писал Островскому: «Лес» вещь великолепная, я дожидался отзыва двух-трех своих товарищей по редакции и тогда хотел писать Вам...» *(Некрасов, XI, 184)*.

Несколько позже П. М. Садовский, ознакомившись с пьесой, писал автору: «С неописанным наслаждением прочитал я ваше новое произведение «Лес». Вижу, что гений творчества не стареет и не умирает...» *(ГЦТМ)*. Блестящий исполнитель репертуара Островского и большой друг писателя просил в этом письме роль «гимназиста» для своего сына М. П. Садовского.

И еще один частный отзыв, принадлежавший Тургеневу. Он писал Полине Виардо 19 мая 1874 года: «Вечером я ходил в русский театр на последнее выступление Шумского — в пьесе Островского, которую я очень люблю и которая не совсем понятно почему называется «Лес». В ней есть один характер бродячего провинциального трагика, обуреваемого прекрасными и благородными чувствами, которые он стремится выразить самым серьезным образом, что порождает трогательные и комические ситуации» *(Ivan Tourguénev. Nouvelle correspondance inédite, tome I, Paris, 1971, p. 209. Подлинник на франц. яз.)*.

Самому Островскому о «Лесе» Тургенев написал 6 июня 1874 года: «...какая это прелесть! Характер «трагика» — один из самых Ваших удачных» *(И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем, Письма, т. X, М.—Л., «Наука», 1965, стр. 247)*.

Островский считал «Лес» «сильной пьесой» *(ПСС, XIV, 203)* и по совету друзей послал ее на 15-й Уваровский конкурс. Премии, однако, он не получил. Возможно, что решающим в этом отношении было отрицательное мнение Никитенко. Многие литераторы отнеслись к этому факту с негодованием. Так, Анненков писал брату драматурга: «...Я. К. Грот известил меня, что в премии А. Н-чу отказано. Это порешили те чемоданы, набитые quasi-научной трухой, которые заседают в Отделении Российской словесности. Ни крошечки вкуса, ни искорки поэтического чувства, ни признака понимания мастерских построек в литературе не обнаруживается давно уже у товарищей Безобразова, Никитенки, Б Федорова, etc.» *(«Неизд. письма», стр. 683)*.

Несмотря на то, что актеры-профессионалы и театральные клубные кружки обращались к Островскому с просьбой дать пьесу для бенефиса или поставить силами членов клуба, драматург не спешил с разрешением. Пьеса могла быть сыграна лишь в конце театрального сезона 1870/71 года, что было невыгодно автору. «Она может пройти раза три не более, и на следующий сезон будет

уже старая»,— писал Островский актеру А. А. Нильскому 15 декабря 1870 года *(ПСС, XIV, 194).* По этой причине он не торопился подавать пьесу в Театрально-литературный комитет и в цензуру (см. *ПСС*, *XIV*, *203*).

Отношение значительной части критики к этой острозлободневной комедии было неприязненным. Во многих случаях рецензенты проявили непонимание социального пафоса комедии, типичности драматической ситуации и упорно продолжали повторять, что за пределами «излюбленной тематики»— обличения купечества—талант изменяет Островскому. Возможно, такое восприятие комедии было вызвано неудовлетворительной ее трактовкой на сцене Александринского театра. Во всяком случае, отклики на появление пьесы в печати были доброжелательными; театральные же рецензии, в изобилии появившиеся после премьеры в Петербурге, отрицали какое бы то ни было художественное значение «Леса».

Так, автор обозрения в журнале «Заря» отметил, что комедия Островского «произвела приятное впечатление на всех почитателей его таланта», мастерски задуман характер Несчастливцева в его взаимодействии с другими персонажами. «Мысль о влиянии искусства, о смягчающем его действии на нравы, невольно приходит в голову при чтении роли Несчастливцева; именно на нем, этом сбившемся с толку помещике, с ревом читающем со сцены монологи Гамлета и Карла Моора, заметно это благородное влияние». По мнению обозревателя «Зари», Счастливцев очерчен очень удачно и вышел полнее и рельефнее всех остальных лиц. Критик отметил, что некоторые сцены пьесы задушевны и поэтичны (сцена Аксюши и Петра), некоторые полны неподдельного комизма. Основной недостаток комедии сводился, на его взгляд, к тому, что развязку всех драматических коллизий в пьесе автор возлагает только на одного Несчастливцева. «Самое предоставление Несчастливцеву нести на своих плечах *всю* развязку, даже до подробностей, не может назваться естественным ходом действия и препятствует даже, по местам, свободной рисовке этого характера» *(1871, № 2).*

Любопытное и трезвое мнение о пьесе высказывает также рецензент «Русского мира», причисляющий «Лес» к ряду «художественных, вполне обработанных вещей». Новое произведение Островского «необыкновенно интересно, а по внимательном прочтении наводит и на многие мысли: тут раскрыты и некоторые новые стороны жизни, есть также и совершенно новые характеры». Несчастливцева критик сравнивает с Дон-Кихотом: в герое Островского есть «известная степень рыцарской безалаберности и того всегда идущего во вред великодушия, которым так отличался герой Ламанчский». Поучительным находит рецензент характер старухи Гурмыжской, разоряющейся на любовниках, и восхищается, как «ловко придумано», что все пороки барыни отражаются на ее служанке, «одержимой тем же бесом». Вместе с тем отмечается некоторая несценичность пьесы — недостаточно быстрое развитие интриги, отсутствие «живости движений», растянутость разговоров: это, скорее, «как бы роман или повесть в сценах...» *(1871, 18 сентября).*

«Русский мир» остался верен своему мнению и после неудачной премьеры, повторив в театральной рецензии, что «Лес» — «явление весьма крупное в нашей литературе», а Островский единственный русский драматург «художническою кистью воспроизводящий общественные недуги». Громадную заслугу драматурга рецензент видел в том, что «в качестве строгого сатирика он с необыкновенною

силою и энергией указывает на больные места известной среды и с такою же энергией протестует против грубого невежества, парализующего поныне прогрессивные проявления людей». Автор статьи отмечает верность действительности и психологическую точность в изображаемых типах. «Картина верная, переполненная интересными деталями 〈...〉 Чуть ли не в каждом слове проглядывают знание жизни, горькая ирония, едко затрагивающая слабости человечества вообще и наши собственные недуги». Все лица в комедии — живые: Несчастливцев — «это в полном смысле широкая русская натура, способная на все доброе и вместе с тем увлекающаяся до крайности», тип, выхваченный из жизни, возбуждающий теплое сочувствие; Гурмыжская — «русская леди Тартюф». Отмечая «честное направление» комедии, критик объявляет ее выше всех предшествующих (см. *«Рус. мир», 1871, 4 ноября*).

Все же остальные рецензенты после премьеры не просто критиковали пьесу, а изничтожали ее заодно с автором. Одним из первых в «Петербургском листке» выступил критик, подписавшийся «Театральный нигилист». Он безапелляционно объявил: «новый быт» столь мало известен Островскому, что драматург не смог разглядеть в нем ни одного типического лица. «Г. Островский вывел трагика Несчастливцева бог весть для чего, бог весть зачем. Типа он не создал, и его Несчастливцев просто пьяница 〈...〉 Актерской печати на нем нет положительно...». Несчастливцев просто «болезненное явление, достойное изучения психиатра, а не драматурга». Ничего типичного не находит Театральный нигилист (А. А. Соколов) и в фигуре Счастливцева, по его мнению, это «образ без лица» *(1871, № 233)*.

Полностью присоединился к этому мнению П. Д. Боборыкин. Обширно цитируя статью Театрального нигилиста, он добавляет, что автор не создал ни одного нового лица по сравнению с «Воспитанницей». «... И замысел этой комедии безвкусен, лица украдены автором в прежних его произведениях, и язык некоторых персонажей, например, молодой девушки, смешон по своей книжности и вычурности,— непосредственное впечатление отдельных сцен до такой степени невыгодно для автора, что мы затрудняемся даже подобрать подходящий эпитет». Боборыкин считает, что Островский «в сценические писатели» попал по недоразумению и все пьесы его — это «драматизованные повести» *(«Дело», 1871, № 11)*.

Последующие рецензенты на разные голоса повторяли, по существу, те же упреки. Если Боборыкин посчитал, что «Лес» не выдерживает никакого сравнения с «Гувернером» В. А. Дьяченко, то М. Вильде объявил, что пьесы Островского менее сценичны, чем пьесы Викт. Александрова *(«Всемир. иллюстр.», 1871, 13 ноября)*. Рецензент «Современной летописи» видел причину неудачи в том, что лица слишком «разговорились» и не слушают авторского призыва к порядку, Несчастливцев же «есть очевидный вымысел, не имеющий никакого места и значения в русской жизни» *(1871, 22 ноября)*; «Русские ведомости» утверждали, что из пьесы без всякого ущерба можно выкинуть «любое действующее лицо, даже любое действие» *(1871, 15 декабря)*.

Лишь в середине 70-х годов критика более уверенно и энергично начала отмечать и достоинства пьесы, которых раньше не замечали и не хотели видеть. Старый театрал, знаток сцены П. П. Гнедич объяснял такую перемену могучим влиянием театра на критику. В самом деле, пьеса не сходила со сцены, игралась

в любительских кружках. Со временем в спектаклях появились новые исполнители, талантливые актеры, оставившие глубокий след в истории русского театра. Они несли с собой новое, углубленное понимание пьесы, иную разработку характеров, разъясняли, показывали публике и критике то, что не было замечено сначала за рутинным, шаблонным исполнением александринцев. Менее чем через пять лет после дружного критического осуждения «Леса» прессой в «Санктпетербургских ведомостях» появляется рецензия, в которой о блестящих достоинствах пьесы говорится уже как о само собой разумеющемся. «Комедия «Лес», конечно, принадлежит к числу лучших драматических вещей Островского. При хорошей постановке и хорошем ансамбле — смотреть эту пьесу истинное наслаждение: так в ней все отлично обработано, так хорош ее замысел и так типичны лица» *(1876, 16 марта)*.

В 1880 году поэт А. Н. Плещеев возмущается, что эту «прекрасную вещь», лучшее произведение писателя давно не дают на казенной сцене. «Что за типические реальные личности,— пишет Плещеев,— все эти Гурмыжские, Восмибратовы, Булановы, Милоновы... но ярче, рельефнее всех их этот достолюбезный провинциальный трагик Геннадий Несчастливцев, то вызывающий у вас смех своими донкихотскими выходками и своим пафосом, то трогающий вас до слез своими великодушными, самоотверженными порывами». В дремучем лесу он один «является носителем гуманных, благородных, возвышенных идей, благодаря тому, что его воспитало искусство, что он, презрев земные блага, обрек себя на служение ему» *(«Молва», 1880, 2 марта)*.

Островский очень тщательно готовился к постановке «Леса». Для сценического варианта он сделал в пьесе сокращения, так как считал, что «подробности, не лишние в печати, часто бывают лишними на сцене и вредят успеху пьесы, а следовательно, и интересам автора» *(ПСС, XIV, 207)*. Драматург лично наметил актеров для исполнения основных ролей на Александринской сцене и даже пытался отвести кандидатуру своего друга Ф. А. Бурдина, справедливо полагая, что роль Несчастливцева не в его средствах *(см. там же, стр. 215)*. Подробнейше описывал автор, как должны быть одеты отец и сын Восмибратовы, просил непременно, чтоб Бурдин известил его телеграммой «только о крупном успехе или неуспехе пьесы» *(там же, стр. 216, 217)*.

1 ноября 1871 года на сцене Александринского театра в бенефис Бурдина состоялась премьера «Леса». В этом спектакле роли исполняли: Гурмыжская — А. М. Читау, Аксюша — Е. П. Струйская (Струйская 1-я), Восмибратов — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Петр — И. Ф. Горбунов, Несчастливцев — Ф. А. Бурдин, Счастливцев — П. И. Зубров, Буланов — Н. Ф. Сазонов, Милонов — П. П. Пронский, Бодаев — П. С. Степанов, Улита — М. М. Александрова, Карп — Н. Н. Зубов.

3 ноября 1871 года Бурдин писал Островскому: «Пьэсу принимали очень хорошо и вызовов было чрезвычайно много, но все нашли, что она слишком длинна, потому что сокращения твои чрезвычайно незначительны. Пьэса шла четыре часа с четвертью — суди сам, как это долго ⟨...⟩ Твое отсутствие чрезвычайно повредило постановке» *(Бурдин, стр. 149—150)*. В этом же письме Бурдин

предлагал сделать дальнейшие сокращения, на что и получил впоследствии разрешение автора.

Премьера, однако, была близка к провалу. Не было ни одной театральной рецензии, которая не отметила бы, что комедия «пала» или «упала». Пресса обвиняла в этом автора, но было очевидно, что большая доля вины падает на актерскую труппу и в первую очередь на бенефицианта. Роль Несчастливцева не принадлежит Бурдину,— писал рецензент «Голоса». Он по природе своей комик, а в роли трагика «сильно походил на тенора, стремящегося петь басом» *(1871, 3 ноября)*. Актер «...не совладал с трудною ролью, недостаточно оттенил пафос трагика и простоту, теплое чувство добряка, русского человека. Все вышло неестественно» *(«Рус. мир», 1871, 4 ноября)*. Бурдин «не обладает ни малейшим трагизмом, потому не был даже в состоянии войти в тон своей роли» *(«Всемир. иллюстр.», 1871, 13 ноября)*.

Серьезными были упреки, адресованные и другим исполнителям: Читау, «на которой сосредоточивался весь интерес пьесы, была решительно невозможна»,— вместо ханжи-развратницы она изобразила позирующую жеманницу. Струйская из Аксюши «сделала прескучнейшую плаксу». Еще хуже была Александрова — Улита; «...такого балаганного ломанья нам давно не случалось видеть на александринской сцене» *(«Голос», 1871, 3 ноября)*. «Г-жа Читау совершенно не попала в тон — читала свою роль бессознательно ⟨...⟩ г-жа Александрова (Улита) впала в непростительную шаржировку» *(«Рус. мир», 1871, 4 ноября)*. Почти дословно повторил это критик «Новостей» *(1871, № 186)*.

Из всего состава исполнителей выделяли лишь Зуброва и Васильева. О Зуброве писали, что из Счастливцева он создал тип без малейшей утрировки, что игра его отличалась неподдельным комизмом. Восмибратова — Васильева также находили типичным и жизненным.

Несмотря, однако, на единодушные жалобы газетчиков, что «пьеса истомила публику», несмотря на безапелляционное предсказание Боборыкина, что после трех-четырех спектаклей комедия «вряд ли будет давать какие-нибудь сборы» *(«Дело», 1871, № 11)*, пьеса осталась в репертуаре. «У нас театр постоянно набит битком, третьего дня играли «Лес» при полном сборе и с блестящим приемом»,— писал Бурдин Островскому через год после премьеры, 22 ноября 1872 года *(Б у р д и н, стр. 167)*.

Скоро пьеса завоевала горячие симпатии петербургской публики. Перелом в настроении зрителей и журналистов связывают с приездом в Петербург на гастроли актера Малого театра С. В. Шумского, который по-своему трактовал образ Счастливцева. Гнедич писал: «Неуспех «Леса» продолжался на Александринской сцене до весны 1874 года, когда из Москвы приехал на гастроли Шумский. Идеальный Счастливцев, от которого приходил в восторг Островский, играл не с приятелем автора Бурдиным ⟨...⟩ а со скромным, второстепенным актером Петром Степановым. Степанов был прямо-таки великолепен в роли трагика ⟨...⟩ И вдруг у публики открылись глаза. Читау, игравшая Гурмыжскую прежде как будто делано,— вдруг оказалась реальной и естественной. Струйская, казавшаяся слабой Аксюшей, заиграла такими правдивыми красками, что публика с ней примирилась. Да и вся пьеса оказалась не только не нудной, а сценичной и интересной» *(«Жизнь искусства», 1922, № 4)*.

Первое представление «Леса» в Малом театре состоялось 26 ноября 1871 г. в бенефис С. П. Акимовой. Роли в спектакле исполняли: Гурмыжская — Н. М. Медведева, Аксюша — Г. Н. Федотова, Милонов — И. В. Самарин, Бодаев — В. И. Живокини (Живокини 1-й), Восмибратов — П. М. Садовский, Петр — Н. И. Музиль, Буланов — М. П. Садовский (Садовский 2-й), Несчастливцев — Н. Е. Вильде, Счастливцев — С. В. Шумский, Карп — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Улита—С. П. Акимова.

Островский сам принимал участие в постановке, присутствовал на репетициях, давал актерам советы и указания.

Московская премьера прошла с большим успехом. Из общего слаженного и сыгранного ансамбля выпадал только Вильде. «Русские ведомости» писали, что роль Несчастливцева «при сценической концепции г. Вильде вышла какою-то непонятной и крайне натянутой шаржей». С большой похвалой отозвался рецензент о Медведевой и Шумском: своим успехом пьеса обязана Шумскому, «создавшему из роли провинциального комика Счастливцева один из тех художественных и вполне своеобразных типов, которые составляют эпоху в мире сценического искусства». Медведева из роли Гурмыжской создала «характерный тип русской женщины-тартюфа» *(«Рус. вед.», 1871, 15 декабря).*

В 1878 году после смерти Шумского роль Счастливцева стал исполнять М. П. Садовский, давший иную сценическую интерпретацию этого персонажа. «Михаил Прович его пожалел, заглянул в его душу и увидел в нем актера, страстно приверженного к театру». Центральной у Садовского 2-го стала сцена, где Счастливцев рассказывает о своем «мирном житье» у дядюшки-лавочника. «У Садовского весь Аркашка был в этом признании: бездомный актер, с малым дарованьицем, но с большой, неугасимой любовью к театру» *(С. Дурылин, П. М. Садовский, М., «Искусство», 1950, стр. 46—47).*

Комедия «Лес» вошла в русский национальный репертуар. Она часто ставилась в столицах, не сходила со сцен многочисленных провинциальных и частных театров. Статистика показывает, что это одна из самых репертуарных пьес Островского. Знаменитые русские артисты пробовали свои силы в этой пьесе. Ее часто возобновляли в бенефисы, актеры любили ставить ее в свои юбилеи.

5 февраля 1876 года в Общедоступном театре (бывш. Народный) в Москве в пятидесятилетний юбилей своей сценической деятельности в «Лесе» выступил знаменитый актер провинциальной сцены Н. Х. Рыбаков. Сохранилось множество воспоминаний очевидцев об этом большом театральном событии. Вот что пишет один из них, В. Михайловский: «При появлении юбиляра перед публикой в роли Несчастливцева во втором действии его встретили громом рукоплесканий 〈...〉 Восторг публики достиг апогея, и юбиляр был прерван в том месте своей роли, в котором Несчастливцев вспоминает, как сам Н. Х. Рыбаков одобрил его игру. При этом упоминании собственного имени голос юбиляра задрожал и перешел в шепот и он едва-едва мог удержаться от слез, тем более что он знал о присутствии в театре Островского, который преподнес юбиляру от имени Общества драматических писателей серебряно-вызолоченный чайный стакан изящной работы» *(ЕИТ, 1911, вып. IV, стр. 75).*

Блестяще, с огромным успехом роль Несчастливцева исполнил на гастролях в Петербурге М. И. Писарев вместе с В. Н. Андрее-

вым-Бурлаком, который играл Счастливцева. Плещеев, видевший эту пару 26 февраля 1880 года на сцене Клуба художников, где «Лес» шел в пользу Общества любителей сценического искусства, писал в своем обзоре: у Писарева «эта роль обдумана до мелочей и отделана в совершенстве. Он именно умел оттенить переходы от напускного, заученного пафоса к искренним сердечным порывам. Это было чрезвычайно умное и талантливое исполнение». Отлично прошла сцена встречи актеров-путешественников во втором акте, их диалог «беспрестанно вызывал смех и рукоплескания». «Мастерски загримированный г. Андреев-Бурлак обнаружил много неподдельного юмора и веселости ⟨...⟩ давно уже ни один спектакль не оставлял в нас такого отрадного впечатления, как этот» *(«Молва», 1880, 2 марта)*.

Среди театралов и критиков прошлого века Писарев считался лучшим и непревзойденным Несчастливцевым. Весной 1880 года Островский видел «Лес» с Писаревым и Андреевым-Бурлаком в Москве на сцене театра близ памятника Пушкину (антреприза А. А. Бренко). Он был в восторге от исполнения Писарева. С. В. Максимов, присутствовавший на спектакле, вспоминал: «...Александр Николаевич пришел на сцену взволнованный, в слезах:

— Что вы со мной сделали? Вы мне сердце разорвали. Это — необыкновенно!

— А я боялся сегодня только одного вас, Александр Николаевич. Кроме вас, для меня никого не существовало.

— Вам некого бояться, Модест Иванович!.. Это высоко-художественно!.. Это, повторяю, необыкновенно!» *(«Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева, П. М. Невежина», т. XI Спб., «Просвещение», стр. 36)*.

По свидетельству другого современника, П. М. Невежина, Островский был неудовлетворен тем, что Андреев-Бурлак нетвердо знал свою роль. Невежин приводит слова драматурга, сказанные актеру: «Помните, когда вы спросили меня в театре Солодовникова о вашей игре Счастливцева, то я отказался судить, потому что вы не сказали ни одного слова из текста, а стало быть, играли не мою пьесу, а свою собственную» *(ЕИТ, 1910, вып. VI, стр. 13)*.

16 декабря 1884 года «Лес» был сыгран в Малом театре в юбилей И. В. Самарина. Это был день триумфа и для юбиляра и для автора. В одной из своих официальных записок Островский писал об этом спектакле: «Поклонники Самарина ⟨...⟩ боялись, что его юбилейный спектакль ⟨не будет иметь⟩ большого успеха, если устройство его не приму на себя я, и пришли кланяться ко мне. Они не ошиблись в своем расчете. Московский театр был полон, и публика была отборная, сбор с призами дошел до 9 тысяч рублей ⟨...⟩ Этот спектакль ясно показал, как московская публика любит и ценит меня: когда после пятиактной моей пьесы «Лес» я вышел на сцену, вся публика в театре встала; этой чести из всех русских литераторов удостоился только один я» *(ПСС, XII, 290)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 52 раза, в Петербурге, в Александринском театре, 34 раза (последний спектакль в Москве состоялся 3 ноября 1885 г., в Петербурге — 24 сентября 1885 г.).

В 1895 году М. П. Садовский возобновил «Лес» в бенефис, данный ему за двадцатипятилетнюю службу в театре. Обозреватель журнала «Театрал» В. И. Маров писал о бенефицианте: «Г. Садов-

ский играет своего Счастливцева весельчаком-балагуром, смеющимся над всем в жизни, гаденьким трусишкой 〈...〉 его следует играть именно так». Роль трагика Несчастливцева играл в этой постановке сын Н. Х. Рыбакова — актер Малого театра К. Н. Рыбаков.

Судя по отзывам современников, его исполнение не было ровным, в игре были свои взлеты и неудачи. Так, Маров находил, что Рыбаков превосходно сыграл сцену встречи с Гурмыжской: «Г. Рыбаков сделал это как настоящий король на сцене. Его волнует первое свидание, ему неловко за свое самозванство, и он спасается за трескучими фразами из своих ролей». К числу удачных рецензент причисляет также сцену с Восмибратовым, диалог Несчастливцева с Аркашкой, сцену с Карпом и некоторые другие. Неудачными считал рецензент сцену с Аксюшей и рассказ об одобрении «самого Н. Х. Рыбакова». Этот последний эпизод, по мнению критика, вышел у Рыбакова-сына «очень бледным и не произвел положительно никакого впечатления» (*«Театрал», 1895, № 7, кн. 2*).

Комедия давала богатейший материал режиссерам и постановщикам, которые опробовали на ней все возможные стили сценического воплощения от строгого реализма до формальных поисков. И. Я. Гремиславский вспоминал о некоторых замечаниях К. С. Станиславского по поводу возможной постановки «Леса», относящихся к 1913 или к 1914 году: «Константин Сергеевич представлял себе жизнь и быт людей этой пьесы как нечто дикое и страшное, среди дремучего, огромного леса, полного зверей и птиц, непроходимые чащи, заросли чапыжника, лесные болота, топи, неимоверной толщины деревья, покрытые мхом и наростами. Неба не видно. В таком толковании понятно символическое значение названия Островским пьесы «Лес» 〈...〉 Вспомнилось мне, К. С. Станиславский говорил, что и дома там должны были быть построены из толстенных бревен, как крепости, с потолками, подпертыми чуть ли не стволами деревьев» (*«Театр», 1951, № 4*).

Среди постановок «Леса» в советском театре наиболее известны постановка В. Э. Мейерхольда в Театре Революции в 1924 году; спектакль Ленинградского театра драмы им. А. С. Пушкина 1936 года; Государственного академического Малого театра в 1937 году и спектакль МХАТ им. А. М. Горького 1948 года. Советская сцена видела блестящих исполнителей центральных персонажей Островского, таких, как И. В. Ильинский, В. О. Топорков (Счастливцев), Ю. М Юрьев (Несчастливцев), А. А. Яблочкина (Гурмыжская), В. Н. Рыжова (Улита).

Стр. 255

Земство — местное самоуправление, ведавшее хозяйством, торговлей, а также вопросами образования в уезде или губернии. Введено с 1864 года. В выборах земских деятелей участвовали лица с определенным имущественным цензом.

Стр. 258

Кантонист (Kantonist *(нем.)* — призванный на службу).— В крепостной России — малолетние сыновья солдат, числящиеся на службе с самого дня рождения. С 1805 года кантонистами называли несовершеннолетних детей солдат, которых еще со времен Петра I отдавали в гарнизонные школы, где обучали грамоте и какому-

либо мастерству. Кантонист выходил из крепостного звания, но становился чем-то вроде потомственного крепостного при военном ведомстве.

Стр. 271

...*«унеси ты мое горе»*...— строка из популярной русской песни, слова Ю. А. Нелединского-Мелецкого:

«Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой!»

(см. *«Песни и романсы русских поэтов», изд. 2, М.—Л., «Советский писатель», 1965, стр. 130 и 984*).

Стр. 272

...*в Ильинскую*...— Ильинская ярмарка, ежегодно действовавшая в Полтаве в июле, когда отмечался праздник Ильи-пророка. Ярмарка была многолюдна, с обилием развлечений, театром и т. п. (см.: *Н. С. Ашукин, С. И. Ожегов, В. А. Филиппов, Словарь к пьесам А. Н. Островского. Хранится в Центральной научной библиотеке ВТО*).

Стр. 276

..*играл я Велизария*...— заглавный герой из стихотворной драмы немецкого государственного деятеля и драматурга Эдуарда Шенка (1788—1841) «Велизарий». На русской сцене драма шла в переделке П. Г. Ободовского с 1839 года.

Николай Хрисанфыч Рыбаков (1811—1876) — знаменитый русский актер провинциальных театров, играл в Курске, Харькове, Киеве, во многих других городах юга России и Поволжья. Его творческий диапазон очень широк, он исполнял роли в пьесах Шекспира и Шиллера, Пушкина, Грибоедова, Фонвизина, Островского и в то же время играл в мелодрамах Полевого, Кукольника и пр. Много раз выступал как гастролер в Москве и Петербурге, но в труппы императорских театров принят не был из-за своего независимого, непокладистого характера.

...*Бичевкин.*— Актер П. М. Медведев рассказал Островскому об одном эпизоде из своей актерской жизни. В 1854 году в Костроме он играл роль Фидлера (см. ниже), роль Ляпунова в этом спектакле исполнял Н. Г. Павлов-Веревкин. По ходу действия Веревкин так азартно выбросил в окно Фидлера — Медведева, что последний две недели пролежал в больнице *(П. М. Медведев, Воспоминания, Л., «Academia», 1929, стр. 99—101)*. Островский воспользовался этим рассказом, чуть переиначив фамилию трагика (Веревкин — Бичевкин).

Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с — персонажи из драмы Нестора Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский». Драма посвящена В. А. Каратыгину и впервые поставлена в его бенефис 14 января 1835 года в Александринском театре. Сцена, о которой рассказывает Счастливцев,— это финал четвертого акта, считавшийся особенно эффектным. Белинский писал, что сцена, где Каратыгин — Ляпунов выбрасывает в окно Фидлера, особенно удалась актеру, сыграна им благородно и грациозно и снискала

горячие рукоплескания публики (см.: *В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. I, М., Изд-во Академии наук СССР, 1953, стр. 186—187).*

Стр. 277
...одесский, первый сорт от Криона...— Крион Папа Никола — одесский табачный фабрикант.

...покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последним поделится.— Корнелий Николаевич Полтавцев (1823—1865) — трагик, актер Малого театра. Продолжал сценические традиции П. С. Мочалова. Полтавцев много гастролировал в провинции, играл в Одессе, Таганроге, Ростове, Воронеже, Туле. Пользовался горячей привязанностью товарищей-актеров. «...Корнилий Полтавцев, несомненный благодетель меньшей актерской братии, единоличный, скорый и умелый заступник и охранитель ее при хищнических и безнаказанных поползновениях театральных антрепренеров,— вспоминал о нем С. В. Максимов.— Обладая горячим сердцем, привлекательным, уживчивым и ласковым нравом, он делился с товарищами последним куском черствого хлеба и ⟨...⟩ в буквальном смысле, последнею, оставшеюся в дорожной сумке, рубашкою». У Островского он «пользовался особенною, предпочтительною любовью...» *(«Рус. мысль», 1897, № 1).* Полтавцев умер 29 декабря 1865 года в Москве. Актеры хоронили его с большими почестями.

Стр. 284
...сам Мартынов играл лакеев...— Александр Евстафьевич Мартынов (1816—1860) — известный русский актер, основоположник реалистической школы игры на петербургской сцене. В 1836 году был зачислен в труппу, но долгое время его держали на выходных ролях, на амплуа лакеев и комиков в бездарных водевилях.

Стр. 285
Сганарель — персонаж комедий Мольера, слуга, удачливый весельчак и ловкий пройдоха. До появления «Леса» на русской сцене шли пьесы Мольера «Лекарь поневоле», «Хоть тресни, а женись», «Школа мужей», «Сганарель, или Мнимый рогоносец», «Замужество — лучший доктор», в которых действует этот персонаж.

Стр. 286
...своего термину...— то есть своего времени, своего срока. Испорченное от франц le terme — конец, срок.

Стр. 289
«...добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!» — слова Гамлета из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. III, явл. 3).

Стр. 293
Вольт...— здесь — ловкий, жульнический прием в карточной игре (в спортивном языке — резкий поворот лошади; уклонение от удара в фехтовании).

Стр. 301
Ампоше — прикарманить (от франц. empocher — класть в карман, получать).

Стр. 313

...на сцене я принц ∽ сорок тысяч братьев любить не могут.— Имеется в виду трагедия Шекспира «Гамлет».

Стр. 319

Корнелий Непот — римский писатель, I в. до н. э. Его сочинения, считавшиеся образцом простого и ясного изложения, изучались в гимназиях.

Пифагоровы штаны — шутливое школярское название графического начертания знаменитой теоремы древнегреческого математика Пифагора.

Менестрель — в средние века странствующий поэт, музыкант.

Стр. 321

...конвенансы были бы сохранены...— то есть приличия были бы соблюдены (от франц. la convenance — приличие).

Стр. 324

...как старый Лир — герой трагедии Шекспира «Король Лир».

Стр. 325

Межевые книги — рукописные книги велись в России в XVI веке как документы Поместного приказа. В них указывались границы (межи) земельных владений. Здесь, вероятно, имеются в виду книги, которые велись в поместье Гурмыжской с описанием ее владений.

Стр. 327

Ротшильд — см. прим. к стр. 167.

Стр. 334

...коканец и киргиз-кайсак — бывшее кокандское ханство — ныне Ферганская обл.; киргиз-кайсак — старое название казахов.

...Комплот! — заговор (от франц. le complot).

Стр. 336

Давай, брудершафт выпьем! — Актер А. З. Бураковский в своих воспоминаниях (*«Закулисная жизнь артистов», М., 1906*) рассказывает об эпизоде, связанном с исполнением роли Несчастливцева Н. Х. Рыбаковым:

Идет последняя репетиция «Леса», на которой присутствует автор. Суфлер подает реплику: «Ну, теперь давай лучше выпьем на брудершафт!» Рыбаков не понимает, переспрашивает суфлера, потом обращается к автору:

«— Что это за штука?

— Брудершафт, Николай Хрисанфович,— отвечает ему из кресел А. Н. Островский,— слово немецкое. Это значит — выпьем на «ты».

— Вот оно что — немецкое слово! Так на что же тебе понадобилось немецкое слово, коли ты русскую пьесу писал. Брось это! Оставь лучше так: выпьем на «ты»!

— Все равно, Николай Хрисанфович, можно и так сказать.

Александр Николаевич так был увлечен исполнением роли Рыбаковым, что на все соглашался, чего бы ни захотел Николай Хрисанфович» (цит. по *«Восп.», стр. 403—404*).

Стр. 337

«Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуи — кинжалы в грудь! Львы и лео-

парды питают детей своих, хищные враны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!» — цитата из драмы Фридриха Шиллера «Разбойники» (д. I, явл. 2) в переводе Н. Х. Кетчера (1828 г.).

Л. Смирнова

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1871, № 9, стр. 1—68.

Сохранились следующие рукописные источники:

Черновой автограф пьесы (*ЧА*) писан карандашом, с правкой — вычерками и вставками, с подписью автора.

По первоначальному замыслу пьеса начиналась сценой чаепития Кругловой и Феоны (ставшей впоследствии сценой второй). На л. 10 *ЧА*, где набросана эта сцена, написан заголовок, список действующих лиц, помета «Действие I» (все это зачеркнуто при переработке) и авторские даты: «Задумана 8 марта», «Начата 10 марта 1871 г.». Согласно этому плану Островский написал одно действие целиком и несколько реплик второго (нынешняя сцена вторая и начало третьей). Далее, 3 апреля, он начинает работу над сценой первой и, окончив ее, вновь принимается за сцену третью и четвертую. На л. 33 стоит дата окончания «9 апреля 1871 г.» и подпись автора. Текст *ЧА* имеет некоторые расхождения с первопечатным текстом (ГБЛ).

Авторизованная писарская копия — режиссерский экземпляр Малого театра. *АТК* проходила цензуру и Театрально-литературный комитет.

На л. 1 среди многих официальных помет две визы: «По журналу Т.-Л. Комитета 21 августа 1871 к представлению на сцене одобрено. Председатель Комитета П. Юркевич»; «К представлению дозволено. Цензор драматических сочинений д⟨ействительный⟩ с⟨татский⟩ с⟨оветник⟩, Фридберг. 10 сентября 1871 г.».

В *АТК* Островский чернилами вписывал слова, неразобранные писцом. Кроме того, в тексте *АТК* есть некоторые реплики и словесные замены, сделанные карандашом, очень небрежным почерком. Часть их определенно принадлежит автору, другие если вписаны не им самим, то несомненно с его ведома. Замены, сделанные карандашом, не вошли в печатный текст (*ММТ*).

Театральная писарская копия ($ТПК_1$) — суфлерский экземпляр Малого театра имеет некоторые карандашные поправки, не вошедшие в печатный текст. Часть их, возможно, сделана рукой Островского (*ММТ*).

Театральная писарская копия Александринского театра, цензурованный экземпляр. На л. 1 $ТПК_2$ среди многих помет официальных учреждений — виза Фридберга: «К представлению дозволено. 10 сентября 1871 года»; и более позднее цензорское разрешение к представлению на Народных театрах. Текст $ТПК_2$ совпадает с первопечатным за исключением нескольких описок и опечаток (*ЛГТБ*).

Судя по авторским датировкам на *ЧА*, комедия была написана за один месяц, с 10 марта по 9 апреля 1871 года.

Печатается по тексту «Отечественных записок» с исправлением опечаток и искажений:

Стр. 342, строка 32
«а как будто он в самом деле» *вместо* «а так, будто он в самом деле» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 355, строки 26—27
«женщина молодая, измаялась совсем» *вместо* «женщина молодая, изменилась совсем» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 356, строка 10
«око-зрение у него притупилось» *вместо* «зрение у него притупилось» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 357, строка 43
«Да оно и по всему видно» *вместо* «Давно и по всему видно» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 360, строка 34
«сулит большое награждение» *вместо* «сулит большое вознаграждение» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 382, строки 37—38
«к вам не ластилась» *вместо* «к вам не ласкалась» (*по ЧА, АТК, ТПК*$_1$).

Стр. 385, строки 41—42
«метались по дому-то, как кошки» *вместо* «шатались по дому-то, как кошки» (*по ЧА, АТК*).

«Имея постом свободное время, я нарочно взял немудреный сюжет, чтобы, не стесняясь сложностию задачи, заняться любезной для всякого художника работой: отделкой внешности, по возможности до той степени, которая называется оконченностию»,— так определил автор свою художественную задачу в письме к П. В. Анненкову 30 апреля 1871 года (*ПСС, XIV, 206*). А несколькими днями ранее он писал Ф. А. Бурдину: «Это скорее этюд, чем пьеса, в ней нет никаких сценических эффектов; эта вещь писана для знатоков, тут главное: московский быт и купеческий язык, доведенный до точки...» (*ПСС, XIV, 203*).

Этот этюд с «немудреным сюжетом» и без «сценических эффектов», писанный как бы для отдохновения и адресованный «знатокам», показывает в то же время, каким чутким художником был Островский, как верно улавливал малейшие изменения на общественной почве, в данном случае — начинающийся крах самодурства.

Едва рукопись попала в Петербург, как оттуда стали поступать хвалебные отзывы. 26 апреля 1871 года Бурдин пишет Островскому: «Вчера прочел «Не все коту масляница» — две мужские роли — музыка» (*Бурдин, стр. 131*). На следующий день пространный отзыв на пьесу шлет автору Анненков: «Под впечатлением только что прослушанных прелестных Ваших сцен «Не все коту масляница», на вечере у Феоктистовых, имею потребность выразить Вам, в нескольких словах, то чувство наслаждения, которое я испытал и за кото-

рое обязан принести посильную благодарность. Сколько тут поучающего, а не пошлого комизма, какая отделка и что за язык — просто музыка. Говорят — это безделица, написанная в виде отдохновения, между делом, но в безделице этой столько содержанья, столько игры таланта 〈...〉 И радует меня особенно то обстоятельство, что, под годами, не иссякает у Вас струя веселости и творчества, а как будто кипит еще сильнее» (*«Неизд. письма», стр. 16—17*).

Критика приветствовала «возвращение» Островского к «своей» тематике. Справедливость требует сказать, что некоторые журнальные обозреватели и театральные рецензенты уловили то новое, что внес драматург в свою излюбленную тему. Так, «Сын отечества» отмечал, что новые сцены отличаются по основной мысли от предыдущих комедий: в этих сценах «выведено положение самодурства среди современной обстановки жизни, уже иное, отличное от того, какое мы видели прежде 〈...〉 время прежнего безотчетного самодурства проходит 〈...〉 светлый луч пробивается в темное царство; пробивается мало помалу, тем не менее уже освещает некоторые углы его 〈...〉 от самодурства невтерпеж становится их жертвам и они делаются готовы на месть ему за себя; так самодурство само рождает протест против себя» (*1871, 29 сентября*).

Близкие к этому мысли высказывает обозреватель «Санктпетербургских ведомостей» В. П. Буренин. Основную коллизию пьесы он видит «в столкновении двух противуположных элементов — элемента дикого самодурства, воспитавшегося на деспотизме и привычке к угнетению, на власти богатства и поклонения ему, и элемента простой человеческой честности, выработанной уроками трудовой жизни». В сценах нельзя не заметить «свежести замысла»,— драматург сразу ставит перед зрителем типы «со всеми их характерными особенностями», это «высшая зрелость таланта». Рецензент находит превосходной сцену, где самодуру Ахову приходится спасовать перед двумя женщинами. Монолог Ахова «...одно обидно: непокорность ваша...» (*сцена IV, явл. 3*) критик ставит рядом с монологом городничего в «Ревизоре»: «Тут в нескольких словах выяснен целый строй жизненных условий известной среды». Заключительный же монолог Ахова выражает весь смысл пьесы. «Это душевный крик, вырвавшийся невольно из груди самодура, впервые смутно почувствовавшего, что его бесшабашная сила проходит, что темные элементы бесправия и бесчеловечия начинают уступать другим более светлым элементам» (*1871, 5 октября*).

Доброжелательными и объективными были статьи в «Голосе» (*1871, 20 октября*), «Современной летописи» (*1871, 25 октября*), «Биржевых ведомостях» (*1872, 19 февраля*) и других газетах. Рецензент «Русского мира» М. Р. считал, что пьеса принадлежит к лучшим, если не к самым капитальным пьесам Островского,— от нее веет «полною жизнью, отстаивающею права свои против устарелой рутины и одряхлевших предрассудков в купеческом быту». Отмечая простоту содержания, рецензент восхищался художественностью пьесы: «... как искусно выведен в ней разговор, как характерно в ней〈...〉каждое слово...» (*1872, 15 января*).

Лишь немногие рецензенты поместили о пьесе резко критические отзывы. Таким был отзыв «Петербургского листка», автор которого патетически восклицал: «Опять дикие самодуры! Опять кривлянье необузданного невежества! Что за наказание! На этот раз г. Островский рисует в лице своего нового героя не просто самодура,

а из самодуров самодура, какое-то чудище, что-то до крайности похожее на ихтиозавра!» *(1871, № 199)*.

Неприязненными были и два отзыва за подписью «П. Б.» (П. Д. Боборыкина) в журнале «Дело» и газете «Новое время». В обоих автор утверждал, что в сценах Островский не создал ни одного нового характера, а лишь повторял те, что были в прежних пьесах (см.: *«Дело», 1872, № 11;«Нов. время», 1872, 15 января)*.

Эти суждения затерялись, однако, в общем хоре восторгов и похвал.

В 1874 году И. А. Гончаров, готовя материалы для статьи о творчестве Островского, отнес сцены к лучшим произведениям драматурга. Он писал, что в пьесах «Не все коту масленица» и «Поздняя любовь» «автор не изменил себе: мы видим прежнего Островского, такого же тонкого наблюдателя, часто поэта, живописца, юмориста, каким знали его двадцать лет, только с большим самообладанием — в развитии идеи и в художественном воплощении ее в образе — словом, созревшего и опытного мастера» *(И. А. Гончаров, Собр. соч., т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 170)*.

В своем исследовании «Особенности русской комедии» А. М. Скабичевский подчеркивал типичность образа Ахова, относя его к числу людей, «лишенных всяких принципов и не имеющих поэтому никакой почвы под ногами», они бессильны выдержать «мало-мальски твердое сопротивление и при малейшем энергическом отпоре совершенно теряются и делаются беспомощными и жалкими». В характере Агнии же Скабичевский видел противоречие. С одной стороны, она как будто «обладает вполне чувством нравственной свободы и независимости»; с другой — она не оскорбляется бесчинством Ахова в их доме. Причину этого критик видит в том, что русская действительность воспитывает в человеке «самоунижение и рабскую смиренность», которые «простираются зачастую до такой степени, что мы даже в собственной квартире не смеем быть хозяевами...» *(«Отеч. зап.», 1875, № 1 и № 2)*.

В сентябре 1872 года пьесы «Не все коту масленица» и «Не было ни гроша...» представлялись на Уваровский конкурс. Член комиссии А. В. Никитенко 12 сентября 1872 года записал в своем дневнике: «Обе слабы, и я не мог дать о них одобрительного отзыва» *(А. В. Никитенко, Дневники, т. 3, М., Гослитиздат, 1956, стр. 251)*.

Впервые пьеса была поставлена в Москве в Малом театре 7 октября 1871 года в бенефис Д. В. Живокини. В спектакле участвовали: Ахов — П. М Садовский, Ипполит — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Круглова — С. П. Акимова, Агния — А. В. Живокини, Феона — Х. И. Таланова, Маланья — Ю В. Зернова.

Санктпетербургский «Голос» очень прохладно отозвался об игре москвичей, находя постановку неудовлетворительной. Рецензент писал, что Садовский «... отнесся к своей роли исключительно только с внешней стороны, со стороны грима, костюма и жестов ⟨...⟩Он отчетливо выговаривал, где следовало, типичные особенности старинного купеческого жаргона, вроде «хозява», «благодетелев» и «родителев», вращал очень уморительно пальцами⟨...⟩ но он не осветил ⟨...⟩*внутренней*, психологической стороны изображаемого им лица...». Бенефицианта упрекали в том, что он не создал типа, не выдержал тона, не стал «на высоте *внутренней* задачи, предложенной автором». Как ни парадоксально, но один из существенных недостатков постановки рецензент усмотрел в том, что в зале постоянно раздавался смех *(1871, 20 октября)*.

Мнение рецензента «Голоса», слишком субъективное, расходится с оценкой спектакля современниками. 13 октября 1871 года Островский писал Бурдину: «Не все коту масленица» имела большой успех и, говорят, шла очень хорошо, чему я не совсем верю, потому что роль Ипполита играл Митос Живокини. Действительно хорошо играли только Садовский и Акимова; брат Петя говорит, что Садовский играл на удивление; это и сделало большой разговор в Москве, оттого и пьеса идет каждый день и нет додору до билетов» *(ПСС, XIV, 215)*.

3 февраля 1874 года пьеса была поставлена в Артистическом кружке с участием Н. Х. Рыбакова, М. П. и О. О. Садовских (см. «*Ист. вест.*», *1912*, *№ 6*).

В Александринском театре пьеса впервые была показана 13 января 1872 года (спектакль не был бенефисным). Но еще до премьеры ее сыграли в Клубе художников без ведома и разрешения Островского. Ипполита в этом спектакле играл писатель В. А. Слепцов, Ахова — поэт П. В. Шумахер, Агнию — актриса Е. И. Левкеева. По поводу этой постановки Бурдин писал Островскому 19 октября 1871 года: «... какую гнусность сделали с тобой у нас в клубе художников, сыгравши «Не все коту масляница». Ни просьбы, ни уговаривания, ни угрозы процессом ничего не помогло — эти бесстыдники мне в ответ только нагло смеялись — и добро бы это было сделано по необходимости или во имя дела — а то играли ни слова не знавши и только загадили пьэсу...» *(Бурдин, стр. 146)*.

Спектакль этот был сыгран в нарушение авторских прав и мог повредить премьере в театре, поэтому Островский в письме к своему другу, скульптору М. О. Микешину 20 или 21 октября 1871 года выразил протест (см. *ПСС, XIV, 216)*. В ответном письме 23 октября 1871 года Микешин оправдывался за постановку пьесы без авторского разрешения и просил извинения *(«Неизд. письма», стр. 229 — 230)*. Позднейшие воспоминания Левкеевой о том, что Островский присутствовал на спектакле в Клубе художников и преподнес ей «красивую шкатулку, наполненную конфетами», являются, по-видимому, ошибкой памяти актрисы (см. *ЕИТ*, *сезон 1896—1897*, *Спб.*, *1898*, *стр. 440)*.

На премьере Александринского театра роли исполняли: Круглова — В. В. Стрельская, Агния — Е. А. Яблочкина (Яблочкина 2-я), Ахов — В. И. Виноградов, Ипполит — И. Ф. Горбунов, Феона — П. Е. Громова, Маланья — А. П. Натарова (Натарова 1-я).

Судя по рецензиям и откликам, пьеса была поставлена чрезвычайно небрежно, актеры не знали ролей, импровизировали, теряли темп. Рецензент «Голоса» писал, что Виноградов «... пилил публику, читая по складам (или, лучше сказать, по суфлеру) свою длинную роль, и этим решительно испортил лучшие сцены комедии, затруднив и других актеров». Сцену Ахова и Ипполита Виноградов «растянул до невозможности, поставив в весьма неловкое положение г-на Горбунова (Ипполит), до четверти часа державшего нож у своего горла в ожидании, пока г-ну Виноградову удастся по складам дойти до реплики». Другие актеры играли из рук вон плохо или слабо. «Что же до согласия, до ансамбля, то его не было и признаков: валили, что называется, через пень колоду, и это в комедии г-на Островского!» *(1872, 15 января)*.

«Сын отечества» писал, что Виноградов «...играл Островского своими словами» *(1872, 15 января)*.

Тем не менее пьеса смотрелась с интересом, смех не умолкал в зале, автора вызывали по окончании спектакля. «Санктпетербургские ведомости» поздравляли драматурга с большим успехом, отмечая в этом заслугу Яблочкиной 2-й и Горбунова (см. «*Спб. вед.*», *1872*, *15 января*). Игру этих двух актеров восторженно оценивали все газеты. «Г. Горбунов прекрасно охарактеризовал личность Ипполита, прекрасно передав намерения автора, а г-жа Яблочкина 2-я явилась такою красою пьесы, что лучшего понимания и изображения личности Агнии едва ли можно желать 〈...〉ум актрисы этой сквозил чуть ли не в каждой фразе: до того вся роль была тонко и художественно обдумана и в то же время передана естественно, без малейшей натяжки» *(«Рус. мир», 1872, 15 января)*.

Об успехе пьесы, несмотря на некоторые слабости постановки, писал Островскому Бурдин 20 января 1872 года: «О «Коте» я тебе не писал, да и писать не хочется, Виноградов до того не знал роль, что, по словам Горбунова, они дошли до такого замешательства, что Горбунов не знал, как кончится пьэса, и, не смотря на все, пьэса имела некоторый успех благодаря блистательным ролям» *(Б у р д и н, стр. 152—153)*. Еще через десять дней, 30 января 1872 г., он сообщает: «Кот» дает полные сборы, в последний раз был Государь〈...〉 Он приехал к концу пьэсы и нашел, что личность Ахова утрирована,— но Гедеонов нашелся и сказал ему, что ты имел в виду показать разницу, какая была прежде и теперь вследствие дарованных Государем реформ, ответ этот ему, видимо, понравился» *(Б у р д и н, стр. 154)*.

Через месяц после премьеры в обзоре театральных новостей за январь «Биржевые ведомости» писали, что пьеса Островского «и в Петербурге пользуется не меньшим успехом, чем в Москве».

За это время Виноградов, видимо, усвоил свою роль,— об игре его в обзоре говорится значительно мягче, признается даже его даровитость (см. «*Бирж. вед.*», *1872*, *19 февраля)*.

Зрители так хорошо принимали пьесу, что к концу 1872 года актер П. И. Малышев не побоялся взять ее для своего бенефиса. Рецензия П. Д. Боборыкина на этот спектакль (с новыми исполнителями) не дает объективной оценки, так как автор ее чрезвычайно пристрастно относился к Островскому. По мнению Боборыкина, П. В. Васильев ничего не мог сделать из роли Ахова; напрасно он «так заботился о *серьезности* исполнения. Лучше бы он пустил полегче, не придавал бы старому скареду такого безвкусного реализма». С оговорками одобряет рецензент игру Н. Ф. Сазонова в роли Ипполита: «У этого актера было бы еще больше веселости, если бы он не так усердствовал и не насиловал своих комических средств». Удачнее всех Боборыкин находит Левкееву 2-ю — Агнию. «Она без всякого подчеркиванья, крупными штрихами, наметила роль купеческой дочери〈...〉Тон она взяла верный и ни разу с него не сбилась; оставаясь очень эффектной как женщина, она постоянно производила комическое впечатление» *(«Дело», 1872, № 11)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 26 раз, в Петербурге, в Александринском театре, 30 раз (последний спектакль в Москве состоялся 6 октября 1885 г., в Петербурге — 7 октября 1884 г.).

Стр. 342

...слугу Личарду...— персонаж русской сказки о Бове-королевиче. Личарда преданно и верно служил сначала Гвидону, потом его

жене Милитрисе Кирбитьевне. В применении к нерасторопной Маланье звучит иронически.

Стр. 348
...слуга-то у нас антик... — здесь: редкий, допотопный (от франц. antique — древний, старинный).

Стр. 354
...от обедни? ∽ В Хамовниках. — Островский имел в виду церковь Николы-чудотворца, находящуюся в Хамовниках. *Хамовники* — район старой Москвы. В XVII веке эту территорию занимала Константиновская Хамовная слобода, где жили дворцовые ткачи (Хамовники — от шведск. ham — белье, рубаха).

Стр. 358
«Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица». — Фольклорист В. И. Чернышев писал, что так начинается романс Варламова (*«Известия по русскому языку и словесности, 1929», т. II, кн. I, Л., 1929*). Возможно, что это романс на слова Н. Ф. Грамматина «Ты не плачь, не плачь, красна девица!» (1811). В песенниках этот текст варьировался: «Ты не плачь, не горюй, дева миленькая...» (*«Знаменитый русский и цыганский песенник», Спб., 1859*).

Стр. 365
К Пятнице Парасковее ходила? — церковь святой Параскевы Пятницы, покровительницы женщин. В 70-х годах прошлого века в Москве было две церкви Параскевы Пятницы — в Охотном ряду и на Пятницкой улице.

Стр. 366
...старики-прокураты... — здесь: в значении проказники, плуты.

Стр. 369
...в Московский забежал... — «Большой Московский трактир» Гурина находился на бывшей Воскресенской площади. Славился русскими блюдами и напитками, которые подавали в серебряных жбанах и чарах. Сам Гурин, степенный, благообразный старик, появлялся в зале в старинной русской одежде, раскланивался с гостями. «Большой Московский трактир» особо любили купцы и мелкие чиновники (*Н. В. Давыдов, Из прошлого, М., 1914, стр. 92—95*).

Стр. 372
Черный ворон, что ты вьешься над моею головой! — излюбленный романс в репертуаре трактирных гитаристов, которые исполняли его с особым чувством, иногда нелепо коверкая текст (см. *Собр. соч. Ап. Григорьева под ред. В. Ф. Саводника, М., 1915, вып. 14, стр. 53—54*). Текст романса, известный во многих вариантах, восходит к стихотворению Н. Веревкина «Под зеленою ракитой», опубликованному в газете «Русский инвалид», 1831.

Стр. 377
Лазарем ты мне не прикидывайся! — то есть не прикидывайся бедненьким, несчастным, немощным. Выражение идет от евангельской притчи, рассказывающей о беспомощном бедняке Лазаре, лежащем у ворот жестокосердного богача.

Стр. 389
И Фомина и всех цветами ограблю...—Фомин—известный в Москве владелец цветочного магазина и оранжерей.

Л. Смирнова

НЕ БЫЛО НИ ГРОША, ДА ВДРУГ АЛТЫН

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1872, №1, стр. 1—96.

Рукописные источники:
неполный черновой автограф (*ПД*);
черновой автограф (*ГБЛ*);
беловой наборный автограф (*ГПБ*);
театральная писарская копия (*ММТ*).

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по наборному автографу:

Стр. 400, строка 31
«Я не знаю. Уйдите!» *вместо* «Уйдите! Я не знаю».

Стр. 400, строки 36—37
«Ну, за что, за что?» *вместо* «Ну, за что?»

Стр. 402, строка 4
«войти в калитку» *вместо* «войти в комнату».

Стр. 406, строки 37—38
«Вот поди ж ты, Фетинья Мироновна, на грех мастера нет» *вместо* «Вот поди ж ты! На грех мастера нет, Фетинья Мироновна».

Стр. 410, строки 12—15
«Н а с т я. ∽ я и не знаю.
А н н а. Помилуй, до гостей ли нам.
Н а с т я. Дяденька идет» *вместо* «Н а с т я. ∽ я и не знаю. Дяденька идет».

Стр. 415, строки 11—12
«я на это женщина простая, только уж расскажите» *вместо* «только уж расскажите».

Стр. 417, строки 5—6
После: «Входит Елеся с платком» *добавлено*: «Да вон Елеся вам все приготовил, и платок принес».

Стр. 420, строка 16
«на дереве подле стола» *вместо* «на дереве».

Стр. 426, строки 24—26
После: «занесу, непременно» *добавлено*: «Ох, этот ростовщик проклятый, опутал он меня по рукам и по ногам».

Стр. 435, строка 42
«Ну, удавлю я тебя, ну, удавлю» *вместо* «Ну, удавлю».

Стр. 439, строка 18
«Да за что ж» *вместо* «За что ж».

Стр. 451, строки 12—13
«не так заплачешь» *вместо* «не так заплачешь, не так заплачешь»

Стр. 456
Восстановлено подстрочное примечание автора: «В продолженье ∽ друг от друга».

Стр. 457, строка 9
«по судам таскали» *вместо* «по судам таскался».

Сохранившийся черновой автограф пьесы (*ГБЛ*) содержит проставленные самим автором точные даты: начато 26 сентября, окончено 13 ноября 1871 года. Однако, как обычно у Островского, это не даты работы над пьесой вообще, а лишь даты записи данного конкретного текста. Работа же над пьесой началась задолго до 26 сентября: еще 3 сентября 1871 года Островский писал Ф. А. Бурдину, что приедет в Петербург, когда кончит новую комедию, над которой он теперь «страдает», «пригоняя свою мысль в рамки действий и явлений. Только б справиться с этой каторжной работой, а писать уж мне не долго» (*ПСС, XIV, 212*). Точно так же 13 ноября 1871 года была закончена работа лишь над данным черновиком. После этого текст был перебелен самим автором (дата в беловике *(ГПБ)* — 16 ноября 1871 года), но работа над пьесой и на этом не закончилась: 3 декабря Островский сообщал жене: «Я до вчерашнего дня сидел безвыходно дома[1] и занимался исправлением пьесы; вчера она была совсем кончена и переписана» (*ПСС, XIV, 220*).

В черновом автографе (*ГБЛ*) пьеса называлась первоначально «Утро вечера мудренее» и только позже, в скобках, был приписан нынешний заголовок ее. Этот *ЧА* — самый первый, очень грязный и запутанный черновик; текст его сильно отличается от первопечатного.

Беловой автограф в своем нижнем слое совпадал с черновиком, но, дорабатывая текст пьесы в Петербурге, Островский внес в него очень много поправок, иногда переделывал почти целые страницы. Эта новая правка была сделана в беловике достаточно аккуратно, и автор сдал его в набор для «Отечественных записок» (на страницах есть пометы для наборщиков и следы типографской краски). Возможно, что Островский вынужден был сдать в типографию этот правленный беловик и потому, что его торопил Н. А. Некрасов, писавший 8 декабря 1871 года: «Давайте же комедию. Типография ждет оригиналу» (*Некрасов, т. 1, стр. 281)*[2].

Островский, по-видимому, читал корректуры комедии; во всяком случае, 15 декабря 1871 года он писал жене, что должен их прочесть *(*см.*ПСС, XIV, 221)*; возможность авторской корректуры подкрепляется и некоторыми разночтениями между оригиналом набора и печатным текстом журнала. Так, только в печатном тексте появились некоторые слова: ремарка «Мигачевой» (см. наст. изд., стр, 417, строка 7), «Вот теперь вы очень мило» вместо «Вы очень мило» (стр. 422, строка 38), «что это такое» вместо «что такое» (стр. 451, строка 38); некоторые слова исчезли: «Жаль Аннушку» вместо «Да, да, жаль Аннушку» (стр. 444, строка 13); реплика

---

[1] Островский находился в это время в Петербурге.

[2] В автографе записки Некрасова год не указан, и в томе его писем ее относят или к 1871 или к 1873 году. Мы принимаем 1871 год.

Мигачевой «От слов моих ∽ ему сулила» в оригинале набора имела продолжение, исчезнувшее в печатном тексте: «А хоть и сын родной, я не подойду» (стр.454, строки 7—8); полностью была, видимо, снята реплика: «П е т р о в и ч. Собаке собачья смерть» (стр. 463, после строки 24).

И вместе с тем большое число вычерков, вставок на полях, над строкой и на отдельных листках привели к тому, что наборщики в ряде случаев не замечали и пропускали авторские вставки в текст, не реагировали на поправки и зачеркивания Островского. Особенно показательным в этом плане является то, что в печатном тексте не оказалось именно тех фраз, которые совсем незадолго до этого автор вписал в наборный экземпляр, причем вписал где-то на полях, сбоку, между строк и т. п., или исправил настолько аккуратно, что поправка осталась незаметной. В связи с этим ряд мест исправлен и восстановлен нами по наборному автографу.

По каким-то причинам представление комедии в цензуру задержалось, и пьеса, опубликованная в январском номере журнала, была одобрена Театрально-литературным комитетом только 24 июня, а 3 июля разрешена драматической цензурой (дата цензурного разрешения —на вырезке из «Отеч. зап.», *ЛГТБ*). В цензурном экземпляре фамилия купца «Епишкин» во всех случаях рукой автора заменена на «Кубышкин». Мы это исправление не принимаем во внимание, поскольку при всех последующих переизданиях комедии в текстах сохранялась первоначальная фамилия, а «Кубышкин», вероятно, лишь театральный вариант. На переименование персонажа для сцены обратил внимание и рецензент «Голоса» *(1872, 22 сентября)*.

Закончив 13 ноября 1871 года первую редакцию комедии, Островский организовал чтение ее у себя дома 21 ноября *(ПСС, XIV, 219)*. На этом чтении присутствовал литератор С. А. Юрьев, которому комедия «сильно понравилась» *(«Неизд. письма», стр. 642)*. Возможно, что замечания слушателей и были толчком к последующей доработке пьесы. По приезде в Петербург Островский несколько раз читал вторую редакцию: «Вечером (2 декабря 1871 г.— *Е. П.*) я читал ее у Феоктистовых, где было очень много народа. Пьеса всем понравилась чрезвычайно. Сегодня я обедаю и читаю у Некрасова» *(ПСС, XIV, 220)*; после этого чтения Островский вновь сообщал жене: «Пьеса производит впечатление необыкновенное, меня чуть не носят на руках» *(там же)*.

Но критика не была столь единодушна в оценке пьесы. Так, рецензент журнала «Сияние» *(1872, № 7)* возмущался: «Неужели наш лучший драматический писатель, бытописатель темного царства, не находит лучших задач для своего угасающего, но все еще сильного таланта?〈...〉Вообще же о новой комедии А. Островского нужно сказать, что она крайне слаба, эпизодична, не выдержана в целом, а главное — не осмыслена никакой идеей». Рецензент «Нового времени» *(1872, 8 февраля)* также считал, что «пьеса эта не составляет украшения в многочисленном репертуаре г. Островского и〈...〉значительно уступает по достоинству его предыдущему произведению «Не все коту масленица». Рецензент «Сына отечества» *(1872, 1 февраля)* решительно утверждал: «Комедия г. Островского до того плоха и бессодержательна, что не стоит даже и рассказывать ее содержание, да это, пожалуй, и трудно сделать. Вся она сшита из разных сцен, кое-как соединяемых одна с другой 〈...〉 Трудно

сказать, думал ли автор о типичности выведенных им лиц, но, во всяком случае, ни типичности, ни рельефности в комедии нет и следа».

Даже те рецензенты, которые в целом положительно отнеслись к новой комедии, все же отмечали и недостатки ее: «В цельности она как будто недоделана; места есть смешные, места потрясающие драматизмом, язык чист и музыкален, типы живые, но есть что-то необработанное, особенно в Насте и в Анне Тихоновне» *(«Гражданин», 1872, № 4)*.

Но почти единодушно рецензенты отметили как удачу образ Крутицкого: «... между 〈...〉 бледными и торопливо набросанными эскизами характеров отчетливее других выдвигается фигура Крутицкого» *(«Нов. время», 1872, 8 февраля)*; «с минуты, когда потерял деньги, до минуты, когда идет казнить себя за то, что не сумел быть скрягой до конца, 〈Крутицкий〉 проходит через нравственную агонию, которую автор комедии сумел осветить и очертить поистине мастерски» *(«Гражданин», 1872, № 4)*; «Крутицкий не поставлен на ходули, не задрапирован в тогу классического скупца,— писал В. Авсеенко,— в широком и разностороннем освещении его превосходно задуманного характера чувствуются традиции русской литературной школы〈...〉по силе художественного изображения и глубине психологического анализа тип этот превосходит все прежние создания г. Островского и поднимается на ту высоту, на которой стоят герои Шекспира и «Скупой 〈рыцарь»〉 Пушкина *(«Рус. мир», 1872, № 27)*.

Однако, когда пьеса «Не было ни гроша...» вместе с пьесой «Не все коту масленица» была выдвинута на Уваровскую премию, рецензент этих комедий А. В. Никитенко забраковал их. «Обе слабы,— писал он в своем дневнике,— и я не мог дать о них одобрительного отзыва〈...〉Комиссия согласилась со мною» *(А. В. Никитенко, Дневники, М., Гослитиздат, 1956, т. 3, стр. 251)*.

Впервые пьеса была поставлена в Александринском театре в Петербурге 20 сентября 1872 года в бенефис П. И. Малышева. Роли исполняли: Крутицкий — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Анна Тихоновна — А. М. Читау, Настя — Н. Е. Хлебникова, Мигачева — В. В. Стрельская, Елеся — Н. Ф. Сазонов, Епишкин — В. И. Виноградов, Фетинья Мироновна — П. К. Громова, Ларисa — Е.И.Левкеева (Левкеева 2-я), Баклушин — П. И. Малышев,Разновесов — Н. Н. Зубов, Петрович — Ф. А. Бурдин, Лютов — В. Г. Васильев (Васильев 1-й).

После премьеры, 25 сентября, Бурдин писал Островскому: «Пьеса твоя «Не было гроша...» прошла чрезвычайно согласно, в особенности выдвинулись Сазонов и Левкеева — она слышала твое чтение в Клубе, усвоила твой тон и была хороша до совершенства. Мих. Ник. (брат Островского.— *Е. П.*) был на последней репетиции и остался очень доволен. Сегодня она идет в третий раз»*(Бурдин, стр. 163)*.

Но, по всей вероятности, это было несколько завышенное мнение, так как многие рецензенты расценили спектакль как «посредственный», имевший у зрителей лишь «полууспех». А. Суворин *(Спб. вед.», 1872, 22 сентября)*, выделяя тоже игру Сазонова и Левкеевой 2-й, упрекал Читау в мелодраматизме, Хлебникову — в бледном исполнении роли Насти, а Васильева 2-го в том, что в

«наиболее драматических〈местах〉, например, в сцене пропажи денег и отчаяния, он не достиг того мастерства в изобразительности, на которое давала материал пьеса». По поводу этого отзыва Островский писал Бурдину: «От Суворина, судя по его прежним статьям, я ждал отзыва гораздо худшего» *(ПСС, XIV. 239)*.

Премьера в Малом театре в Москве состоялась 10 декабря 1872 года в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Крутицкий—С. В. Шумский, Анна Тихоновна — Е. Н. Васильева, Настя —Н. А. Никулина, Мигачева — Х. И. Таланова, Елеся — Н. И. Музиль, Епишкин — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Фетинья Мироновна — С. П. Акимова, Лариса — Е. П. Нелюбова, Баклушин — Н. Е. Вильде, Разновесов — И. В. Самарин, Петрович — Е. О. Петров, Лютов — К. П. Колосов.

При постановке в Москве комедия была значительно сокращена и настолько выиграла в сценичности, что рецензент «Русских ведомостей» *(1872, 14 декабря)* писал: «Новая пьеса г. Островского 〈...〉составляет, бесспорно, самое крупное явление текущего драматического сезона〈...〉Г-н Островский, как опытный драматург, знает, что такие артисты, как г. Шумский, лучшие судьи относительно драматического эффекта и потому согласился на сокращения, понимая, что в них лежит залог успеха»; что же касается исполнения, то «ничего выше игры наших даровитых артистов в этой пьесе невозможно было ни требовать, ни ожидать».

Особенно выделяли все рецензенты игру Шумского: «Невозможно вообразить себе ничего совершеннее г. Шумского в роли Крутицкого. От мастерской гримировки и старческой походки до «мочаловского» шепота в драматические моменты пьесы; от малейшего жеста до самых эффектных сцен — все было безукоризненно 〈...〉 Вызвать такое полное сочувствие в зрителях было тем большей заслугой со стороны г. Шумского, что личность Крутицкого — личность, в сущности, антипатичная» *(«Голос», 1872, 21 декабря)*. Особенно выразительно провел артист сцену пропажи денег: «Так и чувствовалось в его лице, в его порывистых движениях, в том страшном шепоте, который заменил его потерянный в порыве отчаяния голос, что старику не пережить своей потери, что не для чего ему жить после потери денег, составлявших для него цель и отраду жизни. Страшно делалось зрителю» *(«Рус. вед.», 1872, 14 декабря)*.

Высоко оценил рецензент «Голоса» игру Васильевой, создавшей в роли жены Крутицкого «поразительно верный тип загнанной и забитой женщины, которую бедность довела до нравственной смерти. Жена Крутицкого является в г-же Васильевой каким-то живым мертвецом, в котором осталась только внутренняя способность страдать да внешнее ощущение холода и голода при невыносимом страхе этих зол, забивших все ее существование. Это поразительно верно, и так именно создал эту личность г.Островский» *(1872, 21 декабря)*.

Через несколько дней после московской премьеры Островский писал Некрасову: «Я помню, какое впечатление я произвел на Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич, пьесой «Не было ни гроша»; но после представления ее в Петербурге я стал сумлеваться, и мне сделалось как будто совестно: уж не обманул ли я Вас своим чтением? Но вот, та же комедия шла на днях в Москве; как я ни избалован успехами, а такого еще не видал: это был успех сумасшедший, бешеный; а еще и исполнение-то было не совсем безукоризненное

Что же со мной делает петербургский театр? Какую пьесу ни поставь — все как псу под хвост» *(ПСС, XIV, 242)*.

Интересно, что, играя Крутицкого в течение нескольких лет, Шумский в дальнейшем несколько изменил свою трактовку образа. Так, если в 1872 году его Крутицкий выглядел несчастным стариком, способным даже вызвать некоторое сочувствие у зрителей, то в спектаклях 1874 года, как писал рецензент «Голоса» *(1874, 5 мая)*, Шумский играл так, что «страданиям Крутицкого невозможно было сочувствовать, и из груди актера ни разу не вырвалось болезненного стона, который мог бы найти себе отклик в сердце зрителя».

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 28 раз, в Петербурге, в Александринском театре, 12 раз (последний спектакль в Москве состоялся 9 мая 1884 г., в Петербурге — 25 августа 1874 г.).

В постановках комедии участвовали также: В. Н. Давыдов, О. А. Правдин, Н. К. Яковлев, Б. А. Горин-Горяинов, И. Н. Певцов (Крутицкий); Г. Н. Федотова, Е. П. Корчагина-Александровская, Е. М. Садовская (Анна Тихоновна); О. О. Садовская, В. Н. Рыжова, М. М. Блюменталь-Тамарина (Мигачева); Е. М. Садовская, Н. С. Карпович (Настя); М. П. Садовский (Петрович) и другие.

Стр. 391

Фук, дамка — термины игры в шашки.

Стр. 392

Вот тебе карантин — здесь: запертая шашка.

Стр, 395

С кавалерией — от слова «кавалер», то есть награжденный орденом, отсюда «с кавалерией» — с орденами.

Стр. 396

Казанский собор — церковь Казанской богородицы, построенная в 1626—1630 гг. на углу б. Никольской ул. в Москве (ныне ул. 25-го Октября). Снесена в 1928 г.

Стр. 400

ажитироваться — волноваться, возбуждаться (от франц. agitation — волнение).

Стр. 403

«Полицейские ведомости» — «Московские полицейские ведомости» — газета, где печатались казенные объявления и сообщения о разных происшествиях.

Стр. 405

...строкулисты... — пренебрежительное название мелких чиновников .

Стр. 406

харуим — испорченное от «херувим».

Стр. 410

Аред — дряхлый старик, кащей, скряга.

Стр. 430

Опекунский совет — учреждение, занимавшееся управлением воспитательными домами, а также наблюдением за правильностью ведения финансовых дел лиц, взятых под опеку (сирот, вдов и др.).

Стр. 431
...конкурсами занимался... — Конкурс — собрание заимодавцев для рассмотрения дел несостоятельных купцов; заниматься конкурсами — вести дела банкротов за определенную мзду.

Стр. 433
Авантажный — здесь: видный, красивый (от франц. avantage — превосходство, выгода).

Стр. 434
«*Танцуй, Матвей...*» — русская частушка (см.: *Е. Н. Елеонская, Сборник великорусских частушек, М., 1914, № 3638).*

Стр. 448
«*Хороша наша деревня...*» — русская народная песня (варианты ее см.: *А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. VI, Спб., 1902, № 449, 450, 453).*

Стр. 450
Частный дом — место заключения при городской полиции.

Стр. 454
...по Владимирской — см. прим. к стр. 45.

Стр. 455
Тюфелева роща — район старой Москвы, ныне на этом месте автозавод им. И. А. Лихачева и Автозаводская улица.

Стр. 457
Шемякин суд — нарицательное обозначение неправого суда, идущее от «Повести о Шемякином суде», —популярного лубочного произведения.

Яма — см. прим. к стр. 243-

Стр. 458
Еще крепости у тебя на нее нет — здесь: нет законного права на владение.

Е. Прохоров

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

0-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. Т. 3. Пьесы (1868—1871). М., «Искусство», 1974.

560 с.; 1л. с портр.

Третий том включает пьесы, написанные с 1868 по 1871 год: «На всякого мудреца довольно простоты», «Горячее сердце», «Бешеные деньги», «Лес», «Не все коту масленица», «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

0 $\frac{706000\text{-}152}{025(01)\text{-}74}$ подписное **Р1**

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 3

Редактор З. М. Пекарская

Художественный редактор Л. И. Орлова

Технические редакторы В. Ф. Богданова и Н. С. Еремина

Корректор З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 7/X 1973 г. Подписано в печать 5/VI 1974 г. Формат издания 84×108/32. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 29,506. Уч.-изд. л. 30,548. Изд. № 12971. Тираж 80000 экз. Заказ № 920. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051, Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

1 р. 60 к.

